ПРИ ДВОРЕ ВЕЧНОГО ИМПЕРАТОРА

ФЛОТ ОБРЕЧЕННЫХ

АЛАН КОЛЛ

КРИС

ПРИ ДВОРЕ ВЕЧНОГО ИМПЕРАТОРА

ФЛОТ ОБРЕЧЕННЫХ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

АЛАН КОЛЛ

КРИС

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

ALLAN
COLE

CHRIS
BUNCH

THE COURT OF A THOUSAND SUNS

FLEET OF THE DAMNED

АЛАН КОУЛ
КРИС БАНЧ

ПРИ ДВОРЕ ВЕЧНОГО ИМПЕРАТОРА

ФЛОТ ОБРЕЧЕННЫХ

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

ББК 84 (7США)
К73

Серия основана в 1999 году

Allan Cole
Chris Bunch

THE COURT OF A THOUSAND SUNS
1982

FLEET OF THE DAMNED
1984

Перевод с английского В. Задорожного, М. Тарасьева
Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Художник А.Е. Дубовик

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств
Baror International, Inc. и «Права и переводы» .

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Коул А., Банч К.

К73 При дворе Вечного императора. Флот обреченных: Фантаст. романы / Пер. с англ. В. Задорожного, М. Тарасьева. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 608 с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-004955-2

Это — один из самых знаменитых сериалов за всю историю «боевой фантастики». Это — сага о войнах и воинах. Точнее — о войне одной, разбившейся на войны многие, выхлестнувшейся на десятки разных планет. Точнее — о воине одном. О Стэне. О смелом парне, чья профессия — сражаться. Сражаться снова и снова. И каждый новый бой будет чуть более жестоким, более безнадежным, более ненужным, чем предыдущий!

Это — ОЧЕНЬ ЖЕСТКАЯ ФАНТАСТИКА. Фантастика резкая, «мужская», лишенная сантиментов. Фантастика — по-хорошему резкая и масштабная.

© Allan Cole and Christopher Bunch, 1982, 1984
© Перевод. В. Задорожный, 1995
© Перевод. М. Тарасьев, 1995
© ООО «Издательство АСТ», 2001

ПРИ ДВОРЕ ВЕЧНОГО ИМПЕРАТОРА

Для названия книг первой, второй, третьей и четвертой использованы парижские жаргонные обозначения различных частей гильотины. «Качели» — это доска, на которую кладут осужденного на смерть; «очко» — круглый зажим, охватывающий его шею; «барашек» — смертоносное лезвие с сорокакилограммовым противовесом; и, наконец, «щелкунчик» — рычаг, с помощью которого палач высвобождает лезвие, падающее отвесно вниз.

Название книги пятой восходит к временам якобинского террора в начале 90-х годов XVIII века, когда один французский депутат, некий месье Амар, в своем письме коллегам-депутатам пригласил их поприсутствовать на смертной казни, дабы «воочию увидеть, как отправляют Красную Мессу».

ЭЛИЗАБЕТ Р. и ЛЕО Л. БАНЧАМ,
а также четырем братьям:
ЧАРЛЬЗУ, ФИЛИППУ, ДРЮ И ДЭВИДУ

КНИГА ПЕРВАЯ

«КАЧЕЛИ»

ГЛАВА 1

Грозное рычание бента не произвело никакого впечатления на дикобраза, который забился в дальний конец полого пня и больше не шевелился.

Инстинкт подсказывал бенту: колючее существо съедобно. Однако условные рефлексы шестилапого кота говорили другое: пища — это лишь то, что он дважды в день, на рассвете и на закате, получает от двуногих в сопровождении ласковых слов. Хоть дикобраз и пахнет подобающим образом, но ведет себя совершенно не так, как привычная еда. Потому что привычная еда не тычет иглами в нос и не убегает.

Бент присел на задние лапы, чтобы передними вырвать две иглы, засевшие у него между щитками на носу. Но тут ему пришлось бросить свое занятие и припасть к земле. Из леса вновь донесся пугающе-громкий звук — что-то вроде жалобного воя. Прежде чем принять окончательное решение, бент метнул встревоженный взгляд вверх по крутому склону горы, потом еще раз зыркнул в глубины леса.

Вопреки голосу инстинкта, он кинулся мимо последних деревьев леса к почти вертикальному голому склону, быстрыми ловкими прыжками поднялся вверх метров на двести и затаился за большими валунами.

Воющий звук нарастал. Вскоре над вершинами низкорослых деревьев показался гравитолет, который проделал несколько пируэтов в воздухе в поисках удобной посадочной площадки и опустился неподалеку от полого пня.

Командир прайм-уорлдского полицейского спецназа Теренс Крегер взглянул на прибор автоматической наводки, укрепленный над панелью управления гравитолета. Стрелка указывала прямо вверх по склону горы, а индикатор расстояния сообщал, что до бента менее полукилометра.

Крегер вынул из креплений за сиденьем ружье, еще раз проверил, заряжено ли оно, снял с предохранителя и убедился, что точность прицела установлена на отметке один метр — примерная ширина грудной клетки бента.

После этого он взял бинокль и несколько секунд вглядывался в горный склон, пока не заметил какое-то движение за валунами. Крегер удовлетворенно хмыкнул и поднял гравитолет в воздух. Сегодня он уже один раз осрамился — упустил бента. Это не должно повториться.

Крегер воображал себя великим охотником, продолжателем славных охотничьих традиций. Все свободное от служебных обязанностей время он тратил на охоту или на подготовку к ней. Это было разорительным хобби — особенно в Прайм-Уорлде, планете-столице Империи. В окрестностях императорского дворца дичи не водилось, а за лицензию на охоту в двух заповедниках планеты драли столько, что это было — до самого последнего времени — не по карману даже командиру спецназа.

Прежде Крегер был вынужден охотиться исключительно вне Прайм-Уорлда, притом на дичь или малоаппетитную, или непрестижную. Не то чтобы он очень переживал по этому поводу, но в отношении трофеев такая охота давала мало — тем более в отношении таких трофеев, которые могли бы вписать его в охотничьи анналы. Однако теперь все внезапно переменилось. Об этом позаботились его друзья.

Прослужив в полиции три десятка лет, Крегер по-прежнему превыше всего ставил честность. Он хорошенько подумал и пришел к выводу, что может удовлетворить желания своих новых друзей, не поступаясь совестью. Зато как по-царски они его вознаградили! Он на целых три недели оказался вдали от сумасшедшей суматохи, которая всякий раз сопровождает подготовку ко Дню Империи и его празднование. Целых три недели упоительной охоты в обоих заповедниках — притом за чужой счет! Плюс лицензии на отстрел четырех по-настоящему опасных видов животных — носорога с Земли, бента, самца серви и гигантского ота.

Крегер уже успел прикинуть в уме, на какую стену чью голову повесит. Разумеется, у него и в мыслях не было сообщать своим новоиспеченным приятелям, *где* именно он раздобыл эти трофеи.

Гравитолет ткнулся бампером в валун и дернулся в сторону. Это вернуло Крегера к действительности. Сосредоточься, приятель, сосредоточься! Надо запомнить все мельчайшие подробности этого дня. Запомнить изумительную ясность воздуха. И аромат деревьев под днищем аппарата. И вихри пыли вокруг гравитолета.

Крегер уверенно вел машину над склоном — точно в том направлении, которое указывал прибор, реагировавший на сигналы передатчика, вживленного под кожу бента.

Внизу, среди редких деревьев, лавировал второй одноместный гравитолет. Им управлял Клифф Тарпи. Не прибегая к помощи бинокля, он просто следовал за Крегером на приличном расстоянии и теперь, все еще не замеченный, взмыл за ним вверх по склону.

А между тем бент был загнан в ловушку.

Слева обратный путь преграждал обрыв, а справа — та самая круча, по которой зверь ухитрился сгоряча подняться, но был не в силах спуститься, несмотря на фантастическую цепкость своих когтистых лап. Теперь бент в явной растерянности стоял за громадным валуном.

Аппарат Крегера опустился перед валуном, за которым пряталась его жертва. С оружием на изготовку Крегер ступил на землю.

Бент окончательно растерялся. Не так давно именно эта злобно воющая штуковина стала причиной оглушительного взрыва и острой режущей боли — именно эта боль погнала бента через лес к подошве горы. Но пахло-то двуногим! Хоть и незнакомым, но двуногим. Неужели бент чем-то провинился? Без сомнения, этот двуногий сейчас попеняет ему, потом милостиво покормит и вернет в уютное тепло берлоги.

Бент поднялся с земли и пошел навстречу человеку.

Как только зверь вышел из укрытия, Крегер вскинул ружье. Ну, теперь уж он не ошибется. Предохранитель снят, остается только хорошенько прицелиться.

Бент встревоженно мяукнул. Этого двуногого он видел впервые.

— Подонок!

Крегер стремительно обернулся, начисто позабыв о наступающем на него звере. Он настолько увлекся, что не слышал, как за его спиной приземлился другой гравитолет.

С расстояния пяти метров дуло ружья казалось зияющим колодцем. Тарпи помедлил, пока изумленное выражение на лице Крегера не сменилось гримасой животного ужаса. И только тогда нажал на спусковой крючок.

Пулька из мягкого металла расплющилась при ударе о грудину Крегера, ввинтилась между ребрами и поразила его в сердце. Тело Крегера, убитого наповал, сперва осело на небольшой валун, потом медленно рухнуло на землю, лицом вниз.

Тарпи вынул из поясного мешка тонкий кусок жареного мяса, швырнул его бенту и с усмешкой произнес:

— Ну, котище, а у тебя еще восемь жизненок осталось!

После этого вынул из рюкзачка баллончик аэрозоли и, пятясь, уничтожил свои следы на пыли. Возле крегеровского гравитолета он остановился: вырубил двигатель и отключил радиомаяк. Чем позже найдут тело, тем лучше.

Наконец Тарпи сел в свой аппарат и направил его вниз по склону.

Бент взмахнул хвостом — вверх-вниз. Только один раз. Ему совершенно не нравился запах незнакомого двуногого существа. Бент подхватил зубами кусок мяса и полез через валуны в поисках прохода вниз. Поест он только после того, как очутится в знакомых, привычных местах. А когда насытится, возможно, у него будет досуг подумать о другом куске мяса — о том странном куске мяса, что весь утыкан иголками и к тому же бегает.

ГЛАВА 2

Мужчина в голубом рабочем комбинезоне держал длинный нож у горла адмирала Мика Лидо. Другой рукой он подталкивал обер-гофмейстера двора Его Величества Вечного Императора к самому краю зубчатой крепостной стены.

— Или вы примете наши требования — все без исключения, или этот человек умрет! — проорал детина с ножом, и его крик мощно разнесся над крепостным валом и, скатившись вниз с семисотметровой кручи, эхом прогремел над парадным плацем.

Ста метрами ниже и немного правее Стэн мучительно искал опору для своих рук и ног. Его скрюченные пальцы судорожно цеплялись за небольшие выступы известняка. Одна нога болталась без опоры над пропастью, другая прочно покоилась на лбу старшины-хавилдара Лалбахадура Тхапы. Плечо стэновского темно-коричневого боевого комбинезона было перехвачено ремнем портупеи, из которой торчал его верный виллиган. На локте покачивался моток бечевы с кошкой на конце — таким обычно пользуются альпинисты.

Сверху опять громыхнул голос террориста:

— У вас только несколько секунд на то, чтобы принять решение и спасти этого человека!

Левая рука Стэна поползла вверх в поисках новой опоры. Нашла. Но известняковый выступ стал крошиться, и Стэн едва не рухнул в пропасть. Инстинктивно он прижался к скале всем телом — пришлось силой заставить себя немного отпрянуть. После этого он на мгновение расслабился и облегченно вздохнул.

— Кафар хунну бханда марну рамро! — сдавленным голосом бормотал под ним Лалбахадур, на голове которого Стэн балансировал.

— Не скули — трусы, черт побери, живут дольше!

Стэн наконец прочно повис на руках и получил возможность двигать ногами. Когда его альпинистские башмаки нашли опору, он ощутил себя на какое-то время вне опасности и, переведя дыхание, опять превратился в машину, преодолевающую вертикальное препятствие. Ниже его Лалбахадур и подчиненный ему отряд гурков медленно поднимались по вертикальному гранитному обрыву к двум человеческим фигурам наверху.

За пять метров до края крепостной стены оказалась удобная площадка — широкий каменный выступ. Стэн взял второй моток бечевы, притороченный у его талии на альпинистском сиденье, и тщательно закрепил себя. Затем повел рукой от пояса и обратно, давая понять, что он сидит прочно и способен

помочь остальным членам отряда, которые оставались внизу. Третий моток бечевы полетел к ним.

Тем временем Лалбахадур поднялся так же высоко и оказался на одной линии со Стэном, справа от него.

Стэн нажал кнопку на цилиндре с еще одним мотком бечевы, на конце которой была кошка, и автомат выплюнул метров пятнадцать тонкого каната. Как следует раскачав рукой кошку, он резко швырнул ее вверх. Крохотная кошка высоко взлетела, бечева коснулась дула старинной пушки, торчавшего из амбразуры, и дважды его захлестнула.

Стэн защемил бечеву специальными зажимами и стал быстро подтягиваться вверх по тонкой, но сверхпрочной бечеве. А террорист — прямо над ним — настороженно поводил головой на самом верху крепостной стены, грубо прижимая к себе обер-гофмейстера, и щурился от слепящего света прожекторов, направленных на него. Он не заметил, как Стэн ящерицей проскользнул в амбразуру и оказался на крепостной стене.

— Мы ждали достаточно! Баста! — прокричал террорист то, что ему подсказали невидимые снизу товарищи.

Его нож поднялся для смертельного удара, но в этот миг из тени выскользнула сложенная пополам фигурка Стэна. Он выпрямился — словно мощная пружина разжалась. Одной рукой в когтистой перчатке он что было мочи ударил террориста в лицо, а второй рукой блокировал нож.

Детина в голубом рабочем комбинезоне зашатался и попятился, а внезапно освобожденный обер-гофмейстер мгновение-другое покачивался над самой пропастью, прежде чем восстановил равновесие. Тем временем террорист пришел в себя и двинулся на Стэна, нацелив на него лезвие ножа.

Но Стэн уже принял пружинистую атакующую стойку, выставив свои кулаки-кувалды. Молниеносный удар утодил мужчине с ножом в висок, и тот рухнул как подкошенный.

Из-за парапетной стенки с бойницами выскочили остальные террористы — поддержать товарища. Но момент был безвозвратно упущен. Из темноты высыпали уже поднявшиеся на стену гурки, блестя своими смертоносными кукри — тридцатисантиметровыми кинжалами.

— Эйо Гуркали! — прогремел над замком боевой клич гурков. — Эйо Гуркали!

Этот боевой клич на протяжении жизни тысяч поколений вселял робость в сердца любых врагов — с тех давних-

предавних времен, когда англичане в XIX веке впервые сформировали полк гуркских стрелков из непальцев.

Все террористы были перебиты в мгновение ока.

Лалбахадур наклонился над каждым из убитых — проверить, не жив ли кто. Наик Тхаман Гурунг снял со своей спины ракетницу-мортиру и установил на крепостной стене. Мортира плюнула огнем, металлический грузик с прикрепленной к нему бечевой унесся в темное небо, потом рухнул вниз и шлепнулся далеко внизу — на парадном плацу.

Гурунг закрепил на зубце стены тот конец бечевы, что остался в мортире, потом повернулся к Стэну и осклабился:

— Готовы, капитан, идем вниз!

— Подразделение, стройсь! — выкрикнул Стэн. — По номерам... марш!

Первым был сам Тхаман. Он прикрепил скользящие зажимы на тончайшую, почти невидимую бечеву, которая тянулась вниз на семьсот метров, до самого парадного плаца. Потом перевалил через стену и быстро заскользил к земле — только воздух засвистел.

Стэн отдал честь обер-гофмейстеру.

— Пожалуйста, сэр.

Адмирал Лидо опасливо поморщился, поглубже натянул свою огромную церемониальную шляпу с гребнем, взял пару скользящих зажимов, протянутых Стэном, и в свою очередь исчез за крепостной стеной.

Стэн последовал за ним, прокатившись на колесиках зажимов до самой твердой почвы плаца. В последние секунды перед приземлением он притормозил, отбросил ручки скользящих зажимов, коснулся земли, дважды перекувырнулся и, невредимый, вскочил на ноги.

За его спиной шли Лалбахадур и остальные гурки — со стуком касались земли, ловко вскакивали на ноги и строились в две шеренги. Адмирал Лидо, слегка запыхавшийся после головокружительного полета, выступил на два шага вперед и отсалютовал. Глядя сверху, со своей трибуны, Вечный Император зааплодировал. Вслед за ним восторженно захлопали и взорвались криками одобрения пятьсот тысяч зрителей на стойках амфитеатра, который пятикилометровой дугой охватывал парадный плац. Аплодировали не только гуркам, Лидо и Стэну, но и «террористам», которые стояли высоко-высо-

ко на крепостной стене и раскланивались в свете прожекторов перед публикой.

Лидо опустил руку, поднятую, чтобы приветствовать Императора, и запыхтел вверх по лесенке на императорскую трибуну. Там его ждал стакан, который Император наполнил до краев. После того, как Лидо, закрыв глаза, осушил стакан, Император спросил его с лукавой улыбкой:

— Кто придумал надеть на вас эту дурацкую шляпу?

— Я, Ваше Величество.

— Уф-ф! — насмешливо фыркнул Вечный Император. — И как только вы умудрились не потерять ее во время своего полета вниз — к Спасению.

— Просто я использовал хороший клей. К счастью, при мытье он легко смывается.

— Ну и слава Богу. А то я боялся, что вы приклеили ее навечно. Я бы не вынес, если бы человек, с которым я общаюсь ежедневно, носил на голове этакую... этакий ночной горшок для слонов. — Не дожидаясь ответа, он добавил: — Да вы не стесняйтесь, Мик, выпейте еще! Ведь не каждый же день вам доводится разыгрывать из себя Тарзана!

Этот второй приказ был выполнен без промедления и с благодарностью.

Вечный Император справлял праздник собственного изобретения — День Империи. Вот уже пятьсот лет, как повторялось это торжество, учрежденное им в честь победы в какой-то из войн — он успел позабыть, какой именно.

Центральное событие праздника было несложным: ежегодно один раз все имперские военные подразделения устраивали торжественный парад — в том конце Вселенной, где их застал День Империи, и приглашали всех желающих из местных жителей. Разумеется, одним парадом цель праздника не исчерпывалась. У всего, что ни делал Вечный Император, имелась вторая, а порой и третья скрытая причина. Торжественный показ военной мощи был призван убедить жителей империи, что их безопасность надежно защищена. И одновременно демонстрация военной силы должна была устрашать любых Плохих Парней, которые замышляли всяческие козни. Плохие Парни обязаны были понять, что если уж им охота замышлять козни, то лучше замышлять их не против Империи, а в ее интересах.

Естественно, самые масштабные празднества происходили на планете-столице — в Прайм-Уорлде. На протяжении многих-многих лет День Империи был кульминацией двухнедельного праздничного марафона, в который входили состязания атлетов, череда выставок и громких событий в культурной жизни, а также нескончаемые военные парады. Словом, две недели перед Днем Империи были чем-то вроде совмещенных в одно старинных праздников — тут как бы смешались сатурналии, октоберфест, олимпийские игры и древние торжества в честь прихода весны. А под вечер Дня Империи в императорский дворец пускали всех желающих праймуорлдцев — что было само по себе великим событием, которое никто не хотел пропустить.

Дворец — главная резиденция Императора и правительства Прайм-Уорлда — стоял посреди кольца парков и садов. Радиус этого зеленого кольца равнялся пятидесяти пяти километрам. Цифра пятьдесят пять километров важна, потому что именно такова была граница видимости с высшей точки дворца. Император не любил, чтобы ему мозолили глаза те, кого он не желал видеть в данный момент.

В центре круга этих неисчислимых разнообразнейших парков с фигурно подрезанными деревьями и кустами располагался сам дворец. Впрочем, резиденцию Императора было бы точнее назвать крепостью — что-то вроде средневекового замка, только на уровне требований новейшего времени. Пожалуй, нигде в обитаемом космосе не нашлось бы крепости, равной этой по неприступности — и изяществу.

Императорская резиденция была построена по принципу средневекового замка — наружный двор, обведенный внешними стенами, и высоко поднятый над этим наружным двором собственно замок — с дворцом и внутренним двором.

Внешние стены образовывали многоугольник в двести метров высотой, с выступающими клиньями. Будучи в разрезе пирамидой, они имели пятидесятиградусный наклон. Собственно говоря, это был глухой бетонный небоскреб — и одновременно бункер, который обнимал площадь длиной в шесть километров и шириной в два километра. Внутри этой замкнутой стены с единственными воротами располагались рабочие помещения правительства и большая часть праймуорлдского аппарата управления. Нельзя сказать, что правительство и высшие чиновники были совершенно защищены

от гибели при массированном ядерном ударе, но для разрушения этого чудовищной прочности сооружения потребовалось бы несколько прямых попаданий. Императорское правительство не прекратило бы функционировать даже в том случае, если бы все входы-выходы во дворец были завалены или блокированы. Запасов воздуха, воды и пищи хватало на десятилетия безбедной жизни.

Наружный двор крепости почти полностью занимал парадный плац, который тянулся на пять километров и упирался в семисотметровую скалу, на вершине которой располагался замок с дворцом — увеличенная копия дворца в замке Арундель на Земле.

В еще большей степени, чем при строительстве внешних двухсотметровых стен, при возведении замка был использован принцип айсберга. Жилые покои Императора и его военный штаб находились в бункере под замком на глубине в две тысячи метров.

Сама скала под замком — и соответственно над командным бункером — была сложена из каменных глыб и многометровых изолирующих слоев, поглощающих любую радиацию. Император желал, чтобы его резиденция внешне копировала средневековый замок, однако по надежности и комфорту была на самом передовом уровне.

В День Империи посетить дворец мог любой желающий — посетителей доставляли здоровенные гравиавтобусы имперской гвардии. В остальные дни внутрь попадали лишь дворцовые служащие и чиновники. В тридцати четырех километрах от дворца — в Фаулере — они садились в поезда пневмоподземки, которая доставляла их к месту работы.

Поскольку возможность оказаться в прайм-уорлдском императорском дворце в День Империи была в чем-то сродни случаю быть представленным при дворе Его Величества, Император еще в самом начале, давным-давно, сообразил, что места миллионам желающим не хватит и следует как-то ограничить число посетителей и разумно распределить их. Поэтому он установил систему допуска, которую сам же описал одному непонятливому сановнику как «трехъярусный цирк». Самые вожделенные зрительские места располагались почти у подножья замковой горы — рядом с трибуной Императора. Туда Император приглашал дворцовых фаворитов,

разного рода героев дня, представителей прайм-уорлдской элиты и прочих заметных персон.

Второй ярус амфитеатра — впрочем, было затруднительно определить, где именно он начинался, — предоставляли тем, кто своими усилиями добился высокого положения в обществе, но не входил в самый узкий круг придворной элиты. Билеты на эти места являлись предметом купли-продажи, их добивались всякими правдами и неправдами, выманивали лаской, шантажом, угрозами. Хватало людей с положением, которые полагали, что присутствие на дворцовом параде в День Империи — кульминация их жизненного успеха.

Билеты в третий ярус были наименее непрестижными, потому что третий ярус располагался уж очень далеко от трибуны Императора. Эти билеты распределялись исключительно среди лиц, имеющих «прописку» в Прайм-Уорлде. Разумеется, изрядное количество билетов в итоге уходило за определенную мзду туристам, но Император закрывал на это глаза — если «местные ребята» хотят чуточку «набашлять», пусть заработают кредитку-другую на перепродаже своего допуска.

Сами зрительские трибуны устанавливали за несколько недель до праздничной церемонии. Часть мест располагалась прямо на скате внешней стены. С практической точки зрения, было безразлично, на каком расстоянии от места действия сидел зритель: громадные голографические экраны высились на внешних стенах через равные интервалы. На эти экраны транслировались крупные планы происходящего и так же крупно показывали время от времени всех достойных внимания именитых гостей из первого яруса.

Некоторые события праздника происходили у самой трибуны Императора, у подножья замка — как, например, «спасательная операция» Стэна. Но множество других событий и показательных боев разыгрывалось на площадках в других точках парадного плаца.

День Империи был самой впечатляющей постановкой под открытым небом за весь год. Двор Его Величества гордо именовал себя Двором Тысячи Солнц (хотя в Империи теперь насчитывалось уже намного больше тысячи звездных миров). И в блистательный День Империи все эти солнца сияли особенно ярко.

Вместе с тем у этого дня был вечер, чреватый любыми неожиданностями...

* * *

Тяжело отдуваясь, Стэн прислонился к стене бетонного туннеля. В обычное время туннель перекрывали тяжеленные стальные противоядерные ворота. Сейчас эти ворота ушли в стену, открывая праздничной публике проход на парадный плац. Рядом с ним прислонился к стене еще более запыхавшийся старшина-хавилдар Лалбахадур Тхапа. Остальных гурков Стэн похвалил за отлично выполненное задание и отпустил. Им предстояло провести вечер куда веселее, чем их командирам, — видать, засядут за азартные игры и хорошо заложат за воротник.

— А неплохо мы выступили, да? — просопел Лалбахадур.

— Угу, — отозвался Стэн.

— Уж теперь, я уверен, ни одна сволочь, если вздумает взять обер-гофмейстера в заложники, не потащит его на край крепостной стены.

Стэн ухмыльнулся. За три месяца, что он командовал отрядом императорских телохранителей-гурков, Стэн успел заметить сходство непальского юмора со своим собственным. Главной чертой в манере шутить было полное неуважение к вышестоящим офицерам.

— Фу, как ты циничен, — сказал Стэн. — Ведь мы покрыли себя неувядаемыми лаврами.

— Ежели мы покрыты неувядаемыми лаврами, не помешает ли это совершать положенные омовения? — с печальной насмешкой спросил Лалбахадур. Потом, просветлев лицом, добавил: — Впрочем, слух о нашем героическом штурме разнесется по всей Вселенной и, быть может, дойдет до наших соплеменников на далекой Земле. И нам будет не так трудно подыскивать новых простаков, готовых карабкаться по вертикальной стене во славу Его Величества.

Ответная реплика Стэна потонула в шуме заигравшего военного оркестра. Офицер и старшина выпрямились, потому что мимо них по туннелю на парадный плац выходили церемониальным маршем шеренги почетной стражи Императора — полк преторианцев. Стэн и Лалбахадур отсалютовали их знамени и снова расслаблено оперлись спинами о стену, когда мимо промаршировало более шестисот преторианцев — в блестящей коже, с начищенной амуницией и винтовками.

Во главе колонны маршировал командир преторианской стражи — полковник Ден Фоли, который, поравнявшись со Стэном, вытянулся еще больше, резко повернул голову в его сторону и отдал честь командиру гурков. Затем Фоли устремил взгляд перед собой и вывел своих парней на парадный плац, где их приветствовали восторженные крики полумиллиона зрителей.

— Мой отец говаривал мне, — не без яда заметил Лалбахадур, — что в природе есть только два типа мужчин. Обычно я не пропускал мимо ушей его мнимомудрые высказывания, потому что сам я считаю, что мужчины действительно делятся только на два типа: на тех, кто делит мужчин на два типа, и тех, кто этого не делает.

Тут он замолчал, немного запутавшись в собственных словах.

— Ну, так что твой отец говаривал про два типа мужчин? — помог ему Стэн.

— Папаша имел обыкновение говорить так: есть одни, которые готовы часами начищать до блеска оружие и кожаную амуницию, и другие, которые с большим удовольствием пропустят стаканчик. Капитан, вы к какому типу мужчин принадлежите?

— И не соблазняй, хавилдар, — досадливо хмыкнув, отозвался Стэн. — Я ж как-никак на службе.

Коренастый коротышка старшина отдал ему честь и зашагал прочь. У Стэна оставалось несколько минут перед началом обхода постов, поэтому он подошел к выходу из туннеля и стал наблюдать за парадным проходом преторианцев.

Да, эти парни были хороши, очень хороши — как и должны быть любые мужчины и женщины, которых собрали в подразделение и непрестанно обучают нехитрым вещам — беспрекословно подчиняться начальству, уметь часами стоять не шевелясь на часах и совершать дурацкие церемониальные пируэты.

Стэн понимал, что он не совсем справедлив к преторианцам, но его самого несколько раз заставляли участвовать в парадах, и всякий раз это было для него карой небесной. Возможно, чей-то глаз и радуют в ногу марширующие солдаты, однако разумный человек должен задумываться, стоит ли овчинка выделки — всех этих бесконечных отупляющих часов муштры, чистки оружия и амуниции.

Тем не менее Стэн не мог не признать, что преторианцы отлично обучены. Для парада они были вооружены архаичными винтовками — короткие виллиганы, их обычное оружие, хоть и обладали чудовищной убойной силой, для эффектной демонстрации ружейных приемов мало подходили. К тому же к виллигану нельзя примкнуть штык. В сороковом веке штык только на то и годен, чтобы им консервные банки открывать — да еще пускать солнечные зайчики на параде.

Но из песни слова не выкинешь — преторианцы очень красиво брали на плечо почти полуметровыми винтовками со штыком на конце.

Новая команда — и более шестисот винтовок, блеснув штыками, слетели с плеч и застыли на уровне поясов.

Теперь одна шеренга отделилась от строя, двинулась вперед, по команде развернулась кругом и пошла на поднятые штыки другой шеренги. Солдаты замерли в сантиметре от нацеленных им в грудь штыков, и Стэн невольно испуганно заморгал, потому что подумал: а случись старшине на полсекунды запоздать с командой — они бы так и нанизались на эти штыки или все-таки инстинкт самосохранения их бы остановил?

Погромыхивая винтовками о твердое покрытие парадного плаца, солдаты совершали бесконечные эволюции с винтовками, имитировали штыковой бой...

Стэн наблюдал за всей этой великолепно отрепетированной и синхронной галиматьей со здоровым цинизмом, но, не будучи хорошим знатоком истории, не мог воскликнуть вслед за старинным поэтом: «Какая красота, но что тут от войны?»

ГЛАВА 3

Есть живые существа, навстречу которым душа раскрывается сразу: создается впечатление, что они существа некоего более высокого порядка, нежели мы. Как ни странно, удивительная способность не рождает завистливой ненависти. Этим благородным особям свойственно чрезвычайно

творчески подходить к собственной жизни и взирать на нее как на искусство — что отчасти претенциозно. Однако их выручает способность иронически относиться ко всему на свете, в том числе и к собственным претензиям на исключительность.

Именно к таким существам принадлежали Марр и его любовник Сенн, которые сейчас расточали комплименты преторианцам — стражникам из императорской гвардии.

— Ах, какие крепкие ребята! — говорил Марр. — Мускулатура — залюбуешься! А как упоительно пахнут мускусом! Даже досадно, что я не человек!

— Будь ты человеком, ты бы понятия не имел, что и с одним из них делать! — насмешливо фыркнул Сенн. — Уж я-то тебя знаю! Я успел позабыть, когда ты приласкал меня в последний раз!

— Я восхищаюсь этими молодцами без задних мыслей. Просто их вид радует глаз. Секс тут ни при чем. Это ты у нас зациклен на сексе — только о нем и думаешь.

— А, не цепляйся к словам. Марр, дорогой, давай не ссориться. Ведь мы на торжестве. Ты же знаешь, я просто *обожаю* праздники.

Сенн бросил дуться, чтобы его поведение не напоминало поведение невоспитанного человека. Он поближе придвинулся к Марру, и их головные усики нежно переплелись. Марр тоже любил празднества.

Во всей Империи, собственно говоря, была лишь горстка существ, которые разбирались в искусстве организации праздничных приемов так же хорошо, как Сенн и Марр. Празднества самого разного характера и масштаба были их специальностью. Они обладали талантом украсить любое помещение без значительных расходов, организовать хороший стол — опять-таки без серьезных затрат, а главное, они умели подбирать и правильно сервировать интересных гостей, так что и общение на их празднествах было сытным и разнообразным. В Прайм-Уорлде Сенн и Марр занимали официальные должности поставщиков двора Его Величества и были по совместительству неофициальными императорскими церемониймейстерами. Они имели привычку ныть по поводу того, что очень часто уровень организации торжественных сборищ, которые затевает лично Вечный Император, вгоняет их в краску. Однако, будучи

существами деловыми, они сетовали лишь из чистого кокетства — ведь именно благодаря императорскому пристрастию к частому приему гостей услуги Сенна и Марра требовались постоянно. Заказы на проведение банкетов были расписаны на многие годы вперед.

В эпоху, когда постоянство в любви стало редкостью, парочка милченцев представляла собой впечатляющее исключение. Их связь длилась более столетия, и оба страстно надеялись, что она продлится по меньшей мере еще столько же. Впрочем, такого рода постоянство отнюдь не было редкостью для того вида живых существ, к которым принадлежали Сенн и Марр; для милченцев из системы Фредерик-II характерна «любовь до гроба» — в буквальном смысле слова, ибо когда один из партнеров умирал, второй угасал в считанные дни. Среди милченцев абсолютно все долговременные связи были однополые. Союз заключался между самцами — назовем их так, за неимением другого термина. Представители второго пола — назовем его «женским», опять-таки лишь для удобства — носили имя урсуулы. Среди множества живых существ неисчислимых галактик урсуулы выделялись необычайно нежной, хрупкой красотой. Этим легким полупрозрачным существам, непрестанно меняющим свой цвет и аромат, был отпущен короткий срок жизни — всего лишь несколько месяцев. Зато в этот краткий срок они предавались необузданной любви. Самым везучим парам милченцев удавалось соединяться с «самками» два-три раза в жизни. Такие тройственные союзы давали потомство — двоих «самцов» и полдюжины до времени погруженных в сон урсуул. Мать успевала шепнуть только несколько ласковых слов своим детям, после чего умирала, препоручая все заботы о многочисленном потомстве паре отцов.

Для милченцев жизнь была бесконечной трагедией, связанной с гибелью самок при рождении потомства, что снова и снова порождало муки одиночества у самцов и со временем могло бы привести к вырождению вида. В порядке защиты они обнаружили единственный выход — однополую любовь. Подобно всем существам своего вида, Марр и Сенн испытывали прочную взаимную привязанность, были преданны друг другу — и всему, что есть прекрасного в мире.

Внешне это были стройные существа примерно метрового роста, покрытые мягким золотистым мехом. Огромные чер-

ные глаза воспринимали спектр вдвое шире, чем глаза людей. Их головы украшали чувствительные обонятельные усики, которыми можно было ласкать друг друга как перышками. На изящных руках, напоминающих лапку обезьяны, имелись вкусовые сосочки — вот почему именно милченцы считались наилучшими кулинарами и поварами во всей Империи. Сам Вечный Император ворчливо признавал, что в искусстве приготовления пищи милченцам нет равных среди живых существ, населяющих Вселенную. Разве что *чиле кон карне* — блюдо по старинному мексиканскому рецепту, острейшее мясо с красным перцем — готовят лучше все-таки люди.

Итак, оба милченца, приникнув друг к другу, наслаждались добрым вином и потрясающим зрелищем, подлинным пиршеством для глаз, которым было празднование Дня Империи. Существа тщеславные и суетные, милченцы упивались не только картинами самого торжества, но и тем, что они находятся среди сливок прайм-уорлдского высшего общества. Марр шарил глазами по ложам для самых важных персон.

— Весь цвет собрался! — ахал он. — Нет, честное слово, тут буквально все! Все буквально!

— Вижу-вижу, — насмешливо фыркал Сенн. — Кого тут только нет! Тут даже те, чьи рожи здесь совсем неуместны!

В подтверждение своих слов он указал на ложу напротив — там сидел Каи Хаконе и его гости.

— Ума не приложу, как у него хватает наглости появляться на публике после того, как критики разнесли в пух и прах последнее представление его театра масок!

Марр захихикал.

— Я знаю этого типчика как облупленного. Очаровашка настолько глуп и туп, что согласился стать почетным гостем на нашем празднестве.

Сенн от восторга заерзал и прижался к Марру.

— Ах, я сгораю от нетерпения. О, мы увидим море крови — море, море!

Марр подозрительно покосился на возлюбленного.

— Что ты затеял, Сенн? Или это секрет?

Сенн рассмеялся.

— Я не преминул пригласить его критиков.

— Ну и?

— Они с радостью согласились. На банкет в честь маэстро слетятся все его злопыхатели!

Посмеиваясь своей злой шуточке, оба поглядывали в сторону Хаконе и гадали, подозревает ли тот о сюрпризе, который ждет его в ближайшие дни.

Марр и Сенн были бы разочарованы. Каи Хаконе — человек, которого одни называли величайшим писателем современной эпохи, а другие честили величайшей бездарностью современной эпохи, — и думать не думал о предстоящем банкете в свою честь. Был он далек мыслями и от сегодняшнего праздника, от всего происходящего на парадном плацу.

Вокруг Хаконе собрался десяток-полтора поклонников, очень богатых и щедрых на льстивые комплименты. Не было конца экзотическим кушаньям и напиткам, приносимым в ложу. Однако все это слабо напоминало торжество. Еще до начала чествования гости без труда сообразили, что на Хаконе опять «нашло». Поэтому разговоры велись вполголоса, за столом царила неловкость, гости то и дело косились на нахмуренного метра — крупного мужчину, гору немодных нынче мышц с копной спутанных волос, с нависшими бровями и глубоко посаженными глазами.

У Хаконе все внутри дрожало, мышцы сводило от напряжения, на лбу выступала испарина. Его мысли лихорадочно метались, настроение поминутно менялось. Когда он думал, что все готово, он воспарял душой. Но тут же приходила мысль: а вдруг да сорвется, а вдруг да ошибка? Душу охватывал мрак. Все ли готово? Ах, надо было проследить за всем самолично! Нельзя было полагаться на других. Надо было сделать все своими собственными руками.

И так он думал кругами, пережевывая детали своего плана. Когда на парадном плацу происходило очередное впечатляющее событие из программы торжества, толпы ревели от восторга. Но Каи Хаконе краем уха слышал эти взрывы эмоций. Лишь несколько раз он лениво похлопал в ладоши, присоединяясь ко всеобщим аплодисментам. В его сознании снова и снова проносились жуткие образы смерти.

После того как промаршировали последние оркестры и удалились танцоры, громкий говор толпы мало-помалу превратился в приглушенный гул.

Два гигантских гравитолета с воем влетели через въездные ворота по краям парадного поля — каждый был нагру-

жен стальными конструкциями, лебедками и стальными тросами. Оба аппарата с ровным урчанием заскользили над полем всего лишь в метре от поверхности. Время от времени гравитолеты останавливались; тогда с них спрыгивали обливающиеся потом солдаты в наглухо застегнутой парадной форме и стремительно сгружали металлические конструкции и лебедки, тут же бросали мотки тросов и кабелей. К тому времени, когда один из гравитолетов приблизился вплотную к императорской смотровой ложе, длинное парадное поле выглядело так, словно некий гигантский ребенок разбросал на нем свои строительные кубики. На самом же деле на глазах у публики поле было превращено в загроможденный полигон с узкими проходами, через которые могло протиснуться не более двух человек в ряд.

Перед тем как гравитолеты взмыли над императорским замком, с его стен были спущены две огромные мишени — на крепком стальном каркасе, с трехметровым слоем поглотителя. Мишени зависли в четырехстах метрах от поля. Сквозь ворота на поле прошли, чеканя шаг, шесть оркестров, заполнив округу громом музыки. Знатоки узнали в мелодии официальный строевой гимн имперских артиллеристов, но даже самые дотошные из знатоков и ведать не ведали, что он был написан на основе старинной слегка похабной песенки, которую порой называли «У канониров заросли в ушах».

Затем через те же ворота на парадное поле влетели два гравитолета размером поменьше. На каждом было по два десятка живых существ и по пушке. Однако эти пушки ничем не напоминали гигантские боевые мазеры или небольшие, но смертоносные лазеры-бластеры, которыми была вооружена имперская артиллерия. Это были легкие колесные пушки полевой артиллерии — возрастом лишь чуть моложе тех допотопных пороховых, заряжающихся с дула орудий, которые смотрели из бойниц замка.

Как только четыре десятка существ сгрузили пушки с гравитолетов, они выстроились в две шеренги и замерли по команде «смирно». Командир каждой из двух групп взял под козырек и салютовал Императору все время, пока пороховые пушки на стенах замках давали залп за залпом — и клубы белого дыма скатывались на парадное поле. После этого сорок канониров взялись за дело.

Это зрелище называли по-разному: «состязание артиллеристов», «перетащи-пушку» и даже «эффектный идиотизм». Суть соревнования между командами достаточно проста. Каждая команда должна была, маневрируя между препятствиями, проделать со своим полевым орудием путь от исходного пункта почти до самой императорской смотровой ложи. Там пушку следовало зарядить и попасть снарядом в мишень. Выигрывает та из команд, которая первой выведет пушку на огневой рубеж и поразит цель.

Правила категорически запрещали использование каких-либо антигравитационных устройств, а также объезд препятствий. Следовало двигаться по прямой, для чего приходилось разбирать пушку на части и затем в таком разобранном виде переносить, или перебрасывать, или перекидывать, передавая из рук в руки. Поскольку обеим командам предстояло в бешеном темпе перетаскивать и швырять тонну металлических деталей, то вероятность увечий была крайне велика. Тем не менее буквально все артиллеристы рвались поучаствовать в соревновании по перетаскиванию пушки — но в финал попадали только самые достойные команды, после серьезных отборочных турниров.

Сейчас особенный интерес состязанию придавал тот факт, что впервые в истории в финал попали команды артиллеристов, не служащих в одном из императорских гвардейских артдивизионов. Против офицеров из Третьего Гвардейского Артдивизиона — мужчин и женщин — выступала команда существ, не принадлежащих к виду хомо сапиенс, из 18-го Звездного Десанта.

Соревнование вызывало повышенный интерес и по другой причине: это было единственное состязание во время празднования Дня Империи, во время которого разрешалось заключать денежные пари. Официальные ставки были несколько неожиданными: только восемь к пяти в пользу Третьего Гвардейского. Но действительные ставки резко отличались от официальных. Люди из населения Прайм-Уорлда считали, что нелюди, н'ранья, обречены на сокрушительное поражение, и соответственно ставили на гвардейцев; а нелюди Прайм-Уорлда придерживались прямо противоположного мнения и делали ставки против людей.

Впрочем, трудно было что-либо предсказать. Н'ранья не были лишены антропоидных черт и внешне несколько на-

поминали людей, хотя весили не меньше трехсот килограммов. Более того, существа этой расы были потомками хищников, живших в джунглях на деревьях, а потому обладали инстинктивной блестящей пространственной ориентацией — мгновенно решали в уме сложнейшие практические геометрические и тригонометрические задачи.

Существовала давняя традиция касательно того, как успешно противостоять необычайным способностям н'ранья. Гвардейцев тренировали следующим образом: капитан команды артиллеристов намечал кратчайший маршрут, хватал какую-нибудь деталь пушки и, согнувшись под ее тяжестью, мчался к первому препятствию. Под препятствием его поджидали двое рядовых, которые уже поднесли туда прицел орудия. Они подхватывали своего капитана и буквально зашвыривали на самый верх стенки. А он сразу же помогал рядовым подняться наверх вслед за ним, после чего спешил ко второму препятствию.

К этому времени вся пушка была разобрана на детали: ствол, передок, тележка, колеса, механизм отката, прицел, приборы наводки и т. д. Эти детали члены команды сваливали у первого препятствия, затем бросали веревки первым двум солдатам, которые уже стояли наверху. Те подтягивали дуло, передок и прочее на стену. Остальные заскакивали на стену, помогая друг другу, и скидывали части пушки вниз.

Н'ранья между тем поступали проще. Они рассчитали, что два н'рана могут нести любую деталь пушки, вплоть до самой крупной. И действовали соответственно. Каждую деталь двое н'ранов подтаскивали к препятствию, раскачивали и подбрасывали двум н'ранам, которые уже стояли на верху стенки, ловили массивную деталь прямо в воздухе и швыряли еще одной паре, стоявшей по другую сторону препятствия.

Таким образом все и шло — продуманной командной игре людей противостояла грубая физическая сила н'ранов. Команда н'ранов резко вышла вперед после преодоления высокой стальной решетки, потому что каждый н'ран поднимался наверх сам, волоча свою деталь на себе, а люди затеяли передачу деталей вверх с помощью канатов.

Зато когда потребовалось преодолеть сложную стальную конструкцию, которая громадным пауком преградила дорогу, люди проявили смекалку: подняли совместными усилия-

ми саму конструкцию, и два солдата, обливаясь потом, быстренько пронесли все части пушки *под* препятствием.

К тому времени, когда команды преодолели последнее препятствие и принялись собирать свои пушки, всем стало очевидно, что гвардейцы выигрывают несколько секунд.

Н'ранской команде оставалось проделать еще несколько операций, чтобы закончить сбор орудия, а гвардейский капитан уже приладил прицел к своей пушке и заряжающие уже загнали снаряд в ствол. Осталось только установить приборы наведения, навести орудие на цель и выстрелить. И тут команда н'ранов нарушила привычные правила. Ее капитан решил пренебречь наведением с помощью приборов и навести свое орудие на глазок. Как только снаряд забили в пушку, он поднял ствол под тем углом, который казался ему правильным, и произвел выстрел. Члены его команды едва успели отскочить в сторону. Снаряд ударил прямо в центр мишени.

Зрители неистовствовали — кто от ярости, кто от восторга. Было заявлено несколько протестов, но в итоге букмекерам пришлось-таки, ругаясь на чем свет стоит, выплачивать премии тем, кто ставил на н'ранья.

А между тем в гвардейских артиллерийских дивизионах был распространен приказ командования, который приглашал добровольцев, отбираемых для командировки в миры, населенные н'ранья, набираться опыта.

Коммерсант Танз Сулламора не был доволен ходом событий — особенно потому, что исполнение того, что он считал своим Патриотическим Долгом, обошлось ему в кругленькую сумму.

Когда он услышал, что впервые в истории к соревнованиям по перетаскиванию пушек будут допущены представители других рас, кроме человеческой, он был неприятно поражен. Большой просчет в имперской политике — разрешить публично унизить нелюдей в День Империи.

Вторично он испытал шок, когда узнал, что изрядное число жителей Прайм-Уорлда делают ставки на победу н'ранья. Патриотический пыл заставил его поддержать команду гвардейцев. И сейчас, после поражения людей, у него было паршивое настроение.

«Это не оттого, что я просадил столько денег, — думал он. — Это оттого, что результат состязания несправедлив. Н'ранья — жители джунглей, хищники и, можно сказать, мало-мало не людоеды. Разумеется, у них явно несправедливое преимущество. Разумеется, эти дикари нагуляли в своих джунглях черт знает какие мускулы, таская туши несчастных жертв. Император должен отчетливо понимать, — продолжал рассуждать про себя Сулламора, — что представители нечеловеческих рас составляют важную и полезную часть Империи. Однако же они должны знать свое подлинное место — в самом низу социальной лестницы!»

Эта мысль навела Сулламору на размышления о том месте, на котором находился он сам. После всего, что он сделал на благо Империи — от щедрых пожертвований на развитие патриотического искусства и трудов при императорском дворе, — как после всего этого его не пригласили в ложу Императора?! На худой конец, могли бы выделить ему место в одной из лож поблизости, а не загнать в самый дальний конец первого яруса — чуть ли не в начало второго!

«Император, — думал Сулламора, — начинает сдавать. Да, он меняется, и меняется не в лучшую сторону, — с праведным негодованием продолжал он развивать свою мысль. — Новое в поведении Императора — явственный знак разложения всей Империи».

Словом, Танз Сулламора получил мало удовольствия от торжества.

Бесспорно, одно событие ежегодно планировалось в качестве пика праздника. И, понятное дело, это событие с каждым годом должно было становиться все масштабнее и эффектнее, чтобы воздействовать на притупляющееся воображение зрителей.

К счастью, в этом году событие номер один не грозило никакими неприятными неожиданностями. А вот в прошлом году произошел просто-таки полный конфуз вместо эффектного зрелища. Гвоздем празднества должно было стать выступление Восьмой гвардейской дивизии: намеревались показать личную боевую ловкость пехотинцев. С этой целью с нескольких гравитолетов сняли антигравитационные приборы Мак-Лина, их мощность уменьшили вдвое и облегчили до такой степени, что прибор можно было засунуть пехотинцу в рюкзак.

А в результате солдат получал возможность свободно парить в воздухе, включив приборчик, спрятанный в рюкзаке за спиной. Парить без специального костюма и спасательного пояса.

Во время репетиций это производило довольно сильное впечатление.

Согласно плану парни из Восьмой гвардейской должны были провести внезапную молниеносную и эффектную атаку с воздуха, спрыгивая с высоты из своих маленьких юрких боевых кораблей — спрыгивая без парашюта и приземляясь с точностью, доступной лишь самым искусным парашютистам.

Увы, командование Восьмой гвардейской дивизии не учло одной существенной мелочи — вмешательства погоды. Обычный в это время года умеренный ветер, попадая в чашу парадного плаца, ограниченного двухсотметровой стеной, создавал такие непредвиденные завихрения, что в итоге при внезапной атаке очень многих пехотинцев отнесло на зрительские трибуны. Одни летающие пехотинцы не оказались внакладе, приземлившись в объятья зрительниц, другие создали панику, третьи переломали конечности — и себе и кое-кому из зрителей. А у командира Восьмой гвардейской, даром что он сам не летал с маклиновским приборчиком в заспинном рюкзаке, оказалась сломанной карьера.

Император расхохотался, наблюдая, как пехотинцы червяками извиваются в воздухе и совершают молниеносную атаку на трибуны второго яруса.

Этот императорский смех был роковым для Восьмой гвардейской, ибо его порывы выдули дивизию к черту на кулички — нудно патрулировать Драконию, пограничный сектор, почти безлюдные звездные миры, где приходилось время от времени усмирять бунтующие колонии первопроходцев, а развлечения солдат сводились к беспробудному пьянству.

В этом году настала очередь Двенадцатой гвардейской дивизии показать, на что она способна. Ее командиры долгие часы ломали головы: чем же поразить разборчивую прайм-уорлдскую публику? Наконец генерал, командующий Двенадцатой гвардейской, утвердил программу великолепного шоу. В нее входили боевые удары лазерными лучами, которые должны были отразиться под углом от намеченных участков поверхности парадного плаца и — ничего и никого не повредив — уйти в верхние слои атмосферы. Затем гром и грохот взрывов. И наконец

части Двенадцатой гвардейской дивизии произведут организованное отступление с арены.

Император одобрил этот план кивком головы. Идея его увлекла: очень редко ему доводилось видеть, чтобы кто-то устраивал показательное *отступление.*

И вот антенны взмыли в воздух, сигнальщики стали подавать световые сигналы. Из-за горизонта вынырнули корабли тактического космофлота и очень реалистически на бреющем полете пронеслись прямо над парадным плацем.

Эти аппараты прилетели за отступающими солдатами. Зенитки «противника» вели интенсивный огонь (на самом деле это были заранее запущенные в небо шары с газом легче воздуха, выкрашенные в небликующий темный цвет, с зарядом и таймером, который приводил в действие взрывное устройство). Невзирая на бешеный заградительный огонь, спасательные корабли сели, и, соблюдая строжайшую дисциплину, отступающие войска погрузились на них. После этого корабли поднялись высоко в небо, зависли над плацем... и воздух внезапно наполнился ревом и грохотом. Стоял сущий ад. Корабли уничтожали все живое под собой. Зрители на трибунах, вскочив, завопили от возбуждения. Сам Император стал сползать с кресла и чуть было не шлепнулся на настил трибуны — до того был поражен. Он тщетно гадал, как кто-то ухитрился так точно имитировать выстрелы пушки-мазера.

Были уже сумерки, на небе высыпали звезды, но теперь их скрыли от глаз километровой длины корпуса двух космических линкоров класса «Герой». Лазерные пушки обоих линкоров открыли огонь; из портов, полыхая пламенем, вылетали боевые ракеты. И вот мало-помалу все наземные огневые батареи «противника» на земле были подавлены и прекратили огонь. Тем временем тактические корабли взмыли еще выше, под брюхо линкорам, и исчезли в его раскрывшихся люках. Подобрав тактические корабли, линкоры ушли вертикально вверх, с хлопком преодолели звуковой барьер и почти мгновенно исчезли из вида, покинув атмосферу Прайм-Уорлда.

Полмиллиона зрителей бесновались на трибунах от восторга.

Вечный Император налил себе большую порцию виски, выпил, тихо крякнул и решил, что Двенадцатой гвардейской не грозит опала и откомандирование в Драконию.

* * *

Годфри Алэна била легкая дрожь, когда он наблюдал, как имперские военные корабли исчезают в небе. Он мысленно представил, как именно эти боевые машины станут подниматься над планетами его родного союза звездных миров — превратив эти планеты в пепел, уничтожив все живое. И случится это, по его подсчетам, не позже чем через год. Будут сеять смерть во имя мира...

Алэну доводилось сталкиваться с имперскими гвардейцами прежде — и лично, в бою, и при разработке военных операций против них, поэтому он не с чужих слов знал подлинную мощь имперских сил. Но, странным образом, вид всех этих космических боевых кораблей и то, как они плавно уносят на своих бортах разом двенадцать тысяч великолепно обученных головорезов, потряс его до глубины души.

«И я фактически единственный человек, который может отвратить возможность этого массированного вторжения. Таанский Союз будет взирать на это безучастно. А мой родной народ в результате такого нападения будет попросту уничтожен до последнего человека. И дело, за которое я боролся всю жизнь, будет навсегда проиграно».

Годфри Алэн отнюдь не был самоуверенным эгоистом — все действительно складывалось так, что именно он, и только он мог спасти свой народ. К несчастью, ему оставалось жить лишь двадцать четыре часа.

Кто не любит клоунов и акробатов! А сейчас больше тысячи клоунов-акробатов заполнили парадный плац. Среди их номеров был, например, такой: взвод мнимо пьяных солдат, которые решили приветствовать Императора, но спьяну не знают как. Все кончается дракой между ними; в результате они неожиданно выстраивают пирамиду из своих тел, самый «пьяный» карабкается наверх — и по-настоящему четко отдает честь Императору, после чего теряет над собой контроль, снопом валится вниз, делает сальто и ловко приземляется на пятки. Были на арене и люди в бочках, которые скатывались по наклонным плоскостям между препятствиями и чудом не разбивали свои бочки в щепы. А еще акробаты, проходившие сотни метров на руках. И гимнасты, которые чего только не вытворяли в воздухе. И клоуны-боксеры, кото-

рые осыпали друг друга страшными ударами и вскакивали, как ни в чем не бывало...

Публика была в восторге от представления.

Диктор объявил, что эта тысяча клоунов — часть имперского гимнастического полка. Но такого полка не существовало. Лишь Император знал, что это единственный возможный вариант появления на публике людей из подразделения Богомолов — лучшей, элитной части особого назначения, отряда коммандос, самого тайного и самого опасного орудия Вечного Императора.

Впрочем, дети — и, между прочим, сам Император — искренне наслаждались клоунской частью этого празднества.

В обычное время доктор Харс Стинберн наблюдал бы за празднованием Дня Империи из частной ложи. В худшем случае его место находилось бы во втором ярусе. Но вероятнее всего, профессора пригласили бы в первый — гостем лечившихся у него высокопоставленных больных.

Однако сейчас время было необычное.

Стинберн сидел далеко-далеко от места, где приземлялись корабли тактического космофлота — не в кресле, а на голой скамье. Такие скамьи предназначались для рядовых праймуорлдцев.

Рядовых праймуорлдцев. Крестьян. Рабочих.

Стинберн был стопроцентным расистом. Но у богов очень едкое чувство юмора. Весь ряд перед ним занимали грузчики из космопорта. И не люди-грузчики, а грузчики — осьминогоподобные существа из какого-то далеко мира. Они размахивали щупальцами с флажками, жевали что-то мерзкое, что-то несъедобного вида, пили что-то еще более непотребное и временами обдавали профессора вонючим перегаром. Хуже того, грузчики неведомой расы выражали свой восторг от происходящего широко раскрывая желеобразные серые пасти, расположенные на верхней поверхности их тела, вбирали побольше воздуха, а затем внезапно и с силой выталкивали его с трубным звуком через ноздри.

Стинберн попытался сделать вежливое замечание разбушевавшимся грузчикам, когда один из них небрежно вышвырнул объедки своей трапезы — нечто вроде вареной шляпы — и те угодили профессору в лицо. Вместо извинений грузчик спросил, не хочет ли господин хороший, чтобы ему ради празд-

ничка сделали вот так — и «осьминог», выставив свои остренькие яйца, сделал жест, будто откручивает их.

Стинберн нервно пригладил аккуратно причесанные седые волосы и, стараясь больше не думать о хамах, уставился на ближайший голографический экран. Тот показывал сперва крупные планы клоунов, потом — на мгновение — почти плачущего от хохота Императора, затем разных знаменитостей, смеявшихся в своих уединенных удобных ложах.

У Стинберна кошки на душе скребли. Когда он только шел на трибуны, осторожно оглядываясь и воображая, что его никто не узнает, ему почудилось, будто он перехватил в толпе взгляд нанятого им человека.

Он ошибся, но настроение его решительно испортилось. Откуда ему было знать, находится ли его человек в назначенном месте? Известно, что для грязной работы надо нанимать профессиональных преступников. Но собственный опыт подсказывал и другое: эти мерзавцы крайне ненадежны.

Стинберн немного повеселел, когда парень из службы охраны порядка подошел к грузчикам и приказал им вести себя приличней, не то он вышвырнет их вон. Блюститель порядка прошел вверх по ступенькам мимо Стинберна и задержался на нем подозрительным взглядом.

«Нет, проходи мимо, — подумал Стинберн. — Стало быть, по мне видно, что я здесь не на своем месте? Чего он так уставился?.. Нет, парень, ступай дальше. А не то тебе крышка».

И Стинберн не преувеличивал. Несколько лет назад хирурги вшили ему вместо аппендицита трубочку со взрывчатым веществом и детонатор между лопатками. Чтобы взорвать капсулу и покончить с собой, уничтожив все живое в радиусе двадцати метров, профессору было достаточно неестественно предельно свести лопатки.

Но эта крайняя мера не понадобилась — блюститель порядка проследовал дальше, а Стинберн заставил себя перевести взгляд на арену, где клоуны заканчивали представление, и издать смешок в знак одобрения их очередных кульбитов.

По чувствительному позвоночнику Марра словно ледяная ладошка скользнула — это говорил инстинкт самосохранения, тот самый, что спасал поколения милченцев от смерти в далекие времена жизни в системе Фредерик-II. Сердце Марра испуганно затрепетало, он даже немного отпрянул от Сенна.

— Что такое, дорогой? — спросил тот встревоженно.

— Не знаю. Что-то происходит... Сам не знаю...

Сенн попробовал привлечь его к себе и успокоить, но Марр решительно замотал головой и поднялся.

— Отвези меня домой, Сенн. Что-то у меня все праздничное настроение пропало.

ГЛАВА 4

«Нюхач» зашевелился, учуяв подходящего к императорской гардеробной Стэна. Его миниатюрные усики заходили из стороны в сторону, покачиваясь, словно у небольшого грызуна, который к чему-то настороженно принюхивается. Электронный овод-стражник мгновение-другое колебался, поводя усиками-щупами, затем юркнул внутрь гардеробной, звонко постукивая крохотными металлическими ножками по полу.

Стэн остановился на пороге гардеробной и окинул взглядом длинные ряды висящих на вешалках нарядов Императора. Какой одежды тут только не было! Сотни мундиров — будничных и парадных, костюмы на все случаи придворной жизни — от «простенького» ослепительной белизны одеяния наподобие тоги до последнего крика моды и технологии — плотно облегающего комбинезона, способного менять цвет по воле хозяина.

Видео-справочник, который Стэн просмотрел в своей комнате, содержал краткую историю каждого наряда. Скажем, «простенькая» тога предназначалась для императорского визита в небольшую звездную систему под названием Раза, где ему был присвоен официальный титул Верховный Философ. А облегающий костюм-хамелеон имел прямое отношение к какому-то событию, которое в справочнике называлось Марди грас.

Стэн пока очень приблизительно помнил состав императорского гардероба — ведь за его плечами было лишь несколько месяцев на новой службе и мозг еще не успел в точности усвоить сотни обязанностей, сопряженных с чином капитана личной охраны Императора. До сих пор все внимание Стэна

сосредотачивалось на его основной обязанности — оберегать властителя от заговорщиков, наемных убийц, кровожадных психов и разного рода фанатиков.

Охрана Императора была «многослойной», то есть состояла из нескольких элементов. Прежде всего ею занимались армия и полиция Прайм-Уорлда. Сам замок-дворец, резиденция Императора, был начинен механическими и электронными средствами охраны. Спокойствие и порядок во дворце обеспечивали три гвардейские подразделения, хотя у всех на виду было одно — преторианцы. В обычное время их использовали как слуг: они занимались всеми хозяйственными делами, начиная от уборки помещений и кончая курьерскими поручениями. Но в случае беспорядков они могли мгновенно присоединиться к силам полиции, удвоив ее мощь.

Вторым подразделением охраны дворца была сама дворцовая челядь, потому что всех слуг набирали исключительно из Богомолов, или из ударной группы «Меркурий», или из Императорской Гвардии.

И наконец, третьей составной частью охраны дворца были телохранители-гурки — сто пятьдесят человек из земной провинции, называемой Непал. Большинство из них принадлежало к тамошней аристократии из кланов Тхапа, Пун, Ала и Рана. Они были потомственными наемниками — их предки занимались военным делом в течение по меньшей мере двух тысяч лет.

Невысокие коренастые гурки сочетали в себе добродушие, хорошее чувство юмора, преданность долгу и почти невероятную личную выносливость. Подразделение гурков возглавлял старшина-хавилдар — Лалбахадур Тхапа, находившийся в подчинении у капитана Стэна, который был официальным главой дворцовой охраны и в этом качестве находился в постоянном тесном общении как с Императором, так и с верхушкой дворцовой челяди.

Новые обязанности не имели ничего общего с привычными обязанностями в отряде Богомолов, где Стэн провел большую часть своей военной службы. Отныне Стэн больше не мог носить что попало, одеваться в цивильное; теперь он всегда был затянут в пятнистую коричневую форму гурков. Стэну очень понравилось иметь денщика — парня звали Наик Агансинг Раи, — хотя порой, особенно с похмелья, он сето-

вал про себя на то, что у его денщика досадная склонность язвительно комментировать промахи хозяина.

От периода, когда он был командиром гурков, у Стэна останутся две памятки: до конца своей армейской службы он не расстанется с нашивками в виде кукри на своем мундире и с самим кукри.

Сейчас у Стэна, ждавшего, пока «нюхач» закончит свою работу, на одном боку висел смертоносный кукри, а на другом — виллиган, которым вооружены все Богомолы.

Наконец «нюхач» обежал комнату, где хранилась одежда Императора, и вернулся к Стэну с характерным писком, обозначавшим «все в порядке». Стэн нагнулся, щелкнул выключателем на спинке «нюхача», сунул его себе в карман и вышел из гардеробной. Эта часть личных апартаментов Его Величества была проверена самым тщательным образом.

Стэн мысленно перепроверил безопасность всех помещений в этом крыле дворца — в уме пропутешествовал по каждому. Смена караула уже прошла... Всем офицерам, заступившим на дежурство, он доверяет...

— Капитан, я не имею привычки беспокоить человека, занятого работой, однако...

Стэн стремительно повернулся на голос, раздавшийся за его спиной, машинально уводя руку к поясу. Его пальцы уже готовы были сжаться на рукоятке кинжала...

Перед ним стоял сам Вечный Император. Он смотрел на начальника стражи сперва немного озадаченно, затем — с улыбкой в глазах. Стэну стало неловко за свое резкое движение, на мгновение испугавшее властителя. Он вытянулся по стойке «смирно», мысленно выругав себя: «Эх ты, задница неловкая!» Он еще не привык к спокойной дворцовой службе, у него в крови сидело с богомольских времен, что от быстроты реакции зависит жизнь, — и чуть что рука сама собой рвалась выхватить оружие.

Император рассмеялся.

— Расслабьтесь, капитан.

Стэн принял стойку «вольно», которая у образцового придворного офицера мало чем отличается от стойки «смирно».

Император ухмыльнулся, собирался пошутить насчет того, что Стэн добродушное «расслабьтесь» понимает очень уж по-военному — как команду «вольно», но тут заметил смущение Стэна и не стал смущать его еще больше. Вместо этого он

дотронулся до своего парадного костюма и с нарочитым отвращением фыркнул:

— Если вы не возражаете, я переоденусь. А то воняю, как свинья, когда она борова хочет.

— Все в порядке, Ваше Величество, — отозвался Стэн. — А теперь... разрешите идти?

— Вы огорчаете меня, капитан, — донесся до него громкий голос Императора из комнатки, где тот переодевался.

Стэн весь напрягся, стараясь припомнить, в чем он мог дать промашку. Чем его угораздило огорчить Императора?

— Вы сколько уже работаете у меня?

— Девяносто четыре цикла, Ваше Величество.

— Ну да. Что-то около того. Вы уже девяносто с лишним дней шныряете по моим комнатам, действуете мне на нервы всеми этими проклятущими мерами безопасности и ни разу — подчеркиваю, ни разу вам не пришло в голову показать мне ваш легендарный кинжал.

— Кинжал, Ваше Величество? — Какую-то секунду Стэн пребывал в полной растерянности. Потом вспомнил о своем старом добром кинжале на поясе. — Ах, вы имеете в виду *этот* кинжал.

Император снова появился перед ним — теперь на нем был обыкновенный серенький комбинезон.

— Ну да. *Этот.*

— Все сведения касательно этого кинжала имеются в моем послужном списке, где отражен период моей службы в отряде Богомолов...

— Капитан, в вашем послужном списке много всякого разного. На днях я имел случай перечитать ваше досье. Просто еще раз перепроверял — размышлял, оставлять ли вас на вашем нынешнем посту.

Он заметил, как озабоченно сдвинулись брови Стэна, и пожалел о строгости своего тона.

— Помимо сведений об уникальном кинжале, я обратил внимание еще на один факт. Оказывается, вы любите закладывать за воротник.

Стэн не знал, как реагировать на это замечание, и счел за лучшее промолчать.

— Ну, какой из вас пьяница, мы сейчас проверим.

С этими словами Император двинулся в свои покои. В дверях он остановился.

— Это не приказ, капитан. Это приглашение. Полагаю, что ваш рабочий день уже закончился.

За время службы в отряде Богомолов Стэн научился многим вещам. Он научился, как следует убивать, и имел возможность неоднократно опробовать все способы. Он напрактиковался в искусстве свержения правительств, наторел в стратегии атак и упорядоченных отступлений, наловчился из подручного материала делать атомные бомбочки малого радиуса действия... Но самый главный урок, вынесенный им за многие годы службы, был такой: если твой командир высказывает пожелание, воспринимай это однозначно — как приказ. Хоть он теперь сподобился служить под началом командира всех командиров, старый добрый навык сработал и сейчас. Поэтому Стэн принял решение мгновенно. Он выпалил в микрофон у подбородка несколько спешных приказов своим подчиненным и объявил, что заканчивает дежурство. После чего одернул мундир и проследовал за Императором в его кабинет.

Мутноватая жидкость оросила горло Стэна и приятно согрела желудок. Он поставил на стол тяжелый хрустальный стакан и встретился глазами с Императором, который выжидательно смотрел на него.

— Это виски?

Император кивнул и налил себе и начальнику своей охраны еще по порции.

— Нравится?

— Славное виски, — сказал Стэн, сознательно не прибавляя «Ваше Величество». У него было инстинктивное ощущение, что правило возникновения некоторой фамильярности за выпивкой действует в любом офицерском обществе — даже если ты пьешь с самим Вечным Императором. — Не могу понять, почему у полковника — простите, я имею в виду генерала Махони — всегда возникают с этим проблемы.

Бровь Императора поползла вверх.

— Махони рассуждал о моем виски?

— Да, ему очень нравится, — поспешил исправить свою оплошность Стэн, дабы не навредить коллеге-военному. — Он просто ворчит, что к его крепости надо долго привыкать.

Стэн осушил вторую порцию, наслаждаясь бархатистым вкусом. Потом тряхнул головой.

— А по-моему, пьется волшебно, само в глотку просится.

Было бы просто хамством не отпустить комплимент на этом этапе разговора. Ведь Император годы потратил на совершенствование напитка, знакомого ему с юности.

— Что ж, опрокинем еще по порции, — сказал Император, снова наполняя стаканы. — А потом я попотчую вас по-настоящему крепким напитком.

Он осторожно взял кинжал Стэна, лежавший на столе между ними, еще раз внимательно осмотрел его и вернул хозяину. Это было узкое обоюдоострое смертоносное орудие с заостренным концом. Стэн самолично изготовил его из необычайно редкого кристаллического материала; лезвие было толщиной всего лишь два с половиной миллиметра, а острие сужалось до кончика намного более тонкого, чем человеческий волос, — до ширины пятнадцати молекул. Острием этого холодного оружия можно было резать алмазы. Император проследил пристальным взглядом, как Стэн сжал пальцы на рукояти кинжала и та скрылась в идеально облегающих ножнах из плоти.

— Славненькое «перо», — наконец проронил властитель. — Нельзя сказать, что это уставное оружие, но ведь и вы человек, так сказать, неуставной... — Он сделал паузу, чтобы Стэн хорошенько вдумался в его слова, затем продолжил: — Впрочем, Махони заранее предупредил меня, что вы не из ординарных.

Стэн не знал, что на это ответить, и поэтому просто сделал еще глоток виски.

— Бывший уличный головорез, — вслух размышлял Император, — и нате вам: выбился в капитаны Императорской Гвардии! Лихо взлетели, молодой человек. Очень лихо.

Он отпил немного виски и закончил свою мысль внезапным резким вопросом:

— А каковы ваши планы на будущее, капитан? — Тут он быстро предупреждающе поднял ладонь, прежде чем Стэн успел брякнуть какую-нибудь подобающую случаю глупость, вроде «и дальше верой и правдой служить Вашему Величеству» или что-либо в том же духе. — Я имею в виду, не надоело ли вам тянуть военную лямку: вся эта проклятущая армейская тягомотина, хождение по струнке, непрестанные «есть, сэр», «так точно, сэр»...

Стэн пожал плечами.

— Для меня армия — дом родной, — сказал он, нисколько не кривя душой.

Император задумчиво кивнул.

— Мне подобная преданность знакома. Только я своим домом считал инженерное дело, а искусство убивать, слава Богу, никогда не жаловал. Признаться, не люблю вояк. И никогда не любил. Даром что я верховный главнокомандующий такого количества солдат, какого вы себе... да, какого вы себе даже представить...

Он так и не докончил фразы — вместо этого осушил остатки виски в своем стакане.

— Короче говоря, я должен был стать инженером. И думал посвятить этому делу всю свою жизнь — чтобы оно стало мне навсегда домом родным.

Вечный Император медленно покачал головой, словно изумляясь, что сохранил эти воспоминания более чем тысячелетней давности.

— Все имеет свойство меняться, капитан, — произнес он после некоторой паузы. — Вы и вообразить не можете, как все меняется в этом проклятущем мире!

Призвав на помощь все свои не ахти какие актерские способности, Стэн ответил многозначительным молчаливым кивком — дескать, как я вас понимаю! Император раскусил его игру и рассмеялся. Он потянулся к ящику своего письменного стола очень старинной работы и вынул бутылку совершенно прозрачной жидкости. Открыв пробку, властитель наполнил этой жидкостью два стакана — до самого края.

— Итак, вот заключительное испытание для вас, капитан Стэн. Миновали девяносто циклов вашей службы, юноша, и вот вам финальный тест. Осилите — и я вас зауважаю всерьез.

Император одним духом осушил полный стакан чистого спирта и с грохотом опустил его на стол. Теперь он внимательно следил за Стэном, который сперва осторожно нюхнул жидкость, слегка поежился — и послал этот белый огонь вниз по глотке.

Стэн залпом выпил содержимое стакана — и хоть бы поморщился. Поставив стакан на стол, он потянулся за бутылкой — налить еще.

— Крепенький напиток. На мой вкус, немного металлом отдает.

— Это из-за радиатора, — хохотнул Император. — Я использую в качестве дистиллятора автомобильный радиатор. Для придания пикантного вкуса.

— О-о! — протянул Стэн с прежним непроницаемым видом. — Любопытно... Вы не возражаете, если я плесну себе еще?

Он налил еще два полных стакана и, молча подняв тост, выпил спирт медленными глотками, словно это была обыкновенная вода. Император озадаченно наблюдал за ним.

— Бросьте, — сказал он не без нотки отчаяния в голосе. — Такого чистого спирта вы сроду не пробовали — и не вздумайте отпираться! Не дурачьте меня!

Стэн с невинным видом тряхнул головой.

— Вы правы, этот спирт и впрямь забористый, — согласился он. — Однако — уж вы не обижайтесь — пивал я напитки и покрепче.

— Например? — почти кипя от ярости, спросил Император.

— Например, стрегг.

— Это что за проклятущая штуковина?

— Не знаю, помните ли вы такой народ — бхоры, — ответил Стэн. — Вот они этот стрегг и глушат.

— А-а, помню, — отозвался Император. — Ребята, что населяют звездное скоплении Лупус. Кажется, я им отдал в пользование какую-то звездную систему или что-то в этом роде.

— Да, что-то в этом роде.

— Ну и как пьется этот самый стрегг? Бьюсь об заклад, что мой самогонный спиртец куда лучше! У вас, часом, нет стрегга на пробу?

Стэн кивнул.

— Имеется. В моей комнате. Если вам действительно любопытно, могу отрядить курьера.

— Разумеется, любопытно!

Император поднял стакан для тоста.

— Чтоб моя матушка... — произнес он заплетающимся голосом, — чтоб у моей матушки... Ну-ка, повтори этот тост, который был принят у бхоров.

— Чтоб у моей матушки бородища выросла! — подсказал Стэн не менее заплетающимся голосом.

— Верно. Чтоб у моей матушки бородища выросла! — рявкнул Император, охнул и ухватился за стол — подвластная ему империя вдруг закружилась перед его глазами.

— Проклятущий мноюгонный спирт, — нараспев сказал Император, — ему, увы, далеко до стрегга, далеко! Стрегг — самое оно! У этих бхоров был еще один тоже... то есть тост. Чтоб мой папаша...

— Чтоб мой папаша зад себе отморозил! — снова подсказал Стэн.

— Не суйся, сам помю... вот это тожжжд... тость... тост. Чтоб п-паша зад се заморозил! Ну и пойло этот стрехх...

Тут Император поднес к своим губам пустой стакан и опрокинул его себе в рот. Потом отодвинул стакан от себя и обиженно воззрился на него. Наконец до властителя дошло, что стакан пустой. Это заставило Императора встряхнуться и отчасти вернуть себе подобающий Его Величеству вид.

— Ну и нажрался я, — изрек он.

— Совсем косой, — подтвердил Стэн. — Со стреггом шутки плохи. Он тебя подстрегг... то есть вас... то есть я хотел сказать... дьявол, а который, бишь, час? Мне вроде как на дежурство...

— Ни на какое дежурство. Его Величество будет недоволен. Его Величество не терпит пьяных при исполнении. Если который пьяный — не люблю. Который пьет и пьянеет — таким не доверяю. И никогда не доверял!

Стэн таращился на него сквозь марево опьянения.

— Стал-быть, я уволен вчистую?

— Не-е. Не-е. Ежели стану пьяных увольнять — надо с себя начать. Вот протрезвеем — и уволю тебя к чертовой матери. — Император с кряхтением поднялся со стула. Его качало из стороны в сторону. Но он собрал волю в кулак и стал прямо. — Ангельская похлебка! Только она спасет твою карьеру.

— Что еще за ангельская похлебка?

— Тебе незачем знать. Если б ты про нее чего знал, есть бы не стал... Это яство заодно и рак лечит... Да-да, ведь и прежде знавали способы лечить рак!.. Короче, ангельская похлебка — это самое оно. Только она прочистит наши бедные мозги.

Выписывая кренделя, Император двинулся вперед. Стэн последовал за ним — четким армейским шагом, но только с наклоном чуть ли не в сорок пять градусов.

В животе Стэна заурчало от голода, когда до него донеслись ароматы с кухни, которая находилась в императорских покоях и где Его Величество время от времени самолично стряпал. Пьяный в стельку, он зачарованно наблюдал, как отнюдь не менее пьяный Император совершал цепочку чудес — малых и великих. Малыми чудесами были его колдовские манипуляции с разного рода неизвестными пряностями и травами; к большим чудесам относилось то, что Император, приняв такую убийственную дозу стрегга, мог стремительно орудовать старинным французским ножом, шинкуя овощи с быстротой машины, а также отмерять на весах нужные ингредиенты... и при этом продолжать довольно оживленно болтать.

У Стэна в это время была одна обязанность: следить, чтобы стаканы со стреггом не пустели.

— Ударим еще по одной, — сказал Император. — Не бойся — ангельская похлебка будет вот-вот готова.

Стэн сделал осторожный глоток стрегга и ощутил, как ледяная струйка расплавленным металлом прокатилась по его пищеводу. Но на этот раз, как ни странно, действие сверхмощного алкоголя было иным. Стэн сидел в святая святых императорских покоев — на его кухне, к тому же он сознавал, что пора вспомнить о своих обязанностях капитана личной охраны; оба эти соображения неожиданно частично протрезвили его.

Кухня Императора была в четыре раза, а может, и в пять раз просторнее большинства стандартных кухонь в Прайм-Уорлде, где в нынешнем сороковом веке работали лишь компьютеры и роботы и весь процесс готовки был скрыт от глаз. Разумеется, в императорской кухне были *некоторые* современные элементы — встроенные шкафы, огромные холодильные камеры, открывавшиеся нажатием кнопки. Работала система абсолютной дезинфекции воздуха и всех поверхностей в помещении, а также суперсовременная система уничтожения отходов, которой Император пользовался крайне редко. Обычно он сбрасывал очистки и все, что на взгляд Стэна было отходами, в один из контейнеров и совал его обратно в холодильник, а влажные отходы сгребал и сбрасывал в помойное ведро — дырявое, подтекающее, в чем Стэн со временем имел возможность убедиться.

Главной достопримечательностью кухни был огромный разделочный стол для рубки мяса — из дуба, очень редкой древесины. В середине разделочного стола находилась антикварная нержавеющая раковина. Установленная чуть ниже уровня столешницы, она постоянно омывалась струями воды — когда Император, рубящий мясо, сбрасывал туда ненужные мелкие кусочки, они немедленно исчезали в сливе.

Сразу же за спиной властителя располагался ряд огромных приспособлений для варки и жарки — плиты и печки: темные и массивные — из чугуна, сверкающие и изящные — из стали. Стэн разглядел одну печь, стены которой были толщиной в несколько сантиметров, рядом — большой электрический гриль и газовая плита с шестью горелками, которой пользуются повара-профессионалы, а дальше другой гриль — открытый, на дровах. Судя по легкому запашку в воздухе, печь работала на какой-то разновидности природного газа.

Стэн наблюдал, как Император ловко управляется с продуктами, сопровождая все свои действия непрестанными комментариями. Если Стэн правильно уловил, готовить ангельскую похлебку начинают с того, что мелкими дольками нарезают чоризо — мексиканскую твердую колбасу. Затем чоризо вместе с большим количеством чеснока жарят в оливковом масле с добавкой тайского маринованного перца. Упоительно вкусные запахи разогретых специй защекотали ноздри Стэна, несмотря на то что он был все еще под отупляющим воздействием стрегга. Капитан охраны глотнул еще обжигающего напитка и усилием воли заставил себя вслушиваться в слова Императора.

— Я когда-то считал, — говорил тот, — что пища — это всего лишь горючее для поддержания жизни. Ну, сам понимаешь: сосет под ложечкой, надо чем-то набить желудок, чтобы продолжать заниматься чем-либо серьезным.

— Вполне понимаю вас, — сказал Стэн, вспоминая тот период, когда он работал на Миге.

— Я так и думал, что ты меня поймешь. Я ведь был самым обыкновенным инженером в «медвежьих углах» космоса. Вкалывал по черному в экспедициях, организованных компанией, на которую работал, а во время отпуска слезал с девок только для того, чтобы к бутылке приложиться. Для смакования кушаний времени как-то не находилось. По мере того как я продвигался по служебной лестнице, командиров-

ки становились все продолжительнее. Я адски скучал вдали от цивилизации. И понял, что существует одна отдушина — хорошо поесть. А кормили стандартной пищей. Вот я и начал искать выход. Стал вспоминать, что готовили бабушка и дедушка. Мало-помалу восстановил их рецепты.

Император причмокнул губами.

— Даже странно, с какой цепкостью удерживаются в памяти запахи и вкус пищи, которую мы когда-то ели. Остается только использовать свой язык в качестве точного прибора и проводить практические опыты, пока не добьешься желаемого результата. Как, например, с этой ангельской похлебкой. Еще не изобретено лучшего средства быстро протрезветь или мгновенно снять похмелье. Искусству готовить это чудо меня обучил один мексиканский пират. Впрочем, это уже другая история...

Он прервался, чтобы выпить глоток стрегга. Потом, улыбнувшись каким-то своим мыслям, лихо помешал чоризо на противне с кипящим маслом. После этого он продолжил свое дело: разрезал луковицы на пять-шесть долек, а помидоры — на четвертинки.

— Перескочим через чертову уйму лет. Это было после того, как я обнаружил АМ-2 и начал сгребать в кучу все эти планеты, чтобы построить чертову Империю.

У Стэна на мгновение закружилась голова. АМ-2 — Антиматерия-Два. Истоки Империи. Ведь это все описано в видео-курсах истории — то, о чем так небрежно рассказывает этот человек, которому на вид не дашь больше тридцати пяти лет. Все эти вещи всегда казались Стэну красивыми легендами, в которых ни слова правды. Но вот он беседует с человеком, который — хочешь-верь, хочешь не верь — самолично всю эту кашу заварил. И было это, черт возьми, почти двадцать веков назад!

А Император продолжал рассказ, словно вспоминал о том, что было на прошлой неделе.

— Да, настало время, когда я почил на собственных лаврах — и было мне так скучно, что словами не передать. Я прибрал к рукам не меньше дюжины солнечных систем, все шло как по маслу. На моем банковском счету было несколько триллионов триллионов мегакредиток. Ну и что? Как по-твоему, способен ли один человек потратить хотя бы триллиончик триллионов? — Жестом он пригласил Стэна опрокинуть еще по

стакану стрегга. — И вот, когда я совсем измаялся от скуки, до меня дошло, на что я могу потратить свои денежки. На изысканное гурманство. Одна беда — мне ничего не нравилось из кушаний, которые готовили в последние шесть-семь столетий. И тогда я начал самостоятельно экспериментировать. Восстанавливать в памяти старинные кушанья и воспроизводить их. Скупал книги с древними кулинарными рецептами и готовил все, что казалось заманчивым. — Император повернулся к морозильной камере, вынул оттуда полукилограммовый кусок кровоточащего мяса и принялся рубить его на кусочки. — Да, хорошая кухня — это серьезно. Отличный способ убивать время. Особенно если этого времени у тебя навалом.

Император выключил горелку под противнем с порезанной колбасой и чесноком и поставил на огонь другой противень с маслом, настоянном на большом количестве специй. Туда он добавил чуточку шалфея, немножко чебреца и тимьяна, потом рукой скатал в шарики несколько побегов розмарина и бросил поверх прочего. Получившуюся смесь размешал, на секунду задумался, потом ссыпал на противень четвертинки помидоров и дал им прожариться. Затем он выключил газ под противнем, повернулся к Стэну и уперся в лицо молодого капитана задумчивым взглядом.

После долгого молчания Император заговорил снова — обваливая мукой кусочки мяса и бросая их в миску со жгучим перцем.

— Вполне возможно, что с вашей точки зрения, капитан, я распространяюсь о вещах малоинтересных, о том, что было и быльем поросло. Словом, стариковская болтовня, которая нынешнему поколению совсем нелюбопытна.

Стэн хотел искренне запротестовать, но властитель остановил его царственным жестом. Это был монолог, а не диалог.

— Поверьте мне, — почти совершенно трезвым голосом сказал Император, — мое прошлое кажется мне таким же свежим и близким, как вам — ваше. Так-то! А теперь перейдем к основной теме нашей сегодняшней беседы.

Он сделал короткое троеточие в своей речи — осушил полстакана стрегга.

— Мне хотелось бы знать, как идут ваши дела, капитан Стэн. Как вам эта чертова служба во дворце?

Мозг Стэна работал с максимальной скоростью. Параграф первый в неофициальном изустном учебнике «Как

младшему офицеру выжить и преуспеть в армии» гласит: когда старший по званию офицер спрашивает твое мнение, не стесняйся — ври с три короба.

— Я очень доволен службой во дворце.

— Эх вы, врун проклятущий! — сказал Вечный Император.

Параграф второй упомянутого учебника выживания гласит: когда, бухая со старшим по званию, ты пойман на лжи, смело громозди новую ложь на старую.

— Нет, я нисколько не преувеличиваю. Я бы даже сказал, что ничего интереснее...

— Параграф второй у вас не пройдет, капитан. Кончайте вешать мне лапшу на уши.

В ответ на это Стэн выпалил:

— Этот дворец — нуднейшее место, переполненное занудами, да и вообще я терпеть не могу политику, пропади она пропадом!

— Вот так-то лучше, — улыбнулся Император. — А теперь позвольте дать совет, который поможет вам сделать хорошую карьеру...

Тут он прервался, чтобы снова разжечь огонь под противнем с колбасой и чесноком. Как только масло стало опять закипать, властитель высыпал в него кусочки мяса, обваленные в муке и пересыпанные жгучим перцем.

— Запомните первое: для своего возраста и чина вам дьявольски повезло, что вы попали во дворец.

Стэн раскрыл рот, чтобы выразить согласие, но Императору было достаточно сурово зыркнуть на него, чтобы слова застыли у капитана на губах. Помешивая кусочки мяса и дожидаясь ровной коричневой корочки, Император продолжал:

— Подсказка первая: не задерживайтесь на одном посту. Если задержитесь, потеряете драгоценное время. Теперь мысль вторая: ваш нынешний пост с одной стороны — трамплин для блестящей карьеры, а с другой стороны — страшный тормоз для служебного роста. Кажется, это звучит так эффектно: «Уже начальник личной охраны Его Величества в таком-то и таком-то возрасте!..» Но вам придется столкнуться с вышестоящими — которые старше вас, одержимы завистью, и они станут распускать слухи, что я строю какие-то особенные планы относительно вас. Принимайте эти разговоры как неизбежное зло. А разговоры, несомненно, начнутся.

Император закончил с мясом. Теперь он взял огромный чугунок и вывалил все ингредиенты в него. Туда же были брошены нарезанный лук и помидоры. За ними последовали стручки красного перца, два-три стаканчика красного вина. Закрыв все крышкой и увеличив пламя до максимума, Император довел похлебку до кипения и подвернул огонь, чтобы кушанье дошло на медленном огне.

Присев рядом со Стэном и отхлебнув стрегга, он сказал:

— Не знаю, до какой степени вы осознаете это — и осознаете ли вообще, но у вас серьезный учитель в лице генерала Махони.

— О да! Я это сознаю, — заверил Стэн.

— Вот и хорошо. Вы пришлись ему по сердцу. Да и мне вы сейчас понравились. Неплохие результаты, молодой человек. Впрочем, не забывайте: я знаменит тем, что легко стать моим фаворитом и еще легче попасть в опалу. Я быстро загораюсь, но и быстро остываю к людям. Так что вам не следует слишком долго находиться у меня перед глазами. Когда дела идут из рук вон плохо, я порой ищу козла отпущения среди своего окружения. Иногда я совершенно искренне верю, что сам я безупречен и только мои подчиненные делают промахи.

— Мне случалось сваливать свою вину на других.

— А с кем такого не случалось? Жизнь мало-помалу учит молодых офицеров. Помои всегда стекают вниз. Эту простенькую истину нужно усвоить как можно раньше. И тогда вы будете знать, как быстро избавляться от помоев, когда заберетесь на самый верх.

Похлебка была наконец готова. Император встал и разливной ложкой наполнил две миски дымящимся кушаньем. У Стэна слюнки потекли. От смеси аппетитных запахов голова шла кругом. У капитана даже увлажнились глаза, когда Император сперва поставил перед ним миску, а затем отрезал два огромных ломтя свежеиспеченного пшеничного хлеба и положил рядом с масленкой, полной свежевзбитого белейшего сливочного масла.

— Стало быть, программа ваша такова: хорошо справляться с нынешними обязанностями. А потом при первой же возможности уйти из службы безопасности — и не иметь никакого отношения ко всем этим интриганам и людишкам, играющим в комедии «плаща и кинжала». Никто не достигал

по-настоящему больших высот, если всю жизнь служил в органах безопасности. Я позаботился, чтобы это было именно так. Не доверяйте людям из службы безопасности. Никто не должен им доверять. Далее, переходите в летную школу. Нет, не вздумайте возражать! Я знаю, что вы обучены десантному делу и все такое. Я имею в виду совсем другое. Поступайте в космофлот и учитесь водить корабли.

Император не спеша намазал свой ломоть хлеба густым слоем масла. Стэн последовал его примеру, мотая на ус каждое слово, сказанное таким собеседником.

— Вам нетрудно будет получить чин капитан-лейтенанта. А потом можно дослужиться до капитана третьего ранга, потом стать командиром корабля и — чем черт не шутит! — при некотором везении даже командиром флагманского корабля. И уж тогда до чина адмирала рукой подать.

Стэну пришлось сделать большой глоток стрегга, чтобы скрыть свое волнение. Он — адмирал? Чокнуться! Еще никто не дослужился до адмирала, начиная с самого низа служебной лестницы.

Император снова наполнил стаканы до краев.

— К мнению своих адмиралов я *прислушиваюсь*. Так что хорошенько усвойте эти слова и возвращайтесь в мое окружение лет этак через пятьдесят. Может статься, я когда-нибудь стану выслушивать *вас*. — Император зачерпнул похлебку большой ложкой. — Ешь, сынок. Эта пища здорово прочищает мозги. Сперва уши огнем охватывает, потом серые клеточки мозга. А чтобы стать адмиралом, нужно много-много работать серыми клеточками.

Стэн проглотил первую ложку похлебки. Она обожгла его язык, жидким металлом потекла по пищеводу. В желудке ангельская похлебка взорвалась дьявольской атомной бомбочкой. Из глаз Стэна брызнули слезы, из носа сразу потекло, уши налились кровью и горели не меньше языка. Молекулы красного перца гонялись за молекулами стрегга и истребляли их подчистую.

— Нуте-с, как на ваш вкус? — спросил Император.

— А что, если у меня нет рака? — выдавил Стэн, хватая воздух ртом.

— Ешь, парень. Если у тебя нет рака — не волнуйся, скоро заимеешь.

ГЛАВА 5

Императора мучили две неприятные проблемы относительно Прайм-Уорлда. Первую можно было сформулировать так: почему на планете-столице царит такой жуткий хаос? В течение десяти столетий он успешно правил множеством звездных систем. Так почему же, черт возьми, нельзя в таком же порядке содержать эту проклятущую, по Вселенским масштабам крохотную агломерацию городов, которые размещались на одной разнесчастной планете?

Вторая проблема: из-за чего все пошло наперекосяк?

Прайм-Уорлд являл собой классический пример того, как агломерация, растущая без четкого плана, превращается в Бог весть что. Давным-давно, в те незапамятные времена, когда Вечный Император только-только довел до сознания всех людей, что он не только единственный, кто владеет топливом, подходящим для межзвездных перелетов, а именно АМ-2 — Антиматерией-Два, но также способен надежно оберегать секрет его изготовления от кого бы то ни было, — еще тогда, на заре его Империи, он осознал, что Земля никак не подходит на роль столицы, тем паче столицы, призванной стать перекрестьем торговых маршрутов.

Он избрал планету, получившую название Прайм-Уорлд, по нескольким причинам. Она была необитаемой. Атмосферные и прочие условия на ней были максимально приближены к земным. Планету окружали спутники, которые могли стать идеальными погрузочно-разгрузочными платформами для транскосмического торгового флота. Вот почему Император купил эту планету, до того — лишь пронумерованную точку на астрономической карте. Невзирая на то что к тому моменту он контролировал всего пятьсот — шестьсот звездных систем, Император предвидел грядущее расширение своих владений. А с ростом Империи неизбежно станет разрастаться и административный аппарат, бюрократия, будет увеличиваться штат вельмож при императорском дворе и так далее.

Чтобы будущий рост не застал врасплох, крайне разумным шагом было заполучить под столицу целую пустую планету. Следовало и распорядиться ею разумно. Поэтому к работе с самого начала привлекли самых талантливых архитекторов и планировщиков. Никакой скученности, много

свободного пространства, широчайшие бульвары. Повсюду на планете должно быть невероятное количество парковых зон — как для красоты, так и во избежание загрязнения атмосферы. Сделали все, чтобы города, которым предстояло срастись, не превратились со временем в чудовищных размеров помойку. Участки земли сдавали в аренду сроком на сто лет. Никакое строительство не начиналось без предварительного одобрения городского совета, в который, кроме архитекторов и специалистов по урбанистике, входили также и экологи.

Прошло чуть больше тысячи лет — и, пожалуйста, Прайм-Уорлд превратился в чудовищных размеров помойку.

Причины до смешного просты: алчность, глупость и взяточничество — низменные черты людского характера, которые Вечный Император имел несчастье проигнорировать при планировке своей идеальной столицы. Если говорить цинично, Император вовсе не нуждался в человеке, который сказал бы ему правду-матку, как тот раб, который — в разгар триумфального входа в Рим — осмелился шепнуть Цезарю, перекрывая восторженный рев толпы: «Все это мимолетно!»

Достаточно было ему самому совершить короткое, пятидесятипятикилометровое путешествие в Фаулер — ближайший от его резиденции город — и побродить по тамошним улицам. Подобно прочим городам Прайм-Уорлда, Фаулер представлял собой пестрый конгломерат одно-, двухэтажных домов и небоскребов.

Для иллюстрации: участок пятьсот метров на пятьсот метров, обозначенный в прайм-уорлдском земельном кадастре под шифром NHEB0FA13FFC2, был некогда продан в аренду правителю звездной системы Сандиа, большому любителю роскоши, который построил там что-то среднее между посольством и дворцовым комплексом. Но когда его отстранила от власти хунта со спартанскими вкусами, участок был сдан в субаренду Межзвездной Торговой Корпорации. МТК снесла дворцовый комплекс и выстроила небоскребище, ставший ее штаб-квартирой в столице. Однако со временем МТК стали преследовать неудачи — продавали не то и не там, корпорация стала хиреть, и ее руководство сдало большую часть небоскребища в суб-субаренду массе фирм и фирмочек, работавших в масштабах какой-нибудь одной планеты или одной звездной системы. Наличие большого числа мелких

арендаторов позволило вздуть до небес арендную плату. Дошло до того, что в качестве годичной ренты за офис из пары комнатенок выкладывали сумму, равную годичному валовому продукту какой-нибудь густо населенной планеты.

Небоскреб МТК превратился в хаотический набор офисов — до тех пор, пока все суб-субаренды не были выкуплены шахиней Хафиза, которая мечтала жить в собственной резиденции во время своих частых наездов в Прайм-Уорлд. Она снесла небоскреб и на его месте возвела очередной дворец.

Эта круговерть началась восемьдесят один год назад. И тем не менее в имперском земельном реестре участок все еще значится за свергнутым президентом звездной системы Сандиа, который вот уже сорок семь лет как насильно заключен в монастырь.

При наличии системы субаренды практически невозможно содержать здание в должном порядке. Квартирная плата достигает таких размеров, что квартиры, которые рассчитаны на одну семью, но одной семье не по карману, напоминают армейские казармы — столько в них жильцов.

Император старался как-то влиять на ситуацию, помогать нуждающимся. Он ясно сознавал, что даже в эпоху компьютеров и роботов требуется армия мелких чиновников, которым надо где-то жить и как-то сводить концы с концами. То и дело затевалось масштабное строительство дешевого жилья, но эти проекты как-то быстро и незаметно прибирали к рукам всякого рода мерзавцы, и все кончалось пшиком — типичный пример того, к чему приводит полная свобода предпринимательства.

После восьмисот лет борьбы с практикой субаренды и после провала кампании против взяточников, которые смотрели сквозь пальцы на отвратительные жилищные условия в городах, был наконец принят закон, резко ограничивший иммиграцию в Прайм-Уорлд. Разрешение на въезд получали только богачи, способные инвестировать большие деньги в экономику Прайм-Уорлда, или необходимые столице специалисты, или работники для заполнения новых рабочих мест. За соблюдением закона следили со всей суровостью. Это превратило жителей Прайм-Уорлда в потенциальных богачей. Любой из них — от чрезвычайного и полномочного посла какой-либо звездной системы, автоматически получающего вид на жительство в столице, до последнего уличного тор-

говца — мог продать свою прописку за баснословную сумму и на эти деньги жить припеваючи в любом конце Вселенной.

Однако мало кто пользовался фантастической возможностью обогатиться. Праймуорлдцы гордились тем, что живут в центре Вселенной, им нравилось в Прайм-Уорлде. Большинство из них отнюдь не спешили продать свою прописку, предпочитая жить в бедности (правда, лишь относительной, ибо прожиточный минимум и право на элементарный отдых и элементарное жилище гарантировались государством), но не уезжать из столицы. Планета была центром цивилизации, здесь находился двор Его Величества Императора Тысячи Солнц. Ни люди, ни другие живые существа не рвались оставить навсегда оживленную столицу ради привольной жизни в провинции.

Иногда Императору — спьяну, или после свары с придворными, или в припадке гнева — приходила мысль национализировать все строения на планете, осуществить генеральную чистку и снять ограничения на въезд в столицу. Но за этой мыслью всегда следовала другая: оголтелые капиталисты сумеют и национализацию повернуть себе на пользу. Как бы хуже не стало.

Словом, не буди лиха, пока спит тихо. Уж лучше жить с такими «малыми» неудобствами, как перенаселенность и устаревание городских карт в течение тридцати дней после их выпуска.

В довершение всех бед в Прайм-Уорлде, помимо городов и обширных парковых зон, имелись частные усадьбы. Они тоже сдавались в аренду и располагались преимущественно вокруг императорского дворцового комплекса. Социальный статус вельмож негласно определялся близостью их усадьбы от императорского дворца.

Ближе всего к нему — в десяти километрах — находилось одно внушительное здание. Там заседал имперский парламент. Без парламента в государстве чего-то как бы не хватает, да и нужно нечто, оттеняющее блеск императорского двора. После того как Вечный Император утвердил проект здания парламента, он повелел насыпать между своим дворцом и гнездилищем народных депутатов холм километровой высотой. Властитель смирялся перед необходимостью иметь дело с представительной властью, но видеть ее днем и ночью из своего окна — избави Бог!..

Если суммировать, Прайм-Уорлд был странноватым местом. Жизнь на столичной планете кое-как шла и не останав-

ливалась. Хотите, считайте эту фразу похвалой, хотите — критикой.

Перевозку пассажиров между городами осуществляла пневмоподземка. Грузы перевозили гравитолеты. Товары из других звездных систем сгружали или на спутниках, или на искусственных космических причалах, которые понадобились в связи с расширением Империи и соответствующим увеличением объема торговли. Затем эти товары или отправляли дальше на других грузовых кораблях, или опускали на поверхность планеты — в один из пяти портов.

Подобно всем портам в истории человечества, прайм-уорлдские порты были неприглядными местами с особенно развитой преступностью. Самый большой порт — Соуард — был одновременно и ближайшим от Фаулера. В километре от соуардской взлетно-посадочной полосы располагался один из баров космопорта под названием «Ковенантер».

Как и во всех прочих городах Прайм-Уорлда, в Соуарде остро стоял вопрос перенаселенности и нехватки земли. Все вспомогательные помещения космопорта — залы ожидания, офисы, кафе, бары и все прочее — размещались прямо над огромными высокими пакгаузами, занимавшими более квадратного километра. На второй этаж, где, собственно, находился космопорт, вознесенный над складскими помещениями на хитрых переплетениях стального каркаса, попадали по пандусам — некоторые из них были оснащены движущимися лентами.

«Ковенантер» находился аж на третьем этаже. Чтобы попасть в этот бар нужно протопать по пандусу, миновав первый, складской этаж, затем проехать на эскалаторе, а затем пешком преодолеть грязную засаленную лестницу на третий этаж. Несмотря на эти неудобства, в «Ковенантере» было всегда людно.

Но не ночью.

Но не в дождливую погоду.

Годфри Алэн поднялся по эскалатору, отошел в сторонку, где было поменьше света, и остановился — проверить, нет ли за ним хвоста.

Прошло несколько минут, однако он не услышал ничего, кроме журчания потоков воды, стекающих по пандусу этажом ниже. Алэн получше запахнул водонепроницаемую куртку, но не спешил идти дальше.

Выйдя из своей комнаты в фаулерском отеле, Алэн посетил четыре снятые заранее «чистые» комнаты, где он мог ощутить себя на короткое время в безопасности — переодеться, проверить наличие слежки. Похоже, за ним никто не следил.

Разведчик с опытом мог бы посоветовать Алэну менее разорительный способ ухода от хвоста, чем аренда четырех комнат. К тому же элегантный костюм и появление в районе космических доков делали его потенциальной жертвой грабителей.

Но Годфри Алэн шпионом не был, да и шпионские штучки-дрючки не очень-то уважал. В сознании большинства жителей Империи он был отпетым террористом. В сознании своих товарищей-революционеров, в сознании своих соплеменников из Таана, большого союза звездных систем, и в своем собственном Алэн являлся убежденным борцом за свободу.

Как ни странно, свобода, за которую боролся Алэн, была ущемлена не вследствие политических интриг, а просто из-за перенаселенности Вселенной. В свое время звездные системы Таан были основаны на задворках известного тогда мира беженцами из Империи, которые протестовали против тотальной технизации быта. Они выговорили невмешательство Империи в их внутренние дела. Поскольку таанцы заняли группу отдаленных звездных систем, жили замкнуто, не высовываясь из своего мира и всем себя обеспечивая самостоятельно, то Империи, занятой многочисленными проблемами, не было резона соваться в дела в техническом отношении слабо развитого окраинного союза. Но по мере того, как у таанцев возникли трудности с перенаселенностью их мира, они стали искать новое жизненное пространство — и столкновение с Империей стало неизбежным. Оно и произошло, как только первые таанские колонисты начали просачиваться на приграничные планеты Империи, заселенные пока что горстками первопроходцев.

Между представителями двух очень несхожих культур достаточно быстро разгорелись конфликты — и обе стороны стали заваливать жалобами свои центральные правительства. Таанские власти сознавали, что для прямой военной поддержки претензий своих переселенцев у них нет средств, да и себе дороже рисковать открытым столкновением с Империей. Империя, со своей стороны, тоже не желала слишком тратиться, чтобы оградить интересы имперских пионеров от

посягательств таанских колонистов. Гарнизоны в местах конфликтов были чисто символически усилены немногочисленными пополнениями — не из лучших бойцов.

Алэн родился на планете в звездной системе Калтор — одной из тех, где пришли в столкновение интересы Таана и Империи. Поскольку таанские колонисты — по причинам социальных традиций и из экономической необходимости — жили поблизости друг от друга и вообще держались кучно, у них были определенные преимущества перед имперскими поселенцами, менее дружными. Зато на планете стоял имперский военный гарнизон, да и вообще имперские первопроходцы ощущали за своей спиной гигантскую межзвездную державу. Было обидно наблюдать, каких успехов добиваются юркие сплоченные таанцы — представители второсортного мира.

Подобные напряженные ситуации чреваты погромами. Во время одного из погромов родители Алэна были убиты.

Мальчик, видевший изуродованные трупы своих родителей и то, как начальство имперского гарнизона замяло очередной «инцидент», стал ходить в тайную школу. В этой школе учили, как превратить гравитолет в смертельный снаряд или в бомбу с часовым механизмом; как переделать космический тихоход — корабль-рудовоз — в быстрый трансзвездный аппарат; как из обычной стальной трубы соорудить миномет и как — едва ли не самый важный урок! — в массе трусливых обывателей организовывать многочисленные разветвленные ячейки тайного общества.

Мало-помалу движение сопротивления разрасталось, к нему подключались таанские колонисты на все новых планетах. Их выступления всякий раз официально осуждались далекими таанскими властями, которые втайне старались оказывать колонистам моральную поддержку и снабжали их немаркированным оружием, происхождение которого при провале было невозможно установить. Имперские поселенцы вкупе с «миротворческими» имперскими отрядами жестоко расправлялись с непокорными, но это лишь укрепляло решимость таанцев бороться до конца.

Алэн со временем возглавил таанское движение сопротивления. Через пятьдесят лет после того, как мальчик увидел трупы своих родителей среди руин родного дома, он стал лидером Освободительного Движения Окраинных Планет.

Как представителя мощного вооруженного объединения, борющегося против Империи, Алэна пригласили посетить родину. Посещение планет родного — и в политическом, и в идеологическом отношении — Таанского Союза разбило сердце Алэна. В случае успеха движения сопротивления именно Таанский Союз должен был объединить все окраинные системы для решительной борьбы с Империей. Однако на родине своих предков, куда он сам попал впервые, Алэн увидел совсем не то, что ожидал увидеть.

Прежде всего его повергло в уныние, что само правительство поощряет демографический взрыв. Ему не пришлись по нраву многие традиции в общественной жизни. Но главной причиной его разочарования стало отчетливое классовое деление таанцев, наличие непреодолимых барьеров. Выходец из колонии, где существовало стихийное равенство, где человека ценили только за способности и никому не был заказан путь на самый верх общества, Алэн был воспитан на понятии равенства возможностей. Умом он понимал, что классовая стратификация отнюдь не в традициях культуры таанского общества, возникшего когда-то из демократичных переселенцев из Империи. Однако у него гвоздем засело в голове впечатление, что все таанцы довольны своим положением, принимают его безропотно: солдаты и не мечтают стать вровень с аристократией, представители низшего сословия — крестьяне и рабочие — не рвутся в купеческое сословие и так далее.

В сущности, это был классический конфликт представителя все еще развивающейся культуры с обществом устоявшимся, с обществом пусть и прекрасных, но застывших форм.

Такова была первая причина, почему Алэн вдруг сломался. Второй причиной стало то, что во время празднования Дня Империи Алэн не столько умом, сколько всем своим нутром ощутил несложную истину, которую прежде упрямо не пускал в свое сознание: захоти того Вечный Император всерьез, и все революционное движение будет уничтожено в мгновение ока — просто истребят таанских колонистов всех до единого, чтобы ненароком не оставить на развод ни одного революционера.

Шесть месяцев назад Алэн начал совершенно секретные переговоры с временным послом Империи. Сперва он намеревался обсудить возможности перемирия с Империей и с

теми из окраинных миров, которые она поддерживала. Однако на протяжении этих месяцев концепция перемирия в его сознании значительно изменилась.

Сегодня вечером он намеревался изложить специальному уполномоченному Императора окончательный вариант своей новой программы. Не просто прекращение террористических актов и вооруженного сопротивления, а постепенное официальное признание его народа — таанских колонистов — и легитимизация Движения, возглавляемого Алэном. Приграничные миры следует признать независимой буферной зоной между Таанским Союзом и Империей.

До сих пор Алэн обсуждал проект перемирия лишь со старыми товарищами по борьбе и горсткой доверенных советников. Но Таанская разведка могла без особого труда проведать о его планах, объявить Алэна контрреволюционером и получить добро на его физическое уничтожение.

Смерть лидера окажется на руку и многим из его давних врагов из имперского лагеря. Алэн смерти не боялся — пятьдесят лет партизанской жизни вытравили из души страх погибнуть. Но его приводила в ужас мысль, что он может быть убит до того, как изложит свой план Императору.

Подготовка к встрече прошла тщательно и в строжайшей тайне. Алэна снабдили фальшивыми документами, на что было дано добро на самом высоком уровне, и он прибыл на Прайм-Уорлд в качестве одного из бесчисленных туристов, которые прилетали посмотреть на торжества, посвященные Дню Империи, и поглазеть на диковинную жизнь планеты, где находится двор Императора Тысячи Солнц.

На всем протяжении празднеств в связи с Днем Империи Алэну несколько раз передавали инструкции касательно предстоящей встречи, но делалось это так искусно, что он мог только догадываться, когда и как бумажки попадали в его карман.

Теперь он был относительно спокоен по поводу встречи с представителем Императора, которая должна была состояться в космопортовской забегаловке. Возможно, в более или менее отдаленном будущем этот контакт с представителем Императора окажется смертным приговором для Алэна. Но в данный момент сам Император должен был опасаться, как бы кто не прознал, что его представитель общается с террористом — и не просто террористом, а с человеком, на кото-

рого коммандос из отряда Богомолов дважды устраивали охоту и оба раза безуспешно.

Хвоста за ним не было.

Алэн легко взбежал по лестнице. Сжимая рукоять пистолета под курткой, он оглянулся еще раз и проверил, нет ли слежки. Затем он двинулся дальше по эстакаде из частых стальных прутьев. Эстакада была широкая, метров десять, и между прутьями далеко внизу проглядывала земля. По обеим сторонам эстакады на разных уровнях громоздились стальные конструкции — кубы, параллелепипеды, разнесенные на некоторое расстояние друг от друга. Там находились офисы и небольшие мастерские — сейчас пустые.

Единственным строением над эстакадой был бар, оно же было единственным освещенным зданием. Над красным фасадом с облицовкой под дерево мрачно помигивали яркие объемные буквы: «КО ЕН НТЕР».

Алэн приближался к бару самым медленным шагом, стараясь держаться темной стороны эстакады. Но возле бара он не заметил ничего подозрительного. И, похоже, ни одной живой души поблизости.

Мужчина наблюдал за входом в бар «Ковенантер» с недостроенного второго этажа складского помещения, которое находилось наискосок от эстакады. Он старался держаться в простенке между окнами — на случай, если кто-нибудь обследует район с помощью реагирующего на тепло бинокля.

Уже в течение двух часов «взрывник» то просматривал чуть ли не каждый сантиметр эстакады через прибор ночного видения, то ругал последними словами чертов дождь и самого себя — что взялся за эту работу. И сидел он в засаде подобным образом уже три недели подряд: приходил через два часа после наступления сумерек, а покидал свой пост лишь после закрытия «Ковенантера».

«Задницей я соображал, когда соглашался на эту мнимую халяву!» — думал взрывник не в первый и не пятьсот первый раз. Вот наглядный пример, во что влипает человек, если он долго сидит без работы. Уголовная публика имеет на это особый нюх: они каким-то образом узнают, что профессионал на мели, и выползают из щелей, чтобы предложить дерьмовую работенку именно тогда, когда жизнь загнала тебя в угол и нет иного выбора.

Взрывника звали Динсмен. Хотя он воображал себя профессиональным специалистом по взрывным работам, на самом деле он занимался далеко не тем, что предполагает этот термин. Динсмен был коренным жителем Прайм-Уорлда и презирал понаехавших лимитчиков. О выходцах из бедных районов исстари принято говорить: «родились не по ту сторону от железнодорожного полотна». Так вот, Динсмен родился непонятно по какую сторону от железнодорожного полотна, потому что его старшие братья разобрали рельсы на ближайшем к родному дому участке и загнали их подпольному скупщику металлолома. Динсмен в то время был резвым и в целом очень сметливым пацаненком.

Если бы обстоятельства не складывались по-особенному, Динсмен пошел бы по дорожке, проторенной братьями и соседскими парнишками: начал бы с мелкого воровства, потом примкнул бы к шайке мелких бандитов, ежегодно представал бы перед судом и накопил бы столько судимостей, что в итоге его навсегда депортировали бы на планету-тюрьму.

Однако Динсмену, можно сказать, повезло. Счастье улыбнулось ему, когда в уличной пробке он высмотрел охраняемый грузовой гравитолет, выждал, пока охранник отвернется, выхватил из кузова один из ящиков и дал деру.

В ящиках были взрывпакеты для имперской гвардии. Взрывпакеты в полном комплекте — с таймерами, взрывателями и прочим плюс необходимые инструкции, как всем этим пользоваться. На кой все это сдалось мальчишке, который хотел загнать кому-нибудь краденый товар и заработать пару кредиток! Он сидел на крыше сарайчика и горестно глядел на ящик, ради которого пошел на Великий Риск — по крайней мере в его глазах это был самый настоящий подвиг. И в итоге — пшик.

Но Динсмен не зря был коренным праймуорлдцем, из тех, про которых говорят, что они способны продать ветры после сытного обеда, выдавая их за экспериментальную музыку. Прошло немного времени, и Динсмен — ценой трех оторванных пальцев, пару раз наделав в штаны от страха и будучи вышвырнут из дома разъяренными родителями — стал настоящим специалистом по взрывчатым веществам. И мог доказать это любому сомневающемуся.

Таким образом, Динсмен приобрел верный кусок хлеба: занялся древней и почтенной профессией, примкнул к тем

благородным душам, которые поворотом взрывателя превращали неудачные инвестиции, здания-развалюшки, космические корабли, ненужный инвентарь и т. п. в живые деньги, выплачиваемые страховыми компаниями. Клиентов у него было хоть отбавляй. На беду, самым солидным из клиентов оказался переодетый офицер имперской полиции.

Короче, так оно и пошло — оттрубив очередной срок, Динсмен снова принимался за свое ремесло сверхстремительной разборки надежно застрахованных строений и вещей.

С его опытом и природным чутьем было просто преступлением не заметить, что с *нынешней* халявой что-то не в порядке. Во-первых, наниматель был чересчур лощеным и безмятежно уверенным в себе и ничуть не напоминал замаетерелого уголовника. И о Динсмене этот хлыщ знал на диво много — вплоть до того фактика, что Динсмен позадержался на шесть циклов с выплатой карточного долга и тот, кому он задолжал, подумывал, не будет ли Динсмен выглядеть элегантнее, если его укоротить на голову.

Не будь Динсмен на мели, он бы послал хлыща с его работенкой куда подальше — за ним ходила слава человека, который имеет достаточно силы воли, чтобы выйти из игры в кости даже тогда, когда игра идет его собственными кубиками, в которых он упрятал кусочки свинца.

Седовласый хлыщ сказал, что работка не бей лежачего. Надо установить бомбу в баре «Ковенантер». Не просто бомбу, которая сделает громкий бабах и разнесет все на свете, а умную штуковину, у которой будет сложное задание. Затем Динсмену предстояло дождаться, пока в бар зайдет определенный человек. После чего следовало выждать строго заданное число секунд и нажать кнопку.

Только после этого Динсмену выдадут вторую часть его гонорара, плюс фальшивое удостоверение личности и билет на космический корабль, чтобы убраться подальше из Прайм-Уорлда.

Динсмен снова осыпал проклятиями самого себя — чертов гонорар был слишком высок. Не менее подозрительным было и чрезвычайно дорогое оборудование, которое ему вручили: прибор ночного видения, спортивный секундомер самой дорогой марки, самая современная модель параболического микрофона с наушниками для прослушивания разговоров на большом расстоянии и опять-таки самый модерновый передатчик, с помощью которого предстояло взорвать детонатор.

До Динсмена мало-помалу доходило́, что он сейчас как мелкая рыбешка, попавшая в бассейн с акулами. Но тут появился мужчина, который медленно шел по эстакаде в сторону «Ковенантера».

Динсмен внимательно изучал идущего мужчину. Ну-ка, ну-ка! За последний час это первый человек, который направляется в бар. Одет с иголочки. Зажав в одной руке бинокль, Динсмен надел другой наушники и направил параболический микрофон в нужном направлении.

Алэн дошел до самого входа в «Ковенантер» и остановился. Из мрака навстречу ему вышел другой мужчина — Крейгвел, опытный дипломат, специальный уполномоченный Императора по улаживанию конфликтов. Он был выряжен в спецовку космоинженера и держал руки перед собой, показывая, что безоружен.

— Инженер Рашид? — спросил Алэн.

— Да, я использую именно это имя.

Наискосок от них, на втором этаже недостроенного склада, Динсмен чуть было не пустился в пляс от радости. Наконец-то! После трехнедельных бдений! Наконец-то они явились! Он сорвал с себя наушники, включил радио-детонатор и взял в руку секундомер.

В то же мгновение, когда мужчины переступили через порог бара, Динсмен нажал кнопку таймера и отсчет секунд начался.

ГЛАВА 6

Десять секунд.

Яниз Керлех, будучи совладелицей бара, выполняла в нем роли и повара, и барменши, и старшей официантки. Да и сам бар был ее творческим произведением.

Яниз отнюдь не назовешь обманутой деревенской простушкой из бедной семьи, которую жизнь заставила от стыда податься на большую планету, хотя она родилась и выросла

на планете фермеров. Пятнадцать лет наблюдения за тем, как ее родители, занимавшиеся рубкой леса и обработкой древесины, от зари до зари рубят и пилят, рубят и пилят, заставили ее всерьез задуматься, как бы улизнуть из этого замкнутого круга изнурительной работы. Случай удрать явился в лице странствующего продавца, который сбывал дрессированных слонов, обученных перетаскивать древесные стволы.

Продавец слонов увез Яниз в ближайший городок. Девушке понадобилось всего лишь двадцать минут, чтобы сообразить, какая профессия там самая прибыльная, найти нужный оживленный угол и снять своего первого клиента.

Профессия девушки для утех ей ни секунды не нравилась — хотя бы потому, что она никак не могла понять, отчего большинству мужиков, которые отправляются на поиски платных приключений, никогда не приходит в голову предварительно почистить зубы. Но эта работенка была все же веселей, чем перспектива всю жизнь подбирать дерьмо за слонами и с тревогой заглядывать им в зад — как бы у них не случилось геморроя, который помешает как следует работать хоботами. Мало-помалу, подвизаясь в качестве ночной бабочки, Яниз поднакопила столько деньжат, что смогла передислоцироваться в Прайм-Уорлд.

К ее жесточайшему разочарованию, Прайм-Уорлд оказался не тем благословенным раем, где проливается золотой дождь — успевай только ноги расставлять. Профессиональных шлюх на планете-столице было видимо-невидимо. Хуже того, не было проходу от шлюх-любительниц, которые готовы отдаться за что попало — скажем, за такую сущую нелепицу, как возможность быть представленной при императорском дворе.

Таким образом, Яниз Керлех переживала не лучшие времена, когда ей повстречался человек по имени Рашид, то чинивший космические корабли в доках, то летавший на них главным инженером. Проведя ночь-другую вместе, они обнаружили в своих характерах что-то общее и стали встречаться в других положениях, кроме горизонтального.

Говорят, что в постели языки развязываются. В моменты интимной откровенности Яниз Керлех взахлеб говорила о своей давней — двадцатилетней! — мечте. Она мечтала открыть собственный бар. Даже набрасывала на бумаге план заведения. Более того, вылепила из пластилина маленькую

модель своего будущего бара и неоднократно восстанавливая ее, раздавленную офицерским сапогом во время очередного налета полиции нравов.

По прошествии года совместной жизни, когда сексуальные отношения, утратив прелесть новизны, стали способом дружеского общения, Рашид сумел не просто изумить ее, а вызвать у нее самый настоящий столбняк. Он протянул ей как-то банковский чек и сказал:

— Ты, кажется, мечтала о своем баре? Вот, возьми. Мы будем равноправными партнерами.

Рашид выдвинул единственное предварительное условие: одна кабинка — он предложил назвать ее кабинкой «Ч» будет несколько отличаться от остальных: ее надлежит содержать в абсолютной чистоте.

Неизвестные люди в рабочих комбинезонах доставили и установили новейшие охранные электронные системы против подслушивания. Конструкция кабинки делала ее звуконепроницаемой; даже громкую беседу не было слышно в метре от столика. Специальные охранники раз в неделю перепроверяли всю электронную начинку кабинки «Ч».

Рашид сказал подружке, что хочет использовать особую кабинку для организации разного рода встреч. Никто не смел ее занимать, кроме самого Рашида, а в его отсутствие — кроме людей, которые называли его имя и особый пароль.

Яниз прекрасно сознавала, что корабельный инженер, даже главный, зарабатывает отнюдь не столько, чтобы потакать капризам своей подружки, бывшей проститутки высокого класса. Она догадалась, что Рашид прирабатывает чем-то не очень законным. Возможно, контрабандой. Или... а впрочем, какое ей до этого дело?

«Ковенантер» оказался заведением прибыльным — докеры и летный состав полюбили это тихое местечко, где можно было спокойно потолковать, а если вечерок становился интересней и кому-то припадала охота разбить чужой нос, то хозяйке и в голову не приходило вызывать наряд полиции, чтобы утихомирить забияк. До общих свалок не доходило, а с буянами справлялись сами посетители. Здесь же можно было подцепить девочек самых экзотических цветов кожи, причем без риска подцепить от них что-нибудь экзотическое.

Рашид объявлялся от силы пару раз за весь прайм-уорлдский год, остальное время где-то пропадал, а где — о том помалкивал. Яниз пыталась вычислить, на какой именно посу-

дине он сейчас летает, внимательно вчитываясь в колонки сообщений о передвижении кораблей, приписанных к соуардскому порту. Но ей никогда не удавалось связать имя своего дружка с каким-то космическим кораблем или конкретной транспортной линией. Да и раскусить, какого рода у него «друзья», она тоже не могла: кого только не было среди типов, беседующих в кабинке «Ч», — от элегантных богачей до явных уголовников в обносках.

Вот почему, когда двое мужчин, Алэн и Крейгвел, попросили обслужить их именно в кабинке «Ч», хотя в баре были свободны все столики, она нисколько не удивилась и спросила их об одном: что господа будут пить?

Двадцать две секунды.

Несколько недель назад Динсмен тайно проник в бар и приладил в нужном месте бомбу; тогда же он с секундомером рассчитал время взрыва. Итак, нужный человек заходит в бар. Это десять секунд. Оглядывается. Еще пять секунд. Идет к стойке бара. Семь с половиной секунд. Делает заказ. На все ушла минута. Вот он берет стакан и направляется к кабинке «Ч». Взрывник набросил немного времени на возможную очередь у стойки, если в баре вдруг окажется много посетителей. Поздним вечером в заведении никогда не бывало много посетителей, но Динсмен на всякий случай накинул целых две минуты, чтобы не попасть впросак.

Алэн окинул взглядом батарею разных бутылок со спиртным и выбрал самый слабый напиток.

— Синтхэлк, — сказал он. — С водой. В высоком стакане. Льда добавьте по своему усмотрению.

Крейгвел, профессиональный дипломат, заказал то же. Следующие его слова обрекли обоих собеседников на смерть. А сказаны они были лишь для того, чтобы установить приятельскую атмосферу перед серьезными переговорами.

— Вы пробовали когда-нибудь метаксу?

— Нет, — ответил Алэн.

— В такой вечер этот напиток самый подходящий.

— Без наркотика? — подозрительно спросил Алэн.

— Чистый алкоголь, — сказал Крейгвел и шутливо добавил: — Хорош и для приема внутрь, и для чистки одежды.

Яниз налила им по стаканчику, а затем занялась приготовлением двух порций синтхэлка. Мужчины роковым обра-

зом задержались у стойки вместо того, чтобы сразу идти в кабинку «Ч».

Алэн поднял свой стаканчик:

— За мир!

Крейгвел искренне кивнул и осушил свою порцию метаксы.

Время истекло. Таймер зажужжал, и Динсмен нажал кнопку радиодетонации.

Мощное взрывчатое устройство, обложенное металлическими шариками, сработало. Двое мужчин и женщина погибли мгновенно, разорванные в клочья. Динсмен слегка переборщил с зарядом, и взрыв разворотил даже стену за стойкой бара.

Не глядя на руины, Динсмен побросал все свое оборудование в чемоданчик и побежал в дальний конец склада. Там он вылез из окна и проворно спустился по веревочной лестнице на землю. Нажал кнопку, крепление лестницы отстрелилось; лестница упала ему в руки и была немедленно спрятана в том же чемоданчике. Стараясь не выходить на освещенные участки улицы, Динсмен заторопился прочь, чтобы побыстрее спрятаться в своем любимом укромном местечке — в сердце прайм-уорлдского гетто, где проживали представители негуманоидных рас.

В ушах у него еще звенело от взрыва, и он не слышал стука башмаков с металлическими набойками по стальной решетке эстакады. Кто-то мчался в сторону руин того, что только что было баром под названием «Ковенантер».

За несколько мгновений до взрыва сержант Армус пытался смягчить оскорбленные чувства своего товарища из взвода спецназа. В секторе царило спокойствие, и их дежурства проходили настолько нудно, что казались своего рода дисциплинарным наказанием. А ведь они, как-никак, принадлежали к элитным частям спецназа. Предполагалось, что их будут посылать в районы повышенной криминогенной опасности, чтобы они наводили там порядок и передавали очищенный сектор обычным полицейским патрулям.

Вместо этого их заставили на протяжении целого месяца дежурить в районе, где было лишь чуть беспокойней, чем на кладбище. Сержант Армус в пятнадцатый раз выслушивал заунывное нытье своего капрала. Дескать, шеф спецназа Крегер, ясное дело, имеет зуб против них. В этом идиотском секторе

ничего существенного не происходит, здесь для поддержания порядка достаточно одной патрульной «Черной Марии».

Армус чуть было не признался капралу, что почти в начале вечера теми же словами пенял на их положение своему приятелю. Да, бесспорно, у ребят есть причина скулить от досады. У Крегера, видать, совсем крыша поехала, раз он назначил их в этот сектор могильного покоя — как раз в то время, когда в другом месте в разгаре праздничные торжества, где всякое может случиться. Наверное, ведающий криминальной статистикой компьютер свихнулся и выкашлял неправильную информацию. А может, в этом районе живет девка Крегера, которая пожаловалась, что ее вечером на улице кто-то ущипнул за зад. Кто угадает, какие тайны сокрыты в немногочисленных извилинах мозга спецназовского капитана?

В целях соблюдения служебной субординации Армус держал свои горькие мысли при себе. Вместо этого он снова позаботился о том, чтобы ребята из его взвода меньше других дежурили сверхурочно. В обычных обстоятельствах совесть не позволила бы пойти на такое. Сейчас же весь отряд спецназа почти с самого начала праздничного марафона работал на пределе сил, лишних солдат не было, ребята валились с ног после продленных дежурств. Тем страннее тот факт, что взвод Армуса столько времени околачивается без дела в тишайшем секторе.

Но тут прогремел этот взрыв. Не успел он догреметь, а весь взвод уже мчался по пандусу, обогнул угол и рванул прямо к руинам бара «Ковенантер». Армус бросил один лишь взгляд на развороченную часть здания, и три мысли пронеслись в его голове: есть ли пожар? выжил ли кто после взрыва? понадобится ли машина «скорой помощи»? После этого он начал действовать.

Несмотря на то что не было никаких признаков пожара, сержант надавил рукой в стальной перчатке кнопку системы огнетушения и больше тонны мыльной пены залило руины бара. Он прокричал своим подчиненным, чтобы они хватали в руки все, что может служить ломом, и растаскивали завалы, а сам включил микрофон радиосвязи — вызвать «скорую». Но слова замерли у него на губах — он увидел машину «скорой помощи», которая катила по эстакаде в сторону развороченного взрывом бара. С какой такой стати здесь эта машина? Ведь он еще не успел вызвать!.. Но размышлять было некогда. Армус отсоединил ремень безопасности и устремился к развалинам «Ковенантера» вслед за парнями из своего взвода.

КНИГА ВТОРАЯ

«ОЧКО»

ГЛАВА 7

Дорогой Стэн!

Привет, дружище. Я так думаю, ты обалдел, что держишь в руках письмо от парня, вроде меня, которого, кажется, и под расстрелом не заставишь написать пару строк. А повод такой — твой покорный слуга наконец получил давно заслуженное теплое местечко. И, смею добавить, это повышение по службе достойно потомка славных предков. Старший сержант Алекс Килгур — звучит, а? То-то, господин аж капитан! Уверен, ты и думать не думал, что я поднимусь до этаких высот!

Стэн невольно отодвинул письмо и уставился на него, не веря глазам своим. Килгур! Как же он сразу не догадался, что ему пишет старина Килгур! Обычно Стэн узнавал его по сильному шотландскому акценту. Но было бы странно ожидать, что Килгур и на бумаге сохранит акцент. Стэн рассмеялся и стал заинтересованно читать дальше.

Разумеется, старшим сержантам не по рылу пить с капитанами-задаваками роскошные напитки в роскошных офицерских клубах, но добрая пинта горького пива всегда остается доброй пинтой пива, и пьется особенно приятно, когда знаешь, что твоя очередь угощать никогда не наступит. А я нигде не видал тако-

го количества подхалимов, как тут. Но не мне отучать их угощать старшего сержанта. У меня такое впечатление, что в этих краях издревле свято соблюдается благородный обычай потчевать пивом старших сержантов. Разве можно идти против обычая?

Говоря по совести, это тепленькое местечко слегка действует мне на нервы. Терпение мое так истончилось, что уже тоньше ломтика хаггиса, который подают на крестинах у скупца. Начальство кинуло меня куратором в чертов музей отряда Богомолов. А ты сам знаешь, нужен пропуск первой категории, чтобы пройти хотя бы в предбанник этого музея, так что у нас посетителей — раз-два, и обчелся. Разве что заглянет какой-нибудь надутый чиновник из службы безопасности — отметиться по дороге из борделя в казино. Хотя тут среди посетителей нашлась одна такая киска... Впрочем, молчу, молчу. Килгур не из тех трепачей, что рассказывают о каждом поцелуйчике, особенно если его душечка по службе рангом выше.

Так или иначе, я нынче занимаюсь самым безопасным делом за все годы своей верной службы Его Величеству в качестве исправного головореза. И, поверь, у меня шарики за ролики заходят от этой безопасненькой служебки. Того гляди, ума решусь. Одно меня утешает — тебе, видать, не слаще на твоей работенке в прайм-уорлдском раззолоченном нужнике. Эх, боюсь, уж больше никогда нам не будет так хорошо после того, как они порушили нашу компанию — любимый наш тринадцатый взвод Богомолов. Не хочу, чтоб кто-нибудь марал даже номер нашего взвода, этот номер пусть вообще не используют, а не то будут иметь дело с самим Килгуром!

Ты слыхал что-нибудь о других ребятах? Если твои новости старее моих, сообщаю, чего знаю. Бэт присвоили лейтенанта, она теперь целым подразделением верховодит — правда, какое задание она нынче выполняет, никто не ведает.

Что касается нашего милого Дока... Этот колючий пушистик изловчился получить годичный отпуск — якобы для научных ковыряний! Помнишь Стра'бо? Ну, та озерная раса! Жуткие дылды, которые питались толь-

ко кровью и молоком. Уверен, помнишь! А помнишь, как наш симпатичный Док надрался этой крови с молоком и так забалдел, что мы животики надорвали? Короче, теперь он якобы изучает нравы этих озерян, а на деле дегустирует их традиционное пойло и не просыхает во имя Матушки Науки.

О ком я действительно ничего определенного не слыхал, так это об Иде. Когда срок контракта истек, она отказалась его продлять и исчезла с концами. Хотя немудрено — ей пришлось здорово поскрипеть зубами по ночам, когда начальство навешало на нее всех собак. Зато могу сказать про нее только хорошее — она вкладывала нашу с тобой добычу в ценные бумаги, и вот добрая новость: мою часть не зажилила, вернула со славным приварком. Я потратил одну увольнительную на то, чтобы перетащить эту чертову уйму денег. Если ты свою долю еще не получил — возрадуйся, она уже в пути. Нет, я взаправду, такая куча денег! Если она от тебя почему-либо прячется, ты только погляди колонки биржевых курсов — ежели какие завалящие акции вдруг стали резко падать или подниматься, лови того, кто их продает или покупает, — это наша пухленькая побирушка.

Ладно, спешу закончить, чтоб поспеть к ближайшей отправке почты. Надеюсь, у тебя все в порядке, дружище.

Твой верный Алекс Килгур.

Стэн с улыбкой отложил письмо. Старина Килгур все тот же: ноет, когда посылают на горячее дело, и ворчит, когда получает синекуру. На него не угодишь. Но про Прайм-Уорлд он точно выразился — раззолоченный нужник. Внешне кажется, что Стэну подфартило — получил непыльную работу. Да уж больно она непыльная, эта его новая служба. До того, что страшно становится.

Стэн внимательно просмотрел досье своих предшественников на этом посту. Создавалось впечатление, что на протяжении последних столетий они палец о палец не ударили — тоска брала, когда он читал про их деятельность. Однако несколько раз кое-что все же происходило — и он не мог не заметить, что всякий раз заваривалась крутая кровавая по-

литическая каша. После многих лет службы в отряде Богомолов Стэн крови не боялся. А вот от политики он шарахался как черт от ладана.

Позабыв об игрушечных размерах своего кабинета, Стэн качнулся на стуле назад и крепко стукнулся затылком о стену. Он застонал — от сотрясения все милые прелести похмелья обострились до предела. Сегодняшнее его состояние было всем похмельям похмелье. Ангельская похлебка сумела только на время отшибить действие алкоголя и позволила ему вырубиться позже Императора. На следующий день он умудрился выйти на работу, но к вечеру ему стало так паршиво, что он не нашел другого лекарства, кроме как снова напиться. Засыпая вчера ночью — точнее, впадая в беспамятство, — Стэн поклялся себе, что на следующий день и в рот ни возьмет. Ни капли коварного стрегга не оросит его губы! Иначе — ухнет в запой. На самом же деле не по стреггу он тосковал, ему бы холодненького пивка!..

Он вымел мысль о пиве из своего сознания, хлебнул невинной воды, повел глазами по стенам своего кабинетика и наткнулся на портрет простоватой женщины. Про себя он опять надрывно застонал и попробовал найти более уютное прибежище своим рвущимся из орбит глазам. Но опять натолкнулся на испытующий взгляд все той же простоватой бабенки. Это была какая-то дьявольщина — куда бы он не смотрел, везде натыкался на исполненный любви взгляд скуластой женщины с лицом недалекой домохозяйки.

Стены кабинетика были увешаны ее портретами — как объяснили Стэну, это было наследство от предшественника. Денщик Стэна Наик Раи уверял его, что предыдущий командир телохранителей Императора был отличным человеком. Может, командиром он был прекрасным, зато художником — отвратительным. Никакого вкуса. Только человек без вкуса мог любоваться такой женщиной. Впрочем, Стэн думал так лишь поначалу, когда впервые рассматривал однообразные портреты на стенах. Пожив с неделю в обществе простоватой леди, он приказал убрать все портреты — если понадобится, взорвать стены, только бы убрать их к чертям собачьим. Но ее образ стал преследовать его, и он вдруг по совершенно непонятной причине велел вернуть картины на место. А когда это свершилось, до него внезапно дошла простая истина:

предшественник *действительно* любил эту женщину, даром что она казалась такой бесхитростной.

Досье подтверждало: тот капитан был безмерно трудолюбив, преданный семьянин — и профессионал до кончиков ногтей, как и все занимавшие этот пост. Хотя он был постарше Стэна, ему были обеспечены долгие годы спокойной и многообещающей карьеры. Вместо этого он всеми правдами и неправдами добился перевода в приграничный гарнизон, где его карьере пришел бы конец, а незадолго до своего отъезда женился на женщине с портретов. Император был шафером на свадьбе.

Стэн нутром угадал, почему этот капитан сбежал в отдаленный гарнизон. Проведя несколько месяцев на службе при дворе, Стэн понял, что пост, который он занимает, может и должен занимать лишь холостяк или человек, которому плевать на жену и детей. Капитану личной охраны Императора — если он не пренебрегает своим служебным долгом — дня не хватало, чтобы справиться со всеми многообразными обязанностями. И так было постоянно, изо дня в день. Вполне понятно, почему капитан, который педантично исполнял все положенное, вдруг взял да и удрал с простецкого вида дамочкой. Стэн считал, что его предшественник поступил мудро.

Если не обращать внимание на своеобразно украшенные стены, в остальном кабинет Стэна был типичным рабочим местом офицера-холостяка — груды личных вещей перемежались с вещами, связанными с работой. Нельзя сказать, что Стэн не знал, где что лежит. В его беспорядке был строгий порядок, присущий стэновскому дисциплинированному уму. Он всегда знал, в какую кучу сунуть руку, чтобы выудить нужную вещь или документ. Беда была лишь в том, что кучи имели обыкновение наезжать друг на друга и перемешиваться — совсем как его хобби.

Изучение по долгу службы многочисленных досье возбудили в Стэне аппетит к истории — истории как событий, так и людей. Интересовался он и военной техникой, без хорошего знания которой офицер в сороковом веке смешон. Будучи уроженцем Вулкана, планеты бесчисленных заводов, он невольно интересовался и техникой вообще. Словом, с момента отъезда с Вулкана он читал много и обо всем.

Две вещи в кабинетике особенно ясно иллюстрировали его профессиональные занятия и личные пристрастия.

Один из углов комнаты был полностью занят прислоненной к стене многократно сложенной огромной картой замка, окружающих его строений, подземной части всего сооружения, а также всех замковых коммуникаций. Эта гармошка из метровых секций показывала в двух измерениях все до последней мелочи — от залов и комнат до мельчайших закоулков в подвалах и даже незаделанных трещин в подземных туннелях. Стэн извлек эту пропылившуюся махину из архива в первый же месяц своей работы, когда понял, что сами чудовищные размеры замка и его недр не позволят ему самолично обойти все и все осмотреть — даже за десять лет службы. А если он не будет знать каждый сантиметр императорской резиденции, то не сможет по-настоящему эффективно выполнять свою главную задачу — обеспечивать безопасность Его Величества.

Заваленный другими вещами, на столе в метре от карты находился второй предмет, которому Стэн посвящал свои досуги — если таковые у него имелись. Этим предметом был очень дорогой миниголопроцессор, самая дорогая вещь, приобретенная Стэном за всю его жизнь. А в небольшой коробочке, стоявшей рядом с миниголопроцессором, лежали тысячи часов его упорного труда — дискетки с результатами ночных бдений.

В небольшой коробочке он хранил свои модели, потому что именно конструирование было увлечением Стэна. Не обычное склеивание моделек и размещение их в диораме, а создание полных, работающих и, можно сказать, живущих голографических моделей и целых голографических мирков — начиная от действующей модели старинного двигателя внутреннего сгорания и кончая моделью большой фабрики со снующими внутри рабочими. Каждая модель начиналась с набора компьютерных символов и кодов, которые оживали на большом голографическом экране.

Последним достижением Стэна была точная модель старинной лесопилки. Сперва он бит за битом кропотливо ввел в память компьютера все, что теоретически требуется для работы такой лесопилки — в том числе и обязанности работников, их внешний вид, одежду, необходимые инструменты и запчасти. Запрограммировал и массу других деталей: например, износ ремней на приводах, склонность главного механика к пьянству и ошибки, которые он допускает с похмелья. Словом, фантазия его была ограничена только нехваткой

свободного времени. Когда работа над программой завершилась и Стэн наконец, введя дискетку в щель голопроцессора, включил аппарат, на экране заработала настоящая лесопилка. Однако стоило Стэну зазеваться и вовремя не исправить какой-нибудь ошибки, как тут же один из рабочих спотыкался или бревно застревало в люке, и тогда все сооружение разваливалось на хаотические вспышки тысяч цветных точек.

Стэн виновато покосился на коробочку с дискетками. С тех пор как он стал главным телохранителем Императора, ему удалось посвятить своему увлечению от силы несколько часов. Вот и сейчас времени совсем нет — пора приступать к работе.

По нажатии кнопки на дисплее перед ним появилось меню последних новостей. «ТЕРРОРИСТ ПОГИБАЕТ ПРИ ВЗРЫВЕ В КАФЕ КОСМОПОРТА».

Стэн вызвал на экран эту историю и быстро изучил детали происшествия. Впрочем, подробностей было мало. Сообщали лишь, что известный террорист Годфри Алэн, одна из самых заметных фигур среди революционеров Окраинных Миров, стал жертвой несчастного случая в каком-то космопортовском занюханном баре. Высказывалось предположение, что погибло еще несколько человек, но их имена до сих пор не известны. В информации было больше пустых догадок — а именно, с какой целью Алэн прибыл на Прайм-Уорлд и что он делал в таком третьесортном заведении, как «Ковенантер».

Стэн зевнул от скуки. Его совершенно не интересовала судьба какого-то террориста. Хотя в свое время он поквитался с многими террористами, отправив их на тот свет. Сдох этот Годфри Алэн — туда ему и дорога. Однако капитан не преминул заметить, что нет никаких официальных версий гибели Алэна.

Стэн был уверен в одном — газетчики ошибаются насчет несчастного случая. Террористам не свойственно погибать случайно. Лениво подумалось: «А может, это кто-нибудь из отряда Богомолов отправил Алэна на небо — встретиться с Творцом, главным революционером Вселенной?»

Стэн еще раз зевнул и хотел было потянуться, но тут зазвонил телефон. Император желал его видеть. Немедленно, а по возможности — еще быстрее.

ГЛАВА 8

Вечный Император был мало похож на того человека, с которым Стэн так лихо пьянствовал. Сейчас он выглядел намного старше — кожа на лице обвисла, глаза ввалились. Даже отличный ровный загар плохо скрывал сероватый тон императорского лица. Но еще важнее — этот новый человек, которого Стэн исподтишка разглядывал, был суров и мрачен, и чувствовалось, что под маской внешнего благообразия кипит жгучая ненависть, которая, того и гляди, выплеснется.

Стэн заерзал в кресле. В ситуации чувствовалось нечто пугающее, даром что Стэн ума не мог приложить, что вывело Императора из себя и что тот намерен предпринять. Стэн только надеялся, что не станет главным участником предстоящих событий и гнев монарха обрушится не на капитана личной охраны. Очень не хотелось, чтобы все внимание разъяренного властителя сосредоточилось на его персоне.

— Вы, надо думать, читали это, — ледяным тоном произнес Император, толчком руки посылая Стэну через весь стол бумагу с информационной распечаткой.

Стэн быстро пробежал глазами факс — знакомый ему отчет о гибели Годфри Алэна. Озадаченный, он еще раз перечитал текст — одни эмоции и очень мало фактов.

— Да, Ваше Величество, я в курсе.

— Вы знаете во всех подробностях, что это был за человек?

— Нет, Ваше Величество. Я знаю лишь то, что он был террористом и сучком в нашем глазу на протяжении долгого времени.

— Вам бы полагалось знать намного больше! — возмущенно фыркнул Император. — Ну да это несущественно. Я разрешаю вам доступ к его секретному досье. После разговора со мной внимательно просмотрите эти документы.

Тут голос властителя мгновенно сорвался на крик:

— И я желаю видеть перед собой людей, которые все это допустили! Я хочу, чтобы все эти козлы стояли у меня на ковре — и не завтра, и не сегодня, а уже вчера! Чтоб все эти придурки были здесь, связанные за яйца в один вонючий букет! Вам ясно, капитан? Чтоб все эти мерзавцы были здесь, связанные за яйца! И потуже затяните веревку!

Стэн машинально кивал. Но потом одернул себя: что ж это я, как китайский болванчик, головой киваю... ведь я ничегошеньки не понимаю! Шестое чувство, отвечающее за выживание в трудных ситуациях, подсказало ему, что нельзя скрывать своей полной растерянности.

— Простите меня, Ваше Величество, но я не улавливаю, что происходит. Может мне неизвестно что-то важное... Я никак не возьму в толк, какое отношение имеет Годфри Алэн к капитану личной охраны Императора?

Лицо властителя исказилось яростью, и он стал подниматься из своего кресла. Но потом взял себя в руки, глубоко вдохнул, снова сел. Было заметно, что он совладал со своим гневом.

— Да, вы правы, капитан. Я напрасно горячусь. — Тут он сделал еще один глубокий вдох и продолжил: — В таком случае, ладно, я попробую объяснить. Этот... хм... несчастный случай принесет всем нам большие неприятности. Но если вы верите, что это был на самом деле несчастный случай, скажите мне об этом прямо — и я выставлю вас вон за профессиональную непригодность.

— Нет, Ваше Величество, — отрицательно мотнул головой Стэн. — Мне не кажется, что это был несчастный случай.

— То-то и оно. А теперь давайте я ознакомлю вас с закулисными обстоятельствами. Надеюсь, не надо предупреждать, что все сообщенное мной должно остаться между нами. Ну-с, начнем с того, что Алэн прибыл сюда для встречи со мной.

Стэн был огорошен этими словами. Чтобы Вечный Император назначил переговоры террористу?! Это никак не вязалось с официальной имперской политикой. Но тут Стэн осознал, *кто* устанавливает эту самую имперскую политику, и мудро промолчал.

— У этого типа был проект — и, уверен, очень серьезный проект, иначе бы я так не кипятился! — проект, как уладить наши проблемы с Таанским Союзом. Говоря очень коротко, он намеревался создать — под моей эгидой — буферную зону из Окраинных Миров между Тааном и Империей.

— Но ведь такое предложение превращает его в предателя таанских интересов!

Вечный Император мрачно усмехнулся.

— Человек может быть предателем в глазах одних и патриотом в глазах других. Судя по всему, даже до таких тугоду-

мов, как Алэн и его молодчики, наконец дошло, что их народ просто используют в качестве пушечного мяса. Каждый раз, когда происходят инциденты и мы начинаем мстить, таанским колонистам достается на орехи, а Таанский Союз официально в стороне. Народ Алэна расплачивается за все и ничего взамен не получает.

— Так значит, он договорился о секретной встрече с вами? — сказал Стэн, когда Император сделал паузу. — Должно быть, таанцы проведали об этом и убрали его.

— Вряд ли все так просто. Да, он собирался встретиться со мной. Но прежде должен был провести переговоры с моим доверенным лицом, одним из лучших дипломатов по имени Крейгвел.

— Именно его труп был среди неопознанных тел после взрыва в баре? — высказал догадку Стэн.

— Верно. И его труп должен остаться неопознанным. Я имею в виду, официально неопознанным.

— А должен ли я знать, кто еще погиб в баре?

Император надолго задумался. Потом решительно покачал головой — нет!

— Займитесь исключительно Алэном и Крейгвелом. Все должно было происходить следующим образом. После обмена паролями Алэн и Крейгвел прошли бы в кабинку «Ч». Эта кабинка была зарезервирована для них и проверена на безопасность. Затем Алэн должен был изложить свой план. Если бы Крейгвел убедился в искренности Алэна, тогда мы перешли бы к следующему этапу. А именно — к прямым переговорам со мной.

— Но тут вмешались таанские спецслужбы, — сказал Стэн.

— Возможно. Однако не спешите все валить на таанские спецслужбы. В этой истории замешано по меньшей мере пять заинтересованных сторон — и каждая из них имела резоны сорвать переговоры.

— Не исключено, что взрыв — дело рук таанцев. Однако не исключено, что это сделал и кто-то из наших. Впрочем, Алэна мог убить и кто-то из его соотечественников. Короче, вам предстоит узнать точно, кто стоял за всем этим.

— Но почему именно мне, Ваше Величество? Это работа для профессионального сыщика. А я отнюдь не сыщик. Я понятия не имею, с чего начинают в подобных...

— Нет, капитан. Эта работа не для полиции. Ситуация слишком щекотливая. Полицейские ищейки уже работают. Им предписано найти несколько подозреваемых, доказать их вину и соответственно наказать. — Император наклонился к Стэну, чтобы подчеркнуть свои следующие слова. — Да, это будут козлы отпущения. Мне плевать, замешаны они в деле или нет. Просто надо кого-то скормить общественному мнению. Так что если вы обнаружите истину, она, скорее всего, застрянет под грифом «совершенно секретно» на ближайшие сто лет. — Он вперился в капитана холодным изучающим взглядом. — Вы четко поняли, что я вам сказал?

— Да, Ваше Величество, — отчеканил Стэн, срываясь с кресла и вытягиваясь по стойке «смирно». — Если это все, разрешите идти, Ваше Величество.

Он щелкнул каблуками и взял под козырек.

— Да, капитан. Это все. Пока что все.

Стэн круто повернулся и решительным шагом покинул кабинет Императора.

ГЛАВА 9

— Пей, братва, — выкрикнул Динсмен. — Сегодня я плачу за всех!

Он забарабанил кулаком по столу, чтобы привлечь внимание бармена, и жестом заказал еще шесть больших кружек наркопива с добавкой синтхэлка. Приятели громко зашипели в знак одобрения. Динсмен с восторгом наблюдал, как Юсайдж, его самый близкий друг в собравшейся за столиком компании, схватил наполненную до краев большую кружку, распахнул пасть и одним духом влил в себя литр наркопива — даже не запыхавшись.

— Молодчина, Юсайдж! Так держать, старина! Ребята, пейте до дна, освобождайте кружки для новой порции!

Вообще-то, выдуть литр наркопива одним глотком не такой уж большой подвиг для Юсайджа и его приятелей. Их безразмерные желудки могли растягиваться до бесконечности — существа с Псауруса глушили алкоголь в умопомрачи-

тельных количествах и без внешних признаков опьянения. Разве что, обычно лиловые, становились темно-лиловыми.

Юсайдж улыбался во всю пасть, заголяя ряды заостренных зубов, формой напоминающих зубья пилы.

— Дорогой Динсмен, я не хочу соваться не в свое дело, — произнес он своим шипящим голосом, — но сегодня ты швыряешься пачками денег такой толщины, что они могли бы застрять в пасти любого из нас. — Юсайдж показал жестом в сторону своих желтоглазых соплеменников. — Резкий рост твоего благосостояния радует нас безмерно. Однако...

— А-а! Ты хотел бы спросить, не можете ли вы тоже поучаствовать в моем «росте благосостояния»? — перебил его Динсмен.

— Да, старик, было бы здорово, если б ты подсказал нам, где можно так обогатиться. А то в нашем бизнесе какой-то застой.

— Увы, старина. Мне подвернулась только одноразовая работенка. Но зато какая! О такой всю жизнь мечтаешь. Пока я получил только авансец, а через несколько часов мне отвалят всю суммищу — остаток жизни буду как сыр в масле кататься!

Юсайдж постарался скрыть свое разочарование — что было трудной задачей: ведь у псаурусцев что в голове, то и на теле: кожа начинает как бы светиться, когда это существо переживает неприятные эмоции. Динсмен заметил, что тело приятеля лучится, и потрепал его по лапе.

— Ну-ну, не огорчайся. Динсмен не такой человек, чтоб старых друзей позабыть. Я ваш бизнес оживлю, факт. С моими деньжищами у нас дела пойдут — ого-го! Если у вас, ребятки, есть дельные предложения, но не хватает деньжат провернуть дельце, так вот он я — к вашим услугам. Дадите мне скромный процентик, ну там кое-что с прибыли, если все пойдет очень о'кей.

Кожа Юсайджа приобрела обычный оттенок. Сказанное Динсменом пришлось ему по душе. В уголовном мире Прайм-Уорлда если кто и давал деньги под проценты, так это были бешеные проценты — и упаси Бог просрочить срок возвращения долга: расправа будет короткой и страшной!

— Друг, ты сказал очень правильные и хорошие слова. Мы обязательно обсудим это попозже. А пока прощай... — Юсайдж поднялся из-за столика — ростом он был за два с

половиной метра. Длинным языком — сантиметров тридцать, не меньше, — он сделал жест приятелям: следуйте за мной. — Это ты, старина, теперь богатенький, а нам приходится потеть, чтобы платить за жилье.

— Что-нибудь приличное?

— Куда там. Угол на складе одной фирмы.

Динсмен вздохнул, показывая свое сочувствие, и проводил взглядом приятелей, которые проворно уползли из бара, длинными хвостами подметая пол. Он взглянул на часы — до встречи оставалось еще два часа. Досадно, что у Юсайджа и ребят дела, он надеялся, что скоротает время до встречи в их компании — терпеть не мог ждать в одиночестве. А сейчас он просто сгорал от нетерпения. К тому же в его голове, хотя он еще не осознал это окончательно, робко звенел сигнал тревоги: не расслабляйся, рано расслабляться.

Динсмен заказал еще выпивку, сунул монетку в щель новостника, решил с помощью «мыши» выбрать в спортивном меню передачи, которые хотел бы посмотреть, и подавил зевок — выбирать было практически не из чего. Сразу после марафонского празднования Дня Империи в спортивной жизни наступило временное затишье, особенно в тех видах, где имелся тотализатор. Разочарованно чмокнув, Динсмен перешел в раздел общих новостей. Обычно он мало чем интересовался, кроме тех событий в Прайм-Уорлде, которые могли непосредственно отразиться на его судьбе. Жизнь «правильных» была ему до лампочки. Но может, что-либо интересное произошло в мире представителей его профессии? Он пробежался по меню, отыскивая все, что касалось преступности. Искать долго не пришлось. Новостью номер один был взрыв в баре «Ковенантер». Черт! Вот свинство! Мужики, которых он угробил, были завязаны на политике. И крепко завязаны!

Динсмен машинально опрокинул в рот порцию синтхэлка и потом почти так же машинально подавил подступившую к горлу тошноту. Спокойно, парниша, спокойно. Думай, не паникуй. Думай, черт тебя подери!.. Но первой пришла мысль, что ему теперь хана. Когда он через два часа пойдет за платой, его будут ждать не деньги, его будет ждать смерть. С ним, так сказать, расплатятся сполна и окончательно.

Динсмен поспешно обдумывал варианты действий. Ясно одно: следует удовлетвориться той пачкой банкнот, что шур-

шит в кармане, а за остальным и не рыпаться. Надо срочно уходить на дно. Но хватит ли полученного аванса на оплату безопасной «берлоги», где можно надолго залечь? И как долго его преследователи будут помнить о нем? Динсмен невольно застонал — он знал точный ответ на этот вопрос. Его подставили так же профессионально, как Годфри Алэна. Такие ребята о нем не позабудут, пока кишки не выпустят.

Выход был один, и этот выход пугал его не меньше, чем мысль о человеке с каменной физиономией, который скоро будет с неумолимостью робота идти по его следу. Динсмену надо было немедленно сваливать из Прайм-Уорлда.

ГЛАВА 10

Лейтенант Лайза Хейнз из отдела по расследованию убийств горела желанием кого-нибудь пришить. В настоящий момент она не знала, кого именно, но ей хотелось совершить это каким-либо оригинальным способом — скажем, медленно-медленно опустить свою жертву в кипяток. А потом не спеша со вкусом выпотрошить этому подонку все внутренности, добавила она мысленно, когда бронемашина с императорским гербом на боку резко притормозила у обочины.

Человек, вышедший из бронемашины, ничем не напоминал того напыщенного пузатого бюрократа, которого она ожидала увидеть, когда ее начальство сообщило, что в расследовании будет принимать участие специальный императорский представитель. Мужчина, идущий к ней, был молодой, стройный и одет в скромный коричневый комбинезон — униформу служащих императорского двора. Похоже, он не был вооружен.

Стэн, со своей стороны, сознательно избрал особую линию поведения — предельная деловитость. Он лишь краешком сознания зафиксировал, что лейтенант была женщиной примерно его возраста и при других обстоятельствах он назвал бы ее весьма хорошенькой. Однако сейчас Стэн пребывал в полушоковом состоянии. Он так и не понимал до сих пор, почему Император приказал заняться данным делом

именно ему, человеку без малейшего опыта следовательской работы, не имеющему ни малейшего понятия о процедурах, связанных с расследованием убийства. До не такого уж давнего времени жизнь Стэна складывалась так, что ему было куда привычней уничтожать улики — за собой, чем собирать их — на кого-то.

С самого раннего детства Стэн на дух не переносил легавых, начиная с бээспов — «блюстителей социального порядка» — на его родном Вулкане и полицейских, с которыми он схлестывался на Мантисе, и кончая армейской милицией, гонявшей торговцев наркотиками и проституток, которые ошиваются вокруг военных частей.

— Капитан... э-э... Стэн?

Он тоже умел играть в эти игры.

— А-а... лейтенант... э-э... вам не трудно напомнить свою фамилию?

— Хейнз.

— Да, вспомнил, Хейнз.

— Я полагаю, вы желаете ознакомиться с моим рапортом, — сказала Лайза и, не дожидаясь ответа, протянула ему электронную записную книжку.

Стэн сперва сделал вид, что разбирается в куче шифров и меток, заполняющих экран, потом сдался.

— Будьте добры, расшифруйте ваши сокращения.

— Извольте. 20.43 — подразделение спецназа 7-Y докладывает о взрыве. 20.47 — командир подразделения спецназа доложил то-то и то-то, отвечено то-то и то-то, машина «скорой помощи», подозреваемых не зафиксировано, описание места происшествия, описание находок на месте происшествия...

Стэн взглянул туда, где прежде стоял бар «Ковенантер». Площадка, на которой располагался бар, была забрана в что-то вроде громадного прозрачного пузыря. Со стороны помоста в надувном куполе имелся входной шлюз.

— При убийстве всякое расследование начинается с консервации сцены происшествия, — пояснила Хейнз. — Мы покрываем нужное место куполом. Если вас интересуют детали, могу добавить, что из-под купола откачивают воздух и заменяют его нейтральным газом.

— Можете не сомневаться, что меня интересуют все детали, лейтенант.

Стэн взялся во второй раз перечитывать рапорт, однако понял не больше прежнего. Рапорт напоминал тот педантичный бред, который пишут командиры в отчетах о законченном сражении. Стэн принялся читать рапорт в третий раз.

— Хотите осмотреть место происшествия, капитан? Я могу все показать. Но там, кстати, черт ногу сломит. Да и куски мяса по стенам. Словом, зрелище не для слабонервных.

— Если меня начнет мутить, я поставлю вас в известность.

Скафандры для работы под куполом несколько напоминали костюмы аквалангистов для работы на небольших глубинах, с той разницей, что повыше солнечного сплетения был привешен короб для вещественных доказательств, а в верхней части груди имелся выступ, из-за чего работающий в таком костюме со стороны напоминал зобатого голубя. Этот выступ сложной формы служил крохотным рабочим столиком, куда следователь мог класть свои записи, магнитофончик и тому подобные вещи. За спиной был рюкзак с запасом воздуха и электробатареи.

Застегнув скафандр, Стэн последовал за Хейнз через воздушный шлюз к развалинам «Ковенантера». Разумеется, Стэн не впервые обследовал место взрыва, но впервые он при этом не думал, как побыстрее убраться отсюда, и не ожидал увидеть через несколько шагов следы другого взрыва и новые трупы. Еще много-много лет назад он научился не обращать внимание на эти серые, розовые или желтые веревочки и ленточки, какие-то змеящиеся кусочки и раскрошенные кости — части того, что было человеческим лицом, человеческим телом.

Стэн мысленно восстанавливал планировку бара. Здесь, похоже, была дверь. Эта штуковина, вероятно, служила стойкой. А вон там... да, именно там были кабинки со столиками.

Под куполом находились еще двое полицейских в скафандрах — они прилежно стирали пену с пола и стен.

— Вы правы, — примирительно сказал Стэн. — Зрелище не для слабонервных.

— И расследование не для слабонервных, — с неожиданной горечью сказала Хейнз. — Это не расследование, а бардак.

— Простите?

— Капитан, я хочу сказать... — Хейнз осеклась, отключила сперва свою радиосвязь, затем микрофон Стэна. После

этого она вплотную прижалась своим лицевым щитком к его щитку. — То, что я хочу сказать, информация только для вас. Здесь все так разнесло взрывом, что вероятность обнаружить какие-либо улики близка к нулю.

— Знаете что, лейтенант, — задумчиво произнес Стэн, — если бы вы не отключили микрофон, прежде чем сказать то, что вы сказали, я бы решил — вы организовываете себе алиби. Это очень в духе полицейской ищейки. Ну а так я что-то не пойму, куда вы клоните.

Хейнз подумалось, что, быть может, этот спецпредставитель Императора не будет такой уж занозой в заднице, как ей представлялось раньше.

— Капитан, тут все яснее ясного. Когда полицейский офицер прибывает на место убийства, он совершает цепочку стандартных действий: прочесывает округу в поисках убийцы, вызывает бригаду «скорой помощи» и так далее. Затем он обязан немедленно официально зарегистрировать факт убийства. Только после этого в дело вступают следователи. В данном случае ничего подобного не произошло. — Она беспомощно взмахнула рукой. — Спецназ был тут вчерашним вечером за несколько минут до двадцати одного часа. И официально не фиксировал убийства в течение десяти часов!

— Почему?

— А кто же его знает почему! — сказала Лайза. — Но у меня есть свои догадки.

— Поделитесь.

— Спецназовцы воображают, что они лучше прочих. Как же — часть императорской гвардии! Я полагаю, они решили так: раз уж мы первыми прибыли на место происшествия, мы сами и следствие проведем.

Стэн мысленно пробежался по ее рапорту и спросил:

— А спецназовский патруль в этом секторе — обычное явление?

— Нет, они тут появляются редко. Только в случае серьезных беспорядков или когда требуется повышенная безопасность в секторе. Еще при вспышке преступности.

— А сейчас?

— Сержант спецназа сказал, что его подразделение патрулировало космопорт по периметру — и в течение трех недель ничего не случалось.

Странно. Стэн размышлял так: поскольку в последние две недели шла суета вокруг подготовки к Дню Империи, создается впечатление, что это подразделение спецназа послали патрулировать космопорт по сущему недоразумению. Из собственного опыта общения с полицейскими Стэн вынес убеждение, что те всегда умеют находить повод держаться подальше от действительно опасных мест. Но совсем не тот нрав у спецназовцев, они не привыкли отсиживаться в спокойных местечках.

— Вы только взгляните, — сказала Хейнз, — никакого пожара не было, но сержант спецназа врубил все огнетушители. Его парни вваливаются сюда. Видят трех мертвецов, мертвее не бывает. И тогда этот сержант со своими дуболомами копается в руинах и корчит из себя детектива в течение целых десяти часов! К примеру...

Лайза указала на покрытие пола.

— Вы видите этот отчетливый отпечаток башмака сорок пятого размера? Это отнюдь не улика. Это просто какой-то капрал из спецназа вступил своим сапогом в пятно крови.

Стэн почувствовал, что даже такая милая женщина лишь отчасти смягчает его неприязнь к занудным ищейкам, и прервал ее:

— Хорошо, лейтенант. У всех проблем невпроворот. Какие у вас результаты на настоящий момент?

Хейнз затянула обычную судебную песню:

— Имеются доказательства, что бомба была установлена заранее. Нет ни малейшей зацепки для установления как типа детонатора, так и типа взрывчатки. Эксперты по взрывным устройствам еще не прибыли.

— Думаю, нужды в них не возникнет, — сухо сказал Стэн. — Я сам немного разбираюсь в этом. — Он уже разглядел характерные бороздки от взрыва на остатках потолка.

Стэн установил раздвижную лестницу под местом, где заметил бороздки. Пусть он понятия не имеет о полицейских следственных процедурах, зато знает чертову уйму вещей обо всем, что делает «большой бабах».

— Лейтенант, — сказал Стэн, включая микрофон, — я предлагаю начать фиксировать наши действия на магнитофонной пленке.

Хейнз пожала плечами: если императорский лизоблюд вздумал разыгрывать из себя судебного эксперта — на здоро-

вье, пусть выставит себя дураком. А она что — как прикажут, так и сделает.

— Бомба была установлена под навесным потолком — там, где проходила электропроводка. У нас тут есть... это похоже на обрывки электрических проводов... так, взрывчатка была высокого качества, в корпусе, предполагавшем направленный взрыв. При взрыве вся разрушительная сила была направлена в стороны и вниз, сам потолок пострадал меньше всего. Специалисты по взрывным устройствам, очевидно, сумеют установить, имела ли бомба часовой механизм или детонирована по радио. По моему мнению, взрыв произошел по команде.

— Мы направили людей обыскать окрестности.

Стэн спустился с лестницы и еще раз издалека посмотрел на бороздки на потолке. Они расходились от центра веером, описывая почти полный круг. В одном секторе бороздки отсутствовали. Капитан, похмыкивая себе под нос, проследил взглядом, на какую стену указывает сектор без бороздок.

— Спасибо, лейтенант, — сказал он и решительно направился к выходу. Миновав шлюз, он снял скафандр и сразу же отошел подальше от технических работников, сновавших вокруг следственного купола.

Хейнз тоже вышла, сняла защитный костюм и присоединилась к нему.

— Ну как, капитан, закончили игру в детектива?

— Пора нам объясниться, лейтенант Хейнз. Здесь нас никто не слышит. Меня привлекли к этой поганой работе, но сам я не понимаю, чего ради. Для меня все это темный лес. Поэтому настроение у меня хуже некуда. А теперь, лейтенант, очередь за вами — вы-то с какой стати так беситесь?

Хейнз обожгла его взглядом.

— Примечание к вашим словам: я попала в ту же передрягу, что и вы. Но я служу в полиции. И считаю себя хорошим работником. Поэтому я торчу здесь и добросовестно исследую все, что может навести на след. Но тут внезапно появляется некий... некий...

— Некий сукин сын, — подсказал Стэн, улыбаясь уголками рта. Нет, эта женщина положительно начинала нравиться ему!

— Спасибо, выручили. И вот внезапно появляется некий сукин сын, роняет фразу-другую, потом мчится обратно во

дворец, чтобы получить медаль на грудь. Хотите обижайтесь, хотите нет, но поверьте, капитан, меня такой поворот нисколько не радует!

— Вы закончили?

— Пока что да.

— Отлично. Давайте вместе пообедаем, и я постараюсь поднять вам настроение.

Ближайший ресторанчик находился в непосредственной близости с посадочной полосой 17AFO, от которой его отделяли мощные защитные щиты и небольшой уютный дворик. Заведение было типа кафетерия — с самообслуживанием. Выбрав еду на поднос, Стэн и Хейнз заплатили кассирше и направились в дальний конец помещения, где было меньше посетителей.

Ресторанчик был заполнен наполовину. Тут обедали в основном грузчики, портовые чиновники и летный состав. Заметив чересчур броскую парочку — мужчину в костюме служащего императорского двора и женщину в полицейской форме, посетители норовили сесть подальше от них, так что Стэну и Хейнз было гарантировано уединение и возможность говорить, не опасаясь чужих ушей. Впрочем, еще идя к столику, они поймали друг друга на том, что одинаково профессионально шарят глазами в поисках параболических микрофонов. Оба понимающе улыбнулись, ничего вслух не сказав.

Хейнз попробовала кимчи со свининой и, с удовольствием жуя, произнесла:

— Прежде чем вы займетесь едой, капитан, хотите обсудить вопрос об этой странной кабинке?

Стэн пожевал губами и закивал головой с видом простака, который не очень-то понимает, о чем речь.

— Спасибо вам за помощь. Я и сама уже догадалась, что бомба была направленного действия. Точнее, очень избирательно направленного действия. Она должна была разнести в щепы весь бар — и оставить в сохранности одну кабинку.

— Любопытная догадка, лейтенант.

— Возникает занятный вопрос: единственная неразрушенная при взрыве кабинка была начинена всеми устройствами против прослушивания, о которых я когда-либо слышала. Не знаете ли вы, часом, что по этому поводу говорят в высших сферах? Очень странно, что подобное супероборудова-

ние агенты службы безопасности установили в третьесортной забегаловке. Чего ради?

Стэн ввел ее в курс дела, не сообщив лишь имени Крейгвела и его полуофициального статуса — личный представитель Его Величества в делах самого деликатного свойства. Стэн решил, что и о предполагаемой встрече Алэна и Императора лейтенанту знать не следует. Для работы ей достаточно того, что террорист хотел встретиться с неким высокопоставленным официальным лицом из окружения Императора. Закончив свой рассказ и сменив тему разговора, Стэн опасливо поковырял вилкой кимчи на тарелке и спросил:

— Кстати, это что за кушанье?

— Кабачки, фаршированные чесноком и разными травами. Пища, популярная еще на матушке-Земле. Если не принюхиваться, то очень вкусно.

— Будучи не совсем профаном в вопросе о взрывных устройствах, вы поняли, почему не использовали шрапнель?

Хейнз озадаченно сдвинула брови.

Стэн сунул руку в карман и вынул оттуда крохотный сплющенный металлический шарик.

— Да, взрывное устройство было очень избирательного действия. И чтобы все живое в баре было уничтожено со стопроцентной гарантией, преступник обложил взрывчатку слоем таких вот штучек. Не положил только со стороны, направленной к той самой кабинке. Врубаетесь?

Хейнз отставила тарелку, переплела пальцы и принялась размышлять вслух:

— Стало быть, преступник хотел, чтобы в баре погибли все, кроме тех, кто находился в той совсем особенной кабинке. Если бы Алэн и ваше официальное лицо в момент взрыва находились в этой кабинке, они бы... ну, были бы оглушены, в худшем случае — сильно контужены. Логично, капитан?

— Логично.

— Получается, злоумышленник не только знал о существовании кабинки, он знал и о том, что Алэн будет там в определенный вечер и в определенный час. — Хейнз тихонько присвистнула и осушила кружку пива. — Выходит, мы имеем дело с чисто политическим убийством. Ведь так, капитан? Какая мерзость!

Стэн мрачным кивком подтвердил ее догадку, встал, сходил к стойке и принес еще две кружки пива.

— Мы имеем дело не с простым политическим убийством, а с хорошо спланированным политическим убийством, потому что преступник был в курсе всех передвижений Алэна. Я попала в точку?

— Попали-то попали, но от этого на душе не легче!

— Дерьмо собачье! — с чувством выругалась Лайза. — Долбаная политика! Отчего мне так не везет? Почему бы мне не расследовать серийные убийства какого-нибудь сексуального маньяка? Нет, не с моим счастьем!

Стэн уже не слушал ее. Только что он продвинул следствие на шажок вперед, и теперь следовало обдумать следующий ход. Не очень вежливо он молча забрал у Хейнз ее компьютерный блокнот и стал перечитывать рапорт.

— Политическое убийство! — не унималась Хейнз, с каждой минутой впадая во все большее уныние. — Работал, конечно же, профессиональный убийца — даже если доберемся до него, заказчика прищучить не удастся. Какая-нибудь неприкосновенная особа. А я хотела баллотироваться в судьи. Если завалю это дело — черта с два за меня проголосуют.

— Может, и не завалите, — сказал Стэн. — Давайте вдумаемся. Помните, что мы говорили о бомбе? Она должна была оглушить Алэна. Итак, если бы все произошло по плану, он валяется в кабинке без сознания — ну и что? Что дальше?

— Чего гадать? На деле все получилось не так.

— А как вам такой вопросец, лейтенант? Почему через пару минут после взрыва там появилась машина «скорой помощи», которую сержант спецназа еще не вызывал? Не кажется ли вам...

Хейнз уже сообразила, куда он клонит.

ГЛАВА 11

Больница космопорта Соуард странным образом напоминала причудливые формы тела цнидарианина, работавшего регистратором в ее приемном отделении. В свое время больница начиналась с нескольких коек для приема по-

страдавших от несчастного случая, будь то авария на производстве, катастрофа при посадке космического корабля — словом, небольшой травмопункт для обслуживания Соуарда и его ближайших окрестностей в радиусе десяти километров. Но несчастья и катастрофы имеют тенденцию учащаться, усложняться, да и порт рос не по дням, а по часам, поэтому соуардская больница стала хаотически разрастаться в размерах: то добавляли платформы для посадки космолетов непосредственно на больничной территории, то строили отделения для пострадавших от радиации, то открывали операционные для представителей нечеловеческих рас.

Все это мало-помалу сделало тамошнюю централизованную службу по приему больных еще более кошмарной, чем в прочих больницах. Наличие у большинства поступающих больных пластиковых удостоверений личности с историей болезни, которую могли считывать сверхбыстрые компьютеры, и прочие суперсовременные штучки мало помогали справляться с неразберихой.

Стэн и Хейнз ждали возле огромного главного «пульта», охваченного кольцом архивных шкафов с информационными дисками. Внутренним кольцом был большой компьютер, мощностью соперничающий со штабными военными компьютерами.

Посередине суетился больничный клерк (или все же больничные клерки?) — колония разумных полипов-цнидариан. Эти живые существа рождались раздельно, а затем безопасности ради объединялись в одно целое, образовывая что-то вроде коралла. Будучи как бы единым организмом, они все же не утрачивали индивидуальности. И, похоже, были не в ладах друг с другом.

Один цнидарианин прямо перед Стэном — Стэн назвал его условно «полип-А» — кипя от ярости, выхватил у полипа-Б водонепроницаемый файл и перебросил его на другую сторону кольцевого стола полипу-В. После этого он грубо сошвырнул с клавиатуры своего терминала щупальца своего соседа полипа-Г и наконец занялся ожидающими его посетителями. Его пронзительный «голос» только усилил впечатление сумасшедшего дома, которым казалось это приемное отделение, — санитары в белом вывозили из лифта тележки с больными, ходячие больные стояли у стен или сидели, дру-

гие лежали на оттоманках у стен, окруженные плачущими или возмущающимися родственниками.

— Вы видите, какой у нас дурдом? Видите! — проорал полип, возбужденно размахивая щупальцами.

— Полиция, — сухо сообщила Лайза, одной рукой протягивая полипу свое удостоверение личности. Она нажала выступ на карточке указательным пальцем, и на карточке на пару секунд высветилась бляха с ее полицейским номером.

— Опять полицейский. Что за денек, так его растак! Явился тут один — с мордой рецидивиста. Кровь из него хлещет, как... как из человека. Пьян в стельку, разумеется. И главное, молчит, что он в профсоюзе и ранен в рабочее время, ну я и отсылаю его в «Могилу». А как я должен догадаться, что он в профсоюзе, у него на роже не написано! У него там несчастный случай при исполнении и все такое. Теперь возись с данными — проверять и перепроверять. Он, скорее всего, коньки откинет, пока я заполню все бумаги на него... Ну, а вам-то чего от меня нужно?

— Вчера вечером, около двадцати одного часа, на вызов приехала ваша машина «скорой помощи».

— Машин «скорой помощи» тысячи! Причина вызова?

— Взрыв.

— У нас тут всякого сорта взрывы — на космолетах, на атомных станциях, на строительстве... Я не могу помогать *вам,* если вы не помогаете *мне!*

Хейнз вручила полипу файл со всей необходимой информацией. Полип застучал по клавишам своего терминала.

— Так-так. Это была машина под номером GE-145. Нет данных, кто вызвал. Теперь вы наглядно видите, в каких условиях я вынужден работать. Никому, ровным счетом никому нет дела до правильного заполнения отчетов! А я тут крутись... Крайнего нашли!

Стэн перебил его:

— А куда бы эта машина направилась, если бы подобрала раненого?

— Спасибо, приятель. Так редко приходится слышать правильно сформулированный вопрос! Если ее посылали в питейное заведение, стало быть, она отвезла бы раненого или раненых в «Могилу».

— В могилу? Что вы имеете в виду?

— Отделение неотложной помощи для лиц с непроизводственными травмами, — скороговоркой проговорил полип и, схватив со стола плоский экран, коснулся его края. На экране высветился план больницы. Еще движение щупальца — и по коридорам на плане пробежала красная стрела.

— Смотрите, вы находитесь здесь. Вам нужно вот сюда. Запоминайте. Может быть, кто-нибудь по дороге подскажет. В чем я глубоко сомневаюсь.

Стэн задал последний вопрос:

— Почему вы называете это отделение могилой?

— Потому что туда мы направляем тех, кто... ну, сами понимаете, не тупой. А если они и могли бы поправиться, там их точно вгонят в могилу.

— GE-145. Странно. — Интерн в приемном покое выглядел озадаченным. — Лейтенант, нет никакой информации о том, кто направил ее на место происшествия. Прибыла с тремя трупами, которые направлены в морг для вскрытия.

— Разрешите вопрос, доктор. Если бы машина прибыла с живыми ранеными, что произошло бы в этом случае?

— Зависит от типа повреждений.

— Взрывная волна. Шоковое состояние. Возможно, переломы, — сказал Стэн.

— Хм... тогда бы их направили... ну-ка, посмотрю, кто вчера дежурил... Да, их направили бы к доктору Кноксу.

— Где он в настоящее время?

— Дайте-ка посмотрю... В сегодняшней смене не работает. Жаль, ничем не могу вам помочь.

— Когда он снова появится в больнице?

— А он тут больше не появится. Доктор Кнокс не нашего замеса. Работал некоторое время на добровольных началах.

— У вас есть номер его домашнего телефона? Как с ним связаться? — спросила Лайза.

— Сейчас найдем... Увы, в его личной карточке никаких данных. Как странно.

— Уже две большие странности, доктор. Мне бы хотелось самой просмотреть всю информацию об этом Кноксе.

— Извините, лейтенант, но без специального постановления суда доступ к подобной информации даже полицейским...

Стэн вынул из кармана свое удостоверение.

— Императорская служба безопасности, доктор.

У интерна округлились глаза.

— Да-да, конечно... пройдем в мой офис. Мы пользуемся тамошним терминалом. Дженевьева, ты не подменишь меня на время?

Десять минут спустя Стэн почувствовал, что они кое-что нащупали.

Говоря предельно точно, они нащупали пустоту там, где этой пустоте быть не полагалось. А это было уже кое-что.

«Кнокс, Джон, профессор» — этими словами начиналась сверхкраткая информационная справка о загадочном докторе. Стэну не стоило труда выяснить, что в Прайм-Уорлде врача с такой фамилией попросту не существует. Стало быть, этот «доктор Кнокс» ухитрился убедить кого-то — или компьютер, — что он практикующий врач и имеет право работать. Здание, в котором он якобы проживал согласно своей регистрационной карточке, было недавно снесено. В доме, где якобы была его частная клиника, на протяжении последних десяти лет находился ресторан.

— Итак, этот Кнокс две недели назад вынырнул из ниоткуда и предложил свои услуги в качестве доктора-добровольца, — задумчиво произнес Стэн, вертя в руке регистрационную карточку таинственного самозванца.

— Смею вас заверить, он был отличным хирургом, — сказал интерн. — Я лично готовил нескольких больных, которых он оперировал.

— Как он выглядел?

— Высокий, — не очень решительно начал интерн. — Думаю, метр восемьдесят пять, под девяносто. Среднего телосложения, скорее даже поджарый. Весит килограмм семьдесят. Очень гордился своей шевелюрой. Седая-седая. Клялся, что седина натуральная. Она у него как львиная грива.

— Хорошее описание, — сказала Хейнз. — Никогда не мечтали стать полицейским?

— На этой работе у меня порой впечатление, что я уже служу в полиции.

— Вы обронили фразу, что доктор Кнокс «не вашего замеса», — сказал Стэн. — Что вы имели в виду? Что он вызвался оперировать добровольно?

— Нет. Видите ли... ну, как бы помягче выразиться... У нас тут врачи не того пошиба, что для больших придворных

шишек. И платят тут — не ого. И условия — сами видите. Да и пациенты специфические. Поэтому когда такой классный доктор, как этот Кнокс, вдруг вызывается работать... — Тут интерн перебил самого себя и воскликнул: — А о его комнате-то я и позабыл!

— У Кнокса был свой кабинет?

— Разумеется. У нас у всех есть свои комнатки — мы тут работаем по двое суток подряд, настоящие марафонские дежурства.

— Где она находится?

— Сейчас взгляну на план.

— Этот Кнокс — специфический тип, — констатировала Лайза. — Он тщательно следил за тем, чтобы никто не совался в его частную жизнь В своей комнатной карточке он просит, чтобы в отведенном ему помещении никто посторонний никогда не производил уборку — ни вручную, ни пылесосом. Это дает нам шанс найти что-нибудь стоящее.

Стэн подозревал, что ничего стоящего они не найдут, а если они не найдут ничего стоящего, тогда...

— Четыреста тринадцатая, — сказала Лайза, беря из шкафчика с росписью помещений электронную карточку, которой можно было открыть четыреста тринадцатую комнату.

— Не торопись. И не подходи близко к двери.

Подойдя к четыреста тринадцатой комнате, Стэн миллиметр за миллиметром обследовал пространство перед ее задвижной дверью. Он искал то, что нашел на полу в пальце от двери, — почти невидимый седой волос.

— Нам нужна бригада экспертов-криминалистов. Возьми самых лучших. Но бомбы внутри они не найдут. И тем не менее комнату следует опечатать до прихода экспертов.

Лайза хотела было рассердиться на него, потом дурашливым жестом взяла под козырек.

— Да, сэр. Будет сделано. Еще приказания, сэр?

— Тьфу ты черт! — засопел Стэн. — Прости меня. Я совсем не хотел разговаривать с тобой, как... как...

— Как полицейский?

— Да, как полицейский, — с ухмылкой подтвердил Стэн.

Сразу после того, как перед комнатой 413 был раздут следственный пузырь, ее дверь осторожнейшим образом откры-

ли. Только после этого внутрь прошла бригада криминалистов. Бригада состояла из трех спиндарцев — одного взрослого и двух подростков. Стэн никак не ожидал увидеть *таких* экспертов. Они мало отвечали его представлениям о матерых дотошных криминалистах. После того, как с комнаты сняли печати и взрослый спиндарец неуклюже проковылял в спаленку Кнокса, из сумки на его животе выпрыгнули спиндарята, достали из сумочки, привязанной к сумке родителя, сантиметр и другие инструменты совершенно кукольного размера и принялись с их помощью проворно обследовать все вокруг.

Взрослый спиндарец был двухметровым — что в длину, что в ширину, и покрыт чешуей, словно ящер. Он какое-то время наблюдал за действиями своих детишек — похоже, одобрительно, хотя человеку было трудновато разобраться в выражении его морды. Затем, снова расстегнув сумочку с инструментами и задумчиво почесывая живот пятой, хватательной лапой, он грузно сел на задние лапы посреди комнаты. Громадное существо трижды мыкнуло, готовясь произнести слова на человеческом языке, потом представилось:

— Работник криминальной службы Бернард Спилсбери.

Имена спиндарцев весьма специфические, человеку их ни за что не выговорить. Для их произнесения нужно две гортани — именно столько их у спиндарцев: главная и вспомогательная. Поэтому для простоты спиндарцы брали псевдонимами первые попавшиеся имена — как правило, фамилии когда-то живших людей, занимавшихся тем же делом, что и они.

— Очень необычное дело, — пропыхтел он после того, как представился. — Крайне необычное дело. Мне вспоминается только один подобный случай. Его расследовал мой многоуважаемый коллега Гальперин. Весьма занимательная история. Хотите послушать, покуда мои юные протеже собирают информацию?

Стэн посмотрел вопросительно на Хейнз. Та лишь пожала плечами, и Стэн догадался, что если спиндарец начал что-то рассказывать, его можно остановить только гранатой.

— Случилось это в одном малоосвоенном уголке космоса, как бишь его... нет, не припомню названия. Летели там на одном корабле два шахтера. Ну и поссорились. Страшно

поссорились. То ли из-за денег, то ли по работе — словом, из-за своих шахтерских дел. Один из них дождался, когда второй надел космический скафандр, и выстрелил ему в лицо. А потом вышвырнул труп в открытый космос.

Спиндаренок подскочил к своему папаше и протянул ему компьютерчик с крохотным экранчиком, на котором забегали колонки цифр, совершенно непонятных Стэну. Малец что-то защебетал на непонятном наречии, а взрослый отвечал на том же языке, только рокочущим голосом.

— Да, дело становится все любопытнее, — наконец промолвил «Бернард Спилсбери». — Простите, я отвлекусь от рассказа.

Передней лапой он вытащил из сумочки инструменты нормального размера, потом на задних лапах проковылял к кровати и занялся осмотром. «Все любопытнее и любопытнее», — приговаривал он.

— Кстати о любопытном, — спокойно заметила Хейнз, обращаясь к Стэну. — Ты удивлялся насчет подразделения спецназа? Думаю, мне необходимо узнать, почему именно их бросили дежурить в тот район. Я должна тебе кружку пива за дельную мысль, капитан.

Они обменялись улыбками. Однако у Стэна не было времени на ответную реплику — к ним возвращался спиндарец.

— Это тоже своего рода вещественное доказательство, — изрек он.

— Нашли что-то?

— Нет-нет. Я имею в виду того шахтера-убийцу. Мне осталось досказать, что после того, как он вышвырнул товарища в открытый космос, он разгерметизировал корабль, все вещички убитого выдуло; после чего преступник закрыл люк, заполнил отсеки воздухом и продолжал путь один как ни в чем не бывало. А когда через несколько месяцев упомянутого шахтера стали допрашивать, он стоял на том, что летел в одиночку. Дескать, в документах записано двое, но когда его товарищ перед стартом не явился, он поленился переправлять документы. При самом тщательном обыске корабля никаких следов пребывания второго человека, разумеется, не нашли. Но Гальперин выдвинул довод, что один человек физически не мог за указанный срок так опустошить запасы

продуктов на корабле. На что шахтер отвечал — я, мол, хороший едок. Поди ему возрази.

Было ясно, что рассказ спиндарца заканчивается. К этому моменту Стэн уже знал финал этой истории, но для приличия спросил, чем же все кончилось.

— Полиция космического фронтира — народ практичный. Чтобы не сказать бессовестный. У них свои законы. «Ах, говоришь, сам все съел? Ну, голубчик, мы это сейчас проверим». Засадили они его в камеру, дали месячный запас еды на двоих. Дескать, съешь — невиновен. А нет — пеняй на себя. Я бы назвал это следственным экспериментом по обжорству. Горестная история. — Достав из сумочки с инструментами удлинитель, спиндарец метелкой что-то обметал с потолка в пакетик. — Словом, помер этот шахтер, от обжорства помер. Уже на третий день. У вас, у людей, странное понятие о правосудии... А наше нынешнее дело и того занятнее, — продолжал спиндарец, снова грузно опускаясь на задние лапы. — Вы, лейтенант, предупреждали меня, что, скорее всего, мы ничего не найдем. Мы нашли больше чем ничего. Мы обнаружили здесь, так сказать, отсутствие чего бы то ни было в устрашающих размерах.

Стэну его слова указали на первую действительно крепкую ниточку, которая могла вывести их на пропавшего доктора Кнокса.

ГЛАВА 12

— И что же, капитан, дает вам эта ловля призрака? Это «отсутствие чего бы то ни было в устрашающих размерах»? — ядовито осведомился Вечный Император.

Он бы мог умаслить властителя длинным отчетом, но Стэн полагал, что лучше избегать долгих разговоров и не считаться с императорским гневом, чем упускать драгоценное время. Он надеялся, что Император будет многое прощать ему, пока расследование не топчется на месте.

— Кнокс запретил проводить уборку в своей комнате. Я могу объяснить это так: он боялся, что какие-нибудь улики

будут всосаны пылесосами и останутся на фильтрах. Мы не обнаружили ни единого отпечатка пальца. Нет ни одной частички отшелушившейся кожи. Нет ни мельчайшей капли мочи на простынях. На наволочке нет ни пота, ни жира.

— Не знаю, как вас благодарить, капитан. Вы со своими криминалистами заложили основы ничегологии — академически дотошного изучения пшика с маслом. И каковы же выводы вашей науки?

— Дело в том, что Кнокс не просто чуть ли не ежеминутно вычищал комнату, но использовал сложнейшую электронную технику, чтобы уничтожить *абсолютно все* следы своего пребывания.

— Из чего следует, что этот ваш Кнокс не просто дипломированный доктор.

— Да, такое предположение возникает, — осторожно согласился Стэн. — Лейтенант Хейнз — полицейский детектив — занята поисками врачей, которые в какое-то время своей жизни основательно изучали электронику.

— Удачи ей. Однако могу предсказать, капитан, вы вытащите на берег пустые сети.

— Не исключено. Поэтому мы продолжаем разрабатывать вторую версию — о бомбисте.

Император раздраженно пожал плечами.

— В этом деле уже есть один профессионал высшей марки. Тот, кто подложил бомбу, может оказаться таким же спецом по уничтожению следов.

— Не может. По меньшей мере одну ошибку он допустил.

Император задумался, потом сказал:

— Ладно, трудитесь над этой версией. Есть другие зацепки?

Стэн отрицательно мотнул головой. Не имело смысла упоминать странное присутствие спецназа в районе до тех пор, пока Хейнз не наведет справки.

— Еще одно, капитан. Только для ваших ушей. Первый секретарь Таанского посольства просит меня о встрече. Полагаю, мы оба догадываемся, о чем он хочет поговорить. И мне желательно вести разговор с ним на менее шатких основаниях, чем ваше «наличие отсутствия». Это все, что я хотел сказать вам, капитан. Вы свободны.

ГЛАВА 13

Стэн открыл ключиком свой почтовый ящик и рассеянно вынул корреспонденцию. Привычную макулатуру — «Известия имперской гвардии», «Военный журнал», ежедневную газету дворцовых новостей для его обитателей, бюллетень последних служебных назначений, рекламку ювелира, обслуживающего военных... Все это Стэн машинально швырнул в мусорный ящик. Один листок — портной напоминал о просроченном счете за пошив мундира — он сунул в кармашек на поясе и хотел было закрывать дверцу почтового ящика, когда заметил в его глубине нечто, достойное внимания.

Это был бумажный конверт с адресом, написанным от руки: «Капитану Стэну из Имперской Стражи». Внутри, помимо чистого конверта для ответа и сложенного листка бумаги, Стэн обнаружил плотную картонную карточку с тисненным текстом:

МАРР и СЕНН
Имеют честь
пригласить Вас
на торжественный банкет
в честь
КАИ ХАКОНЕ.
Ждем ответа.
(Приглашение на два лица)

Стэн озадаченно воззрился на приглашение. Разумеется, он знал, что Марр и Сенн — официальные поставщики двора его величества, распорядители большинства празднеств, а также негласные арбитры в спорах между обитателями дворца. Хотя он общался с ними лишь несколько раз, мимоходом и всегда в строго официальной обстановке, они успели заинтриговать его своим едким юмором в сочетании с явной сердечностью. Теперь он гадал, с какой стати такие важные персоны приглашают на торжество столь высокого уровня какого-то капитана, пусть и занимающего формально значительный пост при дворе.

Впрочем, все объяснила приложенная к карточке записка, написанная тем же почерком: «Пора бы встретиться старым друзьям». И подпись — Софи.

М-да... Стэн был в курсе, что женщина, с которой у него был короткий, но бурный роман на последнем месте службы, сейчас находилась в Прайм-Уорлде — он сам занимался эвакуацией Софи с Небты до того, как там начались военные действия. Но, не будучи уверен в своих чувствах к ней, он и не пытался найти ее на планете.

Стэн решил, что в этой ситуации ему нужен совет знающего человека. А для имперских стражников в роли надежного советчика обычно неофициально выступал обер-гофмейстер, кабинет которого находился всего в нескольких сотнях метров от рабочего кабинета Его Величества.

Мик Лидо, обер-гофмейстер, адмирал в отставке, величавого вида сановник, был всеобщим любимцем. Однако Стэн по долгу службы внимательно изучил и его досье, когда приступал к обязанностям начальника личной охраны Императора. В бытность офицером Мик Лидо отличался служебным горением. Один раз горел буквально. Во время бунта в системе Палафокс эскадрилья боевых космических кораблей под его командованием должна был обеспечивать поддержку ударной группе, которая десантировалась на небольшую планету. На беду, разведка дала маху: планетка оказалась отменно защищена орбитальными станциями — настоящими летающими крепостями.

Чтобы спасти жизнь десантникам, нужно было незамедлительно уничтожить крепости на орбите, и Лидо приказал превратить корабли своей эскадрильи в пилотируемые термоядерные ракеты. Он лично возглавил группу камикадзе. Ему и еще трем пилотам посчастливилось в последний момент удачно катапультироваться в спасательных капсулах и выжить.

В последующие десятилетия он стал лучшим в Империи специалистом по десантным операциям с целью захвата планет и получал повышения со стремительностью, невиданной для офицера службы тыла и обеспечения. Ко времени Муэллеровских войн Лидо был уже адмиралом.

Надо сказать, что Муэллеровские войны относились к группе самых сложных военных конфликтов из всех, пережитых Империей, потому что бои шли одновременно в дюжине удаленных друг от друга звездных миров. Во время этой серии войн, отмеченных бездарностью военачальников и особой кровопролитностью, Лидо довелось командовать высад-

кой десанта в звездной системе Крайс. Он ухитрился завладеть системой с минимальными потерями — минимальными относительно других битв тех злополучных Муэллеровских войн, где убитыми и ранеными теряли от пятидесяти до семидесяти процентов личного состава.

После подписания мирного договора Лидо на несколько лет ушел в отставку, затем переселился на Прайм-Уорлд. Когда тогдашний обер-гофмейстер скоропостижно скончался, объевшись копченым угрем, Лидо стал его естественным преемником — вследствие своих боевых заслуг и, что существенно более важно, большого организационного опыта в службе тыла и обеспечения. Для Стэна было полнейшей загадкой, как Лидо умудряется удовлетворять бесчисленные разнообразные официальные и неофициальные взаимопротиворечивые потребности императорского двора с населением среднего города — и при этом остается в добрых отношениях со всеми. Стэн благодарил судьбу, что ему самому приходится беспокоиться всего лишь о личной безопасности Императора и благосостоянии ста пятидесяти гурков.

Войдя в кабинет Лидо, Стэн молча остановился у двери.

Лидо был не один — вместе с командиром преторианцев полковником Фоли и казначеем императорского двора Арбогастом рассматривал какие-то схемы на настенном экране.

— Полковник, — говорил Арбогаст, — у меня и в мыслях нет вмешиваться в дела военных. Я лишь ищу ответ на запрос Его Величества, который обеспокоен, цитирую, необычайно высоким уровнем дезертирства в вашем подразделении.

— А чего еще может ждать Император, если мы поселяем молодых солдат прямо в сердце Прайма? Тут и самый невинный соблазнится.

— Увы, я не специалист по соблазнам, — огрызнулся Арбогаст. Они с Фоли явно люто ненавидели друг друга. Лидо постарался выступить в роли посредника между ними.

— Четыре дезертира только за последний месяц, — сказал он. — Полковник, отчего бы вам не проверить методы отбора в части преторианцев?

Фоли повернулся к Лидо.

— Что ж тут проверять, адмирал? Окончательно кандидатов отбираю лично я. Или мой заместитель.

Опередив ответ Лидо, Арбогаст сказал:

— Полковник, сейчас мы не ищем, на кого бы взвалить вину. Однако, согласно документам, на протяжении последнего земного года из вашего подразделения пропали без вести почти четыре десятка парней. Ни один дезертир не вернулся добровольно. Ни один не был найден и арестован! У Императора складывается впечатление, что здесь что-то не так.

— Мне это известно, — сказал Фоли. — И мои люди со всей тщательностью изучают этот вопрос.

— Как знать, — промолвил Лидо, — возможно, мы действительно требуем от юношей невозможной стойкости перед соблазнами...

— Возможно, — примирительно кивнул Фоли. — И тем не менее я сам займусь данной проблемой.

— Спасибо, полковник. Я доложу Императору, что отныне вы приняли на себя всю ответственность по данному вопросу.

С этими словами Арбогаст забрал свои документы, кивнул Лидо и Стэну и удалился в помещение архива, который бесчисленными коридорами и коридорчиками напоминал кроличью нору.

— Чертовы чинуши, — проворчал ему вслед Фоли, повернулся и, заметив Стэна, приветствовал его: — Здравствуйте, капитан.

— Добрый день, полковник.

— Я разыскивал вас на протяжении почти целого дня.

— Простите, полковник, — сказал Стэн. — Я выполнял особое поручение.

Фоли фыркнул.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь... Я приглядываюсь к вашему подразделению, капитан. Не в моей привычке учить уму-разуму других командиров, но сдается мне, ваши солдаты относятся к своему внешнему виду без должного внимания.

— Гурки не большие любители чиститься и мыться, — согласился Стэн.

— Я командовал солдатами всех рас и могу сказать, исходя из личного опыта: ни одну расу, кроме нашей, невозможно обучить должной военной выправке.

Даром что Стэн ни в малейшей степени не зависел от Фоли, ибо тот не входил в его порядок подчиненности, но от пикировки со старшим офицером никто и никогда не выигрывал. Поэтому Стэн сказал подчеркнуто официальным тоном:

— Спасибо, что привлекли мое внимание к непорядку. Я прослежу, чтобы нарушений больше не было.

Фоли кивнул чисто армейским кивком: ать — подбородок резко вниз, два — подбородок резко вверх. Собрав свои документы в папку, он на мгновение принял положение «смирно», отсалютовал Лидо и быстро шмыгнул мимо Стэна.

Когда стук полковничьих ботинок с металлическими набойками стих в конце коридора, Лидо расплылся в улыбке.

— Вольно-вольно, молодой человек. С чем пришли?

Стэн все еще смотрел исподлобья в сторону двери.

— Не дразните полковника, мой мальчик. Он так и ищет, на ком бы поточить свои резцы.

— Оно и видно. Но если его солдаты дают деру, я-то тут при чем?

— Ревнует.

— Простите?

— Полковник Фоли всерьез озабочен тем, что Вечный Император — по крайней мере по мнению Фоли — так мало доверяет преторианцам, что предпочитает гурков в качестве самой непосредственной личной охраны.

Стэн удивленно заморгал.

— Не хочу никого обижать, сэр, но это чертовски глупо с его стороны.

— Молодой человек, надо прощать военным некоторую ограниченность ума в мирное время. Итак, что вас привело ко мне?

— Дело личного характера. Сугубо неофициальное.

— Ох-хо-хо. — Лидо коснулся клавиши на своем столе, и створки дверей за спиной Стэна плотно сомкнулись, при этом над входом в кабинет зажглась надпись «Идет совещание». — Который у нас час?

Стэн покосился на свой перстень-часы.

— Семнадцать сорок пять.

Лидо удовлетворенно хмыкнул и, вынув из ящика стола фляжку и два оловянных стаканчика, пригласительно повел рукой:

— Присоединяйтесь. Разопьем жидкость, которую наш Вечный Самогонщик именует шотландским виски.

— Э-э, я не совсем уверен, что я не при исполнении...

— Своей обер-гофмейстерской властью предоставляю вам увольнительную.

Стэн с ухмылкой наблюдал, как Лидо наполняет стаканчики.

— Ума не приложу, — ворчливым тоном проговорил старый адмирал, — отчего Его Величество упорно дарит мне это пагубное пойло. Ну, за все хорошее.

Оба выпили.

— А теперь к делу, молодой человек.

Стэн показал полученное по почте приглашение.

— О, Великая Империя! А вы таки попали в правильную обойму, юноша. Растете! Даже *я* не удостоен приглашения атаковать праздничный стол в сей компании.

Стэн протянул ему записку от Софи.

— Ага. Теперь ясно. Что за Софи?

— Ну-у... словом, молодая женщина, с которой я... ну, дружил.

— Теперь мне все ясно как день. Налей себе еще стаканчик, сынок.

Стэн подчинился приказу.

— Во-первых, местные сплетники говорят, что этот банкет — сборище номер один в наступившем сезоне.

Стэну не хотелось показаться невежей, но он все-таки спросил:

— А кто такой Хаконе?

— Фу-у! Молодым офицерам следует хоть иногда держать в руках книгу. Хаконе — писатель, неоднозначная натура и все такое. Пишет, в основном, о военных — и, скажем так, с весьма неординарной точки зрения. Не будь у Вечного Императора такого мягкого сердца, писания этого Хаконе давно бы признали государственной изменой — они того заслуживают.

— Стало быть, я не иду.

— Тут вы попали пальцем в небо, молодой человек. Император поощряет свободомыслие — хотя желающих мыслить свободно что-то мало. И вы, вероятно, имели случай убедиться после Дня Империи, что ему нравится, когда его сановники мыслят независимо.

— Стало быть, я иду?

— Идите. Для вашей карьеры полезно показаться там. Но тут остается загвоздочка. Эта молодая особа... Софи.

— Да-а... — согласился Стэн.

— Скажите прямо, молодой человек, какие чувства вы к ней питаете в данный момент?

— Сам не знаю.

— Стало быть, это настоящая беда, причем я имею в виду не наши пустые стаканы. Спасибо, вы меня правильно поняли... Так вот, ваша беда состоит в том, что Марр и Сенн свято верят, скажем так, в постоянство чувств и пожизненную привязанность. И обожают протежировать особам, желающим вступить в крепкий брак. Они, собственно говоря, самые настырные свахи во всей Империи.

— Вот те на! — охнул Стэн и чуть было не расплескал виски.

— Да, тут шутки плохи. Если эта Софи получила право пригласить вас на празднество, стало быть, она в очень добрых отношениях с Марром и Сенном и они «взяли ее под крылышко», то есть активно поощряют ее матримониальные планы.

Стэн никак не мог поверить.

— На кой я ей сдался?

— Не прибедняйтесь, капитан. Вы завидный жених. Насколько я знаю, Софи родом с какой-то отдаленной планеты, но ее родители — из тамошней знати. Возможно, весьма состоятельные люди. Разве не заманчиво для нее выйти замуж за увешанного медалями героя, за человека, который служит при дворе и добился своего высокого положения еще совсем молодым?

— Ноги моей не будет на этой гулянке!

— Ну, Стэн, существуют не только крайние решения. Ведь приглашение на два лица — не так ли? Вот и воспользуйтесь этим, чтобы изящно разрешить возможное затруднение. Договоритесь с какой-нибудь невероятно хорошенькой молоденькой знакомой и возьмите ее с собой на банкет. Это поставит Софи в неловкое положение и сбавит ее пыл.

Стэн допил виски и грустно покачал головой.

— Адмирал, с самого прибытия на Прайм-Уорлд я только тем и занимаюсь, что работаю как проклятый. Поэтому я тут не знаком ни с одной молоденькой леди, не говоря уже о невероятно хорошенькой.

— Что ж, в таком случае не исключено, что Император загорится желанием сосватать вам эту Софи.

Стэн побледнел от ужаса.

ГЛАВА 14

Башня была мерцающим столбом света в конце длинной узкой долины. Гравимобиль яркой светящейся точкой перемахнул через горную гряду и прочертил долину стрелой посадочных огней — сперва завис в воздухе на мгновение-другое, пока автопилот ориентировался на местности, а затем на полной скорости, со свистом рванул к башне по горной теснине, которая напоминала расщелину узкого городского проспекта, зажатого небоскребами. Через несколько секунд за первым гравимобилем проследовали другие — тем же маршрутом, и каждый на мгновение-другое притормаживал, чтобы потом устремиться в сторону башни.

Марр и Сенн в создание этой башни вложили половину своих средств и почти целиком — свои сверхартистические души. Пирамидой-иглой она уходила в небо — широчайшее основание и изящный небольшой пентхаус. На строительство башни пошли только те материалы, которые всего лучше «дружат» со светом — самые причудливые разновидности минералов, металлов и хрусталя со всех концов Вселенной. Когда Марр и Сенн создавали *свое* жилище, их не устраивали обычные строительные материалы. Равным образом они не заботились о единообразии формы и размера строительных блоков: почти овальные плиты громоздились на правильных квадратах. Согласно задумке архитекторов, в этом здании над всем и вся царил свет — во всех мыслимых формах. Когда у его обитателей случался всплеск эмоций, сооружение вспыхивало рубиновым светом; когда к башне приближались живущие в долине дикие животные, она голубела от их запаха. В зависимости от влажности воздуха и температуры башня принимала один из оттенков всей гаммы возможных цветов. Причем оттенки свечения одних частей огромного сооружения, ведя цветовую мелодию, менялись непрестанно, тогда как цвета других оставались неизменными на протяжении многих часов, будучи чем-то вроде басовых нот в этой цветовой симфонии.

Марр и Сенн не считали свое жилище изощренным произведением архитектурного гения, относились к нему просто — это был их любимый родной дом. Но никогда прежде башня не сияла более причудливыми красками, чем в тот

вечер, когда гости слетались на банкет в честь Каи Хаконе. Это было действительно важное торжество.

В горле Стэна внезапно противно запершило. Он кашлянул раз-другой, но странный комок в груди душил его пуще прежнего. Хуже того — уши капитана пламенели, пальцы рук и ног покалывало как с мороза, а язык стал совсем чугунным. Он лихорадочно соображал, что ему делать с восхитительно элегантной женщиной, в объятьях которой он безнадежно тонул. Его руки мучительно парили справа и слева от ее талии, потому как он не мог прийти к окончательному решению, что же этими руками делать — привлекать или отталкивать. Не спасало и то, что от женщины исходил аромат с дьявольским искусством составленных духов, могучий аромат, способный пробудить жеребца в любом существе мужского пола, — пожалуй, даже в мужчине, который дал дуба менее девяноста шести часов назад. Кончилось тем, что ладони Стэна припали к узким бедрам красавицы, слегка — приличия ради — потискали их, а затем — опять-таки вежливо — оттолкнули.

— Мм... и я рад увидеть тебя снова, Софи.

Софи отступила на пару шагов, дабы неспешно впитать глазами всю его фигуру — и в глазах ее закипало томление. Стэн ощутил, что она смотрит на него с искренним — ну, скажем, с почти искренним — одобрением, и он вдруг горько пожалел, что под плотно облегающей униформой офицера отряда гурков не принято носить нижнее белье.

Но тут девушка опять ринулась к Стэну и обняла его, припаявшись к нему всем своим роскошным телом и шепча в ему в ухо:

— Как давно мы не виделись, Стэн, любовь моя... Я могла бы... могла бы... Ах, да ты и сам знаешь...

Угу, еще бы Стэну не знать! Он помнил все куда как хорошо — и благодарной памятью. Воспоминания были чертовски приятны... Да вот беда — при встрече он в первый момент с превеликим трудом узнал Софи. Нет, он бы не посмел сказать, что на нее смотреть противно, отнюдь нет! Но в его памяти остался образ простодушной девушки лет девятнадцати — двадцати, с темным венчиком коротко стриженных волос и глазами, которые смотрели на мир открыто и честно. А теперь перед ним стояло восхитительное про-

изведение пластической хирургии с идеально правильными обводами тела, с водопадом поблескивающих волос ниже ягодиц.

Кстати, эти волосы были ее единственным одеянием. Софи была модно обнажена, лишь кое-где кожа была пестро раскрашена. И тем не менее от прежней Софи что-то оставалось — это все та же Софи, с голодными опытными глазами.

Стэн готов был локти кусать, что ему когда-то взбрело в голову представить ее при дворе Императора.

— Ты... ты выглядишь грандиозно, Софи, — пробормотал он, стараясь держать ее на приличном расстоянии от себя. Не потому, что ему не нравилось держать в объятьях голую красавицу; просто он предпочитал делать это в более уединенных местах.

— Нам надо столько наверстать! — проворковала Софи, подцепляя его локоть своей рукой. — Давай найдем тихое местечко и вдоволь поболтаем.

Стэн ощутил себя маленькой собачкой, которую волокут на поводке, куда хотят.

— А вот и наша выпивка, Стэн, — раздался за его спиной желанный голос. — Ты не поверишь, эти умницы робофицианты так ловко... О-о... а-а... Стэн?

Стэн с огромным облегчением остановился и развернулся в сторону голоса. Полицейский лейтенант Лайза Хейнз стояла с двумя бокалами в руках. У нее было крайне озадаченное выражение лица, которое грозило стать обиженным в следующий момент.

Говоря фигурально, Стэн — слегка онемевшими, но по-прежнему проворными пальцами человека с врожденным талантом выпутываться из любой передряги — вцепился с отчаянием погибающего в конец веревки, который бросала ему лейтенант Хейнз.

— Лайза, — сказал он громче, чем нужно, — ты подошла как раз вовремя, чтобы познакомиться с моей старой доброй подругой Софи Паррел.

Софи окинула подошедшую женщину ледяным взглядом.

— О-о! — протянула она язвительно.

— Софи, разреши представить тебе лейтенанта Хейнз. Она... э-э... Я хочу сказать, мы... э-э...

Лайза протянула руку Софи.

— Меня сюда пригласил Стэн — я его *новая* подруга, — сладчайшим голоском проурчала Лайза. — Как приятно встретиться с его *старой* знакомой. Зная характер капитана, я могу предположить, что у нас с вами должно быть много общего.

Софи без энтузиазма пожала протянутую руку:

— Да, уверена, что это так.

Тут она вновь повернулась к Стэну, и глаза ее словно корочкой льда подернулись.

— Прости меня, Стэн, но я, увы, должна пообщаться и с другими гостями. Быть может, нам удастся перекинуться парой слов попозже.

Она повернулась к ним своей гладчайшей, прелестной спиной и засеменила прочь. Стэн не знал толком, чего именно он избежал, но был чуть ли не до радостного визга доволен тем, что вовремя вывернулся. Он рассеянно взял протянутый Лайзой бокал, но замер, не донеся его до губ, потому что заметил какую-то особенную улыбку на ее лице.

— А я и не знала, Стэн, что у тебя тут есть знакомые!

Он залпом выпил содержимое бокала — и обнаружил, что ему протянут и второй бокал.

— Ну, пара-тройка знакомых тут у меня сыщется, — сказал он и рассмеялся. Он вдруг почувствовал себя раскованней. — Впрочем, это я махнул. Ты видела единственного человека, с которым я тут знаком. И этого мне хватает с лихвой.

Осушив второй бокал, он покосился на Лайзу. А ведь она хороша! Очень хороша. Какая красивая, резко очерченная фигура — и как здорово обрисовывает все линии этой фигуры ее белое платье. И в голову не придет, что она из полиции.

Хейнз отобрала у него оба бокала.

— Ладно, пойдем поищем еще горючего. Будем наслаждаться праздником. И надеяться, что сюрпризов больше не будет. А-а?

— Нет. Никаких других сюрпризов. Надеюсь.

Как бы не так! Стэн попал пальцем в небо.

Спустя несколько секунд их бокалы были вновь наполнены, Лайза стояла рядом с ним, оркестр заиграл новую мелодию, и на танцевальной площадке было не слишком тесно. Стэн решил рискнуть и попередвигать ноги под музыку — может, никто и не заметит, что он не мастак танцевать. Тем

более оркестр играл мелодию, в которой даже Стэн мог узнать медленный танец на три четверти.

Он поклонился Лайзе и повел ее на полированный металлический пол танцевальной площадки. Как он понял задним числом, именно характер пола должен был насторожить его. Словом, они с Лайзой, уютно обнявшись, протанцевали совсем недолго, прежде чем до Стэна дошло, почему вечеринки, затеваемые Марром и Сенном, называют супервечеринками. Когда оркестр перешел к припеву, кто-то врубил генератор, и ошарашенные танцоры обнаружили, что они сперва воспарили над площадкой, а затем их потянуло в стороны — к нейтрализующим генераторам. Танцевальная площадка внезапно превратилась в цирковую, а танцоры — в растерянных акробатов, которые вычерчивали в воздухе медленные кульбиты.

Стэн помянул добрым словом свою летную подготовку в условиях невесомости, когда мимо него пролетела Лайза — с перепуганными глазами и юбкой, которая собралась у талии. Он сгруппировался, как его учили, и поплыл догонять подругу — сперва ухватил ее за щиколотку, подтянул к себе и малопомалу переместился так, что их лица оказались рядом.

К Лайзе вернулось хорошее настроение, она одернула юбку и сказала, улыбаясь:

— Еще одна неладица.

Стэн не понял этой фразы, но решил, что момент упускать глупо. Поцелуй в невесомости ничуть не менее сладок, чем обычный, разве что слюны оказывается неожиданно много и ведет она себя чуточку странновато.

Стэн не упустил и другой момент: паря в воздухе и целуясь, он уголком глаза все же посматривал вокруг, и, когда неподалеку от его ног проплывала дородная матрона, он изловчился и как бы случайно пнул ее ногой по широкому заду, который должен был стать опорой для хорошего прыжка.

От удара они с Лайзой полетели кувырком к самому краю танцплощадки. Тут Стэн чуть подтолкнул Хейнз, и после очередного пируэта она очутилась на пространстве с нормальной силой тяжести. Оттуда лейтенант протянула руку и вытащила Стэна из маклиновского поля, созданного генератором антигравитации.

— Славная вечеринка! — сказал слегка запыхавшийся Стэн.

— Славненькая, — отозвалась Лайза. — А я и не знала, что невесомость делает вас смелее, капитан!

— Не правда ли, гетеросексуальная любовь приходит странными портами, — прошептал Марр после того, как пристально понаблюдал за кульбитами Лайзы и Стэна.

— Ты хотел сказать, путями, — поправил его Сенн. — Займемся этой парочкой попозже?

— Как захочешь. Нам надо взять их под свое крылышко и... О, почтенный господин Хаконе! Какая честь!

Они не заметили, как к ним подошел великий метр. В руке у него был наполовину пустой стакан.

— Будучи почетным гостем, имею ли я право высказать свое мнение о том, как протекает ваш праздник?

Сенн широко распахнул свои влажные черные глаза, имитируя крайнее удивление:

— Что-нибудь не так?

— Для банкета в мою честь, — сказал Хаконе, — в этом помещении, на мой взгляд, чрезмерно много людей, которые только о том и мечтают, как бы понаделать из моих косточек себе зубочисток.

— Мы разослали приглашения до предварительного просмотра вашей пьесы в театре масок, — сказал Марр. — Мы не могли предположить...

— Разумеется, вы тут ни при чем, — огрызнулся Хаконе. — И вы оба отнюдь не принадлежите к тому типу существ, для которых успех банкета определяется количеством дуэлей, им спровоцированных.

— Вы норовите нас оскорбить? — прошипел Сенн.

— Быть может, — с безразличным видом произнес Хаконе, осушил свой стакан до конца и тут же взял новый с подноса катившегося мимо робофициантa. — В моем представлении, торжественный вечер — это сбор товарищей, единомышленников. Ясное дело, наши с вами представления о хорошем празднике отличаются как день и ночь.

— Знай мы, — вроде бы примирительным тоном начал Марр, — что вы мечтаете собрать компанию своих старых друзей по оружию и весь вечер травить байки про давно минувшую юность, чтобы довести друг друга до исступления брехней о былых подвигах, — знай мы это, мы бы непременно пошли навстречу вашему желанию.

Хаконе, который оделся на банкет во все черное — на нем были облегающие черные штаны и свободного покроя черная рубаха, — позволил себе улыбнуться.

— Я же сказал — наши подходы радикально отличаются. Кстати, тут есть один человек, с которым я бы хотел познакомиться...

— А мы вас с ним не познакомили? Просим прощения и готовы исправить свой грех.

— Вот с ним.

Хаконе махнул рукой в сторону Стэна, который отмечал свое возвращение в весомость, держа в руке наполненный до краев стакан.

Марр стрельнул глазами в сторону Сенна. Оба были озадачены. Затем Марр взял Хаконе под руку и подвел писателя к Стэну.

— Капитан?

Стэн как раз собирался еще разок поцеловать Лайзу. Он не без досады оглянулся на оклик, узнал хозяев башни, а также и почетного гостя — благодаря тому, что в свое время прилежно изучал тысячи досье с фотографиями в дворцовом архиве.

— Добрый вечер, многоуважаемый господин Хаконе.

— Позвольте представить вам, — произнес Марр, — молодого человека, который, верим, далеко пойдет. Капитан Стэн. И?..

— Лайза Хейнз, — коротко рекомендовалась подруга Стэна. Подобно большинству полицейских, она не торопилась ставить людей в известность о своей профессии без особой на то нужды.

Хаконе любезно улыбнулся, но затем одним махом исключил из разговора и Лайзу, и Сенна, и Марра. Он спросил:

— Вы командуете императорской личной охраной, не так ли?

Стэн кивнул.

— Это, думается, очень интересная работа.

— Как вам сказать... очень не похоже на то, что я делал прежде, — уклончиво ответил Стэн.

— Не похоже? А чем вы занимались прежде?

Разумеется, Стэну теперь приходилось помалкивать о своем прошлом — об участии в операциях отряда Богомолов. В его официальном досье значилась служба в одном из очень

удаленных миров — в достаточно беспокойном месте, что могло служить объяснением двух рядов нашивок на его груди, хотя на самом деле все эти медали были получены за тайную и грязную деятельность.

— Служил в охране. Большей частью в малоосвоенных районах космоса.

— Крайне необычно, — сказал Хаконе, — что человек ваших лет, такой молодой — поверьте, я не хочу обидеть, — вдруг выбран на подобный пост.

— Я полагаю, во дворе просто хотели иметь человека, который мог бы сновать вверх-вниз по бесконечным дворцовым лестницам без риска получить инфаркт.

— У вас хороший учитель, — не унимался Хаконе.

— Простите?

— Да это я так... Капитан, можно задать вам откровенный вопрос?

— Да, сэр.

— Судя по многочисленным нашивкам на вашей груди, вы бывали в гуще сражений. И вот вы здесь, в самом сердце Империи. Как вам тут нравится?

— Не совсем понимаю ваш вопрос, сэр.

— Подобно всем нам, вы поступили на военную службу с верой в ее нужность. Воображали, что будете служить великому делу.

— Полагаю, да.

Стэн отличнейшим образом знал, почему он завербовался в армию — чтобы спасти свою шкуру, чтобы вырваться из звездной системы, носящей название Вулкан, этой адской сети заводов, пожирающей жизни рабочих.

— Когда вы оглядываетесь вокруг... — тут рука Хаконе совершила круговой жест, указывая на увешанных бриллиантами придворных, составлявших большинство публики на банкете, — когда вы оглядываетесь вокруг, вам не кажется, что вы ожидали чего-то другого?

Стэн слушал его с непроницаемым видом.

— Вам не бросаются в глаза признаки тлена и упадка?

Никакого тлена и упадка я не усматриваю, вот что ответил бы Стэн. И вы бы их не усмотрели, если бы явились сюда из мира, где мальчиков и девочек приучают к рабскому труду с четырехлетнего возраста. Но разве такое скажешь вслух?

— Простите за грубость, многоуважаемый господин Хаконе, — произнес Стэн, — но в мире, откуда я родом, *животные* — привычные сексуальные партнеры.

Лицо Хаконе передернула гримаса отвращения, потом до него дошел смысл стэновых слов.

— А-а, вы шутите, капитан.

— Лишь до определенной степени.

— Читаете?

— Когда есть досуг.

— Возможно, мы при случае обсудим эти вопросы. А пока я хотел бы послать вам несколько своих книг. Они дойдут до вас, если я направлю их просто во дворец?

Стэн кивнул. Хаконе отвесил ему официальный поклон и отошел. Стэн проводил писателя взглядом. Любопытный вопрос: с какой стати почетный гость решил пообщаться с ним? И потом битый час валять дурака, прощупывать его взгляды? Похоже, на этой вечеринке сюрпризам нет конца.

Гости мало-помалу разъезжались, оживление быстро сходило на нет. У всех находился повод уехать раньше времени, и завершение вечера было скомкано потоком извинений — столь многим придворным оказалось совершенно необходимо попасть еще и на другие приемы и торжества. Стэн и Лайза, новички в прайм-уорлдском высшем свете, оказались в самом хвосте очереди гостей, которые покидали башню.

Марр настиг их у пневмотрубы — они собирались спуститься к своему гравимобилю.

— Куда же вы так рано, милые мои! Еще совсем-совсем рано!

Он схватил их за руки и потащил обратно через толпу. Стэн весь напрягся — солдаты, как и кошки, инстинктивно не любят, когда их тащат туда, куда бы они не хотели возвращаться. По трепету пальцев Лайзы в его руке он почувствовал, что и она отчаянно упирается. Как ни странно, это было бальзамом его душе — он ощутил себя ближе к ней из-за того, что они одинаково скептически относились к радушию хозяина.

— Нет, серьезно, Марр, — сказал Стэн. — Нам действительно пора уходить. Нам обоим с утра на службу. И совершенно нет времени...

Марр перебил его, презрительно фыркнув:

— Ах, эта служба, эта, как вы выражаетесь, чертова служба! А что касается времени — это хреновина, которую выдумали ученые олухи, чтобы ничего не случалось сразу, а только по очереди.

Он почти выволок их из толпы и затащил в пульсирующий золотистым светом коридор. Тут Стэн еще раз уперся. Пальцы Лайзы напряглись, потом она потянула его за собой. За поворотом коридора они оказались у развилки — туннели расходились в трех направлениях. Марр потянул их налево — в голубой коридор, и по напряжению своих стоп Стэн догадался, что тунель ведет наверх.

— Мы с Сенном наблюдали за вами, — говорил Марр. — Весь вечер напролет. Вы оба чувствовали себя слегка не в своей тарелке, мы правильно угадали?

— Да, и простите нас за это, — сказал Стэн, — мы не очень-то привыкли к таким...

Марр замахал передними конечностями.

— Бросьте эти глупые извинения. Наши сборища нельзя назвать утонченными светскими раутами. В глазах общественного мнения, мы устраиваем нечто противоположное чинным приемам.

— О Господи, — вдруг ахнула Лайза. — Я так и знала, что в чем-нибудь дам маху. — Она опустила взгляд на свое платье из полупрозрачной ткани. — Ведь оно просвечивает насквозь, да? Не напрасно я думала, что мне нужно...

Стэн покрепче прижал ее к себе, чтобы девушка замолчала.

— По-моему, он говорил о чем-то совсем другом, — сказал капитан.

Марр продолжал тащить их за собой, словно не замечая, что гости усиленно упираются. Они быстрым шагом проходили мимо комнат, которые или переливались всеми цветами радуги или зияли множеством оттенков черноты. И вот хозяин и пара его гостей очутились почти на самом верху башни, где располагалась художественная галерея. Здесь в каждом зале были собраны несметные сокровища, чего Стэн и Лайза, отнюдь не доки в искусстве, понять не могли. Запахи и звуки в галерее сменялись стремительно — зовущие, чарующие, но Марр торопился вперед и ни на секунду не умолкал.

— Это совсем особенное, — говорил Марр. — Это такое, что только вы двое можете понять. Вы увидите, своими глазами увидите, почему мы с Сенном построили наше жилище именно здесь.

Неожиданно коридор распустился в большой зал, и Стэн ощутил, что их легко овевает душистый ветерок.

— Смотрите! — воскликнул Марр. — Смотрите!

Своей короткой лохматой лапкой он сделал широкий круговой жест.

Место, где они находились, лаконичнее всего описать как сад на крыше под высоким куполом. Причудливые, невиданные растения тянулись к ним, норовили обнять, нежно коснуться своими листьями... Что за невидаль? Лайза, слегка напуганная, жалась к Стэну.

— Сюда, пожалуйста, — произнес Марр.

И они последовали за ним — уже медленно — по извилистой темной тропке. Казалось, они бредут сквозь ряд воздушных пузырей. Аромат периодически густел, свечение воздуха неуловимо усиливалось... усиливалось... напряжение достигало пика, разряжалось взрывом удовольствия, после чего начиналась новая область душистого света: аромат густел, свечение неуловимо усиливалось... Еще был и звук — возможно, как-то синхронизированный со свечением, потому что у гостей шумело в ушах. Стэн ощущал, что Лайза разомлела от всего этого.

И тут двойной изгиб тропы вывел их в тупик. Какое-то мгновение Стэн не чувствовал ничего, кроме округлой выпуклости лайзиного бедра, прижатого к его бедру. Марр снова заговорил — и, пока он говорил, Стэн поймал себя на том, что он смотрит вверх.

— Это случается трижды в год. Произведение искусства, которым можно любоваться, но которое нельзя продать.

Марр указал на дрожащее марево, отделявшее сад на крыше от реального мира. Стэн увидел облитые лунным светом горы, которые жались друг к другу и выгибали высоченные хребты к небесному куполу. Он шагнул чуть в сторону, почувствовал под ногой раздавленный цветок, который с легким шипением обдал его густым ароматом, после чего каждое прикосновение Лайзы к любому месту его тела начало необычайно воспламенять Стэна.

— Впитывайте это зрелище! — произнес Марр.

И они упоенно впитывали глазами расстилавшийся перед ними пейзаж. Внезапно то, что казалось еще одной огромной скалой у самой луны, недалеко от горизонта, стало медленно темнеть. Скала в небе наливалась чернотой — больше, больше, пока не превратилась в пульсирующий огромный черный шар.

— Погодите, сейчас... — певучим голосом произнес Марр. — Сейчас, сейчас...

И черный шар вдруг взорвался. Бесшумное стадо разъяренных грозовых туч покатилось к луне, затоптало ее и неслось дальше. Было столько оттенков черного, что тучи казались разноцветными. Минутой позже тучи уже не казались стадом — они сошлись в черную воронку, которая опустилась к самому дну ущелий и побежала меж гор по долинам и теснинам, далеко-далеко от башни, на вершине которой стояли зрители.

Мгновение — и Стэн с Лайзой могли видеть лишь верхний широкий конец воронки, мчащейся по небу в ярком свете освобожденной луны.

И одновременно было так тихо вокруг, так умиротворенно... Стэн обнаружил, что держит Лайзу в своих объятиях. Под куполом царил мрак, рядом были расплывчатые тени едва освещенного сада. Голова Лайзы оказалась в ореоле мерцающего света.

— Я... — начал он.

— Тс-с, — прошептала она, прикладывая палец к губам.

Он привлек ее еще ближе к себе и шестым чувством ощутил, как растения вокруг них притихли и еще более томно раскинулись в ночи...

Марр и Сенн наблюдали на экране, как двое влюбленных целуются под куполом. Они невольно теснее прижались друг к другу, когда Лайза тихо и чувственно произнесла «Тсс».

Сенн повернулся к Марру и обнял его.

— В мире лишь одно лучше новой любви...

Марр нажал кнопку, и экран целомудренно погас.

Улыбнувшись любимому, Марр докончил его мысль:

— В мире лишь одно лучше новой любви — это старая любовь. Очень и очень старая любовь.

Когда Стэн еще сильнее сжал ее в своих объятиях, Лайза покраснела — совсем не по-лейтенантски. Рука, лежащая на

груди капитана, ласково отстранила его. Белое платье медленно соскользнуло вниз. Остались только Стэн и Лайза, и ничего между ними.

ГЛАВА 15

— Эх ты, дилетант поганый, — процедила Лайза, обращаясь к трупу.

Стэну показалось, что, не будь рядом его и криминалистов-спиндарцев, она бы непременно пнула мертвое тело ногой.

Бывший шеф спецназа Крегер зловеще улыбался — стервятники выклевали почерневшие губы и заголили зубы. Одна его рука была оторвана и, наполовину объеденная, валялась метрах в пяти от тела, у самого края скалы.

— У вас, людей, занятные представления о спорте, — ворчал Спилсбери, пока пальчики его пятой лапы оживленно бегали по клавиатуре крошечного компьютера. — Что за удовольствие можно получать от выслеживания и убийства других живых существ? Это выше моего понимания. Да-да, я этого абсолютно не понимаю.

— У некоторых живых существ довольно вкусное мясо, — вставил свое предположение Стэн.

— Причина смерти? — спросила Хейнз, у которой не было настроения пускаться в философские споры. Телефонный звонок раздался, к счастью, не в один из бурных моментов ночи, а уже под утро, когда Стэн и Лайза проснулись в достаточной степени, чтобы вновь потянуться друг к другу. Все равно досадно.

— Несчастный случай во время охоты. Судя по входному отверстию, смертельная рана нанесена из реактивного ружья. Плюс к этому — и данный факт должен порадовать вас, лейтенант, — выходное отверстие отсутствует. Предполагаю, снаряд застрял в теле. Через короткое время один из моих отпрысков извлечет снаряд для вашего исследования. Итак, вывод: смерть в результате несчастного случая во время охоты.

— Чертовски удобный вывод, — пробормотала Хейнз.

Компьютер Спилсбери затрещал, и спиндарец протянул женщине-полицейскому распечатку своего рапорта.

— Время смерти... время смерти... Ага! — Хейнз быстро прикинула в уме. — За один цикл до взрыва бомбы.

— Плюс-минус три часа, — уточнил Спилсбери. — Точное время мы установим немного позже.

Хейнз собиралась задать следующий вопрос, но Стэн кивком головы пригласил ее отойти в сторонку. Они прошли на дальний конец скалы.

— Вы попали в точку, лейтенант. Удобная смерть.

До сих пор Хейнз гадала, как следует называть в официальной обстановке коллегу, с которым ты только что была в постели. И вот обращение прозвучало впервые. Она тут же про себя одобрила решение Стэна вернуться к формальному стилю общения.

— Полицейские не принимают на веру совпадения.

— И я тоже.

Однако Стэн старался держать в узде свою недоверчивость — ведь совпадения действительно случаются в жизни. Даже самые невероятные.

Спилсбери подковылял к ним с пакетом для вещественных доказательств.

— Вот от чего он умер.

Стэн взял пакет. Пуля была из какого-то довольно мягкого металла, ее головка расплющилась так, что стала раза в два шире основания.

— Точный калибр определить не могу, — продолжал Спилсбери. — Но, вне сомнения, это пуля от охотничьего карабина. Судя по входному отверстию, убитый начал разворачиваться в сторону гор как раз в тот момент, когда его сразила пуля. Можно только пожалеть, что у вас, людей, такой непрочный внешний слой кожи — в отличие от более удачных произведений природы.

— Да, обалденно жаль, — согласился Стэн. — Лейтенант, вы в курсе, на какую дичь охотятся в этом заповеднике?

— На опасных зверей.

— К примеру?

— Я позвоню в администрацию заповедника, — сказала она и вынула из кармашка на поясе трубку-телефон.

Стэн пожевывал свою нижнюю губу, а Хейнз, с трубкой возле уха, перечисляла животных, на отстрел которых давали

лицензии в этом заповеднике. Два-три раза капитан уточнял детали о животных. Лайза закончила перечисление и вопросительно посмотрела на него.

— Да, тут обитают зверушки, с которыми опасно связываться, — протянул Стэн. — Природа одарила их всем, чтобы талантливо убивать.

Лайза озадаченно покосилась на него.

— Да, — продолжал он, — как только что выразился сотрудник заповедника — «эффективные орудия смерти». Мохнатые, крепкая чешуя, панцирь и все такое. Словом, звери, которых убить непросто, одной пулькой не свалишь.

Однако до Хейнз все еще не доходило, к чему он клонит.

— Когда пытаешься свалить большое и свирепое животное, — продолжал пояснять Стэн, — особенно если оно имеет панцирь, нужно прибегать к помощи по-настоящему больших пуль.

Когда он служил у Богомолов, ему случалось по долгу службы сталкиваться лоб в лоб с большими и свирепыми существами — и убивать их.

— Так вот, необходима пуля из самого твердого сплава, литая. Всякая другая, что помягче, непременно расплющится, когда ударится о панцирь.

Лайза взяла пакет с пулькой из рук Стэна и задумчиво проговорила:

— Таким образом, даже начинающий охотник зарядит ружье пулей из мягкого металла только в одном случае — если идет на легкую дичь, у которой к тому же тонкая кожа.

— К примеру, хочет убить человека, — закончил за нее Стэн.

— Да, капитан, не нравится мне все это. Поганое дело.

Стэн был вынужден согласиться.

— Знаешь, — продолжала Хейнз, — что скажут мои боссы, когда я доложу им, что начальник спецназа Крегер был замешан в заговоре? Что спецназ направили в этот район, зная о предстоящем, — и затем расплатились с Крегером дыркой в грудь.

Стэну достаточно было одного взгляда на нее, чтобы понять: детектива по расследованию убийств волнует не это. Как узнать, один ли полицейский столь высокого ранга замешан в этом деле? А вдруг их несколько?

— Что-то мне подсказывает, что многие из твоих боссов трусливо подожмут хвост, — сказал Стэн.

— Мерзость, мерзость и еще раз мерзость. Ладно, двигаем отсюда и поглядим, какие еще гадости поджидают нас сегодня.

ГЛАВА 16

— Динсмен — вот кто наш тронутый бомбист, — мрачным тоном изрекла Лайза.

Стэн мог только теряться в догадках, почему она не рада этому открытию, но сейчас было важнее удостовериться, что полиция не ошибается в личности преступника. Он понимал: безопаснее доложить Императору, что докладывать нечего, чем дать недостоверную информацию.

— Этого типа лишь подозревают по основательным причинам или же он уличен окончательно?

— Никто не уличен окончательно, пока не расколется. Но за вычетом Динсмена, никто не мог совершить такое преступление. Он единственный незарегистрированный спец по бомбам в Прайм-Уорлде.

— А каким образом вы регистрируете тронутых бомбистов? — заинтересованно осведомился Стэн.

— Мы со всей пристальностью наблюдаем за типами, которые зарабатывают на жизнь взрывами, — сказала Хейнз. — А поскольку их вообще немного и они к тому же периодически подрываются на своих же произведениях, то следить приходится за горсткой людей.

— А мы исходим из предположения, что преступник — коренной житель Прайм-Уорлда?

— Приходится для начала ограничить круг подозреваемых. К тому же за последний год на Прайм-Уорлд не прилетал ни один из подпольных специалистов по взрывным устройствам.

— Продолжай.

— Динсмен — специалист по раскрутке страховых компаний. Использует армейскую взрывчатку.

— Кем бы ни был преступник, он действительно использовал армейскую взрывчатку.

— Второе: этот фокусник за всю жизнь ни разу не покидал нашей планеты. За несколько циклов до того, как из Алэна сделали котлету, — продолжала Хейнз, — Динсмен был в долгах как в шелках и задолжал всем акулам-ростовщикам в округе. А потом вдруг разом расплатился со всеми и стал швырять деньги направо и налево. Он околачивался по разным питейным заведениям с псаурусцами. Хочешь спросить, кто такие псаурусцы? Объясняю: существа вроде ящериц — размером крупные, но промышляют жульничеством — мелким. Словом, этот Динсмен вдруг начинает платить за всю шайку и обещает в будущем закатывать еще большие пиры. А поскольку он расплатился с соуардскими подпольными ростовщиками, которые дерут десять процентов в месяц, ему снова повсюду открыли кредит. После чего он исчезает.

Стэн глубоко задумался над тем, что сообщила Лайза. Погруженный в свои размышления, он подошел к перилам ее дома-корабля и стал рассеянно смотреть на лес внизу.

В связи с перенаселенностью Прайм-Уорлда и нехваткой места для жилищной застройки, которая к тому же строго контролировалась властями, умные головы измыслили некоторые довольно изощренные формы решения проблемы жилищного кризиса. Скажем, некто владеет лесным массивом, в котором строительство жилья категорически запрещено. Но в законе ничего не сказано о пространстве *над* лесом. И вот оно уже сдано внаем и над лесом возносятся дома-корабли, оснащенные мощным маклиновским генератором. Форма домов самая разная, но квартплата примерно одинаковая — непомерная. Зато жильцы получают по-настоящему уединенное жилье, причем очень комфортабельное, за вычетом того, что эти дома немного треплют штормовые ветры.

Хейнзовский дом-корабль состоял из одной, но очень просторной комнаты. Кухня и туалет располагались на корме за перегородкой. Лайза разделила комнату передвижными ширмами, что давало ей возможность с необыкновенной легкостью менять конфигурацию своего жизненного пространства в любой день, когда выдавался свободный часок. Обстановка состояла из одноцветных навесных шкафов, которые смотрелись весьма необычно в эпоху повального увлечения многоцветьем,

а также из нескольких низких столиков и подушек, которые служили и стульями, и кушетками, и кроватями.

Стэна, в общем-то, не тянуло что-либо изменить в этом уютном доме. Он ему нравился. Но рабочие проблемы не давали расслабиться.

— Ты рассказала мне не все?

— Угу. Этот Динсмен направился в космопорт, огрел железкой по голове полицейского, который охранял космояхту одного богача. И стартовал через пару минут.

— Где Динсмен научился управлять космическими кораблями?

— Э-э, капитан, вы прослужили в армии так долго, что совсем оторвались от жизни. Эти яхты построены для людей, у которых денег больше, чем мозгов. Необходимо только одно — сунуть в щель компьютера карточку с указанием маршрута, а уж электроника позаботится обо всем остальном. Таким образом, и в этом случае электроника позаботилась обо всем остальном, и Динсмен благополучно оказался в космосе.

— Замечательное свинство.

— Согласна. Но мне известно еще кое-что. В том числе и то, куда этот Динсмен направился.

— Так почему же ты мрачнее тучи? — спросил Стэн.

— Да, я мрачнее тучи. Стэн, у меня по-настоящему поганая новость. Вначале предыстория. Когда я стала следователем в отделе убийств, мне подумалось, что рано или поздно мне захочется записать в свой компьютер что-либо действительно секретное. Поэтому я закодировала вход в память моего компьютера. Однако на случай, если кто-то все же прорвется через код, я установила ловушечку. Уж если кто и вломится в память моего электронного дружка, я по крайней мере буду знать, что в ней побывали незваные гости.

— Язви вашу душу! — ругнулся Стэн. Он уже догадался, что произошло, и вскочил.

— Налей и мне. Хватит. Спасибо. Так вот, кто-то влез в мой компьютер. И приобщился ко всему, что мне известно. — Хейнз горестно вздохнула и залпом выпила содержимое своего стакана. — Но и это еще не самое плохое, дорогой мой. Мне удалось частично проследить, откуда производился взлом. Капитан, тот, кто украл мою информацию, действовал с терминала в императорском дворце!

ГЛАВА 17

— Этого мне только не хватало, — произнес Вечный Император достаточно спокойным тоном.

— Так точно, Ваше Величество, — поддакнул Стэн.

— Поздравляю, капитан. Вы отменно поработали. Мне чертовски жаль, что я дал вам это поручение... Ладно, продолжайте расследование. По дыму, который вы учуяли, я предполагаю тут большой огонь — что-то похуже просто шпиона в моем дворце.

— Так точно, Ваше Величество. Этот Динсмен летел на яхте, пока не кончилось горючее, а потом бросил ее.

— У вас есть его след?

— В докладе лейтенанта Хейнз указано, что Динсмен пересел с яхты на трамп, на который он завербовался в одном космопорте. Если быть точным, в Холлистере.

— Каким образом, черт возьми, этот субъект завербовался на грузовой корабль? Разве не вы говорили, что у него нет ни малейшего опыта работы на межзвездных линиях?!

— Ни малейшего. Однако, согласно реестру Ллойда, это межзвездный танкер, перевозящий легко воспламенимые сорта горючего. Охотников работать на нем маловато, так что в команду набирают кого попало.

— М-да... Продолжайте.

— В настоящее время трамп направляется с грузом на Хиз, Ваше Величество. Разовая перевозка.

— Да-а, капитан Стэн, вы пришли с букетом радостных новостей. — Планета Хиз была метрополией таанских миров. — Уже пили, капитан?

— Нет, Ваше Величество. Еще не успел.

— Ну так начнем.

Император налил две порции из своей фляги со спиртом и без промедления опрокинул себе в рот стаканчик.

— Капитан, позвольте я введу вас в святая святых и дам образчик мышления Вечного Императора. Итак, или (пункт А) Таанский Союз *на самом деле* несет ответственность за ликвидацию Алэна... — тут тон Императора несколько изменился, — и за некоторые другие... мерзости, или же (пункт Б) вся эта история превращается в невиданный кошмар, в котором концов не сыщешь.

— Видимо, так, Ваше Величество. Не могу знать, Ваше Величество.

— Эх вы, горе-помощник!.. Ладно, капитан, все в порядке, в полном порядке. Налейте себе еще стаканчик, да не вытягивайтесь по стойке «смирно», просто побудьте рядом, покуда я решаю касательно плана действий. Начнем с гипотезы, что вы достойны моего полного доверия. Вы дьявольски молоды, еще не слишком высоко поднялись по служебной лестнице, на службе у меня совсем недавно и не успели ни с кем снюхаться. Я доверяю гуркам. Кстати, как вам нравится старший субудар? Его зовут, кажется, Лимбу?

— Отличный парень.

— Передайте командование гурками ему. Я направляю вас в командировку. Приказ сформулируем предельно четко — помнится мне, когда вы служили в отряде Богомолов, то порой отличались... скажем так, несколько вольным толкованием приказов вышестоящих. Итак, вы летите на поиски Динсмена. Доставьте его сюда живым и невредимым. Он должен быть в форме, чтобы ответить на все вопросы, которые мне будет угодно задать. Вы все поняли, капитан?

— Так точно, Ваше Величество, — отчеканил Стэн. Отпив глоток спирта, он добавил: — Мне потребуется поддержка, Ваше Величество.

— Капитан Стэн, думайте только о том, как лучше выполнить мой приказ. В вашем распоряжении все, что пожелаете, — вплоть до передачи под ваше командование гвардейского полка, если вы сочтете это целесообразным. Но только доставьте, доставьте мне этого Динсмена!

ГЛАВА 18

Двери сомкнулись за спиной Тарпи. Инстинктивно он прислонился спиной к стене, пока глаза привыкали к полумраку. Его зрачки расширились — он различил над собой светящиеся точки: звезды и космические корабли.

Место действия в зале, который, подобно планетарию, имел форму полусферы, резко изменилось — стало светло

как днем, потому что одна из звезд приблизилась и разрослась в размерах — имперская десантная флотилия находилась «под» этой звездой и «над» планетой, которая казалась пятнышком побольше. В центре комнаты, возле проектора, луч света которого веером охватывал полусферу потолка, Тарпи различил в кресле фигуру Хаконе.

Тем временем место действия снова изменилось. Теперь боевые машины и транспортные корабли десантников плыли над поверхностью планеты, которая проецировалась на пол, так что Хаконе видел ее словно из кресла пилота, сидящего в одном из боевых кораблей. Легкие корабли-истребители метались из стороны в сторону, ведя дальний бой с защищающими планету спутниками.

— Это ты?

Тарпи не потрудился ответить. Чего ради попусту сотрясать воздух — ведь он единственный из слуг Хаконе имеет доступ в зал сражений. Стало быть, войти мог только он, и нечего попусту спрашивать.

— Этот человек удрал в Таанский Союз, — сказал Хаконе.

Тарпи криво усмехнулся.

— Ему там будет нелегко залечь на дно и затаиться.

— Бери все, что тебе потребуется. Без ограничений. Если сочтешь нужным, прихвати с собой несколько наших преторианцев-дезертиров — для поддержки.

— Важно ли, каким образом я его уберу?

— Нет. Это проходимец мелкого пошиба, которого занесло в общество, где насилие — привычное дело. Никто не станет тщательно разбираться, что с ним приключилось.

Тарпи коснулся кнопки, и створки двери разошлись.

— Кстати... знайте, что Император также направил своего человека на розыски.

КНИГА ТРЕТЬЯ

«БАРАШЕК»

ГЛАВА 19

Старший сержант Алекс Килгур, откомандированный на спецзадание штабом отряда Богомолов — подразделения Первой дивизии императорской гвардии, унылым взглядом окинул свой безвкусный крикливый наряд — фиолетово-зеленую рубаху и цветастые свободные штаны, характерную одежду местных профессиональных сутенеров — и стал смотреть через мощеную улицу на школьный двор. Там пожилой таанский отставник в офицерской форме преподавал строевую подготовку детишкам лет восьми.

«И этот небось талдычит малявкам: трудно в учении, легко в бою», — подумал Алекс и поморщился от скуки. Впрочем, ему было глубоко наплевать на то, как маршируют малолетки. У него была куча других малоприятных забот, которые он принялся перебирать в голове, поджидая Стэна.

Ничего плохого в том, что его откомандировали выполнять спецзадание. В глубинах души Алекс не мог не признавать, что так проявляет себя суровая неизбежность. Он прослужил в отряде Богомолов достаточно, чтобы с ясностью понимать: часы рано или поздно остановятся. Лишь в самое последнее время таймер, отмеряющий его время, чуточку позамедлил ход. И вот опять — в самое пекло.

«Смерти я не боюсь, нет, — страстно запротестовал Алекс, — так что не в этом главная причина того, что я не в своей тарелке. Я поступил служить Императору солдатом и знаю

свой солдатский долг. Сейчас судьба забросила меня в какой-то кретинский мир и вырядила в шутовской наряд. Да, в ближайшую тысячу лет — может, когда выйду в отставку, — я просто обязан поведать Императору, что я пережил на службе Его Величеству. Бедняга небось и знать не знает, чего мы тут, служа ему, переживаем, в какие передряги попадаем!»

«Кретинским миром» был Хиз, столица Таанских миров. Алекс и Стэн прибыли туда под вымышленными именами с вымышленными биографиями. Впрочем, Килгур не переставал насмешливо фыркать по поводу их «легенды» — Стэн решил, что им подойдет образ двух сутенеров большой руки. Таким скользким типам обычно задают мало вопросов относительно того, откуда они, куда и с какой целью.

На протяжении своей службы Алекс частенько попадал в самую гущу диковинных миров с совершенно необычной культурой, это было частью его профессии. Он отвык удивляться. Но Хиз сумел поразить его.

Таанское общество состояло из замкнутых сословий, отделенных раз и навсегда непреодолимыми барьерами. К высшему сословию относились прежде всего военачальники — наследственная земельная аристократия, занимающая главенствующее место как в политической, так и в военной структуре. Рангом ниже шли потомственные офицеры и младшие офицеры и наконец потомственные воины. Второй класс составляли купцы, третий — любой рабочий люд. На низшем сословии лежало ярмо постоянного и неизбывного тяжелого труда — от работы в полях и ручного неквалифицированного труда в городах до службы оруженосцами у молодых аристократов.

«Вот именно это меня и злит пуще всего, — думал Алекс, — просто из себя выводит. Чертовы рабы из третьего сословия, похоже, совсем не против того, что на них ездят все, кому не лень. Да как же можно такое терпеть!»

Похоже, столетий десять назад из Килгура получился бы пламеннейший революционер.

«Добро бы этих покорных полурабов кормили по-человечески. Нет, ихнюю жратву цивилизованное существо хавать не станет. Едят какие-то океанские водоросли, жарят

каких-то тощих зверьков, от мяса которых с души воротит, а здешние овощи по вкусу напоминают древесный уголь. Человеку и думать про ихнюю пищу тошно!»

Алекс икнул от отвращения.

Не мастак подолгу философствовать, он замкнул цикл своих размышлений приятным воспоминанием о здешнем пиве — отменный напиток, крепкий и достать его без проблем. Единственное, что примиряет с таанским миром... На этой-то мысли и застал его Стэн.

Алекс окинул взглядом товарища и сказал вместо приветствия:

— Если шмотье выбирала тебе мамочка, она у тебя большущая оригиналка.

Стэн был одет еще экстравагантнее, чем Алекс. Но, по обычаю таанского уголовного мира, чем обычнее и скучнее ты одет, тем больше бросаешься в глаза. На Стэне был смокинг с фалдами до колен — в оранжево-черную полоску — и угольно-черные облегающие спортивные штаны. По сведениям Стэна, это был последний писк моды у тех, кто шакалил в мире проституток.

Стэн только хмыкнул в ответ на язвительное приветствие друга. Он тоже стрельнул взглядом в сторону школьного двора. Таанский старый вояка поймал пацана на какой-то ошибке и монотонно пробирал его перед строем. Стэн кивнул головой, и друзья двинулись в сторону района «красных фонарей» — именно там они поселились.

— Ну, нашел своего идиота-бомбоклада? — спросил Килгур.

— Да.

— Ух ты! Тебе бы не мешало рассказать мне поподробней. Судя по твоей физиономии, ты не очень-то рад.

— Тут порадуешься, — сердито отозвался Стэн. — Сукин сын и здесь проделал то же самое.

Да, похоже, Ли Динсмен действительно был «с тараканами в голове». После того как он благополучно добрался до Хиза, сошел с корабля, поселился в укромном местечке, вволю попил, завел любовницу и как-то очень скоро спустил большую часть своих денег, он пустил гулять по уголовному миру

слух о том, что он специалист по подкладыванию бомб и вообще человек крайне полезный и дорого не берет. Маленькая шайка с большими планами с ходу наняла его сделать пролом в подземное хранилище Центрального Таанского Банка.

Впервые в жизни у Динсмена все прошло без сучка и задоринки — бомба превратила железобетонную стену в кучу обломков. Банда набила мешки деньгами и драгоценностями, прихватила Динсмена на свою хазу и напоила до бесчувствия. Не будучи дураками, они смекнули, что, если таанская «полиция» (на самом деле просто вооруженные отряды, выделенные из военных частей для несения полицейской службы) не уймется, пока не найдет виновника такого крупного ограбления, они подсунут им Динсмена в качестве козла отпущения.

— Стало быть, наш приятель в тюряге! — присвистнул Алекс.

— Хуже.

— Брось! Что может быть хуже? Ты знаешь, Стэн, когда я работал в музее, я всерьез подумывал об отставке. Музей был в графстве Росс Гален — одном из самых красивых на планете под названием Эдинбург, а замок стоял на озере Лох-Оуэн. И зажил бы я где-нибудь на бережке этого Лох-Оуэна — так нет, черт меня занес к этим варварам!..

— Да заткнись ты, балаболка! — рявкнул Стэн. Не будучи в настроении выслушивать досужую болтовню Алекса, он сразу же добавил тоном ниже: — Динсмен не в тюрьме. Этого гада отконвоировали дальше.

— У-у-у! — понимающе протянул Алекс.

— Вот тебе и «у-у-у»! Его посадили на корабль и отвезли на планету-тюрьму.

— Какая незадача. Я бы с горя выпил.

— И я не прочь надраться, — сказал Стэн. — Может, после пятого стакана и придет в голову мысль, какими словами объяснить Императору, что не в силах человеческих вызволить Динсмена из самой страшной таанской колонии строгого режима.

К счастью, Алекс почти сразу же углядел бар, который только-только открылся. Оба имперских шпиона круто развернулись и ринулись внутрь.

ГЛАВА 20

Тарпи также напал на след Динсмена. Для приезда в Хиз он использовал куда менее остроумное прикрытие, чем Стэн. Пять преторианцев-дезертиров прикинулись командой борцов, совершающих турне с показательными выступлениями, а он — их менеджером. О рекламе они не заботились, поэтому их выступления то и дело отменялись из-за малочисленности публики. У Тарпи и преторианцев было достаточно времени для поиска исчезнувшего специалиста по подкладыванию бомб.

Тарпи возбужденно крутил в руке чашку чая, хотя сейчас он на радостях выпил бы и чего-нибудь покрепче. Но у него был собственный набор законов — нерушимых и ни разу не нарушенных законов, которые помогали ему выходить сухим из воды и не погибнуть на протяжении семидесяти пяти лет. Среди его строжайших законов был такой: когда ты на задании, ничем не задурманивай мозгов.

В конце концов он поставил чашку на стол и жестом приказал своему денщику Мирку рассказывать дальше.

Блаженное тепло разливалось по телу Тарпа. Не столько от выпитого чая, сколько от приятной информации. Ему очень редко приходилось получать задания, которые не требовали бы прибегать к насилию, проливать кровь. Но нынешнее обернулось легкой прогулкой, простеньким дельцем, за которое он отхватил изрядный куш.

Тарпи быстро просмотрел компьютерные данные о планете-тюрьме, куда угодил Динсмен. Девственная природа. Все заключенные приговорены к пожизненному заключению. Средний срок жизни заключенных в колонии — пять лет. Количество побегов за все годы существования колонии — ноль. В отличие от большинства наемных убийц, Тарпи верил в старую пословицу — «кровь радости не приносит». Он даже несколько усовершенствовал эту пословицу. У него она звучала так: не проливай крови без нужды.

Шансы Динсмена вернуться в Империю были равны большому жирному нулю. «Ох уж эти людишки, — расслабленно философствовал Тарпи, — вечно они строят какие-нибудь козни и вечно им невдогад, что боги долго терпят, но в итоге всегда проливают чашу гнева на того, кто играет с огнем».

Тарпи пружинисто встал, вынул дискетку из считывателя и пошел к гостиничному умывальнику. Выплеснув заварку и ополоснув чашку, он открыл шкафчик и вынул оттуда бутылку чистого квилла. Налил себе, затем, после секундного размышления, достал вторую чашку и налил квилла Мирку. Мирк выпил алкоголь молча, не выразив своего удивления по поводу того, что хозяин без объяснений нарушил святой закон, о котором было известно и денщику.

Тарпи осушил свою чашку и сказал:

— Собирай ребят, капрал. Ближайшим рейсом мы улетаем обратно на Прайм-Уорлд.

Динсмен навсегда выведен из игры. И о том капитане, посланном Императором, больше нет нужды беспокоиться. Осталась одна забота — какой процент своих комиссионных отстегнуть преторианцам-дезертирам, чтобы они не чувствовали себя обиженными — шли на дело, а все кончилось раньше, чем началось.

ГЛАВА 21

На Хизе ходила горькая шутка, что широкая река, протекавшая через центр столицы, была единственной рекой во Вселенной, которая когда-нибудь горела.

А она действительно горела — на протяжении нескольких дней. Докам, жилищам докеров и прочим строениям на ее берегах был нанесен огромный ущерб, равно как и прибрежной природе (в самой реке вся живность давно вымерла). Но даже после того, как огонь перестал бушевать на поверхности предельно загрязненной реки, таанские лэндлорды не ударили пальцем о палец, чтобы очистить ее, даром что они бесконечно рассуждали о своей любви к буколически простой жизни и нетронутой природе. Оно и понятно — аристократы-военачальники имели собственные усадьбы с чистенькими садами и чистейшими озерами и могли прогуливаться по тропкам своих парков, складывая оды, стилизованные под буколики, воспевавшие деревенский образ жизни. А что до крестьян, так пусть хоть дерьмо жрут.

Впрочем, какие доки, в каком веке и на какой планете не горели хоть раз? Можно взглянуть на пожар как на благотворный способ обновить городские районы. Впрочем, так оно и произошло — сожженное быстро отстроили и жизнь вернулась на берега отравленной реки.

Кхаг был отличной иллюстрацией вышесказанного. Популярность этого оживленного города зиждилась на двух причинах: он был важным транспортным узлом — и с речным портом, и с космопортом, вдобавок тут можно было раздобыть любой незаконный товар и предаться любым незаконным утехам.

Двое мужчин в баре мало отличались от обычной публики — разве что своими серыми мундирами тюремных охранников. Их заляпанные грязью штаны были заправлены в высокие болотные сапоги. Оба имели при себе оружие, но в Кхаге этим никого не удивишь — тут вооружены все поголовно. На кожаных поясах обоих мужчин в серых мундирах красовался одинаковый набор оружия: пистолет обычный и газовый, полицейская дубинка и газовый баллончик. Голоса у дружков были грубые, хриплые; оба были сильно под мухой и говорили чересчур громко. Один из них, его звали Киит, изрек с грустью, вперив взгляд в лежавший перед ними на стойке бара пакет с билетами и документами:

— Последний день, компаньон. Последний денек — и отчаливаем!

Его собутыльник Охлсн важно кивнул головой:

— Знаю-знаю. Ты удивишься, мистер Киит, но до меня вдруг доперло, почему мы с тобой в таком дерьме сидим.

— Да, проблем у нас хоть отбавляй.

— Не скажи, — возразил Охлсн. Он был на той стадии опьянении, когда в голову приходят блестящие идеи, но достаточно трезв, чтобы поддерживать здравый разговор с более пьяным собеседником. — У нас с тобой одна-единственная беда — мы никак не можем определиться в жизни, сидим между двух стульев.

— Не врубаюсь.

— А ты хлебни еще — и врубишься. Нас призвали, и нам придется оттрубить там цельных три года. И об чем мы будем мечтать, об чем будем маяться эти длинные-предлинные три года?

— По родине будем тосковать, вот чего мы будем там делать. Задница у нас будет свербеть — как бы поскорее вернуться.

— Ну и зря. Разве у воина задница свербит по дому? Стало быть, справедливо, что мы с тобой не принадлежим к военному сословию, кишка тонка!

— Уж больно ты нас круто!

— Поделом! Нам бы, дуракам, сейчас радоваться, а мы как в воду опущенные. Сам подумай — ведь там у нас будет какая-никакая, а власть! Сколько раз тебе доводилось вмазывать кому-нибудь просто потому, что тебе не понравилась его рожа? А там — можно. Сколько раз самые красивые цыпочки без ломания прыгали в твою постель? А там — все красавицы станут вешаться тебе на шею, потому как ты — власть.

— И в морду, и цыпочки — это законная часть нашей будущей работенки, Охлсн.

— Правильно. Но ты посмотри на нас со стороны. Мы принадлежим к низшему сословию, верно? Забудем про тоску, давай эти три года проведем с кайфом, заживем не хуже твоего офицера или какого аристократа! Гуляй, братва, не стесняйся!

— Для нас это совсем новое дело. Как бы оно не оказалось кучей дерьма.

— Не бери в голову, приятель. Если подумаешь, сам поймешь — бояться нечего. Мы здесь тем же делом заняты были, в тутошней тюряге, только без всякой для себя выгоды. Так что справимся.

Киит насупился, видно было, что он хочет вдуматься в слова товарища. Но усилию мысли мешало то, что он при этом разливал по стаканам остатки квилла из литрового графина. Чтобы не пролить ни капли, нужно было полностью сосредоточиться на процессе.

Момента, когда опустеет их графин, с нетерпением ждали Стэн и Алекс, сидевшие за столиком метрах в трех за спиной Охлсна и Киита. Теперь Стэн взмахом руки подозвал официантку.

— Видите этих двоих у стойки? Повторите их заказ — за наш счет.

Сунув официантке несколько кредиток, он посмотрел на Килгура.

— Угу, ты прав, — ответил Килгур на невысказанный вопрос. — Эти парни — то, что нам нужно.

Когда девушка принесла дружкам новый графин, озадаченные Охлсн и Киит поинтересовались, кто их угощает. Киит обернулся и вытаращился на пару сутенеров. Стэн высоко поднял свою кружку и улыбнулся. Киит и Охлсн переглянулись, вспомнили, как мало денег на выпивку у них осталось, и подсели за столик к переодетым имперским шпионам. Но доброжелательные физиономии сутенеров не произвели на них большого впечатления.

— Не люблю, когда меня угощает лицо неизвестное! — задиристо прорычал Киит.

— Мы братья Кемпбеллы, — ничуть не обидевшись, сказал Алекс.

— Братья! Я просек, чем вы занимаетесь, братики!

— У нас такого рода профессия, что без рекламы мы никуда, — сказал Стэн. — Никакие девочки не станут работать с нами, если мы будем выглядеть несолидно.

— Терпеть не могу сутенеришек, — заявил Охлсн. — Знали бы вы, как мы поступаем с ними там, у себя.

— Вот поэтому я и не суюсь к вам, туда, — сказал Стэн, наполняя их кружки.

— Не вешай нам лапшу на уши, — буркнул Киит. — Ты знаешь, кто мы такие, и угощаешь нас не за красивые глаза.

— Разумеется, нет, — согласился Стэн. — У нас с приятелем возникла одна проблема.

— Еще бы таким, как вы, не иметь проблем!

— И мы размышляем, нельзя ли пресечь это зло в зародыше, пока дело не зашло слишком далеко.

— Ну-ка я угадаю, — сказал Киит. — Одна из ваших шлюх нашла постоянного кавалера и намыливается выйти из бизнеса?

— Послушай, да этот парень умеет читать мысли в чужой голове! — с насмешливым восхищением сказал Стэн, обращаясь к Алексу.

— Вы, канальи, знаете порядки. Раз девка удрала, она больше не ваша. И на аркане не вернете. Остается только замочить со зла. Только не пробуйте подкупить нас, чтобы мы разыскали и вернули вам эту золотую дырку. Не пройдет. Сроду таким не занимались.

— Мы не настолько глупы, — сказал Алекс.

— В таком случае, какого хрена вы нас поите?

— Видите ли, эта девочка... — терпеливо начал Стэн, — она прелесть что за штучка. Но ума у нее с наперсток — спуталась кое с кем оттуда. — Стэн потыкал большим пальцем в потолок. Этот жест на Хизе обозначал представителя более высокого сословия. — Его третьей жене это пришлось не по нраву. Кончилось тем, что нашу подружку Дину обвинили в перекупке краденого и отправляют на планету-тюрьму.

— Какие страсти вы рассказываете! — криво ухмыльнулся Киит.

— А ведь она делала для нас такие большие бабки! — со вздохом произнес Стэн. — Поэтому я хочу, чтобы в тюрьме она ни в чем не нуждалась, чтоб с нее там пылинки сдували. Дина такая неприспособленная, такая хрупкая.

Киит и Охлсн озадаченно переглянулись.

— Чего же вы хотите?

— Чтобы кто-нибудь заботился о ней на Дрю. Чтоб с ней ничего дурного не приключилось. И чтоб она не наломала дров.

— Желаете, чтобы мы приглядывали за ней?

— Вы правильно поняли меня.

— Чепуха какая-то. Зачем она вам сдалась? Ушла — и никогда не вернется.

— В нее вложены большие деньги. Видите ли, у этой Дины подрастают сестры. Такие бутончики, еще краше ее. И в случае, если я позабочусь о ней и о защите ее семьи...

Охлсн счастливо хрюкнул. Он вообразил, что может ставить свои условия сделки.

— Отлично, каналья. Мы возьмем вашу девку под крылышко. Но что мы будем с этого иметь? Сейчас. Здесь.

Алекс вынул из кармана рулончик таанских кредиток.

— Фи! — протянул Киит. — Это гроши, ребята. Мы едем аж на три года, а вы предлагаете нам вот это? Издеваетесь?

— Давайте свои условия.

Киит потряс пакетиком с билетами и документами.

— Тут пропечатано, что наш корабль вылетает через восемь часов. Это значит вот что: ежели хотите купить нас, вам придется предложить нам то, чем мы можем попользоваться в эти восемь часов. И что не втравит нас в неприятности. Так что не подсовывайте нам ничего... э-э... такого...

— Когда мужчина пьет квилл, его начинает тянуть на *кое-что,* — вмешался Охлсн, чтобы вырулить разговор в нужном направлении.

Стэн сделал большие глаза.

— Извините, друзья, я бываю туповат. Разумеется, это очень легко устроить.

— Братишка, — добавил Килгур, — мы можем доставить им самых сладких лапочек. Но, похоже, эти джентльмены ведут крутой торг. Что ж, как насчет сестер Дины?

Киит похотливо облизал губы.

— Как, вы уже взяли их в оборот?

— Спрашиваешь! — сказал Стэн. — Ее родителям плевать. Такой уж они народ. Растят детей как скот. Дождутся, чтоб девчушкам стукнуло десять, — и продают. Две сестрички Дины работают на нас уже больше месяца. Правильной дорогой пошли девочки.

— Тогда мы согласны, — кивнул Киит. — Плюс вы снабдите нас жратвой и выпивкой в дорогу. И проверните все так, чтобы мы не опоздали на транспорт с заключенными.

Обе парочки обменялись удовлетворенными улыбками, и Стэн заказал еще графин — выпить за сделку.

На ночной улице солоноватый холодный ветер мигом протрезвил Стэна. Он напился до такой степени, что уже всерьез обдумывал, не сказать ли двум олухам в серых мундирах, какая участь их ждет. Сейчас, достаточно протрезвев, капитан отстал от Киита на полшага и опустил правую руку. Он согнул пальцы, по-особому развернул кисть, и в руку из рукава выскользнул его неизменный спутник — кинжал. Стэн чуть заметно кивнул Алексу.

Алекс внезапно повернулся на месте и, разогнав кулак, ударил Охлсна в грудную клетку с силой, равной утроенной силе тяжести. Ребра прогнулись внутрь, и шок от удара остановил сердце жертвы.

Кровь хлынула изо рта Охлсна — он умер мгновенно, так и не сообразив, что произошло.

Смерть Киита была «аккуратнее», но такой же мгновенной. Нож Стэна врезался в основание затылка и перерубил спинной мозг.

Искусство убивать без раздумий, на уровне рефлексов было привычкой, приобретенной обоими в отряде Богомолов. И это искусство не забылось. Стэн и Алекс подхватили

тела убитых, не дав им упасть, и быстро оттащили подальше в темноту.

Они быстро сняли с трупов оружие и одежду, забрали билеты и документы. У ближайших мусорных баков лежали припрятанные заранее большие мешки для мусора, в которые имперские шпионы проворно засунули трупы двух охранников. Уже через несколько минут после смерти тела Киита и Охлсна оказались в мешках на дне реки — той самой, что когда-то горела.

Не пройдет и десяти часов, как ядовитая вода полностью растворит трупы, и криминалисты ровно ничего не определят по оставшейся слизи.

Алекс сложил мундиры и сунул себе под мышку.

— Много я в жизни нагрешил, — задумчиво изрек он, — но впервые я загрязняю водоем.

— Алекс, да помоги же мне! — жалобно позвал Стэн.

— Минутку, дружище. Минутку. Я уже заканчиваю.

Они находились в крохотной квартирке, которую сняли в бедном районе города, и Алекс был действительно очень занят. Килгур скормил документы и фотографии Киита и Охлсна, а также свою фотографию и фотографию Стэна специальному аппарату — они прихватили с собой кое-что из богомольского спецоборудования, совсем мало. Этот аппарат сделал копии документов — паспортов и личных послужных карточек охранников, но вставил в нужные места фотографии Алекса м Стэна и все их физические характеристики.

— Сержант Килгур, я выше вас по званию, черт возьми!

Аппарат выдал предпоследнее фото — на нем Киит стоял, нежно обняв знаменитую кинозвезду. А на последнем фото ту же кинозвезду ласково обнимал Стэн. Килгур лукаво заулыбался и нажал кнопку. Аппарат зашипел — пройдет полминуты, и оригинал документов превратится внутри аппарата в труху, пластиковую стружку, по которой ничего не определишь. Алекс наконец оглянулся — что там со Стэном.

— Я не швея! — твердо отчеканил Стэн. — Я капитан гвардии Его Величества. Меня не учили перешивать мундиры. Даже при помощи пошивочного клея и ножниц мне не справиться с этими чертовыми мундирами! Ты видишь, все кончилось тем, что я склеил себе пальцы.

Килгур поцокал языком, налил себе стаканчик — в баре он пил как бы на службе, теперь можно было выпить в неслужебное время. Грустным взглядом он спокойно наблюдал за метаниями друга.

— Как же тебя угораздило склеить *обе* руки? А вот у моей мамочки никогда не было проблем с шитьем.

Прежде чем Стэн сообразил, как со склеенными руками дать затрещину насмешнику, Алекс разрешил проблему простейшим способом — вылил ему на руки содержимое из своего стакана.

Алкоголь растворил клей, который Стэн так бестолково использовал, пытаясь подогнать форму Киита под свою фигуру.

Килгур снова наполнил стакан и протянул Стэну, который с досады осушил его залпом — так что подавился и на глазах у него появились слезы.

— Так-так, — мудро покивал головой Алекс, — ты подтвердил старинную пословицу.

Стэн набычился и грозно уставился на своего друга.

— А старинная пословица звучит так: как сошьешь, так и наплачешься.

«Этот сукин сын Килгур, — решил про себя Стэн, — напрочь лишен чувства субординации».

ГЛАВА 22

Мышцы у него заныли, когда их окатила первая холодная мутная волна. Был час отлива, но Динсмен, как новичок, еще не наловчился идти так, чтобы отлив помогал ему и вода сама несла за собой. То же самое случалось всякий раз в Час Трубного Гласа, когда сирена на берегу возвещала о конце рабочего дня. Опытные старожилы колонии возвращались в поселок, тратя минимум сил, следуя за приливной волной и заботясь об одном — поддерживать равновесие. А Динсмен и утром, и в течение дня, и вечером воевал с волнами. Наказанием была ночная бессонница — ноги ломило так, что было не до сна, несмотря на смертельную усталость.

Его беды усугубляли ребристые камни на дне и острые как бритва раковины моллюсков. А на ногах Динсмена были лишь пластиковые башмаки с тоненькой подошвой.

— Проклятье! — охнул он в который раз, потому что очередная раковина отхватила еще кусочек кожи.

Сердце бешено колотилось. Он почти физически ощущал, как из ранки на ноге вытекает в воду струйка крови. Было противно думать о страшилище, что сидит в раковине моллюска и принюхивается к его крови. Динсмена передернуло от страха и отвращения. Он постарался взять себя в руки и не сбиваться с маршрута. Справа и слева от него сорок заключенных планеты-тюрьмы Дрю широкой шеренгой двигались по воде в сторону от берега — брели очень осторожно, стараясь приметить пузырьки воздуха над испуганными моллюсками, ловлей которых они занимались.

Никогда в жизни Динсмену не приходилось так много трудиться и испытывать такую степень животного страха. Он предпочел бы обезвредить десять самых хитроумных мин, чем ловить одного коварного моллюска. Динсмен никогда не отличался ловкостью рук — даже тогда, когда работал с такими чувствительными механизмами, как взрывные устройства. Семь оставшихся пальцев слушались его плохо, для тонкой работы не годились. Он продержался так долго в качестве спеца по бомбам, невзирая на руки-крюки, лишь потому, что был очень хладнокровен, перебирая опасные проводки, глупо не рисковал, а береженого, известно, и Бог бережет.

— Динсмен! — проорал надсмотрщик с берега. — Ну-ка пошевеливайся, не то я тебя пошевелю хорошим пинком в зад!

Вздрогнув от крика, словно от удара электрического тока, Динсмен неловко шагнул вперед, держа наготове ловушку.

Большинство работ на Дрю были примерно того же характера, что и дело, которым сейчас занимался Динсмен. Шла добыча чего-нибудь чрезвычайно экзотического и очень дорогого, но представляющего опасность для жизни тех, кто этой добычей занят.

Нежное мясо моллюска ценилось обитателями многих звездных миров — как за восхитительный вкус, так и за легендарное свойство повышать потенцию мужчин и распалять похоть женщин. Моллюск был мутантом земного двустворчатого моллюска — килограмм съедобного мяса, защищенный раковиной полуметрового диаметра с острыми как бритва краями.

Потребовались усилия многих и многих поколений селекционеров, чтобы вывести столь восхитительных на вкус моллюсков. К несчастью для охотников, те же самые гены, которые сделали мясо моллюска таким нежным, сделали тварь не просто юркой, а невероятно юркой. Эти существа предпочитали жить в холодной морской воде на прибрежном заиленном дне, где в изобилии водился криль — мелкие рачки. Когда моллюск питался, он приподнимал верхнюю створку раковины и, покачивая ею, словно опахалом, загонял кишащие в воде микроорганизмы в свой желудок-фильтр. Хотя у моллюска не было ни зрения, ни осязания, он искал партнера для скрещивания и убегал от опасности за счет совершенного нюха. Именно по этой причине — чтобы моллюски не учуяли — ловцы работали во время отлива. Теоретически, запах организмов, разлагающихся в иле у самого берега, должен маскировать запах охотящихся людей. Так оно и было, но лишь до того момента, пока ловец не приближался к моллюску на расстояние примерно метра. Тут моллюск слышал запах человека, начинал паниковать и зарывался глубоко в ил — при этом на поверхность выскакивали пузырьки воздуха. И тогда ловец хватал его. Или, если обладал ловкостью Динсмена, мучительно пытался схватить его.

Динсмену, как и всем остальным ловцам, выдавали специальную ловушку. Она состояла из мешка-сетки и двух полутораметровых ручек, управлявших двумя заостренными лопатками, которые расходились и сходились под действием пружины, — что-то вроде гигантских плоскогубцев в сочетании с бреднем. Ловец медленно брел по полосе прибоя и, держа ловушку наготове, вглядывался в буруны, стараясь заметить пузырьки воздуха, помечающие место, где перепуганный моллюск зарывается в ил. Ловец проворно погружал ловушку туда, откуда поднимались пузырьки, — с поправкой на преломление света в воде. Протащив нижнюю лопатку по илу, ловец приводил в действие пружину, которая захлопывала ловушку, куда вместе с илом попадал и моллюск. Вытащив добычу из мешка-сетки, ловец бросал ее в заплечный короб.

Динсмен справлялся с этой работой хуже всех. Он замечал пузырьки с опозданием, неправильно засекал место, откуда они поднимались, и частенько в его заплечном коробе к концу смены не оказывалось ни единого моллюска. Это зна-

чило, что его почти не кормили, — на Дрю рацион заключенных и наличие послаблений в режиме напрямую зависели от дневной выработки. Не прошло и месяца, как брюшко Динсмена исчезло, а ребра стали топорщиться под углом в тридцать градусов. Как будто муки голодом было мало, всякий раз, когда он возвращался с пустым коробом, старший надсмотрщик, верзила Четвинд, со словами: «Ну-ка, сопля, покажи цыпленка!» — заносил свой кулачище и давал Динсмену такую затрещину, что тот клевал носом землю.

Сейчас Динсмен медленно двигался вперед, стараясь нащупать ногой ровное место на дне. И тут совсем рядом появились пузырьки воздуха. Динсмен панически засуетился. Он погрузил ловушку в ил, вслепую, бестолково, и тут же нажал механизм, приводящий в действие пружину. Миллион пузырьков взметнулись наверх, и Динсмен почти истерично расхохотался — между створами вытащенной из воды ловушки был зажат ненавистный моллюск. Нажав рычажок, открывающий створы, Динсмен вынул раковину и бросил ее в заплечный короб. «Ага, — возбужденно думал он про себя, — у меня таки получилось!» Он зашагал дальше, испытывая прилив уверенности в себе. Но очень скоро прежние сомнения и страхи вернулись с еще большей силой. В памяти всплывали страшные истории, которые рассказывали в поселке, — про то, что за чудища поджидают человека в этом проклятом море и как они нападают именно тогда, когда расслабишься и не ждешь подвоха.

Динсмену не доводилось видеть своими глазами такое нападение, зато он не раз видел, как Четвинд и другие надсмотрщики выволакивали на берег трупы заключенных. Поговаривали, что в этом море водится чертова уйма смертельно опасных тварей. Двух тварей боялись особенно, говорили о них постоянно и видели в ночных кошмарах.

Первое из этих чудовищ, менее опасное, называлось морэя и *тоже* охотилось на моллюсков. Формой морэя отчасти напоминала трехметрового удава — плыла, стремительно поводя ребрами и используя хвост как руль. Этим же хвостом морэя захлестывала свою жертву при нападении.

На громадной голове морэи была пасть с челюстями, которые раскрывались почти на сто восемьдесят градусов, так что она могла заглотить кусок шире толщины своего тела. И, подобно большинству подводных существ, она была чрезвы-

чайно массивной, что сообщало ей огромную убойную мощь, неожиданную даже в трехметровом существе. Очевидцы рассказывали, что одна морэя, ухватив ногу, свешенную за борт лодки, способна утащить и владельца ноги и всю лодку под воду. К счастью, успокаивал себя Динсмен, морэя редко охотилась во время отлива. Но вот когда ловцы с приливной волной возвращались на берег, тогда-то наступал самый опасный момент, и заключенные тревожно озирались, стараясь побыстрее оказаться на суше.

Однако самой страшной морской тварью считался гурион. Это была вечно голодная *штуковина*, которая охотилась в любое время дня.

Сейчас Динсмен с ужасом подумал, что находится в воде по пояс. Именно на таком мелководье любит порезвиться гурион. Эту тварь он еще ни разу не видел — и не печалился об этом. Судя по рассказам, гурион напоминал земную морскую звезду, но только громадную — метра два, не считая длины щупалец. На этих длинных широких щупальцах — опять-таки по рассказам — тварь могла, крепко вцепившись в дно, торчать из воды при трехметровой приливной волне. Гурион двигался в воде быстрее, чем бегущий человек — на суше. Так что удрать от него не было никакой возможности. Покрытые толстой бугристой кожей, гурионы были почти молочной белизны. Большими присосками на щупальцах гурион хватал раковину, раскрывал ее створки и не моллюска посылал себе в рот, а протягивал к нему свой желудок, бывший одновременно и пастью с рядами острых зубов. Желудок смыкался вокруг жертвы, втягивался обратно в тело гуриона, где начинал рвать еще живую жертву на части и одновременно переваривать ее.

Динсмен уповал на то, что никогда в жизни не увидит живого гуриона.

После того как его приговорили к пожизненному заключению на Дрю, Динсмен невольно думал: уж лучше бы я угодил в лапы прайм-уорлдской полиции. Он всю жизнь чувствовал себя человеком, чьи таланты недооценивают. Но на Дрю его таланты и вовсе никому не были нужны. Он считал себя человеком, который может приспособиться к жизни в любом обществе. Никаких предрассудков у него нет, лишь бы ему не мешали заниматься любимым делом, в котором он настоящий профессионал, — взрывать, взрывать, взрывать.

Когда кровавое дело сделано, уютно посидеть в хорошей пивнушке с компанией таких же профессионалов, как и он сам.

Четвинд его таланты оценил сполна. И Динсмен уже не так жалел, что попал в таанскую, а не имперскую тюрьму.

Кстати, Динсмен нисколько не винил таанскую систему за то, что его осудили. Дал маху — расплачивайся. Во всем он винил коварных грабителей, с которыми его угораздило связаться.

Начальство начальством, охрана охраной, но настоящая власть в поселках на Дрю сосредоточивалась в руках самых боевитых из числа заключенных. Четвинд был бригадиром и всевластным неофициальным старшиной в одном из несообщающихся друг с другом поселков, разбросанных по всей планете Дрю. Таанский режим, по существу своему тоталитарный и фашистский, создал эту планету-тюрьму с одной целью — вышвыривать туда уголовников и диссидентов. Для таанских властей было одинаковым преступлением, если ты ограбил банк или вышел на улицу с плакатом в защиту прав крестьянства. Как все фашисты всех времен, таанцы были людьми с практической жилкой. Прежде чем умертвить своих врагов, они норовили использовать их даровой труд. Если планета-тюрьма, то на самоокупаемости. А еще лучше — с хорошей прибылью.

Скажем, там, куда попал Динсмен, в прибрежные воды были запущены для размножения моллюски. Двадцать граммов мяса моллюсков стоили маленького состояния таанским богатеям. В глубине континента по пустынным просторам носились похожие на перекати-поле растения, содержащие драгоценный мускус. Они опять-таки были специально завезены на Дрю. Поскольку любого, кто к ним прикасался, эти растения обильно обрызгивали проедавшей кожу кислотой, при их сборе погибло немало заключенных. В других частях Дрю находились ранчо, фермы и шахты, где «никчемные подонки» ценой своих жизней производили необходимые таанской аристократии товары.

Динсмен понял, что попал в мясорубку, еще до того, как его привезли в поселок на берегу моря, где царем и Богом был Четвинд. Он решил выжить любой ценой. И намерения Четвинда делали планы Динсмена не такими уж фантастическими.

Когда-то Четвинд был рабочим лидером и боролся за права докеров в главном таанском космопорте. До этого у него было весьма богатое и крайне пестрое прошлое — мордобой, грабеж, убийства. Но то, что он возглавил забастовку докеров из-за какого-то ныне забытого повода, стало последней каплей, переполнившей терпение таанских властей. Наручники защелкнулись на его руках, и судья со злорадной ухмылочкой объявил, что Четвинду предстоит осваивать новую профессию сборщика моллюсков.

К тому времени, когда на планете появился Динсмен, решительный здоровяк Четвинд стал бригадиром у ловцов моллюсков, а также их верховодом и был признанным владыкой в приморском поселке, с которым считались и охранники, — удобно иметь человека, поддерживающего порядок среди матерых преступников.

Начальство обычно закрывало глаза на бесчинства и злоупотребления бригадиров, пока люди в бригаде выдавали норму и не бунтовали.

Четвинд одевался приличнее других заключенных, конфисковывал у приезжающих все сколько-нибудь ценные вещи — для себя и своих прихвостней, без которых не мог бы в одиночку править поселком. У него имелся даже свой гарем из женщин-заключенных. Впрочем, надо заметить для справедливости, женщин он не всегда брал силой; помимо его положения вожака и относительного богатства, женщин привлекал и он сам — крутой, обаятельный, мастер выживать в невыносимых условиях.

Когда Динсмена доставили на Дрю и определили в поселок, где бригадирствовал Четвинд, незадачливый взрывник быстро подпал под обаяние уверенного в себе вожака. Началось с того, что огромный детина внимательно прочитал украденную копию сопроводительных документов на Динсмена.

— Стало быть, любитель делать трах-тарарах? — задумчиво произнес он. — Похоже, ты тот самый парень, который нужен мне, чтобы вернуться на Хиз.

Четвинд сразу же засадил Динсмена за производство бомб, освободив от тяжелой, а главное, смертельно опасной работы в море. Разумеется, материалы для создания бомбы были самые экзотические, малоподходящие — что нашлось. Но Динсмен старался превзойти самого себя и вздыхал о том,

что он мог бы сотворить, будь у него настоящие инструменты и набор нужных веществ.

Он никогда не спрашивал Четвинда, для кого, собственно говоря, предназначаются бомбы. Очевидной целью были охранники. Но случись одному из них получить хоть царапину — расплата будет такой жестокой, что и думать об этом не хотелось. Тем не менее Динсмен покорился без вопросов и в итоге смастерил такое взрывное устройство, которое реагировало на перегар наркопива — а надо сказать, от всех охранников разило этим пивом двадцать четыре часа в сутки.

Испытания закончились сокрушительной неудачей.

Динсмена угораздило сделать крохотную ошибочку при изготовлении феромонного взрывателя, реагирующего на запах. Четвинд затеял праздник в честь первого взрыва — и мускус, которым умащала себя очередная пассия Четвинда, привел в действие взрыватель бомбы гораздо раньше положенного времени.

Динсмен думал, что его убьют на месте. Однако Четвинд лишь надавал ему плюх, а потом, после долгого совещания со своими дружками-громилами, определил его на общие работы — собирать моллюсков. Когда Динсмен впервые зашел в воду, побрел с ловушкой в руке за волнами отлива и гадал, кто укусит его первым — морэя или гурион, он думал, что лучше бы Четвинд убил его сразу, а не посылал на эту муку...

Слева раздался пронзительный крик. Динсмен завертел головой и увидел, что все члены бригады как сумасшедшие бегут к берегу. Другой пронзительный крик донесся справа. До Динсмена дошло, что он слишком замечтался, пережевывая свои беды, и теперь отстал от товарищей, которые спасались паническим бегством.

Он понимал, что надо бежать, но вместо этого зачарованно смотрел на что-то темное, что змеилось по воде — со стороны моря, по направлению к нему. Морэя! Боже мой, это же морэя! Динсмен нашел в себе силы стряхнуть морок, заработать ногами, но двигаться против отлива было неимоверно трудно — казалось, он бежит на одном месте и берег нисколько не приближается. Сердце колотилось отчаянно, мускулы работали из последних сил, но берег так и не приближался. Ему чудилось, что тварь сейчас тяпнет его за пятку, выхватит кусок мяса на бедре... Но вот он каким-то чудом

домчался до кромки воды и рухнул, товарищи вытащили его на берег. Динсмен задыхался, хихикал. Его трясло от пережитого страха. Увидев, что он не ранен, товарищи оставили его и побежали к берегу. Динсмен услышал жуткий крик, привстал на песке и посмотрел в сторону моря.

Четвинд стоял почти по пояс в воде, и что-то большое, темное тянуло его в воду — вместе с товарищем, которого он пытался спасти. Четвинд держал товарища под мышки, и тело несчастного, который кричал в предсмертной агонии, ходило ходуном в руках бригадира. Тварь терзала свою жертву, которая все не умирала, все еще кричала, кричала, кричала, а Четвинд не разжимал мертвой хватки и волок, волок умирающего к берегу. Он тянул и тянул, пока скрытое водой существо не выпустило свою жертву. Четвинд рухнул на песок у воды. Заключенные издали радостный вопль, который сменился воплем ужаса. Победило все-таки чудовище — Четвинд вытащил на берег лишь половину человека, без ног, с кишками наружу. Несчастный прожил еще секунду, успел страдальчески усмехнуться Четвинду — и тут глаза его закатились, кровь хлынула через рот.

Динсмен отвернулся. Его стошнило.

ГЛАВА 23

— Принимайте заключенного, мистер Охлсн!

— Есть принять заключенного, мистер Киит!

Поторопленный дубинкой Стэна, работавший в казарме охранников заключенный побежал рысцой по белой полосе через небольшой плац к воротам, где его поджидал Алекс. Килгур отсалютовал «Кииту» по-таански — вытянув руку вперед ладонью вниз — и выпустил заключенного за ворота, где, собственно, и начиналась тюрьма. На планете Дрю зэки жили на свободе — или вроде как на свободе, а охранники — в огороженных и надежно защищенных лагерях.

Алекс закрыл тройным запором ворота и строевым шагом двинулся через плац к своему другу. Подойдя к нему вплотную, он еще раз выбросил руку в приветствии. Стэн

сделал в ответ такой же, но вялый жест, и оба направились в казарму, где обитали после прилета на Дрю.

— Эх, Стэн, Стэн, — забубнил Алекс Килгур, — много чего я на своем веку сделал для Императора, но ты втравил меня в черт-те что. Господи, в каких ролях мне приходится выступать! Я был, к примеру, совсем неплох в роли разжалованного солдата, когда мы воевали с этими психованными талиеманерами. Но ты заставляешь меня исполнять совсем кретинские роли — сначала сутенеришки, теперь тюремщика! Нет, моя мамочка не одобрила бы то, как ты со мной поступаешь!

Килгур не прекращал ныть с тех пор, как друзья взошли на борт корабля, который транспортировал заключенных на Дрю. Документы ни у кого не вызвали подозрения. Впрочем, их и не проверяли как следует. Даже одержимым подозрительностью таанцам в голову не приходило, что у кого-то найдется причина добровольно лететь охранником на планету-тюрьму.

Хотя в службе охранника в этом жутком месте были свои прелести. Добрая половина всех ценностей, попадавших на Дрю, оседала у охранников. Они бессовестно пользовались служебным положением, чтобы удовлетворять свои сексуальные потребности: и женщины, и мужчины, попавшие на Дрю, очень быстро с радостью смекали или были вынуждены принять как суровый факт, что могут продлить себе жизнь, если не побрезгают постелью охранника или охранницы. Стэн и Алекс любовниц не заводили и, чтобы не казаться белыми воронами, распространили слух, что перед отлетом на Дрю переспали с одной шлюхой и разом подцепили дурную болезнь, которая плохо и долго лечится.

Покойный Охлен был прав: для неизбалованных жизнью людей низшего сословия, которых призвали служить тюремщиками, это время было сплошным праздником.

Уже на подходе к казарме, проходя вторые ворота, Алекс прошептал:

— Слушай, Стэн, ты уверен, что нам следует только выкрасть отсюда этого проклятого подкладывателя бомб? А что, если мы напоследок устроим здесь маленький фейерверк, оставив бомбочку в серединке лагеря?

— Идея симпатичная, старшина. Но я говорю решительное «нет».

Килгур горестно вздохнул, и они вошли в здание.

* * *

Пивной автомат щелкнул, забулькал и снова щелкнул. Алекс приподнял пластмассовую крышку, взял две кружки наркопива и направился к столику, за которым его поджидал Стэн. Все комнаты отдыха в бараке были на один манер — много плюша из вульгарного стремления подражать дорогим покоям таанской аристократии, но с дополнением — пивными автоматами. Алекс, предварительно поморгав, заставил себя отхлебнуть напитка из кружки. Уроженец свободного мира, солдат привилегированного подразделения имперской гвардии, он не привык к сомнительным радостям, которые дает наркопиво. Да и Стэн тянул наркопиво без удовольствия — в свое время ему довелось вволю попить этого пойла на Вулкане, планете заводов и грубых нравов.

— Пусть эти таанцы и жрут не приведи Господи что, — проворчал Алекс, — они хоть пиво пьют человеческое.

— Я бы не назвал это человеческим пивом.

— Да, верблюжья моча, думаю, вкуснее, чем тутошнее пиво.

— Делают из низкосортного зерна и добавляют процентов пять опиума.

Алекс, только что сделавший глоток, выплюнул пиво обратно в кружку.

— Ты что, не шутишь?

Стэн отрицательно повертел головой. Память подсказывала, что вкус у наркопива малоприятный. Но теперь оказалось, что он просто омерзительный.

— А как оно действует? — спросил Алекс.

— Пьянеешь, разумеется. Здорово забалдеваешь. Но похмелье особенное: денек, а то и два это пивко выходит потом и трясет тебя при этом как в лихорадке.

— Славный напиточек. Сперва Алекса делают сутенером, потом поганым тюремным надсмотрщиком, а теперь — извольте! — наркоманом. Эх, знал бы Император, чего я терплю ради него!

Стэн не без ехидства заметил, что информация о напитке не помешала Алексу опустошить свою кружку до дна. Дальнейшее нытье Килгура было заглушено громкими криками, которыми охранники приветствовали двух своих товарок; Стэн и Алекс за три недели пребывания на Дрю их еще не видели.

— А-а, близняшки Фэрлоу!

— Попользовались лотерейной удачей, сестрички?

«Близняшки Фэрлоу» было прозвищем подруг-охранниц. Они и сестрами-то не были, просто очень похожи друг на друга. А Фэрлоу в их прозвище появилось оттого, что они когда-то принудили спать с собой красавца заключенного по фамилии Фэрлоу и использовали его на пару.

Та из «близняшек», что постарше и погрузнее, властно подняла руку и призвала разошедшихся охранников к тишине.

— Желаете отчет, ребята? Отлично. Душонка усопшего зэка, по которому мы безутешно скорбим — как бишь его или ее фамилия? — душонка его потопала на небо к Создателю, а тело, как и полагается, пошло в дело.

— Кто об этих головорезах плачет!

— А вот мы с Кей нашли новый способ славно проводить отпуск на Хизе.

Все охранники и охранницы навострили уши.

— Вы, ребята, обычно как в отпуске — так сразу на курорт. А мы сами себе курорт устроили, не выезжая на природу. Сейчас на военной базе строят новые военные корабли, вовсю наращивают нашу мощь — ну и понаехало рабочих рук. И все молодые парни, все в соку. Вкалывают по-черному, а в город их не отпускают.

Мы с Кей смекнули, что заработки у них ого-го, а денежки тратить не на кого. И парни свои денежки ухнули на нас — мы на всю катушку воспользовались своим правом провести отпуск в центре отдыха при военной базе.

— Славно скоротали времечко! — хихикнул кто-то.

— И я вам так скажу, — продолжала охранница наставительно, — нам было в кайф. Эти парни крутили с нами не потому, что деваться некуда, а потому, что сами того хотели. — Тут она осклабилась и добавила тоном, который она считала кокетливым: — Ну-ка, мужики, не слушай. А вам, девочки, скажу по секрету — когда по доброй воле, оно... как бы это... позабористей! К тому же за все платят они сами.

Сержант-вертухай встал и церемонно поднял свою кружку.

— Мы рады приветствовать наших друзей. С возвращеньицем. Похоже, вам есть о чем порассказать. Но если и в следующий раз вы, крошки, снова выиграете в лотерее, кого-то вынесут вперед ногами. Вы уже в третий раз на протяжении двух лет выигрываете в лотерее и мотаетесь в отпуск на Хиз. Пора и честь знать.

Стэн и Алекс переглянулись, поняв друг друга без слов. Они подошли к автомату, наполнили свои кружки наркопивом и присоединились к компании охранников.

Перед ними остро стояла нерешенная проблема: если удастся найти Динсмена — каким образом увезти его с Дрю, да и как самим отсюда выбраться? Будучи профессионалами в деле выкрадывания нужных людей, они были уверены, что выход всегда найдется. Но прошло три недели, а выход не находился, сколько они ни ломали головы. Дрю окружала охранная сеть спутников — автоматических и управляемых солдатами. Улететь с планеты можно было лишь двумя способами — на борту рейсового корабля, перевозившего заключенных, когда тот возвращался порожняком, или на грузовом корабле, который увозил с Дрю дорогие товары, произведенные заключенными. На корабле, перевозившем заключенных, была нешуточная команда охраны — даже Стэн и Алекс, при всем их удальстве и выучке, не могли бы захватить транспорт, охраняемый сотней хорошо обученных солдат. На грузовом корабле не было ни души — им управлял компьютер; но поддерживалась температура ниже нуля и атмосфера состояла из одного азота.

Вот почему информация о лотерее показалась занятной имперским шпионам.

А лотерея была действительно интересной затеей. Таанские власти могли гордиться планетой Дрю. Она не просто приносила прибыль. Все было поставлено так рационально, что ее пленники использовались на все сто процентов — порой даже после смерти.

При стрессе гипофиз человека выбрасывает в организм сильное обезболивающее вещество. Чем больше стресс, тем больше выброс. Поскольку почти все заключенные умирали на Дрю в условиях чудовищного стресса, их тела были полны драгоценного наркотика. Неудобство заключалось в том, что тело следовало тут же заморозить, — наркотик при нормальной температуре быстро разлагался. Заключенные на Дрю умирали как мухи, но немногие из них погибали при условиях, когда их тела можно было начать замораживать незамедлительно, через считанные минуты. Вот почему заключенные, попадавшие за провинность в изолятор, покидали его лишь одним образом — в мешках для трупов.

Стэн и Алекс выяснили, что «хороший» труп, то есть вовремя замороженный, отправляют на Хиз. На Дрю наркотик из

трупа не выкачивали по двум причинам: во-первых, мало кто из медиков соглашался ехать в такую дыру, как Дрю; во-вторых, подобно всем сильным обезболивающим, этот наркотик, производимый человеческим гипофизом, был отличным галлюциногеном. У того из таанских аристократов, кто придумал извлекать наркотик из трупов, хватило ума сообразить, что нельзя производить наркотики рядом с матерыми уголовниками и коррумпированными охранниками — никакие меры безопасности не сработают. Вот почему, когда набиралось достаточное количество «хороших» трупов, их разом отправляли на Хиз — в сопровождении двух конвоиров. Для охранников, которые завербовались на много лет, это был единственный способ покинуть временно Дрю, кроме отпуска, предоставляемого раз в три года. Двух конвоиров выбирали с помощью лотереи.

К концу вечера Стэн и Алекс вконец окосели от поглощенного наркопива. Зато они знали, как можно улизнуть с Дрю. Улизнуть самим и прихватить Динсмена.

ГЛАВА 24

Первый шаг сделал Алекс: завелся рассказывать длинную занимательную историю.

— О-хо-хо, — насмешливо зевнул он. — И месяца не прокантовался на Дрю, а уже переслушал все ваши байки, ребята.

— Так порадуй нас своей, Охлсн! — сказал один из охранников. Коренастый коротышка-шотландец успел снискать уважение охранников и стать всеобщим любимцем. В том числе и потому, что всегда с охотой угощал коллег.

— Уж если я возьмусь рассказывать, так извольте заткнуться и слушать раскрыв рот.

В комнате отдыха стало тихо.

— Я вам расскажу про то, что случилось на старушке-Земле. Еще до того, как появился нынешний Император. В те давние-предавние времена, когда шотландцы еще разгуливали босиком по свободным зеленым просторам своего родного острова. Но и тогда была империя и император —

правда, не Вечный. Империя звалась Римской. И вольные шотландцы, храбрые воины, были занозой в заднице империи. Поэтому те взяли и перегородили остров высокой-превысокой стеной. Они, значит, по одну сторону, а мы, значит, — по другую. Эту стену они назвали по имени своего императора — Адриановой.

Но даже в те времена торговля была делом святым. А посему в стене были ворота, чтобы народ с товаром мог ходить туда-сюда. А у ворот, понятное дело, стояли охранники.

И вот в один прекрасный вечер охраняли ворота два римлянина — парни по имени Марк и Флавий...

Тем временем Стэн делал второй шаг к возможности покинуть планету-тюрьму.

Следовало найти Динсмена и к тому же суметь подделать результаты лотереи в свою пользу, чтобы именно Стэна и Алекса послали отконвоировать трупы на Хиз. Обе эти задачи нельзя было разрешить, не имея терминала и доступа к головному компьютеру планеты-тюрьмы.

Начальство не приветствовало наличие терминалов у персонала, а те терминалы, что имелись, находились под строжайшим контролем и действовали только с голоса своих хозяев из высшей администрации тюрьмы.

Однако Стэн обнаружил, что игровые компьютеры, стоявшие в комнате отдыха, на самом деле довольно сложные машины. Если охранник выигрывал, машина платила ему сразу же или наркопивом (отдавая приказ стоявшему рядом пивному автомату), или начисляла выигранную сумму денег на счет победителя. Разумеется, когда охранник проигрывал, компьютер производил немедленные отчисления из его зарплаты. Стэн расцвел довольной улыбкой, когда понял, что именно такие игровые машины стояли на Вулкане и знакомы ему с раннего детства.

Пока Алекс отвлекал внимание охранников своим рассказом, Стэн делал вид, что азартно играет, для видимости нажимая ногами на педали управления. На самом же деле он нащупывал выходы в головной компьютер, в памяти которого хранилась вся необходимая информация. Для этого Стэн включил крохотные приборчики, который он провез на Дрю контрабандой под видом плейера и батареек к нему. Один из приборчиков — миниатюрный «жучок» — повел игру с компьютером за Стэна, пока тот был занят совсем другим.

Наконец экран замигал, Стэн быстро нажал на нужные клавиши и вышел из режима игры. Компьютер был блокирован кодом, но кодом до смешного простым для профессионала. Стэн задумался на минуту, потом ввел другой код. Пора делать следующий шаг.

— ...Марк отслужил на острове четыре года, а бедняжка Флавий был новичком, приехал с месячишко назад и на дежурстве впервые. И вот этот самый Флавий стоит насупленный-насупленный. Не нравится ему местная еда, местная погода, а больше всего ему не нравятся шотландцы. «Не переживай, — говорит ему старый служака Марк. — Ты тут часов около девяти услышишь страшный гам, вопли. Так в штаны не накладывай — это просто орда шотландцев вываливается из наших кабаков». Однако у бедняжки Флавия все равно неспокойно на душе...

У «бедняжки Стэна» тоже было неспокойно на душе. Он оглянулся — все охранники с увлечением смотрели в рот Алексу. Стэн приложил к стенке игровой машины коробочку с крохотным экраном, которая залипла там и начала работать после того, как он нажал кнопку «анализ-внедрение».

— ...И тут часы бьют девять, начинается страшный шум и гам и прямо на них, к воротам, валит толпа шотландцев — волосатых, грязных, в медвежьих шкурах, а в руках у каждого топорик и дубинка. Флавий перепугался вусмерть, думает — пришел мне конец! И так ему не хочется помирать на краю света, на каком-то острове в нескольких световых годах от родного Рима. Словом, трясется парень и потеет. А Марку хоть бы хны: нацепил на лицо улыбку и смело глядит всей этой орде прямо в глаза.

— Добрый всем вечер, — говорит.

— Проклятые римляне! — проорал кто-то из толпы, а другой потянулся к мечу.

— Замечательно выглядите сегодня вечером, — продолжает Марк как ни в чем не бывало.

А в ответ ему то же самое: «Проклятые римляне!»

Шотландцы подступают все ближе, ближе, дышат Флавию в физиономию перегаром. Ну, думает Флавий, не видать мне моей римской мамочки.

А Марк гнет свое:

— Славный вечерок, — говорит.

Флавий, тот глаза закрыл, чтоб не видеть, как внутренности вывалятся, когда его мечом по животу рубанут. Ждет-пождет с

закрытыми глазами, а ничего не происходит. Все отчаянные волосатые головорезы прошли через ворота на свою сторону.

И Флавия не тронули. Парень тогда поуспокоился, отдышался и улыбается Марку.

— Ты, однако же, прав. Эти шотландцы парни ничего.

— Да, приятель, — отвечает Марк. — Вот ты и научился кое-чему. Но попомни мои слова, в один прекрасный день, когда напьются их *мужчины,* у этих ворот может действительно стать очень жарко.

Как всегда, конец килгуровской байки был встречен гробовым молчанием. Никто не понял соли.

Тишина была нарушена двумя звуками.

Стэн как раз обнаружил нужный код и вошел в память головного компьютера, но в этот момент загудел зуммером игрового аппарата. Стэновский «жучок» перестарался и одержал головокружительную победу, потому что через несколько мгновений заурчал и застучал пивной автомат, наполняя кружки пивом с невиданным темпом. Стэн едва успел смахнуть себе в карман «жучок» и прочее оборудование, когда вокруг его игрального автомата сгрудились все присутствующие.

— Везет же некоторым, — проворчал один из охранников. — За целый год игры в эту игру я выиграл две кружки пива. А Кииту вон какое счастье.

На табло горела цифра выигрыша — 387 кружек.

— Прямо ума не приложу, на кой мне столько, — сказал Стэн.

— Мистер Киит, — сказал другой охранник, — если у вас такое затруднение, мы можем выручить. Будьте уверены, наши животы вместят всю эту прорву.

Стэн и Алекс внутренне подобрались — им предстоял трудный долгий-предолгий вечер...

ГЛАВА 25

Крупный мужчина бездельничал на берегу и лениво наблюдал, как неровная шеренга ловцов медленно заходит в воду в поисках моллюсков. Вокруг него было с полдюжины

дружков-прихлебателей, которые нежились на солнце, но краем глазом поглядывали на Четвинда, не пожелает ли тот чего. Бригадир даже не пошевелился, когда раздался звук приближающейся машины. Он сделал вид, что не слышит, как машина затормозила и песок заскрипел под чьими-то башмаками.

— Четвинд?

— Ну.

— Встать, когда с тобой разговаривают!

Четвинд неспешно повернул голову и изобразил на лице искреннее удивление, когда увидел двух охранников. Столь же неторопливо он поднялся на ноги и насмешливо вытянулся по стойке «смирно».

— Простите, мистер, я прозевал, как вы появились, — деланно плаксивым голосом сказал он. — Мы не ожидали, что у нас будут гости.

— Да, ужасная досада. Мне так неудобно беспокоить такого важного мерзавца, как ты.

Стэн внимательно приглядывался к Четвинду, который стоял по стойке «смирно» и ел его глазами. Теперь ничто, кроме наглой искры в глазах, не выдавало Четвинда. В остальном этот громила выглядел тем забитым и покорным зэком, который одним своим видом радует глаз любого охранника. Да, очень опасный тип, подумал Стэн.

— Мы ищем одного уголовника.

— Здесь самое место для поисков, мистер, — ввернул Четвинд.

Стэн проигнорировал тонкое хамство этого замечания.

— Его фамилия Динсмен.

— Динсмен... Динсмен? — недоуменно свел брови Четвинд. Потом его взгляд просветлел: — Ах, Динсмен! Есть у нас такой. Еще жив.

— Где?

Четвинд ткнул в сторону плоскодонного ялика у самого берега. Незадачливый спец по бомбам был занят его уборкой.

— Никчемный парень, если позволите высказать мое мнение, мистер. Не способен выполнить и половину дневной нормы. Я его в конце концов отослал на кухню. Только, боюсь, этот разгвоздяй всех нас отравит.

Стэн и Алекс проигнорировали комментарий бригадира. Песок под их башмаками звучно заскрипел — они решительно зашагали в сторону ялика.

Динсмен, как всегда рассеянный, не заметил приближения охранников. В последний момент он хотел было повернуть голову в сторону подошедших, но Алекс уже сгреб его за загривок и одним движением поднял над землей.

— Динсмен?

— Тааак тооочно, миииистер.

— Есть разговор, парень.

Алекс швырнул щуплого хиляка Динсмена в лодку, потом вопросительно взглянул на Стэна. Тот одобрительно кивнул и запрыгнул в ялик. Пока Стэн отвязывал причальный канат, Алекс подхватил весла и последовал за другом. Через считанные секунды Алекс мощными взмахами весел уже отогнал ялик на изрядное расстояние от берега.

— Господа! Господа! — причитал Динсмен. — Я ничего дурного на сделал, честное слово, ничего дурного... — Потом, по наитию, указал на удаляющегося от них Четвинда и громко прошептал: — Это все он, он! Он *заставил* меня сделать ту бомбу!

— Вот как? — протянул Стэн. — Стало быть, ты у нас бомбодел?

У Динсмена все так и обмерло внутри. Может, они ничего про это и не знали, а он взял да и... Господи, в какую же очередную историю он влип?

— Ну-ка, расскажи нам про эту бомбочку, миляга, — добродушно предложил Алекс.

— Да он сам... словом, попросил меня... а я... я что?.. я человек подневольный, я и говорю — мол, было дело, разбираюсь во взрывных устройствах... а он...

— Заткнись! — прошипел Стэн. — Нам наплевать на твоего Четвинда.

Динсмен молча уставился на Стэна — у него возникло чувство, что сейчас произойдет что-то совсем ужасное.

— Ты нам лучше расскажи про «Ковенантер»! — рубанул Стэн.

— Пресвятая Дева... — прошептал Динсмен.

Алекс потрепал его по плечу.

— Ты, малый, не богохульствуй!

— Пусть себе, — сказал Стэн. — Будем его прямо сейчас кончать? Чтоб долго не возиться.

Стэн подогнул пальцы, и из его рукава выскочил кинжал с узким лезвием — так, что рукоять легла в ладонь. Динсмен увидел лезвие и взмок от ужаса.

— Я не знал, что это связано с политикой, — залепетал он. — Я никогда с политикой не связываюсь. Можете хоть кого спросить — все скажут, что Динсмен в политику никогда не лез... Я просто... просто... — Он поймал взгляд Стэна и разразился слезами. — Я в политику не лез, пропади она пропадом!

Стэну стало совсем тошно.

— Алекс, чего ты тянешь, черт возьми! Это тот самый тип. Делай свое дело.

Динсмен завизжал и привскочил. Такой пронзительный и отчаянный вопль еще ни разу не касался ушей Стэна — хотя чего-чего, а уж предсмертных воплей он в своей жизни наслушался предостаточно. Но тут до него дошло, что Динсмен так страшно заорал не из-за них.

Стэн повернул голову и посмотрел туда же, куда вытаращился Динсмен.

Нечто неслось за ними по воде с невероятной скоростью — узлов пятнадцать. Оно приближалось так быстро, что, казалось, просто бежит по воде, перебирая полудюжиной длинных ног.

Динсмен завизжал снова.

— Это гурион!

Алекс предпринял отчаянную попытку развернуть ялик в сторону берега, но, не имея опускного киля, только закружился на месте. Стэн схватил шест, которым отталкивались от дна на мелководье. Но когда тварь поднялась над водой в полный рост и выплюнула в их сторону свой огромный чудовищный желудок в сетке синевато-красных вен, Стэн услышал за спиной сильный плеск воды.

Что бы не происходило у него за спиной, об этом должен был позаботиться Алекс, поэтому Стэн даже не оглянулся. Он изо всей силы пихнул шест прямо в пасть-желудок гуриона. Конец шеста расщепился, чиркнув по зубам чудища, но все же вонзился в его плоть. Гурион издал жалобный чавкающий звук, однако не прекратил атаки — обхватил ялик и стал его раскачивать.

У Алекса было еще меньше времени на реакцию. Через секунду после второго вопля Динсмена он увидел еще одного гуриона, который нападал на них с другой стороны. Килгур замахнулся на тварь веслом, но тут он ощутил, как ялик подскочил, словно на приливной волне, солнце метнулось Алексу навстречу — и он с головой оказался в воде. Толстая

часть щупальца охватила его поперек тела, а конец щупальца рвал мундир. Килгур попытался встать на ноги — беда случилась на достаточно мелком месте. Но попытки высвободиться ни к чему не приводили.

А Стэн опасался, что через секунду челюсти твари сомкнутся на его голове, поэтому что было силы полоснул кинжалом по уязвимой мембране желудка гуриона. Но ялик заходил ходуном под ним и вышвырнул его в воду. Еще в воздухе Стэн сумел правильно сгруппироваться и опустился на дно на полусогнутых ногах. Распрямившись, он обнаружил, что вода достает ему лишь до верха бедра. Из первого гуриона гейзером хлестала кровь. Стэн мгновенно определил, что этот гурион уже не опасен, выбросил его из головы и обернулся посмотреть, что происходит с Алексом.

Тот с головой ушел под воду. Легкие Килгура готовы были вот-вот разорваться, но все же сержант ухитрился одной рукой вцепиться в передний луч твари, другой — в выступ на спине. Остальные лучи-щупальца с силой мяли и душили его. Алекс видел под водой красные зубатые разъемы гурионовского желудка в нескольких сантиметрах от своего лица. Последним усилием мышц, выпустив большим пузырем остаток воздуха из легких, Алекс медленно, томительно медленно стал выворачивать щупальце твари, направляя его прямо в зловещую пасть. Рефлекторно челюсти чудища ходили вверх-вниз — оно чувствовало близость плоти. Алекс напрягся еще, сделал немыслимое усилие и впихнул конец гурионовского щупальца ему же в пасть.

Что-то вроде пронзительного стона ударило по барабанным перепонкам Стэна. Гурион, который топил и душил Алекса, выпустил свою жертву и встал в воде в полный рост. Стэн увидел, что гурион заглотил один из своих лучей и визжит от боли — едкий желудочный сок окатывал его собственную плоть, а острые зубы безжалостно полосовали ее. Тварь пожирала саму себя. Диковинная физиология не позволяла ей остановиться — началось рефлекторное, независимое от мозга движение стенок желудка, усеянных направленными внутрь зубами.

Стэн почувствовал что-то твердое у своих ног — и выловил Динсмена. Тот отбивался истерично. Стэн нащупал его сонную артерию, слегка сдавил ее, и Динсмен обмяк. Но когда Стэн потащил его к берегу, раздался крик Алекса:

— Еще твари!

Примерно в четверти километра от них над водой выросли еще три темные массы и помчались в их направлении. Теперь Алекс был рядом со Стэном, плечом к плечу, и они, волоча бесчувственного Динсмена за воротник, устремились к берегу, понимая, что только проворством могут спасти свои жизни.

На берегу Четвинд и его дружки с ленивым интересом наблюдали за битвой, происходящей в воде. Четвинд даже поднялся на взгорок, чтобы лучше видеть, как пара охранников спасают этого дохляка Динсмена.

Скажи Четвинд хоть слово — и его люди могли бы выручить и Динсмена, и охранников.

Стэн за много-много метров от Четвинда словно читал мысли бригадира: у пристани стоят ялики, десяток заключенных, вооружившись тем, что под руку попадется, могут мигом погрузиться в лодки и отбить атаку гурионов. Но чего ради? И Четвинд покатился от хохота. Смех словно рождался в пятках и волной пробегал по всему ему огромному телу. Никогда Четвинд не попадал в такую забавную ситуацию. Он сперва присел на песок, а потом и вовсе повалился, катаясь от смеха. Заключенные, вслед за бригадиром, осознали потешность происходящего и залились смехом. Да, если они не придут на помощь, охранники подохнут в животах этих тварей. Но ни одна собака не сможет обвинить в их смерти Четвинда и его ребят. Все заключенные помирали от смеха.

А Стэн и Алекс тем временем делали последнюю отчаянную попытку спастись, потому что вода за ними уже закипала — гурионы настигали. Последним рывком Стэн и Алекс преодолели несколько метров до берега и рухнули лицом вниз на песок.

Стэн лежал без сил, казалось, целую вечность. Он слышал, как кругом гогочут заключенные. Но вот его дыхание восстановилось, он открыл глаза. Заключенные примолкли.

Стэн сперва перевернулся на спину, потом встал и отряхнулся. Четвинд стоял перед ним и ухмылялся.

— Могу я чем-нибудь помочь вам, мистер? — вежливейшим тоном осведомился он.

Стэн встретился взглядом с его насмешливыми глазами. Все в нем кипело, он сжал рукоять кинжала в руке и подумал, каким приятным будет ощущение...

— Какого черта! — выдохнул Стэн.

И страшное чувство ушло. Стэн обнаружил, что теперь он смеется. А что ему оставалось, кроме как взглянуть на происшедшее глазами Четвинда?

Машина на воздушной подушке мчалась по каменистому полю. Алекс был за рулем. Динсмена они уложили между собой и сейчас направлялись к лагерю охранников.

Динсмен застонал и зашевелился.

— А этого парня не так-то легко прикончить, — сказал Килгур.

— Ну, сейчас мы его утихомирим окончательно. Давай сюда.

Повинуясь взмаху руки капитана, Алекс выудил из кармана шприц и протянул его Стэну, который уже закатал рукав Динсмена. Злосчастный «бомбодел» открыл глаза, узнал Стэна, шарахнулся от него. Но Стэн прижал зэка могучей рукой к сиденью и всадил ему в руку иглу шприца.

— Сладких снов, дурачина, — сказал он и надавил на стерженек шприца.

ГЛАВА 26

Стэн мог только удивляться, как просто все получилось. Головной компьютер планеты-тюрьмы оказался доисторическим монстром, таким примитивным, что обмануть его было плевым делом. Стэн и Алекс выиграли в ближайшем розыгрыше лотереи и получили отпуск на Хиз.

Другие охранники прямо взбеленились.

— Везет же дуракам! — возмущались многие из них. — Не прошло и двух месяцев службы, а им подвезло сопровождать мешки с сосульками.

«Сосульками» на Дрю называли свежезамороженных покойников.

— Это все мой дружок мистер Киит, — говорил всем Алекс. — Этот тип и гроша ломаного не выиграет в карты, а на скачках всегда поставит на лошадь, которая придет по-

следней. Но когда ума не нужно и игра идет просто на счастье, тут ему везет.

Сержант их подразделения не счел нужным скрывать свое раздражение.

— Мистер Киит, мистер Охлсн, я считаю большущим свинством, что вам, новичкам на Дрю, привалило такое незаслуженное счастье.

— Так точно, сэр, — сказал Стэн. Они с Алексом, в парадной серой форме, стояли навытяжку перед сержантом.

— Зарубите себе на носу, господа. Пока вы будете эскортировать трупы на Хиз, я тут проведу дотошное расследование.

— Расследование? Чего именно? — спросил Алекс.

— Этой вашей странной «удачи». Надеюсь, после вашего возвращения будет много-много больших сюрпризов.

— Так точно, господин сержант! — горячо поддержал его Алекс. — В следующий раз, когда вы увидите нас, будет много-много больших сюрпризов.

Прежде чем Алекс не ляпнул еще чего-нибудь, Стэн незаметно ткнул его кулаком в бок. Оба отсалютовали сержанту, развернулись на каблуках и вышли из кабинета своего начальника.

Покинув атмосферу Дрю, корабль-робот автоматически выключил драйв Юкавы и перешел на драйв АМ-2 для межзвездных перелетов. Стэн и Алекс уже взломали дверь в отсек управления полетом и стояли у терминала.

— Эти таанцы мнят себя большими умниками, — говорил Алекс, — а их автопилота перепрограммировать не сложнее, чем горошине через гуся пропутешествовать.

Проделав все необходимое, Алекс сказал:

— Стэн, может, разморозим этого Динсмена?

— Чего ради хлопотать? Была б охота беспокоиться о мертвом преступнике!

— Да. Когда мы доберемся до места рандеву, у специалистов будет достаточно времени оживить нашего Лазаря.

Под «рандеву» имелась в виду встреча с сверхскоростным имперским истребителем, который маневрировал поблизости от границы с Таанским Союзом и поджидал на определенной частоте сигнала от Стэна. Как только истребитель подберет Стэна и Алекса, корабль-робот будет возвращен на свой обычный маршрут на Хиз — чтобы его не хватились

раньше времени. Но корабль-робот будет запрограммирован так, что никогда не попадет к месту назначения и превратится в груду металлолома, которая бесцельно путешествует по космосу.

— Мы заполучили нашего дурачка-бомбодела, мы целы-невредимы — о чем еще можно мечтать! — изрек Алекс.

— О доброй выпивке, — буркнул Стэн и направился пошарить по шкафчикам в отсеке для охранников, не оставила ли там какая добрая душа литр-другой алкоголя.

ГЛАВА 27

Голубой огонек замигал на пульте рабочего стола Лидо. Адмирал в тот же миг прервал не слишком важный разговор с интендантской службой Его Величества, нажал на пульте кнопки, блокирующие вход в его кабинет и зажигающие у двери светящееся табло «Идет совещание». После этого он прошел к двери, которая вела из его кабинета в рабочий кабинет Императора, постучал костяшками пальцев и сразу же вошел.

Император сидел к нему спиной и смотрел на парадный плац, в сторону которого было развернуто его кресло. Два графинчика стояли на рабочем столе: один с тем, что властитель изволил называть виски, другой — с чистым медицинским спиртом. Лидо невольно поежился, узнав напиток.

Не оборачиваясь к вошедшему, Император пророкотал:

— Желаешь выпить, адмирал?

— Э-э... не то чтобы очень.

— Вот и я не хочу. Докладывай о самом плохом за сегодняшний день.

Лидо доложил без околичностей, чтобы побыстрее закончить разговор о неприятном.

— Первый секретарь таанского посольства выразил свою неудовлетворенность состоявшимися встречами.

— Воображает, что он один ими недоволен?

— Позвольте продолжить, Ваше Величество. О своем недовольстве он сообщил по обычным каналам таанским властям. Я получил... э-э... их официальный ответ.

— Валяй. Порти мне настроение.

— Полный текст коммюнике на моем столе, если вы хотите знать дословный текст, — сказал Лидо. — Нет, не хотите? Все сводится к тому, что в связи с обострившейся ситуацией вокруг пограничных миров таанские властители желали бы встретиться с вами лично.

— Все?

— Не совсем. Из-за гибели Алэна они не хотели бы встречаться на Прайм-Уорлде. Они просят организовать встречу на нейтральной территории, в дальнем космосе. И выражают готовность обсудить место встречи и меры безопасности с обеих сторон. Они настаивают на том, чтобы встреча состоялась не позже чем через двенадцать земных месяцев.

— Хамство. Скотство! Они мне ставят условия!

— Так точно, Ваше Величество.

— Как насчет бунтов в пограничных мирах?

— Четыре столицы объяты мятежом. Положение в столицах провинций пока неизвестно. Пополнения тамошним гвардейским дивизиям уже направлены. Количество пострадавших? По нашим оценкам около двенадцати тысяч. С обеих сторон.

— Знаешь, когда-то я полагал, — произнес Император ровным голосом, — что любую проблему, с которой я сталкиваюсь, можно решить хорошо пораскинув мозгами и не суетясь, или с помощью гвардии, или, наконец, оглушив себя алкоголем. Похоже, что я был не прав, адмирал. Сдается мне, складывается ситуация, когда хоть лбом о стенку!.. Я попробую изложить по пунктам, и посмотрим, согласишься ли ты со мной. Факт первый. Таанский Союз пытается использовать смерть Алэна для давления на меня. Они хотят, чтобы Империя убралась из пограничных миров. Правильно?

— Скорее всего, да, — сказал Лидо.

— Я уйду оттуда — и оставлю с большущим носом всех переселенцев из Империи, которым было обещано, что Империя будет опекать их и защищать во веки веков. Нет, об этом и помыслить невозможно, даже если мне удастся убедить всех колонистов вернуться обратно — в чем я глубоко сомневаюсь.

Факт второй. Алэновские повстанцы по сю пору не понимают, что объединение с таанскими мирами приведет, скорее всего, к их полной ассимиляции и полному краху всех идеалов, за которые они нынче сражаются. И теперь некому

просветить повстанцев насчет печального варианта их будущего. Словом, они действуют иррационально — от победы им станет только хуже. Я верно говорю, адмирал?

— Пока не вижу ошибок в ваших рассуждениях.

— Таким образом, у меня только одна возможность раскрутить этот узел — найти того, кто повинен в гибели Алэна (и было бы *намного* лучше, окажись им неимперский житель), а затем отправиться на встречу с таанцами. Туда, куда они велят приехать. И молча проглотить положенную порцию дерьма. Неужели нет иного выхода?

— Мне нечего добавить, Ваше Величество.

— Да, от тебя помощи... А вот Махони обязательно придумал бы что-нибудь. — Император опалил Лидо яростным взглядом, потом смягчился и добавил: — Ну-ну, прости. Это я не со зла... Что ни говори, в ту давнюю пору, когда я был бортовым инженером, я прибегал к другим способам решать проблемы.

— И как же вы решали проблемы в то время?

— Очень просто. Выпивал все, что имело градусы и попадалось под руку, а потом шел бить морды всем, кто создавал мои проблемы.

— Забавный способ, — осторожно сказал Лидо.

— Да, помощник из тебя аховый, — проворчал Император, встал и направился в свои покои.

Еще прежде чем он вышел, Лидо проворно спрятал в шкафчик оба графина.

ГЛАВА 28

Гурион кинулся прямо на него, мазнув по лицу кроваво-красным желудком. Завопив от ужаса, Динсмен отпрянул, попятился. Краем глаза он видел, как тот охранник, что угрожал ему кинжалом, сунул шест зверюге в пасть-желудок, после чего ялик покачнулся.

Динсмен рухнул на дно ялика и ползал там, цепляясь за перекладины. Мысли его смешались, легким не хватало воздуха, и никакими силами невозможно было заставить себя

приподняться и посмотреть, что происходит кругом. Потом его вышвырнуло из лодки, и он так же слепо стал ползать по дну — пуская пузыри, не решаясь встать. Все кругом забурлило, вода приобрела сладковатый привкус крови. И сразу же что-то схватило его, потянуло, и тут уж Динсмен совсем утратил рассудок. Он стал хлебать воду и рванулся наружу, к воздуху. Не успел он хлебнуть воздуха и прийти в себя, как увидел склоненного над собой охранника. В его руке поблескивало лезвие. Динсмен что было сил рванулся прочь от него. Но рука с лезвием медленно приближалась. Динсмен был отвратительно беспомощен и зачарованно смотрел, как кинжал нырнул в ножны, а ладонь потянулась к его шее, надавила между ключицей и шеей, и Динсмен ощутил, что проваливается... умирает... умирает... умирает...

Тело Динсмена, привязанного к столу, забилось в судорогах. Автомат включил капельницу и впрыснул успокаивающее. Динсмен затих.

Доктор Рикор, один из ведущих имперских психологов, работавших для нужд армии, пребывала в глубокой задумчивости. Она была одобенкой — массивным ластоногим существом, напоминавшим моржа. Сейчас она тяжело отдувалась, поводя своими висячими усами. Проведя по усам передним ластом, доктор Рикор подалась на спинку кресла, и оно жалобно скрипнуло под ее немалым весом.

— Сложный случай, мой молодой друг. Мозг бедолаги без конца проигрывает один и тот же эпизод.

Нигде это не афишируя, доктор Рикор специализировалась еще в одном — считывала с помощью приборов мысли людей в интересах разведотряда «Меркурий» и отряда Богомолов. Иногда она участвовала в таких специфических исследованиях, как нынешнее глубокое сканирование сознания Динсмена. Однако травматический опыт наглухо блокировал его мозг. При сканировании шли повторы одного-единственного момента, когда Динсмен чуть было не погиб.

Стэн не без досады рассматривал несчастного бомболюба. В его наготе на лабораторном столе было что-то неприличное — возможно, из-за того, что бедолага был опутан едва ли не тысячей проводов, подведенных к разным частям его тела, прежде всего к голове. Стэн видел на экране уже раз пятнадцать, как Динсмен переживает один и тот же ужас — нападение гуриона. Глубже в его память забраться не удавалось.

Капитан поднялся и нервно зашагал по отсеку.

— Попробуйте снова. Позарез нужно пробиться в глубины его памяти. Проломить травматический блок. Это очень и очень важно. Все, кто мог что-то рассказать, — погибли.

Рикор кивнула и полностью сосредоточилась на сканировании. Экран над ними снова ожил. Сначала замелькали невнятные черно-белые образы, потом завертелся вихрь красок. Отдельные мазки стали складываться в расплывчатую картину. Когда они стали резче, на долю секунды мелькнул крупным планом гурион, потом его изображение рассыпалось на безумный танец желтых пятен. И вдруг пошло последовательное четкое цветное изображение — Стэн видел воспроизведение давних впечатлений Динсмена.

Высокий, поджарый, с густой гривой седых волос протягивал через стол кружку наркопива. Экран пересекла рука Динсмена и взяла кружку. Голос Динсмена произнес:

— В следующий раз угощаю я...

Человек на экране улыбнулся, и Стэну подумалось, что такая улыбка могла бы показаться Динсмену зловещей, подозрительной. И по некоторому дрожанию в голосе Динсмена стало очевидно, насколько он робеет перед этим седовласым человеком.

— ...если вы не возражаете, мистер Кнокс.

И тут гурион потянул длинное щупальце к Динсмену, он завизжал, ощутив холодное прикосновение к своей шее...

— Стоп! — крикнул Стэн.

Рикор взглянула на застывший кадр — эту жуткую тварь — и отключила систему сканирования. Динсмен на столе перестал постанывать и снова затих. Доктор Рикор ждала дальнейших приказов.

— Меня интересует Кнокс, — сказал капитан. — Дайте увеличенное изображение.

Экран, который подчинялся мысли доктора Рикор, замигал, потемнел, потом высветил крупным планом фигуру и лицо седовласого господина.

Стэн внимательно изучал изображение Кнокса.

— Да, мы ищем именно его. В больнице дали верное описание. А что еще мы можем узнать? Как он пах? Возможно, он душился чем-нибудь специфическим.

Доктор Рикор подключила сканер запаха.

— Ничего особенного. Обычный запах человека, который тщательно следит за своей внешностью.

Она подвела курсор на экране к его прическе, уложенной волосок к волоску, чтобы иллюстрировать свою мысль.

— Собственно говоря, — продолжала Рикор, поглядывая на мониторы других приборов, — за вычетом приятной внешности, это человек ничем не привлекательный. Запах — невыразительный. Голос твердый, но опять-таки невыразительный. Аура — неотчетливая.

Лениво поведя головой в сторону Стэн, она закончила:

— Да, это человек без выраженных свойств. Чрезвычайно подозрительный. Коэффициент выразительности тела... нет, кругом заурядность, заурядность и заурядность.

Стэн разглядывал эту хитрую бестию, прятавшуюся за фамилией Кнокса. Только суперпрофессионал может быть таким неуловимо никаким. И вдруг внимание Стэна привлекло что-то, желтеющее на пальце левой руки Кнокса.

— Увеличьте левую руку.

Теперь ладонь занимала весь экран. Тусклая желтая полоска оказалась кольцом. На плоском верху отчетливо виднелась эмблема. Стэн узнал ее сразу, но не поверил своим глазам, — нога ниже щиколотки с чем-то у самой пятки.

— Крупнее! — воскликнул Стэн.

Да, почти у пятки были два крылышка.

Стэн хмыкнул и повалился на спинку кресла. Дело оборачивалось еще хуже, чем он ожидал. Даже всегда хладнокровная доктор Рикор была несколько шокирована.

— Разведотряд «Меркурий», — проговорила она и тихо запыхтела, раздувая усы.

— Да-а, — сказал Стэн, — и остается только надеяться, что этот изменник действует сам по себе.

Они пытались снова и снова. Мозг Динсмена упрямо сопротивлялся сканированию. Стэн чуть не подпрыгнул, когда на экране мозгового сканера он наконец увидел яркие буквы вывески, чуть расплывающиеся в тумане:

«КО ЕН НТЕР».

Динсмен не знал научной причины, но по его наблюдениям по ночам космопорт всегда был в какой-то дымке. А сегодняшняя ночь была особенная. Он ждал...

«Ага, вот идет эта задница! Наконец-то!» — прошептал мысленный голос Динсмена Стэну и Рикор.

Динсмен и в этот момент вел себя с привычной неуверенностью. Экран вдруг заполнило крупное изображение его дрожащей руки. Двух пальцев не хватало.

— Ну же, ну! — нетерпеливо воскликнул Стэн. Рикор нажала кнопку ускорения. Изображение замелькало. В убыстренном темпе двое мужчин в полутьме приветствовали друг друга перед входом в кафе.

— Звук на полную мощность, — приказал Стэн.

Алэн на экране окинул взглядом человека в комбинезоне и спросил:

— Инженер Рашид?

Стэн и Рикор увидели, как мужчины прошли в кафе, затем с нормальной скоростью стали наблюдать за мельканием рук Динсмена, который готовился к взрыву и выжидал. Таймер вообще-то беззвучный, но оказалось, что в своем воображении Динсмен слышал тиканье часов. Для него слова «инженер Рашид» были отправным моментом. Он отсчитывал время от них до того, как, поприветствовав Яниз, мужчины зайдут в кабинку «Ч».

Часы, тикавшие в голове Динсмена, отсчитывали последние секунды жизни трех человек. Еще не время... почти уже... теперь!

Лаборатория осветилась вспышкой белого на экране, и уши Стэна и доктора Рикор заложило от грохота.

Затем вновь на экране возник гурион с его страшным пульсирующим брюхом. Мертвец, бывший Динсменом, опять забился на столе и застонал.

Доктор Рикор со слезами на глазах наблюдала за ним.

— Что мне с ним делать? — спросила она.

Стэн пожал плечами. Рикор вытерла глаза кончиком ласта. Потом решительно отключила систему. Динсмен внезапно совершенно затих. Наконец-то тело его обрело покой, полный покой — навсегда.

— Вы верите, что люди способны возвращаться в виде призраков? — спросила Рикор.

Стэн на секунду-другую задумался.

— Возможно, и верю... Но в возвращение этого — нет.

Рикор подумала над его ответом, потом нажала кнопку, и кресло покатилось в соседнюю комнату, где был бассейн с

морской водой. Со всплеском она нырнула в бассейн и уже оттуда крикнула Стэну:

— А вы оптимист, молодой человек.

Стэну представилось, как доктор, нырнув, досмеивается под водой. Но выходя из лаборатории, капитан продолжал гадать, на что же она намекала своими последними словами.

ГЛАВА 29

Переминаясь с ноги на ногу и перекладывая объемистый архивный ящичек из руки в руку, Стэн терпеливо ждал на пороге императорской мастерской.

Не без любопытства он наблюдал, как сидящий на стуле Император склонился над большим предметом — над чем-то вроде фигурной коробки со струнами.

Сперва Император дергал струны неуверенно, потом смелее и потом вдруг запел мягким, чуть хрипловатым голосом:

В ружьице моем заряд —
Отойдите, братцы.
Правду час настал сказать.
Вот, кто мэра запугал,
Вот, кто золото украл.

Одна струна вдруг издала отвратительный воющий звук, и властитель затопал ногами от ярости.

— Черт! Черт! Черт!

Он бросил инструмент на пол, и струны жалобно звякнули. Довольно долго хмуро смотрел на отброшенную странного вида дырявую коробку со струнами, затем пинком отшвырнул к куче таких же диковинных коробок. Только сейчас Император заметил в дверном проеме Стэна. Первой его реакцией было нахмуриться, второй — распустить морщины и собрать их снова, но теперь в ироническую улыбку.

— Никогда, запомните — никогда, не пытайтесь самостоятельно сделать гитару.

— Мне и в голову не придет заняться этим, Ваше Величество, — сказал Стэн и наконец прошел в мастерскую.

Он посмотрел на груду отвергнутых инструментов на полу, обвел глазами стены. Там на крючках висели гитары разной степени законченности и просто еще неотполированные заготовки, в том числе нескольких размеров и форм шейки — с отверстиями для колков. Стэн учуял неприятный резкий запах клея, варившегося в горшке на открытом пламени камина.

— Извините, Ваше Величество, но что такое гитара?

— Музыкальный инструмент, — ответил Император. — По крайней мере, тот сукин сын, что изобрел гитару, предполагал извлекать из нее музыку.

Стэн задумчиво покивал головой.

— Так вот вы чем тут занимаетесь.

Он взял один из отвергнутых инструментов, покрутил в руках, подергал за струны, заглянул в дырку.

— А где провода? Как это будет работать?

— С большим трудом, с большим трудом, — сказал Император. Он снял с крючка на стене полуготовую гитару, сел на стул и принялся тереть ее наждачной бумагой.

— Весь секрет в строении корпуса инструмента, — продолжал властитель, зачищая пятнышки, которые показались Стэну потеками клея. — Звуки как-то по-особому отражаются от стенок. Беда в том, что в наше время нет ни одного специалиста по акустическим гитарам. А старинные мастера все делали на глазок — подравняют тут, убавят здесь. Эти тонкости мастерства в архивных бумагах не застряли.

Охваченный новым приступом раздражения, Император сбросил гитару на пол. Но Стэн заметил, что на этот раз он был осторожней — отбросил гитару на толстый ковер. Император заметил, куда капитан смотрит, и с гордость прокомментировал:

— Ливанский ковер. Ручной работы. Ты и не представляешь, каких бешеных денег он нынче стоит... — Тут властитель вгляделся в озабоченное лицо Стэна и стал серьезней. — Ладно, — сказал он. — Ты хотел поговорить со мной в надежном месте, где нас никто не услышит. Это оно и есть.

Император обвел рукой свою мастерскую, в которой было множество старинных инструментов и большой запас поделочных материалов.

— Более безопасного места я не знаю. Я ежедневно самолично прибираю в этой комнате и вышвыриваю всякую дрянь.

Стэн чуть заметно улыбнулся. Из днища своего ящичка для архивных карточек он вынул крохотный приборчик изящной формы.

— А я с этой дрянью пришел, — сказал Стэн, показывая Императору противоподслушивающее устройство.

Император зыркнул на него и вопросительно поднял брови. Стэн взял ту гитару, которую властитель с презрением отшвырнул, повертел ее в руке и задумчиво произнес:

— Не исключено, что гитара звучала так паршиво именно из-за этого аппаратика. Извините, Ваше Величество.

Вечный Император насупился и решал про себя — осерчать ему или нет. Решил — принять с юмором. Улыбнувшись, он взял недоделанную гитару, кисть и горшок с дурно пахнущим клеем и занялся работой.

Стэн с помощью своей аппаратуры проверял мастерскую на наличие подслушивающих устройств. Император оторвался от работы и поднял голову.

— Ну?

— Все чисто, — доложил Стэн.

— Валяй, рассказывай, — сказал Император и снова принялся колдовать над гитарой.

Стэн разложил на столе принесенные материалы и первым делом протянул властителю фотографию Кнокса, сделанную с экрана мозгового сканнера.

— Вот тот, кого мы искали.

Император внимательно вгляделся в лицо Кнокса.

— Большой босс, — сухо бросил он.

— Если вы хотите сказать, что он ключевая фигура в этой истории, боюсь, это не так. Он должен был просто проследить за Динсменом — чтобы тот выполнил работу. На наше счастье, этот человек не удовлетворился своей ролью и превысил полномочия.

Стэн показал следующую фотографию — крупный снимок руки Кнокса. Император тотчас же заметил эмблему на кольце.

— Разведотряд «Меркурий»!

— Да, ваше величество. К тому же мы знаем, что этот человек — будем пока продолжать звать его Кноксом — док-

тор. Скорее всего, он был штатным медиком в разведотряде «Меркурий».

— Был или остается?

— Надеюсь, что он уже не служит в отряде. Но точно не знаю. Инспектор Хейнз уточняет это в данный момент.

Стэн на несколько секунд замолчал, глядя, как Император ошкуривает дерево. Затем властитель вынул из кармана маленький металлический предмет — что-то вроде вилки с двумя зубьями — и этим предметом стал легко ударять по корпусу инструмента. Раздался низкий глухой звук — протяжное «буммм»...

Император приложил вилочку к щеке — и звук исчез.

— Созвучие пока не то, — сказал он. — Продолжайте, капитан.

Стэн сделал глубокий вдох перед тем, как ступить на зыбкую почву.

— Можно мне говорить совершено свободно, Ваше Величество? — спросил он, понимая, насколько глуп этот вопрос. Кто же может говорить с Императором *совершенно* свободно! Но дело было слишком серьезно. Надо решаться.

— Говори.

— В этой головоломке недостает одной важной детали. Центральной детали.

— Что необходимо, чтобы раздобыть эту деталь?

— Честный ответ.

— Кто-то не хочет сказать правду?

— Да, Ваше Величество.

Император уже давно сообразил, о чем речь. Но все еще играл в кошки-мышки.

— А может быть, загадочный кто-то — это я?

— Боюсь, что да, Ваше Величество.

— Ну ладно, выкладывайте свой вопрос, — кивнул Император. На его лице было до странности мягкое выражение.

Стэн облегченно вздохнул.

— Позвольте сперва изложить вам остальные факты. А потом я задам свой вопрос.

— Хорошо, делайте, как вам удобнее. Только передайте мне клей.

Стэн недоуменно уставился на него, потом сообразил, что Император просит передать горшок с вонючей жидкостью. Стэн подчинился.

Император промазал верх гитары этой жидкостью, снова поколотил по ее боку раздвоенной металлической штучкой и удовлетворенно хмыкнул:

— На сей раз гораздо лучше. Возможно, именно то, что нужно.

Затем он стал широкими мазками наносить клей по изгибам инструмента.

— Начну с того, — сказал Стэн, — что, похоже, существовала кодовая фраза, после произнесения которой через определенный отрезок времени должен был произойти взрыв. Жизненные ритмы Динсмена подскакивали на двенадцать пунктов всякий раз, когда мы прокручивали ему эту фразу.

— Что за код?

Внимательно слушая капитана, Император прилаживал верхнюю стенку корпуса.

— Кодом служило имя Рашид. Взрыв следовало произвести, если кто-то использует имя Рашид. Точнее, словосочетание «инженер Рашид».

Стэн просматривал свои документы и не заметил, что на лицо Императора легла туча.

— Продолжайте, — молвил он негромко.

— Вторым кодом была кабинка «Ч», — сказал Стэн. — Динсмен должен был взорвать бомбу тогда, когда кто-то спросит насчет кабинки «Ч».

— Стоп! — сказал Император. Сказал спокойно, но это был самый строгий приказ, слышанный Стэном за всю его жизнь. — Так, значит, это я убил ее... Стало быть, я сам.

— Простите, Ваше Величество?

Вместо ответа властитель достал из-под стула бутылку, приложился к горлышку и сделал долгий-предолгий глоток. Потом протянул бутылку капитану.

Стэн молча ждал, вглядываясь в понуренное лицо Императора. Если можно в какие-то моменты пробиться к скрытой сущности этого человека — ведь он не только Император, но и человек! — то сейчас один из таких моментов.

— Инженер Рашид — это я, — произнес Император. — Это одна из моих многочисленных масок, капитан. Мне приходится надевать личину, когда я хочу побыть среди своих подданных.

Вся головоломка прояснилась для Стэна после этого признания.

— В таком случае, Ваше Величество, следует сделать однозначный вывод — целью покушения были вы, а не Годфри Алэн. И не ваш специальный представитель, с которым Алэн встречался — вместо вас.

Император грустно улыбнулся.

— Да. Я велел ему представиться инженером Рашидом. Они не должны были сидеть за стойкой. Предполагалось, что они попросят Яниз сразу провести их в кабинку «Ч».

— Яниз? — переспросил Стэн. — Кто такая Яниз?

Император махнул рукой — дескать, не будем на этом останавливаться. И Стэн продолжил нанизывать цепочку фактов.

— Хорошо. Значит, события развивались предположительно следующим образом. Динсмен установил в баре бомбу. Она устроена так хитроумно, что должна разнести все в баре и пощадить одного нужного человека. То есть вас. Остальное проще простого. «Скорая помощь» должна была доставить вас — ошарашенного или оглушенного — к доктору Кноксу.

— После чего, по их мнению, я оказался бы в их полной власти, — подхватил Император. — Чертовы дураки! И не такие пробовали — да не вышло!

Он снова сделал большой глоток из горлышка бутылки. Потом тряхнул головой, закрыл горлышко пробкой и сунул бутылку под стул.

— Иногда я сам себе противен, — сказал он. — У вас не бывает такого чувства?

Стэн сделал вид, что вопрос Императора — риторический, и счел менее рискованным продолжать свою линию размышлений.

— Сэр, — произнес он почти вкрадчивым голосом, — у меня сложилось впечатление, что таанцы не имеют никакого отношения ко всему этому. На деле кто-то в Империи — возможно, кто-то из вашего окружения — горит желанием стать Императором вместо вас. А таанцы примешались сюда по недоразумению — из-за случайной гибели Годфри Алэна.

Он ждал от властителя ответа, но тот молчал, погруженный в собственные мысли. Стэн решил, что наступило время задать ключевой вопрос.

— Кем она была для вас, Ваше Величество?

— Яниз, — сказал Император, поднимая свои такие молодые, такие древние брови. — Просто Яниз. Мы были лю-

бовниками. Несколько лет назад, когда я чувствовал себя так... а, кому интересно, как я себя чувствовал тогда...

Я рассказывал ей всякие байки. Про свое темное прошлое. Про то, каким богатым стану. А она... она... Да, сынок, она меня слушала, черт возьми...

— Но на самом деле вы были Императором, — деликатно вставил Стэн.

Император покачал головой — нет.

— Я и был инженер Рашид. Мечтатель и проходимец. Страшный врун. А она, черт возьми, верила мне. Я бывал в их городе регулярно — раз в год или в два года. Потом я повысил себя — стал капитаном Рашидом. Да, это звучало как музыка — капитан Рашид. Большая персона.

— Но это было давно, — высказал свое предположение Стэн.

— Да, — кивнул Вечный Император. — Мы перестали быть любовниками, но остались друзьями. Я оставлял ей достаточно денег. Я был совладельцем бара, но доходы шли только ей. Только кабинка «Ч» меня интересовала. Она ждала меня или моих людей. Там было установлено самое лучшее во всей Империи оборудование против прослушивания.

Годфри Алэн был не первым, с кем я тайно встречался в кабинке «Ч». Иногда диву даешься, во что превращаются отношения с бывшей любимой женщиной...

Император надолго задумался и кончил тем, что снова потянулся за бутылкой под стулом. На этот раз он глотнул совсем немного — для прочистки сознания.

— Что посоветуете, капитан?

Стэн встал и зашагал по комнате, вслух рассуждая:

— Мы имеем дело с утечкой информации, Ваше Величество. Необходимо перекрыть все возможные каналы. Можно с определенностью сказать, что кто-то пытается убить вас.

Император странно улыбнулся. Он хотел было что-то сказать, но промолчал. А Стэну было очень важно, чтобы Император высказался до конца. Что у него на душе? И о чем он умалчивает?

— Итак, цель преступников — вы. Мы не знаем, сколько их. Выход один — не доверять никому. Я займусь выяснением личности этого Кнокса. А вы, Ваше Величество...

— Да, капитан, что прикажете делать мне?

Стэн осекся. Язык мой — враг мой.

Император насмешливо взял под козырек.

— Да не переживайте за меня, капитан. Что мне сделается. Я в полной безопасности. Хотя временами я бы хотел...

Недокончив своей мысли, Император взял последнюю из сделанных им гитар и начал перебирать струны.

Даже Стэну, которому медведь на ухо наступил, сложные аккорды на гитаре показались приятными. Эти же аккорды словно пропели ему: «Можете идти, капитан».

ГЛАВА 30

Каи Хаконе высыпал мелко посеченный табак на табачный лист. Осторожно побрызгал лист водой и свернул его. Сделав самокрутку, Хаконе удовлетворенно посмотрел на нее, потом макнул в стакан с земным коньяком. Удовлетворенный своим произведением, он откусил кончик самодельной сигары, щелкнул зажигалкой в деревянном корпусе и с наслаждением затянулся, откинувшись на спинку кресла. Метр находился в самом приватном зале одного из самых дорогих прайм-уорлдских клубов, где ему было очень удобно встречаться со своими приспешниками, не опасаясь подслушивающих устройств.

В этом зале собралось человек пятьдесят — все примерно ровесники писателя или немного постарше. Промышленные воротилы, крупные чиновники в отставке, видные предприниматели, почившие на лаврах. Сторонний наблюдатель сказал бы, что в этом зале пахнет не просто большими, а невероятно большими деньгами. А для Хаконе это был запах смерти, запах тлена.

Но этот же запах был все равно что щекочущий ноздри запах зажаренного ягненка или свинины с румяной корочкой — запах, который взбадривал Хаконе, возвращал к жизни, будил в нем писателя.

Есть люди, характер которых определил какой-то один эпизод в их жизни. Хаконе относился именно к таким людям.

Почти с младенческих лет он мечтал летать. Летать в космосе. Он родился в спокойном мире в благополучной семье.

Его матери когда-то пришла в голову замечательная идея — открыть магазин одежды, где человек мог бы зайти в кабинку, компьютер снимет с него мерку, и через несколько минут любая одежда будет подогнана под покупателя. Эта идея принесла матери Хаконе и большое состояние, и моральное удовлетворение.

Родители не одобряли желание сына покинуть родную планету и бороздить космос, но и не возражали против его мечты стать пилотом военных космических кораблей. В итоге Каи Хаконе стал учиться и вскоре в чине лейтенанта получил в свое командование небольшой боевой разведкорабль — это было как раз в начале Муэллеровских войн.

Хаконе принял близко к сердцу уроки, преподанные ему в академии летного искусства, и искренне стремился стать хорошим командиром, примером и добрым другом всем членам своего небольшого экипажа — под его командованием было тридцать восемь человек.

Однако судьба сложилась так, что его маленький корабль был сразу послан в самый ад — обеспечить огневую поддержку при высадке массированного десанта на Сарагоссу. В той злосчастной битве погибло четыре громадных линкора с десантом, а также большая часть Седьмой гвардейской дивизии. Среди миллиона погибших, чьи трупы с разорванными легкими заполнили верхние слои атмосферы или остались лежать на каменистых просторах планеты, были и члены экипажа под командованием Хаконе — мужчины и женщины.

Разведкорабль погибал долго — сперва его обшивку пробили ракеты, потом их жег с близкого расстояния лазер, и в довершение их расстреляли снарядами из пушек. Лейтенант Хаконе был единственным оставшимся в живых. Его извлекли из обломков корабля и долго лечили — как телесные, так и душевные раны.

По окончании Муэллеровских войн армию следовало сокращать, и Император приветствовал тех, кто добровольно подавал в отставку. По состоянию здоровья Хаконе не смог бы сделать карьеру в армии, и он благоразумно уволился. Он вдруг оказался штатским — совсем молодой парень, который получил более чем солидную пенсию, не имел ни малейшего желания вернуться на родную планету и познал наркотический запах смерти.

Именно этот познанный аромат смерти сделал Хаконе писателем. Его первая видеокнига — роман о космической бойне с массой кровавых приключений — прошла незамеченной. Зато вторая — дотошный анализ Муэллеровских войн — стала бестселлером. Она была опубликована через десять лет после событий, то есть в удачное время для пересмотра представлений об этих событиях. С тех пор каждую работу Хаконе, даром что это были мрачные книги, трактующие о страшных смертях и исполненные пессимизма, встречали как произведение литературного патриарха, зрелого мастера, который шествует от удачи к удаче.

Его шестая книга была возвращением к документальной прозе — монументальный анализ неудачной высадки на Сарагоссу. Центральная мысль книги была скандальной — Хаконе высказывал идею, что молодой вице-адмирал, который командовал этой битвой, стал лишь козлом отпущения, а настоящим виновником поражения был сам Император. Разумеется, эта мысль высказывалась изощренным эзоповским языком, завуалированно, чтобы автора нельзя было обвинить в политической клевете.

Но умные люди все поняли. Именно эта книга стала поворотной в судьбе Хаконе. Благодаря ей он стал вращаться в кругу самых богатых людей. Но сейчас в этом зале он чувствовал себя призраком на роскошном празднестве. Однако Хаконе подавил в себе эту мысль — как он давил в себе на протяжении очень долгого времени свербящий вопрос: а что бы стало с молодым лейтенантом, если бы имперские силы *выиграли* битву за Сарагоссу?

Он постучал ногтями по столу, призывая всех к вниманию, и в зале установилась тишина.

Он обвел глазами своих сообщников. Будь Хаконе человеком более проницательным или более склонным к безжалостному анализу, он бы непременно задал бы себе вопрос — почему среди этих пяти десятков людей нет ни одного отставного военного, на погонах которого было бы больше одной звезды; почему среди промышленных воротил с ним только те, кто не сам нажил состояние, а получил его в наследство; почему все поддерживающие его предприниматели сколотили свои капиталы на сомнительных спекулятивных сделках в далеких приграничных районах Империи. Но природа заговоров такова, что сообщников выбирать не приходится.

— Господа, — произнес Хаконе тихим голосом, который так противоречил его медведеподобной внешности, — прежде чем мы начнем, позвольте заверить вас, что этот зал был тщательно проверен на наличие электронных подслушивающих приборов. Исключена и возможность любых других способов подслушивания. Господа, мы можем говорить, ничего не опасаясь.

Один из присутствующих встал. Это был Со Тойер, который нажил состояние на поставках мундиров имперской гвардии.

— Время течет неумолимо, уважаемый Хаконе, — сказал он тоном упрека. — Мы — а я полагаю, что высказываю общее мнение, — отпустили вам щедрый, действительно щедрый срок. Мы ожидали, что нечто наконец-то произойдет — сразу после Дня Империи. Как вы и обещали. И что же? Я не хочу влезать в ваши секреты, но у нас такое впечатление, что ничего не происходит. По крайней мере ничего такого, что мы могли бы ощутить и оценить. Не будь я душой и телом с вами, я бы задался вопросом — куда пошли мои пожертвования, в какую черную дыру они ухнулись?

— Как раз это и есть цель нашей встречи, — сказал Хаконе. — Я собрал вас, чтобы проинформировать о происходящем.

Хаконе мог бы изложить все в деталях. Рассказать, что попытка оглушить Императора при взрыве и похитить его окончилась полной неудачей. Что его убийца благополучно удрал из Прайм-Уорлда. Что Харс Стинберн, «доктор Кнокс», руководитель операции и по совместительству необходимый им человек с медицинским образованием, — исчез. Но Хаконе было известно и то, что все следы неудачной операции или уничтожены ее участниками, или уничтожены вместе с ее участниками — скажем, командир спецназа Крегер убит. Словом, все концы в воду.

Однако Хаконе поостерегся выкладывать все это перед собравшимися. Если хочешь добиться успеха, не стоит волновать богатых вкладчиков досадными мелочами.

— Да, первый этап нашей операции закончился неудачей, — сказал он вслух. — Но Император ни о чем не подозревает. Характерно, что он поручил расследование происшествия не опытному человеку, а начальнику своих телохранителей. Мы со своей стороны можем гарантировать, что никаких следов наших действий не отыскать.

Однако одна проблема все-таки остается. А именно — наш источник информации пересох. У нас больше нет возможности получать сведения о грядущих шагах Императора.

Хаконе снова погрузил свою сигару-самокрутку в коньяк и зажег ее, пережидая разочарованный гомон собравшихся денежных мешков.

Дегенераты. Эти люди никак не поймут, что до цели всегда остается не меньше километра. Но оптимистическая жилка в Хаконе заставила его подумать: за одного битого двух небитых дают.

Метр снова настоятельно постучал ногтями по столу, требуя тишины. Тем не менее заговорщиков обуял страх, и они продолжали шуметь. Хаконе макнул палец в коньяк и стал водить им по краю стакана. Звонкий писк заставил собравшихся замолчать.

— Спасибо, — сказал Хаконе. — Что было, то прошло. А теперь — хорошие новости. Наш координатор весьма доволен происходящим.

— С какой стати? — спросило сразу несколько голосов.

— Потому что, невзирая на наш временный неуспех и на тщетные усилия Императора добраться до истины, дело сдвинулось с места и набирает обороты.

— Так что же мы теперь предпримем? Неужели каждый выберет щель понадежнее и юркнет в нее? — Этот вопрос задал Бэн Лусери, один из немногих генералов промышленности, которых Хаконе искренне уважал.

— Нелепо даже думать об этом. Наш координатор — и я всей душой согласен с его решением — дает «добро» на переход ко второму этапу операции. Этот этап, господа, мы окрестили «операция Заара Ваарид». Итак, дни невыносимого диктата сочтены. Операция «Заара Ваарид» обречена на успех.

ГЛАВА 31

Маленький человечек с помощью крюка вылавливал бревна в пруду, втаскивал на цепной конвейер, а пьяница — главный механик — тем временем сидел, навалившись спиной

на штабель распиленных досок, и горланил песню. Наик Раи и старший субадар Читтаханг Лимбу одобрительно наблюдали за работой карликовой лесопилки.

Стэн захлопнул коробочку с моделью лесопилки, и фигурки тут же исчезли, хотя капитан в душе надеялся, что его «бухарик» успел сделать еще глоток из бутылки, прежде чем исчезнуть.

— Нехорошо, что вы переезжаете, — сказал наик Раи. — Как вы там будете разбираться, какие носки когда носить?

— Вы уверены, что поступаете правильно? — поддержал его Лимбу на гуркали.

— Да будь оно все проклято, — ругнулся Стэн. — Я ни в чем не уверен, субадар. Я ничего не знаю наверняка, кроме того, что откомандирован для выполнения особого задания. И то, что ты примешь командование над гурками.

— А я знаю наверняка одно — я за вас готов любому яйца открутить! — рассмеялся Лимбу и козырнул своему капитану. — Ума не приложу, что происходит, капитан. Надеюсь, все обернется к лучшему.

— Спасибо за добрые слова, Читтаханг. Не кипятись по поводу того, что я уезжаю. А теперь — все. Свободны.

Оба гурка взяли под козырек и вышли из комнаты Стэна. Тот занялся упаковкой чемоданов. Загудел дверной звонок, и Стэн хлопком ладони открыл дверь.

Это была Лайза. Он сразу обратил внимание на ящичек с антипрослушивателем в ее руке. Аппарат был включен. Как только дверь за ней закрылась, он решил, что долг первым делом обязывает его поцеловать лейтенанта Хейнз — крепко-крепко.

Когда они наконец оторвались друг от друга, Лайза улыбнулась.

— Ну что, опять жизнь вверх тормашками — как обычно?

— Зато ногами в воздухе от души подрыгаю, — отшутился Стэн.

— Переезжаешь?

— Какая ты наблюдательная! Переезжаю организовывать «надежную явку».

— А я знаю, что ты не переезжаешь, а улетаешь. И очень далеко. Вместе со своим коротконогим пузатым и хамоватым дружком.

— Говори да не заговаривайся!

— Мы разыскали нашего знаменитого доктора Кнокса.

Хейнз бросила карточку с информацией на стол капитана.

— Ну-ка, ну-ка, рассказывай — с подробностями.

— Настоящие имя доктора Кнокса — Харс Стинберн. Уволен из разведотряда «Меркурий». В заключении военного трибунала сказано, я цитирую, «уволен с целью очищения рядов».

Стэн испытал первый прилив облегчения — по крайней мере в заговор вовлечен человек, который уже не служит в армии.

— Судя по документам, этот доктор Стинберн, человек нрава крутого, сторонник крайних мер в имперской политике, был отправлен в качестве бортового врача с командой, у которой был приказ умиротворить жителей одной звездной системы — в карточке указано, какой именно. Там возникли беспорядки, и нужно было как-то утихомирить бузотеров.

Обитатели этого мира были существами непритязательными — все, что им требовалось, это копья со стальными наконечниками. Вот им и подарили для установления мира большое количество таких копий. Да только доктор Кнокс устроил так, что стальные наконечники оказались высоко радиоактивными. Вот, оказывается, чем вы, ребята, занимаетесь! Ну и ну!

— Не капай мне на мозги, Лайза.

— Извини. У меня был тяжелый день. Короче, все местные жители по-быстрому откинули коньки. Смерть косила их в таком темпе, что уже к тому времени, когда команда умиротворителей вместе с хитроумным доктором Стинберном покидала планету, разумных существ там не осталось и она была свободна для заселения имперскими колонистами. К несчастью, для нашего доброго доктора Стинберна, кто-то настучал на него, и он попал-таки под трибунал.

Стэн уже сунул карточку в считывающий аппарат на своем столе и слушал Хейнз только в четверть уха.

— Так-так... Выдворен из рядов... В тюрьму все же не попал... дураки, надо было засадить!.. уволен в запас... нигде не работал.

Стэн выключил считывающий аппарат и вопросительно посмотрел на Лайзу.

— Хоть он нигде и не работал, — сказала она, — мы все же разыскали его. Но он не в Прайм-Уорлде.

— А где?

— Затаился в укромном местечке Вселенной — на малой планете под названием Кулак.

Хейнз протянула капитану еще несколько карточек.

— Как ты умудрилась найти его так быстро?

— Ты подчеркивал, что этот наш доктор Кнокс — самовлюбленный эгоцентрик. И я подумала, а может, он настолько тщеславен и недалек, что не пожелал расстаться с профессией, которая может его выдать, и продолжает работать врачом — вместо того чтобы стать кем-то неприметным, вроде корабельного повара. И я оказалась права. Он нанялся врачом по контракту на Кулак — под именем Уильяма Блока.

Стэн запустил карточки в считывающий аппарат и, по мере просмотра материала об астероиде Кулак, то бледнел, то серел, то покрывался холодным потом. Не будучи человеком трусливого десятка — вся его биография доказывала это, сейчас он здорово перепугался — и радовался, что Хейнз, занятая своими размышлениями, смотрела на него мало и рассеянно.

«Лучше бы я остался в отряде коммандос, — думал Стэн про себя. — Вероятность, что я так влипну, была меньше, чем десять тысяч к одному. Но не с моим счастьем...

— Ты слышал о планетке Кулак?

Еще бы он не слышал! Но Стэн не стал вдаваться в подробные объяснения — все это было до такой степени личное, болезненное. Кулак был малой планетой — очень крупный астероид с ядовитейшей атмосферой и с окружающей средой, убийственной для человека. Вертится на своей орбите где-то на самом краешке Галактики. Только одно представляло интерес на Кулаке — тамошние металлы кристаллической структуры были живыми, росли подобно растениям. Один из этих металлов был неправдоподобно легкий и одновременно тверже любого металла или сплава, известного имперским ученым. Как раз его химические особенности и описание внешнего вида имелись на одной из карточек.

Но Стэн был отлично знаком с этим металлом, он собственными руками сделал из этого металла спрятанный в рукаве кинжал, что был его постоянным спутником. Кинжал был изготовлен еще тогда, когда Стэн жил на Вулкане — в тамошнем «Адском Котле», тюремном секторе для провинившихся рабочих-рабов. В Адском Котле он работал в зоне номер тридцать пять, которая была точнехонькой ко-

пией всех прелестей убийственной атмосферы и прочих условий на Кулаке — вплоть до того, что там и там смертность среди работников была стопроцентной. И вот судьба подкидывает Стэну кошмарный сюрприз — необходимость как бы вернуться в Зону-35. Да, никогда в жизни он так не пугался, а уж жизнь пугала его и пугала — казалось, пора бы ей и устать.

Стэн усилием воли угомонил резь в желудке и продолжал просматривать содержание информационных карточек. После открытия астероида Кулак, обнаружившая его компания пыталась вести там разработки природных богатств, но сочла это нерентабельным и опасным и забросила тамошние шахты. Через несколько лет независимые шахтеры, закаленные мужчины и женщины, возобновили работы — не пропадать же добру! Работа на Кулаке не относилась к разряду легких, поэтому за врача, изъявившего работать там, да еще целых два земных года, вцепились руками и ногами. А поскольку большинство шахтеров сами были отпетыми уголовниками, которые скрывались на краю Галактики от имперской полиции, то лишних вопросов Харсу Стинберну никто не задавал, хотя наниматели отлично понимали — от хорошей жизни на Кулак не летят. Про Кулак говорили, что там даже к государственным изменникам отнеслись бы не строже, чем к прохиндею, который забыл уплатить налог на поддержку сирот.

Стэн придал своему лицу нормальное выражение и отбросил карточку.

— Да, слыхал я про этот Кулак, слыхал.

— Я подготовила к отлету малый боевой корабль, — сказала Хейнз. — Никто не знает, куда летим. Даже пилот. И я доставила на борт специальные скафандры для работы в ядовитой атмосфере.

Разные варианты ответа пронеслись в голове Стэна, и ни один из них не годился для произнесения вслух. Но тут в комнату ввалился пузатый Килгур, размахивая информационной карточкой.

— Слушай, Стэн! — закричал он прямо с порога, не обращая внимания на лейтенанта. — Нет, ты только послушай, куда нас эта чертова баба хочет направить!

— Да, знаю.

— Извините, лейтенант. Нам со Стэном надо переговорить наедине.

— Не суетись, — сказал Стэн. — У твоего бесстрашного командира поджилки трясутся не меньше, чем у тебя.

— Стэн, какого шута нам туда переться? Неужели нельзя послать туда батальончик солдат и выволочь этого кобеля из его конуры?

— Чтобы он опять удрал в последний момент?

— А ты прав, приятель. Прав. К моему огромному сожалению. Итак, что будем делать?

— Сдается, жизнь приперла нас к стене, — сухо заметил Стэн. — Придется лезть в шахту на чертовом Кулаке.

— Нам предстоит хорошо позабавиться, — сказал Алекс. — Нет, моя мамочка не похвалила бы тебя за то, как ты со мной обращаешься!

Но капитан уже не слушал его стенаний. Он продолжил упаковывать вещи.

ГЛАВА 32

Джилл Шерман была единственным законом на Кулаке. Кулакский кооператив, состоявший сплошь из забубенных голов, оказал ей высокое доверие — выбрал своей начальницей, чтобы она железной рукой поддерживала хоть что-то похожее на порядок в шахтерском поселке под большим куполом. Будучи ничем не лучше самых отпетых из шахтеров, она резко превосходила их умом — и у нее хватало ума не слишком давить на своих кооператоров. Джилл требовала, чтобы свято блюли лишь три закона: никакого оружия, которое могло бы продырявить купол над поселком (стальное негласно разрешено); мошенничество в азартных играх равно государственной измене и карается соответственно; подсчет, кто сколько кристаллов добыл, ведется совершенно честно.

Шерман сочла удобным завербоваться по контракту на Кулак после того, как на предыдущей работе наломала слишком много дров. Она служила заместителем шерифа в одной звездной системе, где мятежи были образом жизни (оно и понятно, этот мир был заселен множеством мелких враждую-

щих народцев; когда один из них дорывался до власти, он начинал подавлять и истреблять остальные меньшинства). Правительства менялись чаще, чем времена года. Наконец у Шерман лопнуло терпение, и она поступила оригинально — бросила мини атомную бомбочку, превратив в пыль очередное правительство. Но одновременно она превратила в пыль и свою карьеру — пришлось бежать от имперского закона, потому что ей предъявили обвинение в убийстве, превышении служебных полномочий и попытке геноцида.

Именно эта женщина, изучив документы Стэна и Алекса, хмуро уставилась на двух новоприбывших, которых еще слегка мутило после посадки.

— Доктор Блок работает отлично. С какой стати я должна помогать вам забрать его отсюда?

— Я не хочу зачитывать ордер на ваш арест, — устало проронил Стэн. — Там перечислены ваши мелкие проказы — государственная измена, массовое убийство, заговор, бегство от судебных властей. Сами знаете, что там. Весь джентльменский набор.

— Мой друг, это Кулак. Нам тут плевать, что человек делал в цивилизованном мире до прибытия сюда.

— Киска, — начал было Алекс, — может, мы угостим тебя стопариком и тихо-мирно обсудим...

— Уймись, старшина, нечего перед ней стелиться, — обрубил его Стэн. Это было, скорее всего, неразумной грубостью с его стороны. Но корабль так долго мотало перед посадкой на Кулак, что Стэна до сих пор подташнивало и настроение было хуже некуда. — Вы тут работаете по императорской лицензии. Достаточно одного моего рапорта, и вас этой лицензии лишат. И сюда прилетит полдивизии выручать меня. Хотите неприятностей, госпожа Шерман? Извольте.

Если бы желудок не стоял у него под горлом, Стэн бы наверняка избрал другую тактику общения с крутой хозяйкой Кулака. Да, он допустил ошибку, и едва слышный тяжкий вздох Алекса подтверждал это.

— Что ж, простите... кто вы у нас... да, простите, капитан. Ищите доктора Блока в секторе «В», комната 60.

Стэн совершил вторую ошибку: надменно кивнул, подхватил Алекса под руку и поспешил в сектор «В». А Шерман дождалась, покуда за ними не захлопнулась дверь с двойным замком, и кинулась к микрофону интеркома.

* * *

Даже улицы города под куполом были допотопного вида. Поддерживалась определенная температура, и воздух очищался, но за влагооборотом следили плохо — всегда клубился туман, накрапывало что-то вроде дождика, под ногами хлюпала грязь.

— Ты все испортил, приятель, — ворчал Килгур, пока они топали в тумане по грязным улицам. — Телка-то классная. Я бы ее за час охмурил — была бы как ручная.

Стэн зло рявкнул на друга, хотя тот был совершенно прав. Но Стэну было не до деликатности — его пугал этот мир, страшили воспоминания, связанные с подобным же гибельным местом — с Зоной-35, где он воочию видел, сколько существует вариантов медленной мучительной смерти.

Даже скафандры, надетые на них, вызывали у Стэна страх и недоверие. Все на Кулаке носили скафандры — постоянно, находясь под куполом, где атмосфера была вроде бы близка к приемлемой. Правда, лицевые щитки поднимали на время разговоров, чтобы сохранять хоть какую-то видимость нормальной жизни. Скафандры были любопытной конструкции — большие, бронированные, настолько неуклюжие и тяжелые, что даже такой здоровяк, как Стэн, был вынужден ходить в скафандре медленно и вперевалочку. Одной из причин такой массивности скафандра было то, что в каждой конечности имелась система изолирующей блокировки. Если скафандр пробивало на одной из конечностей, человек мог отрезать пострадавшую часть скафандра — разумеется, вместе с конечностью. Ампутация, остановка крови и санация ампутированного места — все это обеспечивалось автоматически.

Словом, были веские причины для того, чтобы Стэн потел от такого страха, которого не испытывал уже много лет.

Доктор Харс Стинберн-Кнокс-Блок был вовремя предупрежден Джилл Шерман. Он поспешно надел скафандр, затем вооружился привычным на Кулаке оружием — длинным, зловеще изогнутым подобием сабли и прихватил «арбалет-лопату», которую здешние старатели использовали для работы.

При сборе уже «спелых» металлических выростов вне купола, шахтеры использовали особого рода арбалет-лопату — метательное приспособление с двумя ручками и мощнейшей пружиной, которая выстреливала метровое копье с плоским

наконечником шириной двадцать пять сантиметров, причем край наконечника был острее бритвы. Скорость копья-лопаты достигала пятисот метров в секунду, что делало ее смертельным оружием.

Стинберн загодя готовился к возможному нападению — только не имперских блюстителей порядка, а кулакских головорезов. Он понимал, что после неудачного заговора сам стал опасным свидетелем, которого могут попытаться уничтожить его же товарищи по заговору. Он считал это нормальным и не обижался. Просто заботился о сохранности своей жизни — для того-то и поспешил убраться с Прайм-Уорлда.

Опять-таки в целях безопасности Стинберн поселился в комнате, одной из стен которой служила поверхность купола, и позаботился о герметичности двери в эту комнату, чтобы при случае превратить ее в шлюзовой отсек.

Сейчас был такой случай. Стинберн опустил и закрепил лицевой щиток и посмотрел на данные приборов: комната идеально герметична, никаких утечек. Он нажал кнопку, и воздух из комнаты стал вытесняться под купол. Теперь его палец завис над другой, красной кнопкой, а глаза неотрывно смотрели на экран, который показывал, что творится в коридоре перед дверью.

Стинберн не стал ждать, пока там появятся два пришельца. Он нажал красную кнопку, раздался хлопок несильного взрыва, заднюю стену его комнаты выдавило наружу и оставшийся воздух увлек Стинберна за собой — он кубарем вылетел на поверхность планеты.

Даже сквозь стену коридора Стэн услышал гулкий хлопок разгерметизации стинберновской комнаты. Машинально и он, и Алекс захлопнули свои лицевые щитки. И стали ждать. Стрелки измерителей давления, которые имелись во всех комнатах и коридорах, сперва заметались, потом застыли на прежнем уровне.

— Парень умотнул наружу, — сказал Алекс.

Стэн не считал нужным вести разговоры — он быстрым шагом направился на улицу, найти ближайший шлюз и выйти из купола. Однако на грязной улице их поджидала толпа шахтеров во главе с Джилл Шерман. Стэн остановился и поднял свой лицевой щиток.

— Мы все согласились на том, — сразу взяла быка за рога суровая начальница шахтерского поселка, — что у вас свои законы, а у нас — свои. Нам врач нужен. И он у нас есть. Отдавать его мы не намерены.

Стэн понимал, что сейчас любые угрозы прозвучат жалко.

— Отныне все, что попадает на нашу планету, на ней же и остается.

— Значит ли это, киска, — не без тоски в голосе спросил Алекс, — что вы нас не отпустите домой?

Шерман энергично кивнула головой.

Скафандр Стэна был почти точной копией шахтерских скафандров — но чуть более современной модели, с небольшими дополнениями. Стэну оставалось надеяться, что одно из этих дополнений не известно шахтерам и поможет ему и Алексу в этой отчаянной ситуации.

Он схватил прямоугольный контейнер, висевший на поясе, сорвал с него крышечку — оттуда вырвалась тонкая видимая струя газа. Стэн захлопнул свой лицевой щиток и швырнул контейнер в толпу шахтеров. Увеличив до предела громкость звука своего встроенного в скафандр микрофона, Стэн проорал: «Газ! Коррозионный газ!» — и побежал прочь. Пока шахтеры в панике метались и искали, куда бы спрятаться от контейнера, который вертелся волчком в грязи, шипя и выбрасывая струю газа, капитан и старшина были уже далеко.

А к тому времени, когда анализатор атмосферы на внешней поверхности скафандра Джилл Шерман определил, что в контейнере был просто сжиженный запас кислорода, Стэн и Алекс стояли у входа в ближайший шлюз.

— Уфф! — сказал Алекс, тяжело отдуваясь, и энергичным движением затолкнул Стэна во внутреннее помещение шлюза. — Ладно, я буду тем парнем, который на мосту задерживает превосходящие силы.

И прежде чем Стэн успел ответить, Алекс закрыл дверь за своим другом. Стэну оставалось одно — выйти из купола и преследовать Стинберна. Алекс повернулся в сторону приближавшейся толпы разъяренных шахтеров.

— Ну, кто будет первым?

Первым был шахтер выше Алекса на две головы. Алекс блокировал его удар и ударил сам. Гигант полетел вверх тормашками в середину толпы.

Кулак был планетой с очень небольшой силой тяжести. Местные и драться привыкли по-особому. У Алекса, только что прибывшего из мира с нормальной силой тяжести, были большие преимущества. Но на него надвигались десятки громил — и тут никакие преимущества не действовали. Положение было отчаянным.

Впрочем, не совсем отчаянным. Ведь шахтерские ножи, без которых тут никуда не ходили, были под скафандрами. А в коридоре у шлюза слишком мало места, чтобы стрелять из арбалета стрелой-лопатой. К тому же стрела могла продырявить ближайшую стенку купола.

Поэтому схватка у шлюза одного героя с толпой не стала трагедией, что произошло бы в любом мире. Драка безоружных людей в скафандрах — впечатляющая возня, но не более. Зато это была драка, которая вошла в анналы кулакской истории — и старожилы долго рассказывали о ней новичкам, расцвечивая тогдашний бой все новыми и новыми деталями. Впрочем, старожилы на Кулаке не заживаются.

Алекс обожал кулачные бои. Сейчас в массивном скафандре он казался огромным бронированным шаром, который разгонялся, отскакивал рикошетом от стен коридора, врезался в свою цель, потом откатывался к двери шлюза — и при этом не прекращал громко и торжественно распевать, вспоминая свои полузабытые корявые вирши:

Был смелым воином Гораций,
Что капитаном у ворот.
Без всяких там морализаций
Губе любой даст разворот.

Сейчас развороченной губе противника был равен расколотый лицевой щиток нападавшего на Алекса шахтера. Пока этот шахтер рухнул, надолго контуженный храбрым шотландцем, тому некогда было упиваться победой — приходилось отражать новые атаки. Перехватив руку с занесенным над ним сварочным аппаратом, он этой чужой рукой ударил третьего шахтера, который подкрадывался к нему сбоку. Сварочный аппарат пробил скафандр на руке, тот разгерметизировался, сработала ампутационная система и отрубила нападавшему руку — шахтер завопил и потерял сознание.

Тут кинул славный Астур
Надменного Горация через колено...

Тем временем Алекс швырнул второго шахтера на стенку с такой силой, что тот, ударившись головой, потерял сознание.

Он трижды двинул парню в рожу —
Прости, дружок читатель,
Поэт свободен в выборе словес.

Остальные шахтеры попятились подальше от Алекса — перегруппировать силы. Старшина сильнее приоткрыл вентиль кислорода и ждал. Толпа нападавших наполовину поредела, а у тех, кто остался, пыла поубавилось.

Никто не рвется в смертный бой.
Покуда задние вопят «вперед, вперед!»,
Передние напуганы пальбой:
«Ах, мама, вдруг меня сейчас убьет?»

Напрасно он пропел эти задиристые строки. Шахтеры взбесились не на шутку и опять перешли в наступление — организованной фалангой. Но фаланга хороша, покуда не смешались ее первые ряды. Когда шахтеры разогнались так, что уже не могли бы в своих тяжелых скафандрах сразу же остановиться, Алекс вдруг лег плашмя в уличную грязь и покатился первому ряду фаланги под ноги.

Шахтеры повалились, на узком пятачке коридорчика перед шлюзом возникла куча мала, а Алекс тем временем крушил задние ряды — ногами, кулаками, головой, которая благодаря шлему превратилась в могучее оружие. Толпа нападающих была ошарашена и стала спасаться бегством.

Алекс не преследовал их, а остановился, чтобы прийти в себя. Дрался он в своей жизни часто, но это была всем дракам драка. Сержант отключил подачу воздуха в скафандр — надо было экономить кислород — и отбросил лицевой щиток, чтобы эйфория первого легкого успеха прошла и адреналина немного поубавилось.

Чтобы успокоиться, Алекс на ходу сочинял не то победную песнь, не то эпитафию себе:

Где-то на краю света
Могила эта.
Склоненный на колено Алекс —
В носках высоких, в юбке горца.
А ниже золотом рассказ,
Как шлюз удержан силой чудотворца,
Который был врагам — угарный газ.

Хотя последние две строки Алексу не очень понравились — надо бы переделать на досуге, если когда-нибудь возникнет досуг, — все же он ждал одобрения публики. Однако его публикой теперь были только пострадавшие от его кулаков: одни лежали бездыханно, другие ползали и скулили, что им нужен врач, а третьи спешно уползали подальше от страшного шотландца.

— Кое-что из спетого мной — моего собственного сочинения, — пояснил Алекс тем, кто желал его выслушать. — Остальное пето мамочкой, когда она качала меня на своих коленях. — Тут он с беспокойством оглянулся на шлюз. — А тебе, Стэн, не мешало бы поторопиться. Нам надо убраться из этого места вместе с проклятым доктором до того, как здешние ребята займутся мной всерьез...

Над поверхностью Кулака, вне купола, стоял желтоватый туман — взвесь металлических опилок. Стэн краем глазом взглянул на пролом в стене купола — там, где была комната доктора, — и зашагал за Стинберном.

К счастью, на пыли остались отчетливые следы бежавшего преступника.

Следы поднимались каждые десять метров на очередной холм — впрочем, эти выпуклости можно было называть холмами лишь условно, потому что они жили, пульсировали, то поднимались, то опускались, а то и вовсе пропадали.

След вел вокруг большого валуна. Стэн чуть было не погиб — этот валун был созревшим растением, которое в этот момент со взрывом «расцвело» — раскрылось, чтобы выбросить «споры», и при этом отшвырнуло Стэна. Он поднялся и пошел дальше, теперь держась подальше от валунов.

След бежал по холмам, потом спускался в долину и тянулся вдоль реки жидкого металла.

Что-то очень легко все складывается, предупреждающе зазвенело в голове Стэна. Он вглядывался в окрестности сквозь желтое марево, стараясь побыстрее определить направление следов — ветерок их быстро заносил. Следы вились по долине и пропадали в груде камней.

Там Стэн обнаружил маленький грот — на самом его пороге сохранилась не унесенная ветром металлическая стружка. Извилистый грот вел в сторону реки.

Стэн стал осторожно продвигаться по гроту вслед за Стинберном. Не прошел он и трех шагов, как его осенило: да что ж это я! Ведь не зря в старой шутке задается вопрос: как узнать человека из отряда «Меркурий»? По тому, что он ходит задом-наперед.

Грот был ловушкой. И только Стэн сообразил это, как откуда-то сверху, с камня, на него прыгнул Стинберн — и они покатились по дну грота. Стинберн норовил разбить лицевой щиток капитана своим арбалетом, но Стэн ударом кулака отшвырнул его, и доктор выкатился на желтую пыль.

Стэн успел вскочить на ноги к тому моменту, когда Стинберн нажал на спуск арбалета, и пригнуться за долю секунды до выстрела — это его и спасло.

Двое мужчин в огромных скафандрах, которые превращали их в смешные карикатуры, стояли друг перед другом на площадке, и желтоватая металлическая пыль чуть вихрилась у их ног.

Стинберн включил радиосвязь.

— Кто вы? С кем я имею дело?

Стэн не был мастером эффектных сцен. Он сказал просто:

— Я капитан Стэн. Служу Его Величеству. У меня ордер на ваш арест, доктор Стинберн.

— Что мне ваш ордер, — сказал Стинберн. — У меня свидание со смертью.

— Все мы с ней рано или поздно встретимся, — сказал Стэн, гадая, к чему клонит доктор.

— Я скажу вам на прощание, капитан... Стэн, значит, ваша фамилия?

— Доктор, не говорите, словно вы собираетесь умирать. Я намерен сохранить вам жизнь.

— Сохранить жизнь? — удивился Стинберн. — Чего ради мне жить? Ведь понятно, что все сорвалось. Или нет?

Слова Стинберна показались Стэну лепетом безумца. Не впервые он встречал сумасшедших, но все-таки ему стало не по себе.

— Все сорвалось? Что сорвалось?

— Вы хотите, чтобы я все рассказал? Вы тут за этим?

— Разумеется, хочу.

— Капитан, вам не мешало бы знать, кем я был на самом деле.

— Вы служили в разведотряде «Меркурий». И мне доводилось служить в нем, — сказал Стэн, незаметно продвигаясь влево от доктора.

— Да, при других обстоятельствах и в другое время мы могли бы быть друзьями...

Стэн застыл, как будто обдумывал слова доктора.

— Да, — сказал он медленно, тоном размышления. — При других обстоятельствах мы могли бы стать друзьями. Ведь я когда-то, черт побери, мечтал стать врачом.

— Но это могло случиться только в давно прошедшие времена, — сказал Стинберн, и Стэн сообразил, что он вполне нормален, просто ведет какую-то игру.

— Свидание со смертью не у меня одного. У нас обоих.

— Это мы еще посмотрим. Валяйте, доктор.

И Стэн приготовился к бою.

— Нет, кулачный бой тут ни при чем. Вы умрете, капитан. Здесь и сейчас. Но мне кажется несправедливым, если человек умирает в невежестве. Я вас просвещу предварительно. Это Заара Ваарид.

Стинберн замолчал. Стэн крутанул ручку усиления звука. Ничего. Он понял, что последние два слова и были объяснением.

За годы службы в отряде Богомолов Стэн узнал множество способов, которыми агент может покончить жизнь самоубийством. Поэтому он понял, что Стинберн внутри скафандра дергается неспроста — хочет свести плечи, и тогда...

Стэн стремглав бросился за камни, покатился — в исступленной надежде, что эти живые минералы смогут защитить его от взрыва...

Первый взрыв был не слишком громким — бомба, вживленная Стинберну на место аппендицита, не обладала уж очень большой взрывной силой. Второй хлопок был мощней — взорвался кислород в системе жизнеобеспечения скафандра.

Стинберн превратился в факел огня и покатился по дну грота.

Вскоре все стихло, только выла поземка. Стэн выглянул из-за камней. От Стинберна остались догорающие обрывки матерчатых частей скафандра.

«Заара Ваарид», — мысленно повторял капитан, направляясь обратно к куполу. Что ж, это ниточка. Но Стэн отлично знал, что одной ниточкой тут не обойдешься.

Он возвращался по остаткам своих следов, сверяясь с компасом. Он спешил. Прежде всего надо выручить Алекса. Если сержант еще жив, это не составит труда.

Настоящим же испытанием станет встреча с Императором. Ведь они вернутся с пустыми руками.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

«ЩЕЛКУНЧИК»

ГЛАВА 33

Двухэтажное, причудливой формы здание Блю-Бхор тянулось по берегу реки Уай. Это была построенная почти столетием раньше гостиница-харчевня, которая обслуживала жителей долины — местных рыбаков и фермеров. Долина по краям плавно поднималась, переходя в гряду низких серовато-голубых гор. В этой долине можно было сносно жить, промышляя рыбной ловлей, или кое-как сводить концы с концами, обрабатывая землю, — снова и снова выбирая из нее камни и непрестанно ворча, что здешняя почва родит больше камней, чем картофеля. Но жизнь в живописной долине не была лишена прелести для того, кто обосновывался здесь прочно и надолго и растил детей.

Однако в один прекрасный день долину открыли праймуорлдские спортсмены. С тех пор каждый рыбный сезон туристы наводняли долину, чтобы половить хитрую шуструю золотую рыбешку, которой в местной реке было видимо-невидимо. Построили новые дороги. Затем сюда потянулись предприниматели, и кончилось тем, что в исконно фермерском краю появился городок — Эшли-на-Уай.

С тех пор как в долине начался туристический бум, для Блю-Бхора наступила пора процветания. Начинало заведение как харчевенка с комнатами наверху. Затем она переходила из рук в руки — каждый новый владелец делал пристройки и с выгодой продавал гостиницу следующему хозяину. Теперь в Блю-

Бхоре было больше дюжины роскошных комнат с каминами, два ресторана, а кухня занимала столько же площади, сколько изначальное здание харчевенки. Поскольку каждый новый владелец занимался достройкой — прибавлял комнату, или внутренний дворик, или, на худой конец, новый камин, то не было ничего особенного, что и в этот день у здания суетились строители: что-то сгружали, что-то поднимали лебедкой.

Работами распоряжался самый последний хозяин гостиницы — Крис Фрай. Этот высокий худой мужчина, отставной военный, купил заведение на свои пенсионные сбережения, и дела у него шли не то чтобы очень хорошо. Вся беда заключалась в том, что он был человеком добрым, любил угощать за свой счет полюбившихся клиентов, к тому же очень много времени проводил на реке с удочкой, вместо того чтобы спешить заработать лишний грош. Да и любил он по-настоящему только рыбаков — местных и настоящих профессионалов среди приезжих. Сам заядлый рыбак, он имел обыкновение калякать с другими рыбаками и угощать эту в основном небогатую публику.

Незадолго до появления Стэна Фрай подумывал о продаже гостиницы — сбыть ее с рук и провести остаток жизни спокойно, с удочкой в руках. Стэн и Фрай были наслышаны друг о друге, и с первых же минут знакомства очень подружились — как могут подружиться два ветерана из отряда Богомолов. Хоть служили они в разных местах, им было что вспомнить.

Последние годы службы Фрай провел в том подразделении Богомолов, которое контролировало переход власти на планетах звездного скопления Лупус. Власть переходила от народа религиозных изуверов к добродушным мохнатым борам, которые установили мягкий режим правления. Не один день Фрай провел в компании бхоров, попивая стрегг и произнося тосты за матушкину бороду и отмороженный папашин зад. Он выслушал не меньше тысячи разных историй про то, как Лупус стал переходить под власть бхоров. Большая часть этих историй походила на сказку. И героем многих из этих баек был один человеком — удалец и бабник по имени Стэн. Все бхоры соглашались, что этот Стэн был самым большим драчуном, любовником и пьяницей в бхорской истории. Тем не менее они любили каналью, даром что он принадлежал к другой, человеческой расе.

— Говоря по правде, — признался Стэн Фраю, — эти истории припахивают враньем. За все время, что я там провел, мне удалось трахнуться только пару раз, да и почти во всех драках я был бит — кроме самой последней.

— Ну, эта последняя и была самой важной, — возразил Фрай.

— Может быть, может быть, — согласился Стэн. — Однако пока я там был, все равно что голым задом на раскаленной плите сидел. Этих чертовых бхоров не перепьешь — разве что у тебя припасены таблетки от опьянения. Но и с таблетками я всякий раз заканчивал вечер под столом, а похмелье мучило по двое суток!

Фраю Стэн очень нравился. Хотя он про себя решил, что молодой человек просто врунишка, который служил в отряде Богомолов и присвоил себе имя Стэна. Настоящий Стэн не мог быть таким... таким обыкновенным. В воображении Фрая рисовался какой-то супермен, с которым страшно садиться выпивать, — ведь бхоры робели перед его способностью пить. С другой стороны, с настоящим, идеальным Стэном, наверное, было бы очень трудно общаться. Поэтому когда Стэн представился, Фрай без смешка принял его псевдоним, хотя знал, что по Вселенной мотается не меньше полусотни таких вот «Стэнов». Ребята из отряда Богомолов склонны к мистификациям.

И вот однажды, в конце длинной-предлинной вечеринки в блю-бхоровском стиле — то есть когда стол ломился от всякой снеди, от жареной рыбы и дичи, а десертам не было числа, — Фрай и Стэн ударили по рукам. Фрай разрешил Стэну и Хейнз превратить свою гостиницу в «надежную явку», то есть в место, где исключается наблюдение и электронное прослушивание. Здесь Император мог на время скрываться, вести переговоры с нужными людьми. Благо был мертвый сезон, Фрай закрыл заведение на ремонт — как бы для очередных переделок. Чтобы переделка обошлась дешевле, решили поселить строительную бригаду в самой гостинице.

Для обоих мужчин это была выгодная сделка. Ведь дабы никто ничего не заподозрил, нужно было на самом деле перестроить гостиницу, а не просто начинить ее соответствующей аппаратурой. Все расходы шли за счет императорской казны. Счета за комнаты рабочих и их питание Фраю оплачивались исправно — если какой-либо проныра сунется в

его бухгалтерские книги, он не обнаружит ничего странного. Щедрое финансирование позволило Хейнз пригласить под видом постояльцев-отдыхающих большую команду экспертов. А на грузовиках со стройматериалами привезли огромное количество необходимой электронной аппаратуры.

Словом, для Фрая этот год оказался золотым — особенно если учитывать, что такие заработки привалили ему в мертвый сезон. Он даже подумывал остаться хозяином гостиницы еще несколько лет — Стэн платил ему так щедро, что Фрай мог беззаботно ловить себе рыбку круглый год.

Сейчас Хейнз устало прошла в бар и села на высокий стул у стойки. Во дворе последняя группа рабочих сгружала оборудование с гравитолета. Хейнз потянула носом, пригнувшись к рукаву своего рабочего комбинезона, и поморщилась.

— Несет от меня, как будто я две недели пролежала в могиле!

Фрай еще раз провел тряпочкой по и без того блестящей поверхности стойки, достал высокий стакан и налил лейтенанту пива. Придвинув стакан, он чуть перегнулся к ней и внимательно принюхался.

— А по мне, так ничего! — с ухмылкой сказал он. — Меньше пахнет полицейским, а больше честным трудовым потом.

Хейнз глянула на него исподлобья и молча быстро осушила стакан. Это немного исправило настроение, которое улучшилось еще больше, когда Фрай снова наполнил ее стакан до краев.

— Вы, похоже, не любите полицейских, а?

— А какой нормальный человек их любит?

Хейнз снова насупилась, но потом коротко рассмеялась.

— Вы правы. Даже полицейские не любят полицейских. Поэтому я переметнулась в отдел по расследованию убийств. Когда ты детектив и погружена с головой в свою работу, другие полицейские-недоумки не рвутся тебе в друзья.

Фрай хотел что-то возразить, но послышался звук шагов, и в бар по ступенькам поднялся седоватый мужчина. Вид у него был крайне неухоженный, одежда ветхая, старомодные штаны с заплатами. В руках он держал удочку.

— Бар закрыт! — пренебрежительно бросил Фрай оборванцу с удочкой.

Мужчина никак не отозвался на его слова. Он стоял на пороге и глазел по сторонам, немного щурясь с яркого солнца.

— Я сказал: не обслуживаем! — повторил Фрай.

— Идет ремонт, — пояснила Хейнз, чтобы чужак побыстрее убрался.

Оборванец потряс головой, потом прошаркал к бару и сел на высокий стул.

— Такой поганой рыбной ловли у меня не было по меньшей мере сто лет! Жуть как хочется холодного пивка. — Положив на стойку несколько банкнот, он продолжил: — Кружку пива. Нет, давайте сразу целый кувшин!

Фрай отпихнул его деньги.

— Мистер, раскройте уши. Я вам человеческим языком говорю: бар закрыт. У нас идут перестроечные работы.

Незнакомец насупился.

— Что ж мне — в Эшли переться за кружкой пива? — Тут он покосился на хейнзовский стакан с шапкой пены. — Ей-то вы дали! Стало быть, кого-то обслуживаете. Я не хуже других. Плачу двойную плату. Кран работает. Чего вы привередничаете?

У Хейнз заколoло затылок. Тут что-то не так. Ее рука скользнула в карман комбинезона и нащупала револьвер. Она встала со стула и отступила на несколько шагов, не спуская глаз с настырного оборванца и косясь на дверь.

— Когда вам что-то говорят, мистер, — сказала она, выхватывая револьвер, — извольте прислушиваться. А теперь берите свою удочку и проваливайте. Бар закрыт.

Фрай тоже потянулся к чему-то под стойкой.

— А если я не желаю уходить, то что? — в растяжечку спросил незнакомец. Затем он ленивым жестом подтянул к себе хейнзовский стакан с пивом и спокойно осушил его. Со стуком поставив стакан на стойку, он насмешливо переводил взгляд с Фрая на Хейнз и обратно.

— Лейтенант! — громыхнуло за ее спиной.

Она полуобернулась на голос Стэна — так, чтобы не выпускать оборванца из поля зрения. Тот широко улыбался...

Внезапно Стэн подскочил к ней и выбил оружие из ее руки. Она чуть было не кинулась кошкой на любовника, но застыла на месте, вытаращив глаза. Стэн вытянулся перед оборванным рыбаком.

— Извините, Ваше Величество, — произнес он, — мы не ожидали вас сегодняшним утром.

Подбородок Хейнз отвис чуть ли не до того места, где у нее начиналась грудь.

— Не переживай, — сказал мужчина. — Я решил появиться заранее — немного поудить рыбку.

Стэн прошел за стойку и налил Императору кружку пива. Рыбак-забияка разом осушил ее, потом повернулся к Хейнз и подмигнул.

— Ваше Величество, — начал Стэн, — разрешите представить вам лейтенанта Хейнз...

— Так это действительно Император собственной персоной. Ну дела...

Император поклонился, не вставая с высокого табурета.

— Ваш покорный слуга, мэм.

Стэн вынужден был подхватить Хейнз за локоть, потому что у бывалого полицейского, детектива из отдела по расследованию убийств, слегка подкосились ноги.

— Заара Ваарид, Заара Ваарид, — повторял Император, катая эти два слова по небу, стараясь разбудить свою память. — Нет, не вызывает никаких ассоциаций... И он больше ничего не сказал?

Стэн тяжело вздохнул.

— К сожалению, это были его единственные слова. Мне очень жаль, но я плохо справлялся со своими обязанностями с тех самых пор, как вы назначили меня вести это дело. — Он придвинул кружку пива к себе, потом решительно отпихнул. — Ваше Величество, я полагаю, мне следует...

— Уйти в отставку? — прогремел Император. — Черта с два! Я по уши в дерьме, а ты хочешь юркнуть в сторону и прохлаждаться!

— Осмелюсь заметить, Ваше Величество, — не сдавался Стэн, — что я не преуспел ни на одном этапе при выполнении вашего задания.

Император начинал багроветь от гнева, однако Стэн упрямо замахал вскинутыми руками, настаивая на том, что каждый человек имеет законное право при желании оставить работу.

— Все мои действия свелись к тому, что я потратил грузовик денег ради наперстка информации. В итоге мы не имеем

ничего, кроме кое-каких предположений и сомнительных слухов. Замечательный результат!.. Да, я вышел на Стинберна. И получил его труп. При этом заварил страшную кашу на Кулаке, и вам придется года два утихомиривать тамошних разбушевавшихся шахтеров. Из этой горе-экспедиции я привез два никому не известных слова. Если бы это была операция Богомолов, то вы или Махони оторвали бы мне голову, а что осталось бы — сунули в морозильник.

Император задумался — то ли для устрашения капитана, то ли всерьез обдумывая варианты казни незадачливого детектива. В конце концов он громко фыркнул, потом протянул Стэну свою кружку, чтобы тот наполнил ее лучшим пивом из запасов Криса Фрая.

— Я занимаю то место, что занимаю, благодаря умению быстро принимать решения и затем неуклонно проводить их в жизнь, даже если наружу вылезают какие-то погрешности. Иногда я попадал впросак из-за такой стратегии, но чаще — побеждал. Можешь сколько угодно рыться в исторических архивах — они только подтвердят, что маленький избыток самоуверенности никогда мне не вредил.

Стэн прикусил язык — было бы политической ошибкой затевать дискуссию насчет размеров императорского «избытка самоуверенности». Поэтому капитан допил свое пиво, набрал побольше воздуха в легкие и — с вежливым наклоном головы — произнес:

— Покоряюсь Вашему Величеству. Что прикажете?

Император какую-то наносекунду прикидывал в уме, до какой степени следует посвящать в свои планы молодого человека, сидящего перед ним. Но он не мог не заметить, каким цепким взглядом наблюдает за ним проницательный капитан — понимая, о чем сейчас думает собеседник.

— Дело заключается в следующем, — быстро заговорил Император, так и не решившись довериться капитану до конца. — Таанцы берут меня за горло и настаивают на переговорах по определенному вопросу. Мои советники резко возражают — дескать, Таанский Союз приличные государственные образования не признают из-за его одиозной политической системы, выходит, не может быть и речи о том, чтобы сесть за стол переговоров с ними.

Император замолчал.

— Однако вы считаете, — сказал Стэн, — что в каком-то виде встреча состояться может. Так?

— Не может, а должна, — со вздохом ответил Император. — Я пробовал увильнуть: дескать, если будете настаивать на встрече с первым лицом Империи, переговоры могут и не состояться. Если я лично проведу переговоры, это станет признанием таанской военной аристократии де-факто. В некоторых частях Империи мне этого не простят. Да и негоже, чтобы всякие там инопланетцы крутили Вечным Императором по своему усмотрению, во избежание подрыва самих основ имперской системы. Нельзя разрушать окружающий меня мистический ореол власти. Это не потворство моему раздутому «я», капитан, это забота о том важном, что цементирует воедино разрозненные миры.

— Итак, вы тянете время, — промолвил Стэн.

— А разве вся дипломатия не есть искусство тянуть время и водить за нос? — с улыбкой спросил Император. — Кое-кто из моих самых дорогостоящих юристов придерживается иного мнения, но я считаю, лучше протирать штаны на переговорах, чем рвать их в клочья на войне.

Император допил пиво и встал.

— А разлад с таанцами не рядовой войненкой закончится, а настоящей, страшной войной.

Властитель уже направился к выходу, но в последний момент оглянулся и одарил Стэна чарующей улыбкой:

— Разумеется, если бы я мог предъявить миру кучку заговорщиков, то мигом поставил бы таанцев на место.

— Как долго вы сможете увиливать от переговоров? — спросил Стэн.

— Времени в обрез, — сказал Император. — Продолжайте копать — до самого последнего момента.

Стэн кивнул.

— Я из-под земли добуду мерзавцев.

— Верю. И надеюсь.

С этими словами Император подхватил свои удочки и пошлепал прочь.

Пока Стэн смотрел на удаляющуюся спину, его фантазия не могла не рисовать различные, но весьма схожие между собой варианты его судьбы, если он все же не добудет мерзавцев.

* * *

Даже для операции отряда Богомолов Стэн, Алекс и лейтенант Хейнз не могли бы создать лучшей «надежной явки». Чудо, совершенное этой троицей, было тем удивительней, что при оборудовании здания и дальнейшем обслуживании «надежной явки» взаимодействовали сразу три департамента, сотрудничество между которыми при любых других обстоятельствах было немыслимо. Даже циничный Алекс был поражен всеобщим взаимопониманием и рвением.

Прежде всего требовалось обеспечить абсолютную безопасность. Стэну и Алексу нужны были самые крутые ребята для охраны, которые могли бы взять любого, кто вздумал бы шататься вокруг старой гостиницы. Поэтому они с должной осторожностью набрали команду из своих старых приятелей по службе в отряде Богомолов — искали отставников или организовывали нужным парням отпуск по болезни. Эти ребята не ворчали, что их приглашают на скучное дело. Для друзей они готовы были разбиться в лепешку.

Нельзя было обойтись и без полиции и имперской службы безопасности. Тут ответственной за подбор нужных людей была Хейнз.

Дело поставили так: дюжие парни из отряда Богомолов, приятели Стэна и Алекса, дежурили двадцать четыре часа в сутки снаружи, а люди Хейнз работали внутри гостиницы. Временами Стэн и Алекс уставали от общения с полицейскими, не выдерживали и приглашали внутрь своих приятелей. Букет полицейских экспертов, собранных Хейнз, гарантировал то, что все они будут присматривать друг за другом. Это были специалисты, обладавшие талантами в разных областях — от хакеров, умевших проникнуть в память любого компьютера, до компьютерных программистов и техников, а также асов по части подслушивания, чьей задачей было подслушивания не допустить. Это были люди умные, достойные доверия — и друзья Хейнз.

Стэн отдавал им должное — работали они первоклассно. Именно они вышли на след сперва Динсмена, а потом и Стинберна. И то, как они взялись за дело в гостинице, которую переделывали под «надежную явку», было достойно восхищения. Будь за операцию ответственно начальство отряда Богомолов, здесь установили бы самый совершенный, самый мощный компьютер — и потом путались бы в чаще миллионов плохо систематизированных файлов. К тому же такой

компьютерище был очень уязвим для проникновения со стороны. Огромной проблемой Прайм-Уорлда было то, что каждое маломальское предприятие или фирма, не говоря уже о специальных службах и профессиональных бандитах, — все, кому не лень, норовили заглянуть в чужие информационные банки. Прайм-Уорлд был не только столицей Империи, он был столицей шпионажа, и на промышленный и прочий шпионаж тратились фантастические суммы.

Вот почему в целях безопасности глава компьютерной службы Блю-Бхора Лиз Коллинз предложила оригинальное решение: установить сеть из примерно пятидесяти компьютеров, каждый из которых был не умнее пятилетнего ребенка. Но когда эти не ахти какие мощные и не самые современные компьютеры особым образом соединили в мыслительную цепь, получился удивительный разум с огромным запасом памяти и уникальными способностями. С этой компьютерной системой мало что могло соперничать на всей планете. А что еще важнее — подобная сеть компьютеров была абсолютно гарантирована от проникновения извне, а сама умела проникать в чужие банки информации так искусно, что не оставляла следов. Дополнительным преимуществом этой сети было то, что Лиз научила ее незаметно воровать электроэнергию. Специальный токосъемник был подключен к кабелям нескольких компаний по производству электроэнергии и воровал энергию такими малыми единовременными дозами, что никакие приборы не показывали ущерба. Это было важно, потому что ни у кого не возникало вопроса: отчего гостиница Блю-Бхор вдруг стала потреблять электроэнергию в таких бешеных количествах?

Что касается Алекса, он оценил Лиз Коллинз не столько как специалиста, сколько как женщину. Ему страстно захотелось познакомиться с ней поближе. Она была немного выше его ростом и отличалась именно той пышностью форм, которая так нравилась старшине. В то же время, невзирая на пышность форм, Лиз была женщиной крепкой.

Первая встреча с ней произвела на Алекса неизгладимое впечатление. В начале переоборудования гостиницы его гравитолет с грузом завяз в болотистой низине неподалеку от Блю-Бхора. Пока Алекс суетился вокруг машины, проходившая мимо Лиз наклонилась, крякнула, приподняла гравитолет — и тот легко вышел из трясины. Алексу невольно

представилось, как эти мускулистые руки обнимают его. Только тут он понял, как давно его не обнимали *по-настоящему.*

Главный терминал компьютерной сети, установленной Коллинз, находился в самом просторном зале гостиницы, который назывался Покоями короля Джилла. Когда Алекс зашел в Покои короля Джилла и увидел сидящую за рабочим столом Лиз, ему понадобилась вся сила воли, чтобы вести себя более менее прилично и хоть на какое-то время отлепливать свой взгляд от ее мускулистого, но увесистого зада. Талия у нее что надо, думал он, облизывая пересохшие губы. И действительно, талия у Лиз Коллинз была узкой. Зато плечи были широкие, внушительные, а грудь — пышности необыкновенной. Когда настоящий шотландец видит женщину с такой фигурой, он точно знает, что у него шевелится под юбкой.

Лиз отвела взгляд от экрана и приветливо посмотрела на Алекса. Сержант так и растаял от ее взгляда с поволокой.

— Вы принесли мне выпить? Как мило с вашей стороны. Но может, мы погодим с этим? Я вот-вот должна получить важный результат.

Алекс готов был выпить море или умереть от жажды — как она прикажет.

— Да я не то чтобы очень хочу пить. Выпьем, когда вам будет угодно... Есть новости в работе?

Лиз повернулась к экрану и застучала по клавишам.

— Сейчас мы ведем поиски в двух направлениях. Первое направление самое сложное.

— Касательно Заара Ваарид?

— Да, относительно последних слов Стинберна. До настоящего момента ни в одной области поиска не мелькнуло ни одного намека. И, поверьте, этих областей мы перебрали невероятное количество! Просмотрели все словари, все энциклопедии... Да чего мы только не проверили!

— А может быть...

— Не пробуйте подсказать. Компьютеры прочесывают все подряд, все возможные варианты. Беда в том, что тотальное прочесывание займет чудовищное время. Даже при наличии компьютеров такого быстродействия, как наши.

Лиз ласково улыбнулась терминалу компьютерной системы Блю-Бхора. Эта система была ее детищем, которым она очень гордилась.

Алекс вздохнул про себя: отчего я не этот компьютер?

— Голубушка, — сказал он, — нельзя так терзать свою умную головку работой. Почему бы вам не бросить все и не пойти поплясать со мной?

Он ухарски склонился над столом, но строго следил за собой, потому что его рука так и норовила обвиться вокруг тонкой талии Лиз. Девушка улыбнулась в ответ на его слова — и комната будто осветилась вспышкой света. Сердце Алекса каждый раз начинало бешено колотиться, когда Лиз одаривала его своей улыбкой. Случалось это, увы, не часто. Уж слишком она была увлечена своей работой. Сейчас он взирал на нее умиленно, с пунцовым лицом и херувимской улыбочкой на пухлых губах.

— Мне кажется, мы скоро нащупаем нечто важное, — сказала Лиз.

Алекс вглядывался в буковки и цифры на экране — они плыли перед глазами. Нет, скоростной просмотр информационных блоков не для него!

— Похоже, вы взяли покойного доктора Стинберна в крест окуляра! — несколько подобострастно промолвил сержант. — Ему от такого снайпера не улизнуть!

Лиз с энтузиазмом закивала. Алексу она нравилась еще больше в запале охоты на информацию.

— Мы его прищучим! Смотрите. Он создал полдюжины подставных фирм на отдаленных планетах. Всякий раз, когда он переходил на новую работу или занимался консультациями, деньги проводились через одну из этих подставных фирм.

— Ловкий способ увильнуть от налогов.

— Вы правильно поняли. И такой способ, что за руку никак не поймаешь. Этот доктор был голова.

— А второе направление поисков? Наверное, вы исследуете биографию Стинберна?

Лиз кивнула.

— Ситуация прямо противоположная. Там было море информации, в котором я тонула, а тут информации кот наплакал. Этот парень умел заметать следы. Опыт службы в разведке ему ой как пригодился! Он использовал буквально все известные разведчикам штучки.

— Но вы-то все его штучки разгадаете! — воскликнул Алекс. — От вас и самый большой умник ничего не скроет!

Лиз покраснела.

— Да, кое-что я умею, — скромно сказала она.

Алекса так и подмывало ласково потрепать красавицу по одной из округлостей... А вдруг Лиз неправильно поймет его? Или поймет слишком правильно? А может, просто правильно?.. Нет, надо сосредоточиться на работе!

Еще раз прочистив глотку, он сказал:

— Вы еще что-нибудь выяснили, кошечка моя?

Лиз протянула ему листок с распечаткой.

— Не знаю, есть вот это.

Алекс просмотрел текст — отчеты на полицейском жаргоне о четырех смертях. У всех четырех смертей были две общие черты: люди умерли в результате несчастных случаев, причем весьма странных; и все смерти произошли в окрестностях дворца. Алекс пробежал глазами описание случаев, потом стал внимательно читать о первой смерти. Женщина. В крови большое количество алкоголя. Захлебнулась собственной рвотой. На шее небольшой синяк. Эта женщина какое-то время назад дезертировала из преторианской гвардии.

Что-то всплыло в памяти Алекса. Он просмотрел нужные места в других отчетах, и в его мозгу забрезжил ответ.

— Вы правы, голубушка, ваш ум работает как часы!

Он указал Коллинз на третью общую странность четырех смертей, подчеркнув ногтем важные места в тексте.

— Все четверо служили прежде во дворце, — воскликнула Лиз. — Бывший чиновник. Бывший техник. Бывший охранник в музее. И у всех...

— Да, у всех куча друзей-приятелей во дворце! — закончил за нее Алекс.

Лиз тяжело вздохнула.

— Стало быть, никаких несчастных случаев. Всех четверых использовали, а затем убили.

Оба были готовы погрузиться в уныние от бесплодности своего поиска, когда экран вдруг покраснел и замигал. Так компьютер извещал о том, что нашел очень любопытную информацию. Лиз даже вскочила. После тысяч часов работы наконец нашлось кое-что действительно существенное. Как Стинберн не путал следы, они «прищучили» его.

— Матерь Божья! — прошептал Алекс. — Этот сукин сын работал на Каи Хаконе!

ГЛАВА 34

— Никогда прежде не видел подобных штуковин, — сказал Каи Хаконе. — Вы разрешите посмотреть с более близкого расстояния?

Стэн протянул ему пластиковую карточку — удостоверение офицера императорской личной охраны, содержащее — в целях безошибочной идентификации — информацию о запахе ее владельца и его неповторимом сердечном ритме. Пока Хаконе держал карточку в руке, императорский герб на ней ярко пульсировал.

— Говоря откровенно, капитан, — произнес Хаконе, возвращая Стэну его удостоверение, — я теряюсь в догадках относительно того, что вас привело ко мне. Но пришли вы очень вовремя.

Стэн вопросительно хмыкнул. Хаконе собирался ответить, однако его слова заглушил пронзительный вой взлетавшего космического корабля, который на высоте менее полукилометра включил драйв Юкавы.

Особняк Хаконе находился на самом высоком холме возле Соуарда и выходил окнами на этот крупнейший праймуорлдский космопорт. Некогда дом был построен в свободное от работы время капитаном грузового космического грузовика — здесь космический волк намеревался жить, уйдя на покой. Капитан до пенсионного возраста, увы, не дожил — роковым образом предложил полупервобытному народу на одной планете в виде платы за их товары что-то вроде дешевеньких бус, тогда как воинственные обитатели далекого мира интересовались лишь колющими и режущими орудиями убийства.

Поскольку шум космопорта и взлетающих кораблей отпугивал тех богатых праймуорлдцев, что могли позволить себе роскошный особняк, то Хаконе приобрел дом почти за бесценок. Оформив по-своему интерьер и кое-что перестроив, писатель сделал существенное дополнение к особняку — возвел на заднем дворе сферический павильон-планетарий, который он сам называл боевым залом.

Вой драйва Юкавы прекратился, корабль перешел на совершенно бесшумный драйв АМ-2 и мгновенно исчез в небе.

— Мне нравится жить среди звуков того, о чем я пишу, — обронил Хаконе в виде пояснения и жестом пригласил Стэна внутрь. — Как по-вашему, капитан, время не слишком раннее для того, чтобы промочить горло?

— Солнце уже взошло, не правда ли?

Хаконе улыбнулся и повел гостя через просторную прихожую и еще более просторную гостиную в свое «логово».

Рабочий кабинет, который Хаконе обычно называл «логовом», был стилизован под старинную земную библиотеку, но с существенными современными прибавлениями. Шкафы до самого потолка — двадцатиметровой высоты — хранили неисчислимое множество видеокассет, архивные документы и даже архаичные бумажные книги. В центре комнаты располагался низкий длинный стол. Но на этом сходство с библиотекой восемнадцатого века, принадлежащей какому-нибудь графу или маркизу, заканчивалось. Стол был уставлен компьютерными терминаторами; видеокассеты, документы и книги с полок доставала лестница-робот.

Хаконе подвел Стэна к шкафчику-бару, способному похвастать, как краем глаза заметил капитан, богатейшим выбором напитков.

— Виски у вас есть? — спросил Стэн.

— А-а, вы переняли привычки Императора! — Хаконе взял бутылку и наполнил до середины два стакана.

Стэн только пригубил виски и поставил стакан на столик. Хаконе сделал то же самое.

— Почему вы сказали, что я пришел вовремя, многоуважаемый господин Хаконе?

— Я как раз собирался пообщаться с вами, — сказал Хаконе, приглашая Стэна присесть на широкую кушетку. — Вы, часом, не видели мою последнюю пьесу? Ту, что показывали перед самым Днем Империи?

— К сожалению, я был на дежурстве.

— Ну, судя по высказываниям критиков, вы не много потеряли. В общем, сейчас я в поисках темы для новой работы. И вот мне пришла в голову занятная мысль — знаете ли вы, что еще никто не писал об истории императорского дворца?

Стэн сделал вид, что для него это новость, отрицательно мотнул головой и сделал глоток виски.

— А следует рассказать не только о самом дворце, но и людях, которые там служат, — возбужденно заговорил Хаконе как бы в порыве писательского энтузиазма.

— Любопытная идея.

— Вот и мне так кажется. Как, впрочем, и моему издателю. Разумеется, я бы стал больше писать о людях, живущих во дворце — по-настоящему меня интересуют только человеческие судьбы, а не технические штучки и архитектурные навороты.

Стэн ждал и помалкивал.

— Вы, должно быть, знаете, — продолжал Хаконе, — что я прежде всего военный историк. Если быть откровенным, у меня свои источники информации. И когда в голове зародился этот проект, первым делом я стал собирать данные о тех, кто в данный момент служит во дворце. Именно поэтому, кстати сказать, я так рвался познакомиться с вами на банкете, который устраивали Марр и Сенн. Ведь вы, капитан Стэн, человек во многих отношениях замечательный.

Стэн изобразил на лице глубокий интерес.

— Вы самый молодой начальник личной охраны Императора за всю историю дворца. Вам это известно?

— Да, адмирал Лидо отметил этот факт.

— Этот факт заинтересовал меня до такой степени, что я раздобыл документы о вашей предыдущей службе. Честно говоря, я спрашивал себя: достойны ли вы высокого поста?

Стэн поленился даже улыбнуться: он-то знал, что файл с его вымышленной биографией надежно засекречен. А правду о его прошлом знали только несколько человек в штабе отряда Богомолов, сам Император и генерал Ян Махони.

— У вас послужной список, которым можно гордиться: никаких взысканий, безупречная характеристика. Все командиры довольны и отзываются наилучшим образом. Плюс энное количество геройских поступков, которые были отмечены соответствующими наградами.

— Некоторым просто везет.

— Если говорить совсем откровенно, капитан, некоторым везет даже сверх меры.

Стэн молча допил виски.

— Капитан, как вам понравится, если я выскажу предположение, что ваш послужной список — чистейший вымысел?

— Не будь я у вас по делу государственной важности, многоуважаемый Хаконе, за такие слова — в зависимости от настроения — я угостил бы вас стаканчиком или расквасил вам нос.

— Я не хотел оскорбить вас, капитан. Просто высказываю предположение, что, по моему глубокому убеждению, вы получили назначение на свой нынешний пост благодаря успешной службе в частях «Меркурий» или в отряде Богомолов.

Стэн сыграл под дурачка:

— В «Меркурии»? Простите, господин Хаконе, я отродясь в разведке не служил, а про Богомолов и слыхом не слыхал.

— Другого ответа и не ожидал. Похоже, я лишь понапрасну обидел вас. Сменим тему разговора. Что вас привело ко мне?

Хаконе снова наполнил стаканы.

— Некоторое время назад вы наняли на службу некоего доктора Харса Стинберна, — быстро отчеканил Стэн с намерением застать писателя врасплох. Хаконе и впрямь резко отреагировал на вопрос — пожалуй, даже слишком нарочито: уронил на пол пробку от бутылки.

— Проклятье! Этот придурок опять что-то натворил?

— Опять? Многоуважаемый Хаконе, должен предупредить вас, что наша беседа записывается на магнитофонную пленку. Вы имеете право на присутствие адвоката и врача, дабы засвидетельствовать, что при снятии показаний не применялись методы психологического давления, равно как и меры физического воздействия или наркотические препараты.

— Спасибо за предупреждение, капитан. Нет нужды в таких официальных мерах. Доктор Харс Стинберн действительно работал у меня на протяжении четырех месяцев — прайм-уорлдских месяцев. Затем я уволил его — и хотел бы добавить, без положительной характеристики.

— Продолжайте, многоуважаемый господин Хаконе.

— Моим хозяйством обычно занимается от полусотни до трехсот слуг. Поэтому мне удобней иметь врача, постоянно живущего в моем доме. Это было первой причиной, почему я решил воспользоваться услугами доктора Стинберна.

— Была и вторая?

— Да. Он такой же боевой ветеран, как и я. Служил во время Муэллеровских войн и участвовал в битве за Сарагоссу.

— В которой участвовали и вы.

— А-а, вы тоже интересовались моей биографией.

— Да, я в курсе основных фактов вашей жизни. Почему вы уволили его?

— Потому что... нет, он врач толковый и работящий. Я бы даже сказал, очень хороший доктор. Я вынужден был расстаться с ним, потому что он полностью погружен в прошлое.

— То есть?

— Он ни о чем другом не хотел разговаривать, кроме своей военной службы. Ему казалось, что его предали.

— Предали?

— Быть может, вы уже знаете, что его выгнали из армии с громким скандалом. Но виновным он себя не считал — дескать, я просто выполнял приказ, а потом, когда дело было сделано, меня использовали в качестве козла отпущения.

— Империя, как правило, не практикует геноцид, господин Хаконе.

— Стинберн был убежден, что геноцид допустим и необходим. Короче, его навязчивые рассуждения о прошлом стали действовать мне на нервы. Вот почему я предпочел отказаться от его услуг, как только истек срок контракта.

Стэн хотел было задать еще один вопрос, но удержался. Тем временем в глазах Хаконе появилось задумчиво-отсутствующее выражение.

— Я использовал выражение «погружен в прошлое», не так ли? — Он разом осушил свой стакан. — Поскольку вы, капитан, имели случай ознакомиться с моей биографией, то моя ирония могла показаться вам неуместной — ведь я грешу тем же. Вам не кажется, что я зациклен на прошлом?

— Я не историк, ваша честь.

— А как вы относитесь к войне, капитан?

Стэну хотелось ответить искренне: считаю ее жуткой глупостью. Но он понимал, что такой ответ не придется собеседнику по вкусу. Поэтому он благоразумно промолчал.

— Я где-то читал, — продолжал Хаконе, — что война есть ось, вокруг которой вращается жизнь. Очень правильная мысль. Для некоторых из нас все в жизни действительно вращается вокруг войны. А для доктора Стинберна и, если быть совсем откровенным, для меня тоже жизнь клином сошлась на одном военном событии — битве за Сарагоссу.

— Могу только повторить: я не историк, ваша честь.

Хаконе взял оба стакана, прихватил из бара графин и направился к двери.

— Я мог бы рассказать вам, капитан. Но лучше покажу.

И он повел Стэна в свой «боевой зал».

Муэллеровские войны, которые завершились почти за сто лет до рождения Стэна, могли служить классическим подтверждением его определения войны. Колонии в созвездии Муэллер были созданы так поспешно и непродуманно и на таком расстоянии от Империи, что связь с метрополией оказалась чрезвычайно слабой. Имперские чиновники, которые заведовали связью с этими новыми мирами, ленивые и невежественные, запустили торговлю с созвездием Муэллер, не реагировали на нужды тамошнего населения.

В итоге население роптало, стали вспыхивать бунты под разными лозунгами: мол, лучше подчиняться хоть черту, чем поганой Империи. К тому времени, когда Император сообразил, что проблемы муэллеровского созвездия превратились в снежный ком, было уже слишком поздно. Оставался единственный способ привести подданных в повиновение — послать гвардейские дивизии.

Но оголтелый экспансионизм Империи проявился и в военном отношении. Войны велись с огромным размахом и в то же время бестолково. Время и место битв и даже противник — все это выбиралось чуть ли не на авось.

До сих пор, когда у Императора случался приступ безграничной самоуверенности, ему достаточно было вспомнить Муэллеровские войны, чтобы «вернуться на землю». Пока мятежные муэллеровские колонии не принудили к полукапитуляции, произошло много страшного. Сарагосская катастрофа числилась среди наихудших событий тех недоброй памяти лет.

Не было ни малейшего смысла завоевывать Сарагоссу. Да, в тамошней колонии возобладали изоляционистские настроения — надо было дать жителям Сарагоссы вкусить полной свободы: пусть познают ее минусы. Достаточно было спокойно ждать, когда не очень-то нужная Империи Сарагосса запросится обратно в ее состав. Вместо этого туда направили для усмирения целую Великую Флотилию плюс Седьмую гвардейскую дивизию. Впрочем, завоевание выглядело поначалу легкой прогулкой — трудно ли такими силами

поставить на колени звездный мир с одной-единственной планетой, которую защищает несколько примитивных искусственных спутников. На деле военная операция превратилась в сущий кошмар.

Самоуверенные адмиралы, отдавшие приказ о нападении на Сарагоссу, не дали себе труда задуматься над небольшой неувязкой: первоначально разведка донесла о наличии семи искусственных спутниках вокруг Сарагоссы, а при подходе к планете был обнаружен лишь один. В результате преступной халатности погиб почти миллион солдат.

Согласно плану операции транспортные корабли Седьмой гвардейской дивизии должны были войти в атмосферу планеты при поддержке пяти тяжелых боевых кораблей. И вот загадка отсутствия шести спутников разрешилась — когда транспорт и боевые корабли уже вошли в ионосферу.

Огромные спутники были взорваны, причем так искусно, что их осколки остались на орбите вокруг планеты. И на каждый осколок размером больше бейсбольного мяча был высажен сарагоссец-камикадзе — в скафандре и с реактивным двигателем в ранце. Вообразите, легко ли кораблям прорваться через густой пояс астероидов — с одних астероидов стреляют из пушек, а другие, мелкие, используют как торпеды, которыми управляют смертники!

Первый линкор был вмиг продырявлен и оказался не менее беспомощным, чем три транспортные корабля. Командующий десантом — адмирал Роб Гадес — спешно перебрался с остатками своего штаба на небольшой истребитель. А тем временем еще четыре линкора были взорваны и превращены в груду космического мусора.

На этом этапе операции было уже поздно отзывать транспортные корабли. Большинство из них погибли до того, как солдаты успели катапультироваться в спасательных капсулах. Спасательные капсулы остальных расстреляли с земли при спуске плотным огнем зениток и ракетами.

Именно в этот момент погиб корабль, которым командовал Хаконе. Сам Хаконе был контужен и лично не видел окончания боя. А закончился бой приказом адмирала Гадеса — *sauve qui peut,* то есть «спасайся кто может». Приказ об отступлении позволил сохранить оставшуюся треть десанта.

— В живых осталась только треть, капитан, только треть! — сказал Хаконе и погасил звездное небо над ними. — Больше миллиона погибших. Хорошая бойня, а?

Стэн внезапно вспомнил свой страшный опыт еще до окончания армейской подготовки — как на его глазах героически погиб Яаме Шавала и как он сам решил после этого, что его совершенно не тянет участвовать в масштабных битвах, да и в малых тоже... Однако тогдашнее свое обещание держаться подальше от кровавых событий он не выполнил... Стэн не стал раскрывать своих чувств — укрылся за туповатым:

— Не знаю, господин Хаконе.

— Не хотите знать, скорее. Но теперь, надеюсь, вам понятно, почему я взял Стинберна к себе на службу. Он прошел через тот же ад, что и я.

Стэн не мог не отметить про себя любопытный факт: пока Хаконе показывал ему ход битвы на полусфере планетария, он как-то незаметно выпил полграфина виски.

— Кстати, капитан, вам известно, что стало с Гадесом?

— Нет.

— За его — я цитирую решение трибунала — «отступление перед лицом врага» он был отстранен от командования и выпихнут в отставку. Думаете, это справедливое решение?

— Справедливое? Простите, господин Хаконе, мне никогда не доводилось исследовать понятие справедливости. Не знаю, что это такое. — Стэн встал и церемонно кивнул головой. — Засим позвольте откланяться. Спасибо за информацию, ваша милость. Если в ходе следствия возникнут еще вопросы, смею ли я надеяться на ваше дальнейшее сотрудничество?

— Можете, можете, — без выражения в голосе сказал Хаконе.

Стэн чуть было не решился спросить Хаконе в лоб, не знает ли тот, что обозначает словосочетание «Заара Ваарид». А вдруг эта шальная пуля угодит в цель? Вместо этого он выключил магнитофон и зашагал к выходу.

Если бы он вышел минутой раньше, он мог бы застать одного из слуг Хаконе за интересным занятием — тот прикреплял маленькую пластмассовую коробочку к корпусу капитанского гравитолета.

Выйдя из зала-планетария, Хаконе вернулся в библиотеку, где его поджидал полковник Фоли. Полковник выглядел мрачнее тучи.

— Полагаете, я допустил ошибку? — спросил Хаконе.

— Какого дьявола вы перед ним разоткровенничались? Зачем было рассказывать ему все это? Ведь это же личный детектив Императора!

— Я закидывал удочку, полковник.

— Чего ради?

— Прояви он хотя бы крупицу понимания и сочувствия — одной искорки в его глазах было бы достаточно! — мы бы попробовали привлечь его в наши ряды.

— В теории ваш план шик, а на деле пшик. Только зря распустили язык.

— На самом деле я добился важного результата — теперь понятно, что к капитану Стэну ни с какой стороны не подступиться. Зато по моему приказу к его гравитолету прицепили радиомаячок, и группа гвардейцев-дезертиров будет следить за ним, пока он не выведет их на «надежную явку», которую он использует в процессе своего расследования. Ну а после этого мы прикончим неподкупного капитанчика, так-то! Вы свободны, полковник.

Фоли вытянулся, отсалютовал писателю, повернулся на каблуках и вышел вон. Было в голосе Хаконе что-то такое повелительное... Полковнику и в голову не пришло спросить себя, почему он беспрекословно подчиняется человеку, который снял военную форму почти сто лет назад.

ГЛАВА 35

В центре затемненной комнаты светился большой настенный экран компьютера. В одном углу крупная надпись «ЗААРА ВААРИД» указывала цель поиска. По остальному пространству экрана бежали сменяющиеся строки. В данный момент компьютер исходил из предположения, что это словосочетание обозначает некий коммерческий продукт, и искал его в соответствующих разделах своей памяти — в частности, в архивах имперской патентной службы.

Лиз Коллинз, специалист-компьютерщик, сосредоточенно вглядывалась в строчки, бегущие по экрану, чтобы поймать

хоть какой-нибудь намек или обнаружить новую область поиска. Она останавливала каждую длинную строку, быстро прочитывала ее и нажимала клавишу. Сейчас она просматривала каталог домашней утвари, устаревшей лет на сто, а то и больше. Ей приходилось делать усилие над собой, чтобы внимание не рассеивалось: работа была утомительной и скучной. «Не расслабляйся, подружка, — думала она про себя. — Если эта работа кажется тебе скучной, достаточно подумать о том приятном, что последует за ней». Но тут она невольно застонала — после заключительных звездочек предыдущего громадного раздела на экран выскочил заголовок следующего раздела, самого чудовищного по своим размерам, — «ОБОРОНА».

Воздух за спиной Лиз качнулся, дверь открылась, и раздались мягкие шаги. Она обернулась. За ее спиной стоял Алекс с двумя кружками пива с аппетитными шапками пены.

— Хотите хлебнуть пивка, киска? — ласково спросил Алекс. — Надеюсь, я вам не помешаю, а?

— Конечно, — сказала Лиз, отвечая на первый вопрос. Заметив, что Алекс понял ее неправильно и поник, она поторопилась уточнить: — Конечно, я с удовольствием выпью. И конечно, вы мне не помешаете.

Коллинз перевела компьютер в автоматический режим работы — в случае обнаружения чего-то любопытного, машина подала бы сигнал, — взяв кружку из руки Алекса, сделала жадный глоток и ойкнула.

— Да это не просто пиво! — воскликнула она и улыбнулась, заметив, что в дно кружки вделан стаканчик.

— Коктейльчик, — пояснил Алекс. — Порция виски для смазки пивных пузырьков.

Лиз сделала неспешный долгий глоток.

— М-м-м-м, славный коктейльчик!

Она пересела на покрытую меховым покрывалом кушетку, закинула ногу на ногу и стала оправлять форменную юбку, подтягивая к коленям, но тут заметила, каким голодным взглядом Алекс смотрит на полоску ее голого тела выше чулка... и забыла до конца поправить юбку, а вместо этого призывно хлопнула ладошкой по кушетке рядом с собой.

Словно проснувшись, Алекс вздрогнул и несколько неуверенно двинулся к кушетке. Перед тем, как сесть, он тоже до странности долго колебался. А когда сел, принялся вни-

мательно изучать стену напротив, старательно избегая пытливого взгляда Лиз.

— Так, значит, — произнес он, когда молчать дольше казалось неприлично, — вы полагаете, что у нас есть шанс обнаружить подлинное значение абракадабры «Заара Ваарид»?

Лиз ничего не отвечала. Она просто отхлебнула пива.

— Я имею в виду, — лепетал Алекс дальше, путаясь в словах, — я в виду имею, значит, что вы столько работаете за компьютером, не щадя своей очаровательной... — он хотел сказать «попки», но вовремя поправился: — Не щадя сил, а значит...

— Алекс, — прошептала Лиз, перебивая его.

Он повернулся и взглянул ей в глаза — впервые с тех пор, как вошел в комнату.

— Да, киска.

— Нам обязательно говорить?

— Нет, киска.

— Тогда иди сюда.

До Алекса наконец дошло. Он обвил рукой талию Лиз, и в следующее мгновение сильные, но дивно нежные ручки обвились вокруг его шеи. Лиз и Алекс и не счаялись, как уже лежали рядом на кушетке.

И опять Лиз позабыла, что видна полоска кожи над чулком. Сейчас эта полоска расширялась, расширялась...

Им было не до экрана, а он между тем пульсировал красным цветом. Компьютер терпеливо помигивал, желая сообщить: я нашел! нашел! нашел!

На экране высвечивался текст:

«Источник: Джейнс *Исторические анналы.* Боевой космический корабль Заара Ваарид.

Далее следовали характеристики корабля, год постройки, вооружение, сведения об экипаже, история — вплоть до момента, когда «Заара Ваарид» закончил свой славный путь в качестве флагманского корабля во время битвы за Сарагоссу во времена Муэллеровских войн. Корабль был уничтожен в бою, девяносто процентов команды погибло...

К счастью для милующейся парочки, они прочтут эту информацию лишь спустя час-другой. И пока избавлены от горького разочарования. А предстоит им узнать, что расследование опять зашло в тупик, потому что боевого космического корабля «Заара Ваарид» попросту больше не существует.

ГЛАВА 36

Поднявшись с посадочной площадки возле особняка Хаконе, Стэн направил свой гравитолет от космопорта Соуард к императорскому дворцу. Миновав город, он снизился до пятидесятиметровой высоты. До сих пор капитан действовал согласно предсказанию Хаконе. Теперь он должен был направить свою машину к «надежной явке» неподалеку от Эшлина-Уай. Но сотни людей — из тех, кто остался в живых, — могли бы посоветовать Хаконе быть менее уверенным в своих предсказаниях, ибо Стэн — человек в высшей степени непредсказуемый.

Гравитолет Стэна внешне казался стандартным летательным аппаратом. На деле это было не так. И хаконской «шестерке» — тому парню, что прикрепил передатчик к стэновской машине, — стоило бы быть повнимательней и обратить внимание на то, что гравитолет основательно переоборудован.

Сейчас Стэн отдал управление автопилоту, который медленным ходом повел машину над лесом, а сам занялся проверкой и своей одежды, и гравитолета на предмет «жучков». На частоте 22,3 герца детектор заревел, как бент в брачный сезон. Стэн снял прибор с крепления и с ним в руке обошел свою машину по периметру. Понадобилось всего несколько секунд, чтобы обнаружить радиомаячок.

Перебирая в голове варианты действий, Стэн перевел управление в ручной режим. Решение было принято, и гравитолет взмыл на высоту в тысячу метров. Стэн изменил курс — направился в сторону Великого Южного моря. Тем самым он на восемьдесят градусов отклонился от первоначального курса на Блю-Бхор. Стэн мог только гадать, зачем к его машине прицепили маячок, но он решил: для пущей безопасности лучше пролететь несколько лишних тысяч километров, чтобы понять намерения противника.

Объяснение не заставило себя долго ждать. Бортовой радар ближнего действия запикал, предупреждая Стэна, что к нему сзади приближается некий объект. Стэн обернулся и всмотрелся в горизонт через гравитолетовский бинокль.

Если забыть о переоборудовании, машина Стэна была стандартной боевой машиной — открытая, четырехместная, с маклиновским движком, размером десять на пять метров.

А его настигал имперский гравитолет-бронетранспортер, предназначенный для перевозки целого взвода солдат, — тоже открытый, двенадцатиместный, размером вдвое больше стэновской машины.

В нагоняющем со скоростью шестьдесят километров в час аппарате Стэн разглядел шестерых мужчин. Он решил подыграть этим парням и замедлил ход своей машины. Его преследователи тоже притормозили.

«Стало быть, они пока просто следят за мной. Им дали задание не убирать меня, пока я не выведу их на «надежную явку». Дурака нашли!»

Стэн презрительно присвистнул и пристегнулся двойным ремнем безопасности. Он отжал рычаг управления от себя, набирая скорость до максимальной, и отключил встроенный радар безопасности. На обычных боевых машинах радар безопасности, связанный с компьютером, работает постоянно, его просто невозможно отключить: каким бы идиотом ни оказался пилот, компьютер сверяется с радаром и не дает хозяину ни во что врезаться — ни во время ливня, ни в тумане, ни в дыму, ни когда пилот — в дымину. Однако стоит повторить, что машина Стэна была серьезно модифицирована.

Другой, нестандартный радар следил за движением сзади и зафиксировал ускорение аппарата хаконовских молодчиков только до восьмидесяти километров в час. Отстают. «У ребят довольно медленная реакция», — подумал Стэн.

Пилот преследующего гравитолета не успел ничего сообразить — настолько быстрыми и неожиданными оказались действия капитана. Стэновская машина взяла круто вверх, ее нос задирался все больше, больше... пока машина не сделала классическую мертвую петлю. Обычные гравитолеты на такие фокусы неспособны — устройство ручек управления не позволяет. Совершив «мертвую петлю», Стэн совершенно внезапно оказался позади преследователей и на полной скорости догонял их — словно хотел протаранить, как камикадзе!

Гравитолет с преторианцами нырнул немного вниз — его пилот пришел в себя. Затем на гладком днище распахнулись люки и выплюнули четыре блестящих предмета. Огонь, дым — и четыре ракеты класса «воздух-воздух» полетели в сторону стэновской машины. Однако Стэн оказался шустрее — машина уже брала новый крутой вираж. Ускорение вжало его в кресло,

но он смог точно в нужный момент выпустить аварийную осветительную ракету.

Яркая многоцветная вспышка над тем местом, где он был несколько секунд назад... Четыре ракеты, наводящиеся на инфракрасное излучение, уловили точечное тепло — и столкнулись на месте взрыва стэновской аварийной осветительной ракеты. Машина Стэна была уже далеко, а вот гравитолет преследователей тряхнуло изрядно — как-никак рядом рванули разом четыре ракеты. Невзирая на ремни безопасности, парни ухватились за ручки — в страхе, что ударная волна вытряхнет их из машины. Когда преторианцы опомнились, из завесы дыма внезапно вынырнул гравитолет Стэна. Пилот-преторианец с перепугу засуетился, резко увел в сторону свою машину... Поздно. Гравитолет Стэна шел почти точно над ними. Затем случилось то, чего ни один из шести преторианцев и в страшном сне не мог вообразить. Стэн передал управление автопилоту, зафиксировал высоту и скорость, а сам... сам он отстегнул ремни безопасности и прыгнул с борта своей машины вниз, прямо в середину другого гравитолета.

Сгруппировавшись в воздухе, капитан в последний момент выхватил кинжал и упал на грудь одного из преторианцев, переломав ему ребра и вышибив дух. Пока Стэн поднимался с колен, второй преторианец поднял виллиган на уровень живота капитана, но тот распрямился и растопыренными пальцами левой руки что было мочи ударил в глазницы противника. Пальцы продавили глазные яблоки и вошли в мозг. Пока второй труп валился на дно машины, Стэн круто развернулся и вспорол кинжалом живот третьего преторианца. Кровь хлынула ручьем. Преторианец удивленно уставился на свои вывалившиеся внутренности и рухнул замертво.

Четвертый преторианец кинулся на врага с гвардейским боевым ножом. Кукри Стэна разрезало сталь ножа. Ошарашенный этим преторианец полсекунды промедлил — и клинок Стэна пронзил его череп. Капитан кинулся вперед, где оставались пилот и его сосед. Но тут он поскользнулся в луже крови и плашмя упал на дно машины.

Это спасло его жизнь. Пятый преторианец, сидевший рядом с пилотом, уже освободился от ремней безопасности, стоял во весь рост и стрелял из виллигана. Диски антиматерии пролетели над головой Стэна. А через секунду он уже приподнялся и вонзил кинжал в пах стрелявшему. Тот рухнул на оша-

левшего от ужаса пилота. Пилот лихорадочно сдирал с себя ремни безопасности, потом спихнул окровавленного товарища и отбежал к борту машины. Стэн не преследовал его. Он намеревался взять одного языка и с пристрастием допросить его. Но пилот, как оказалось, совсем ошалел от страха. Глядя на мрачного Стэна, который был окровавлен, как мясник, и все еще сжимал в руке серебряную полоску окровавленного металла, пилот неожиданно перегнулся через перила и сиганул вниз, навстречу другой смерти.

Стэн метнулся к нему, однако рука чиркнула по воздуху в сантиметре от воротника несчастного. Капитан проводил глазами визжащее и извивающееся тело. Все было кончено.

Теперь нужно прийти в себя. До этого он не был человеком, он был роботом, который убивал не задумываясь, — крушил, крушил... Возбуждение проходило, и Стэн приговаривал про себя: «Дыши глубже, глубже». Способность спокойно мыслить вернулась, и Стэн окинул взглядом пять трупов. Одна часть мозга говорила: Хейнз могла бы извлечь какую-то информацию из осмотра покойников. Другая часть мозга подсказывала: и так все ясно, костоломов послал Хаконе.

Император наделил его чрезвычайными полномочиями, и Стэну не составляло труда арестовать Хаконе и прибегнуть к любым методам допроса — в том числе и к сканированию мозга, дабы выяснить степень участия писателя в заговоре с целью убить властителя. Но это было бы самым примитивным решением проблемы. Что-то подсказывало Стэну, что Хаконе, этот знаменитый краснобай, находящийся в фокусе общественного внимания, не мог быть застрельщиком и главной движущей силой заговора против Императора.

ГЛАВА 37

Туман клубился у сверкающей черной поверхности космического корабля — до того длинного, что он занимал почти всю посадочную площадку. Через ярко освещенные транспортные люки шла погрузка оборудования и экипажа.

Это место на секретных картах обозначалось как запасная взлетно-посадочная площадка имперского военного космофлота для экстренных ситуаций. На самом же деле ею пользовался исключительно Император, когда не хотел, чтобы его прилет или отлет попадал в выпуски последних новостей и транслировался по телевидению.

Да и сам торгово-пассажирский корабль «Нормандия» был с секретом. Роскошный суперскоростной лайнер снаружи выглядел весьма обычно, но строился он с единственной целью — быть личным космическим лайнером Императора, когда тот покидал столичную планету для отдыха или для выполнения своих секретных проектов. Вооружением «Нормандия» не отличалась от боевого истребителя, а мощностью двигателя — от самого быстрого космического линкора.

Экипаж «Нормандии» — хвала современной автоматизации! — не превышал сотни человек. Однако экипажу было все-таки тесновато — большую часть корабельного пространства занимали апартаменты Императора. Благодаря массе передвижных перегородок и палуб, властитель мог изменять конфигурацию своих апартаментов, размещать гостей и любовниц, устраивать многолюдные вечеринки или совещания с первыми лицами Империи.

Поскольку официально «Нормандии» больше не существовало — согласно документам, после третьего полета ее поставили на консервацию, — при необходимости лайнер принимал имя одного из внешне похожих на него больших торгово-пассажирских кораблей. Возможно, этот личный императорский корабль был самым крупным неуловимым кораблем-призраком в истории человечества.

— Марр, ты нежен, как комнатный цветок! Здесь нет и следа загрязнения атмосферы!

— Рассказывай, рассказывай! — фыркал Марр. — А я скажу тебе одно: нюхом чую — двигатель дымит.

Марр и Сенн были, скорее всего, единственными поставщиками за всю историю всех императорских дворов, чьи поставки подвергались лишь зрительному контролю со стороны охраны. Сейчас эта любящая парочка наблюдала за погрузкой контейнеров в чрево «Нормандии».

— Ладно, некоторое загрязнение имеет место, тут я доверяю твоему тонкому обонянию. Однако это никак не повре-

дит нашей рыбе. Она же в герметичных аквариумах, а не в открытых бассейнах, где можно нахвататься всякой дряни из воздуха.

— Просто я опасаюсь, что этим таанцам не понравятся наши продукты, — сказал Марр. — То-то будет сраму, если переговоры сорвутся из-за того, что у таанцев понос от нашей пищи!

Их предрассветную перепалку прервало появление старшего субадара Лимбу. Гуркский офицер был в полном боевом облачении — с виллиганом на бедре и кукри на поясе за спиной. Поприветствовав поставщиков, он осведомился:

— Эта рыба, не для моих ли она парней?

— Нет, Читтаханг. На борту достаточно риса, сои и мясной вырезки, чтобы каждый из ваших наиков превратился в колобок — такой же, в какой вот-вот превратитесь вы.

Читтаханг ласковым и задумчивым взглядом уставился на свое брюшко, потом сказал с ухмылкой:

— Доброе пузо не помеха.

Когда он ушел надзирать за дальнейшей погрузкой, Сенн произнес со вздохом:

— Боже, с какой грубой публикой нам приходится общаться!

В это время возле «Нормандии» приземлились пять больших флиттеров.

— Ага, вот и наш бесстрашный предводитель! — прокомментировал Марр.

— Посмотри-ка, и слизняк Сулламора рядом с Императором! — прошипел Сенн. — Не понимаю, зачем властитель пригласил этого типа!

— Дорогой, я могу только догадываться, что министр торговли приглашен не ради его красивых глаз. Очевидно, будут обсуждаться проблемы торговых отношений с Таанским Союзом... Слушай, Сенн, мы действительно ничего не упустили при подготовке?

Марру и Сенну поручили заботиться о провианте на время переговоров сразу же после того, как был определен срок и место встречи Императора с таанскими дипломатами. Поставщики немедленно занялись выяснением пищевых пристрастий таанцев — в частности, их военной аристократии.

К счастью, видеофильмы об экзотической кухне были столь же популярны в сороковом веке, как и в любом предыдущем. И в итоге Марр и Сенн загружали в чрево «Нормандии» контейнеры со всем необходимым — начиная с живых креветок в соленой воде до крахмала и овощей, растущих в ящиках с почвой. Ну и конечно, среди запасов провианта были кое-какие дополнения — какой же повар не мнит, что может улучшить чужестранную кухню!

В люки корабля промаршировало, громко чеканя шаг на покрытии посадочной площадки, подразделение преторианцев. Ими командовал полковник Ден Фоли.

— А на этих хватит припасов? — обеспокоенно спросил Марр.

— Еще бы не хватило! Сто пятьдесят преторианцев и тридцать гурков. Мы доставили на борт столько продуктов, что сможем кормить их хоть тысячу лет. У экипажа свои припасы. А что до Императора, то на его вкус не угодишь — всегда что-нибудь удумает новенькое... Для Сулламоры, хоть он и мерзавец, я припас особые продукты — готовить его любимые блюда. А остальное — для таанцев, мы можем при необходимости прокормить целую орду голодных таанцев. Словом, дорогой мой, мы готовы на все сто!

— Да, но что будем есть *мы?*

Мембраны Сенна в тревоге задвигались, но в этот момент ударил гонг, возвещающий о конце погрузки. Последние контейнеры исчезли внутри корабля, и грузовые люки закрылись. Флиттеры улетели, после чего громко зашипел Юкава-драйв «Нормандии», и гигантский корабль поднялся в воздух.

Вне звездной системы «Нормандию» поджидали эскадрон боевых истребителей и несколько линкоров. Находящимся на борту этих кораблей солдатам было сказано, что им поручается отконвоировать один торговый корабль к месту назначения, обеспечить его безопасность и вернуться на базу. Даже офицеры не знали, что на борту этого «торгового» корабля будет сам Император, который летит на встречу с таанским руководством, и эта встреча — единственная возможность предотвратить полномасштабную межгалактическую войну.

ГЛАВА 38

Несколько человек молча сидели за длинным столом в кабинете Фрая — его главной «ворчательной» комнате. Все пребывали в сильнейшем унынии. В самом конце стола Хейнз со скучающим видом постукивала по клавишам миникомпьютера. Напротив сидел непривычно тихий Алекс и угрюмо таращился на Лиз, которая возилась со своей техникой.

Когда в комнату вошел Стэн с листами компьютерной распечатки в руке, все глаза устремились на него.

— Нет, — объявил он с порога. — Никаких новых сведений. Но я тут кое-что набросал. Бумажка получилась странная, но за неимением лучшего от нее и будем танцевать.

Троица ожила. Раздавая им листы, Стэн говорил:

— Еще салагой, я научился в армии важной вещи: когда вгрызаешься в проблему, набросай списочек: что тебе известно, а что — нет. Очень помогает. — Тут он улыбнулся какой-то болезненной улыбкой и, пожимая плечами, добавил: — По крайней мере создает впечатление, что ты вроде как при деле.

Хейнз, Алекс и Лиз принялись изучать «странную бумажку» Стэна. В ней факты были подытожены следующим образом:

1. Изначальная цель заговора — убийство Императора. Все данные свидетельствуют о масштабности заговора.

2. Заговорщики так и не отказались от своих планов. Иначе как объяснить загадочные смерти в районе Соуарда? Все жертвы — бывшие преторианцы или бывшие дворцовые служащие. Нападение на Стэна совершено неспроста. Нападавшие — бывшие преторианцы, большинство из них — дезертиры. Информация к размышлению: в прошлом земном году исчезло по меньшей мере сорок преторианцев.

3. Один из заговорщиков — в самом дворце. Доказательство — наличие утечки информации с дворцовых компьютеров.

4. Повторимся: если заговорщики не отказались от своих намерений, значит, жизнь Императора по-прежнему под угрозой.

— Как полицейского, — сказала Хейнз, — меня бы максимально успокоило лишь одно: сознание, что намеченная жертва находится в полной безопасности.

— Ну, это-то по крайней мере обеспечено, — отозвался Стэн. — Император покинул Прайм-Уорлд. Не имею права сказать, куда он направился, но он действительно в полной безопасности — окружен доверенными советниками и преданными телохранителями.

Алекс облегченно вздохнул.

— Слава Богу, что рядом с властителем нет этих долбаных преторианцев.

— Император в курсе, насколько глубоко мы увязли в нашем расследовании? — спросила Лиз.

— Нет, он не в курсе, — ответил Стэн. — Мы договорились: в целях конспирации — никакой связи. Я могу связаться с ним лишь в случае самой крайней нужды. Существует прямая связь с Императором — из дворца.

Трое его сотрудников ждали, не скажет ли он еще что-нибудь, но, поскольку он молчал, они снова углубились в чтение.

5. Каи Хаконе, со всей очевидностью, одна из ключевых фигур заговора. Об этом говорят его контакты с Стинберном и многочисленные ниточки, которые тянутся к битве за Сарагоссу. К тому же нападение на Стэна произошло сразу же после его визита к подозреваемому.

6. «Заара Ваарид» — еще одна ниточка, уводящая в прошлое, к битве за Сарагоссу. Вопрос: как этот давно уничтоженный корабль связан с нынешним заговором?

7. Факт, запутывающий дело: Хаконе никак не связан с императорским двором. Этого известного противника властителя никогда не принимают во дворце.

— А не пора ли нам арестовать подонка? — воскликнул Алекс. — Я его кишки на кулак намотаю, и он у меня назовет всю эту срань, которая покушается на Его Величество!

— Не выражайся, Алекс! — прикрикнул Стэн. — Арестовывать Хаконе глупо. Нужно брать всю банду разом. Тем более что у них есть шестерка во дворце.

— Да, — сказала Хейнз, — если мы сцапаем одного Хаконе, остальные уйдут между пальцами.

Три головы снова склонились над текстом.

> 8. Следует ли нам еще глубже копнуть архивы касательно битвы за Сарагоссу? Не обнаружатся ли при этом некие новые нити?

— У нас что, целый год в запасе на расследование? — сухо спросила Лиз. — Не знаю ни один компьютер в Империи, который смог бы перелопатить гору фактов про те события меньше чем за год.

— Тогда предложение снимается, — сказал Стэн.

— И это все? — спросила Хейнз.

— Да, — кивнул Стэн. — Остается только Хаконе.

— Я как раз копаюсь в фактах его биографии, — заметила Лиз, указывая на свой монитор.

— Неприлично эксперту так долго гонять горстку фактов, — сказал Стэн. — Это ни к чему не приведет.

Лиз хрипло хихикнула и возразила:

— Когда дело ни тпру ни ну, тогда дурачкам не остается ничего, кроме как гонять факты на компьютере.

— Где-то у него должен быть штаб, — сказал Стэн. — Не может же он руководить заговорщиками прямо из своего особняка — встречаться с ними, вести переговоры... Трудно представить, что они встречаются на улице или в ресторане.

— Может, дачный домик? — предположила Хейнз.

— В каком-нибудь медвежьем углу, — добавила Лиз Коллинз и сразу начала просматривать перечень принадлежащей Хаконе собственности. Она использовала ту же изощренную программу, которая уже помогла ей однажды прорваться сквозь туман, напущенный Стинберном и его товарищами.

— Этот тип — отпетый милитарист. Фанатично любит войну, — сказал Алекс. — На этом-то мы и должны подловить его. Ведь он написал эту дурацкую книжищу про Муэллеровские войны...

Не успел старшина закончить фразу, как на экранчике у Лиз высветился ответ на ее запрос. Догадка Алекса оказалась верной.

— *«Заара Ваарид»*, — начиналась строка на экране. — *Регистрационный номер KH173. Взлетная площадка 82. НУЖНА ЛИ БОЛЕЕ ДЕТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ?*

— Еще бы не нужна! — взревел Стэн, пока Лиз набирала соответствующую команду.

Каи Хаконе принадлежала небольшая подержанная космическая яхта под названием «Заара Ваарид». Она находилась примерно в сотне километров от них, на частной взлетной площадке номер 82.

— Немедленно войдите в бортовой компьютер этой яхты! — приказала Хейнз.

— Не торопитесь, лейтенант, — произнесла Лиз. — Можно наломать дров. Что, если тамошний компьютер заблокирован и поднимет тревогу при попытке проникнуть в его память?

— Она права, — согласился Стэн. — Мы нащупали нечто очень важное, теперь главное — не напортачить.

— Я сделаю запрос: не нуждается ли яхта в текущем ремонте, — сказала Лиз. — Это вполне рутинный запрос, который не вызовет никакой тревоги.

Бортовой компьютер «Заара Ваарид» ответил, что потребности в текущем ремонте нет.

— О'кей, теперь надо задать какой-нибудь официальный и достаточно невинный вопрос.

— «Когда корабль в последний раз покидал причал?» — предложил Стэн.

Лиз набрала вопрос.

— Ни разу на протяжении более чем года. Но это к лучшему. Я могу запросить данные бортового журнала, самые общие. Все это ненавязчиво. И при этом мы будем постоянно на связи с бортовым компьютером «Заара Ваарид».

Яхтовый компьютер начал выдавать данные бортового журнала по мере того, как Лиз проводила зондаж мощности самого компьютера и задавала ему вопросы — обтекаемо сформулированные, вроде бы совсем невинные. Казалось, она электронной пчелкой перелетает с цветка на цветок, собирая мед знаний.

— Ну-ка, полюбуйтесь! — воскликнула Лиз, выводя на свой экран данные об интеллектуальной мощности яхтового компьютера. — У этого прогулочного кораблика компьютер, который впору ставить на самый большой лайнер!

— С какой стати на яхте компьютер такой невероятной мощности? — спросила Хейнз.

— Ой-ой-ой! — причитала в это время Лиз, напряженно работая, высунув в азарте язычок и обращаясь к яхтовому

компьютеру, как к ребенку: — Нет, деточка, нет, будь умницей, раскрой свои секретики. Ах ты, «Заара» — чертов — «Ваарид»!

Лиз оттолкнула клавиатуру и сказала Алексу:

— У тамошнего компьютера столько же ловушек против вторжения, сколько кружек пива ты в состоянии выдуть за неделю! Я, конечно, могу продолжить диалог, но эта штуковина в лучшем случае просто сотрет всю информацию из своей памяти, и нам достанется шиш.

Стэн в отчаянии шмякнул кулаком по столу:

— Неужели опять тупик? Неужели ты ничего не вытянешь из этого электронного чудища? Ты же такая опытная укротительница компьютеров!

— Он выдал мне код для входа в яхту, — сказала Лиз и записала на бумажке необходимую информацию.

Стэн порывисто встал.

— Ну, за дело, Алекс. Надо прошвырнуться туда и поглядеть, что это за яхточка.

Друзья направились к двери. Неожиданно Лиз за их спиной присвистнула.

— Капитан! — позвала она.

— Ну?

— Тут еще кое-что выяснилось.

— Не томи.

— Судя по всему, на борту «Заара Ваарид» находится бомба. И, кажется, бо-о-ольшущая.

— Спасибо.

— Не за что.

Стэн и Алекс, как-то разом сгорбившись, медленно вышли из комнаты.

ГЛАВА 39

Это была маленькая каюта на маленькой быстроходной космической яхте. Сама яхта не принадлежала к классу самых роскошных, но кто-то когда-то любовно отделал ее внутри — паркетный пол, со вкусом подобранное пластиковое

покрытие стен, добротная мебель. Теперь это были остатки прежней полуроскоши — каюта была невообразимо запущена. Повсюду валялась одежда, грязные контейнеры от пищи, немытая посуда — нынешний обитатель ленился выбрасывать хоть что-нибудь в мусоросборник.

Тарпи, превративший каюту в свинарник, возлежал на койке с закрытыми глазами и довольной полуулыбкой на губах. На нем восседал целый выводок котов. В иную эпоху их называли бы бродячими. Достаточно было одного взгляда на них, чтобы понять — эти пушистые твари не имеют родословных. Тарпи называл любимцев космическими бродяжками — и это племя, населяющее космопорты и временами летающее в космос, было всех мастей и пород. Сейчас он поглаживал дюжину жирных котов, которые расположились на нем, грозя раздавить.

Что-то заурчало под левым плечом, и Тарпи приподнял его чуть-чуть — так, чтобы котенок мог вылезти. Котенок присоединился к своим братишкам и сестричкам, сосавшим маму, которая царственно возлежала на груди Тарпи.

Только благодаря котам Тарпи не свихнулся от скуки на этой проклятой полуржавой развалине, именуемой «Заара Ваарид». С тех пор как он заступил на дежурство, на яхте ничего — ровным счетом ничего! — не происходило. В кормовом отсеке ютились дуболомы-охранники, но Тарпи свел общение с ними до минимума. Охота ему иметь дело с придурками, которые только тем и ценны, что готовы в нужный момент пожертвовать свои никчемные жизни для «общего дела»! Куда приятнее коротать долгие часы безделья с умными и ласковыми котиками!

Сейчас левое ухо Тарпи немного заколодо от нового, непривычного звука — бип-бип-бип! Пульс его резко ускорился, и Тарпи пришлось силой воли унять сердцебиение. Так-так! Что-то начинает происходить — наконец-то!

Тарпи неспешно снял с себя всех котов и котят и сел на койке. Он включил экран монитора — посмотреть, что происходит снаружи.

За причалом для космических яхт удобно наблюдать. Тут все как на ладони. Причал напоминает двухкилометровое дерево с множеством веток. «Ствол», стержень строения, заполнен магазинами, ресторанами, ремонтными мастерскими по обслуживанию яхт. А на «ветвях» расположены частные

пронумерованные ячейки для яхт — от огромных, близких по размерам к лайнерам, до суденышек, которых называют космическими скорлупками.

Тарпи заметил какое-то движение неподалеку от «Заара Ваарид». Он увеличил изображение, и как раз в этот момент из тени выдвинулись две фигуры — Стэн и Алекс. Они медленно крались в сторону яхты. Тарпи узнал их, ухмыльнулся и нажал сигнал тревоги для охранников в кормовом отсеке.

Затем он вскочил с койки, быстро надел портупею и устремился к двери. Там на секунду задержался и окинул взглядом открытые контейнеры с едой — достаточно, чтобы его приятели не маялись от голода до конца операции.

Люк-дверь с шипением распахнулся. Мгновение — и Тарпи был таков.

ГЛАВА 40

Алекс еще раз внимательно осмотрел причальное помещение. Ни души. Даже техников нет поблизости.

— Вперед, дружище, — сказал он Стэну, — здесь все чисто, как в королевском винном подвале.

Стэн направился прямо к панели у входа в яхту, отодвинул крышку и стал набирать входной код, который раздобыла Лиз. Набрав первые три цифры, он подождал, пока компьютер проверит их верность и даст добро вводить остальные цифры.

— Алекс, хорошенько соберись и готовься к прыжку. Неизвестно, что ждет нас за дверью.

Старшина кивнул и еще раз огляделся по сторонам. Прежде чем его сознание зафиксировало опасность, мышцы сами по себе напряглись, и по позвоночнику пробежал холодок.

— Здесь целая шайка! — свистящим шепотом сказал он и стремительно метнулся прочь от входного люка.

Стэн вовремя оглянулся и заметил вдалеке за своей спиной фигуру, которая перебегала от одной стальной стойки к другой. На протяжении трех ударов сердца Стэн и Алекс оказались за ближайшим укрытием, сжимая в руках виллиганы.

— Вон там! — прошептал Алекс.

Стэн медленно повернул голову в ту сторону, откуда появился Тарпи. Он шел к ним по открытому пространству.

— Привет, ребята! Могу вам чем-нибудь помочь?

Стэн заметил, что за небрежной походочкой Тарпи скрываются повадки профессионала — двигается он по выверенному полукругу, идет не прямо к ним, а незаметно смещается в сторону.

— Тут их несколько, этих крыс, — сказал Алекс.

— Сколько?

— Четыре. Быть может, пять.

Стэн выглянул из своего укрытия, нацепил улыбку на губы и спросил приближающегося врага:

— Эй, приятель, имя у тебя есть?

— Тарпи, если вам интересно.

Стэн кивнул и с глуповатой улыбкой продолжал:

— Ты имеешь отношение к этой ржавой колымаге?

— Может, и имею, — сказал Тарпи. — Если вас интересует эта колымага, говорите со мной.

— Интересует, — сказал Стэн. — Мы с другом ищем дешевую яхту. Чтоб починить и использовать.

Тарпи лениво улыбнулся в ответ.

— Эта яхта в лучшем виде, в ремонте не нуждается. Но беседовать о продаже надо с владельцем. Получить разрешение и все такое.

— Берегись! — крикнул Алекс.

Стэн вскинул свой виллиган и выстрелил в Тарпи, однако тот уже упал на платформу и скрылся за кучей железного лома. Капитан увидел, как диск антиматерии пронесся куда-то ему за спину, и почти одновременно услышал предсмертный вопль.

— Все в порядке, дружище, — проговорил Алекс. — Я уложил гада. Выходит, этих мерзавцев было пятеро. А теперь стало четверо.

Тарпи с такой легкостью метнулся за укрытие, что Стэн еще раз восхитился его профессионализмом. Теперь надо было найти остальных.

Под ним раздался едва слышный звук шагов — кто-то там крался. Стэн заглянул в пространство между «Заара Ваарид» и своим гравитолетом. Прямо под капитаном стояла очень дорогая большая космическая яхта. Один из костоломов Тарпи подкрадывался к нему снизу. Все это напоминало

игру в трехмерные шахматы: атаки можно было ожидать откуда угодно — слева, справа, спереди, сзади, сверху, снизу.

Стэн подал сигнал Алексу. Тот должен был держать оборону по левому флангу, Стэн — по правому. Сперва им предстояло заняться парнями Тарпи, которые неизвестно где, а потом уж разобраться и с самим Тарпи.

Стэн услышал тяжелый шлепок — это Алекс спрыгнул уровнем ниже, к следующему яхтовому причалу. А над Стэном была лестница, которая вела на следующий уровень, частично защищенная от могучих высотных ветров несколькими рифлеными металлическими панелями. Стэн сделал два шага по направлению от лестницы, чтобы привлечь огонь, а потом рванул обратно, к лестнице, и быстро взбежал по ней. Приходилось уповать на счастливый случай — что никто не держит эту лестницу под прицелом. Пока он сломя голову перескакивал через ступеньки, спина у него нехорошо чесалась в ожидании диска антиматерии.

Первого из парней Тарпи Стэн заметил, когда тот неторопливо перебирался в полумраке за темный корпус стоящего на платформе гравитолета, выбирая удобную позицию для выстрела. Мелькнул только его зад. Но этого было достаточно. Через пару мгновений капитан уложил его выстрелом в живот.

Стэн кошачьей поступью двинулся дальше — на поиски следующей жертвы. Однако в голове свербела мысль, что он точно выполняет план Тарпи. Уже ясно, что его костоломы — неопытные пехотинцы, пушечное мясо. На месте Тарпи Стэн так бы и поступил: подставил бы этих олухов, а сам выбрал бы удобное место для неотвратимого удара и дожидался благоприятного момента.

Сейчас чуткие уши Стэна уловили перешептывание вверху, прямо над ним. Он посмотрел в конец наклонной платформы, которая вела к причалу, где виднелась еще одна большая яхта. Тарпи? Вряд ли. Он дождался, пока шептавшиеся остановятся. Шаги стихли у заправочной стойки. От этой стойки к яхте тянулся шланг, которым управлял робот. Еще шумок наверху — те парни выбирали удобную позицию для засады.

Согласно портовым инструкциям, во время заправки никто не должен находиться на борту. Стэн тщательно прицелился в топливную стойку. Будем надеяться, что эта яхта

застрахована... С этой мыслью он выстрелил. Пламя полыхнуло во все стороны. Стэн стремительно шагнул в сторону, потом побежал вниз, к «Заара Ваарид». Платформой ниже он упал и покатился — ожидая, что вот сейчас его расстреляют как удобную мишень. Пронесло. Когда он вскочил, сверху сыпались какие-то обломки, пролетело что-то темное, круглое, с красной дырой вместо рта.

Немного потрясенный взрывом и своим бегством, Стэн прокрался обратно, к носовой части «Заара Ваарид». Выглянув из-за корпуса, он увидел Алекса, который перебегал от одной металлической стойки к другой, перепрыгивая через многочисленные кабели. Алекс заметил его и показал два растопыренных пальца. Еще двое костоломов бесславно погибли. У Стэна заныла правая рука, он посмотрел на кисть — из ранки сочилась кровь. Так часто бывает во время боя, даже не знаешь, когда и где ранило. «Вот что делает прилив адреналина», — мелькнуло в голове Стэна. Он переложил виллиган из правой руки в левую, поднял руку и стал зализывать кровь.

Все это время он не прекращал думать о Тарпи. Шестое чувство подсказывало ему, что они даже сейчас играют на руку этому хитрецу. Стэн был уверен, что Тарпи где-то скрывается и поджидает удобной минуты. Может, он как раз сейчас охотится за Алексом?

Вдалеке, за колонной, Стэн видел лицо Алекса, который поводил головой и напряженно осматривался. Но его лицо внезапно переменилось — и в тот же момент, не раньше, Стэн уловил движение за своей спиной. Капитан резко обернулся, готовясь сразу же выстрелить, поднимая виллиган на уровень пояса — но он отлично понимал, что виллиган не в той руке. Поэтому Стэн одновременно с поворотом начал падать, поджимая пальцы правой руки, но он опаздывал, роковым образом опаздывал...

Тарпи подловил Стэна, и тот был в его власти. Грузный коротышка Алекс находился с капитаном на одной линии. Это был отличный шахматный ход — нажимая курок, Тарпи с удовлетворением подумал, что первый выстрел уложит Стэна, а второй — сержанта. Надо только вторично нажать курок, когда Стэн рухнет на платформу...

И вдруг словно ледяная сосулька вошла в тело возле левого соска. В следующий момент он упал на платформу — в глазах застыла не боль, а удивление.

Стэн, мокрый от пота, медленно распрямился, подошел к Тарпи и выдернул кинжал у него из груди.

Тяжелый топот. Рядом стоял Алекс.

— Ты понял, что мы были у него на крючке? Он нас поимел как мальчишек.

Алекс шмыгнул носом и зашагал к входному люку «Заара Ваарид».

— Да, дружище, — проворчал он. — Этот парень нас поимел. Но время от времени такое случается. И на старуху бывает проруха.

С ржавым скрипом входной люк медленно открылся. Стэн быстро юркнул внутрь — он горел от нетерпения узнать тайну этой яхты. Алекс остался на страже у входа.

Хотя он и торопился, Стэн передвигался по яхте с предельной осторожностью. Мин не оказалось, но, похоже, никто не собирался использовать эту яхту как космический корабль — все внутри обветшало, проржавело, никакая техника не работала, провода оборваны.

Стэн медленно пробирался через заросшую грязью каюткомпанию к отсеку управления. Однако когда он туда заглянул, он мысленно ахнул. Пульт управления был убран — словно лазером срезан. Вместо него стоял огромный новенький компьютер очень современной модели. Его сияющая поверхность разительно контрастировала с ветхостью всего остального. Пока Стэн рассматривал это чудо, словно волшебником заброшенное в царство тлена, маленький робот-уборщик занимался своим делом — распылял средство для чистки по одной из боковин компьютера и начищал ее тряпочкой.

Стэн подошел к креслу у терминала. Он до сих пор понятия не имел, что может послужить сигналом к взрыву заложенной бомбы. Больше всего его беспокоил вопрос: когда? Несомненно, у бомбы есть таймер. Это логично — взрыв не должен происходить мгновенно, чтобы в случае недоразумения знающий человек мог бы остановить часовой механизм бомбы и сохранить драгоценные файлы здешнего компьютера.

Его пальцы побежали по клавишам терминала:

ВНИМАНИЕ! ЗААРА ВААРИД!

Экран покорно зажегся.

КТО СПРАШИВАЕТ?

Стэн заколебался, потом решительно ввел имя:

ХАКОНЕ.

СПРАШИВАЙТЕ.

Стэн облегченно вздохнул. До сих пор все идет гладко... Главное, не задумываться надолго. Как знать, может, промедление с ответом тоже является сигналом взорвать бомбу.

ПРОСМОТР ФАЙЛОВ.

Компьютер покорно выдал на экран бесконечный список файлов. Сперва Стэн не уловил, что именно он видит. Это оказался не столь уж длинный список, который повторялся вновь и вновь без пробела. Этот повтор тоже грозил взрывом, если его быстро не прервать. Стэн напряг внимание и наконец увидел нужное:

КОМИТЕТ ВААРИД, ПОДРОБНОСТИ О СОСТАВЕ.

Стэн остановил бег названий и подвел курсор к названию этого файла. Когда он попытался вызвать файл на экран, тот дважды мигнул, после чего стал строка за строкой выдавать информацию — имена, цифры, адреса, даты... Но почти одновременно случилось и другое — в правом верхнем углу появились очень крупные буквы. Они то вспыхивали, то гасли — ритмично. *ГАДЕС! ГАДЕС! ГАДЕС!* Снова и снова следовал этот повтор: *ГАДЕС! ГАДЕС! ГАДЕС!*

Внутри у Стэна все похолодело. Амба! Часовой механизм бомбы включился. Было ясно, что нужно ввести какой-то код в ответ на слово «ГАДЕС!», чтобы предотвратить взрыв. Но кода он не знал и гадать о нем было некогда. Поэтому Стэн совершил единственное логическое действие, которое можно было совершить в данной ситуации тому, кто печется не столько о своей шкуре, сколько о пользе дела.

Он продолжал смотреть на экран, предельно сосредоточившись, и запоминал, запоминал, запоминал — все эти имена, цифры, адреса, даты...

Раздался оглушительный вой предупредительной сирены. Стало быть, до взрыва бомбы остаются считанные мгновения. Но Стэн не сдвинулся с места, словно прирос к полу. Он впитывал информацию. В его мозгу сирена звучала приглушенно, как небольшая помеха. Он был весь внимание, он читал, читал, читал...

Сзади раздалось странное рычание, потом огромная рука облапила его, подняла над полом. Однако Стэн был так погружен в колонки имен и цифр, что никак не отреагировал. Он прочитал все, дело было сделано. Только краем сознания

он понимал, что кто-то тащит его на спине прочь из корабля. И этот кто-то спешит, пыхтит и ругается на чем свет стоит.

Через секунду-другую после того, как Стэн оказался вне корабля, все кругом осветила вспышка света.

Могучие руки швырнули его через загрузочный контейнер. Стэн пролетел метров пять в воздухе, увидел, как приближается к нему платформа. И в тот момент, когда он ее коснулся, платформа содрогнулась от взрыва.

Он лежал оглушенный. И долго приходил в себя. А когда начал немного соображать, увидел рядом Алекса, который оказался тут неизвестно каким чудом.

Старший сержант медленно встал, кряхтя и стряхивая пыль с одежды. Вдалеке завыли полицейские сирены.

Помогая Стэну подняться, Алекс недовольно бурчал:

— По совести, мне бы полагалось вздуть тебя за твои дурацкие штучки, из-за которых мы едва дубаря не дали!

ГЛАВА 41

Пространство вокруг особняка Хаконе напоминало сейчас плац военной базы после сигнала тревоги. Люди в военной форме поспешно загружали оружие в гравитолеты, садились в них, поднимались над землей. Гравитолеты образовывали строй боевых машин, похожих на свору гончих псов, готовых по первому приказу устремиться за зверем.

Люди в военной форме не были *бывшими* солдатами, потому что по-прежнему выступали в роли подразделения имперской армии. Это были те самые дезертиры-преторианцы, которых посулами или шантажом сманили из дворца. В последние месяцы заговорщики интенсивно использовали их для своих грязных дел. Им было в радость снова надеть привычную форму и идти на настоящее боевое задание. Да и Хаконе был счастлив — после стольких лет тщательной подготовки дело близится к завершению!

Но, как большинство событий в жизни, и это происходило в незапланированное время. Хотя Хейнз и Коллинз были

уверены, что им удалось совершенно прервать связь яхты «Заара Ваарид» с окружающим миром, на самом деле сигнал тревоги был подан — в последний момент перед взрывом. И Хаконе узнал, что яхты больше не существует.

Каи Хаконе не без основания гордился свой способностью быстро оценить ситуацию и принять необходимое решение. Итак, «Заара Ваарид» и ее мощный компьютер уничтожены. Хаконе было велено ничего не предпринимать, не посоветовавшись с главным координатором заговора, который находился на лайнере «Нормандия». Однако события повернулись так, что не было ни времени, ни возможности снестись с координатором. Приходилось решать самому.

Хаконе счел необходимым начать финальный этап операции. И отдал соответствующий приказ, после чего все пружины заговора пришли в действие. Убежденный, что Император будет непременно убит, Хаконе мог опасаться одного — что некоторые приверженцы императора сдадутся не сразу. Однако писатель силой заставил себя не думать о худшем и держался бодро — он знал за собой порочную склонность к пессимизму и боролся с ней. С веселым видом он вскочил в свой гравитолет и залихватски промолвил водителю:

— Ну, сержант, дорогу помните!

— Еще бы не помнить! Столько лет мотался туда! — ответил обезьяноподобный, волосатый преторианец-дезертир.

Машина взмыла в воздух. Остальные гравитолеты последовали за ней, выстраиваясь боевым ромбом во время пролета над космопортом Соуард.

ГЛАВА 42

Пилот проверил данные на ближайшем от себя экране, сверился с экраном радара и удовлетворенно хмыкнул. Затем нажал кнопку на пульте, и лапа лебедки плавно переместила пилотское кресло прочь от панели управления — вниз, в командный зал. Там пилот отстегнул ремень безопасности, встал — и, прежде чем доложить по форме, решил для пущего эффекта включить большой, во всю стену экран.

На экране было ясно видно свечение в нескольких световых годах от пульсара. Таанский пилот услышал, как лорды-правители недовольно зашумели — им было слегка не по себе оказаться так далеко от своего родного мира и в такой близости от противника. Пилот отключил изображение на экране, затем поклонился лордам.

— Корабль вышел в запланированный район, — доложил он. — Вы видели свечение — это военные корабли Империи. Встреча с ними состоится примерно через десять часов.

Лорд-правитель Киргхиз в ответ поклонился пилоту и торжественной поступью двинулся к выходу. Остальные лорды гуськом потянулись за ним.

Окрестности пульсара, обозначаемого в астрономических каталогах как NG 467H, были одним из трех мест встречи, предложенных Императору таанскими лордами. И только это место встречи было одобрено Императором. Он осознал, что близость к пульсару гарантировала полную невозможность радиосвязи для любой из сторон, ведущих переговоры. Если ловушка не подстроена заранее — а властитель был более чем уверен, что имперские приборы достаточно чувствительны, чтобы довериться их показаниям о полной безопасности района свидания, — итак, если ловушка не подстроена заранее, можно не бояться никаких сюрпризов, кроме проявлений дурного характера таанских лордов в виде словесных перепалок.

К тому же у Императора была, так сказать, припрятана в рукаве козырная карта. Имперская наука на шаг опережала таанскую. Поэтому властитель имел возможность связаться со своим дворцом даже из такой «радиоямы», какой являются окрестности пульсара. Император отчаянно надеялся воспользоваться этой линией связи в ходе переговоров. Точнее, этой связью должен был воспользоваться Стэн. Если капитан сумеет вывести на чистую воду и назвать главного заговорщика, повинного в смерти Алэна, переговоры пойдут как по маслу и таанским лордам придется идти на уступки.

«Нормандия» и сопровождающие ее военные корабли засекли таанский флот несколькими часами раньше. Такое преимущество объяснялось существованием еще одного бережного хранимого секрета. Не только тайна топлива драйва АМ-2 свято хранилась Императором, но все топливо перед продажей «кодировалось». Космические корабли в Империи ходили на

чистом топливе, а в другие миры продавали топливо меченое. Благодаря этому, имперские корабли-разведчики за многие световые годы могли обнаруживать и идентифицировать неимперские корабли.

На экранах «Нормандии» таанские корабли, которые приближались к месту встречи, пульсировали фиолетовым свечением. Император выключил экран в своем рабочем кабинете, глубоко вдохнул и сказал сидевшему рядом Лидо:

— Ну, готовься, сейчас пойдет-поедет...

ГЛАВА 43

Стэн должен был почуять опасность еще тогда, когда они с Алексом проходили через ворота Арунделя. Его сознание никак не зарегистрировало странный факт, что на проходной дежурили двое преторианцев не в привычной полевой пятнистой форме, а в парадных боевых мундирах. Да и ничто другое во дворце не указывало на совершившийся государственный переворот. Служащие привычно сновали по коридорам, сановники беседовали на кушетках в холлах, и дворцовая жизнь, казалось, текла по-прежнему.

Это впечатление было нарушено только тогда, когда Стэн и Алекс вышли из лифта на этаже, где находились апартаменты Императора. Лишь там Алекс подметил непорядок.

— Капитан, — удивился он, — а где же гурки?

Тут и Стэн насторожился. Те гурки, которых властитель не взял с собой на «Нормандию», должны были патрулировать коридоры на этом этаже. Вместо них друзья увидели преторианцев — в полной боевой форме.

Но осознание беды пришло слишком поздно — на Стэна и Алекса уже надвигались четверо преторианцев, нацелив виллиганы.

— Ребятки, — сказал Алекс, — вы делаете нехорошую ошибочку...

В этот момент из кабинета обер-гофмейстера вышел Каи Хаконе. Он вежливо кивнул Стэну и Алексу и произнес:

— Капитан Стэн, вы арестованы.

ГЛАВА 44

NG 467H представляла собой вихрь слепящего света — интерференция создавала чудовищные помехи на радиочастотах, что исключало возможность радиосвязи между имперскими и таанскими космическими кораблями, которые зависли на стационарной орбите вокруг нейтронной звезды.

«Нормандия» и таанский огромный боевой линкор замерли на орбитах, а вокруг них сновали аппараты размером поменьше. Поскольку близость к пульсару исключала возможность применения привычных навигационных методов, то маневрирование космических кораблей производилось с помощью компьютерных вероятностных программ — такие программы обычно использовали лишь для обучения будущих пилотов и — опять-таки в учебных целях — при разыгрывании космических боев. А связь между кораблями обеспечивали крохотные боевые катера или беспилотные коммуникационные торпеды. Пилоты — как имперские, так и таанские — несомненно, поднаторели в искусстве управлять кораблями исключительно с помощью приборов. Однако возле NG 467H все надежные обычно инструменты оказались неприменимыми. Таким образом, пилоты были вынуждены полностью доверяться своим бортовым компьютерам — те определяли координаты корабля и ближайших к нему объектов, после чего корабль начинал движение. Однако при неработающем экране радара компьютер не мог учитывать перемещение других объектов после того, как его корабль уходил из начальной точки. Поэтому все пилоты договорились о примерных маршрутах, приняв за ориентиры три ближайшие звезды. Но в общем-то приходилось больше уповать на правильность компьютерных расчетов и счастливый случай. В избытке света вблизи NG 467H два левиафана и окружающая их мелкота были все равно что в непроглядной тьме океанских глубин — их пилоты ощущали себя мальчишками, впервые севшими за пульт управления.

КНИГА ПЯТАЯ

«КРАСНАЯ МЕССА»

ГЛАВА 45

Стэн лежал на диванчике и продумывал план дальнейших действий.

Арестовав, Алекса с заломленными за спину руками увели под конвоем в подземную тюрьму — туда, куда уже бросили гурков. А Стэна, к его несказанному удивлению, отвели в его рабочий кабинет и выставили охрану у дверей. Но по размышлении Стэн понял, что такая мягкость по отношению к нему не лишена логики; по крайней мере у Хаконе есть серьезные причины поступать именно так.

Хаконе, несомненно, просчитывал все на много ходов вперед. Тем не менее Стэн, в прошлом участник не одного и не двух государственных переворотов, считал мягкотелость Хаконе головокружением от быстрого успеха. Он бы на месте Каи Хаконе незамедлительно поставил и Стэна, и Килгура, да и всех гурков к стенке — позже можно лицемерно пожалеть, что это было сделано сгоряча и понапрасну.

Предварительно его кабинет обыскали, забрали все оружие. Трое вооруженных до зубов бывших преторианцев охраняли дверь. У Стэна остался только кинжал в рукаве, незамеченный при обыске.

На душе капитана кошки скребли — он понимал, что часы его сочтены. Не расстреляли сразу, так догадаются прикончить в ближайшие сутки. Он уже справился с огромной картой дворца, стоящей в углу, но ближайшая комната, из

которой можно было попасть в разветвленные коридоры подземелья, находилась метрах в пятидесяти от него.

О бегстве через окно Стэн даже и не помышлял — Хаконе не дурак и наверняка поставил внизу парочку снайперов.

«Предположим абсурдное, — думал Стэн, — что тебе удастся пройти через дверь, уложить трех преторианцев и юркнуть в дворцовые катакомбы. Хрен получится, но вдруг. Тогда ты сможешь добраться до радиорубки, где находится единственный канал связи с «Нормандией». Предположим, у тебя будет достаточно времени, чтобы передать предупреждение Его Величеству. Предположим, это сообщение достигнет адресата, что его не отловит по пути чертов Лидо. Ну ладно, предположим немыслимое, приятель. Итак, Император получает твое сообщение. Что дальше?

А дальше Хаконе сделает из тебя решето. Ну а потом Император (будем надеяться на лучшее) вернется на Прайм-Уорлд, отвоюет дворец, перевешает заговорщиков. Если все закончится благополучно, тебя наградят — посмертно. Самой-рассамой почетной медалью».

Стэн почему-то никогда не мечтал носить на груди самую-рассамую награду — Галактический Крест. Тем более получить ее посмертно.

Он силой заставил себя вернуться мыслями к своему настоящему положению. Что предаваться пустым мечтам — ведь на самом деле он даже из этой комнаты не сможет вырваться...

Кулак громыхнул по двери, Стэн вскочил с диванчика, и грубый голос приказал:

— Встать спиной к дальней стене, точно напротив двери!

Стэн подчинился.

— Стоишь у стены?

— Да.

— Я открываю дверь. Если сразу не увижу тебя — бросаю внутрь гранату.

Дверь резко распахнулась. За ней стоял мужчина, который, как догадывался Стэн, был старшим охранником. В руке у него была боевая граната. Шагах в двух за его спиной маячили двое преторианцев — с поднятыми на уровень груди виллиганами.

Еще дальше стоял Каи Хаконе.

Стэн не сделал ни одного движения, пока охранники заходили в комнату и располагались по бокам от него. После этого в кабинет прошел Хаконе.

— Поговорим, капитан?

Стэн ухмыльнулся — будь его воля, он бы многое сказал этой скотине.

— Я могу отпустить вас из дворца под честное слово, что вы ничего не станете предпринимать против нас. Можете вы дать слово офицера?

Стэн прикинул в уме: а не солгать ли? Решил — не стоит. Ему надо бы кое-что сделать, а для этого необходимо оставаться во дворце — тогда будет хоть крохотный шанс выполнить задуманное.

— Нет, — ответил Стэн.

— Я так и думал, — сказал Хаконе, и по его кивку в комнату вошли еще четверо охранников. — И все же я намерен кое-что обсудить с вами.

В голове Стэна мелькнула мысль: если Император выживет и вернется во дворец, дел у него будет невпроворот. Например, восстановить все дворцовые сады, изрытые оборонными траншеями и перепаханные самоходками с ракетами «земля-воздух» — это преторианцы готовились к обороне. Хаконе, идущий рядом со Стэном, казалось, не обращал внимание на суету подготовительных работ.

Семеро преторианцев, образовав широкий ромб, сопровождали Стэна и Хаконе, постоянно держа капитана на мушке. Хаконе и этого вроде бы не замечал. Как всякий «думатель», вдруг ставший активным «делателем», он не мог удержаться от многословных, почти истеричных объяснений своих действий.

— Ах, насколько было бы проще, если бы уже первый этап заговора завершился успехом!

Стэн был тоже слегка не в себе: сейчас его, как-никак офицера разведки, мучило — почти до истерики — любопытство касательно деталей заговора.

— Первый этап, господин Хаконе? К сожалению, мне не все подробности известны. Как я понимаю, вы намеревались взрывом бомбы оглушить Императора. Верно? Его собирались доставить на «скорой помощи» в соуардский госпиталь, где доктор Кнокс позаботился бы об остальном. И что бы это вам дало?

— Обычно после Дня Империи властитель на неделю-другую удаляется от дел, отдыхает и не появляется на публи-

ке. Поэтому в нашем распоряжении было бы две недели, чтобы воздействовать на его психику.

— И чьи приказы он стал бы исполнять?

— Лидо и прочих разумных патриотов, которые убеждены, что следует идти иным путем и имперской политике нужно вернуть ее былой блеск.

— Но теперь вы намерены убить Императора!

— Необходимость — жестокая штука.

Стэн про себя содрогнулся: может ли такой человек, как Хаконе, *действительно* мыслить подобными клише.

— Итак, властителя вы убьете. А кого на его место?

— После гибели Императора все главнейшие имперские средства связи и вещания окажутся в наших руках. И никакая ложная информация не просочится в эфир.

— Вроде той, кто на самом деле сотворил все это?

Хаконе лишь усмехнулся и не счел нужным отвечать.

— Кстати, Хаконе, если уж об этом зашел разговор и мой вопрос не очень возмутит вас: кого вы собираетесь объявить виновником гибели Императора?

— Конечно, таанцев. Кого же еще?

— Ловко. А вам не кажется, что лорды, которые вели переговоры, изложат свою версию событий? И вдруг поверят не вам, а им?

— Покойники не излагают версий.

Доселе невозмутимое лицо Стэна передернулось гневом:

— Да это же война!

— Так точно, капитан. Когда разразится война такого масштаба, кто станет копаться в причинах смерти Императора? Да, будет война, в которой Империя спустит жирок, накопленный в последнее время, — жирок, который мешает ей нормально функционировать. К тому же таанская проблема будет решена раз и навсегда.

— Когда все это случится?

— У нас нет точного расписания событий. Преторианцы во главе со мной взяли дворец за три дня до намеченного срока. То, что вы нашли «Заара Ваарид», заставило нас выступить досрочно — решительно и быстро. А точный час физического устранения Императора будет определен адмиралом Лидо лично.

— Неужели вы верите, что этот ваш комитет или как вы его там называете окажется способен править огромной Империей?

— А почему бы и нет? Одна голова хорошо, а двадцать — лучше.

Стэн хотел возразить, что двадцать голов отнюдь не лучше — члены любой хунты очень скоро начинают грызться между собой, подсиживать друг друга, вырывать власть друг у друга. Но вместо этого он выдвинул другой аргумент:

— Двадцать голов не знают секрета АМ-2.

— Капитан, вы всерьез верите в эту околесицу про секрет изготовления топлива?

Околесица? Вот уж нет, черт возьми! Стэн провел рядом с Императором достаточно времени, чтобы понять: в чем, в чем, а уж в этом властитель не блефует. Этот секрет — его главнейшее оружие.

— Никто не убедит меня в том, — продолжал Хаконе, — что один-единственный человек во Вселенной знает секрет АМ-2. Что формулы состава этого топлива не имеется в каком-нибудь архиве — электронном или еще каком.

Разговор тек дальше. Точнее монолог — Стэн помалкивал и ждал, когда Хаконе перейдет к своему предложению.

Так и случилось.

— Я хотел переговорить с вами наедине, — наконец приступил к делу писатель-заговорщик, — потому что... потому что после... э-э... события начнутся некоторые перестановки наверху. Быть может, вы пригодитесь нам.

— Вам лично или комитету двадцати?

— Разумеется, всему комитету. Впрочем, я бы хотел, чтобы вы обо всем докладывали мне лично.

Стэн не позволил себе улыбнуться. Итак, Хаконе уже сейчас подбирает людей, которые станут подстраховывать его от удара в спину. Стало быть, он не очень-то верит в свои красивые теории.

— А чем я займусь на новой работе?

— Вам будет дозволено остаться в нынешнем качестве. Но я... то есть я хочу сказать мы... словом, время от времени вы будете выполнять некоторые поручения в области разведки.

— Вы забываете, что я принес клятву верности Императору.

— Вы не обязаны быть верны ему после его смерти. Так?

— Предположим, я скажу «так», что тогда?

Хаконе просиял, но затем всмотрелся в лицо Стэна и спросил:

— Лжете, капитан?

— А вы сомневаетесь в этом?

С несколько изменившейся улыбкой Хаконе кивком подозвал охранников подойти поближе.

— Вы осторожная бестия, капитан, — сказал он. — Не будем торопить события. Пусть все пока остается как есть. Посидите под замком в своем кабинете вплоть до дальнейших указаний. А после кончины Императора мы, наверное, возобновим наш разговор.

Стэн вежливо поклонился и пошел обратно в сопровождении преторианского конвоя. Хаконе больше не занимал его мыслей. Капитан уже придумал, как можно улизнуть из заключения. Нашел хороший способ, дававший ему по меньшей мере десятипроцентную уверенность в том, что он в итоге выживет. Когда он служил в отряде Богомолов, судьба редко предоставляла ему такой большой шанс выжить — целых десять процентов!

ГЛАВА 46

Невзирая на ворчливые протесты прочих таанских сановников, лорд Киргхиз сел на голую скамью пехотного катера и решительно пристегнул ремень. Повинуясь его кивку, второй пилот задраил люк. Через несколько мгновений пехотный катер вылетел из чрева линкора и отвалил в сторону «Нормандии».

Киргхиз считал необходимым в интересах высшей политики проявить некоторый стоицизм и прокатиться в отнюдь не комфортабельном пехотном катере, в котором даже офицеры старались не летать. На карту было поставлено слишком много, чтобы брезговать пятиминутным полетом на голой лавке, предназначенной для солдатни. Достаточно сказать, что едва ли треть таанского Верховного Совета дала согласие на проведение данных переговоров — ярые противники Империи и сторонники немедленной войны составляли большинство.

Благодаря закулисным интригам и личному влиянию, Киргхиз сумел навязать свою волю большинству, используя раздоры между фракциями и разброд в стане антиимперцев. Однако в его отсутствие «ястребы» способны перетянуть на свою сторону нерешительных и колеблющихся, баланс сил в Верховном Совете может качнуться... Словом, переговоры лучше не затягивать.

Но некоторые из тех требований, которые ему предлагали выдвинуть в первый же день переговоров, ставили крест на всем дальнейшем. Имея за спиной не одно десятилетие дипломатической работы и политической борьбы, Киргхиз отлично понимал, что именно Император сочтет абсолютно неприемлемым.

Будь он на месте Императора, Киргхиз прервал бы переговоры сразу после заслушивания этих возмутительных требований.

Хоть он и не верил ни в каких богов, Киргхиз про себя молился, чтобы Император оказался человеком достаточно здравым и политически зрелым, сумел бы обуздать обиду и понял, что в декларации таанских лордов, которую вынужден изложить Киргхиз, больше демагогии и дешевых рассуждений о защите интересов таанского крестьянства, чем реального желания ввязаться в войну. Если же Император станет в позу, сочтет нужным оскорбиться и положить конец переговорам — тогда кровавое месиво неизбежно, Таанскому Союзу и Империи придется схлестнуться в межгалактической бойне.

Ни один суперкомпьютер не мог предсказать исход подобной войны. Но все компьютеры, проигрывая возможные варианты, делали один и тот же вывод: и в случае победы, и в случае поражения, экономика таанского мира окажется в самом плачевном состоянии, а сам он — в руинах.

Киргхиз, будучи человеком жестокого таанского мира, воином и аристократом, даже не думал о своей личной судьбе в случае неудачи переговоров — а если договор не будет заключен, его непременно осудят и казнят те же самые лорды-»ястребы», которые сейчас поносят его за желание заключить мир.

ГЛАВА 47

Стэн решил про себя: «Если мне суждено выжить после попытки удрать — что очень и очень сомнительно, — я непременно потребую выплатить мне стоимость сломанного миниголопроцессора. Эта штуковина недешево мне обошлась, и вот приходится жертвовать ею».

Но в виду смерти и бесчестья, имело смысл ради своего спасения искорежить драгоценный аппарат.

Голопроцессор предназначался для создания очень крохотного иллюзорного мирка десятисантиметровой высоты — с фигурками, механизмами и диорамами. Проклиная недостаточность своих познаний в электронике, Стэн заменил все плавкие вставки внутри голопроцессора обычными проводками от лампы для бритья, а также закоротил все предохранительные цепи. Затем он обшарил память аппарата в поисках какого-либо чудовищного зверя, ничего по-настоящему страшного не нашел, хохотнул про себя и ввел в голопроцессор описание вида и поведения жуткого гуриона, который недавно задал жару им с Алексом, когда они мотались на планету-тюрьму за Динсменом.

Завершив работу, Стэн поставил миниголопроцессор в паре метров от двери. Пульт дистанционного управления лежал у его ног. Сам капитан расположился в нужном месте — напротив двери — и размышлял, какую дешевую уловку применить. Сказаться больным? Даже тупые преторианцы вряд ли ему поверят. Проорать, что он хочет есть? Тоже глупость. Но тут Стэна осенило.

Он швырнул видеокассету в дверь и добился нужного — громкого стука.

— Чего там? — громыхнул настороженный голос преторианца.

— Я готов.

— К чему ты готов, так твою растак?

С деланным удивлением Стэн пояснил:

— Как к чему? К разговору с господином Хаконе.

— Нас не инструктировали насчет этого.

— Разве вы не слышали, что Хаконе просил меня подумать и переговорить с ним опять, когда я приду к определенному решению!

— Он нас ни о чем не предупреждал.

Стэн молчал. И это молчание работало на него.

— А кроме того, Хаконе велел, чтоб никого не водили беседовать с ним, пока он сам не вызовет.

— Каи Хаконе, насколько я знаю, в имперском бункере связи. Думаю, он захочет переговорить со мной.

Редкий сержант не способен заморочить мозги рядовому и редкий капитан не умеет одурачить сержанта. По крайней мере, когда Стэн служил в полевых частях, так оно и было. Оставалось только надеяться, что мир не очень изменился с тех пор.

— Мне надо посоветоваться с сержантом охранной службы, — сообщил голос за дверью.

Преторианец уже засомневался, и Стэн поспешил добавить его:

— Как хотите. Только господин Хаконе хотел, чтоб о наших переговорах знало поменьше народу.

За дверью зашелестели голоса преторианцев-охранников, которые вполголоса обсуждали ситуацию. Стэн разобрал обрывки фраз: этот чертов Хаконе темнит... а мы тут разбирайся... да пошел он... отведем капитана в бункер, пусть сами...

Наконец громкий голос спросил:

— Ну-ка, встань у стены напротив двери и не шевелись!

Стэн встал у стены напротив двери и вытянул руки перед собой, показывая пустые ладони. Старший стражник поглядел на него через недавно вставленный в дверь глазок, затем отпер дверь и вошел. За ним следовали двое подчиненных ему преторианцев. Не успели они пройти и трех шагов, как из голопроцессора на потолок спроецировался объемный двухметровый гурион и кинулся на них.

Реакция охраны была мгновенной и предсказуемой — преторианцы в испуге разрядили в потолок свои виллиганы.

Стэн тоже не терял времени — он покатился по полу в сторону стражников, приподнялся у голопроцессора, который уже дымился, потому что все предохранители были убраны. Затем распрямился и вонзил лезвие кинжала в грудь старшего стражника.

Тело преторианца остановило инерцию стэновского прыжка, лезвие вошло по самую рукоять, кровь брызнула сквозь уже угасающее объемное изображение гуриона. Кулаком левой руки Стэн уложил второго охранника точным ударом в висок — этот

парень стоял слева от него и, будь он проворней, мог бы изрешетить капитана. Прежде чем третий охранник опустил дуло оружия и нажал на спусковой крючок, капитан вырвал кинжал из груди первого убитого и метнул его в третьего врага. Преторианец рухнул на пол, а Стэн уже стоял у самой двери в боевой стойке на случай появления еще кого-нибудь.

Не тратя времени на радость по поводу победы, Стэн выбежал из своего кабинета и, настороженно оглядываясь по сторонам, помчался по пустому коридору ко входу в дворцовые катакомбы.

Килгур тоже ломал голову над тем, как вырваться из плена.

— Поганые преториашки! — орал он, стоя под дверью. — Все вы пальцем деланные! Ваши мамаши с баранами спали! А сами вы козлы вонючие! Поняли, козлы вонючие! Мои предки таким, как вы, яйца откручивали еще сорок веков назад! Вы глупы, как Кэмпбеллы!

Но из коридора не следовало никакого ответа.

Алекс отошел в глубину огромной камеры, которая сейчас была перенаселена, — сюда бросили сто двадцать гурков.

— У поганцев совсем нет самолюбия! — в сердцах сказал Килгур своим товарищам по несчастью.

Алекс не придумал ничего лучше, как разозлить преторианцев до такой степени, чтобы они вломились в камеру с целью измолотить дерзкого обидчика, — и тут сказался бы численный перевес. Сто двадцать мускулистых, хорошо обученных и бесстрашных гурков могли бы справиться с несколькими преторианцами, даром что те вооружены до зубов.

Старшина-хавилдар Лалбахадур Тхапа, стоявший у стены неподалеку от шотландца, вяло проронил:

— На гуркали есть страшное ругательство: ты, с лысым лобком! Может, это их проймет.

Алекс расхохотался:

— Более глупого ругательства я никогда не слышал.

— Не глупее, чем сравнивать с какими-то Кэмпбеллами.

Внезапно стена поблизости от Тхапы шевельнулась, от нее отошла плита, и в проеме появился Стэн.

— Опять пикируетесь, ребятки? — сказал он. — Вас слышно за сто метров. А теперь хватит таращиться — и за мной!

Когда гурки преодолели первое изумление и потянулись в туннель за капитаном. Стэн объявил им:

— Оружейная комната тремя этажами выше, надо будет еще пройти через коридор.

— Похоже, за мной кружка пива, — пробормотал Алекс, последним с пыхтением протискиваясь в узкую дыру в стене.

Стэн с видом знатока дворцовых катакомб нажал незаметный выступ, и плита задвинулась за их спинами.

— Одной кружкой не отделаешься... Вперед, ребята, поторапливайтесь!

ГЛАВА 48

Годы спустя Стэн и Алекс будут с удовольствием припоминать эти события и добрым словом поминать Императора, который построил замечательный дворец со столь хитрой системой потайных ходов. Они с пониманием отнесутся к тому, что он потратил столько времени и сил, строя Арундель. Человек, который верит в романтику и в любовь, просто не мог не подумать о создании потайных лабиринтов.

Но о назначении многих из внутристенных ходов можно было только догадываться. Скажем, и Стэн, и Алекс находили вполне логичным, что несколько тайных лесенок ведут в секретные роскошные спальни. Могли они понять, зачем несколько ходов заканчиваются в камерах подземной тюрьмы.

А вот то, зачем многие туннели имеют скрытые выходы в коридоры дворца, было труднее объяснить. Неужели Император был настолько предусмотрителен!

Преторианцы-мятежники тоже могли бы подумать о феномене внутристенных проходов и лестниц — те, кто выжил. А выжили немногие.

Происходило это так. Преторианец шагал по коридору, неся патрульную службу. Внезапно во вроде бы ровной и голой стене бесшумно отодвигалась панель, оттуда выскакивал невысокий зловеще улыбающийся человек с кинжалом в руке — чем-то средним между мачете и коротким мечом. Мгновение — и с преторианцем покончено.

Ста двадцати гуркам, неуловимым, неприметно перемещающимся по тайным ходам и нападавшим неожиданно, как

призраки, противостояло чуть больше тысячи преторианцев. Так что исход был предрешен.

Отвоевание дворца шло стремительно, бесшумно, но преторианской крови пролилось очень и очень много. По плану Стэна гурки охватили дворец по периметру и медленно продвигались к его сердцевине, выбивая преторианцев из императорских покоев, из командного центра, чтобы в итоге освободить ту комнатку, где находился единственный канал связи с властителем.

Бронированная дверь командного центра была заперта, но для взвода гурков одолеть ее не составляло труда. Один наик уже прилаживал миномет, чтобы взрывом снести дверь с петель, когда появился Стэн и остановил его.

— Йак-пубес! — закричал он на гуркали. — Совсем вы, ребята, спятили! Подумайте, что случится, когда реактивный снаряд рванет в этом коридоре!

Наик с минометом пожал плечами. Алекс, который доставал мину из ящика, взятого в оружейной комнате, тоже не проявлял особого беспокойства.

— Станем по сторонам коридора, и ничего, с Божьей помощью! — сказал он.

Стэн понял, что проворного Алекса уже не остановить, и отпрыгнул к стене. Раздался взрыв, и бронированную дверь сорвало. Гурки с кукри наготове устремились в пролом, но боя не получилось. Кучка перепуганных преторианцев столпилась у дальней стены помещения. Они не сопротивлялись. С кукри в руке Стэн пробежал к обычной двери, которая вела в заветную комнатку чрезвычайной связи. Толкнув дверь ногой, он пригнулся и вкатился в проем. Вскочив на ноги, Стэн увидел развороченный пульт и перерезанные провода.

В нише комнаты стоял Каи Хаконе и целился в него из миниатюрного виллигана.

— Маленько опоздали, капитан, — процедил писатель, свободной рукой показывая на разрушения. Держа противника на мушке и не спуская с него глаз, Хаконе продолжал: — Что ж, дворец ваш, зато Император — в наших руках. Аппаратура связи уничтожена. Пока ее восстановите, дело будет уже сделано...

Хаконе сопроводил свои слова театральным жестом. Но тут он покосился на дверь, не ворвется ли в комнату кто-либо из товарищей Стэна. Этого секундного отвлечения было

достаточно. Капитан схватил конец разорванного кабеля под напряжением и ударил им Хаконе.

Голый конец захлестнул руку заговорщика, он упал на пол, выронив виллиган. Его тело забилось в судорогах, стало чернеть — предохранители наконец сработали, ток отключился, и мертвое тело успокоилось. От него шел дымок.

За спиной Стэна раздался знакомый голос с шотландским акцентом:

— Похоже, у Императора теперь одна надежда — что мы, как верные сыны, не оставим его в беде и направимся «за дальние горы, за дальние поля»..

Стэн кивнул, и товарищи поспешили в командный центр дворца.

ГЛАВА 49

«...и последнее. Потерпевшая сторона торжественно просит Его Величество Императора проявить историческую мудрость и справедливость, а также должное сочувствие по поводу гибели отдельного человека и признать героическую и трагическую смерть Годфри Алэна в качестве прискорбного факта. Алэн был человеком, которого глубоко уважали...»

Адмирал Лидо продолжал чтение бубнящим голосом, в который раз перечитывая требования таанских лордов. Его аудитория состояла из двух человек — самого Императора и Сулламоры.

Сулламора усиленно таращил глаза, пытался не заснуть и быть внимательным. Он косился на властителя, дабы его лицо в каждый момент выражало те же чувства, что и лицо Его Величества. Это было трудным делом — на лице Императора не прочитывалось ни единой эмоции.

«...в назначенное время Император лично зачитает своим подданным или доведет иным способом до них послание, текст которого предлагается согласовать. Основными пунктами этого обращения будут следующие...»

— Хватит, — сказал Император. — Сыт по горло. Я понял, чего они хотят. Теперь будем решать, как им ответить.

Брови адмирала Лидо высоко взмыли.

— Я собирался предложить следующее, — промолвил он. — Если мы детально ознакомились с их требованиями, можно передать документ на анализ нашему дипломатическому компьютеру.

Император рассмеялся.

— Бросьте, Лидо. Вы вдруг заговорили так же напыщенно, как чертовы таанцы. — Он взял чайник и налил всем троим еще по чашке. — Что касается дипкомпьютера — забудьте о нем. У меня в голове компьютер помощнее и с большим быстродействием. Я занимаюсь распутыванием дипломатических клубков столько же столетий, сколько у меня орденов на груди, а орденов у меня немало.

Сулламора кивнул с умным видом.

— Я ожидал, что вы скажете именно это, Ваше Величество. Надеюсь, вы не сочтете меня нескромным, если я скажу, что и за моими плечами долгий опыт общения с этой публикой.

— Потому-то я и взял вас с собой. Они максимально доверяют вам, Сулламора, доверяют в той степени, до которой они вообще могут доверять нетаанцу.

Сулламора усмехнулся.

— Это не столько доверие, Ваше Величество, сколько алчность. Ведь я, собственно говоря, единственный человек, которому вы доверили заведовать торговлей с Таанским Союзом.

— Вот почему вы мой скрытый козырь, — сказал Император. — Вы у меня как хорошая наживка на крючок.

Сулламора понятия не имел о рыбной ловле, но придворное чутье подсказывало ему, что его хвалят, и он верноподданно улыбнулся.

— Ну а теперь, — сказал Император, — давайте переведем эту дипломатическую тарабарщину на человеческий язык. У них пять требований к нам. Думаю, по всем пунктам можно вести переговоры. Начнем с пункта первого. Они желают, чтобы я дозволил им осуществлять административный контроль в приграничных мирах. В переводе на человеческий: они хотят, чтобы я подарил им все эти системы.

Сулламора возмущенно фыркнул.

— Вы, разумеется, ответите решительным «нет»!

— Отвечу «нет», но с оговорками, — сказал Вечный Император.

Сулламора начал было протестовать, но властитель властно поднял руку. Казалось, он не замечает, что Лидо до странности безучастен и предпочитает отмалчиваться.

— Давайте пройдемся по следующим пунктам, а потом я скажу вам, как мы поведем себя на переговорах. Итак, второе требование: разрешить иммиграцию. Мое возражение: они наводнят приграничные миры таанцами, что будет равнозначно полному отнятию этих миров у Империи.

Третье. Полная и безусловная амнистия всех алэновских мятежников. Тут проблем нет. Черт с ними, прощу. А самых гнусных и опасных зачинщиков можно со временем выудить по одиночке. Не поднимая шума.

Четвертое. Очень скользкий пункт. Они желают построить свободный космопорт в приграничных мирах.

— Это открывает широкие торговые перспективы, — заметил Сулламора.

— Не спорю. Дело прибыльное. Но это одновременно значит, что мне придет повысить их квоты на покупку АМ-2. А это значит, что они могут накопить больше горючего для своих боевых машин и в конечном итоге мы же пострадаем от этого.

Последний пункт. Они желают, чтобы я принес публичные извинения в связи с гибелью Годфри Алэна.

Лидо поднял голову и тонкогубо улыбнулся Императору.

— А ведь вы никогда не просите прощения, Ваше Величество, не правда ли? — с горечью в голосе сказал он. Его собеседники не заметили агрессивность его тона.

— Да, ты прав, адмирал. Стоит мне начать извиняться за свои поступки — и пиши пропало, пора подыскивать себе преемника. В тот последний раз, когда я просил прощения, мне это обошлось в половину всех нажитых сокровищ.

— Стало быть, отвечайте твердым «нет», Ваше Величество, — посоветовал Сулламора. — Говоря по совести, я не вижу, на какие уступки мы можем пойти. По всем пяти пунктам. Мое мнение: надо послать их куда подальше и пусть катятся к себе домой.

— Я вроде бы и согласен с вами, Танз. Но давайте рассмотрим мои предложения и поглядим, не изменится ли ваше мнение после этого.

Сулламора неожиданно вышел из своего сонливого состояния, и на его лице появилось выражение неподдельного интереса. Он чуял личную прибыль.

— Для начала я превращу их пятое требование в мое собственное первое требование. Я предложу построить мемориал в честь павшего смертью храбрых Годфри Алэна, а также в память обо всех погибших — с обеих сторон. Вместо того чтобы приносить извинения, я выступлю с заявлением, что все люди доброй воли проявили недостаточно усилий для предотвращения происходящей трагедии и несут равную степень ответственности за судьбы мира.

Чтобы подсластить пилюлю, я возьмусь финансировать эту мерзопакость. Я построю город-мемориал на таанской планете-столице. Это будет своего рода коммерческий центр Империи.

На лице Сулламоры расцвела алчная улыбка.

— Иными словами, под видом коммерсантов вы внедрите своих людей в самое сердце их столицы. У вас будет свой военный гарнизон под окнами их Верховного Совета.

Вечный Император громко расхохотался.

— Умница! Да, в коммерсанты я назначу лучших офицеров своей армии — разведчиков, десантников, мужчин и женщин.

— Замечательно! Насколько я знаю таанцев, народ они ограниченный и с легкостью купятся на вашу уловку.

— Далее: вместо передачи приграничных миров под частичную юрисдикцию таанцев я предложу ввести туда миротворческие силы. Состоящие наполовину из наших, наполовину из их солдат.

Сулламора замотал головой: не согласятся!

— Не спешите, Танз. Я позволю им назначить своего командующего этими миротворческими силами.

Сулламора задумался.

— Но не равнозначно ли это отдаче приграничных миров таанцам?

— Так оно и будет выглядеть — внешне. Миротворческим силам будут даны наши космические корабли. С нашими экипажами. Которые будут подчиняться моему человеку. Так что у таанского командующего будут связаны руки, если он вздумает ерепениться. А чтобы позолотить договор, я стану платить своим солдатам из миротворческих сил двойное жалование.

Сулламора даже привскочил от удовольствия.

— Это значит, что по сравнению с таанскими солдатами наши будут просто богачи. И, стало быть, вы тем самым станете подрывать мораль таанских солдат!

Министр взял на заметку эту хитрость и подумал, что неплохо было бы применить ее каким-либо образом при назначении на самые сложные посты в своем торговом ведомстве.

Вечный Император продолжал:

— Они просят открыть двери для иммигрантов. Ладно. А теперь касательно открытого космопорта. Соглашусь. С одним условием — его начальником будет мой ставленник.

— Им придется пойти на это — после того как их человек возглавит миротворческие силы, — кивнул Сулламора. — Но кого вы предложите на этот пост?

— Вас, — сказал Император.

Сулламора нервно облизался. Он чуял свою выгоду, но теперь она обещала быть запредельной.

— Почему меня?

— Кто лучше вас знает таанцев? К тому же ваша преданность не вызывает у меня сомнений. А коль скоро вы будете строго подчиняться моим приказам, то я смогу контролировать потребление АМ-2 в этом космопорте и не допускать воровства. За этим будете следить вы.

— Разумеется, — сказал Сулламора. В деле подделки документации рука у него была набита. На бумаге ни грамма горючего не уйдет налево.

— И наконец я выступаю с фантастически великодушным предложением. Оно сформулировано так, что дурачки-дипломаты будут писать кипятком от радости. Главная проблема таанских миров — помимо того, что у них безобразный фашистский режим, — перенаселенность. Именно из-за этого мы столкнулись лбами в приграничных мирах.

Сулламора согласно кивнул.

— Поэтому, дабы решить проблему перенаселения таанских миров, я берусь финансировать разведэкспедиции по поиску новых пригодных для жизни планет. Дам корабли и людей и поддержу деньгами.

Даже словно набравший в рот воды обер-гофмейстер вдруг ожил.

— И какие же преимущества вы...

— Эти корабли начнут поиски в противоположной от приграничных миров стороне. А если что-то найдут... Да, если появится возможность дальнейшей экспансии для таанцев, они станут расширяться в другом направлении, прочь от Империи. Если нам повезет, таанские первопроходцы и колонисты станут сталкиваться лбами с представителями других миров. Вот с ними пусть они и воюют, раз такие воинственные. Ну, что скажете?

Вечный Император откинулся на спинку кресла в ожидании реакции двух ключевых фигур своего правительства.

— План кажется мне хорошим, — поспешно сказал обергофмейстер.

Сулламора с ответом не спешил. Он надолго задумался. Потом солидно кивнул:

— Да, кажется, должно сработать.

— Должно сработать, черт возьми! — воскликнул Император. — Если, не дай Бог, не выгорит...

В этот момент лампочка над дверью замигала.

Лидо нахмурился и коснулся кнопки на пульте. Голос адъютанта произнес:

— Прибыл офицер связи, сэр.

— Я же велел не прерывать совещание!

— Адмирал, — вмешался Император, — это может быть сообщение, которое я с нетерпением ожидаю.

Лидо нажал другую кнопку, и дверь открылась.

Дежурный офицер растерялся: отдать ли честь Императору или поклониться ему. В итоге он сделал и то, и другое — одновременно. Вышло достаточно нелепо.

Но Императору было не до того. Он надеялся, что офицер принес благую весть от Стэна — что заговорщики схвачены и их можно представить таанцами в качестве подарка, перевязав для красоты пестрыми ленточками.

— Э-э... э-э... — робел офицер связи. Наконец он решил, что проще изложить донесение адмиралу Лидо, и обратился к нему: — Мы поймали сигнал бедствия.

— Ерунда! — раздраженно бросил Лидо, забирая у офицера распечатку полученного сообщения. — Это нас не касается. Сейчас не до того. Ответа не будет.

— Погодите. Дайте-ка взглянуть, — сказал Император.

Лидо передал ему распечатку. Согласно сообщению в нескольких световых годах от пульсара NG 467H торговый ко-

рабль «Монтебелло» находился в самом отчаянном положении. Взорвалось топливо, все офицеры погибли или тяжело ранены, члены экипажа получили ожоги. Корабль взывал о немедленной помощи ко всем, кто окажется поблизости и примет сигнал «SOS».

— Ослы! — воскликнул Император. — Для экономии топлива пошли опасным маршрутом, а сами не способны без фонаря свою ширинку найти.

— Ваше Величество, — сказал Сулламора, — адмирал Лидо прав. У нас тут дела куда важнее. Некогда нам отвлекаться на дюжину-другую придурков, которые обгорели из-за своей же глупости.

Скорее всего, Император и сам бы принял решение не вмешиваться. Но Сулламора допустил характерную ошибку: выбрал не те выражения и раздразнил властителя. Тому вспомнилось, что и сам он тысячу лет назад был среди «придурков», летал на небольшом корабле и его судьба мало кого интересовала.

— Лейтенант, — сказал Император офицеру связи, — отнесите это сообщение в командный отсек. Пусть они там отрядят истребитель на помощь. Немедленно.

Офицер на этот раз просто приложил руку к козырьку и поспешил убраться с глаз Императора.

А Его Величество вернулся к текущим делам.

— Теперь, адмирал, призовите на помощь все ваши дипломатические способности и давайте продумаем, как нам сформулировать мои «великодушные» предложения в таких обтекаемых фразах, чтобы лорд Киргхиз не подумал, что мы просто спятили.

ГЛАВА 50

— Спасибо, мистер Дженкинс. Я поведу корабль.

«Черта с два я его поведу, — подумал командир имперского истребителя Лавонн, когда палубный офицер взял под козырек и отступил на несколько шагов. — Мы возле этого проклятого пульсара слепее слепых, мне придется целиком

полагаться на поганый компьютер — он наша собака-поводырь. И все равно можем врезаться во что-нибудь».

Лавонн еще раз сверился с экраном, на котором высвечивался курс корабля.

— Наши координаты нулевые?

— Нулевые, сэр, — отозвался второй пилот.

— Курс влево тридцать пять. Вспомогательный двигатель... одна четвертая скорости.

— Есть вспомогательный двигатель на одну четвертую скорости.

Лавонн мысленно скрестил пальцы — авось повезет и на этот раз и в следующие секунды они не пересекут орбиты какого-нибудь другого истребителя.

— Двигатель к старту.

— Есть двигатель к старту.

Имперский истребитель «Сан-Хасинто» слегка задрожал — это корабельный гироскоп развернул аппарат в нужном направлении, после чего последовала новая команда, включился Юкава-драйв и «Сан-Хасинто» отделился от стоящих на стационарных орбитах имперских кораблей.

Лавонн подождал тридцать секунд, затем приказал:

— Вспомогательный до половины скорости.

— Есть вспомогательный до половины скорости, — без выражения отозвался второй пилот.

— Мистер Коллинз... начинаем отсчет... начали! Через пять минут включение основного двигателя.

— Есть пять минут до включения основного двигателя, капитан. Отсчет пошел.

Пять минут капитан «Сан-Хасинто» сидел как на иголках. Он хотел взять управление на себя, отняв его у автопилота. Нет, нельзя давать волю нервам. Надо расслабиться и подумать о другом.

При нормальных обстоятельствах командир истребителя Лавонн рвал бы и метал, получив подобное задание — спасти терпящий бедствие торговый корабль. До того, как он стал командиром «Сан-Хасинто», он столько этих торговых фитюлек переспасал, что возвращаться к прошлому не было ни малейшей охоты. К тому же, по его мнению, весь торговый флот следовало передать в ведение военных. Лавонн не то чтобы ненавидел штафирок, но за свою жизнь перевидал столько грузовиков, которые терпели бедствие по самым бе-

зобразным причинам: то экипаж небрежен, то спасательные отсеки устаревшей конструкции или завалены товарами, тогда как должны быть свободны. Зачастую грузовиками управляли пилоты, которым, судя по их квалификации, даже большой гравитолет нельзя было доверить.

Однако сейчас новое задание давало командиру и экипажу «Сан-Хасинто» хоть какое-то занятие. Вообще-то Лавонн был польщен, когда на военную базу пришел приказ: его истребитель будет сопровождать лайнер до места назначения. Кто-то там наверху — на самом верху! — посчитал, что «Сан-Хасинто» — хороший истребитель, а его командир достойный профессионал, стоящий во главе отличного экипажа. У Лавонна иногда случались приступы самолюбования, и тогда он думал, что участие в экспедиции для переговоров с таанцами зачтется ему и будет большим плюсом в служебной характеристике, когда станет вопрос о его повышении.

Слухи среди экипажа, куда они направляются и что является конечной целью экспедиции, достигли пика, когда «Сан-Хасинто» подошел в район NG 467H и через иллюминаторы они увидели таанский линкор. Лавонн сообразил, что его корабль принимает участие в некоем великом историческом событии. Только в каком? Он представлял себя седым адмиралом, который, уйдя в отставку, будет рассказывать своим внучатам: «Довелось мне участвовать в событии огромной исторической важности. Оно происходило у далекого пульсара. И там произошло — а что произошло, я не знаю, и никто не удосужился мне сказать».

Хуже всего было то, что радиосвязь и радары вблизи пульсара не работали. Экипаж бездельничал, все ощущали себя сардинами в банке, маялись от скуки.

Приказы от командира эскадрильи прибывали на маленьких торпедах. Но они никак не проясняли ситуации: патрулируйте там-то и там-то, потом вернитесь на прежнюю орбиту и не отклоняйтесь на нее ни на йоту.

Разумеется, экипаж честил командование последними словами, когда поблизости не было офицеров. Количество нарушений дисциплины росло. Рядовые, жившие парочками, внезапно ссорились и просились в общие каюты, разрывая многолетние союзы. А помощника боцмана, любимца Лавонна, который за всю службу напился только один раз, когда они были в одном порту на чертовски развратной планетке, —

этого тишайшего парня пришлось временно разжаловать в рядовые, потому что его поймали на том, что он переделал устройство очистки корабельный воды в самогонный аппарат, на котором изготавливал напиток, валивший с ног не хуже АМ-2, если его принять внутрь.

Словом, экипаж был деморализован бездействием, и Лавонн только порадовался, когда получил приказ отделиться от имперского флота, действовать самостоятельно и спасти грузовик «Монтебелло», который терпит бедствие.

— Четыре минуты тридцать секунд.

Лавонн вернулся на корабельный мостик и приказал:

— За пятнадцать секунд начните отсчет вслух.

— Есть начать отсчет за пятнадцать секунд. Пятнадцать, сэр! Двенадцать... одиннадцать... десять... девять... восемь... семь... шесть...

— К пуску главного двигателя... товсь!

— Есть готовность к пуску.

— Две... одна...

— Пуск!

«Сан-Хасинто» завибрировал — это включился драйв АМ-2 и начал вывод корабля на орбиту, которая пройдет «над» пульсаром и приведет в ближайшую точку пересечения с орбитой несчастного «Монтебелло».

— Этот корабль напоминает мне одного моего предка — тот тоже был латаный-перелатаный, — заявил Алекс собравшимся вокруг него гуркам.

Корабль, на котором они летели, был грузовиком, сменившим не мало владельцев, но начинал он как разведывательный корабль спецотряда Богомолов, и на нем установили двигатели не менее мощные, чем у боевого истребителя, да и электронная начинка — по тем давним временам — была первоклассной.

Сейчас это был ветеран. К тому же вместо команды из четырех человек в него набилось сорок гурков плюс Стэн и Килгур. Было тесновато. Зато весело и шумно.

Перед тем как нажать кнопку подачи аварийного сигнала, Стэн определил координаты нескольких имперских спутников, поставленных на дальних подступах к пульсару для обеспечения полной безопасности — чтобы они засекли пульсацию драйва любого корабля, который осмелится подойти

слишком близко к району переговоров на самом высшем уровне.

Стэн знал, что эти же спутники отслеживают тугой лазерный пучок из прайм-уорлдского дворца, готовые передать срочное сообщение оттуда Императору, невзирая на помехи, создаваемые пульсаром. Капитан надеялся, что, внимательно отслеживая эфир, связисты на спутнике поймают и сигнал бедствия с «Монтебелло».

Краем уха Стэн слышал, как Алекс травит очередную байку скучающим гуркам. Особых занятий у него не было, и мало-помалу он заинтересовывался болтовней Алекса все больше и наконец стал слушать внимательно.

Алекс говорил:

— Мой предок, надо вам знать, был человек особенный. Звали его Алекс Селкирк Килгур. И вот, значит, вдруг занадобилась этому Селкирку справка от врача, чтоб ему позволили и дальше летать по торговым делам. Ну, приходит он, значит, к доктору, а тот ему говорит:

— Э-э, да у вас, приятель, кой-каких частей тела не хватает.

Мой предок отвечает:

— Верно.

— А чего ж вы трансплантанты себе не поставили? Это ведь так просто!

— Понимаете, — объясняет Селкирк, — не было никакой возможности. До недавних пор я, видите ли, пиратствовал.

Доктор закивал — резонно, дескать, Селкирк говорит. И осматривает того дальше. Закончил и говорит:

— Да вы, приятель, здоровее здорового. Вот одно только — кое-чего у вас не хватает.

Тут Селкирк ему и объясняет:

— Ноги у меня нет. Деревяшка вместо нее. Ногу отхватило люком, когда брал на абордаж яхту одного богатея.

Доктор слушает, уши развесил.

— Видите крюк вместо руки? Срезало руку лазерной пушкой.

— А с глазом что случилось, почему нету?

Селкирк ему и отвечает:

— Да чайка на него капнула.

Доктор глаза вытаращил, говорит:

— Никогда не слышал, чтобы от помета чайки глаза вытекали!

— Правда ваша. А дело было так. Стою я, значит, в одном порту на берегу, а тут чайка пролетает. Ну и капнула мне на глаз.

— Но каким образом?..

— Видите ли, доктор, мне только накануне поставили крюк вместо руки, и я к нему тогда еще не привык.

Стэн почесал в затылке, хотел сказать что-нибудь хлесткое, не нашелся и уставился на экран, на котором высвечивалась карта звездного неба вокруг «Монтебелло».

«Сан-Хасинто» подошел на самой малой скорости вплотную к «Монтебелло». Лавонн, наученный горьким опытом, исходил из предположения, что на грузовике может оказаться нестандартный стыковочный узел, невзирая на все строгие предписания об унификации. Поэтому он принял решение на всякий случай приготовить надувной переходной коридор.

И вот гармошка коридора наглухо прилегла к шлюзовому люку «Монтебелло». Лавонн стоял в скафандре в шлюзовом отсеке своего корабля во главе спасательного отряда из двадцати человек. Еще со времен, когда он принимал участие в наземных боевых действиях, он верил, что командир всегда должен быть впереди своих подчиненных.

Через этот шлюз предстояло принять пострадавших с «Монтебелло», для которых наспех оборудовали лазарет в одном из самых просторных отсеков.

— Приготовиться к открытию люка! — приказал Лавонн. — Открыть люк!

— Есть открыть люк, сэр.

Воздух пронзительно засвистел, давление в шлюзовом отсеке и переходном коридоре выровнялось. Придерживаясь за поручень, Лавонн пролетел к входному люку грузовика.

Открыв люк и дождавшись, когда давление выровняется, Лавонн и его бортовой врач первыми вошли в шлюзовую камеру «Монтебелло». Командир «Сан-Хасинто» готовился увидеть что-нибудь жуткое: панику, хаос, тела, разорванные на куски из-за разгерметизации; или обожженных мужчин и женщин; или обезумевших мятежников. Он готовил себя к чему угодно, только не к тому, что увидел.

А увидел он трех вооруженных мужчин в имперской военной форме. У высокого худощавого мужчины, стоявшего чуть впереди остальных, были нашивки капитана личной

охраны Его Величества. Все трое держали Лавонна и доктора на прицеле виллиганов.

Лавонн растерянно заморгал. Прежде чем он пришел в себя, капитан произнес:

— Будучи облечен чрезвычайными полномочиями лично Его Величеством Императором, я принимаю командование вашим кораблем, сэр.

ГЛАВА 51

В зале, где велись переговоры, вполголоса переговаривались между собой члены таанской дипломатической делегации и — отдельно от них — советники Императора. В дальнем конце зала происходили главные события — беседа между Императором и лордом Киргхизом, в которой принимал участие Танз Сулламора. Все присутствующие с тревогой ждали, чем же закончится эта беседа. Соглашением или немедленным объявлением войны?

Если бы они могли проникнуть в мысли Императора в тот момент, когда таанская делегация вошла в зал, они бы знали точный ответ. Император отметил про себя, что все таанцы, начиная с наименее знатного лорда и заканчивая лордом Киргхизом, одеты в парадные военные мундиры — изумрудного цвета плащи, красные кители и зеленые штаны. На кителях красовались всеми цветами радуги орденские ленты и позвякивали медали.

Вечный Император постарался скрыть улыбку при виде этих пестрых попугайских одеяний: люди так выряжаются на банкет, а не для объявления войны. Сам он оделся как можно проще — на нем был его каждодневный элегантный серый мундир. Никаких орденов и медалей, только один значок, свидетельствующий о том, что он глава Империи, — небольшой золотой кружок с буквами АМ-2 на фоне атомарной решетки. Вечный Император не раз говорил Махони, что есть единственный способ выделиться в толпе разряженных вельмож, — быть одетым как можно проще. «Если вы босс

всех боссов, — говаривал властитель, — вам ни к чему это афишировать».

Император встал и протянул руку Киргхизу.

— Итак, мы пришли к обоюдному согласию?

Лорд Киргхиз старался сохранить на лице выражение сановитого спокойствия, но невольно расплылся в улыбке:

— Да, мы пришли к согласию.

— В таком случае оставим нашим сотрудникам обсуждение деталей, — сказал Император. — Окончательное подписание договора может произойти в удобное для нас время.

Затем Император обратился ко всем присутствующим:

— Дамы и господа, позвольте мне высказать предположение, что наша работа близится к концу и увенчается мирным договором. Приглашаю всех на прием по поводу успешного завершения переговоров.

По взмаху императорской руки створки огромных дверей с шипящим звуком раздвинулись. Таанцы невольно вытягивали шеи, чтобы взглянуть на длинные столы, ломившиеся от яств. Под приветственные крики и смех Вечный Император пригласил гостей в банкетный зал.

Этот банкет был звездным часом Марра и Сенна — пиком их долгой карьеры поставщиков двора Его Величества. Они не пожалели ни денег, ни усилий, чтобы этот пир стал одним из самых замечательных и необычных в истории Империи.

Начать с того, что им досталась нелегкая задача сделать максимально уютным огромный корабельный банкетный зал. Для этого они приказали оставить некоторые передвижные перегородки и драпировали их тканями мягких оттенков, чтобы атмосфера в зале стала теплее. Столы были расставлены так искусно, что никто из гостей не чувствовал себя отрезанным от средоточия вечера — Императора и Киргхиза, которые сидели друг против друга за главным столом. Марр и Сенн отказались от верхнего света и установили скрытое освещение, которое выгодно подчеркивало бликами серебро посуды. В приглушенном свете подаваемые блюда выглядели особенно аппетитно.

Но величайшим чудом была сама еда. Естественно, коль скоро Император был хозяином вечера, меню состояло преимущественно из таанских кушаний, приправленных соуса-

ми и специями, которые должны были прийтись по вкусу именитым таанцам. Что касается прислуги, то и здесь Марр и Сенн превзошли самих себя. Обслуживание автоматами или дорогими роботами-официантами не ценилось так, как обслуживание обычными официантами. Поэтому было решено, что за столом будут прислуживать преторианцы. За спиной каждого гостя стоял дюжий детина в парадной форме, готовый по первому знаку налить тому вина, принести новое блюдо, убрать ненужную тарелку.

Однако участие преторианцев в банкете больше всего нравилось адмиралу Лидо. Он мог только мечтать о таком благоприятном для себя повороте. Сейчас он взял бокал с вином и, медленно потягивая приятный напиток, мысленно похваливал Марра и Сенна. Жаль только, что это будет последний банкет в их жизни.

Лидо встретился взглядом с сидевшим напротив полковником Фоли — и поднял свой бокал в молчаливом тосте. Фоли так же молча приподнял свой бокал.

ГЛАВА 52

Во времена, когда межзвездная связь была доведена почти до совершенства, связь между космическими кораблями по проводу была не менее устаревшей, чем переговорная трубка. Но в окрестностях пульсара все иначе, вот почему за небольшой ракетой, запущенной в сторону «Нормандии», тянулся провод.

Ракета подлетела к императорскому лайнеру, примагнитилась к его брюху. Связь, пусть до смешного архаичная, была установлена.

— Это доктор Шапиро, — донесся голос с «Нормандии». — Много у вас пострадавших?

— Говорит командир корабля Лавонн. Тридцать пять пострадавших. Мой бортовой врач говорит, что двенадцать в критическом положении — ожоги третьей степени. А у других ожоги второй степени, положение тяжелое.

— Оставайтесь на связи.

Из брюха лайнера выдвинулись две полукруглые лапы, захватившие «Сан-Хасинто» и подтянувшие корабль так, что двери его шлюза совпали со шлюзовым люком «Нормандии».

Когда автоматика завершила стыковку и двери открылись, Стэн и сорок гурков устремились внутрь лайнера. Они были вооружены не только кинжалами и виллиганами — у каждого за плечом висело газовое ружье, способное оглушить человека на некоторое время.

Приказ Стэна был прост. Первое: выводить из строя всякого, кто встретится. Второе: если встреченный не вооружен, оглушите; если человек вооружен и ведет себя агрессивно — без колебания убивайте. Третье: найти Императора и обеспечить его безопасность. Четвертое: никто не имеет права приближаться к Императору ни под каким видом — любой, кто попробует подойти к властителю, невзирая на его чин и причину такой попытки, должен быть убит на месте.

Гурки есть гурки: когда приказ им ясен, его выполнение гарантировано. Все встреченные не позже чем через пять секунд лежали без сознания или бездыханными. Даже дежурные в командном центре не успели передать сигнал тревоги о том, что корабль захвачен неизвестными.

По команде, словно это было на учебном плацу, капрал Люк Кезаре вышел вперед с блюдом, которое было накрыто салфеткой. Киргхиз обернулся к нему и улыбнулся в ожидании нового блюда. Держа в левой руке блюдо, Кезаре выхватил правой рукой лежащий под салфеткой кинжал и вонзил лезвие прямо в улыбающийся рот таанца. Лезвие прошло через небо — прямо в мозг.

ГЛАВА 53

Колонна гурков во главе со Стэном в молчании двигалась по главному коридору в той части корабля, где располагались каюты экипажа, когда из громкоговорителя внутренней связи раздался испуганный голос:

— Всем прибыть в банкетный зал. Кто-нибудь... помогите! Они пытаются убить Императора!..

Голос прервался на полуслове, послышался какой-то шум, крики... Репродуктор замолчал. Члены команды выбегали из своих кают — и гурки тут же оглушали их газом.

Когда гурки подошли к лифтам, Стэн жестом приказал им остановиться. Часть своих людей он послал под началом старшины-хавилдара Харкамана Лимбу пройти через ту часть корабля, где были каюты офицеров, и захватить командный отсек и мостик «Нормандии». Оставшиеся двадцать гурков последовали вместе со Стэном в банкетный зал.

Огромные створки дверей банкетного зала были раздвинуты, когда Стэн и Алекс приблизились к ним.

Из дальнего конца зала доносились звуки ожесточенной схватки. По сигналу Стэна Алекс и гурки осторожно просочились в зал.

Зал, превращенный усилиями Марра и Сенна в произведение искусства, представлял собой картину полного разрушения. Столы перевернуты, скатерти горят. По полу было трудно ступать — ноги скользили по изысканным кушаньям. Страшно искалеченные трупы скалились на гурков рядом с каждым из перевернутых столов.

Стэн и его друзья торопливо пробирались в дальний конец зала. Все кругом внушало ужас. Стэн обратил внимание, как много таанцев убито — но одновременно и преторианцев. Иногда попадались тела гурков, которые пали, защищая своего Императора.

Глаза Алекса налились кровью при виде этого кошмарного зрелища.

— Подлые изменники! — рокотал он. — Мразь навроде Кэмпбеллов!

Стэн с облегчением заметил, что среди трупов нет тела Императора.

Вокруг главного стола лежали пятнадцать преторианцев-изменников, мертвые, с зияющими ранами. В центре круга лежал один из гурков, тоже мертвый, с простреленным горлом. Стэн узнал Хемедара Кулбира. Он умер доблестной смертью, до конца выполнив долг перед Императором, которому приносил клятву верности.

— Вот геройская смерть, — шепнул Алекс Стэну.

Не успел Стэн отозваться на его слова, как в коридоре, ведущем из банкетного зала, раздался хлопок выстрела.

— Вперед! — крикнул Стэн. Гурки устремились в сторону коридора, перепрыгивая через распростертые тела.

За углом они обнаружили взвод преторианцев, которые нападали на троих гурков — последних из тех, кого Император взял с собой на «Нормандию». Стэн подоспел к тому моменту, когда Лимбу с кукри в руке кинулся на группу преторианцев без всякой надежды выжить в неравной схватке и убил двоих, прежде чем был убит сам.

Гурки, которых привел Стэн, напали на преторианцев сзади. Через несколько мгновений пятнадцать изменников лежали бездыханными в коридоре, а команда Стэна проследовала дальше в поисках Императора.

ГЛАВА 54

Император пнул ногой жирного Сулламору, чтобы тот побыстрее спускался вниз по лестнице, затем обернулся и стал спускаться сам — пятясь, с виллиганом в руке. Однако время поджимало, преследователи могли появиться в любую секунду. Не задумываясь, Император сел на перила и съехал вниз. Молнией мелькнуло в голове: есть еще порох в пороховницах, тело само соображает, что делать в трудной ситуации.

Как только ноги властителя коснулись батарейной палубы, он мгновенно отскочил в сторону — и вовремя, потому что то место, куда он съехал по перилам, было разворочено диском антиматерии из виллигана. Вверху стоял преторианец и целился в Императора, чтобы на этот раз не промахнуться. Император выстрелил первым, и диск АМ-2 разорвал солдату грудь. Императорский виллиган еще трижды плюнул дисками антиматерии, которые подрезали опоры лестницы, и она упала вниз.

— Это остановит их на какое-то время — пусть помозгуют, как спуститься сюда без лестницы, — пробормотал властитель.

Воспользовавшись передышкой, он секунд тридцать стоял за колонной и обдумывал свое положение.

Когда преторианец внезапно ударом кинжала сразил Киргхиза, Император от неожиданности в первый момент растерялся. Мелькнула глупая мысль: а не плюнуть ли на все. Пусть убивают. Надоело! Хотя это была мимолетная мысль, но она на миллионную долю секунды парализовала его — и это могло стоить ему жизни.

Спасли его гурки. Когда изменники метнулись к столу, где сидел Император, наик Тхаман Гурунг свалил Его Величество на пол и прикрыл своим телом. Смертельный заряд вошел в грудь Гурунга. Тем временем Читтаханг Лимбу использовал виллиган как автомат и очередью уложил не меньше дюжины преторианцев. Затем сам рухнул с простреленным горлом.

Император выбрался из-под тела своего спасителя, взял его виллиган и возглавил бой. Гурки вместе с ним начали отступление к выходу. Преторианцы не были готовы к такому отчаянному сопротивлению и на минуту растерялись, дали гуркам занять более удобные позиции.

Надо где-то забаррикадироваться, думал Император. Было бы естественнее всего отступить в свои апартаменты, но, опытный инженер, он принял другой план — отступать в машинное отделение «Нормандии».

Он сообразил, что горстка отчаянно смелых гурков под командованием Лимбу продержится считанные минуты. Но за это время можно ретироваться в машинное отделение. Там он сумеет сперва запаять входные люки, а потом держать оборону даже в одиночку, благо запасов антиматерии в машинном отделении достаточно, чтобы уложить хоть тысячу врагов. Сейчас Император осматривал батарейную палубу, на которой он находился. Здесь стояли пусковые ракетные установки и лазерные пушки, но в целом этот широкий коридор мало отличался от прогулочной палубы океанского лайнера. Нет, тут негде укрыться, надо побыстрее убираться отсюда.

Лидо поджидал Императора у следующей лестницы, которая вела вниз, на корабельную кухню. Император сделал знак рукой, и его сопровождающие двинулись вперед. Лишь сейчас до него дошло, как мало людей осталось с ним — только Сулламора, Лидо и двое гурков.

Но, что было удивительнее всего, происходящее приятно щекотало его нервы.

Стэн, Алекс и гурки соскользнули на батарейную палубу по стволу шахты для подъема снарядов. Метрах в пятидесяти от них группа преторианцев топталась у разрушенной лестницы. Их не меньше двадцати, отметил про себя Стэн. Один из преторианцев увидел противника и криком предупредил товарищей.

Стэн спустился на батарейную палубу последним. Там он шустро приподнял предохранительный колпачок и нажал красную кнопку на стене, над которой была надпись «ЗАРЯЖАНИЕ». Снаряд типа «гоблин» автоматически пошел к началу шахты и стал подниматься вверх, навстречу преторианцам, которые посыпались в шахту, норовя догнать Стэна и его товарищей.

Автоматическая система заряжания подает снаряд каждые шесть секунд, поэтому массивные снаряды идут на большой скорости и двигаются по подъемной шахте со скоростью шестьдесят километров в час. И вот тысяча килограммов стали столкнулась с несколькими сотнями килограммов человеческой плоти, которую она тут же превратила в просто мясо.

Пятеро преторианцев погибли, прежде чем остальные сумели блокировать работу аппарата и соскользнули вниз невредимыми. Здесь гурки встретили их плотным огнем, и преторианцам пришлось попрятаться за ракетными пусковыми установками, лазерными пушками и другими укрытиями на батарейной палубе. Они открыли ответный огонь по гуркам.

— Да сколько же можно! — ворчал Алекс. — Как мне эти сволочи надоели!

И он решил действовать самым радикальным методом.

На «Нормандии» имелось оружие не только для военных действий в космосе, но и оружие для ведения боя на поверхности планет.

Разумеется, такое оружие обычно хранилось под замком. Упаси Бог использовать его на корабле — пробивает переборки. Но на батарейной палубе в нише на стене был закреплен огнемет — громоздкое тяжелое устройство, с которым можно справиться только вчетвером. У обыкновенного чело-

века, как говорится, пупок развяжется, если он попробует орудовать огнеметом в одиночку.

Но старшина Алекс Килгур никогда не был обыкновенным человеком. А необыкновенные обстоятельства только увеличивали его силу и энергию. Диском антиматерии он перерезал цепь, которая приковывала огнемет к нише, вывоpотил аппаратище, снял предохранитель, прицелился — и выстрелил. И все это сделал в мгновение ока, чтобы Стэн не успел запротестовать, а преторианцы — принять меры к спасению своих шкур.

Из сопла огнемета вырвалась струя, шар пламени ударил о переборку, пошел рикошетом в сторону преторианцев — и разлился морем огня.

Когда выстрел из огнемета используют для подачи сигнала, его вспышка видна с расстояния в одну световую секунду. Можно представить себе, что произошло на батарейной палубе на пространстве десять на десять метров.

Гурки и Стэн лежали пластом за своими укрытиями, закрыв глаза. Система пожаротушения «Нормандии» сработала четко и быстро — с грохотом и шипением на палубу обрушились несколько тонн пены и подавили огонь.

Но к этому моменту от преторианцев остались лишь обугленные трупы.

По оплавившемуся полу батарейной палубы Стэн и его команда поспешили дальше в поисках Императора.

ГЛАВА 55

Марр и Сенн прятались в огромной микроволновой печи.

Когда началась бойня, оба находились в просторной корабельной кухне. Услышав истерические крики из громкоговорителя, за которыми последовал шум и еще более страшное молчание, они благоразумно решили не высовываться.

Напуганный Сенн прижимался к Марру.

— Когда они закончат свое дело там, то явятся сюда, чтобы прикончить и нас. — Он ласково провел рукой по

шерсти своего любовника, с которым никогда не расставался. — Ну что ж, мы неплохо прожили и любили друг друга.

Марр вдруг решительно поднялся во весь рост.

— Еще посмотрим, кто кого! — воскликнул он. — Мерзавцы!

— Думаешь, мы справимся с ними?

— Не знаю, мой милый. Но мы с тобой доки по части кухни. И если эти скоты ворвутся *сюда,* пусть пеняют на себя!

Он забегал по кухне, делая необходимые приготовления к последнему смертному бою. Сенн догадался, что задумал его возлюбленный, и тоже вывалился из печи, позабыв о намерении умереть тихо и без сопротивления.

Начали они с микроволновой печи — трехметровой высоты и такой же ширины. Внутри было множество решеток, огромных противней и вертел, на который можно насадить целого быка. Жарка производилась с помощью сонара, который внешне напоминал большую кинокамеру, стоящую на гидравлических лапах. Когда печь включали, толстые двери автоматически наглухо закрывались, а сонар медленно перемещался по камере, посылая широкий звуковой луч на ультракоротких частотах.

Первым делом Марр взломал запоры, которые безопасности ради преграждали доступ к сонару. Затем они вывернули прибор из гнезда, однако из печи вытащить не успели.

На лестнице, ведущей в кухню, раздался шум шагов. У Марра и Сенна, которые возились внутри печи, сердце упало — конец! Но тут в кухню спустился Вечный Император. Левой рукой он тащил за собой спятившего от страха Суллламору, а правой отстреливался из виллигана.

Секундой позже в кухню забежали обер-гофмейстер и двое телохранителей-гурков. Наики Рамсинг Рана и Агансинг Раи осыпали своих преследователей ругательствами и вели по ним огонь из виллиганов.

Диски антиматерии из преторианских виллиганов врезались в пол и стены кухни, оплавляли стальные стены.

— Сюда! — крикнул Император и повел свою небольшую команду к запасному выходу из кухни. Оттуда можно было попасть по переходу в главную кладовую, а затем в машинное отделение.

Преторианцы уже ворвались на кухню. Рам задержался у двери, прикрывая бегство властителя. Диск антиматерии вспо-

рол ему живот, и верный телохранитель, негромко вскрикнув, упал замертво. Преторианцы бежали к двери, за которой скрылись два сановника, Император и его единственный оставшийся в живых телохранитель.

Ни секунды не поколебавшись, Сенн собрался в пушистый комок, выкатился из печи, проворно нажал кнопку «ПАРОВАЯ ЧИСТКА КУХНИ» и так же шустро нырнул обратно в печь, затворив за собой ее дверцы.

Из отверстий в стенах повалил раскаленный пар. Санитарные сенсоры определили координаты скопления больших биологических масс загрязнения и направили струи пара прямо на преторианцев.

Одиннадцать преторианцев, которых автомат приравнял к микробам больших размеров, заорали от боли. Их легкие заполнились раскаленным паром — и сварились, прежде чем солдаты успели закричать второй раз. Кожа несчастных пошла огромными волдырями, которые лопались, снова вздувались...

Процесс паровой очистки занял тридцать секунд — как и положено по инструкции. К этому моменту все преторианцы умерли страшной смертью. Или умирали — человеческий организм крепок и сдается не сразу...

Но по лестнице снова грохотали армейские ботинки. Новая группа преторианцев с полковником Фоли во главе ворвалась на кухню. Полковник увидел мордашку Сенна, который выглядывал из печи.

— Убить! — крикнул Фоли.

Сам он с четырьмя преторианцами устремился к запасному выходу, через который бежал Император. Остальные преторианцы кинулись к Марру и Сенну.

— Помоги мне, — пискнул Марр. Сенн подставил свои плечики под сонар, оба поднатужились и взгромоздили прибор на решетку открытой печи, направив его в сторону атакующих. — Давай!

Марр нажал кнопку включения сонара; оба друга выскочили из печи и под градом выстрелов укатились за стальной мусорный контейнер.

Ни о чем не подозревающие преторианцы надвигались в луче невидимых губительных волн. Прибор был установлен на предельную мощность — нападающие изжарились буквально за несколько секунд. Микроволновая печь начинает

жарку *изнутри,* поэтому до того, как их кожа начала краснеть, а потом чернеть и дымиться, у преторианцев поджарились внутренние органы — тела разорвало, и куски мяса разлетелись по всей пятидесятиметровой кухне.

Марр выглянул наружу, и от увиденного зрелища ему сделалось дурно. Сенн хотел было тоже выглянуть, но Марр пихнул его обратно, чтобы тот не получил психическую травму на всю жизнь. В душе самого Марра что-то оборвалось: он понял, что не сможет больше так же безмятежно эстетствовать, как прежде, — после всего увиденного.

Однако их оружие сработало.

Теперь любой, кто спустится на кухню, погибнет той же лютой смертью. Марр выключил сонар, но держал лапу у кнопки — на случай, если появится новый враг.

На лестнице опять кто-то шумел. Донесся топот множества армейских ботинок. Марр готовился нажать кнопку.

Первым в кухню вбежал высокий стройный мужчина. Марр на десятую долю секунды включил смертоносный прибор, потом узнал Стэна и отключил сонар. Задрожав от ужаса — он понял, какой беды только что избежал, — Марр бессильно привалился к Сенну.

Заглянув в огромные сияющие глаза своего возлюбленного, Марр воскликнул:

— Я чуть было не убил нашего славного капитана!

Мордочкой он зарылся в мягкую шерсть Сенна и разрыдался.

Стэн и Алекс покончили с четверкой преторианцев, пытавшихся в дальнем конце комнаты взломать дверь запасного выхода, через который бежал Император. Фоли единственный вовремя нырнул в узкую щель за разделочной машиной. Эта машина для разделки туш представляла собой красную стальную махину трехметровой высоты и пятиметровой ширины. Сейчас ее острые ножи и манипуляторы для передвижки мяса были неподвижны.

Стэн опустился на колени и протиснулся в щель между разделочной машиной и стеной. У машины был сложный контур, и Стэн оказался в извилистом туннеле. Худой, в отличие от Фоли, Стэн обладал некоторым преимуществом. Но ползти со света в темноту, где затаился противник, было делом опасным.

Будет ли Фоли уползать от него или притаится за поворотом туннеля? Увернуться от выстрела в таком узком пространстве нет никакой возможности.

Стэн переложил виллиган в левую руку и проворно пополз вперед — потея от напряжения и неприятного чувства своей чрезмерной уязвимости.

Ага! Стэн увидел в почти полном мраке дуло полковничьего виллигана. Он что было мочи ударил по виллигану. Костяшки обожгло болью от соприкосновения со сталью, но Фоли выронил свое оружие — с металлическим звяком оно упало на пол. Однако Стэн при ударе потерял равновесие и упал. Он стал быстро подниматься, хватаясь за что попало, но удар в челюсть свалил его. Падая, он все же дернулся и откатился, насколько можно было в узком туннеле — и только так избежал кинжала, с которым Фоли кинулся на него. Опасаясь рукопашной с молодым противником, Фоли рванулся прочь и пополз дальше по туннелю.

Стэн преследовал врага и схватил за каблук в последний момент перед тем, как полковник вынырнул из туннеля на разделочный стол.

Фоли тяжело упал на металлическую платформу. Датчики среагировали и привели весь аппарат в действие. К лежащему Фоли протянулись манипуляторы. Они шарили в поисках туши для разделки. Не обращая на них внимания, полковник начал распрямляться, чтобы встретить выползающего из туннеля Стэна ударом кинжала.

Но в этот момент острый крюк впился ему в горло, а манипуляторы перехватили его поперек тела и потащили по конвейеру. Фоли, насаженный на крючок могучей механической рукой, орал благим матом и извивался червяком. Но машина не знала жалости.

Парализованный ужасом, Стэн наблюдал за тем, как машина искусно свежевала полковника. В течение считанных секунд ножи содрали кожу с живого Фоли, при этом небольшие шланги смывали с него кровь. Затем большие ножи стали перерубать суставы и сдирать мясо с костей...

Предсмертный крик Фоли еще звучал эхом под сводами кухни, когда моментальная разделка была закончена: мясо было упаковано и отправлено в холодильник.

Стэн как пьяный дотянулся до рубильника, выключающего машину, и на ватных ногах двинулся обратно по туннелю, у выхода из которого его поджидал Алекс.

ГЛАВА 56

Горючее и двигатели невероятно изменились за прошедшие столетия, но астронавтов двадцать первого века мало что удивило бы в машинном отделении «Нормандии» — такие же просторные отсеки с металлическими стенами, где звук шагов отдавался эхом и невидимые силы заставляли дрожать пол. Под сверкающими кожухами драйва АМ-2 могли бы прятаться дизельно-электрические или фотонные двигатели. Переходы, мостики и лебедки вокруг всего этого нагромождения машин мало отличались от бытовавших на заре межзвездной космонавтики, в далеком двадцать первом веке. Поскольку «Нормандия» стояла неподвижно, в машинном отделении дежурил только один офицер и один механик. Сейчас оба лежали в лужах крови.

Этажом выше Император заметил двух преторианцев, которые крались за одной из труб. Император прикинул, как лучше их уничтожить, хорошо прицелился и сделал четыре выстрела. Четыре диска антиматерии срезали решетчатую площадку, на которой стояли преторианцы, и они упали вниз. Как стрельба по тарелочкам, подумал Император и, прежде чем преторианцы опомнились от падения и вскочили на ноги, спокойно прикончил обоих парой выстрелов.

— Вперед, адмирал. Помогайте! — крикнул он.

Лидо и последний из гурков помогли ему подтащить сварочный аппарат к двери аварийного входа. Император был чуточку горд тем, что его руки помнили, как пользоваться сварочным аппаратом, и тем, с какой ловкостью он быстро заварил аварийный люк.

— Так-то, Мик! — удовлетворенно воскликнул он. — Это задержит негодяев на какое-то время.

Лидо пристально смотрел на него, и где-то в глубине императорского мозга мелькнул удивленный вопрос: «А что, собственно, происходит с этим человеком? Когда началась стрельба, Лидо первым выхватил пистолет, который тут же был выбит у него из рук одним из чересчур уж бдительных гурков. Сейчас Лидо ведет себя странно. Неужели он напуган? Но разве может такой бывалый воин быть так перепуган? Впрочем, — думал Император, ведя по эстакаде троих оставшихся с ним людей, — прошло уже столько времени с тех пор, как Лидо лично участ-

вовал в боях и видел направленные на себя виллиганы. Видать, все дело в привычке».

Возможно, он не менее перепуган, чем Танз Сулламора, который совсем очумел от страха и плетется позади Императора с багровым лицом — будто его вот-вот удар хватит.

Лидо дожидался, когда они — все четверо — поднимутся на очередную платформу. «Теперь, — решил он. — Хватит медлить». Тот проклятый непалец помешал ему за столом. А теперь — самое время. Адмирал выхватил свой церемониальный меч и размахнулся, чтобы полоснуть по спине ни о чем не подозревающего Императора.

Но так же, как прочие заговорщики недооценили боевое искусство гурков, так и Лидо недооценил быстроту профессиональной реакции наика Агансинга Раи.

Раи, бывший денщик Стэна, умудрился вовремя заметить резкое движение адмирала и в последний момент каким-то чудом оказался между лезвием меча и спиной Императора. Удар рассек ему легкие. Труп рухнул на платформу, чуть не повалив за собой адмирала.

Лидо с усилием вырвал меч из груди гурка и шагнул назад, готовясь к новому удару. Но тут героем проявил себя Танз Сулламора.

Толстяк внезапно сорвал с плеча свой виллиган, из которого он, быть может, ни разу в жизни не стрелял, и прикладом что было мочи ткнул адмиралу под ребра. Удар отшвырнул Лидо к перилам платформы.

Пока Сулламора приходил в себя от собственной неожиданной прыти, адмирал действовал. Он развернулся, кинулся на Сулламору и рубанул его мечом по шее. Тот захрипел и рухнул на платформу. А Лидо уже разворачивался в сторону Императора, готовясь к атаке...

Император стоял метрах в четырех от него, в конце платформы. Отступать ему было некуда, виллиган висел за спиной.

— Позвольте узнать, что все это значит? — хладнокровно спросил он.

Лидо задыхался от гнева и не мог сразу заговорить — все эти годы тайных замыслов и скрываемой жгучей ненависти, как о них сказать одной фразой?! Единственное, что он промолвил, было:

— Роб Гадес — мой сын!!!

И бросился на Императора с мечом.

Тот схватил двумя руками железную кочергу из набора для аварийного тушения пожара и парировал удар адмирала. В его голове мелькнуло: какого такого Роба Гадеса имеет в виду этот сумасшедший?

Лидо с горящими ненавистью глазами снова наступал. Теперь его удар должен был разрубить Императора пополам, но тот опять кочергой остановил удар. Сразу же после этого властитель перешел в наступление и, подпрыгнув, ударил адмирала ногой в грудь.

Меч против кочерги — никчемное оружие. Это выяснили, к своему большому удивлению, некоторые недоброжелатели в те давние годы, когда Император был еще корабельным инженером — великим забиякой и отменным драчуном.

Пока Лидо, шатаясь, отступал, Император изо всей силы ударил кочергой по мечу, конец которого в тот момент касался платформы. Меч переломился у самой рукояти. Император немного изменил угол удара кочерги, направив ее на кисть Лидо.

Раздался треск кости, и адмирал закричал от боли. Выронив рукоять меча, он левой рукой ухватился за белую кость, которая, прорвав ткань, показалась из рукава. Лидо упал на колени.

Император с презрением разглядывал его.

— Подонок, — сказал он. Но его голос был не совсем лишен жалости. — Несчастный подонок. Глупый подонок.

Он зашагал прочь — к аварийному командному отсеку, вход в который был рядом со стендом, где висел аварийный набор инструментов.

Император уже позабыл о Лидо и думал только о том, что следует предпринять в следующий момент.

Килгур в отчаянии молотил прикладом по запаянному люку. Стэн отодвинул его в сторону.

Из ножен, спрятанных в рукаве, выскользнул его чудо-кинжал. Стэн вонзил острие толщиной в несколько атомов в сталь — и оно вошло в нее, как нож в масло. Стэн рассек обгорелые места спайки. Оставалось только подналечь плечом — и дверь поддалась.

Стэн ворвался в машинное отделение. Там он увидел четыре трупа. Императора среди них не было.

Стэн быстро огляделся, пробежал взглядом по этажам зала, по лестницам, — при этом он мягкой поступью перебегал с места на место, как тигр во время охоты.

Наверху, на платформе, капитан увидел еще два распростертых тела и двух мужчин.

Император! Он жив. Слава всем богам, какие только существуют! А второй человек, который почему-то стоит на коленях... Ба! Да это же адмирал Лидо!

Ни Император, ни Лидо не слышали, как Стэн проник в машинный зал.

Стэн помчался вверх по лестницам.

Он был лишь одним этажом ниже, когда увидел, что адмирал оправился от болевого шока и здоровой рукой вытащил из-за пояса миниатюрный виллиган. Стэн был еще достаточно далеко, а Лидо целился в Императора. Оставалось одно. С такого расстояния трудно было поразить Лидо насмерть кинжалом. Но это почти килограмм стали. Стэн с ходу метнул свой кукри.

Результат получился лучше, чем он ожидал. Сталь вошла в спину адмирала и перерубила ему позвоночник.

Лидо так и не успел нажать курок. Его тело забилось в судорогах и наконец затихло на решетчатом полу платформы.

Стэн поднялся до конца лестницы, не спуская глаз с Императора. Одному из них сейчас стоило бы сказать что-нибудь очень красивое, историческое. Но драматические фразы придумываются задним числом, для последующих рассказов. А сейчас двое окровавленных мужчин просто стояли и молча смотрели друг на друга — испытывая облегчение, но не в силах даже улыбнуться.

ГЛАВА 57

Хейнз лежала голой под ярким солнцем и думала: «Вот это, наверное, и есть рай. У тебя под рукой холодная выпивка, солнце приятно печет, а легкий ветерок со стороны леса обвевает ее заякоренный дом-корабль и приятно свежит. Словом, благодать!.. Нет, это не совсем рай, — поправила она

себя. — Любимого нет рядом. А в мире вокруг назревает дурное...»

Последние месяцы, после возвращения Императора на Прайм-Уорлд, были заполнены лихорадочной деятельностью и показались годами. Надо было как-то выбираться из той страшной ситуации, в которую поставили Империю заговорщики. Хейнз только радовалась, что не на ее плечи лег весь груз нынешней тягостной ситуации и она отчасти сторонний наблюдатель. Стэн регулярно вводил ее в курс происходящего.

Как только с преторианцами-изменниками на борту «Нормандии» было покончено, императорский флот незамедлительно двинулся прочь от пульсара. Бегство было спешным и вынужденным — даже изворотливый ум Вечного Императора не мог изобрести сколько-нибудь убедительного и правдоподобного объяснения происшедшей трагедии — гибели главы дипломатической миссии и всех членов его свиты. Правда выглядела слишком невероятной.

Очевидно, Киргхиз или кто-то из его подчиненных регулярно докладывал о происходящем на переговорах, потому что уже через сорок восемь часов имперский флот, удирающий прочь от пульсара, настигли таанские боевые корабли — два скоростных линкора и множество истребителей. Будь «Нормандия» одна — лишь со своим прежним эскортом, ее бы уничтожили без особого труда. Но Император успел вызвать мощнейшее подкрепление — две эскадрильи линкоров.

Участь таанских кораблей была предрешена. Их солдаты бились до конца — можно было только гадать, чего они хотели: вызволить лорда Киргхиза или отомстить за его смерть. Император не знал, что именно известно таанцам. Они не отвечали на попытки связаться с ними по радио. Так и погибли — в гордом молчании, не идя ни на какое общение с противником.

По возвращении на Прайм властитель первым делом попытался довести до сведения таанцев истинные причины гибели их делегации. Но Таанский Союз уже прервал дипломатические отношения с Империей, отозвал своего посла и персонал посольства.

Хейнз была слишком занята, чтобы вникать в подробности этих событий — сама она выслеживала и арестовывала

оставшихся на свободе заговорщиков. Никогда в жизни ей не приходилось арестовывать таких богатых и видных людей!

Затем состоялся показательный процесс над заговорщиками — Император надеялся, что хоть это произведет впечатление на таанцев, отрезвит их и заставит прислушаться к правде. Увы, на таанцев показательный процесс не произвел ни малейшего впечатления — уж кто-кто, а главы тоталитарных режимов отлично знают, как просто заставить людей публично принять на себя вину за любые кошмарные преступления. Даже попытки убедить таанцев поверить в искренность Императора через послов нейтральных миров не увенчались успехом.

Серия процессов была отупляющей. По крайней мере Хейнз имела возможность выступить свидетелем в суде. Стэн тоже давал показания, но, как доверенное лицо Императора и секретный служащий, он свидетельствовал из опечатанной комнаты и голос его был изменен электронными средствами, чтобы никто не мог его узнать.

Как ни старались адвокаты заговорщиков, как ни пытались доказать, что обвинения подтасованы, девяносто пять процентов их подзащитных были признаны виновными в государственной измене, которая каралась смертной казнью.

Даже те пять процентов заговорщиков, что были оправданы и уцелели, не избежали императорской мести. Скажем, только накануне в новостях промелькнуло короткое сообщение о том, что недавно отпущенный на свободу видный промышленник погиб при странных обстоятельствах — его яхта взорвалась...

Хейнз пресекла все мысли в этом направлении. Сейчас она наслаждалась райской благодатью отдыха и не хотела думать о мерзком. Для нее даже санкционированное Императором убийство не переставало быть убийством.

Солнце медленно клонилось к закату, Хейнз дремала, и в ее сознании шевелились томные мысли...

Раздался какой-то шум — приближался летательный аппарат. Хейнз стряхнула дремоту и потянулась за простыней. Тут она узнала в водителе гравитолета Стэна — и оставила простыню в покое. Ее томные мысли обрели более четкие очертания.

Стэн пришвартовался, зашел сперва в кухню, взял банку пива и вышел к своей подруге на палубу.

— Как дела? — спросила она.

— Бог их знает, — сказал он. — И плохо, и хорошо.

— Располагайтесь рядом и докладывайте, капитан.

— Начну с хорошей новости. Меня повысили.

— О, за это стоит выпить! Раздевайтесь, майор!

Стэн подчинился приказу, разделся и лег рядом с голой Хейнз. Он заурчал от животного наслаждения, перекатываясь на солнце. Хейнз переждала, пока он дурачился, затем строго сказала:

— Давай, Стэн, не томи. Рассказывай!

В этот день действительно смешалось хорошее и дурное.

После того как «Нормандия» вернулась на Прайм, Стэн занял прежний пост командира отряда гурков, но то и дело его откомандировывали для выполнения особых заданий — в том числе давать показания в суде.

Количественный состав отряда гурков был восстановлен, и на время отсутствия Стэна ими формально командовал Читтаханг Лимбу, хотя на самом деле он пока залечивал раны в госпитале.

Стэн только ночевал во дворце, да еще залетал туда перекусить. Несколько случайных встреч с Императором в коридорах носили тревожащий капитана характер — были короткими и очень официальными.

Но этим утром властитель вызвал его к себе.

Пока Стэн входил в его кабинет, отдавал честь и докладывал о своем прибытии, Император молча неподвижно сидел за своим рабочим столом. Прошло довольно много времени, прежде чем он заговорил.

Стэн примерно предполагал, о чем пойдет речь. Но он ошибся.

— Капитан, вы готовы отправиться на войну? — внезапно спросил Император.

Стэн заморгал глазами. В голове мелькнуло несколько вариантов ответа. Все показались ему глупыми, и он промолчал. И оказался прав — вопрос был риторическим.

— Выслушайте мое предсказание, капитан, — продолжил Император. — Но пусть оно останется между нами. В ближайшие пять лет война с Таанским Союзом неизбежна.

Вид у Императора был довольно грустный.

— Ладно, капитан Стэн, вольно. Садитесь.

Стэн испытал некоторое облегчение. Он решил, что Император вряд ли предложил бы человеку сесть перед тем, как отправить его в отставку.

— Ну-с, капитан, что думаете?

Стэн был вконец озадачен. Как всякий профессиональный военный, он свято верил в ту несколько нелогичную истину, что дело любого солдата любыми способами избегать войны.

Император продолжал вещать:

— И эта война будет страшной, уж поверьте мне. Да-да. Разведка докладывает, что таанские доки работают на полную мощность — вооружают все космические корабли, вплоть до прогулочных яхт. И таанцы скупают АМ-2 — где угодно, у кого угодно и по любым бешеным ценам. Я запретил рассказывать об этом в программах новостей, но на границе уже произошло множество стычек между таанцами и нашими патрульными кораблями. Впрочем, зачем я не говорю всей правды! Все разведывательные корабли вернулись продырявленными.

Император достал из ящика стола фляжку. Стэн еще больше успокоился. Раз властитель пригласил его сесть, а теперь, может, и выпивкой угостит — дела не так уж плохи для Стэна. Возможно, он сохранит свои капитанские лычки.

— Я так старательно избегал вас, капитан, — сказал Император, — потому что старался поменьше думать о том страшном событии, которое повлекло за собой теперешние осложнения. Говоря по совести, все, кто был как-то замешан в заговоре, попали в мой черный список. Если ты Император, ты всегда прав, и горе тому, кто видел твои ошибки.

Он наполнил два металлических стаканчика, и Стэн узнал запах стрегга.

— К этой штуке хоть и не сразу, но привыкаешь, — промолвил властитель, но Стэну стаканчик пока не предлагал. — Помните, как мы набрались в День Империи?

Стэн помнил.

— А помните, что я вам тогда сказал?

Стэн не забыл.

— Ладно, я сделаю следующий шаг *вместо* вас.

Император взял со стола несколько листков бумаги с приказами и положил перед Стэном.

— Не трудитесь читать сейчас. Говоря коротко, вы получаете новое назначение. В летную школу. Так-то вот... Кстати, как зовут вашего друга-толстячка?

— Старший сержант Килгур, Ваше Величество.

— Да, он самый. Вас не удивило его внезапное исчезновение?

Алекс действительно неожиданно исчез месяца полтора-два назад.

— Я сорвал его с места, потому как до меня дошли слухи, что он вознамерился жениться. На какой-то бабенке из полиции. Болван. Разве сорвиголовы вроде него, которые так часто играют со смертью, имеют право жениться? Впрочем, он сейчас вроде бы не горюет — осваивает ремесло быть важной персоной.

Парень теперь больше не сержант. Я его произвел в мичманы. Раз уж он остается служить в космофлоте, где сословная система цветет махровым цветом, не хочется, чтобы офицеры затирали такого парня.

Император в задумчивости поднял свой стаканчик и произнес:

— Капитан, а теперь я бы не возражал, если бы вы встали по стойке «не очень вольно».

Стэн взмыл со стула и вытянул руки по швам.

— Касательно вас... — Император выдвинул ящик стола и выудил оттуда маленькую голубую коробочку. — Вы у нас теперь майор. Вот ваши знаки отличия. — Он толкнул коробочку по столу в сторону Стэна. — А сейчас можете наконец взять стаканчик.

Стэн подчинился.

— Я хочу произнести тост. За вас, майор. Это последнее наше свидание. Больше мы никогда не свидимся — ни при каких обстоятельствах.

Император встал.

— Итак, ваше здоровье, майор Стэн.

Стэн выпил. Сейчас стрегг показался ему не крепче воды.

Пока Хейнз обдумывала все рассказанное — за вычетом уверенности Императора в неизбежности войны, о чем капитан умолчал, Стэн допил пиво и пошел в дом за добавкой.

— Да, я узнал еще одно, — сказал он, вернувшись и садясь рядом с подругой. — Ты тоже получишь какое-то повышение.

Но Хейнз думала совсем не об этом.

— Выходит, ты покидаешь нас, чтобы стать курсантом летного училища? Когда?

— Когда?.. Между прочим, есть еще одна хорошая новость, — сказал Стэн. — Похоже, у меня завелись кое-какие деньжата.

Дело заключалось в том, что высланные Идой деньги наконец дошли до него. И теперь у новоиспеченного майора появились такие пачки банкнот, какие ему и не снились.

— Прежде чем я поеду учиться, а ты приступишь к работе на новом месте назначения, — закончил Стэн, — мы с тобой устроим себе долгий-предолгий отдых в каком-нибудь шикарном спокойном месте.

Хейнз улыбнулась, отпила из своего стакана и подмигнула возлюбленному:

— Эй, солдатик, не хочешь подурачиться?

Стэн рассмеялся и опустился на колени рядом с ней. Она притянула его к себе, и он ощутил прикосновение ее грудей и губ, а потом — потом было только дурманящее тепло его величества солнца.

ФЛОТ ОБРЕЧЕННЫХ

ОУЭНУ ЛОКУ, ШЕЛЛИ ШАПИРО
и РАССУ ГАЛЕНУ —
преступным соконспираторам

КНИГА ПЕРВАЯ

К БОЮ

ГЛАВА 1

Крейсерский корабль Таанского Союза огибал угасающую звезду. Капитан ввел в машины последнюю поправку к курсу, и через несколько часов корабль должен был опуститься на бело-серую поверхность Фунди — главного планетарного тела в системе Эрибуса.

По правде говоря, Эрибус казался самым последним местом, где захочет поселиться любое нормальное существо. Звезда эта уже почти погасла, и ее тусклые лучи едва освещали испещренные кратерами спутники. Полезных ископаемых здесь не хватило бы даже для одного-единственного горняка. Зато в системе Эрибуса прекрасно думалось о смерти.

Сдерживая нетерпение, леди Этего слушала переговоры между ее кораблем и главным центром связи на Фунди. Голоса на другом конце свидетельствовали о солдатах ленивых, безразличных и недисциплинированных — никакого сравнения с приятной четкостью и подтянутостью ее собственного экипажа. Подобная небрежность оскорбляла таанское достоинство леди Этего.

Леди была высокого роста, выше многих своих офицеров. С первого взгляда она могла показаться красивой — длинные волнистые темные волосы, широко расставленные черные глаза, чувственные губы... Формы ее стройного тела могли бы радовать глаза, особенно когда, как сейчас, они выгодно подчеркивались военной формой: темно-зеленая куртка, крас-

ная туника и зеленые облегающие брюки. Впрочем, уже со второго взгляда все мысли о красоте исчезали, сменяясь холодом в груди и бегущими по спине мурашками. В леди Этего чувствовался таанский королевский род. Один ее кивок мог решить чью угодно судьбу — и по большей части, в худшую сторону.

Корабль уже выходил на посадочную орбиту, когда леди Этего взглянула на своего капитана, наблюдавшего по мониторам за действиями команды.

— Уже скоро, леди.

— Мне потребуется одно подразделение.

Она отвернулась. Леди Этего думала о забывших дисциплину дураках, которые ждали ее на Фунди.

Огромный корабль плавно опустился на лед в полукилометре от портового комплекса. Стихли двигатели, и все кругом снова затянула серая пелена несущегося по ветру мокрого дождя со снегом.

Большую часть поверхности Фунди покрывал снег, лишь кое-где выступали черные скалы. Трудно представить, что кто-то захотел бы здесь работать, но таанцы готовились к войне с Вечным Императором, и система Эрибуса стала ключевой в этой подготовке. Вот так Эрибус превратился в гигантскую фабрику по производству военных кораблей. Тысячи звездолетов собирались, переоборудовались и снаряжались вокруг угасающей звезды. Если даже Великий Император и узнает о том, что творится в этом далеком от торных путей звездном секторе, будет уже поздно.

Когда крейсер вошел в систему, леди Этего могла увидеть все собственными глазами. Маленькие мощные буксиры тащили вереницы оболочек в много сотен километров длиной — из них потом будут собирать боевые корабли. На всех планетах Эрибуса круглые сутки работали громадные заводы, озаряя ночное небо заревом мартенов.

Таан призвал на службу всех, кто имел хоть какой-то опыт. Плохая подготовка рабочих и стала основной причиной, почему пришлось разместить заводы на планетах, а не в открытом космосе. Строительство в космосе требовало высококвалифицированной рабочей силы; учитывая масштабы стройки, найти такое количество специалистов было просто-напросто нереально. Кроме того, космические фабрики стоили куда дороже на-

земных, а сейфы Таанского казначейства и так уже порядком опустели.

Государство хотело получить как можно больше боевых кораблей. И как можно дешевле. Любые неисправности будут проблемой экипажей. В конце концов, Таан — раса воинов, и не пристало солдату жаловаться на остроту своего копья.

Леди Этего спустилась по трапу в окружении отборных воинов лучшего отряда. Это были ее личные телохранители, избранные не только за свое воинское искусство и абсолютную преданность, но и за высокий рост. Каждый из охранников был выше, чем даже сама леди Этего. Солдаты жали плечами, притопывая на внезапном морозе, однако леди Этего даже не удосужилась завернуться в термоплащ.

Она с отвращением смотрела на далекий Портовый Центр. Почему местный администратор не посадил корабль поближе? Идиоты!.. Впрочем, ее это не удивляло.

Леди Этего решительно двинулась по снегу, и отряд телохранителей поспешил вслед за ней. Мимо с воем проносились гравитолеты, груженные деталями и припасами. На некоторых из них, цепляясь за борта, висели мужчины и женщины, торопившиеся в Центр после смены на заводах, кольцом окружавших космопорт.

Не глядя по сторонам, леди Этего шла вперед. Из сторожевой будки возле главной двери ее окликнул часовой. Не отвечая, она прошла мимо; охрана мигом объяснила незадачливому вояке, что к чему. Стуча сапогами по каменным плитам длинного коридора, они прошли в командный центр.

И тут из-за угла им навстречу выскочил приземистый, наскоро оправляющий форму, запыхавшийся человечек. Заметив адмиральские нашивки, леди Этего остановилась.

— Леди Этего, — забормотал толстячок. — Мне очень жаль. Я не думал, что вы прилетите так быстро...

— Адмирал Дин? — остановив его на полуслове, спросила леди Этего.

— Да, леди?

— Я займу ваш кабинет, — сказала она и пошла дальше.

Дин, спотыкаясь, устремился за ней.

Леди Этего молча изучала данные на экране монитора. Пара ее телохранителей, с оружием на изготовку, застыли в

дверях. Остальные заняли стратегически важные позиции в большом и чрезмерно роскошном кабинете адмирала.

Войдя в комнату, леди Этего бросила всего один взгляд на обстановку. Чуть искривившаяся губа яснее ясного показывала, что она обо все этом думает — совершенно не по-таански.

Она просматривала архивы, а у нее над ухом, пытаясь что-то объяснить, бормотал Дин:

— Вон, видите... Вот тут... Буря. Мы потеряли целый день... Нам пришлось взрывать грунт, чтобы построить новые посадочные площадки для транспортов. Другого выхода не было. Они забили всю орбиту, а у нас не хватало ресур...

Поток слов внезапно прервался — леди Этего нажала на кнопку, и монитор погас. Она долго глядела на пустой экран. Наконец, поднявшись из-за компьютера, повернулась к Дину:

— Адмирал Дин, именем лорда Ферле и Верховного Совета Таана я снимаю вас с должности.

Художник, несомненно, восхитился бы безукоризненной белизной, залившей лицо Дина.

— Подождите, леди, ну пожалуйста, — взмолился бывший адмирал.

Леди Этего остановилась, чуть приподняв идеально прочерченную бровь.

— Да?

— Позвольте хотя бы... можно мне оставить оружие?

Она на мгновение задумалась:

— Вопрос чести?

— Да, леди, вопрос чести.

И снова долгая пауза. И наконец ответ:

— Нет. Думаю, что нельзя.

Леди Этего покинула кабинет, тихо прикрыв за собой дверь.

ГЛАВА 2

Стэн и Лайза Хейнз пробирались сквозь толпы народа, запрудившие космопорт. Соуард, главный порт Прайм-Уорлда, всегда был переполнен, но подобное столпотворение каза-

лось просто несусветным. Приходилось буквально с боем продираться сквозь сплошную стену рук, щупальцев и антенн бесчисленного множества существ. Проталкиваясь к нанятому гравикару, Стэн и Хейнз могли только поражаться этой невероятной давке.

— Что, черт возьми, тут происходит? — спросил Стэн, в общем-то и не ожидая ответа.

— Понятия не имею, — сказала Лайза, — но по-моему, я уже теряю мой загар, и если мы сейчас не выберемся отсюда, то меня просто стошнит.

— Кончай давить на психику, — огрызнулся Стэн. — Следователя по особо важным делам не может стошнить. Иначе бы он не получил эту работу.

— Сейчас проверим, — мрачно пообещала Лайза.

Схватив ее за руку, Стэн пропихнул капитана полиции мимо какого-то нетвердо стоящего на ногах солдата.

— Со времени вводного курса я не видел столько людей в форме, — заметил он.

Они с облегчением уселись в гравикар, и Стэн запросил у местного транспортного центра разрешение на взлет. В ответ он услышал, что ждать им придется по меньшей мере минут сорок.

Полтора часа спустя, после многочисленных задержек, в чем дежурный неизменно винил военные колонны, Стэну наконец удалось поднять гравикар в воздух.

Тут, впрочем, дела обстояли не многим лучше. Казалось, над Фоулером завис практически непроходимый трехмерный затор. Но как бы то ни было, в конце концов они пробились за город и устремились к громадному лесу, где парил на якоре летучий дом Лайзы.

— Тут всегда так было? — спросила Лайза. — Или я просто отвыкла?

Майор Стэн, бывший командир личной охраны Вечного Императора, не удостоил ее ответом. Обилие существ в форме и невероятное количество военных машин говорили сами за себя.

Казалось, Прайм-Уорлд готовится к войне. Это, Стэн не сомневался, было совершенно невозможно. И тем не менее Император явно проводил мобилизацию, а значит, намечалась какая-то крупная военная операция. Одно только Стэн знал наверняка — где стреляют, там, без сомнения, ему потребуется не раз рисковать своей задницей.

— По-моему, — сказал он, — пока я даже не хочу знать ответа. Кроме того, у нас осталась еще пара дней отпуска. Вот и давай отдыхать.

Прижавшись к Стэну, Лайза принялась нежно поглаживать его бедро. И к тому времени, когда они добрались до дома, к ним вернулся покой, найденный ими во время долгого совместно проведенного отпуска.

Дом Лайзы лениво покачивался на якорных канатах высоко над колышущимся морем древнего леса. Этот лесной массив был одним из нескольких заповедников дикой природы, устроенных Вечным Императором на Прайме. Однако на планете, столице огромной империи, места катастрофически не хватало, и земля стоила баснословно дорого. Чего только не придумывали в поисках места для жилья!

Зарплату полицейского никто не назвал бы роскошной, вот Лайзе, как, впрочем, многим другим, и пришлось воспользоваться лазейкой в Законе о заповедниках. В лесу строить запрещалось, но о пространстве над лесом в законе ничего не говорилось. Короче, некий предприниматель взял в аренду запрещенную для строительства землю и поставил над ней большие, питаемые от маклиновских генераторов летучие дома всем, кто способен за них заплатить. Такое жилье, тоже не даровое, Лайза уже могла себе позволить.

Причалив к дому, они по палубе прошли ко входу. Лайза прижала большой палец к замку, и дверь распахнулась. Прежде чем войти, девушка внимательно оглядела прихожую — полицейская привычка, изжить которую было очень и очень нелегко. В этом они со Стэном походили друг на друга. После долгих лет, которые он прослужил в подразделении Богомолов, Стэн просто не мог войти в комнату, не убедившись сперва, что внутри все в порядке.

Несколько минут спустя они уже, раскрыв настежь окна, валялись на диване. Стэн прихлебывал пиво, надеясь залить растущее чувство печали. Он влюблялся и раньше и был не новичок с женщинами. Но никогда еще ему не приходилось проводить столько времени вдвоем с одной и той же дамой, причем без каких-либо посторонних дел.

— Жаль, что все уже позади, — беря его за руку, тихо сказала Лайза.

— Ну, пока еще не совсем, — ответил Стэн и привлек ее в свои объятия.

* * *

Стэн и Лайза отлично поработали, разоблачая зревший на высшем уровне заговор против Императора. В итоге все получилось далеко не идеально, но, может, и правда не надо хотеть слишком многого.

Во всяком случае, их повысили в звании и наградили отпусками. Благодаря старому другу Стэна по службе в отряде Богомолов, Иде, нашлись и средства, чтобы провести этот отпуск так, как он того заслуживал.

Они купили билеты на далекую планетку, состоящую из одного громадного океана и разбросанных по нему райских островков. Взяли напрокат вездеход-амфибию и неделю за неделей с блаженством носились с острова на остров или же просто стояли на якоре посреди ласкового моря, наслаждаясь солнцем и друг другом.

Все эти месяцы Стэн и Лайза старательно избегали контакта с внешним миром. Следовало успокоить разыгравшиеся нервы и немного подумать о будущем.

Что касается Стэна, то он смотрел в будущее вообще без особого восторга. Дело в том, что Вечный Император не только повысил его в звании, но и настоятельно рекомендовал ему перейти из армии во флот. Подобная рекомендация Генералиссимуса и Главнокомандующего Всего Вокруг была равносильна приказу. Стэн это прекрасно понимал.

И потому сейчас в нем боролся ужас и радостное предвкушение нового. Поступить в космический флот, даже в чине капитана третьего ранга, что примерно соответствовало его нынешнему армейскому званию, значило начать все с начала. «Интересно, — с тоской подумал Стэн, — если меня отчислят, смогу я получить свою прежнюю работу?..» Черт побери, он бы не возражал опять стать милым, глупеньким, ни о чем на свете не беспокоящимся рядовым.

Стэн проснулся не сразу. Пощупав постель, он понял, что Лайзы рядом нет, и, оглядевшись, увидел ее на другом конце комнаты, просматривающей на компьютере записи звонков и сообщений.

— Счет, — бормотала она. — Счет, счет, счет, письмо, снова счет, взносы в профсоюз полицейских, письмо... Слушайте, да отстаньте вы все! Я же в отпуске.

— Для меня что-нибудь есть? — лениво потягиваясь, спросил Стэн.

Он не имел своего домашнего адреса — ни сейчас, ни раньше, начиная с семнадцати лет, — и потому попросил всю почту направлять на адрес Лайзы.

— Спрашиваешь! Полсотни звонков. И все от одного и того же типа.

Стэн сел. Он печенкой чувствовал, что праздник кончился.

— От кого?

— От капитана Хенкса.

Подойдя к терминалу, Стэн через плечо Лайзы застучал по клавишам, вызывая нужный файл. Так и есть. Звонок за звонком, и все от Хенкса. Лайза даже ничуть не преувеличила — капитан и в самом деле звонил раз пятьдесят, не меньше.

Стэн включил запись оставленных Хенксом сообщений. Тон визгливого мужского голоса постепенно переходил от обычной спешки до десятибалльной боевой тревоги. Но суть сообщения не менялась: Стэн требовался немедленно. Точнее, он был нужен еще вчера. Сразу же по возвращении ему предлагалось считать себя отозванным из отпуска. Его ждала Императорская летная школа.

— Вот дерьмо-то, — выругался Стэн.

Отойдя к окну, он с тоской посмотрел на зеленый океан колышущегося внизу леса. Подошедшая сзади Лайза мягко обняла его за талию.

— Мне хочется плакать, — тихо сказала она. — Смешно, но со мной это в первый раз.

— Плакать совсем не трудно, — ответил Стэн. — Надо только закрыть глаза и подумать о чем угодно.

Стэн выполнил приказ Хенкса не сразу. Сперва им с Лайзой еще предстояло как следует попрощаться.

ГЛАВА 3

Вечный Император весьма отчетливо представлял себе, что такое пикник.

Тихий дождичек, кончающийся за десять минут до прилета гостей, придает воздуху свежесть. Указанный дождь был заказан и проведен.

Легкий ветерок, несущий приятную прохладу, помогает раздразнить аппетит. Потом ветер должен стать теплым, чтобы собравшиеся могли поваляться в тени деревьев, спасаясь от жаркого солнца. Названные ветры также были внесены в программу.

Ну и наконец Император полагал, что самое лучшее угощение на пикнике это жаркое. Причем каждое блюдо приготовить должен непременно сам хозяин дома.

Властитель с растущим разочарованием смотрел на обширные площадки для пикника. Он добавил последнюю щепотку этого и капельку того в свой знаменитый мясной соус, и пятьдесят роботов-поваров в пятидесяти открытых кухнях в точности скопировали каждое его движение.

Сотни лет назад императорский, проводившийся раз в полгода пикник задумывался как совершенно неофициальное мероприятие. Император затеял его потому, что любил готовить. А любить готовить означает и любить смотреть, как другие наслаждаются приготовленными тобой кушаньями. Сперва на пикник приглашались только близкие друзья — существ около двухсот, не больше. Взяв пару помощников, на такое количество Император мог наготовить без особого труда. Он вообще полагал, что есть ряд блюд, которые становятся лучше, если готовить их в больших количествах. Например, его мясной соус.

Да, тогда он мог запросто провести пикник в маленьком тенистом пятидесятипятикилометровом садике своего дворца. Но потом стала заметна ревность среди придворных. Кое-кто начинал нервничать из-за того, что он, или она, или оно якобы не входили в несуществующий круг особо приближенных. Эту проблему Император решил просто — расширил список приглашенных. Но тогда завидовать начали другие, и волна этой ревности докатилась до самых дальних уголков Империи. Количество приглашенных выросло сверх всякой меры.

Сегодня, например, ожидалось не менее восьми тысяч гостей. Император просто не мог самостоятельно приготовить угощение на такую ораву. Дружеское застолье на открытом воздухе грозило перерасти в официальный праздник, что-то вроде Дня Империи.

Император подумывал даже отказаться от традиции. Но ему по-настоящему нравилось проводить пикник — одно из

немногих мероприятий, от которого он получал истинное удовольствие.

Проблема с приготовлением пищи решалась просто. Император обзавелся целой кучей портативных полевых кухонь и толпой роботов-поваров. Они в точности копировали каждое его движение — вплоть до мельчайшей пылинки специй, которую он стряхивал с ладоней. Но ограничить число гостей уже не представлялось возможным.

Император понюхал кипящий на слабом огне соус. М-м-м, прелестно!.. В основе этого рецепта лежали продукты столь мерзкие и на вид, и на запах, что Марр и Сенн, поставщики Двора Его Императорского Величества, наотрез отказывались приходить на пикник. Каждый раз в этот день они брали выходной.

Сам соус зарождался в десятигалонном котле. Властитель всегда начинал готовить его заранее, обычно за много дней до пикника. Он говорил, что исходные компоненты должны как следует «подышать». Марр и Сенн утверждали, что правильнее было бы сказать «подыхать», но Император их не слушал. Эти десять галлонов становились заправкой всего соуса — оставалось только вложить в него столько всяких добавок, сколько существ должно было принять участие в трапезе.

Окунув в соус корочку сухого хлеба, Император попробовал свое творение. О, лучше!.. Он снова оглядел поле для пикника. Все костры уже горели. Мясо, готовое к насаживанию на вертела, лежит в холодильниках. Закуски кипят или остужаются, где как надо, а сложенные в штабеля бочки с пивом так и просят, чтобы их поскорее открыли.

Но где же гости? Император подозревал, что или некоторые из них чудовищно опаздывали, или же, что вероятнее, решили вовсе не приходить. Слуги уже закрывали столы, которые явно не пригодятся.

Ну и пес с ними! Что за пикник без муравьев? Он не даст испортить себе настроение. «Соус, — напомнил себе властитель. — Надо сосредоточиться на соусе».

Секрет соуса крылся в тухлом мясе. Императору потребовались долгие годы, чтобы убедить мясников, что мясо на самом деле должно быть тухлым. Ему не нужна вырезка лучшей филейной части. Нет, Император желал получить куски тухлой говядины с желтым прогорклым жиром. Даже натер-

тое чесноком, солью, перцем и розмарином, оно все равно воняло до небес.

— А если тебе становится плохо, — объяснял властитель, — всегда можно понюхать чеснок на руках.

На поле опустилось еще несколько гравикаров. Из них высыпали припоздавшие гости. Приглашенные, Император это заметил, собирались маленькими группками, о чем-то тихо говоря между собой и частенько поглядывая в его сторону.

Отстоявшееся в котлах мясо следовало затем развесить над коптящими кострами — на этой стадии, по рецепту, особого жара не требовалось, а вот дыма от настоящего природного дерева желательно было иметь побольше. Император предпочитал пользоваться орешником — конечно, когда его удавалось достать. Он постоянно переворачивал мясо так, чтобы оно пропиталось дымом со всех сторон. В этом ему помогала структура начинающих разлагаться кусков — они подсыхали, становясь пористыми и отлично впитывали запахи. Потом Император и копирующие его движения роботы сваливали мясо в котел, наливали туда воды и, добавив чесноку, ставили тушиться на маленький огонь. Еще в получающееся варево надо было положить кое-какие специи — три или четыре лавровых листика, полторы пригоршни мяты и горсть чебреца, чтобы убрать горечь от мяты. Соус кипел часа два-три, в зависимости от жирности мяса. Чем больше жира, тем дольше тушится мясо. В эти часы на месте будущего пикника пахло, как на планете с атмосферой из одной только серы.

Император увидел, как прибыл Танз Сулламора со своей громадной свитой, без труда занявшей сразу два или даже три стола. Сулламора — это хорошо. Император не больно-то любил общество торговца, но тот мог оказаться весьма и весьма полезным. Сулламора обладал большим влиянием в кругах крупных промышленников и к тому же имел тесные связи с Тааном — до последних событий, разумеется. Император надеялся, что, когда кризис закончится, эти связи удастся восстановить.

Императору уже довелось пережить много кризисов, но проблема с Тааном уверено лидировала среди всех, лишавших его сна. Невозможные люди из невозможного общества воинов, вторгнувшиеся в пределы древней Империи. Пару

тысяч лет тому назад вопрос можно было закрыть раз и навсегда одним массированным ударом. Но со временем расклад политических сил стал таким, что военное решение проблемы сделалось невозможным. Ну, разве что в случае провокации со стороны Таана. И то далеко не всякой. Вечный Император просто не мог напасть первым.

Несколько месяцев тому назад появилась возможность кое-что сделать дипломатическим путем. Но предательство и пролитая кровь сорвали этот шанс.

Как звали того молодого человека, который спас императорский зад от изрядной порки? Стрег? Нет, Стэн. Точно, Стэн. Вечный Император гордился своей способностью безошибочно запоминать имена и лица; сотнями тысяч он хранил их в своем мозгу. Стрегг, припомнил он, это название жутко крепкого напитка, с которым его познакомил Стэн. Одно тянет за собой другое.

Дожидаясь, пока мясо дотушится, властитель вполне мог выпить много бокалов стрегга. Одновременно он, не торопясь, готовил оставшиеся компоненты для соуса. Возможностей тут было море, но Император обычно предпочитал взять десяток крупных луковиц и головок чеснока — всегда смело бери побольше чеснока! — зеленый перец, перец чили, еще немного мяты и специй и, разумеется, ворчесширский соус. Однажды он попытался объяснить Махони, как готовят ворчесширский соус. Но стоило только огромному ирландцу услышать, что все начинается с гнилых анчоусов, как его чуть не стошнило.

Смесь следовало засыпать в очищенное масло. Затем перелить в другой котел и вскипятить, добавив туда предварительно дюжину разрезанных на четыре части помидоров, чашку томатной пасты, четыре зеленых перчика и щепотку сухой горчицы. Туда же отправлялись несколько кружек очень сухого красного вина. Потом — торжественный, финальный момент. Помешивая, в котел опускалась приготовленная заранее прокопченная мясная заправка, варево доводилось до кипения и держалось на огне десять минут. Все. Соус готов.

Император выпил еще немного стрегга.

Несколько поваров, насадив половину бычьей туши на вертел, принялись вертеть ее над огнем. Тем временем в стороне уже жарилась разделанная на порции свинина. Пришла пора жаркого.

Что ж, решил Император, все гости, которые хотели прийти, уже пришли. И, судя по количеству пустых столов, добрых две трети приглашенных нашли себе важные дела где-то в другом месте. Властитель решил потом еще раз свериться со списком. Он запомнит имена тех, кто не явился.

Взяв поварешку, Император начал поливать соусом жарящееся мясо. Сердито зашипели стекающие на угли капли. Роботы-повара в точности повторили его движения, и над кухнями поплыл пахнущий дымком аромат печеного мяса.

Обычно в этот момент Император мог позволить себе расслабиться — пиво для него, соус для мяса. Откинувшись в кресле, делая вид, будто ему все безразлично, он мог вдоволь любоваться углубившимися в еду гостями. Но сейчас перед ним были напряженные, полные тревоги лица, и это вконец испортило ему настроение.

В конце концов, что творится в Таане? Информации — кот наплакал. Да, с тех пор как он повысил Махони, корпус «Меркурий» уже не тот.

— Проклятый Махони, — вслух выругался Император. — Где он, черт возьми, когда он нужен?

— Несет Вашему Высочеству пиво, — раздался голос у него за спиной.

Это был генерал-майор Ян Махони собственной персоной. В руках он держал две полные до краев, с крутыми пенными шапками, кружки пива.

— Какого черта ты тут делаешь? Тебя же не приглашали.

— Устроил себе выходной, сир. Есть свои плюсы, когда ты сам себе командир. Я думал, вы будете не против.

— Ясно дело, нет. Я всегда говорил: если хочешь подкрасться к кому-то, делай это с пивом в руках.

ГЛАВА 4

Махони намазал хлеб чесночным соусом, откусил кусок побольше и тяжело вздохнул. Потом хлебнул пива и начисто вытер тарелку остатком хлеба. Вечный Император, едва

притронувшийся к еде, наблюдал за ним с неподдельным интересом.

— Ну как? — спросил он.

— Райское блаженство, — ответил Махони и сделал еще глоток пива. — Виноват. Райское блаженство, сир.

Нахмурившись, Император отщипнул кусочек мяса.

— Может, на сей раз я переложил тмина?

Махони срыгнул. Он вопросительно поглядел на властителя, и тот, усмехнувшись, передал ему свою, практически не тронутую тарелку. Махони тут же засунул в рот здоровенный кусок мяса.

— Да нет, тмина вроде в самый раз, — сказал он.

Вечный Император выглядел куда моложе, чем Махони. На вид ему можно было дать лет тридцать — тридцать пять. Высокий и мускулистый, он напоминал древних чемпионов декатлона. Откинувшись в кресле, подставив лицо теплым лучам солнца, властитель ждал, когда же генерал перейдет к настоящей цели своего визита.

Наконец Махони допил пиво, вытер салфеткой губы, оправил китель и, насколько это вообще возможно, сел по стойке «смирно».

— Ваше Величество, я почтительно прошу вашего соизволения развернуть Первую гвардейскую на Пограничных Мирах.

— Вот как? — деланно удивился Император. — На Пограничных Мирах? Наверное, ты нервничаешь из-за таанцев.

— Да, сир. Из-за таанцев.

Вечный Император невольно оглядел поле для пикника. Те немногие гости, что удосужились прийти, поспешно расходились. Роботы-официанты уже убирали посуду. Через полчаса здесь снова будет идеальная чистота — широкие зеленые лужайки да кустики редких азалий.

Вечный Император указал на один из цветущих кустов:

— Знаешь, Махони, сколько труда стоили мне эти азалии?

— Нет, сир.

— Ты даже не поверишь, как много. Они любят сухой климат... — Вечный Император сорвал с ближайшего кустика цветок и начал раздирать его на части — лепесток за лепестком. — Что они затеяли? Я имею в виду таанцев.

— Со всем моим уважением, Ваше Величество, полагаю, они намереваются как следует наподдать вам под розовый императорский зад.

— Вот дерьмо-то!

Подняв принесенный Махони бочонок с пивом, Император налил себе новую кружку. Поднес ее к губам, но потом, передумав, поставил обратно.

— Печаль в том, — сказал он после долгого раздумья, — что мне чертовски труднее двигаться, чем таанцам. Для одной только обороны мне надо удвоить наш флот. Для контратаки потребуется еще треть. Для полноценного штурма — вдвое больше. Тысячу лет тому назад я поклялся, что до подобного не дойдет. Это идиотизм — слишком большая Империя. Слишком сложно ее защищать. Бог мой, ты хоть представляешь, чего стоит сегодня провести контракт на строительство хотя бы одного единственного корабля?

Махони благоразумно молчал.

— Я пытался как-то поправить положение. Я создал лучшую разведку когда-либо... да что там, лучшую разведку всех времен и народов. И что я получил взамен? Сплошное дерьмо.

— Да, сир, — кивнул Махони.

— Судя по вашему тону, вы, генерал, кажется, критикуете своего властителя, или мне это только послышалось? Вы недовольны повышением?

— И переводом, сир.

— И переводом, — повторил Император. — В другой день я бы сказал, что дружеская критика пойдет мне только на пользу. В опытных руках, она поможет Вечному Императору держать себя в форме. Но все это только теория. На самом деле наверняка ничего не известно. Вокруг нет ни одного императора моего типа, на чей опыт я мог бы положиться.

— А на кого вы вообще можете положиться, сир? — дождавшись удобного момента, спросил Махони.

Наступило молчание. Властитель задумчиво наблюдал за тем, как слуги собирают тарелки и увозят столы. Не считая уборщиков, на лугах для пикника остались только Император и Махони.

— Так как насчет моей просьбы, сир, — устав от ожидания, нарушил тишину генерал. — Насчет Первой гвардейской и Пограничных Миров.

— Я должен знать подробности, — ответил Император. — Я должен знать все. Тогда я смогу выиграть много времени.

— И все-таки как с Первой гвардейской, сир?

Император отодвинул кружку в сторону.

— Нет, генерал. Ваше предложение отклоняется.

Махони чуть не откусил себе язык, сдерживая напрашивающийся ответ. В такой ситуации куда умнее промолчать.

— Узнай все поподробнее, Махони, чтобы потом не оказалось, что я поставил не на ту лошадь.

Махони не стал спрашивать, как и что он должен узнать.

— Похоже, пикник закончился.

— Похоже, что так, сир.

— Смешно. Все эти не явившиеся... Наверно, мои так называемые союзники сидят сейчас и думают, как бы им договориться с таанцами. На случай, если я проиграю.

В этом Вечный Император ошибался. Время раздумий давным-давно прошло.

ГЛАВА 5

Первая ступень Императорской летной школы находилась на туристической планете Салишан. Стэн и остальные будущие пилоты собрались на приемном пункте. Тут их разбили на взводы по тридцать существ и предложили немного подождать. Скоро их перевезут на базу.

Народ среди курсантов подобрался довольно пестрый — начиная от только-только освоивших курс молодого бойца мужчин и женщин и выпускников, хотя и ориентированных на флот, но все-таки гражданских подготовительных школ, до уже успевших послужить офицеров и рядовых. Но в смысле боевого опыта все они были чисты, как свежевыпавший снег. Стэн понял это по отсутствию орденских планок на кителях, по топорщившейся не подогнанной форме, по выправке, которую так рьяно вбивали в рекрутов в военных училищах. Впрочем, Стэн и с закрытыми глазами мог бы сказать, что его спутники зеленые новички.

Дожидаясь обещанного гравитолета, они горячо обсуждали, где и как будут развлекаться. Это же туристическая планета, и служба здесь вряд ли окажется трудной. Они наверняка будут регулярно получать увольнительные в рай. Да и сама база, без сомнения, окажется настоящим дворцом.

Стэн едва сдерживал смех.

Краем глаза он заметил кривую ухмылку одного курсанта. Похоже, тот тоже знал, что почем в императорской армии. Стэн пригляделся к нему повнимательней. Внешне — просто идеальный солдат-коммандос, мечта любого офицера. Высокий, мускулистый, со шрамами на лице. Три ряда орденских планок и Знак планетного штурма украшали его пятнистую форму гвардейца. Крепкий парень, знакомый с войной не понаслышке. И он абсолютно не походил на привычный большинству образ пилота. Стэну даже стало любопытно, как тому удалось получить назначение в летную школу.

Рядом приземлился гравитолет, оттуда вылез солидного вида сержант с папкой в руках.

— Ну ладно, — объявил он. — Если бы вы, господа, построились в одну шеренгу, я проверил бы списочный состав и отвез вас на базу, к вашим товарищам по учебе.

Пять минут спустя, когда гравитолет уже взлетел и на полной скорости несся прочь от роскошных туристических центров, речь сержанта звучала совсем по-другому:

— Эй, вы, там! Кончайте болтать! Это вам не кружок мягкой игрушки!

Основное правило любой армии: вежливость твоего командира прямо пропорциональна близости и количеству потенциально шокируемых гражданских.

Стэн прошел, как ему иногда казалось, чуть ли не все военные школы Империи — курсы начальной подготовки, выживания, медицинские и так далее, и тому подобные, включая спецобучение в отряде Богомолов. И теперь он воспринял как должное, когда вместо туристических красот внизу поплыли сосновые пустоши.

И-в раю военные построят свою базу рядом с мусорной кучей.

Стэн даже удивился, что школа, по крайней мере с воздуха, выглядела не так уж плохо. Большая часть смахивала на обычную военно-воздушную базу с ангарами, ремонтными доками и взлетно-посадочными полями. С одного края, в окружении роскошного сада, стояло несколько трехэтажных зданий — там, похоже, располагалось командование базы.

Второй раз Стэн удивился, когда гравитолет сел прямо перед этими самыми зданиями. Он невольно припомнил дру-

гое основное правило воинской учебы и, не сдержавшись, выругался. В армии всегда сперва как следует втаптывают курсанта в грязь и лишь потом лепят из него солдата. Такого, каким он должен стать.

Инструкторы обычно не тянут с первым уроком. Стоит только курсантам переступить порог, как они тут же демонстрируют свой метод на примере какого-нибудь несчастного, первым попавшегося им на глаза. У Стэна были все шансы получить эту незавидную роль.

Поспешно расстегнув китель, он отцепил свои орденские планки. Награды, конечно, были настоящие, хотя многие из них Стэн получил за совершенно секретные операции в подразделении Богомолов и в документах на них значилась совершеннейшая чушь. Как бы там ни было, никакой молодой офицер не заслуживал такого количества орденов.

Он едва успел спрятать планки в карман, как крыша гравитолета распахнулась, и в кабину просунулось сердитое лицо полкомвзвода.

— Давай, давай! — заорал он. — Пошевеливайтесь! Чего, мразь такая, расселись! Я хочу видеть ваши жопы!

Новобранцы как горох посыпались за борт. А помкомвзвода продолжал ругаться:

— Ты! Да-да, именно ты! И ты тоже! Лечь! Быстро! И отжиматься! Я хочу видеть много-много отжиманий!

«Бог ты мой, — подумал Стэн, вместе с остальными выбираясь из гравитолета. — Я снова прохожу курс начальной подготовки. Даже чертовы слова те же самые. Этот помкомвзвода, если бы не его пол, был бы точной копией... как ее там... да, Каррутерс».

— Я хочу видеть три шеренги! Вчера! Длинные ослы налево, карлики направо!

Уже не в первый раз Стэн благодарил судьбу за свой небольшой рост. Небольшой — однако не настолько маленький, чтобы, как перо в заду, торчать последним.

Наконец помкомвзвода устал орать.

Стэн решил, что пока он держится как надо. В общей суматохе ему удалось отделаться всего лишь пятьюдесятью приседаниями. Во взводе было много куда более заманчивых жертв.

— Взвод... строй-ся! Правое плечо вперед! Шаго-ом... арш!

А еще Стэн радовался, что все курсанты знакомы хотя бы со строевой подготовкой. Не хотел бы он оказаться на месте того, кто собьется с ноги.

Печатая шаг, они вышли на главный плац и замерли напротив трибуны. В тот же миг из здания напротив вышел высокий худой офицер. Он выглядел так, как и должен выглядеть человек, занимающий его пост. Адмирал с одной звездой, начальник летной школы, без сомнения, старый пилот, летавший на всех кораблях, какие только существовали в Империи, во всех условиях, какие только могли приключиться. Вот только голос у него подкачал. У оперного тенора такой голос был бы куда уместнее.

Стэн дождался, пока начальник представится — адмирал Невар, — и начал думать о своем. Чего лишний раз слушать эту речь. Ее держал каждый начальник каждой военной школы. И все они говорили одно и то же.

Добро пожаловать. Вас ждет напряженная учеба. Вам могут не понравиться наши методы, но мы на опыте убедились, что они действенны. У тех из вас, кто сумеет приспособиться к нашим правилам, не будет никаких проблем. Однако остальные... У нас тут строгая дисциплина, но если кто-то сочтет, что с ним обошлись несправедливо, обращайтесь прямо ко мне.

Блевотина, блевотина и еще раз блевотина.

Первая ступень обучения пилотов называлась Отбор. Главной задачей было точно и достоверно определить, что курсанты и в самом деле могут летать.

Летные школы заслуженно славились среди всех других военных заведений Империи числом отбракованных на первом этапе. А еще адмирал Невар сообщил курсантам, что из-за сложной политической ситуации первый этап будет ускорен.

«Вот уж повезло, так повезло», — мрачно подумал Стэн.

Потом курсантам велели снять все нашивки и погоны. С этого момента их прежние звания не играли никакой роли. Все они становились просто «курсантами».

Ха-ха!.. Стэн отлично представлял себе некоторые другие формы обращения, типа «ублюдок», «бестолочь», «дерьмо» и многие-многие подобные, так же запрещенные уставом Имперских Вооруженных Сил.

Собственно, больше ничего полезного адмирал не сказал.

Все это время Стэну приходилось постоянно напоминать себе, что теперь он курсант. Не крутой майор, и не бывший командир гурков, телохранителей Императора, и не секретный спец из подразделения Богомолов. Теперь он курсант.

Если уж на то пошло, то даже и не офицер.

К тому, чтобы стать пилотом, Стэн относился философски. Он поступил в эту школу, повинуясь личному совету Императора. Тот решил, что следующей ступенью в карьере Стэна должен стать перевод во флот — выполнено — и учеба в летной школе.

Теперь, если его отчислят, он наверняка окажется в отделе планирования Имперского флота. В который уже раз Стэн думал о том, насколько трудно ему будет вернуться из флота в армию и в подразделение Богомолов. Это если его действительно отчислят.

Адмирал тем временем успел закончить свою речь и ушел с плаца. Помкомвзвода тут же повел курсантов вокруг здания. Вещи они оставили перед трибуной.

«А теперь, — думал Стэн, — мы встретим убийц или как там в летных школах называют сержантов-строевиков. Они уж постараются наглядно показать нам, какое мы все дерьмо, и что мы гроша ломаного не стоим, и как они сотрут нас в порошок, если мы хотя бы плюнем не вовремя».

Так, в общем, и произошло. Не считая, конечно, пары маленьких сюрпризов.

Взвод остановился на большой площади, по щиколотку засыпанной песком. Приказав курсантам встать в положение для отжимания, помкомвзвода куда-то исчез. Потянулись минуты. Несколько курсантов в изнеможении упали на песок. Они дорого за это заплатят... Что касается Стэна, ему стойка в упоре на руках не доставляла особого беспокойства.

Минут через десять к ним подошел сержант, с виду вовсе не такой садист, какого ожидал увидеть Стэн. Инструкторы-строевики всегда выглядели лучшими солдатами, чем могли рассчитывать стать подчиненные им свиньи-курсанты. Этот же сержант был откровенно толст. Носил он потертый и засаленный летный комбинезон, один из карманов которого был оторван. Не торопясь, сержант прогуливался между рядами застывших курсантов. Он укоризненно покачал головой, когда еще у одного несчастного подогнулись руки.

— Добрый день, подонки. — Голос сержанта напоминал хриплый протяжный рык. — Меня зовут Феррари. Вы будете называть меня *мистер* Феррари или сэр, иначе вас ждет верная смерть. Я ваш главный пилот-инструктор. За отведенное нам время я постараюсь сделать все, что только в моих силах, чтобы вы поняли: учеба на пилота — самое гнусное, самое отвратительное занятие, какое только может выбрать для себя разумное существо.

Как и наш уважаемый командир, я всегда готов вас принять. Но только с одной единственной целью: чтобы выслушать вашу просьбу об отчислении. Я искренне надеюсь, что за долгие дни и ночи, которые вам предстоит провести со мной, вы не забудете о том, как легко и просто избавиться от всех и всяких мучений. Придите ко мне в кабинет. Или даже просто шепните словечко кому-нибудь из обслуживающего персонала, и вы тут же отправитесь на новое место службы. Там вам наверняка будет лучше, чем здесь.

Между прочим, мы, инструкторы первого этапа обучения, полагаем, что даже Шиол был бы лучше того, что вам предстоит. Те из вас, кто не знает, что такое Шиол, могут спросить об этом у своих товарищей по взводу. Наша программа, безусловно, предоставит вам все возможности для сравнения.

Те из вас, кто еще не упал, могут встать. Те же, кто упал, будут ползти. Я бы хотел, чтобы вы ползли в строю да конца этой площади. А потом, пожалуйста, еще два раза вокруг. Кстати, это совсем не упражнение в садизме. Дело в том, что где-то по дороге я потерял монетку в четверть кредитки. Я был бы крайне признателен тому, кто сумел бы ее найти.

Глядя на ползущих вокруг площади курсантов, Стэн от души надеялся, что среди них не найдется пройдохи, который бы вынул монетку из своего кармана. Как соблазнительно отдать ее Феррари в надежде избежать долгого ползания по песку!.. Инструктор, без сомнения, осмотрит «находку» и с грустью в голосе объявит, что это не его монета. Скажем, не совпадает год или что-нибудь в этом роде. А потом он с наслаждением примется с мясом рвать ногти незадачливому обманщику.

Феррари сделал шаг в сторону. Теперь пришло время главного негодяя.

Этот тип тоже носил летный комбинезон. Но только на нем тот сидел, как влитой. Лицо его украшал длинный шрам, и при ходьбе сержант немного прихрамывал. Голос инструктора звучал так же мелодично, как скрип дерева по железу.

— Меня зовут Масон. Я не умею говорить, как мистер Феррари. Потому я буду краток. Я просмотрел ваши дела. Дерьмо. Вы все. Ни одному из вас я не доверил бы даже боевой машины пехоты. Если мы тут обосремся и пропустим кого-то из вас на летную палубу, дело добром не кончится. Так я и заработал вот это. — Он постучал пальцем по своему шраму. — Пустили какого-то идиота вроде вас за штурвал корабля. Столкновение в воздухе. Восемнадцать трупов.

Моя работа крайне проста. Друг друга можете убивать, сколько вам влезет. Я же буду следить, чтобы не пострадали посторонние. И позабочусь, чтобы вы не причинили особого вреда Флоту. Возможно, вы уже слышали что-то подобное от других инструкторов. Может быть, вы думаете, что это я только так говорю. Вы ошибаетесь, жабы. Я ненавижу вас. Всех и каждого.

Он оглядел строй, и Стэн почувствовал легкую дрожь в коленках. Ему и в самом деле доводилось слышать подобные речи. И не раз. Но Масон, похоже, не шутил.

— Я хочу только одного, — продолжал сержант. — Чтобы вас отчислили. Всех до единого. В каждом взводе есть один говнюк, которого я почему-то ненавижу больше других. Я сразу его выбираю. И списываю первым.

Масон снова оглядел курсантов.

Стэн знал, за миг до того, как это произошло, на ком остановится его взгляд.

«Дерьмо, дерьмо и еще раз дерьмо!» — думал он, замря, как кролик перед удавом.

ГЛАВА 6

К тому времени, когда Феррари и Масон закончили пытку, называемую ими «зарядкой», уже перевалило за полдень. Помкомвзвода — Стэн так никогда и не узнал,

как его зовут, — принял командование и отвел курсантов в отведенную им казарму.

Измученные новобранцы сквозь двойные стеклянные двери вошли в здание. Они не сомневались, что внутри их ждет еще один оборотень в образе очередного инструктора. А еще они ждали, что казарма, как бы мило она ни выглядела снаружи, внутри будет представлять собой гулкие пустые коридоры, гладкие пластобетонные полы и древние шкафчики с ломаными дверцами.

Как же они ошибались!

Внутри, в прихожей, напоминающей фойе небольшой и весьма роскошной гостиницы, их уже поджидали пятьдесят немолодых существ, одетых словно придворные в императорском дворце. Один из них вышел вперед.

— Я полагаю, — объявил он, — что перед тем, как мы покажем вам ваши номера, вы не откажетесь немного развлечься в комнате отдыха. Надеюсь, вы останетесь довольны.

Через раздвижные двери служитель провел курсантов в большой, отделанный деревянными панелями зал. В одном конце зала бросался в глаза огромный камин. Вдоль стен стояли автоматические раздатчики еды и питья, компьютерные терминалы и игровые автоматы. Над ними висели абстрактные картинки. А еще в зале стояли игровые столы с комфортабельными мягкими креслами и диванами.

В мозгу Стэна заверещал сигнал тревоги. Он заметил, как один из курсантов ошалело, что проявлялось в дрожании двойных колец белого меха вокруг глаз, глядит на ближайший автомат.

— Пиво, — произнес курсант, в волнении потирая мохнатую грудь крохотной черной ручкой. — Это же автомат по раздаче пива!

Он шагнул вперед.

— На твоем месте я бы не торопился.

Это сказал тот самый сержант со шрамами, которого Стэн приметил еще до погрузки в гравитолет.

— Почему?

— Ну... может быть, потому, что они собирались испытывать нас на выносливость, а похмелье еще никогда реакцию не улучшало. А может, они следят за этим агрегатом, и каждый, кто хотя бы притронется к нему, тут же получает черный крестик в дело за слабоволие.

— Это все глупости, — заявила маленькая изящная женщина. — Все пилоты, каких я только знала, хлестали пиво, словно материнское молоко.

— Точно, — кивнул сержант. — Но это *после* того, как они получили свои крылышки. Скорее всего, они и пьют-то так из-за чертового Отбора.

Возможно, сержант был прав, а возможно, все это была чистой воды паранойя. Так или иначе, за все время обучения к пивному агрегату никто не прикоснулся.

Выделенная Стэну комната также оказалась весьма интересной. По сути, это была даже не одна комната, а две — спальня, она же кабинет, выдержанная в спокойных тонах, и ванная, где находились не только все обычные моющие и чистящие устройства, но и последней модели джакузи. Похоже, «зарядки» Феррари кончатся еще очень и очень не скоро.

Распаковаться для Стэна было делом одной минуты. Он давно уже научился путешествовать налегке. Единственным излишеством, которое Стэн себе позволял, были собранные им за многие годы фиши для миниголопроцессора. В свободное от службы время Стэн любил создавать действующие модели древних заводов и фабрик.

В этой школе у него, похоже, будет не много свободного времени для игр. И все же Стэн решил подключить процессор к сети. Увы, универсальный переходник оказался вовсе не таким универсальным, как обещалось в рекламе. Во всяком случае, таких разъемов, как в этой комнате, на нем не оказалось.

Стэн решил поговорить с соседями: может, у них найдется подходящий разъем? Выйдя в коридор, он постучал в ближайшую дверь. Тихий, осторожный стук, говорящий, что это не школьный инструктор и что он (она) может не таить то, что он (она) делает.

В ответ на стук из динамика возле двери раздался выразительный женский голос:

— Полетай секунду, браток, и мы будем вместе.

Мгновение спустя дверь открылась, и Стэн оказался лицом к лицу, если так можно сказать, с форменным ужасом.

Стэн много чем не страдал. Он не был зациклен на своей культуре и этносе. Кошмарный фабричный мир, в котором он вырос, вообще не дал ему никаких врожденных предрассуд-

ков подобного рода. Он не страдал ксенофобией — об этом позаботились тренировки в отряде Богомолов и боевые задания на тысячах планет с тысячами разных разумных рас. Он не был и формистом, как это называли его современники; его не заботило, как выглядят, или пахнут, или звучат другие существа. Во всяком случае, раньше Стэн так думал.

Однако когда дверь открылась и перед ним возник двухметровый волосатый паук... Много позже Стэн даже гордился своим поведением в этот момент. Единственное, чем он выдал свой шок, так это стуком ударившегося о пол отвалившегося подбородка.

— Наверно, мне следовало вас предупредить, — сказал паук.

Стэн чувствовал себя как последний болван.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Ну... да... — Стэн попробовал собраться с мыслями. — Не знаете, когда у нас ужин?

— Примерно через час, — ответил паук, поднося к фасетчатым глазам одну из ног с весьма неуместными на ней дорогими часами.

— Черт возьми, извините! Меня зовут Стэн, — и он протянул пауку руку.

Паук внимательно посмотрел на руку Стэна, потом на его лицо. Затем поднял другую ногу, с крохотными коготками на конце, и положил ее на ладонь человека. Нога оказалась теплая, а шерсть на ощупь напоминала шелк.

— Меня зовут Ш'аарл'т. Может, зайдете?

Стэн вошел в комнату. И не только из вежливости. Ему было любопытно, какие условия Империя предоставляет паукообразным.

Кровать отсутствовала. Вместо нее с высокого потолка свисал какой-то решетчатый каркас. В углу стоял рабочий стол, а на месте стула — широкий кругляк.

— Ну и как тебе тут? — спросил Стэн.

— Мне кажется, — ответил приятный женский голос паука, — что не мешало бы проверить мой панцирь. Наверно, он где-то треснул, раз мне захотелось стать пилотом.

Контакт налаживался, хотя Стэн и содрогнулся, когда Ш'аарл'т махнула лапой, предлагая ему сесть.

— Я ввязалась в это безумие только потому, что мой род всегда плел паутину выше всех остальных. Но если можно, личный вопрос? Ты-то почему тут оказался?

Стэн понимал, что правду говорить нельзя. Ну, скажет он, что в летную школу направлен лично Вечным Императором... Или его примут за неисправимого лжеца, или за важную шишку, с которой лучше не связываться.

— В свое время идея казалась не такой уж и плохой, — пробормотал он.

— А можно поинтересоваться, какое у тебя звание?

— Капитан третьего ранга.

Ш'аарл't шумно вздохнула. Конечно, она была самкой — даже громадные обитатели Аранеиды верны биологическим традициям.

— Должна ли я встать по стойке «смирно»? Я всего лишь космонавт второго класса.

Стэн сумел даже рассмеяться.

— По правде говоря, я бы хотел на это посмотреть. Как вы, при ваших восьми ногах, встаете по стойке «смирно»?

Ш'аарл't отпрыгнула на середину комнаты, и Стэн, машинально реагируя, чуть не пробил головой потолок. Стойка «смирно» для паука означала, что все нижние сегменты ног вытянуты вертикально, а остальные расположены под углом в сорок пять градусов к туловищу.

— В особых случаях я также выпячиваю мои клыки самым воинственным образом. Хочешь взглянуть?

— Гм-м... Лучше в другой раз.

Ш'аарл't хлопнула себя по панцирю одной из ног. Стэн решил, и вполне справедливо, что у пауков это равносильно смеху.

— Ну, у тебя вряд ли возникнут проблемы с отжиманиями, — заметил он.

Снова стук в панцирь.

— Слушай, — спросила Ш'аарл't, — как по-твоему, насколько они серьезны?

— Насчет Феррари не знаю, — подумав, ответил Стэн, — но этот Масон мне здорово не нравится. Он меня просто пугает.

— Меня тоже. Но, может, некоторые из нас удержатся... пока других списывают. Не могут же они отчислить всех. Права я или нет?

Стэн понял, что Ш'аарл't не больно-то уверена в своих словах. Ей хотелось поддержки, и потому Стэн вместо ис-

креннего «По-моему, эти типы способны на все, что угодно», ответил:

— Надеюсь. Кто-то должен выжить... Кстати, коли уж речь о выживании, не спуститься ли нам в холл? Посмотрим, может, жертв перед смертью тут хотя бы кормят?

— Отличная идея, капитан.

— Неверно. Надо обращаться «курсант». Или «ты, олух».

Опять стук по панцирю.

— Ладно, пойдем кушать? Рука в ноге, нога в руке...

Смеясь, они вместе вышли из комнаты.

Позже вечером в дверь Стэна легонько постучали. Снаружи оказался один из служителей. Если все тут выглядели как придворные, то этот тип больше напоминал разряженного дворецкого.

После долгих извинений за беспокойство он сказал, что его зовут Пилхам. Он, дескать, будет денщиком Стэна, пока тот не закончит первый этап учебы.

— Ты хочешь сказать, пока не закончу или пока меня отсюда не вышвырнут.

— Ну, что вы, сэр! — Пилхама, казалось, даже шокировало такое предположение. — Я позволил себе, сэр, заглянуть в ваше дело. И должен сказать... не мне, конечно, судить... но мы, кто здесь работает, устраиваем маленький тотализатор: кто из кадетов закончит курс, а кто — нет. Уверяю вас, сэр, я не льщу, говоря, что без колебаний поставил на вас свои деньги.

Отойдя от двери, Стэн позволил Пилхаму войти.

— Не льстишь, значит, — покачал головой он и уселся за стол, наблюдая, как его новый денщик проворно перебирает висящую в шкафу форму.

— Мистер Стэн, я заметил, что вы сняли ваши награды.

— Точно. Планки лежат в кармане.

— Я полагаю, вы хотите...

— Я хочу засунуть их на самое дно самого темного ящика, где их никто не увидит. Это ясно, Пилхам?

Пилхам довольно странно посмотрел на Стэна.

— Как угодно, сэр. Но ваша форма настоятельно нуждается в небольшой утюжке.

— Естественно. Она пару месяцев провалялась на дне вещмешка.

Собрав в кучу несколько комплектов формы, Пилхам направился к двери.

— Что-нибудь еще, мистер Стэн? Вы можете обращаться ко мне в любое время дня и ночи.

— Пока ничего, Пилхам. Хотя... подожди минуточку. У меня есть вопрос.

— Если только я смогу ответить...

— Кто такая Рикор?

Пилхам был настоящим профессионалом. Он только едва заметно моргнул при упоминании имени моржеподобного существа, которое было одним из самых талантливых психологов Империи. Только моргнул, и все.

— Никогда о такой не слышал.

— Попробуем с другого конца. Правда ли, что ты, как, впрочем, и все остальные работники в этой казарме, такие услужливые денщики, на самом деле играете особую роль в Отборе?

— Ну, разумеется, сэр. Мы понимаем, что курсантам очень нужно время и для занятий, и для отдыха, и мы изо всех сил пытаемся им помочь, беря на себя мелкие...

— Я имел в виду нечто совсем другое. Еще раз. Верно ли, что вы все — опытнейшие психологи, а эта казарма, такая тихая и уютная, должна заставить нас расслабиться, чтобы вы могли узнать, какие мы на самом деле?

— Вы, наверно, шутите, сэр.

— В самом деле?

— А если нет, то вы мне очень польстили. Подумать только, кто-то решил, что я мог бы быть врачом! — Пилхам захихикал. — Нет, сэр. Я всего лишь денщик, и ничего больше.

— Спасибо за ответ, Пилхам. Доброй ночи.

— Доброй ночи, сэр.

Доктор В. Ринвилли Пилхам, обладатель семи научных степеней в разных областях психологии, прикладной психологии, анализа стрессов у человека и военной психологии, закрыл за собой дверь. Лишь отойдя на несколько метров от комнаты Стэна, он позволил себе беззвучно рассмеяться.

ГЛАВА 7

Первые недели Отбора оказались довольно простыми. Инструкторы выбивали мозги курсантам утром, днем и вечером. По ночам проводились тревоги, хотя построение всегда принимал кто-то из офицеров. Сержанты в казарме не показывались.

В промежутках между физическими и психологическими муками курсантам приходилось сдавать целую кучу разных тестов. В значительной степени они повторяли зачеты курса начального обучения — тест на быстроту реакции, на интеллект и так далее. Проходные баллы, однако, были куда выше, чем при поступлении в армию. А еще сдавать эти тесты приходилось по нескольку раз, причем зачастую в самое неожиданное время.

На Стэна это не произвело особого впечатления. Он полагал, что, если бы не спешка, их не мучили бы подобными повторами. Наверняка существовали более надежные, хотя и не такие быстрые, методы тестирования.

В один прекрасный день предположение Стэна, что тестировали их, в основном, методом тыка, подтвердилось окончательно и бесповоротно. Его завели в пустую комнату, где стояло одно только глубокое кресло с иллюзошлемом. По инструкции, Стэну полагалось сесть в кресло, опустить на голову шлем и ждать, что будет дальше.

Подобное испытание Стэн уже проходил — давным-давно, еще до вступления в армию. Идея заключалась в том, что через иллюзошлем испытуемый переживает определенные события, а по его реакциям психологи составляют подробный профиль личности тестируемого.

Когда Стэн проходил это испытание в прошлый раз, иллюзозапись повествовала о неком не слишком умном, но зато очень смелом стражнике, гибнущем при попытке взорвать вражеский танк. В конце Стэна чуть не вырвало, и это доказало его непригодность к службе в пехоте. Зато реакции Стэна оказались идеальными для отряда Богомолов, где превыше всего ценились умение выжить и способность действовать в одиночку.

На этот раз прежде, чем сесть в кресло, Стэн проверил надписи на кассете с записью. После всевозможных кодов, он

нашел название: «ШАВАЛА, ДЖЕЙМ, СРАЖЕНИЕ, СМЕРТЬ, ШТУРМ НА ДЕМЕТРЕ».

Возможно, при тестировании будущих пехотинцев подобный сюжет еще и имел какой-то смысл, но для будущих пилотов?..

Осмотрев шлем, Стэн нашел входной кабель. Мучаться еще раз не хотелось. Настало время проявить изобретательность. Он согнул особым образом пальцы, и на ладонь выскочил хирургическим образом скрытый нож. Существование этого обоюдоострого кинжала Стэн держал в строжайшей тайне. Он сделал его собственными руками из одного чрезвычайно редкого кристалла. Толщина клинка не превышала двух с половиной миллиметров, а лезвия — пятнадцати молекул. Другими словами, нож мог разрезать практически все, что угодно. Сейчас, впрочем, Стэн ничего резать не собирался.

Острием он осторожно перекинул контакты нескольких проводков внутри входного кабеля иллюзошлема. Затем, спрятав нож, как и предписывалось, сел в кресло.

«Так... Теперь посмотрим. Запись уже началась. Я должен почувствовать удивление. Страх. Возбуждение. Сомнение в собственных силах. Шок от высадки. Стремление во что бы то ни стало выполнить задачу».

Обучение в отряде Богомолов включало практику по обманыванию всевозможных устройств для тестирования, начиная от древнего и ненадежного полиграфа и кончая самыми современными мозговыми зондами Императорской Разведки. Главное, разумеется, свято верить в то, что ты говоришь, думаешь и чувствуешь чистую правду. Сейчас Стэну очень даже пригодилось это его умение. В сочетании с развитой, практически абсолютной памятью оно делало Стэна весьма и весьма тестоустойчивым.

«Так, что там у нас дальше... Сейчас Шавала увидел свой чертов танк... Ужас... Увидел смерть однополчан. Злость... Видит надвигающийся танк... Решимость... Больше решимости... Прыгает вокруг танка, получая ранения в самые разные места... Боль и еще больше решимости... Черт, я уже, наверное, мертв. Шок и все такое».

Приподняв уголок шлема, Стэн услышал, как щелкнула у него за спиной закончившаяся кассета.

Гордость за то, что был частью этой имперской глупости.

Стэн решил, что психологам уже хватит материала. Он снял шлем и вылез из кресла. Придав лицу тошнотворно-решительное выражение, он вышел из комнаты, артистично споткнувшись сразу же за порогом.

Стэн, задыхаясь, выполз на вершину холма и сразу же сверился с компасом и часами. Можно четыре минутки отдохнуть.

Это испытание было вариацией любимого всеми военными марш-броска. Но, как и все остальное в Отборе, оно проводилось с некоторыми необычными дополнениями.

Курсантам давали карту с компасом и сообщали место встречи, куда им следовало попасть к определенному сроку. Однако когда они добирались до указанной точки, оказывалось, что самое интересное еще впереди. Тут курсантам обычно сообщали координаты новой цели, и они, хочешь не хочешь, снова отправлялись в путь.

Это упражнение не имело ничего общего с подготовкой пилотов, зато напрямую было связано с упорством и силой воли. К тому же — с чем Стэн, хотя и неохотно, но мог согласиться — подобные истязания наглядно доказывали курсанту, что его мозг туп и предлагает телу остановиться и отдыхать, когда ресурсы организма еще далеко не исчерпаны.

Для Стэна все это было не так уж и трудно — в отряде Богомолов он такие кроссы бегал для развлечения. Однако кое-кто из курсантов все-таки сломался. Из тридцати с лишним существ во взводе Стэна десять куда-то исчезли.

Ни о чем не думая, Стэн, задрав ноги, лежал на земле. И тут послышались шаги. Вернувшись к реальности, он увидел спокойно бегущую вверх по склону холма маленькую женщину — ту самую, что в самый первый день так убедительно рассуждала о пилотах и пиве. Вместо того чтобы ничком повалиться на землю, она бодро сбросила рюкзак и принялась делать какие-то упражнения.

Стэну стало любопытно. Странный у нее был метод уговорить тело сделать лишний шаг. Он решил подождать, пока женщина закончит свою зарядку. Это, между прочим, стоило ему лишней минуты.

Спускаться с холма пришлось по камням, и Стэну удалось перекинуться с Викторией, так звали женщину, парой слов. Обмен данными: лейтенант флота. Она была профессиональной танцовщицей и акробатом. И выступала, как ре-

шил Стэн, вполне успешно — иначе ей не довелось бы гастролировать на Прайме.

Ему даже показалось, что он помнит труппы, в которых она работала.

Но почему же служба во флоте?

Семья потомственных военных. Кроме того, танец — это тяжелый труд. Работать профессиональной танцовщицей все равно что быть рыбой на песке.

Стэн даже сумел засмеяться.

К тому же, продолжала Виктория, ей всегда нравилась математика.

Стэн содрогнулся. Он разбирался в математике, как и каждый офицер, но в свободное время его не тянуло для развлечения пощелкать уравнения.

Внутренние часы Стэна дали команду на перекур. Виктория же побежала дальше. Если кому и суждено преодолеть все это дерьмо под названием Отбор и стать пилотом, то, конечно, Виктории.

Зеленая волна перехлестнула через планшир и ударила в стекла мостика. Стэн невольно пригнулся.

Лодка качалась, и желудок плясал вприсядку. «Заткнись, тело! Все это только иллюзия». — «Заткнись, голова, — последовал ответ, — пошла ты к черту. Сейчас мне будет плохо».

Блюющему через борт Стэну было очень не просто следовать нашептываемым ему на ухо инструкциям.

— Это двадцатиметровый корабль. Он предназначен для коммерческой добычи рыбы. Вы его капитан. Корабль возвращается в гавань. Он убегает от шторма.

Гавань находится где-то впереди. Чтобы выполнить задание, вы должны благополучно вернуться в порт. Вход в гавань вам укажет радар. Он часто выходит из строя.

Вам также известно, что вход в гавань перегорожен так называемой мелью — местом, где глубина слишком мала для вашего корабля. Во время шторма мель может помешать кораблю войти в гавань.

Счастливого плавания.

Стэн, уже поднаторевший в тестах, сразу же посмотрел на экран радара. «Ага, вон там, чуть правее... Значит, я должен направить судно...»

И тут, как и было обещано, экран вспыхнул равномерным зеленым светом.

Стэн оценил ситуацию. Иллюзию он испытывает через шлем. Но, в отличие от теста с Шавалой, здесь все его действия будут абсолютно «реальны». Если, например, судно напорется на скалу, он потерпит кораблекрушение и, скорее всего, так как ведущие Отбор типы имеют явную склонность к садизму, узнает, что чувствует медленно тонущий человек.

Простое решение — самое лучшее. Надо всего лишь включить антиграв, и корабль... Неверно. Перед Стэном на пульте были всего лишь три ручки управления: большое рулевое колесо и две подвижные рукоятки. Корабль движется лишь в двух измерениях.

Еще на пульте находилась целая куча разных индикаторов, на которые Стэн решил не обращать внимания. Они, скорее всего, показывали, как работает мотор, но Стэну эти сведения все равно ничего не говорят. Он же не знает, ни какой у него двигатель, ни на чем тот работает. А раз так, то нечего тратить время на их изучение.

Накатилась новая волна, и маленький кораблик дернулся в сторону. Стэн, решившись, двинул правую рукоятку до упора вперед, левую — до упора назад и круто повернул вправо руль.

Корабль вернулся на прежний курс.

Стэн поставил рукоятки одинаково. «Похоже, у меня два мотора», — подумал он, возвращая руль в исходное положение.

Пелена шторма на миг прояснилась, и впереди возникли окутанные пеной отвесные скалы. Чуть левее появился разрыв в гранитной стене — вход в гавань. Стэн направил свое суденышко именно туда. Скалы приближались, и беснующиеся течения так и норовили развернуть корабль. Стэн отчаянно орудовал двигателями и рулем.

Отлично, попали в створ!

Дождь стих, и буквально в нескольких метрах перед носом судна на месте отхлынувшей воды Стэн увидел землю. Чертовы ублюдки! Вот она их мель!

Стэн поспешно дал машинам задний ход.

Несколько волн одна за другой ударили в корму. Стэн не обращал на них внимания. У него родилась одна неплохая идейка.

Когда волна ударяет в мель, вода поднимается. Все, что требуется, это дождаться по-настоящему большой волны и

бросить корабль вперед на полной скорости. Глядишь, вместе и переберемся через мель в гавань.

План сработал как нельзя лучше. Огромная волна как пушинку перенесла кораблик через смертоносную полосу песка. И тут Стэн, позабывший о боковом течении, почувствовал удар суденышка о бетон пирса.

Как Стэн и ожидал, он не просто стал свидетелем крушения. Ему еще и довелось на собственной шкуре испытать все ощущения тонущего человека.

Причем тонущего о-очень медленно.

Оценка: удовлетворительно.

К этому времени Стэн уже знал, как зовут остальных курсантов его взвода.

Видавший виды сержант, которого, как думал Стэн, вышибут из школы раньше всех, все еще держался в строю. Да какое там держался! Пока что они с Викторией никак не могли поделить место первого ученика во взводе. Это, возможно, и не удивило бы того, кто хорошо знает древнюю историю. Сержанта звали Вильям Бишоп 43-й. Стэн, истории не знавший, удивлялся — как, впрочем, и остальные курсанты, окрестившие сержанта Грантом. Бишоп ничуть не возражал против такой клички.

Мохнатый любитель пива по имени Лотор оказался просто незаменимым в любой компании — он стал взводным клоуном. Тут надо отметить, что, лишенные нормальных воинских развлечений типа выпивки и увольнительных, курсанты время от времени бесились. Лотор, например, начал «водяную войну».

И первой ее жертвой стал Стэн.

Однажды, глубоко за полночь, в его комнату осторожно постучали. Ничего не подозревая, Стэн открыл дверь и тут же получил в лицо контейнер холодной воды.

Вычислив, кто это сделал, Стэн решил отомстить. Предварительно замуровав сток, он наглухо задраил дверь в душевой, где мылся Лотор. Сжалился он, лишь когда вода уже подбиралась к потолку.

Лотор, обсушив мех, решил, что у Стэна наверняка были союзники. Хотя бы Ш'аарл't. Поэтому как-то ночью он подсунул под ее дверь пожарный шланг и включил воду.

Ш'аарл't проснулась от того, что комната быстро наполнялась водой. Нисколько не теряясь, она открыла дверь и выкинула шланг в коридор. А потом снова отправилась спать к себе на потолок.

Лотор не учел того, что ссориться с паукообразным всегда чревато неприятностями. Следующей ночью Ш'аарл't сплела паутину от своего окна до окна обидчика, спустилась по ней и аккуратно заменила подушку под спящим Лотором на соответствующих размеров бурдюк с водой.

Тогда Лотор выбрал себе новую жертву. Ей стал Грант. Привязав небольшой заряд взрывчатки к мешку с водой, Лотор подкатил его к двери Бишопа и постучал. Затем поскорее смылся. Грант открыл дверь как раз в тот миг, когда мешок взорвался.

Его месть была поистине ужасной. Она включала в себя такую страшную вещь, как метеорологический воздушный шар, заполняющийся водой. Шар этот, естественно, находился в комнате Лотора. Будучи человеком действия, Бишоп, начиная операцию, не удосужился проверить, где находится его жертва. В итоге потребовались усилия всей казармы, чтобы вытащить несчастного Лотора из-под раздувшегося шара.

На этом водяная война закончилась — никто из сражающихся не мог придумать более крутой атаки. Да и усталость брала свое.

Единственной пользой от войны стала дружба ее участников — Лотора, Бишопа, Стэна и Ш'аарл't. Они сплотились хотя и не в твердый, но коллектив. А своим талисманом избрали Викторию. Как оказалось, каждый из них чувствовал то же самое, что и Стэн во время марш-броска, — один из них должен дойти до конца. И Виктория виделась им самым вероятным кандидатом.

Ей они ни о чем не говорили. Да она и не спрашивала. Просто с благодарностью присоединилась к их маленькой группе.

Впятером они обсуждали перспективы на будущее и то, кем на самом деле оказались бы служители в казарме, если бы вместо своих нарядов и комбинезонов они вдруг взяли бы да и надели военную форму.

Они болтали, и шутили, и попивали травяной чай, гарантированно не дававший побочных эффектов. А потом расходились по своим комнатам, возвращаясь к бесконечной учебе.

Во всяком случае, расходились почти все.

И вполне возможно, что травяной чай не давал *доложенных испытуемыми* побочных эффектов.

Как бы там ни было, однажды Стэн и Виктория проводили до двери Ш'аарл't. Далее Стэн намеревался проводить Викторию до ее комнаты, но вместо этого неожиданно пригласил ее к себе. Виктория приняла приглашение.

Она расправила постель и взбила подушки. Потом коснулась пальцем молнии своего комбинезона, и тот упал к ее ногам, открыв взорам Стэна маленькое и совершенно идеальное тело.

Стэн был одновременно рад и расстроен. Он много раз мечтал заняться любовью с балериной. В особенности с Викторией. Он не решался сделать предложение потому, что искренне сомневался в своих способностях. Что, если он сделает предложение, оно будет принято, а он проявит себя совершеннейшим импотентом, как его ежедневно обзывает Масон. В конце концов, усталость, перенапряжение и все такое...

Возможно, Стэн и не ошибался насчет своих возможностей, но он недооценил фантазии бывшей профессиональной танцовщицы.

На следующий день и Стэн, и Виктория показали очень-очень низкие результаты во всех без исключения тестах. Еще бы, ведь в ту ночь они не спали даже и часа.

ГЛАВА 8

Отбор перешел от письменных и иллюзозаданий к псевдореальным, жизненным проблемам. И это дало Феррари и Масону шанс в полной мере проявить свои садистские наклонности.

Стэн догадывался, что следующая проблема будет настоящим шедевром. Недаром Феррари так и сиял, и даже Масон позволил себе едва заметную кривую ухмылку.

— Мы называем это задание Групятствие, — почти ласково объяснял Феррари. — Группа. Препятствие.

В группу входили Бишоп, Виктория, Стэн, Лотор и еще шесть курсантов. Препятствие же заключалось в том...

— Мы с вами стоим, — продолжал Феррари, — в командной рубке эсминца. Класса «цветок», если вам интересно. Выглядит она ужасно, не правда ли?

Он дал курсантам время выразить свое согласие.

— А выглядит она так потому, что наш эсминец разбился на поверхности некоего планетоида. На планетоиде есть пригодная для дыхания атмосфера и питьевая вода. Но пищи на нем нет никакой, и не из чего сделать даже мало-мальски приемлемое укрытие.

Феррари улыбнулся.

— Те из вас, кто проходил экотренировку, могут не объяснять мне, что такой планетоид совершенно нереален. Не я придумал эту проблему, я вам ее только задаю. Как бы там ни было, вы видите эту командную рубку? Да, видите. Ужасная картина. Вы видите проход, ведущий на поверхность планетоида, так живописно изображенного нашими голографистами. Я лично не очень-то верю, что где-то деревья бывают пурпурными. Впрочем, кто его знает. Мистер Масон, продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо, сэр. Я буду краток. Вы, ублюдки, разбились. Без еды и укрытия жить на планетоиде нельзя. Единственная ваша надежда — добраться до аварийных ранцев. Ранцы находятся в конце этого коридора. Но коридор завален обломками. Это первая проблема.

Глядя на проход, Стэн мог только поражаться, как аккуратно инструкторы подготовили задание. Все было вполне реалистично. Снаружи, когда они только вошли в этот огромный зал, и в самом деле казалось, будто громадный космический корабль разбился посреди пурпурных джунглей. Да и внутри, за редкими исключениями, и исключения эти Стэн старательно подмечал, все выглядело как в настоящей рубке настоящего корабля.

Одно только не давало Стэну покоя. Почему перед началом испытания Масон, отозвав Бишопа в сторонку, что-то долго ему втолковывал? Причем, судя по выражению лица Гранта, нечто весьма важное.

— Вторая проблема, — между тем продолжал Масон, — заключается в том, что на вашем реакторе запустилась программа самоуничтожения. У вас есть двадцать минут. Потом

этот корабль взорвется. Если вы не доберетесь до аварийных запасов, вы провалили задание. Вы все. Если через двадцать минут вы еще будете на корабле, вы тоже провалили задание. И снова вы все.

— Спасибо, мистер Масон.

— Да, сэр.

— Задание начинается... сейчас!

Идеи посыпались со всех сторон. Виктория предложила прежде всего определить цель задания. Грант сказал, что сперва следует выработать план действий. Лотор сказал, что, если они не знают, как глубоко они угодили в говно, то о каком плане вообще может идти речь?

А ситуация была элементарно простой.

Проход, ведущий к аварийным ранцам, был завален мелким мусором. Убрать его — раз плюнуть. Однако крест-накрест поперек коридора протянулись толстенные стальные швеллера, и сдвинуть их с места просто не представлялось возможным. Два курсанта попробовали, но даже не смогли их пошевелить.

— Вот! — закричал Лотор, подходя к небольшому швеллеру, лежащему в соседнем коридоре. — Из этого получится отличный рычаг. Нам не хватает только точки опоры.

— Да брось ты, Лотор, — сплюнул Грант. — У нас нет никакой чертовой точки опоры.

— Какого беса нет! — воскликнула Виктория. — Эй вы, тащите сюда тот здоровый сундук с картами, что стоит на второй палубе!

— Все равно ничего не выйдет, — покачал головой Бишоп.

Стэн мог только поражаться. Что такое случилось с Грантом? Обычно он первым хватался за любую, самую сумасшедшую идею.

Пока пара курсантов волокла сундук, Стэн обследовал местность вокруг корабля. Когда он вернулся в рубку, сундук уже установили возле толстых швеллеров. Малый швеллер подсунули под большие, курсанты дружно навалились, и дело пошло.

Первый швеллер зашатался и с грохотом упал на пол. С торжествующими криками курсанты продвинули сундук вперед. Но со вторым швеллером так просто справиться не удалось.

— Тут все равно ничего не выйдет, — буркнул Бишоп.

— Наверное, ты прав, — кивнул один из курсантов и отпустил импровизированный рычаг.

Он заметил алую панель в стене.

Большие черные буквы на ней яснее ясного гласили: «ТОЧКА КОНТРОЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ». И внизу, чуть помельче: «Не входить без допуска одиннадцатой степени. Не входить, если корабль не дезактивирован полностью».

Курсант без труда открыл панель. За ней вдоль нужного коридора шел узкий гладкий проход.

— То, что надо! — воскликнул курсант.

— Ты надпись-то читал? — спросил его Стэн.

— Читал, ну и что? Этот корабль явно дезактивирован. Куда уж больше.

— Он прав, — легко согласился Бишоп.

И снова Стэн мог только удивиться.

Курсант влез в проход, и красная панель автоматически захлопнулась. Пять секунд спустя из-за стены раздался страшный вопль. Об этом позаботились демоны, придумывающие испытания для летных школ. В проходе следовало бы находиться перегретому пару. Но это все-таки была учебная модель, и потому незадачливого курсанта облили всего лишь горячей водой — достаточно, чтобы заработать ожоги первой степени, но не больше. А потом автоматика вышвырнула бедолагу за пределы испытательного зала, где Феррари с радостной улыбкой сообщил курсанту, что испытание тот не прошел.

После первой «смерти» команда еще отчаяннее заработала рычагом. Но освободить второй швеллер никак не удавалось. Реально оценив силы, Стэн сказал, что рычаг — это дохлый номер, и отправился искать другое решение. Еще раз осмотрев корабль, он снова выбрался наружу.

И нашел ответ.

К тому времени, когда Стэн втащил в рубку сорокаметровый обрывок кабеля, выброшенного взрывом в джунгли, его друзья уже опустили руки, признав свое поражение.

Оставалось всего семь минут.

Стэн не стал тратить время на объяснения. Привязав кабель к швеллеру, он быстро уложил несколько петель и потянул его другой конец к массивной ферме наружного люка, а оттуда обратно к швеллеру.

— Какого черта ты делаешь? — остановил его Бишоп.

— Целуюсь с Императором, — огрызнулся Стэн. — Чего стоишь, как баран, помоги!

— Не торопись, ты только зря тратишь время.

— Объясняю один раз. Слушай, Грант. Мы сделаем систему блоков, соорудим полиспаст и выдернем швеллер к чертовой матери.

— Стэн, мне кажется, это не сработает. Почему ты не хочешь сперва все обсудить?

— Потому что у нас осталось всего пять минут.

— Точно! И мы не хотим потратить их впустую.

Тут, наконец, до Стэна дошло, что к чему.

— Ясно дело, — кивнул он.

Его ладонь мелькнула, как молния. Руки Стэна могли убить, искалечить или оглушить любое живое существо, известное имперским спецам боевого искусства. Сжатые пальцы ударили Бишопа по шее, чуть пониже уха. Курсант рухнул на пол, как мешок с песком.

— Мо-олчать!! — крикнул Стэн своим возмутившимся товарищам. — Собирайте чертов полиспаст и давайте тянуть. Бишоп саботажник. Я видел, как Масон отдавал ему приказ... Давайте, друзья. Мы должны выбраться отсюда!

Полиспаст вырвал застрявший в стене коридора конец швеллера, и отряд наконец получил так необходимые им припасы. Экипаж выскочил из готового «взорваться» корабля, имея в запасе еще почти целую минуту.

Бишоп, придя в себя, подтвердил, что Стэн не ошибся. Масон и в самом деле поручил ему роль саботажника.

Чуть позже Феррари неохотно признал, что их отряд стал одним из немногих, успешно прошедших этот тест.

Оценка: блестяще.

ГЛАВА 9

У Стэна возникли проблемы.

Не то, чтобы он был полным профаном в математике — в Имперских Вооруженных Силах таких не водилось. Просто

Стэн не чувствовал сухие числа так, как он, например, инстинктивно ощущал окружающие его предметы. А еще он никак не мог перевести эти самые цифры в реальные планеты и корабли.

В итоге ему потребовалась помощь.

Виктория в качестве учителя? Никаких проблем. Все ведь знали, что она единственный курсант, который с гарантией получит свои крылышки. Но Бишоп? Математическим гениям надлежит быть низенькими и тощими, говорить фальцетом и иметь хирургически исправленное зрение.

«На таком стереотипе далеко не уедешь», — думал Стэн, глядя, как толстые пальцы Бишопа уверено стучат по клавиатуре компьютера и мельтешат цифры на сенсорном экране. С точностью и терпением настоящего педанта Грант пытался объяснить ему, что математические формулы описывают мир куда точнее любых слов и картинок, каким бы воображением не обладали их создатели.

Стэн глядел на экран и не видел никакой связи.

— Чертов псих, — сплюнул Бишоп и повернулся к Виктории. — Принеси пожарный топорик. Надо же как-то до него достучаться!

Но Виктория нашла менее болезненное решение.

Они подсоединили голопроцессор Стэна к главному компьютеру. Теперь, когда он вводил координаты, перед ним зажигалась крошечная трехмерная звездная карта. В конце концов, после ряда проблем, Стэн начал кое-что понимать.

Оценка математического ощущения: требует доработки.

По никому не известной причине все школы, в каких только доводилось бывать Стэну, тестировали своих курсантов на устойчивость к перегрузкам.

Стэн понимал, зачем надо знать, сколько «G» выдерживает данный курсант и сколько раз надо поменять направление силы и как быстро, чтобы его потянуло блевать. Но когда все это уже известно, зачем проверять результаты снова и снова?

Стэн знал, что без гравикостюма он лично может действовать как солдат вплоть до 3,6 Терра-гравов. Он может работать сидя при 11,6 Т-гравах. Он теряет сознание под пиковой нагрузкой в 76,1 Т-гравов или под мгновенным ударом в 103 Т-грава. Все это было записано в его медфайле.

Ну так и зачем тестировать по новой?

Стэн решил, что это все тот же прикладной садизм, с которым он сталкивался в каждой школе, начиная с родной фабричной планеты Вулкан.

Из всех ненавистных методов тестирования на перегрузки самым мерзким Стэн считал центрифугу. Умом-то он понимал, что организм не может догадаться, что его вертят по кругу. Да, умом он это понимал... но тело говорило «А спорим?», и Стэна начинало тошнить.

Ну и, разумеется, в летной школе при Отборе пользовались именно центрифугой.

Закусив губу, Стэн глядел на висящего над ним стального монстра.

— Вы, кажется, чем-то обеспокоены, курсант?

Это Масон.

Стэн застыл в позе, изображавшей в этой школе почтительное внимание.

— Никак нет, сэр. Не обеспокоен, сэр.

— Вам страшно, курсант?

Шикарный вопрос. Стэн жалел, что рядом нет Алекса. Его приятель, родившейся и выросший на планете с повышенной силой тяжести, наверняка нашел бы подходящий ответ. Вполне возможно, он сделал бы из Масона котлету.

Впрочем, Килгур уже побывал в этой школе. Стэн ничего от него не слышал и потому полагал, что Алекс все же получил крылышки... не убив при этом Масона.

Немного подумав, Стэн решил, что такое невозможно. Значит, Килгур проходил Первый этап на другой базе. Издав в ответ на вопрос Масона несколько ничего не значащих звуков, Стэн шагнул на стальную лесенку, ведущую в капсулу центрифуги.

Уже ночью желудок Стэна немного успокоился, и он даже почувствовал легкий голод. Оставив свою комнату, он спустился в комнату отдыха. Какой-нибудь из агрегатов наверняка готовит жидкую кашку.

Ш'аарл'т, Бишоп и Лотор в молчании сидели за игровым столом. Стэн со своей миской пристроился рядом с ними.

— Сегодня списали Викторию, — сообщил Лотор.

Стэн так и подскочил.

— Провалилась на G-тесте, — отвечая на невысказанный вопрос, сказал Бишоп.

— Чушь собачья, — не поверил Стэн. — Она же чертов гимнаст. Профессиональная танцовщица.

— Похоже, и у атлетов бывает головокружение, — отозвалась Ш'аарл't.

— Сколько G?

— Двенадцать с мелочью.

— Черт! — выругался Стэн.

Даже не очень суровые боевые маневры в корабле с выключенными генераторами Мак-Лина давали ускорения покруче.

Первый этап отличался изощренным садизмом, но в одном курсантов оберегали — когда кого-то отчисляли, то больше его никто и никогда не видел. Стэн даже немного удивился, что они вообще узнали, на чем засыпалась Виктория.

Он также понял, что теперь, с потерей талисмана, ни у кого из них не осталось ни малейшего шанса добраться до Второго этапа.

ГЛАВА 10

Экран информации в холле казармы курсанты не без основания называли «Доской приговоров». На нем Стэн и прочитал последние указания: в 16.00 все курсанты должны собраться на центральном плацу.

«Интересно, — подумал он, — какую еще коллективную пытку придумали наши инструкторы. В конце концов, до окончания Первого этапа осталось всего несколько дней, а кое-кто все еще не был отчислен. В том числе Ш'аарл't, Лотор и Бишоп».

И тут он добрался до, собственно, «приговора».

Форма одежды — парадная.

Стэн понял, что лафа кончилась. Он совсем не зря прятал в ящике свои орденские планки, еще давным-давно заметив, что чем больше наград у курсанта, тем больше сержанты стараются «поставить его на место». Пока что, несмотря на откровенную ненависть Масона, Стэну удавалось держаться в тени.

Но все хорошее рано или поздно кончается.

* * *

— Ну не красавчиком ли вы выглядите, курсант, — приветствовал его Масон. — Так много ленточек и бантиков!

Стэн подумывал даже не надевать планок. Но он знал, что в данной ситуации это было бы грубым нарушением устава. С этих гадов вполне может статься взять личные дела и сверить планки и рукавные нашивки. Малейшее несоответствие — и прости-прощай крылышки.

Стэн вытянулся перед Масоном, но его мысли были заняты другим. Он не уставал поражаться главному пилоту-инструктору Феррари.

Можно забыть о популярной в казарме теории, будто толстякам никогда не дают звания выше старшины. Не исключено, что Феррари и занимал эту должность, но сейчас на плечах его красовались звезды адмирала флота, а ряды орденских планок упорно старались переползти на спину.

Не без восхищения Стэн заметил, что чуть повыше пояса на форме Феррари темнело жирное пятно от пролитого супа.

— Если бы я знал, что вы у нас такой герой, — между тем продолжал Масон, — я уделял бы вам побольше внимания... Ну ничего, у нас еще есть время.

Отлично. Стэн почувствовал, что тонет. Интересно, как Масон собирается пустить его ко дну?

Несколько минут спустя он уже знал это совершенно точно.

Построив курсантов, Феррари поздравил их с окончанием официальных испытаний. Все, кто вышли сегодня на этот плац, прошли Отбор. Остался всего один, самый последний тест.

— Можете не дергаться, — сказал Феррари, — Не ройтесь в ваших конспектах, не пытайтесь что-то доучить. Все это вам не потребуется. Мы очень гордимся нашим последним тестом и не в последнюю очередь потому, что он не имеет ничего общего со всем, чем вы тут у нас занимались. У вас есть двадцать четыре часа. Можете на досуге подумать, что бы это могло быть за испытание. Мы уверены, что подобное раздумье пойдет вам на пользу. Тест, между прочим, будете проходить поодиночке. Каждый инструктор выберет себе курсантов, и с этого момента они поступят в полное его распоряжение.

Теперь Стэн знал, как Масон с ним разделается.

ГЛАВА 11

Летательный аппарат — по крайней мере Стэн полагал, что это устройство способно летать — был самой невероятной кучей металлолома, какую ему когда-либо доводилось видеть. Он состоял из плоской металлической платформы диаметром около двух метров с двумя сиденьями и двумя штуками, напоминавшими Стэну панели управления. Впереди находилось ветровое стекло. За сиденьями располагался какой-то двигатель, от которого тянулся ажурный, словно металлическая паутина, хвост с маленьким винтом на конце. Над платформой параллельно земле висел еще один винт с лопастями длиной около шести метров. Все это устройство стояло на широких металлических полозьях посреди пустого поля. Лишь в двухстах метрах впереди из земли торчали какие-то столбы.

На всем поле было только два живых существа: Стэн и Масон.

— У нас в школе, — говорил Масон, — есть одна теория. Мы знаем, что существуют пилоты от Бога — к вам, дуракам, это, разумеется, не относится. А еще нам известно, что многим из вас доводилось управлять самыми разными аппаратами.

Что толку проверять на талант, если испытуемого сажают на его любимую игрушку? Правильно я говорю, курсант? Вот потому-то мы и выбрали то, на чем, насколько нам известно, никто не летал уже добрую тысячу лет. Эта куча дерьма называется геликоптер. Или вертолет. В свое время он прикончил столько пилотов, что ты и не поверишь. Когда появился антиграв, эту штуку списали быстрее поросячьего визга.

Ты, курсант, будешь на ней летать. Или же можешь искать работенку в другом роде войск. Я, кстати, слышал, будто в Новых Секторах требуются планетарные метеорологи.

— Так точно, сэр.

— Но мы не бессердечны. Мы готовы немного тебе помочь. Прежде всего, ты должен знать пару фактов. Факт номер один: геликоптер, в отличие от всех аппаратов, с какими мне только доводилось сталкиваться, совсем не хочет летать. Он не поднимется с земли без уговоров. Он планирует, как булыжник, и садится не лучше. Особенно если ты не понимаешь, что делаешь. Факт номер два: если ты можешь гладить его по головке и одновременно пинать ногой в живот, то летать на вертолете совсем не сложно.

Стэн не знал, что и подумать. Неужели Масон шутит? Невозможно. Он же начисто лишен чувства юмора.

— Теперь так. Мы с тобой пристегнемся, и я покажу, как на нем летают. Потом ты возьмешь управление на себя и будешь следовать моим инструкциям. Начнем с простого.

Точно. С простого.

Внешне органы управления выглядели совсем не сложными. Рукоятка впереди регулировала угол наклона лопастей во время вращения. Ее можно было крутить во все стороны и так, по словам Масона, маневрировать вертолетом в воздухе. Вторая рукоять, чуть в стороне, двигалась вверх и вниз и еще вращалась. Она задавала обороты двигателя и, следовательно, скорость вращения большого винта. Две обитые резиной педали контролировали маленький винт на хвосте, не дававший всему агрегату вертеться на месте.

Первое задание: зависнуть в воздухе.

Масон поднял вертолет, опустил и снова поднял. Просто до идиотизма.

— Все, что от тебя требуется, это держать его в двух метрах от земли.

Он передал управление Стэну.

И тут вертолет проявил свой строптивый характер. Стэн схватил ручки, а тот рванулся вперед, накренился, задел передними концами полозьев землю. Затем, когда Стэн компенсировал обороты, рванулся назад... снова вперед... и Масону пришлось самому хвататься за рукояти.

— Хочешь попробовать еще раз?

Стэн кивнул.

На сей раз у него получилось уже лучше. Хотя и не на много. Мощность... осторожнее с этой рукоятью...

Теперь уже авария им не грозила, но вместо положенных двух метров вертолет болтался на высоте от нуля до четырех.

Летный комбинезон Стэна потемнел от пота.

Еще попытка.

Колебания уменьшились до плюс-минус метра.

— Ну, хорошо, — кивнул Масон. — Теперь мы полетим вперед.

Он двинул вертолет по прямой, примерно метров на пятьдесят. Потом вернулся и повторил маневр.

— Держи высоту два метра, лети прямо. Остановишься, когда я тебе скажу.

Вертолет пополз вперед. Он дважды зацепился полозьями за землю и летел, как пьяница, которого неудержимо мотает из стороны в сторону.

Взяв управление в свои руки, Масон провел Стэна по этому пути еще три раза.

Стэн мог только гадать, какое будущее ему светит — пилота или метеоролога.

Следующее задание оказалось еще сложнее. Предстояло добраться до столбов и, ловко маневрируя, пролететь между ними по фигурным, S-образным кривым.

В первый раз, когда Стэн попытался выполнить это упражнение, стало ясно, что с прямым полетом он еще кое-как разобрался, но вот с поворотами... Вертолет задел, наверно, все столбы, какие только попадались на пути. На четвертый раз Стэн задел всего штук пять или шесть. Масон поглядел на него молча, затем подал сигнал конца упражнения.

Стэн откинулся на сиденье.

Через минуту Масон уже посадил геликоптер там, где они начали этот тест. Он расстегнул ремни, и Стэн последовал его примеру. Пригибаясь под вращающимися лопастями, они отошли от вертолета.

— Это все, курсант, — с каменным выражением лица сказал Масон. — Возвращайтесь в казарму. Вам сообщат окончательный результат.

Дерьмо. Вот и каюк идеям Императора о новой карьере его бывшего начальника охраны.

— Курсант!

Стэн остановился.

— Курсант, вы ведь раньше уже летали на вертолете?

И, искренне отрицая это несправедливое подозрение, Стэн почувствовал надежду, что все, быть может, еще кончится хорошо.

ГЛАВА 12

День спустя имя Стэна, как, впрочем, и имена Ш'аарл'т, Бишопа и Лотора появились в списке под заголовком: «Пер-

вый этап. Приняты. Направлены в Императорскую летную школу».

На Втором этапе их будут учить летать.

Следовало бы, конечно, устроить вечеринку. Но все так устали, что было не до веселья. Из пятисот кандидатов мясорубку Отбора прошло чуть более сорока.

Согласно армейскому фольклору, выпускной вечер должен был ознаменоваться грандиозным торжеством. Инструкторы, выкатывающие бочонки с пивом, и все такое. Вместо этого Ш'аарл'т, Бишоп, Лотор и Стэн вместе раздавили по чашечке травяного чая и отправились паковать вещи. Им хотелось только одного — поскорее отсюда убраться. И подальше.

Возле гравитолетов, увозивших курсантов с базы, поджидали Феррари и Масон.

Опять-таки, если верить фольклору, то, с одной стороны, следовало ожидать понимания, а с другой — одобрения. Но выражение на лице Масона оставалось точно таким же, как в самый первый день: казалось, ему до ужаса жаль, что кто-то все-таки сумел окончить курс. А на Стэна он и вовсе смотрел как на заклятого врага.

Впрочем, и Стэн глядел на него не дружелюбнее.

К черту прощение и понимание. Ему хотелось встретиться с Масоном в темной аллее за ангарами или где-нибудь еще, в не слишком людном месте. Уж он бы подарил ему парочку новых шрамов на память. Лучше всего поперек горла...

ГЛАВА 13

Название «Пограничные Миры» предполагает какое-то географическое и политическое единство планет, разбросанных в пространстве между Империй и Таанским Союзом. Но вот единства-то как раз не было и в помине.

Это звездное скопление понемногу заселялось колонистами Империи. Не радикалами и не искателями приключений, как, например, в Волчьих Мирах; тут селились более простые и миролюбивые существа. Среди них значительную

часть составляли отставные военные и бывшие государственные служащие, начинающие здесь вторую или даже третью карьеру. Другие намеревались начать тихую жизнь мелких торговцев или бизнесменов.

Но если среди них не было героических первопроходцев, то одновременно не было и всегда сопутствующих им негодяев. Во всяком случае, до тех пор, пока расширение Таанской империи не привело на Пограничные Миры новых, таанских иммигрантов.

Правительства Пограничных Миров, насколько они вообще правили, вполне подходили своим жителям. Колонисты предпочитали парламентаризм — от слегка либерального до слегка авторитарного. Ну а раз будущие диктаторы искали счастья в других краях, вооруженные силы Пограничных Миров представляли собой нечто среднее между таможенной службой и спасательной командой. Единственной объединяющей звездное скопление силой, и то экономической, обладало общее промышленно-торговое собрание, созывавшееся раз в пять лет. Короче говоря, отсталая провинциальная система, вполне довольная своей судьбой.

Пока не пришли таанцы.

Таанцы, иммигрирующие на Пограничные Миры, пользовались полной поддержкой своих властей. Уровень рождаемости и политические амбиции таанцев требовали новых земель. Эти иммигранты были настоящими первопроходцами. И так как их общество всегда поощряло совместное ведение хозяйства, у них вскоре появились существенные преимущества перед первыми колонистами. Вот так ситуация и скатилась к откровенному насилию. На Пограничных Мирах начались бунты и погромы.

Таанцам не разрешалось владеть большими участками земли. Они не имели права голоса. Их загоняли в гетто — наглухо закупоренные поселения, как в городах, так и в сельской местности.

Недовольство своих поселенцев искусно подогревало руководство Таанского Союза, давно уже планирующего прибрать к рукам весь этот сектор. Что же касается Вечной Империи, то она словно и не замечала возникшей на ее рубежах проблемы. В конце концов, кому какое дело до всяких там провинциальных сложностей. А бунты, какими бы они ни были кровавыми, это все-таки не геноцид.

Имперские гарнизоны, расквартированные на Пограничных Мирах, разъелись и обленились. Вместо того чтобы поддерживать мир, они во всем соглашались с колонистами. Ведь тааанцы и в самом деле были *другими,* а это значит «хуже».

Сравнительно недавно войну между Империей и Тааном еще можно было предотвратить. Наиболее дальновидные тааанские революционеры понимали, что в подобной схватке от них не останется даже мокрого места. Вот почему они в глубочайшей тайне послали на Прайм-Уорлд главу своей организации Годфри Алэна. Но он погиб во время покушения на Императора. Переговоры между Империей и мирной фракцией в Тааанском Верховном Совете тоже закончились кровопролитием.

Гром боевых барабанов и не думал стихать. Особенно на Пограничных мирах. Но никто в секторе не представлял, как мало осталось времени до глобальной войны.

ГЛАВА 14

Пыльный гравикар лениво тащился над проселочной дорогой. Давным-давно устаревшая модель: длинный коробчатый корпус с задним грузовым отсеком. Судя по тому, как он вздрагивал и скрипел, гравикар явно без передышки использовали с той самой секунды, как он вылетел за ворота завода.

Склонившийся над пультом управления мужчина с широким добродушным лицом выглядел таким же потрепанным, как и его машина. Широкие плечи распирали давно вышедший из моды костюм. Он что-то тихонько напевал себе под нос в ритм с чихающим маклиновским движком.

Торговец ехал спокойно и расслабленно, но глаза его, как у хищника, так и рыскали по сторонам.

Кругом лежали бедные, неплодородные земли, усыпанные камнями и поросшие согнутыми ветром деревцами. Казалось, еще немного, и весь этот край превратится в громадную чашу с пылью.

В течение дня торговец уже миновал с полдюжины крохотных ферм, принадлежащих иммигрантам с Таана. Он ос-

танавливался у каждой и, удостоверившись в крайней нищете владельцев, летел дальше. Ни на одной из этих ферм ни одно нормальное существо не попросит даже глотка воды. И не из-за враждебности местных жителей — вещи вполне реальной и более чем зримой. Просто если этот глоток и будет предложен, он запросто может оказаться последней водой, какая еще оставалась на ферме.

Но вот вдали торговец заметил какую-то зелень. Он чуть подправил курс и вскоре подлетел к большому и, похоже, не слишком бедному хозяйству. Земля здесь выглядела достаточно плодородной — не пух, но и не голый камень. Во все стороны протянулась густая сеть оросительных каналов. А посреди обработанных полей, у артезианского пруда, стояло большое обшарпанное здание. Несколько человек работало в поле на ржавых, скрипящих машинах.

Все так же напевая, торговец посадил свой гравикар рядом с загоном для скота. Он делал вид, что не замечает устремленных на него настороженных взглядов. Выбравшись из кабины, торговец беззаботно отошел к ближайшему кусту и облегчил мочевой пузырь. Затем лениво огляделся, прислонился к ограде и закурил. Он с интересом поглядывал на замерших на месте крестьян — один профи оценивает работу другого. Затем громко фыркнул.

— Неплохое местечко, — наконец сказал он.

Его голос прозвучал в той чуть повышенной интонации, с какой говорит любой фермер, обращаясь к соседу на другом конце поля. Навстречу пришельцу вышел пожилой таанец, и гость широко улыбнулся. Он подчеркнуто не обращал внимания на остальных фермеров, которые, подобрав оружие, обходили его со всех сторон.

— Вот уж не думал, что можно выращивать капусту в этих краях, — сказал торговец, когда пожилой таанец подошел совсем близко. — Хотя она и выглядит чуть вялой и желтоватой.

Таанец остановился по другую сторону ограды. Его сыновья и дочери уже окружили незваного гостя. Послышался звук спускаемых предохранителей.

— Следующий город примерно в сорока кликах, — мрачно сказал фермер.

Это было весьма прозрачное предложение сесть обратно в машину и валить отсюда подальше.

Торговец снова фыркнул.

— Угу. Я заметил по комп-карте. Вшивый городок какой-то.

— Что есть, то есть, — нехотя согласился таанец. — Следующее поселение имперцев будет через два, два с половиной дня пути.

— Раскусили меня, так? — засмеялся торговец. — Какого черта, я не стыжусь. Кроме того, я фермер, и другого гражданства мне не надо.

— Если ты фермер, то почему ты не на своем участке?

— Бросил после восьмидесяти лет, — ответил торговец. — Можно сказать, я в отставке. Но это не точно. Скорее, я поменял профессию.

Фермер огляделся, проверяя, где стоят его родичи. Потом осмотрел горизонт в поисках других имперцев.

— В самом деле?

Смерть дышала торговцу в затылок.

— Ну, — беззаботно ответил он. — Теперь торгую удобрениями. Мое собственное изобретение. Может, вас это заинтересует?

Он вытащил из кармана видавший виды носовой платок и оглушительно высморкался. Затем еще раз оглядел капустные поля. Вдали он заметил черный выжженный участок — следы визита какой-нибудь бродячей банды колонистов-имперцев.

— Прямо скажем, увяданию это не поможет, но желтизну как корова языком слижет. Положитесь на мое слово.

— Мистер, — начал фермер, — вы или непроходимый дурак или...

Торговец опять засмеялся.

— За мою жизнь меня обзывали и похуже, чем дураком.

— Послушайте, мистер. Вы имперец. Вы что, рехнулись — вот так заявляться к таанцам?

Приезжий пренебрежительно фыркнул.

— Дерьмо все это! Вы что, чертов политик? Единственное, что у меня общего с политиками, это товар. Мы продаем одно и то же, только от моих удобрений куда больше пользы. И они не прилипают к ботинкам.

Он повернулся к грузовому отсеку своего гравитолета. Опустившиеся было дула снова встрепенулись. Но торговец

всего лишь вытащил из большой коробки несколько маленьких бутылочек. Одну он с самым невинным видом протянул старому фермеру.

— Моя визитная карточка.

Протянув руку, таанец с любопытством взял бутылочку. Он посмотрел на этикетку.

— Ян Махони, — сказал торговец, решив, что настало время представиться. — Лучший сидр и удобрения... Не стесняйтесь, попробуйте. Сварганил эту партию своими руками. Немного сыровато, но, в общем, ничего.

Фермер открыл бутылочку и понюхал. В нос ударил сладкий аромат свежих яблок. И резкий запах алкоголя.

— Обычный яблочный сидр, — пояснил Махони. — Семьдесят пять градусов или около того.

Фермер попробовал и аж крякнул. Классное пойло, что есть, то есть! Не колеблясь, таанец парой глотков прикончил бутылочку.

— Чертовски хороший сидр, — кивнул он.

Махони фыркнул.

— А посмотрели бы вы на мои удобрения. Никакой органики. Чистая сладкая химия. Супер для растений, и не надо волноваться, что ваши детки заполучат солитера... если, конечно, будут держаться подальше от скота.

Фермер улыбнулся, и Махони заметил, что таанцы вокруг опустили оружие.

— Скажите, мистер, у вас еще такой сидр есть?

— А то как же!

Снова оглушительно высморкавшись и почесав зад, генерал-майор Ян Махони полез в грузовой отсек за выпивкой.

ГЛАВА 15

Это был сельский трактир — большой, сверкающе белый, с намеренно открытыми взорам посетителей балками из дорогого натурального дерева. Гравикары, стоявшие у входа, выглядели новыми и явно стоили много-много кредиток. На километры вокруг раскинулись гладкие ухоженные, пол-

ные водой поля. Называлось это место трактир «Имперские Силы».

«Чертовски подходящее название», — подумал Махони, открывая дверь. Из зала донесся гул голосов.

— Грязные таанцы! По мне, так пусть полиция вычистит их отсюда всех до одного!

— Пошла эта полиция знаешь куда? Надо самим о себе позаботиться! Каждый лично должен шлепнуть своего гада. Я вам говорю, соберемся ночью и...

Махони вошел внутрь, и его появление ни в коей мере не осталось не замеченным. В трактире наступила тишина, как на кладбище в полночь.

Махони инстинктивно высморкался. Мысленно он проклинал себя за эту придуманную им привычку. Не глядя по сторонам, Ян подошел к стойке и присел на свободный стул.

— Одинарный и пиво, — сказал он бармену. Вокруг каждое его слово ловилось с настороженным вниманием.

Бармен поставил перед Махони наполненную пивом кружку. Мгновение спустя рядом звякнул и стаканчик с выпивкой покрепче.

— Вы тут проездом? — небрежно спросил бармен.

— Ясное дело, — кивнул Махони. — Но сегодня я не спешу. Чертово похмелье.

Он сделал глоток пива и запил его содержимым стаканчика. Бармен наполнил стаканчик еще раз.

— Слишком веселая вечеринка?

— И не говорите, — простонал Махони. — Вчера я оказался у Мак-Грегоров. Вы знаете их участок... кликов тридцать отсюда.

Бармен и все остальные посетители дружно кивнули. Мак-Грегоров знали все.

— Они женили своего младшенького, — продолжал Махони. Это было уже не новостью. — Я появился там как раз к приему гостей. Такие милые люди. Мы сразу сошлись, и они пригласили меня остаться. — Он вытер платком покрасневший нос. — Ясное дело, им не пришлось долго меня уговаривать.

Махони почувствовал, что настороженность в зале пропала. Мгновение спустя трактир уже вновь заполнился гулом голосов. Бармен даже преподнес ему стаканчик за счет заведения.

Прихлебывая пиво, Ян поглядывал по сторонам — обычный посетитель, ищущий, с кем бы поболтать. Не прошло и минуты, как к нему подсел хорошо одетый мужчина.

— По виду, так вы связаны с торговлей, — начал он.

— Неужели уже заметно? — рассмеялся Махони. — Две трети жизни я тянул фермерскую лямку, а теперь, едва стал коммивояжером, меня спрашивают, не связан ли я с торговлей!.. Что ж, действительно связан. В некотором роде.

— Как это «в некотором роде»?

Махони сразу почувствовал симпатию к своему собеседнику. Он полез в карманы за брошюрами и рекламными проспектами.

— Я занимаюсь удобрениями. Посмотрите на этих красавцев. Дешево и сердито, и пригодится где угодно, начиная от огорода до чертовой фермы на хрен знает сколько акров.

Мужчина, похоже, искренне заинтересовался.

— Знаете, может, нам бы это и пригодилось.

— Только без обид, — пытливо посмотрел на него Махони из-под густых бровей. — На фермера-то вы не больно похожи.

— Без обид, — согласился мужчина. — Я занимаюсь всяким железом. Тридцать два магазина, и скоро станет еще больше.

— Слушайте, да вы же настоящий клад! Давайте я расскажу вам все подробнее.

И Махони начал свой, как он это называл, «номер танцующего медведя». Для этого потребовалось много выпивки и почти целый час времени. Постепенно слушателей становилось все больше, и вскоре Махони раздавал по кругу свои «визитные карточки».

Яну довелось побывать уже на одиннадцати планетах в стольких же звездных системах. Легенда прикрытия у него просто от зубов отскакивала. Теперь он понемногу подбирался к столице Пограничных Миров — Кавите.

Махони выдавал себя за пожилого фермера, который всю свою жизнь обрабатывал большой плодородный участок земли на одной из сельскохозяйственных имперских планет. А еще он якобы вечно придумывал всякие штучки и с их помощью избавлялся от разных мелких неудобств.

Удобрения и в самом деле были коньком Махони. Он мог часами расписывать низкое качество и дороговизну обыч-

ных удобрений — что он частенько и делал, к ужасу своих гостей. Как бы там ни было, Махони-фермер изобрел новое растительное удобрение и на свои деньги даже организовал компанию по его производству.

Сейчас он работал своим собственным агентом по сбыту и, объезжая фермы, неустанно хвастался своим детищем. Даже самые подозрительные жители Пограничных Миров успокаивались, когда Махони объяснял, что не просит у них денег. Ему достаточно разрешения прислать к ним одного из своих коммивояжеров.

Махони считал, что домашний сидр придает достоверность выбранному им образу. Как, впрочем, и его старческая болтовня, и знание всех фермерских мелочей, и способность до смерти наскучить практически кому угодно. Единственное, о чем он жалел, так это о привычке громко сморкаться. Раз начав, Махони уже не мог остановиться. Временами его охватывал ужас при мысли, что, и вернувшись на Прайм-Уорлд, он все так же будет надрывать нос в этом кошмарном сморкании.

— Звучит совсем не дурно, — сказал владелец тридцати двух магазинов. — Правительство дало вам лицензию без проблем?

— Лицензию? — Махони фыркнул особо выразительно. — Правительство? За кого вы меня держите? Я что, похож на идиота? Черт возьми, да я всю жизнь проработал с проклятым правительством. Им только дай волю, они на край света пойдут, лишь бы разорить честного фермера.

Собравшиеся вокруг фермеры одобрительно заворчали.

— Кроме того, мне и жить-то осталось лет тридцать, не больше. Пока эти канцелярские крысы соблаговолят дать лицензию, я буду уже давно гнить в земле.

Против этого возразить было нечего.

— А как с транспортировкой? Были какие-нибудь сложности?

— Ну, я же пока ничего и не вез. Пока что я знакомлюсь с людьми, показываю свой товар. А что? Думаете, здесь могут быть проблемы?

И тут хозяина магазинов прорвало:

— Что б мне лопнуть, если не будет! Да у меня весь офис завален заказами. За наличные. И со всеми этими делами с таанцами я могу завтра вылететь в трубу!

Он начал жаловаться на непоступающие грузы и на нестабильную обстановку. Его поддержали другие, и вскоре беседа стала общей.

Махони слушал о хитрых ленивых таанцах, о нападениях на таанские участки и об их контратаках. Ему рассказывали о практически парализованной экономике, о беспомощной полиции и более чем беспомощных имперских войсках. Он услышал и о загадочных огнях над коммунами таанцев, и подозрения о расположенных там складах оружия, и о регулярных частях армии Таана, якобы готовых поддержать своих мерзких сородичей.

Сами имперцы, разумеется, были совершенно ни при чем. Они старались восстановить мир. Да что там, все они пошли на жертвы — на собственные деньги купили оружие для защиты своих ферм и имперской собственности.

По мере их рассказа лицо Махони становилось все мрачнее и мрачнее. Внешне он целиком и полностью соглашался с возмущением фермеров. К тому времени, когда трактир опустел, Ян мог бы уже написать большой и весьма подробный рапорт.

А еще он начинал понимать, что положение дел в разведке куда хуже, чем докладывали Императору. Подразделение «Меркурий» предоставляло информацию, совершенно ничем не походившую на правду. На Пограничных Мирах разведка была скомпрометирована, коррумпирована и по сути прекратила существовать.

Этого за уши хватило бы, чтобы добрый ирландец бросил пить.

ГЛАВА 16

— ...и тогда мы сказали этому имперскому куску дерьма, чтобы он засунул свои налоги туда, куда не светит солнце, и убирался к чертовой матери с нашей земли.

Высокая и крупная женщина, таанка, зашлась от хохота и одобрительно стукнула Махони по спине.

— Иначе с ними нельзя, — добавила она и пьяно рыгнула. — Сворачиваем здесь.

Махони последовал ее совету, и вскоре они выбрались на вершину маленького холма. Впереди светились огни большой общественной фермы таанцев, которой как раз и руководила спутница Махони. Они познакомились у местного колодца. За обильными возлияниями пива, сдобренного яблочным сидром, решительная таанка и Махони быстро стали друзьями.

Махони охотно принял предложение Фреды провести пару дней на ее ферме — «посмотреть, что и как мы делаем». Она уверяла своего нового знакомого, что ему это будет интересно. В своем интересе Махони как раз и не сомневался. Он ведь оказался здесь совсем не случайно. Смутные слухи и намеки, подслушанные им в дюжинах баров, привели его в эти края.

Даже ночью ферма выглядела весьма внушительно. Когда они подошли ближе, Махони увидел большие стальные бараки, окруженные пренеприятнейшей, острой, как бритва, проволокой. А еще он заметил весьма совершенную охранную систему.

У входа их остановили два вооруженных до зубов фермера. Фреда приветствовала часовых дружескими непристойными шуточками.

— Что это за тип с тобой, босс? — спросил один из них.

— Мой приятель, — ответила Фреда. — Торговец. Очень хороший человек. Классно пьет. Любого под стол загонит, кроме разве что меня.

Часовые засмеялись. Насколько Махони понимал, Фреда славилась своей любовью выпить. И, похоже, не без оснований. Махони за вечер тайком израсходовал половину своего запаса отрезвляющих таблеток, и то сейчас он едва держался на ногах.

— Я уложу его у себя, — продолжала Фреда. — Хорошо, если утром кто-нибудь из вас покажет ему наше хозяйство.

— А что бы вы хотели посмотреть, мистер? — подозрительно спросил один из таанцев.

Может, Фреда здесь и самая главная, но сейчас она под хмельком, и потому не стоит особо полагаться на ее ручательство. Так, во всяком случае, показалось Махони.

— Есть у вас тут свиньи? — спросил он.

— Конечно, у нас есть свиньи. Что мы тут — лаптем щи хлебаем?

— Да нет, — фыркнул Махони. — Просто у меня слабость к свинкам. Изучал их всю жизнь. Я могу целый роман написать о свиньях.

— И поговорить о них он тоже любит, — вставила Фреда. — Все уши прожужжал своими поросятами, прежде чем мне удалось его напоить и переключить на другую тему.

Часовые расслабились. Посмеиваясь в кулаки, они пропустили гравикар за ворота.

Махони проснулся от яркого солнечного света, бившего прямо в зарешеченное окно комнаты. Снаружи доносились отрывистые короткие крики. Несмотря на таблетки, после вчерашнего развлечения упрямо болела голова — ему пришлось чуть не всю ночь скрипеть матрасом с Фредой.

С улицы снова послышались крики. Звучали они, надо сказать, несколько странно. Больше всего похоже на команды... Привычно высморкавшись, Махони встал с постели и начал одеваться. «Сейчас поглядим, Ян, с чем едят этих таанцев».

Махони выглянул из барака Фреды, и то, что он увидел, заставило его даже присвистнуть от изумления.

Несколько фермеров гоняли двадцать с лишним подростков по вполне военного вида полосе препятствий. «Охо-хо, Махони, мой друг. Охо, черт побери, хо...»

Подойдя к одному из таанцев, Махони долго наблюдал за успехами молодых парней. Стоило только одному из них замешкаться, как на него обрушивался целый шквал отборнейшей ругани.

— Что вы тут делаете, приятель? — спросил Махони.

— Вы вроде тот торговец, что остановился у Фреды? — покосился на него таанец.

Махони кивнул.

— А отвечая на ваш вопрос, мистер, — мы тут решили немного поразмять молодежь. Пусть-ка порастрясут жирок.

«Поня-ятно», — подумал Махони.

— Отличная мысль, — согласился он. — Молодежь нынче ленивая, как черт знает что. Лишний пинок под зад ей не повредит. — Он посмотрел на стенку из скрученной колючей проволоки. — А это что за штуковина?

— Это? Это еж. Примерно такой же, как и вокруг нашего поселка.

Махони едва не выдал себя. «Значит, ты называешь это «ежом», приятель?» Теперь Махони знал наверняка: стоявший рядом с ним таанец — такой же бедный фермер, как из свиньи балерина. Это профессиональный солдат, присланный сюда тренировать молодое пушечное мясо для грядущей бойни.

— Небось чертовски противная штука, — заметил Махони, в шутку потирая якобы уколотый зад.

Таанец расхохотался.

— Штаны-то, мистер, всегда можно зашить, — сквозь смех сказал он.

Следующие пару дней Махони лениво бродил по ферме, между прочем весьма процветающей, даже по меркам имперских поселенцев. Он заводил новых друзей, болтал ни о чем и отлично питался на коммунальной кухне.

Кроме того, очевидного солдата, с которым Махони познакомился в самый первый день, Яну встретились еще двое военных. Все остальные, похоже, были теми, за кого себя выдавали. Здесь жило несколько сотен привыкших к тяжелому труду фермеров-таанцев, которые, устав от вечной нищеты, объединили свои усилия и все-таки добились успеха.

Судя по разговорам за столом, этот их успех не больно-то нравился окрестным имперским фермерам. На поселение таанцев не раз нападали, и порой довольно крупными силами.

Махони прекрасно понимал, почему фермеры так легко попались на удочку таанской военщины. Теперь они могли себя защитить. Кроме того, фермеры понимали, что им тут все равно не жить. Рано или поздно их заставят покинуть эти края, а солдаты наверняка обещали помочь с эвакуацией.

На самом же деле, и Махони в этом ни секунды не сомневался, в один прекрасный день боевые корабли таанцев с ревом возникнут в голубом небе, и фермеры, все как один, поднимутся на помощь своим братьям по крови.

По горькому опыту Махони понимал, что все эти крестьяне, их жены и дети станут всего лишь живым щитом для кадровых воинских частей. Разве он сам, в дни службы в подразделении Богомолов, поступил бы иначе?

Фермеры предоставили Махони полную свободу. Ему позволялось бродить где угодно, за исключением одного единственного места. Стоило гостю только приблизиться к

зерновому колодцу, расположенному в полуклике от свинарника, как его тут же заворачивали прочь.

В этом поселении фабричного производства зернохранилище выглядело несколько неуместно. Казалось сомнительным, чтобы с трудом сводящие концы с концами таанцы вдруг решились на такое дорогостоящее строительство. Да и зачем им подобная громадина?

В первый раз Махони спросил про подземный склад просто так, для порядка. На самом деле тот интересовал его, как прошлогодний снег.

— А, это... — протянул его проводник. — Просто колодец для хранения зерна. Ничего нового. Вам это будет совсем неинтересно. А теперь я покажу вам наши инкубаторы. Бьюсь об заклад, вы никогда не видели столько вылупляющихся птенцов за раз.

Таанцы не торговали птицей. Вся продукция птицефермы шла на стол. А раз так, то как мог полудохлый инкубатор порадовать взор отставного фермера?

И все-таки, что там такое с этим зернохранилищем? Махони невзначай еще разок задал этот вопрос. И снова его собеседник перевел разговор на другую тему.

«Ян, — сам себе сказал Махони, — пора тебе рискнуть своим толстым ирландским задом».

В последнюю ночь своего пребывания на ферме он выскользнул из комнаты и словно тень прокрался мимо полосы препятствий и свинарников. Это было проще простого. По дороге к зернохранилищу засек часового — тот громко храпел в своем укрытии. Дисциплина у таанцев ни к черту.

Обойдя часового, Махони проник в колодец. Единственной охранной системой был примитивный нюхач, без труда блокированный Махони.

Колодец оказался подозрительно пуст — всего несколько тонн зерна. Учитывая переполненные амбары на поверхности, тут могло бы лежать и побольше.

Сотрудник отряда Богомолов нашел бы тайник за несколько минут. Махони понадобилось немного больше, стоило как следует осветить фонарем бункер. В одном из углов валялся старый ломаный черпак. Что он здесь делает? Черпать тут нечего, а ремонтный цех находится совсем в другом месте. Черпак был весь ржавый, за исключением сустава одной ноги,

блестевшей свежей смазкой. Махони немного покрутил свою находку и даже подпрыгнул, когда кусок пола с шипением отъехал в сторону.

Под черпаком находился огромный зал площадью едва ли не больше, чем все зернохранилище. В нем аккуратными штабелями стояли ящики с оружием — всяким-превсяким, какое только может пригодиться солдату на поле боя. Обычный фермер, без специальной подготовки, и не догадается, с какого конца браться за многие из этих игрушек. Это были штучки для профессионалов.

И тут у себя за спиной Махони услышал какой-то шорох. Крысы? Какие могу быть крысы в суперсовременном зернохранилище?

Махони отпрыгнул в сторону, и удар тяжелого молота лишь разрезал воздух рядом с его головой. Кувырок вправо, потом влево и снова на ноги. Что-то тяжелое и острое обрушилось на пол. Мимо.

Выхватив крохотную бластер-гранату, Махони швырнул ее в маячащую в полумраке черную тень. И тут же рухнул на пол, прикрыв голову руками. Мгновение спустя бункер озарился короткой, почти невидимой вспышкой чуть ли не рентгеновского излучения.

Лишь через несколько секунд Махони сумел подняться на ноги. И попытался понять, что же произошло. Бластер-граната вызывала временной взрыв, стиравший у жертв память о последних нескольких часах. Успевший прикрыться Махони, по его оценке, потерял всего несколько секунд.

Оглядевшись по сторонам, он увидел лежащего рядом мужчину — тот самый солдат, который спал на посту. Похоже, здесь была вторая, не замеченная Махони, охранная система.

Махони нашел и быстро разрядил сработавшую сигнализацию. Затем оттащил мирно дрыхнущего часового обратно в его кусты, вновь активировал обе системы охраны и спокойно вернулся в кровать.

Утром Махони громко и весело попрощался со своими новыми друзьями. Он роздал подарки, обменялся рукопожатиями и поцелуями — там, где они были уместны. Заспанному солдату он подарил лишнюю бутылочку сидра, и тот, широко улыбаясь, хлопнул Махони по плечу и пригласил заезжать еще.

Солдат, между прочим, был совершенно искренен.

ГЛАВА 17

— Я скажу вам, как решить проблему таанцев, — произнес фермер, — и для этого нам не нужно никакое чертово правительство.

Фермер был крепким мужчиной с округлым животиком и мягкими белыми руками. Его участок во много раз превышал земли коллективной фермы таанцев, на которой недавно побывал Махони, и, насколько Ян мог судить, фермер этот все свое время проводил, играя с цифрами на компьютере или на совещаниях со своими банкирами.

Махони изобразил на лице живой интерес.

Они сидели за обеденным столом: сам фермер, его полная розовощекая жена и целый табун несносных детей. Один из них как раз пытался привлечь к себе внимание Махони, стуча по его руке измазанной в подливке ложкой.

— Подожди, сынок, — остановил его Ян. — Я хочу послушать, что скажет твой папа.

«Маленький поганец, — подумал он. — Только попробуй еще раз ткнуть в меня этой гадостью, и я сверну тебе шею».

— Ну так как же нам быть с таанцами? — спросил он у фермера. — Это вопрос, который многим из нас не дает покоя.

— Чертовски верно сказано, мистер, — кивнул фермер. — Все таанцы говно. От них, черт возьми, просто нет житья.

— Милый, ну, пожалуйста, — укоризненно вставила жена. — Здесь же дети. — Она повернулась к Махони. — Надеюсь, вы извините моего мужа. Порой он позволяет себе такие некрасивые выражения...

— Я слышал и похуже, — понимающе улыбнулся Махони.

— Я тоже, — улыбнулась женщина. — Если бы вам пришлось жить с этими таанцами, вы бы поняли, почему мой муж так разволновался. Они и в самом деле... — Она наклонилась к Махони. — Действительно *другие*.

— Могу себе представить, — кивнул Махони.

С бокалом отличного портвейна в руках он поудобнее уселся в кресле послушать излагающего свои идеи фермера. У самого кровожадного тирана кровь бы застыла в жилах от подобных предложений.

Махони отлично знал, что он сообщит Вечному Императору. Но как это подать? Где тут герои и где негодяи?

— Если можно, еще капельку вашего замечательного портвейна.

ГЛАВА 18

Второй этап летной школы стартовал в глубоком космосе. Стэн и все остальные существа его нового взвода, к которым теперь, вне зависимости от пола и внешнего вида, обращались «мистер», начали полеты с надутых пузырей космотакси.

«Учитесь... Учитесь задницей чувствовать, куда надо приложить силу. Поймите, когда следует тормозить. Научитесь рассчитывать орбиту от точки «А» до видимой на экране радара точки «В». Научились? Сделайте это еще раз».

Когда курсанты набили руку в пилотировании такси, их пересадили на настоящие корабли. И снова учеба, снова в космосе. Теперь им предстояло освоить вторичный двигатель — Юкаву-драйв.

Курсанты набирались опыта, и задания становились все сложнее. Корабль, летящий на АМ-2, разумеется, не может обойтись без сложнейшей математики. Несмотря на сомнения в своих способностях, Стэн держался довольно неплохо. Порой ему еще приходилось прибегать к помощи Бишопа, но в основном дела шли весьма бойко. Благодаря одному большому преимуществу — Стэна никак нельзя было назвать новичком. За время службы в отряде Богомолов он с лихвой повидал настоящего боя, начиная от массированных десантов и кончая одиночными вылазками и сражениями кораблей. У него накопилась чертова пропасть боевого опыта, который позволял ему без труда переводить абстрактные примеры в реальные астероиды, с которыми лучше не сталкиваться.

С другой стороны, опыт Стэна временами ставил его в весьма неудобное положение.

Второй этап отличался от Первого тем, что здесь инструкторы на словах так и мечтали довести своих курсантов до конца курса. Если бы!..

К сожалению, преподававшаяся курсантам тактика во многом была чисто теоретической. Инструкторы, которые ее читали, сами никогда не вели корабли в бой или же были и вовсе призваны из резерва.

Стэн знал, что много из того, чему их учили, было верным способом отправиться на тот свет. Знал на своем собственном опыте. Об остальном оставалось только гадать. Может, и там такая же чушь?

Подобное исследование могло бы послужить прекрасной темой для дипломной работы, но из всех курсантов только Стэн и Бишоп могли бы ее выполнить. Их не имевшие боевого опыта друзья по курсу видели в этом только лишний повод поругать инструкторов.

Тем временем начиналось самое трудное: посадки, взлеты, маневры на планетах с самыми разными атмосферами, климатом и силой тяжести. Пока что со всего курса отчислили всего дюжину курсантов, да еще трое погибло. Но теперь тренировки становились по-настоящему опасными.

У Лотора была одна дурная привычка, и она стоила ему жизни. Весьма одаренный пилот, он занимал далеко не последнее место в классной «табели о рангах». Его недостаток, как потом узнал Стэн, был довольно типичен.

Лотор полагал, что полет завершен, когда его корабль заходил на посадку. Сколько раз Ш'аарл't повторяла ему старую шутку, что полет заканчивается, только когда ты рассказываешь о нем в баре за второй кружкой пива.

В дни, когда миры вовсю пользовались антигравами, недостаток Лотора не казался таким уж серьезным. Он наверняка мог бы хоть до посинения безаварийно летать на частных судах или даже на пассажирских линиях.

Но военная школа тренировала пилотов для любых чрезвычайных ситуаций.

Задание: высадить боевой отряд на мир, практически лишенный атмосферы. Местность высадки представляет собой чашу пылеобразного силикона глубиной до двадцати метров. Из пыли торчат острые скалы.

Дополнительные требования: отряд требуется высадить скрытно. Посадка «на Юкаве» встревожит пыль, поднимет облако, которое будет оседать много-много часов; кроме того, посадить корабль надо так, чтобы не оставить ни малейшего следа.

Решение: зависнуть на высоте пятидесяти метров от поверхности. Отключить Юкаву-драйв и перейти на генераторы Мак-Лина. Спустившись почти до самой почвы, высадить боевой отряд.

Инструктор дал задание Лотору. Тот проанализировал требования и нашел верное решение.

Они вдвоем полетели проводить «десант». Им был выделен легкий штурмовой бот класса «коннор» с дельтовидными крыльями. Курс летной подготовки не только учил действовать в чрезвычайных ситуациях, он еще иногда и заставлял курсантов летать на не самых подходящих для выполнения задания кораблях. С таким подходом Стэн был согласен целиком и полностью. Он на своей шкуре узнал, что когда тебе до зарезу нужна отвертка, за нее сойдут и клещи.

Но широкие крылья оказались последней каплей.

Лотор подлетел к нужному месту и отключил Юкаву. Бот упал на метр, и он поймал его на генераторы Мак-Лина. Медленно уменьшая нагрузку, Лотор плавно спускался к «земле». Сложность работы с антигравитационным экраном в первую очередь заключается в том, что «низ» всегда направлен к генератору и никак не связан с «верхом» и «низом» за бортом. Корабль Лотора имел в высоту около трех метров и, как ему казалось, спускался достаточно вертикально. Но когда он перевел рукоять генератора на «ноль», бот снова упал. Совсем чуть-чуть, однако одно из длинных крыльев ударилось о камень. Бот опрокинулся.

Согласно дистанционной записи, в этот момент инструктор врубил маклиновские движки на полную. Лотор тоже понял, что он в чем-то здорово ошибся, и включил Юкаву. К этому времени корабль уже практически развернуло боком. Удар мощных двигателей в сочетании с давлением маклинов погнал бот кувырком.

Дальнейшее скрыла поднявшаяся столбом пыль. Удалось разглядеть лишь красную вспышку, когда скальные пики, словно консервную банку, вспороли кабину кораблика.

Пыль оседала почти целый планетарный день. Спасательные отряды искали тела, но ничего так и не нашли.

Стэн, Ш'аарл'т и Бишоп, поминая своего товарища, пытались перепробовать все те сорта пива, которые Лотору уже не суждено было выпить.

ГЛАВА 19

Погибали и другие. Кто по глупости, кто по случайности. Остальные на опыте познавали то, что Стэн уже знал и так. Сколько не горюй, а мертвых не воскресить. Жизнь и летная школа идут дальше.

Казарма Второго этапа обучения была далеко не такой комфортабельной, как на Первом. Но зато выдавались увольнительные, и менее напряженный распорядок дня оставлял все-таки курсантам немного времени на личные дела. И на разговоры.

Самой популярной темой стало: «Что будет дальше?» Однокашники Стэна просто помешались на этом вопросе. Каждый из них, разумеется, молчаливо предполагал, что он таки закончит благополучно весь курс обучения.

Но особенно их занимал вопрос: «Что будет дальше со Стэном?» Большинство курсантов или только что начали службу, или носили гордое звание рядовых. С ними все было ясно: по окончании школы они станут унтер-офицерами или лейтенантами. Но Стэн уже имел офицерский чин, причем совсем не маленький. Что во флоте сделают с бывшим офицером-армейцем?

— Наш Стэн попал в беду, — рассуждала Ш'аарл'т. — Капитан должен командовать по меньшей мере эсминцем. Однако никто не доверит эсминец пилоту без летного опыта. Значит, подобное назначение нашему Стэну не светит.

Вместо ответа Стэн открыл очередную банку с пивом об один из клыков Ш'аарл'т.

— Это все гордыня виновата, — подхватил Бишоп. — Капитан Стэн услышал, что отставные адмиралы устраиваются лучше, чем армейские калеки. Вот он и переметнулся во

флот... Ваша песенка спета, капитан. Я вижу это яснее ясного. Вы станете первым допущенным к полетам командиром детского сада какой-нибудь военной базы.

— Болтайте, болтайте, — кипел от гнева Стэн. — Я всегда считал, что и младшим офицерам тоже надо иногда давать слово. Только помните — в день выпуска я желаю видеть, как вы отдаете честь. И четко! Всеми восемью ногами!

Стэн обнаружил у себя талант, о существовании которого он раньше даже и не подозревал. Эту способность можно было назвать автоматическим пространственным восприятием. То же самое интуитивное ощущение окружения, не дававшее Стэну в темноте наталкиваться на столы и стулья, теперь распространилось на весь пилотируемый им корабль. Каким-то непонятным образом он без всяких сенсоров знал, где именно находится нос его судна и на сколько в каждую сторону протянулись, если таковые имелись, атмосферные крылья.

Стэн никогда не задевал стен ангаров при взлете и посадке. Но однажды он убедился, что и у его нового таланта есть свои пределы.

Они как раз тренировались в пилотировании тяжелых штурмовых транспортов — громадных мастодонтов, используемых при атаке планет. Больше всего этот корабль напоминал торговый грузовик с неестественно раздутыми концами. У Стэна он вызывал искреннее отвращение. То, что контрольная рубка была зарыта где-то в глубине судна, ничуть не улучшало ситуацию. Но делать нечего, и, пряча недовольство, Стэн послушно гонял транспорт по предписанным орбитам.

В конце дня всем курсантам предстояло завести свои корабли в док. Маневр был предельно прост: поднять транспорт на антиграве, дать реверс и ввести бронированную громадину в соответственно огромный ангар. В рубке хватало экранов заднего вида, да и в самом ангаре вовсю работал робот-указатель курса.

Но Стэн, непонятно как, ухитрился потерять ориентировку. А Империя потеряла ангар.

Медленно и величественно транспорт врезался в стенку. Так же медленно и не менее величественно крыша рухнула на корабль Стэна. Тяжело бронированный транспорт, разумеется, ничуть не пострадал. Стэну же пришлось шесть ча-

сов просидеть в рубке в ожидании, пока разберут созданные им завалы. И все это время он слушал красочные рассуждения пилота-инструктора о своих способностях к пилотажу. Ну а уж друзья по взводу позаботились, чтобы Стэн не скоро забыл об этом маленьком происшествии.

ГЛАВА 20

Стэн обожал незатейливые такшипы. В этом он расходился с большинством однокашников. Такшипы — от одноместных до больших с экипажем в добрых двадцать существ — были многоцелевыми кораблями. Их использовали и для разведки на короткие расстояния, и для быстрых, как молния, атак, и для ударов по наземным целям, а в случае крупномасштабного сражения — как первую линию и атаки, и обороны. Короче, именно для тех заданий, которые Стэну нравились больше всего.

Это, разумеется, не объясняло, почему он полюбил такшипы. Ну что в них хорошего? По сути, просто оружейные платформы с мощными двигателями и потрясающей, не всегда в лучшую сторону, маневренностью.

Корабль можно проектировать по-разному. Но так или иначе неизбежны компромиссы. Раз в вопросе о скорости (маневренности) вооружения мы заняли принципиальную бескомпромиссную позицию, значит, нам придется начисто отказаться от таких понятий, как броня и комфорт экипажа.

Стэн обожал входить на такшипе в атмосферу, играя на управлении, переключаться с АМ-2 на Юкаву, пикировать с воем до самой земли и выходить из пике в последний момент. Ему нравилось висеть в пространстве и, осторожно маневрируя, незаметно подкрадываться к громадному крейсеру, нажимать кнопку «ПУСК» и видеть, как «вражеский» корабль «взрывается» на экране радара. Он любил, скрываясь от ищущих добычу эсминцев, прятать свой маленький кораблик в самые невероятные укрытия.

Его друзья хотя и получали удовольствие от таких «забав», полагали, что служба на такшипах — верный способ

сделать очень короткую, хотя, вполне возможно, и яркую карьеру.

— Какого черта, ты думаешь, я поступил в летную школу? — спрашивал у Стэна Бишоп. — После третьей высадки с Гвардией, я понял, что эти ублюдки хотят меня прикончить. Я имею в виду ублюдков на *нашей* стороне. Вы долго соображаете, капитан. Ничего удивительного, что вы стали чертовым офицером.

Стэн, как оказалось, любил такшипы даже слишком. За несколько недель до выпуска он прошел интервью с начальником школы и дюжиной старших инструкторов. Где-то на полпути Стэна осенило — его хотели сделать инструктором.

Стэн даже позеленел от страха. Он мечтал остаться в тылу не больше, чем превратиться в гомосексуалиста. Но его желания не спрашивали. В первый раз Бишоп и Ш'аарл't не издевались, а сочувствовали товарищу. Стать чертовым инструктором — это, конечно, не смерть, но и не многим лучше.

Опасения Стэна оказались вполне обоснованными. Его и в самом деле выбрали на пост инструктора в летной школе. Вышел даже соответствующий приказ.

Но этот приказ каким-то образом затерялся, так и не дойдя до Стэна. На его счет были получены иные, вполне конкретные указания — как говорилось в сопроводительном письме, с «самого высокого уровня».

Начальник школы протестовал. Протестовал до тех пор, пока кто-то не подсказал ему, что этот «высокий уровень» находится не где-нибудь, а на Прайм-Уорлде.

«Главное отличие армии и флота, — думал Стэн, — в том, что во флоте все значительно вежливее». Армейский приказ хватал за шиворот и указывал, где и когда надо быть и что там делать. А приказ во флоте... Совсем другое дело!

«Вас, капитана третьего ранга Стэна, просят и вам приказывают, по воле Вечного Императора, принять на себя командование так-дивизионом Y47L, в настоящий момент готовящимся к выходу в имперском порту Соуард.

Далее, вас просят и вам приказывают вместе с означенным так-дивизионом Y47L проследовать для несения службы в систему Калтор. Вам надлежит доложиться и служить под командованием адмирала флота К. Р. Ван Дурмана.

Подробные инструкции будут переданы вам позже».

Спасен.

* * *

Стэн задержался лишь для того, чтобы узнать о системе Калтор. Она принадлежала к Пограничным Мирам, а это значило, что от нее рукой подать до таанцев. Там уж не придется прозябать в бездействии.

Прыгая от радости, Стэн отправился на поиски своих друзей. Он собирался поцеловать Ш'аарл't.

Черт побери, он был так счастлив, что готов был расцеловать даже Бишопа.

Выпуск Второго этапа совсем не походил на выпуск после Отбора. Бывшие курсанты закинули главного инструктора школы в фонтан. Когда начальник школы начал протестовать, они и его засунули туда же.

Сидя по горло в воде, два пожилых офицера со скукой глядели на разыгравшееся вокруг буйство. Наконец начальник школы повернулся к главному инструктору:

— Столько лет, а они все не могут придумать ничего оригинальнее, чем забросить нас в этот фонтан.

Инструктор ничего не ответил. Он с мрачным видом выкручивал свою фуражку.

Ш'аарл't, Бишоп и Стэн наскоро попрощались. Они поклялись писать друг другу, раз в год обязательно встречаться, ну и все такое прочее, что разумные существа при расставании обещают и никогда не делают.

Ш'аарл't все еще ждала распределения. Бишоп уже дождался своего — водить громадный безоружный транспорт из одной всеми забытой, а следовательно, и мирной системы в другую. Стэн мог только гадать, увидит ли он еще когда-нибудь своих друзей.

ГЛАВА 21

Без шума и помпы, безо всяких пышных церемоний, леди Этего перенесла свой командный пункт с линкора «Форез» на крошечную «Занию».

За долгую службу в Таанском военном флоте адмирал Деска имел возможность хорошо изучить леди Этего. Она не любила построений и парадов и требовала только одного: чтобы ее приказы выполнялись быстро, точно и беспрекословно. Тех же, кто подводил леди Этего, ждала самая незавидная участь. Несмотря на свои размеры, «Зания», как и остальные корабли ее класса, являла собой настоящее чудо таанской технологии. Проектирование и разработка таких судов обошлись бы проектным бюро Имперского Флота в приличную часть их бюджета.

«Зания» предназначалась для самой современной минной войны — того самого типа боевых действий, которому Имперский Флот не уделял особого внимания. Возможно, дело было в том, что Империи уже давно не приходилось сражаться с противником, равным ей по силе. Даже жестокие Муэллеровские войны и те по масштабам протянувшейся на сотни тысяч парсеков Империи представлялись всего лишь стычками местного масштаба.

Что касается мин, то ими пользовались при позиционной войне. Например, загородить проход кораблям противника или обезопасить свою оборону. Еще ими можно было нарушить нормальные полеты по традиционно используемым врагом маршрутам. Что же касается военной стратегии, то здесь мины казались оружием не очень-то и важным.

Другая причина слабого интереса Имперского Флота к минам крылась в их «неромантичности». Обычная мина представляла собой кусок металла, уныло болтающийся в пространстве, пока что-то не заставит его взорваться. Обычно это происходило — если происходило вообще — много позже того, как тральщик установил мину на место. Минеры не носили длинных белых шарфов и не получали щедрых наград за несравненный героизм, хотя мины — на земле, на воде и в космосе — оставались самым смертоносным и самым экономичным способом уничтожения вражеских сил.

Таанцев куда меньше волновала «красота» боя, чем его итог. Они стремились победить. Любой ценой. И «Зании» предстояло стать одним из ключиков к этой победе.

«Зания» умела устанавливать мины с невероятной быстротой. И не простые мины, а самые современные, каких еще не знала история космических сражений. Сделанные таанцами мины представляли собой торпеды с атомным зарядом, мгновенно чувствующие появление поблизости любого ко-

рабля. «Дружественное» судно передало специальный код «свой — чужой». Считав его, мина оставалась в бездействии. Если же замеченный корабль не передавал кода или же код оказывался неверным, реакция была совсем иной: все остальные мины в пределах досягаемости активизировались и, включив двигатели, устремлялись на вражеский корабль. В минном поле, насчитывающем тысячи мин, спастись не смог бы даже самый могучий крейсер или линкор.

Попутно таанцы решили еще одну проблему. Война в космосе не стоит на месте. Даже когда позиции сторон четко определены, свое собственное минное поле может помешать атаке или, скажем, отступлению, пусть мина и определяет идущие корабли, как «свои». Врезаться на приличной скорости в кусок металла не менее губительно, чем подорваться на атомном заряде.

«Зания» умела собирать мины почти так же быстро, как она их устанавливала. Это открывало любопытные возможности в создании и перестройке минных полей на поле боя. Теоретически. На практике кораблям подобного класса еще только предстояло пройти последние испытания. Таанцы спешили, но авария следовала за аварией, и каждая стоила жизни и очередному кораблю, и его экипажу. Деска не сомневался, что наконец-то им удалось разобраться со всеми проблемами. Он был уверен в успехе, но все-таки не на столько, чтобы рисковать жизнью леди Этего. Адмирал объяснил это своему командиру, она внимательно выслушала все его доводы, а потом, немного подумав, приказала созвать команду.

Экипаж маленького кораблика собрался в кают-компании. Дождавшись, пока все заняли свои места, леди Этего начала речь.

— Сегодня, — сказала она, — мы должны доказать ценность «Зании» для нашего флота. От успеха зависит многое. Вы это понимаете, не так ли?

Никто не произнес ни слова. Экипаж даже не дышал.

— Предыдущие испытания окончились неудовлетворительно. Потому-то я сегодня с вами. Если вы погибнете, погибну и я. А значит, вы должны постараться. Выполняйте свои обязанности как можно тщательнее, и мы добьемся успеха.

Леди Этего оглядела зал холодным, ничего не выражающим взглядом.

— Я могла бы об этом и не говорить, но если и сегодня мины не сработают как положено, нам лучше погибнуть вместе с кораблем.

Она щелчком сбросила со стола воображаемую крошку. Экипаж мог быть свободен.

Управляемый роботом такшип на полной скорости несся к «Зании». Между ним и тральщиком располагались несколько недавно созданных мин. Леди Этего, стоя за пультом управления, внимательно следила за полетом.

— Положение.

— Все мины распознали корабль как «свой».

— Измените опознавательный код.

Капли пота выступили на лбу оператора. До сих пор все аварии происходили именно в этот момент. В прошлых испытаниях при изменении С-Ч кода мины или отказывались атаковать противника, или же нападали на все, без исключения, корабли в радиусе своего действия.

На сей раз едва контрольные приборы показали изменение статуса такшипа, как шесть мин уже устремились в атаку. Робот открыл огонь антикорабельными ракетами. Две мины взорвались. Третья разворотила ему обшивку. Остальные, обследовав обломки, вернулись на свои места.

— Мины как-нибудь отреагировали на создаваемые роботом электронные помехи? — спросила леди Этего.

Оператор сверился с данными на мониторе.

— Нет. После опознавания все сообщения с вражеского корабля игнорировались.

Леди Этего повернулась к адмиралу Деске. Она позволила себе на миллиметр приподнять одну идеально очерченную бровь.

— Адмирал, можете сообщить Совету, что мы запускаем мины в серийное производство.

Час спустя «Форез» снова стал флагманом. Леди Этего вернулась к звездным картам и боевым планам.

ГЛАВА 22

Стэн, капитан без кораблей, высадился на Кавите, центральном мире системы Калтор.

Среди недостатков такшипов следовало отметить их малую дальность действия. Кроме того, их нежные двигатели требовали куда более тщательного ухода, чем движки большинства других кораблей. Вот почему четыре такшипа, отданные под командование Стэна, сейчас тащились где-то между Кавите и Соуардом в трюме тихоходного транспорта.

Сам Стэн прибыл на место службы на пассажирском лайнере. Лететь ему пришлось около месяца, и часть этого времени Стэн уделил краткому, но тщательному изучению планеты, на которой ему предстояло работать.

Диаметр Кавите был на треть меньше, чем у Прайм-Уорлда, и народу на нем обитало совсем немного. Промышленности практически не было — в основном экономика базировалась на сельском хозяйстве. Из других промыслов отмечались рыбная ловля и лесозаготовка. Климат не сильно разнился от климата Прайма — весьма умеренный. Лишь снег выпадал чуть чаще.

Все остальное время Стэн изучал схемы, описания и проекции своих новых чад. Он вел себя, словно влюбленный перед первым свиданием. И неважно, что пока весь его отряд состоял из четырех новеньких такшипов. Команду еще только предстояло набрать на Кавите.

Стэн прибыл в Соуард как раз перед «спуском» своих кораблей. Собственно, никакой особой церемонии и не было — изготовитель корпусов под расписку передал их вторичной верфи. Транспортный кран подхватил готовые такшипы, пока еще без вооружения, электроники, оборудования и помещений для экипажа, и повез их в другой док.

Стэн с первого взгляда влюбился в эти пусть еще и не достроенные кораблики. Он, как стихи, читал и перечитывал статью в новом выпуске электронного журнала «Джейн».

НОВЫЙ ТАКТИЧЕСКИЙ ШТУРМОВОЙ КОРАБЛЬ

По слухам, Империя начала производство нового класса тактических кораблей. Пока что подтвердить эти сведения не удалось, и поэтому сообщение должно рассматриваться, как сугубо предположительное. По непроверенным данным, указанные корабли придут на смену сразу нескольким классам тактических судов, в настоящее время стоящих на вооружении

Имперского Флота и, по мнению ряда экспертов, считающихся устаревшими.

Есть мнение, что корабли этого класса уже строятся, однако мы не располагаем никакими данными ни о количестве заказанных кораблей, ни о сроках их ввода в строй. Повторяем, вся эта информация должна рассматриваться, как сугубо предположительная.

Стэн решил, что редактор «Джейн» просто прикрывает себе зад на случай порки. Местами приводимые журналом данные были, на взгляд Стэна, даже слишком точны.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ТИП: патрульный корабль Флота.

ДЛИНА: примерно 90 метров (на самом деле 97 метров).

ЭКИПАЖ: численность неизвестна.

ВООРУЖЕНИЕ: предполагается, что оно куда тяжелее, чем у любого другого корабля подобного класса.

Остальные пункты тоже были неизвестны, но Стэн мог бы без труда сообщить все детали.

Каждый корабль имел экипаж из двенадцати существ. Три офицера — командир, его помощник, он же специалист по вооружению, и начальник двигательной части; и девять матросов. Такшипы класса «бакилей» и в самом деле были отлично вооружены. Для ближнего боя они несли две пушки типа «Чейн». Сражение на средней дальности предполагалось вести с помощью восьми пусковых установок ракет типа «Гоблин-IV» с улучшенными «мозгами» и боеголовками на десять килотонн. На каждую установку корабль мог взять на борт по три «Гоблина».

Для обороны разработчики предусмотрели ограниченную противоракетную систему «Фокс» — не слишком мощную, но с удивительно умной электронной начинкой. Такшип имел четыре таких ракеты.

Но главным оружием кораблей являлись «Кали» — тяжелые шестидесятимегатонные ракеты, достигавшие почти двадцати метров в длину. Под луковицами боеголовок этих монстров прятались компьютер не глупее корабельного и оригинальное устройство электромагнитной защиты. Запускалась ракета из

специальной трубы, протянувшейся вдоль оси корабля. Вокруг этой трубы хранились три запасных ракеты.

Не удивительно, что со всем этим вооружением для экипажа места на корабле практически не оставалось. Капитанская каюта по размерам напоминала платяной шкаф с опускающимися со стен столиком и койкой. Это была самая уединенная каюта на корабле. Еще бы, ведь вход в нее закрывала занавеска. Два других офицера вместе ютились в каютке размером не больше капитанской. Койки экипажа располагались по сторонам самого большого помещения на корабле. Оно служило одновременно и кубриком, и камбузом, и кают-компанией.

Подумаешь! Если бы Стэна заботили удобства, он вместе с Бишопом летал бы сейчас на транспорте.

ГЛАВА 23

Обычный гнусный ритуал: когда офицер прибывает на новое место службы, он докладывается старшему по команде. В Гвардии это означало, что надо надеть форму и явиться в канцелярию. Офицер и его бесстрашный командир посмотрят друг на друга, вновь прибывшему в двух словах обрисуют его обязанности, и на том все и закончится.

Во Флоте, как узнал Стэн, эта операция проходила значительно формальнее.

Специальный посыльный доставил Стэну «приглашение» от адмирала Ван Дурмана. Настоящее, не какие-то там фиши электронного хранения информации. Нет, приглашение было отпечатано на бумаге.

Это, как понял Стэн, означает полную парадную форму. Белую. С перчатками.

Черт побери, и со стрижкой.

Лестью и подкупом Стэн уговорил денщика казармы временного проживания холостых офицеров погладить его форму и одолжить у кого-то, а может, и украсть пару белых перчаток.

Со стрижкой дело обстояло проще. Волосам Стэна редко удавалось дорасти до двух сантиметров.

Приглашение гласило, что адмирал будет счастлив увидеть своего нового подчиненного в 14 часов ровно. Имея в запасе целый час, Стэн на гражданском гравикаре отправился на военно-воздушную базу. Пробравшись через толпы, запрудившие улицы Кавите, гравикар подлетел к воротам базы за двадцать минут до назначенного времени.

Стэн прямо ошалел, когда скучающий часовой, проверив его документы, без лишних слов пропустил гравикар на территорию.

«Ну и чудесные же здесь порядки, — думал Стэн. — Мы находимся на грани войны, а чертов таксист может ездить, где ему вздумается. Секретность тут явно на высоте».

Расплатившись с таксистом, Стэн подошел к докам. И даже онемел от изумления.

Его глазам предстал флагман 23-го Флота имперский крейсер «Свампскот». Стэн смотрел на этот невозможный корабль и видел, что построили его семьдесят пять лет тому назад, а затем, вместо того чтобы списать, решили «усовершенствовать».

Трудно было передать, какое ужасное впечатление оставлял корабль.

Когда-то этот крейсер был, несомненно, последним словом в вооружении, двигателях и броне. Но жизнь не стояла на месте. «Усовершенствования» начались с того, что корабль разрезали пополам и в середину вставили еще кусок корпуса длиной около пятисот метров. На следующей стадии весь крейсер снаружи украсился большими буграми. После этого разработчикам, видимо, уже никак не удавалось простыми средствами модернизировать корабль. В итоге «Свампскот» выглядел так, словно он, чудом не развалившись, на полной скорости врезался в каменную стену.

И как достойное завершение титанической работы, на корпусе появились две башенки, как две капли воды похожие на пагоды, возводившиеся на древней Земле во времена династии Тан.

«Свампскот» никогда не принимал участие в боевых действиях, и потому все эти уродства не имели особого значения. Надраенный до блеска корабль использовался только для официальных церемоний. Он двигался *медленно,* словно королева-мать, сходящая по ступеням бального зала. Если бы ему когда-нибудь пришлось штурмовать планету, крей-

сер наверняка оказался бы абсолютно беспомощным. В аэродинамической трубе его модель обладала бы всей грацией и изяществом древнего подсвечника.

Оправившись от потрясения, Стэн сверил время и поспешил к лифту.

Поднявшись на палубу, он увидел перед собой не одного, а сразу четырех одетых в парадную форму и откровенно скучающих офицеров.

Отдав честь несуществующему флагу, Стэн передал дежурному лейтенанту свое приглашение.

— Бог ты мой, — воскликнул тот. — Капитан, вы ошиблись!

— Ошибся?

— Так точно, сэр. Штаб адмирала Дурмана находится в городе.

— В городе? Разве это не флагман?

— Так точно, сэр, флагман. Но адмирал предпочитает отель «Карлтон». Он говорит, что там ему лучше думается.

Стэн и лейтенант понимающе переглянулись.

— Сэр, боюсь, вы здорово опоздаете. Позвольте мне заказать вам гравикар. Адмирал Дурман очень высоко ценит пунктуальность.

«Прекрасное начало службы», — отметил про себя Стэн.

Может, адмирал Дурман и ценил пунктуальность, но похоже, он полагал ее обязательной только для своих подчиненных.

Запыхавшийся Стэн появился в отеле на двадцать минут позже назначенного срока. Его провели в нижний из трех занимаемых адмиралом номеров. Здесь он доложил о своем прибытии скучающей секретарше, и та предложила ему подождать. Адмирал еще не освободился.

Стэн ждал.

И ждал.

И ждал.

Однако ему было совсем не скучно. Скорее, Стэн пришел в ужас от разговоров болтавшихся в огромной адмиральской приемной офицеров. От разговоров, невольным свидетелем которых он стал.

— Ну, конечно, я попробую объяснить адмиралу, что сдирать анодированное покрытие очень трудно. Но ты же зна-

ешь, как он любит блеск надраенной бронзы, — один толстый штабной офицер говорил обеспокоенному чем-то капитану.

— Отлично. Значит, договорились. Ты отдаешь мне Дж'рака для бокса, а я передаю тебе моих барабанщика и трубача. — Это беседовали два капитана.

— Плевать мне на ваши тренировки, лейтенант! Вы уже израсходовали отведенные на них в этом квартале нормы.

— Но, сэр, половина моего экипажа — зеленые новобранцы, и я...

— Лейтенант, я научился выполнять приказы. Может, и вам пора научиться тому же?

По-настоящему Стэн был потрясен, когда из лифта в холл вышли двое: молодые мужчина и женщина. Они были прекрасны. Капитан — молодой, решительный, высокий, симпатичный и светловолосый. Белый, пляжного вида костюм подчеркивал отличную мускулатуру. Его спутница, тоже блондинка, щеголяла в коротеньких шортах. Они шли, весело смеясь, наслаждаясь жизнью и свободой.

Стэн возненавидел их с первого же взгляда.

Весело болтая, пара миновала Стэна. Вдруг женщина остановилась и, поставив ногу на ближайший стул, аккуратно перевязала шнурки своих спортивных туфель. Ее глаза столь же аккуратно препарировали Стэна и занесли в архив. Покончив со шнурками, она рассмеялась, взяла своего спутника под руку, и они исчезли за дверью.

Фигура, кстати, у нее была такая, что не смотреть ей вслед было просто-напросто невозможно. Вот Стэн и смотрел.

— Это не про вас, капитан, — тихо произнесла секретарша.

Стэну, вообще-то, было все равно, но он вежливо и удивленно приподнял бровь.

— Эта леди — дочь нашего адмирала.

Стэн хотел пошутить, но его спас сигнал селектора. Еще через минуту Стэна провели к кабинет адмирала Ван Дурмана. Слово «кабинет» в применении к адмиральским покоям звучало как-то не совсем уместно. Единственными более просторными апартаментами, какие Стэну доводилось видеть, были залы для церемоний императорского дворца на Прайм-Уорлде. Стэну, цинику всегда и во всем, сразу стало интересно, кто платит за все это великолепие. Хватило адмиралу для этого своих средств или же ему пришлось залезть в армейский карман?

Ксавьер Рижн Ван Дурман выглядел под стать своему кабинету. Все в нем, начиная от белой гривы завитых волос, сурового взора, твердого подбородка и кончая выкаченной «адмиральской» грудью, — все в нем выказывало настоящего военачальника. За таким командиром люди пойдут до самых врат Ада...

Через десять минут беседы Стэн понял, что именно там все они и окажутся. Куда бы их ни вел этот блестящий адмирал.

О Ван Дурмане, как и об одном другом офицере, служившем много столетий ранее, можно сказать, что он никогда не позволял свежей оригинальной мысли испортить ему настроение. И все же он олицетворял собой мощь флота. Он мог с успехом выступить перед любым парламентом, успокоить взволнованного политика, произнести тост на банкете, пустить пыль в глаза банкиру. Не хватало ему только одного — умения командовать Флотом, который, и Стэн это знал, очень скоро станет первой линией обороны в войне с таанцами.

Ван Дурман был исключительно вежлив и необычайно искусен в лавировании по минным полям светских бесед. Перед встречей он явно ознакомился с личным делом своего нового подчиненного. И теперь очень интересовался прежней службой Стэна — в императорском дворце, командиром отряда телохранителей-гурков.

Ван Дурман гордился, что ему удалось присутствовать на нескольких Днях Империи и что его даже представили самому Императору на церемонии вручения наград.

— Я уверен, капитан, — говорил Дурман, — что вы поможете нам всем выйти на новую орбиту светской моды. Мы тут на Пограничных Мирах, пожалуй, приотстали от последних веяний.

— Сэр, я постараюсь, но... я не очень много внимания уделял официальным церемониям.

— Ну, ничего, ничего. Мои жена и дочь, ничуть не сомневаюсь, помогут вам понять, как много вы все-таки помните.

Просто великолепно! Придется еще делать реверансы перед всей его семейкой.

— Думаю, вам будет интересно служить у нас, капитан. Из-за климата и из-за того, что все мы так далеко от дома, мы не очень строго смотрим на нарушения режима.

— Сэр?

— Вы, несомненно, поймете, что все ваши обязанности можно выполнить в первую пару вахт. Я не хотел бы видеть скучающих офицеров. И потому забочусь о том, чтобы весь наш офицерской корпус был готов принять участие в любых дипломатических мероприятиях.

— Боюсь, я не понимаю вас, сэр.

— Ну, я имею в виду балы, визиты на другие планеты... У нас тут есть свои собственные спортивные команды, весьма успешно выступающие против команд колонистов. Я также считаю, что одна только служба делает офицера однобоким. Я поощряю увольнительные, причем не краткосрочные. Например, здесь у нас можно отлично поохотиться. Мы помогаем всем, кто интересуется подобными вещами.

— Гм-м... Сэр... У меня совершенно новые корабли... Откуда взять время на развлечения?

— Я получил приказ оказывать вам содействие, капитан. Это само собой разумеется. И первым делом я помогу вам обзавестись приличными поварами.

Тут бы Стэну рассыпаться в благодарностях и откланяться. Но у него всегда был слишком длинный язык.

— Спасибо, сэр. Но, боюсь, мне придется отказаться. Я буду слишком занят своими кораблями.

Видя ледяное выражение лица адмирала, Стэн мысленно проклинал свою несдержанность.

— Ах да, ваши корабли... Честно говоря, капитан, я всегда возражал против такшипов.

— Сэр?

— По многим причинам. Прежде всего, они весьма дороги в обслуживании. Во-вторых, чтобы ими управлять требуется очень умелый экипаж. А это означает, что те, кто служат на этих мелких суденышках, будут потеряны для более крупных кораблей. Это несправедливо по отношению к прочим командирам. Это несправедливо и по отношению к тем, кому предстоит служить на ваших такшипах — им нелегко сделать карьеру, труднее заслужить поощрения и повышение по службе. И самое главное — безопасность. Вам никогда не убедить меня, что служба на ваших, гм-м, комариных лодчонках может быть такой же безопасной и комфортабельной, как, скажем, на «Свампскоте».

— А я и не знал, что мы поступили во Флот ради комфорта и безопасности, — сердито ответил Стэн.

Ни один адмирал на свете не потерпит таких заявлений от своего подчиненного.

— Мы разные, капитан, — сказал Ван Дурман и поднялся из-за стола. — Спасибо, что нашли время меня повидать. Мне кажется, у нас была очень интересная беседа.

Интересная? Беседа? Стэн вытянулся.

— Разрешите задать вопрос, сэр?

— Конечно, молодой человек. — От голоса Дурмана веяло арктическим холодом.

— Как мне набрать экипажи для кораблей, сэр? У вас, наверно, есть какая-то установленная процедура?

— Вы можете напечатать приглашение в бюллетене Флота. Любой офицер или рядовой, пожелавший перейти к вам, получит на то мое разрешение. Разумеется, если не будет возражать его непосредственный начальник.

Дерьмо, дерьмо и еще раз дерьмо.

Стэн отдал честь, сделал идеальный поворот кругом и вышел из адмиральского кабинета.

Последнее предложение Ван Дурмана, переведенное на нормальный язык, означало, что Стэн может взывать к добровольцам хоть до посинения. Ну какой нормальный офицер вот так запросто отпустит хорошего специалиста?

Стэн знал, что ему достанутся разгильдяи, бездельники и прочий сброд. Оставалось надеяться, что их в 23-м Флоте хотя бы много.

ГЛАВА 24

Космос вовсе не черен. И космические корабли не могут красться. Однако именно так представлял себе капитан Лавонн действия своего эсминца «Сан-Хасинто». Они находились в системе Эрибус и шпионили за таанцами.

С официальной точки зрения, в том, что для выполнения задания выделили «Сан-Хасинто», не было ничего из ряда вон выходящего. В конце концов эсминцы умеют действовать скрытно. И могут вести разведку.

Правда, только в чрезвычайных обстоятельствах. И не в том случае, когда в таанских секторах, по слухам, бесследно исчезли все до единого посланные туда корабли. Причем, не какие-то эсминцы, а суда, специально созданные для ведения разведки и шпионажа.

Но приказ есть приказ.

Лавонн долго думал, прежде чем проложить курс. По его мнению, прежние корабли-шпионы попались потому, что орбиты их полета начинались на территории Империи. Поэтому он выбрал курс, уводящий «Сан-Хасинто» далеко в глубь Таанской империи. Второй курс уводил корабль еще дальше в глубь давным-давно захваченных таанцами звездных скоплений. И только третий курс возвращал «Сан-Хасинто» обратно, к имперскому космосу и системе Эрибуса, которую эсминцу и поручили разведать. Теперь, если бы таанцы и засекли «Сан-Хасинто», предполагаемая точка его вылета не должна была вызвать у них подозрений.

И вот эсминец неуверенно продвигался вперед, то в режиме АМ-2, то вновь вываливаясь в обычное пространство. Выключив все оборудование от кондиционеров воздуха до игровых автоматов в кают-компании, «Сан-Хасинто» обшаривал пространство чуткими сенсорными системами. Помимо штатных сенсоров, на эсминце перед этим полетом установили еще несколько специальных устройств. И все они вглядывались, вслушивались, вчувствовались в космос, пытаясь понять, обнаружил враг имперский корабль или нет.

Лавонн знал, что сенсоры имперского Флота чувствительнее, чем у таанцев. И раз на экранах он не видел ни одного вражеского корабля, значит, и его пока никто не видит. Так, прыжок за прыжком, «Сан-Хасинто» подбирался к угасающему Эрибусу.

И нашел то, за чем его послали.

Вся система представляла собой сплошную строительную площадку. Только в одном этом секторе находилось больше кораблей, чем, по оценкам имперской разведки, имел весь военный флот таанцев.

В этот момент Лавонну и следовало прекратить наблюдение. Следовало бросить все и полным ходом возвращаться на базу. В его руках оказались данные, какие не удавалось еще добыть ни одному кораблю, проникавшему в контро-

лируемое таанцами пространство. Пустись он сейчас наутек, ему, возможно, и удалось бы удрать.

Но вместо этого окрыленный успехом Лавонн продолжал подкрадываться к гаснущей звезде. В конце концов у имперского Флота было одно немаловажное преимущество: в АМ-2, источник энергии для сверхсветого межзвездного полета, производимый в Империи и больше нигде, перед тем, как продать другим системам, вносилось одно маленькое дополнение. Лавонн знал, что на экранах «Сан-Хасинто» каждый двигатель на АМ-2 высветится пурпурным огоньком.

Капитан и не подозревал, что на некоторых кораблях таанцы замаскировали АМ-2. Пусть при этом двигатель терял в мощности — это с лихвой компенсировалось тем, что теперь он не регистрировался на мониторах имперцев.

В общем, когда экраны эсминца вспыхнули тревожным алым огнем, враг был уже слишком близко.

Влетев под надрывный вой сирен в контрольную рубку, Лавонн с первого взгляда понял, что к чему. С правого фланга сенсоры засекли обширное минное поле; впереди лежали главные миры системы Эрибуса, а слева на полной скорости к «Сан-Хасинто» приближался линкор таанцев в окружении крейсеров и эсминцев.

Не раздумывая, Лавонн развернул свой корабль на новый курс. Ему оставалось только одно — спасаться бегством. Причем бежать приходилось не к Пограничным Мирам, а в обратную сторону, к центру Таанской империи. Но ничего, стоит только отделаться от преследователей, и он запросто вернется домой.

Лавонн надеялся на успех. В конце концов, новый имперский эсминец должен был обогнать любые таанские крейсера и линкоры.

Эти минуты надежд на спасение кончились, как только бортовой компьютер бесстрастно сообщил, что линкор, оторвавшись от своего эскорта, стремительно догоняет «Сан-Хасинто». Через пять с небольшим часов линкор неизвестного в Империи типа подойдет к эсминцу на дальность боевого пуска.

Этим линкором был «Форез». Адмирал Деска тоже рассчитывал время. Успеет ли он догнать эсминец прежде, чем тому удастся удрать? Если имперский корабль ускользнет,

все с таким тщанием разработанные планы таанцев пойдут прахом. Империя узнает и о строящейся армаде, и о новых типах военных кораблей, и о замаскированных двигателях. А значит, имперцы без труда вычислят и стратегические замыслы Таанского Союза.

Деска еще раз покосился на часы. Никаких проблем, имперский эсминец обречен.

Четыре часа сорок минут спустя капитан Лавонн признал неизбежное.

Оставался один, последний шанс.

Он приказал отключить АМ-2. Возможно, линкор проскочит мимо.

Реакция у таанцев оказалась отличной.

«Ну ладно», — мрачно подумал Лавонн и, развернув корабль, направил его прямо на «Форез». Иногда и шавка может свались дога.

Капитан приказал открыть огонь из всех вспомогательных орудий. Он надеялся, что вспышки разрывов и помехи электромагнитных устройств хоть немного, да отвлекут вражеский линкор.

Лавонн знал, что его корабль обречен. Все, на что он мог надеяться, это причинить возможно больший ущерб громадному линкору, заполнявшему уже все экраны «Сан Хасинто». Ему оставалось всего несколько световых секунд до зоны, где он мог бы открыть огонь на поражение, когда «Форез» ударил по эсминцу ракетами главного калибра.

Палец Лавонна уже навис над красной кнопкой, когда шесть таанских ракет пересекли орбиты с «Сан-Хасинто».

И ничего не осталось от новенького имперского эсминца. Только бесконечно расширяющееся облако радиоактивного газа.

КНИГА ВТОРАЯ

СВИСТАТЬ ВСЕХ НАВЕРХ!

ГЛАВА 25

Всю историю своего существования таанцы представляли из себя крупную неприятность, только и ждущую, пока о них кто-нибудь да споткнутся. Их цивилизация зародилась на руинах и выросла под гром нескончаемых сражений. Даже Вечный Император с трудом мог припомнить тот конфликт, с которого все и началось.

Корни таанцев уходили в кровавую гражданскую войну, охватившую звездное скопление далеко-далеко от их нынешнего дома. На протяжении полутора веков там отчаянно бились две могучие армии. Это скопление лежало на самой окраине, и Императору было совершенно безразлично, кто победит. Пусть себе дерутся.

Под конец те, кому суждено было стать таанцами, потерпели сокрушительное поражение. Победители предоставили побежденным приятный выбор: геноцид или всеобщая иммиграция. Таанцы избрали бегство; этот момент своей истории они запомнили навсегда. Вот так трусость стала первородным грехом. Первый и последний раз таанцы предпочли жизнь верной смерти.

Почти вся волна миграции состояла из воинов и членов их семей. А это автоматически означало, что куда бы таанцы не обращались, никто не хотел иметь с ними дела. Ни одна система, ни одно правительство не горело желанием пускать к себе такое количество профессиональных солдат. Короче,

не нашлось дураков пригласить их к своему очагу. Это таанцы тоже запомнили. Они сочли себя отверженными и с тех пор обращались с чужаками соответственно.

Район, где они нашли себе пристанище, считался одним из самых неуютных во всей Империи. Обосновавшись на пустынных планетах, в окружении чуть более зажиточных соседей, таанцы начали воссоздавать свое общество. Они как были, так и остались ориентированными только на войну.

Эта слабость таанцев со временем превратилась в их силу. Они процветали и расширялись. Их соседи начали нервничать. Большинство пошло на переговоры. И всегда таанцы использовали переговоры только как средство выиграть время. Они заключали договора, подписывали протоколы, а потом атаковали без объявления войны. Они не считались с потерями — бросали в бой все свои силы и в конце концов добивались победы.

Почти триста лет таанцы непрерывно сражались. Они разгромили своих соседей, на их костях создав свою новую империю. Не важно, что при этом погибло восемьдесят процентов всех таанцев — возрождались раньше, возродятся и сейчас. Вскоре Вечному Императору пришлось иметь дело с новой, окрепшей империей таанцев. Куда большей, чем она была когда-то.

Быстрый рост подарил таанцам целую кучу проблем: как никогда расплодились диссиденты, а кровавые чистки в Верховном Совете стали явлением вполне заурядным. Сама того не желая, Империя подсказала удобный выход. И вот теперь у таанцев вновь появилась общая цель. И общий враг.

ГЛАВА 26

Несколько недель спустя капитан Стэн больше уже не был капитаном без кораблей. Четыре такшипа — «Клаггет», «Гэмбл», «Келли» и «Ричардс» — были выгружены в кавитских доках. Однако Стэн все еще оставался капитаном без команды. Он дал объявление, и результат оказался таким, как Стэн и предполагал. Ноль. Ни одного квалифицированного добровольца.

Зато в 23-м Флоте нашлось некоторое количество никому не нужных олухов. Если бы Стэн командовал эсминцем, он, возможно, и сумел бы рассовать этих уродов по разным постам корабля. Но когда речь шла всего о четырех экипажах из двенадцати человек плюс небольшом отряде обслуги — увы, тут каждое существо на счету.

А между тем отпущенное ему время подходило к концу.

Адъютант Дурмана уже трижды заглядывал к Стэну с «дружеским» визитом. Он сочувствовал проблемам Стэна и обещал, насколько это вообще возможно, ничего не сообщать Дурману — обычная услуга одного офицера другому. Стэн полагал, что у адъютанта, небось, штаны на ходу горели, так он торопился рассказать адмиралу, в каком дерьме сидит тот молодой нахал.

А может, у Стэна уже начиналась мания преследования. Это тоже было вполне возможно. Все свое время Стэн проводил на такшипах. Когда организм требовал пищи, он открывал первую попавшуюся банку, разогревал ее и съедал, одновременно просматривая схемы электроцепей, гидравлики и прочих механизмов своих волшебных корабликов.

В тот день Стэн сменил грязный рабочий комбинезон на повседневную форму и отправился сражаться со штабными крысами 23-го Флота. Он обнаружил, что установленные в 23-м Флоте правила позволяли командирам кораблей иметь в распоряжении один единственный дневной боезапас — то есть, то количество ракет и снарядов, которое корабль мог за раз взять на борт. Для такшипов Стэна пополнение боекомплекта означало возвращение на Кавите, а следовательно, и уменьшение радиуса патрулирования.

Стэн пытался что-то объяснить окопавшимся в штабе офицерам. Начинал с вполне логичных доводов, что бросать патрулирование и пилить черт знает сколько обратно на базу только потому, что кончились ракеты, по меньшей степень глупо... Его не слушали. Он доходил до, возможно, чересчур радикальных заявлений, что, дескать, во время войны громадные склады на Кавите запросто могут быть уничтожены вражеской бомбардировкой — и что тогда?

Офицеры и слушать не желали о проблемах дальнего патрулирования. Они раздраженно морщились при одном упоминании о возможной войне и откровенно смеялись при мысли, что Кавите не сумеет уничтожить любого противника задолго до того, как тот подберется к складам боеприпасов.

ГЛАВА 27

Этот день ничем не отличался от остальных. Стэн опустил гравитолет возле ограды, окружавшей недавно прибывшие такшипы, небрежно ответил на салют часового у ворот.

— Добрый день, сэр.

Часовому нравился Стэн. Он и его друзья по казарме делали ставки на день, когда Ван Дурман снимет Стэна и отправит обратно на Прайм. Жаль конечно, но до названного часовым дня оставалось совсем немного, и лишняя пара кредиток была для него куда важнее судьбы любого офицера.

— Добрый день.

— Сэр, ваш специалист по вооружению уже на борту.

Стэн не колебался.

— Часовой, поднимайте охрану по тревоге! Немедленно!

— Но, сэр...

— Быстрее, приятель! У меня нет специалиста по вооружению!

Часовой нажал на кнопку, и несколько мгновений спустя рядом со Стэном уже стояли шесть солдат, нервно сжимающих в руках заряженные виллиганы. Сам Стэн вытащил минивиллиган, который он всегда носил на спине за поясом, и все вместе они направились к «Клаггету», единственному кораблю с открытым входным люком.

Саботажник? Шпион? Или просто любопытствующий бездельник? Не имело значения. Расставив солдат возле люка, Стэн бесшумно поднялся по трапу.

У входа на корабль он замер, прислушиваясь. Изнутри, со стороны носа, доносились стук, звяканье и невнятное бормотание. Стэн уже хотел подать команду солдатам войти в такшип, когда наконец разобрал слова:

— Давай же ты, чертово отродье! И без шуток, дескать, я не могу запустить тебя хотя бы раз.

Стэн высунулся из люка:

— Прошу прощения, господа. Я дал маху. Похоже, у меня и в самом деле появился специалист по вооружению. Я внесу его в список личного состава.

Удивленные солдаты отдали Стэну честь, пожали плечами и отправились обратно в караулку.

Стэн же пошел в носовую часть корабля.

— Мистер Килгур! — рявкнул он с порога рулевой рубки и с удовольствием увидел, как вынырнувшая из-за пультов голова с размаха стукнулась об один из мониторов. — Вы что, не знаете, как надо докладываться своему командиру?

Потирающий лоб унтер-офицер Алекс Килгур выглядел виноватым.

— Парень, а я думал, ты играешь в поло с адмиралом.

Алекс Килгур родился и вырос на планете Эдинбург. Сила тяжести там была куда больше стандартной. В отряде Богомолов он был сержантом. Потом, когда Стэн перешел в дворцовую охрану, он перевел Килгура к себе. Позже Алекс совершил трагическую ошибку: влюбился, подал прошение о выдаче разрешения на брак, и Император отправил его в летную школу даже раньше, чем Стэна.

Стэн понятия не имел, как и почему Килгур оказался на Кавите. Но он был чертовски рад его видеть.

— Получить назначение в твой отряд, дружище, было чертовски просто, — объяснял Килгур за кофе в чулане, игравшем на «Клаггете» роль кают-компании. — Я держал руку на пульсе. Словечко тут, улыбочка там, и фьюи-ить — Килгур уже в пути. Но хорош об этом. Черт возьми, капитан, где твоя проклятая команда?!

Стэн вкратце обрисовал свои проблемы. Алекс внимательно его выслушал, потом потрепал по плечу, чуть не проломив при этом палубу.

— Теперь можешь расслабиться. Килгур с тобой. Беда твоя в том, сынок, что ты не там ищешь добровольцев.

— Ты чего, спятил? Да я разве что на кладбище только не вербовал!

— Ну, дела у нас не настолько плохи, чтобы брать живых мертвецов, капитан. Никаких проблем. Доверься мне.

ГЛАВА 28

— Сколько-сколько поколений ваш род был воинами, лейтенант Стикка? — не веря своим ушам, переспросил Стэн.

— По крайней мере двести, — услышал он в ответ. — Но это уже после того, как клан иммигрировал с Земли. До это-

го мы, Мендигосы, если верить легендам, были воинами еще сто поколений. Это не значит, что кроме солдат среди нас больше никого не было. Военные историки, дипломаты, политики... даже один актер. Мы стараемся о нем не вспоминать, хотя, говорят, в свое время он был неподражаем. — Стикка засмеялся. Его смех так же ласкал уши, как и его великолепный баритон.

Стэн снова заглянул в личное дело Стикки. Выглядело оно очень даже неплохо. Вполне достаточно замечаний и выговоров от начальства — хватит, чтобы уравновесить поощрения и награды.

Он убрал в конверт фиши и забарабанил пальцами по крышке своего крошечного столика.

— Вам нравится рисковать, не так ли?

— Вовсе нет, — покачал головой Стикка. — Исход любого действия можно просчитать. И если вероятность успеха больше, чем вероятность поражения, то, по-моему, выбор очевиден.

— Добро пожаловать на борт, лейтенант, — решился Стэн. — Вы будете командовать «Келли». Второй корабль слева.

Стикка замер по стойке «смирно», едва не протаранив головой низкий потолок.

— Спасибо, сэр. Два вопроса. Где мои офицеры?

— Их пока нет. Вас я принял первым.

— Понятно. А экипаж?

— В вашем распоряжении четверо бывших заключенных и один рвущийся в бой новобранец. Распорядитесь ими, как сочтете нужным.

— Так точно, сэр.

— Лейтенант Стикка, у меня тоже есть для вас вопрос. Как вы узнали об этой вакансии?

Стикка чуть приподнял бровь.

— Из адмиральской колонки в последних ведомостях Флота, сэр.

Стэн едва сумел скрыть свое удивление.

— Ясно. Спасибо, лейтенант. Это все. Выходя, не откажите в любезности, попросите мистера Килгура зайти ко мне.

— Килгур! Скажи, что ты этого не делал.

— Делал.

— Но как?

— Говноеды, охраняющие типографию, не знают, что такое несение караульной службы.

— Значит, ты просто забрался туда и подделал адмиральскую колонку? Я правильно понимаю?

После успеха с заключенными Алекс счел себя настоящим добытчиком свеженьких добровольцев.

Стэн решил чуть изменить тему:

— Могут они доказать, что это был ты?

— Доказать? Что это сделал я? Человек, подавивший заговор против нашего Императора?

Стэн закрыл лицо руками.

— Мистер Килгур. Я знаю, что на кораблях Флота сухой закон, но, быть может, совершенно случайно...

— Совершенно случайно. Сейчас принесу.

ГЛАВА 29

Алекс любил дождь. Особенно мелкий промозглый дождичек, какой постоянно лил на его родной планете. Но тропические ливни Кавите начисто выводили его из себя. Ругаясь под нос, Алекс шел по узкому темному переулку. Он отсчитал нужное количество шагов и постучался.

Изнутри его аккуратный стук, вероятно, звучал, как удары кузнечного молота.

— Пароль? — прошелестел синтезированный голос где-то наверху.

— Тут чертовски мокро, и у меня уже нет никакого терпения, — пожаловался Алекс и пнул дверь ногой.

Он и ударил-то не слишком сильно, но подкованный сталью каблук расколол дверь пополам. Раздвинув обломки, Алекс вошел внутрь.

Прежде, чем появился первый охранник, он успел заметить, что внутри бордель выглядел очень даже уютно — конечно, если вы любите красный вельвет и потемневшие от времени картины. Охранника Алекс впечатал в стенку отломанной половинкой двери. Его приятель выскочил из кори-

дора, напоролся на Алекса, был поднят в воздух и улетел обратно несколько быстрее, чем пришел.

— Я ищу мистера Вилли Саттона, — объявил Алекс.

— У вас есть ордер? — поинтересовался голос.

— Нет.

— Вы вооружены?

— Вы что, за дурака меня принимаете?! Конечно, вооружен.

— Пожалуйста, держите руки на виду. За вами наблюдает особая сенсорная система. Любое исходящее от вас электромагнитное излучение повлечет за собой немедленные контрмеры. Вы все время находитесь в поле зрения автоматических боевых систем. Любой враждебный акт будет пресечен прежде, чем вы успеете его реализовать.

Алексу интересно было бы потягаться с этими автоматическими стрелялками, но сейчас он старался вести себя мирно.

— Пройдите, пожалуйста, прямо по коридору, мимо входа в само заведение. В конце коридора вы увидите лестницу. Поднимайтесь наверх и далее через холл ко второй двери. Войдите в комнату и ждите. Мы определим, известен ли нам Вилли Саттон.

Алекс сделал все так, как ему сказали. Проходя мимо приемного зала этого дома терпимости, он дважды влюбился, мило кивнул обеим женщинам, но прошел мимо. Сейчас Килгур был на работе.

Комната, куда он попал, отличалась красным вельветом и старинными картинами. Стеклянные лампы едва рассеивали мрак. Зато мебель тут оказалась довольно необычная — три или четыре широких, очень крепких на вид гамака. Прислонившись спиной к стене, Килгур ждал.

Дверь на другом конце комнаты бесшумно отворилась.

— Я не ошибся, вы хотели бы поступить ко мне телохранителем?

«Вилли Саттон» почти вкатился в комнату. Он был спиндарцем, огромным двухметровым — в любом направлении — чешуйчатым существом, немного напоминающим доисторического земного ящера с лишней парой рук. Речевой аппарат человека не мог произнести настоящие имена спиндарцев, и потому они брали себе имена более привычные для большинства населения Галактики. Причем не какое попало имя,

а какого-нибудь прославленного в избранной спиндарцем области деятеля.

Килгур понятия не имел, кто такой был Вилли Саттон, но он не сомневался, что филантропом тот не был.

— Унтер-офицер Алекс Килгур.

На заданный ему вопрос он решил не отвечать.

— Наверное, дезертир?

— Нет, Саттон. Но я подумывал об этом.

— Ты не из военной полиции, по выражению лица вижу. Так как же мое заведение и я сам можем тебе помочь? Это, конечно, если считать, что ты не желаешь мне вреда.

— Мы хотим, чтобы ты вернулся.

Запыхтев, спиндарец уселся на свой хвост.

— Во Флот? Это вряд ли. За годы службы я повидал достаточно трибуналов, и повторение опыта меня как-то не привлекает

Саттон говорил чистую правду. Во всем Императорском Флоте, вероятно, не существовало другого снабженца, которого судили бы столько раз. И всегда за одно и то же: незаконное присвоение имперских запасов и оборудования.

А еще во всем Императорском Флоте, вероятно, не существовало другого снабженца, которого бы так быстро повышали снова. И опять всегда за одно и то же: за отличную службу.

— Нам нужен вор, — сказал Килгур.

Спиндарец запыхтел еще сильнее. Алекс тем временем объяснил суть проблем, с которыми пришлось столкнуться Стэну.

Задумавшись, спиндарец выпустил спрятанные в руке когти и в клочья разодрал перед собой ковер. Оглядевшись, Килгур заметил, что ковер разодран и в других частях этой комнаты.

— А как насчет обвинений из-за которых, скажем так, мне было желательно удалиться с последнего места службы?

Килгур вынул пару фишей и протянул их Саттону.

— Первая — твое настоящее личное дело. Возьми ее в подарок.

Спиндарец почесался.

— Вторая — твое *новое* личное дело. Не хочу хвастать, но чище просто не бывает. Работаешь с нами — и через несколько минут ты уже другой человек.

— Начать новую жизнь... — Спиндарец задумчиво покачал головой.

— Мой босс ставит только одно условие. Если ты думаешь, что сможешь и нас водить за нос, то сильно ошибаешься. Только пихни какую-нибудь мелочевку на сторону, и мы живо накрутим тебе хвост. Много чего неприятного может с тобой случиться. Так что об этом я больше говорить не стану.

— В сводничестве и проституции все так однообразно, — вполголоса пробормотал спиндарец. — У людей крайне ограниченная сексуальная фантазия. — Он опять запыхтел. — Вернуться на службу. Какое необычное предложение... Передай своему командиру, что я сообщу ответ завтра к этому часу.

ГЛАВА 30

Задрав ноги на стол, Стэн развалился в кресле. Всем своим видом капитан старался показать, какой он спокойный и невозмутимый. Но внутри у него все так и кипело. Стэн нервничал и надеялся, что этого никто не заметит.

Про себя Стэн полагал, что в этой позе он выглядит как последний дурак. Все, чего ему не хватает, это стука в дверь, тревоги, и классно он будет смотреться, распутывая ноги в каюте размерами два метра на три.

И тут в дверь действительно постучали — тревожно и настойчиво. В следующий миг дверь распахнулась. Стэн чуть не снял ног со стола. Он даже согнул колени, но в последний миг заставил себя расслабиться. Какое выражение лица должно быть у командира в такой момент? Что лучше — усталое равнодушие или спокойная озабоченность?

В каюту, насколько это было возможно, ввалились Алекс и спиндарец по имени Саттон.

— Что еще за... — начал Стэн.

— Сэр! — прервал его Саттон. — Нас сейчас будут брать!

Стэн инстинктивно оглянулся. Может, враги захватили планету? Или изнасилована адмиральская дочка?.. Будут брать? Кто?

Опустив «почему» и «где», Стэн решил, что «брать будут» прямо сейчас.

Впрочем, сию секунду Стэна больше всего беспокоило, как бы ему распутать ноги так, чтобы это выглядело солидно. Главное — не торопиться. Хорошо еще, что Алекс пустился в объяснения и тем самым подарил ему немного времени.

— Мистер Саттон хочет сказать, что нас заложили. Я не знаю, за что именно, но в последние дни мы, возможно, и впрямь несколько зарвались.

Стэн едва сдерживал смех. Он уже понял, в чем дело. Но Алекс и вправду в последнее время здорово полагался на свою удачу. Пора было его немного приструнить.

С выражением озабоченности на лице Стэн поднялся из кресла.

— Итак, господа, в чем же, собственно, проблема? — Голос его звучал небрежно и спокойно.

— Мы как раз и пытаемся вам объяснить, сэр, — воскликнул Саттон. — Нас окружила полиция!

Стэн позволил отвести себя к выходному люку. В доках возле «Гэмбла» выстроилась фаланга черных полицейских гравитолетов — пять машин с каждой стороны, по два полицейских в машине.

— Я же говорил, сэр, — зашептал Саттон. — Нас собираются брать! — Он повернулся к Алексу: — Ты меня выдал!

— Тебя? Да кто ты такой, черт возьми? У тебя мания величия, парень. Они сейчас накроют нас всех! — Алекс покосился на Стэна. — Не знаю, можешь ли ты что-то сделать, но, Стэн, попытайся, ладно?

Стэн хранил гордое молчание. Как ни странно, это отчасти успокоило и Алекса, и Саттона.

Дверь переднего гравитолета с шипением распахнулась, и оттуда вылез огромный представитель полицейских сил. Еще секунда оправления формы и разглаживания всклокоченных волос, и, цокая каблуками по бетону, представитель пошел к Стэну. В вытянутой руке он держал какую-то официального вида бумагу.

— Ордер на обыск и арест, — прошептал Алекс. — Я же говорил.

Стэн хранил молчание.

Полицейский подошел к Стэну, четко отдал честь и протянул бумагу.

Не удержавшись, Алекс заглянул через плечо своего командира и ошалело замотал головой.

— Ты не мог этого сделать!

— Я это сделал, — невозмутимо ответил Стэн и, повернувшись к полицейскому, сказал: — Спасибо, констебль Фосс.

— Пожалуйста, сэр, — почтительно ответил Фосс. — Простите, сэр, но вы сможете за час принять двадцать добровольцев? Или кому-то из нас надо подъехать попозже?

— Двадцать добровольцев? — наконец пришел в себя Алекс. — Давайте, давайте ко мне, как сказал паук мухам.

Пару минут спустя они с Саттоном уже строили завербовавшихся на такшипы полицейских.

— Вот, значит, до чего дошло, — на ходу шепнул он Стэну. — Набираем чертовых легавых.

Стэн бросил на Алекса свой, лучше других отработанный, Командирский Взгляд.

— Жуткое дело война, правда?

Первый лейтенант Над Эстил был чудом, которое следовало бы держать под стеклянным колпаком. Он выглядел просто супер! Он звучал просто супер. Он был просто супер!

Эстил отдал Стэну идеальный, острый, как неизвестно что, салют, и каблуки его щелкнули, словно выстрел.

— Если это все, сэр...

Стэну не часто приходилось встречать такое совершенство. Эстил был офицером, невольно заставлявшим даже капитана чувствовать грязь на своем воротничке. Сравнение получалось особенно тягостным, потому что Стэн и Алекс щеголяли сейчас в промасленных рабочих комбинезонах. Они не планировали интервью с добровольцем. Это вышло както случайно — краткий перерыв в бесконечном техобслуживании корабля. И сейчас Стэну было так же трудно отпустить Эстила, как недавно в него поверить. Ну как разговаривать с ходячей рекламой военного Флота?

— Я с вами свяжусь, лейтенант, — наконец выдавил Стэн и едва удержал челюсть на месте при виде безукоризненного поворота кругом.

Эстил не прошел, а прямо-таки промаршировал к выходу, и Стэн с облегчением прислонился к переборке.

— Кто его послал? Этот лейтенантик небось чертов шпион или еще чего похуже. Такой красавчик не может, ну ни-

как не может, вызваться служить на маленьких и грязных такшипах!

— Он не шпион, — ответил Алекс, — а до сих пор служил у Дурмана. Спиндарец его проверил.

— Ну ладно, — кивнул Стэн. — Но ты посмотри его дело — благодарности, награды, поощрения... Идеальные характеристики от каждого офицера, под чьим началом ему довелось служить.

— Но не в боевых условиях, — напомнил Алекс. — С другой стороны, ни единого доброго слова от самого главного командира — Ван Дурмана.

— Эстил слишком хорош, — покачал головой Стэн. — Я ему не верю.

— У нас есть экипажи для всех четырех кораблей. Нам не хватает двух капитанов.

Стэн задумался. Он гадал: кем-то станет для него лейтенант Эстил — подарком небес или источником будущих ночных кошмаров? Кроме того, обладал ли Эстил...

— Удача, — сказал Алекс, словно читая мысли Стэна. — Интересно, сопутствует ли ему удача?

— Если бы я смог найти ему хорошего помощника... — пробормотал Стэн.

Откуда-то сверху донесся рев двигателей, и усиленный электроникой голос проревел:

— Эй вы, увальни деревенские, кончайте протирать штаны и лучше помогите даме.

Подняв головы, Стэн и Алекс увидели над собой ржавый корпус зависшего буксира. Его пилот уже подхватил один корабль и теперь пристраивался над «Гэмблом». Длинные тонкие механические руки отцепляли доковые крепления.

— Какого черта ты делаешь?! — заорал Стэн.

— А на что это похоже? — ответил сверху женский голос. — Тащу ваш корабль на стенд для проверки двигателей. По графику сейчас ваша очередь? Или ваш капитан держит это в тайне?

— Ты не можешь тащить два корабля сразу, — надрывался Стэн.

— Спорим? Да в хороший день, черт возьми, я таскаю и по три. Давай пошевеливайся с этим тросом!

Ошеломленные Стэн и Алекс сделали то, о чем их просили. С удивлением и восхищением они смотрели, как

женщина, ловко маневрируя буксиром, буквально за несколько секунд подцепила такшип и поволокла его прочь.

— Что-что, а водить эта девочка умеет! — заметил Алекс. — Давненько я не видел такого пилотажа!

Но Стэн его не слушал. Он уже со всех ног бежал за буксиром. К тому времени, когда он добрался до испытательных доков, «Гэмбл» уже занял свое место на рабочем стапеле.

— Эй, наверху, — заорал Стэн, — я поднимаюсь!

И, не дожидаясь разрешения, полез по спускающимся с буксира стальным сетям. Вскоре он уже втиснулся в крошечную кабинку пилота. Внешность женщины потрясала не меньше, чем ее незаурядные летные таланты. Она была высокой и стройной, с огромными карими глазами и длинными черными волосами, подобранными под пилотский шлем. Она весело и с интересом глядела на Стэна.

— Если ты всегда так приглашаешь девушек выпить с тобой пару пива, то ты, похоже, крутой парень. Я сменяюсь через два часа.

— Вообще-то, — смутился Стэн, — я пришел не за этим.

— Да? Слушай, а ты что за тип?

— Обычный капитанский тип, — сухо ответил Стэн.

Женщина явно была озадачена.

— Только не это, — простонала она. — Я и мой длинный язык! Похоже, моя работа только что вылетела в трубу. Какого черта! Я с таким трудом нашла это место.

— В таком случае, — сказал Стэн, — я жду тебя завтра в восемь часов утра. Хочу предложить тебе должность первого помощника.

— Ты шутишь? — Женщина явно не верила своим ушам.

— Нет. Работа тебя интересует?

— Вот прямо так? Первого помощника?

— Да. Вот прямо так. Только с этого момента тебе придется называть меня «сэр».

Женщина задумчиво покусала губу.

— Наверно, я смогла бы к этому привыкнуть.

— Сэр, — напомнил Стэн.

— Сэр, — кивнула она.

— Между прочим, как тебя зовут?

— Лиз. Лиз Тапия. О черт, я хотела сказать Лиз Тапия, сэр.

Так одним ударом Стэн решил и проблему с офицерами для «Ричардса», и свои сомнения насчет Эстила.

Вскоре вакантным оставалось одно единственное место — капитана «Клаггета», и это препятствие пока что казалось непреодолимым. Алекс и Стэн уныло глядели на несколько имен, венчавших список возможных кандидатур.

— Жалкое зрелище, — промычал Алекс. — Я бы не доверил им не то что боевой корабль, но и обыкновенный гравитолет.

С этим Стэн спорить не мог. И что еще хуже, отпущенное ему время быстро подходило к концу. Дурман не собирался делать поблажек молодому капитану. Его адъютанты, назойливые, как комары на болоте, требовали от Стэна непрерывных рапортов о положении дел и грозили самыми страшными карами. А Стэн чувствовал себя совершенно бессильным.

В дверь громко заскреблись.

— Войдите! — крикнул Стэн.

Короткая пауза, и скрип раздался снова, еще громче. Стэн вскочил на ноги.

— Какого черта... — начал он и нажал кнопку.

Дверь отъехала в сторону. Глазам Стэна предстал откровенный, чистой воды ужас, и он взвыл от радости.

— Какого черта ты тут делаешь?

— Слышала, ты ищешь капитана? — ответил ужас.

И Стэн упал в объятия, объятия и еще два раза объятия Ш'аарл'т.

ГЛАВА 31

Еще только проходя под витиеватыми воротами офицерского клуба, Стэн последними словами крыл себя за непроходимую глупость. За большим ухоженным садом, обрабатываемым, Стэн в этом не сомневался, бедными салагами, стояло роскошное здание клуба. Оно бы считалось шикарным даже по меркам Прайм-Уорлда: множество высоких белых колонн, переливаю-

щаяся многоцветная подсветка, над центральным корпусом — медно-желтый купол, издалека весьма похожий на золотой, во всяком случае, на позолоченный.

Стэн только зубами скрипнул, подумав, сколько кораблей можно было бы построить на эти деньги. До него доносился шум гуляющих братьев и сестер по офицерству. Смех почему-то казался слишком громким, веселые голоса — какими-то визгливыми.

Стэн чуть не повернул назад. Но потом он подумал — какого черта! Он пришел сюда отпраздновать готовность своих кораблей хорошим обедом и приличной выпивкой. Решено — надо выполнять, и Стэн пошел дальше. Кроме того, не могут же все до одного офицеры Дурмана оказаться идиотами? Наверняка найдется кто-то, с кем можно поговорить.

Стэн как раз проходил мимо большого дерева, когда из полумрака на него бросилась какая-то тень. Стэн повернулся, и нож привычно лег ему на ладонь. Он уже изготовился для удара, когда почуял странную смесь крепкого алкоголя и дорогих духов. Задержав удар, Стэн поймал нападавшего, и внезапно руки его оказались полны удивительной, женственной мягкостью.

Очутившаяся в объятиях Стэна молодая женщина слабо улыбнулась.

— Пришел меня обнять? — хихикнула она.

Это была Бриджит Ван Дурман, дочь адмирала. И она была в стельку пьяна.

Стэн отчаянно пытался поставить ее на ноги. Он старался, без особого на то успеха, избегать тех мест, которых касаться ему не следовало. Мысли его неотступно вертелись вокруг военных трибуналов и расстрелов.

— Что такое? — запротестовала Бриджит. — Ник-ик-гда не видел, что ли, как девушка вуть чипила? То есть чуть выпила?

— Пожалуйста, мисс Дурман... — бормотал Стэн.

Она безвольно повалилась ему на грудь. Стэн попытался удержать обворожительную ношу, но Бриджит, словно намасленная, выскользнула из его рук и упала на траву. Теперь ее почему-то охватил неудержимый смех.

— У нас ик!.. было сор-сор-соревнование. Кто боль-ик!.. больше вып-п-пит. Я победила.

— Заметно, — кивнул Стэн.

— Ему это не понравилось.

— Кому не понравилось?

— Он мой жених, — Бриджит вдруг стала очень серьезной. — Старина как-там-бишь-его. Рей. Точно. Рей Халдор. Моя единственная и верная любовь.

— Может, мне пойти поискать этого Рея? — предложил Стэн.

— Нет-нет! Он с папкой. Папочка тоже не любит, когда я пью.

Чертовское везенье. Лучше и быть не может. Так Стэн думал до тех пор, пока Бриджит не начала рыдать. Нет, она не заплакала тихо и печально, как подобает воспитанной леди. Она взвыла, подобно пожарной сирене. Стэн заметил, как из клуба высунулись первые любопытные.

— Давай, я отвезу тебя домой, — поспешно сказал Стэн.

Бриджит немедленно перестала плакать.

— Точно, — обрадованно закивала она. — Домой. И никто ничего не узнает.

— Вот и хорошо, — согласился Стэн. — Никто и не должен знать. Ну, вставай...

Ему потребовалось добрых пять минут, чтобы поднять Бриджит на ноги. Впрочем, он мог бы и не беспокоиться — все равно она каждые два шага снова падала на землю. Кончилось тем, что Стэн взял ее на руки и отнес к своему гравикару.

Он только-только загрузил девушку в кабину, как она заснула. Отрубилась окончательно и бесповоротно. Стэн чуть не сошел с ума от ярости. Из всех маленьких гнусных... Да ну все к бесу! Он и без нее узнает, куда лететь. Покопавшись в директории гравикара, Стэн отыскал адрес Ван Дурманов и включил автопилот.

По дороге представилась возможность как следует разглядеть Бриджит. Если бы не легкий румянец на ее щеках и не безвольно раскрытый рот, никто бы и не догадался, что она пьяна.

Ну напилась, и что? Стэн легко мог представить, что быть родственником Ван Дурмана — это тот еще подарочек. Значит, она решила повеселиться? Чего ж тут плохого? В конце концов, она имеет на это право, не так ли?

Во сне Бриджит казалась очень мирной, по-девичьи невинной и... Черт, держи себя в руках, Стэн. Ну и пусть она

красавица. Она еще и адмиральская дочка, об этом ты не забыл? И не думай ни о чем другом. Совсем не думай.

Когда они подлетели к дому, Бриджит все еще спала. В итоге Стэну пришлось на руках отнести ее в спальню и уложить в кровать. Потом он выключил свет, тяжело вздохнул и вышел на улицу.

У гравикара его уже поджидал взбешенный блондин в форме капитана. Последний раз Стэн видел его в шортах, рука об руку с Бриджит. Стэн, и не применяя дедуктивного метода, сразу понял, кто это такой.

— Вот ты где, дерьмо! Я покажу тебе...

Капитан замахнулся на Стэна кулаком — могучий аперкот, начинающийся где-то на уровне колен. Стэн легко отступил назад, и блондин, промахнувшись, чуть не упал.

— Вы, наверное, Рей Халдор. Жених Бриджит.

— Ты чертовски прав! — заорал Халдор, снова замахиваясь кулаком.

Стэн увернулся. Подняв руки, он тщетно призывал капитана к спокойствию:

— Послушайте, Халдор. Я тут ни при чем. Бриджит напилась. Я ее нашел. Отвез домой. И все. Больше ничего.

Размахивая руками, Халдор устремился в атаку. Стэн попытался снова увернуться, но один из ударов задел его по уху. Причем весьма болезненно.

— Ну ладно, идиот, — буркнул Стэн. — Получай.

Рука напряглась. Ладонь угодила точно в цель, и Халдор обнаружил, что лежит на спине, в пыли, глупо глядя на стоящего над ним Стэна.

— Ты... ты меня ударил, — воскликнул пораженный Халдор.

— И как же вы догадались, капитан? — притворно поразился Стэн. — Только встаньте, и я сделаю с вами что-нибудь похуже.

— Я хочу знать, как тебя зовут! Отвечай, ублюдок!

— Ублюдка, с которым вы разговариваете, зовут капитан Стэн. И я к вашим услугам.

— Мы с тобой еще встретимся, — пообещал Халдор.

— Нет проблем, — кивнул Стэн и сел в гравикар.

Он чуть не сломал приборную доску, набирая код, который вернет его домой. «Я просто в восторге, как ты знакомишься с новыми людьми, Стэн. Надо же, какой светский шик ты приобрел на Прайме!»

ГЛАВА 32

— Эй, шеф, по-моему, я что-то нашел, — воскликнул Фосс.

— Правильно обращаться «капитан» или «сэр», сынок, — не сдержался Килгур. Несмотря на долгие годы, проведенные в не слишком-то формализованном отряде Богомолов, он порой оказывался удивительным служакой. — И так не докладывают.

Но Стэн не стал дожидаться, пока Фосс переведет свою реплику на уставную воинскую речь. Он мигом подлетел к командному пульту — в крохотной рубке сделать это было совсем не сложно — и приник к экрану.

— Что ж, — протянул он, дожидаясь, пока бортовой компьютер определит, что это за точка, в каком секторе она находится и как далеко. — Мы что-то засекли. Хорошо бы не птиц.

Фосс покраснел.

Отряд Стэна уже три недели в полевых условиях отлавливал блох в корабельных системах. Спокойной минуты пока еще не выдавалось ни разу.

Соедините видавших виды бывших заключенных, полицейских без всякого опыта службы в армии, нетерпеливых новобранцев и не нюхавших боя офицеров. Теперь добавьте к этому корабли, сделанные по последнему слову науки и техники. Термин «по последнему слову науки и техники» легко расшифровывается любым инженером или техником с практическим опытом как «Тебе обещают все на свете, но на деле практически ничего не дают. В критической ситуации то, что тебе нужно больше всего, обязательно выйдет из строя». Такшипы класса «бакилей» идеально подтверждали это правило.

С тех пор как «Гэмбл», «Клаггет», «Келли» и «Ричардс» покинули базу на Кавите, Стэн и Алекс практически не спали. Сам взлет, плавное парение к верхним слоям атмосферы, представлял собой мучительное ковыляние к открытому космосу. АМ-2 на корабле Ш'аарл't, «Клаггете», не захотел включаться, и такшипам пришлось тащиться на стационарную орбиту на Юкавах. Потребовалось несколько часов прослеживания цепей, чтобы узнать: какой-то раздолбай-строитель

оставил между двумя фильтрами свою газету. Ее жирный заголовок гласил: «ИМПЕРАТОР НАКОНЕЦ ЖЕНИТСЯ?»

Замечание Стэна насчет птиц вовсе не было шуткой. Бортовые экраны идентифицировали одну из лун Кавите как антарктическое озеро. Бортовой компьютер подтвердил такое определение; что еще хуже, в графе «выбор оружия» он рекомендовал воспользоваться луком и стрелами. Разумеется, профессиональные параноики из кавитских полицейских сразу же усмотрели в этом вражескую диверсию. Стэн мог только печально качать головой. Если бы так! Он по своему опыту знал: чем совершеннее компьютер, тем более он оказывался расположен к черному юмору. Во всяком случае, у любого разумного существа это называлось бы именно так. Фосс всего за сутки сумел разобраться, в чем дело, и устранить неисправность.

Эрик Фосс оказался удивительной находкой. Начать с того, что именно он помог завербовать полицейских. По правде говоря, если бы не это, Стэн и Алекс наверняка не обратили бы на него внимания. Громадный краснолицый юноша, едва достигший призывного возраста, он успел несколько месяцев прослужить в кавитской полиции регулировщиком движения. Несмотря на свои габариты, этот парень вел себя так тихо, так спокойно, что временами казалось, будто он спит. Но баллы, набранные им в тестах по системам связи, выглядели просто невероятными. Стэн лично вновь протестировал Фосса, и результаты оказались даже лучше, чем было указано в личном деле. Будь Стэн суеверным, он бы решил, что Фосс экстрасенс. Вместо этого он назначил юношу командовать всеми коммуникациями своего небольшого отряда.

А «ловля блох» тем временем продолжалась. Пожарные раструбы перекосило, и они залили огневые позиции едкой пеной; топливопроводы оказались чуть ли не завязанными узлом; чтобы разобраться в работе камбуза, требовалась по меньшей мере ученая степень; а об аэраторах лучше было и не вспоминать.

С другой стороны, энергетические установки давали энергии даже больше, чем указывалось в спецификациях, наводка на цель происходила практически мгновенно, а пусковые испытания прошли как по маслу.

Как ни странно, экипажи довольно быстро набирали необходимую форму. Единственным печальным инцидентом

стала драка — бывший вор, поссорившись с бывшим полицейским из-за последнего куска соевого бифштекса, достал нож. Он думал, что на этом спор закончится, но бывший полицейский сломал ему руку в шести местах, нож в двух, а потом сообщил дежурному офицеру, что его товарищ, такой бедняга, споткнулся и очень неудачно упал.

И командиры тоже понемногу набирались опыта. Ш'а-арл'т на «Клаггете» практически ни в чем не уступала Стэну; другого, впрочем, он и не ожидал. Ламин Стикка на «Келли» был просто великолепен, и теперь Стэн понимал, как его род пережил всю эту чертову пропасть поколений сплошных воинов. Лейтенант Эстил на «Ричардсе» при помощи Тапии тоже держался молодцом. Он все еще предпочитал слепо следовать приказам, но Стэн надеялся, что это скоро пройдет.

По крайней мере, никто не влез под работающие дюзы и никто не протаранил одним кораблем другой. Стэн и Алекс, хотя и держались с видом «пока получается не очень, парни, попробуем снова», на самом деле были весьма довольны.

Вот только со сном были проблемы.

«Еще семь дней, — обещал сам себе Стэн. — А потом мы начнем отрабатывать посадку и выжидание в укрытии на самом миленьком, самом уединенном мирке, какой только можно найти».

В этот момент и прозвучал сигнал боевой тревоги. Изображение на экране сменилось текстовым сообщением:

«ОБЪЕКТ ИДЕНТИФИЦИРОВАН. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСКУССТВЕННОЕ. ОБЪЕКТ ЕСТЬ КОРАБЛЬ С АМ-2 ДВИГАТЕЛЕМ... ПРОФИЛЬ, КОНГРУЭНТНЫЙ ПРОФИЛЮ ОБЪЕКТА, В АРХИВЕ ОТСУТСТВУЕТ... КОРАБЛЬ НЕ ВЕДЕТ ПЕРЕДАЧ НИ НА ОДНОЙ ИЗ КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЧАСТОТ... КОРАБЛЬ ПО РЯДУ ПАРАМЕТРОВ РАБОТАЕТ В РЕЖИМЕ СТРОГОГО Э-М МОЛЧАНИЯ...»

Текст сменился контуром корабля. Стэн и Алекс не отрывались от экрана.

— Ну и урод, — пробормотал Алекс.

— Почище даже, чем «Сиенфуэгос», — кивнул Стэн. Он имел в виду тот, замаскированный под искателя руд, корабль-шпион, на котором они с Алексом как-то чуть не сложили головы во время службы в отряде Богомолов.

Алекс понял намек с полуслова.

— Эй, Фосс, окликни-ка его на аварийной волне.

Но прежде чем Фосс успел изменить частоту передатчика, на экране высветилось новое сообщение.

«ЗАКОНЧЕН АНАЛИЗ ИЗЛУЧЕНИЯ ДВИГАТЕЛЯ. ПО КОДУ ДВИГАТЕЛЯ КОРАБЛЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ТААНСКОЙ ИМПЕРИИ».

Стэн включил микрофон:

— Неизвестный корабль... неизвестный корабль... Говорит имперский такшип «Гэмбл». Вы находитесь в закрытом секторе. Повторяю, вы находитесь в закрытом секторе. Приготовьтесь к досмотру.

Не дожидаясь ответа, он через плечо Фосса переключился на межкорабельную связь:

— «Клаггет», «Келли», «Ричардс». Это «Гэмбл». Всем кораблям полная боевая готовность. Оружие к бою. Следовать моей летной схеме. Капитанам приготовиться к самостоятельным действиям. Это не учения. На огонь противника отвечать огнем. Повторяю, это не учения.

— Имперский корабль «Гэмбл», — пролаял приемник, — это «Бака». Не понял вашего последнего указания. Прием.

Снова изменение частоты.

— «Бака», говорит «Гэмбл». Повторяю. Приготовьтесь к досмотру.

— Говорит «Бака». Мы протестуем. Это гражданское экспедиционное судно, действующее в соответствии с установленными международными нормами. Если в наш курс закралась ошибка, мы готовы принять эскорт вплоть до пределов закрытого сектора. Мы не хотим никаких досмотров.

— Говорит «Гэмбл». Выходим на параллельную орбиту. Стыковка через восемь стандартных минут. Любые попытки избежать стыковки и уклониться от досмотра будут решительно пресечены. Передача закончена.

Стэн повернулся к Алексу.

— Мистер Килгур, вы пойдете со мной. Взять личное оружие. Еще четверо с виллиганами. Живо!

Может, экипаж «Гэмбла» еще и не до конца освоил летные маневры, но во взломах опыт у него был всем на зависть. Впрочем, вламываться никуда не пришлось. «Бака» послушно открыла наружный люк и вытянула переходной шлюз.

Два матроса с виллиганами наперевес застыли у входа. Еще двое встали по бокам Стэна и Алекса. Вместе они дви-

нулись по переходной трубе. На полпути все кругом чуть сдвинулось — отряд перешел из поля искусственной гравитации «Гэмбла» в поле «Баки». Внутренний люк таанского корабля медленно открылся.

Стэн ожидал криков и ругани. Вместо этого он столкнулся с тихим негодованием.

На палубе Баки их встретил человек, представившийся как капитан Деска. Он отлично держал себя в руках и тем не менее прекрасно давал почувствовать свою злость.

— Капитан... Стэн! Это ничем не спровоцированная агрессия. Я немедленно буду жаловаться моему правительству.

— И на каком, интересно знать, основании? — спокойно спросил Стэн.

— Вы задержали наш корабль лишь потому, что мы таанцы. Это откровенная дискриминация... Моя компания совершенно не интересуется политикой.

Моя компания? Простой капитан корабля вряд ли сказал бы «моя». Стэн решил, что врать этот капитан не умеет.

— Вы находитесь в закрытом секторе.

— Это ошибка! — возмутился Деска. — У нас есть все необходимые разрешения. Они в моей каюте.

Стэн вежливо улыбнулся. Что ж, будет очень интересно познакомиться с этими документами.

Деска провел Стэна в свою каюту. Коридоры корабля, в отличие от любого нормального экспедиционного судна, блистали безупречной чистотой. Встреченные по пути члены экипажа тоже ничем не напоминали бородатых холостяков, обычно вербовавшихся в далекие и долгие экспедиции. Нет, экипаж «Баки» составляли гладко выбритые, коротко подстриженные молодые люди. Причем все они носили одинаковые комбинезоны. Стэну не потребовалось много времени на изучение представленных документов. Отложив фиши, он встал из-за консоли в спартанской каюте капитана Дески.

— Как видите, — сказал Деска, — наше разрешение было запрошено лично Сулламорой. Если вы о нем не слышали...

— Я знаю, кто такой Танз Сулламора, — прервал его Стэн. — Если уж на то пошло, мы с ним даже знакомы.

Неужели Деска на миг растерялся? Или Стэну это только показалось?

— Вот и чудесно, — оправившись, радостно воскликнул таанец.

— Интересный у вас корабль, — как бы между прочим заметил Стэн. — Такой чистый...

— Грязи нет и не может быть извинений.

— Я тоже так думаю. Хотя, конечно, я-то человек не гражданский... И экипаж у вас обучен лучше, чем мой, — переменил тему Стэн.

— Спасибо за комплимент, капитан.

— Думаю, на самом деле вы не слишком-то мне благодарны. Властью офицера Империи, я беру этот корабль под арест. Любая попытка сопротивления аресту или невыполнения моих команд будет решительно пресекаться. Если потребуется, то и силой оружия. Вам предписывается под моим командованием проследовать к ближайшей базе Имперского Флота. В данном случае, к Кавите. Там вам будет предоставлена вся защита, на какую вы имеете право по законам Империи.

— Но почему, капитан?

Стэн коснулся пары кнопок на висящем у него на поясе устройстве.

— Вы действительно хотите знать, капитан Деска?

— Да, хочу.

— Ну, хорошо. Между прочим, я только что отключил мое записывающее устройство и включил блокиратор. Я полагаю, вы ведете запись всего, происходящего в этой комнате. То, что я сейчас скажу, не будет зафиксировано вашими устройствами. Это я вам гарантирую.

Капитан, я арестовал ваш корабль потому, что считаю его шпионским. Нет-нет, капитан, вы меня спросили, и я вам отвечаю. Ваши люди выглядят как военные моряки, как офицеры. Если бы я был подозрителен, я сказал бы, что вы сами — весьма крупная шишка в таанском военном флоте. А заявились вы сюда, чтобы разведать подходы к Кавите. Вы даже фальшивое разрешение припасли. На всякий случай. Ну что, капитан, разве я не прав?

— Это просто возмутительно!

— Конечно. Я тоже так думаю. И все равно вы арестованы. Между прочим, даже если вы убедите Кавите, что вы невиновны, невиновны и еще раз невиновны, прежде чем отпустить вас, мы все равно сотрем всю информацию, собранную вашими сканерами.

Адмирал Деска, заместитель командующего объединенного флота, возглавляемого леди Этего, с ненавистью глядел на Стэна.

— Вы крупно ошиблись, капитан. И поверьте мне на слово, я вам это еще припомню.

ГЛАВА 33

— Что вы сделали? — не сдержался Стэн.

Он даже не заметил, что забыл добавить «сэр». Впрочем, Ван Дурману сейчас не требовались лишние причины для негодования.

— Я не спрашивал вашего мнения, капитан. Я просто проявил любезность и лично сообщил вам мое решение. Но раз вы туги на ухо, я готов повторить. После внимательного изучения данного случая нашими офицерами под моим личным руководством было решено, что арест таанского научного судна «Бака» был ошибочным. Возможно, они и в самом деле случайно залетели в закрытый сектор, но капитан Деска заверил меня, что в их распоряжении имелись только устаревшие и не вполне точные карты.

— Сэр, вы лично видели эти карты?

— Молчите, капитан Стэн! Капитан Деска настоящий джентльмен, и я не вижу оснований не верить его слову.

Стэн, стоя по стойке «смирно», мрачно глядел на полированный стол Ван Дурмана.

— Я также передал наши извинения начальству капитана Дески и руководству его компании на Хизе, которая, как вам, несомненно, известно, является столицей Таанских миров.

И опять Стэн не сумел удержать язык за зубами:

— Сэр, всего один вопрос. Вы по крайней мере стерли записи корабельных сканеров?

— Разумеется, нет. Как бы они тогда добрались домой?

— Спасибо, сэр.

— Я еще не закончил. Вы, капитан, можете считать, что вам крупно повезло.

— Сэр?

— Офицерам и матросам 23-го Флота было бы стыдно, узнай они об этом прискорбном случае. А потому я, разумеется, не мог внести соответствующий выговор в ваше личное дело.

Перевод: Ван Дурман не сообщил об аресте таанского корабля на Прайм-Уорлд.

— И вот что еще я скажу вам, молодой человек. Когда вы только поступили под мое начало, я сильно сомневался в ваших способностях. Флот заслуженно гордится своими традициями. Наши офицеры — это прежде всего джентльмены. Вас, с другой стороны, воспитала армия. Такие, как вы, тоже, наверное, нужны, с этим я не спорю. Но с точки зрения Флота, вы, как офицер, ведете себя просто неподобающим образом.

Я надеялся, что тут, на Кавите, видя перед собой пример сослуживцев, вы исправитесь к лучшему. Но я ошибался. Вы не только избегали общества своих коллег, но и окружили себя, не преувеличивая можно сказать, настоящими отбросами нашей службы.

Пусть будет так. Вы вылезли из помойки... и предпочли в ней и валяться. Но при первой же возможности, капитан, при первой же вашей ошибке, я сломаю вас пополам. Я расформирую весь ваш отряд, а вас отдам под трибунал и, искренне надеюсь, сумею-таки отправить на тюремную планету в кандалах. Это все. Можете быть свободны.

Стэн отдал честь, четко повернулся и вышел из кабинета Ван Дурмана. Он выбрался из отеля и только в саду, прислонившись к толстому дереву, дал волю душившему его смеху. Адмирал Ван Дурман полагал, что смешал Стэна с грязью. Ему бы не мешало поучиться у самого вежливого сержанта в отряде Богомолов.

Отбросы военного флота в лице Стэна отправились обратно к своим кораблям. Стэну не только хотелось выпить; ему еще не терпелось узнать — Алекс наверняка в курсе, — что, черт возьми, означает «в кандалах».

ГЛАВА 34

— Шеф, мне кажется, вам надо выпить.

— И побольше, — кивнул Император. — Давай, Махони, тащи сюда стул и бутылку.

Смешивать напитки для Императора было проще простого. Следовало только взять бутылку того, что Император называл виски, и плеснуть немного на донышко бокала.

— Любопытно, — произнес Махони, осушив бокал и наливая себе новую порцию, — что так зудит у Сулламоры в дюзах? Он расхаживает по приемной с таким видом, будто вы только что национализировали его мать.

— Черт побери! — выругался Император. — Я уже шесть раз говорил Сулламоре, что не сомневаюсь в его невиновности. Разумеется, документы «Баки» были фальшивые. Я, кажется, растолковал ему все яснее некуда. Что же мне теперь каждый час ему об этом говорить?!

Махони удивленно приподнял бровь.

— Ладно, — вздохнул Император. — Похоже, когда ты уйдешь, мне снова придется чесать Танзу за ухом.

Дело было в аресте и последующем освобождении «Баки». Хотя Ван Дурман предпочел не подавать рапорта, один из агентов Махони, внедренный в штаб 23-го Флота еще в те времена, когда Ян заправлял Имперской разведкой, так называемым, подразделением «Меркурий», не поленился сообщить подробности.

— Первое, что мы должны сделать, сир, это разжаловать болвана Дурмана до палубной крысы третьего класса.

— Я никогда не понимал, — задумчиво проговорил Император, — становятся ли существа солдатами по врожденной глупости, или это форма превращает их в идиотов. — Он сделал глоток. — Шесть... сосчитай по пальцам, шесть кретинов в моем дурацком парламенте считают Дурмана величайшим флотоводцем со времен адмирала Нельсона.

— И вы оставите этого чудака заправлять 23-м Флотом?

— Разумеется, нет. Я соберу, крайне тщательно, огромную массу доказательств. В подходящий момент я отправлю на Пограничные Миры пару-тройку моих ручных депутатов. Вернувшись, они расскажут мне, как там все ужасно. Вот

тогда-то я, с большой неохотой, повешу Ван Дурману еще одну звезду и отправлю к черту на рога сторожить айсберги.

— Сир, боюсь у нас нет на это времени. И мой агент, и Стэн утверждают, что весь экипаж «Баки» состоял из военных моряков. Они и вправду собираются на нас напасть.

— Бросьте на минутку этого вашего Дурмана и наполните мой чертов бокал. А потом скажите мне, что я должен сделать. И нет, сразу вам говорю, я не дам согласия на упреждающий удар по Хизу.

— Это, — произнес генерал Махони, наполняя бокалы, — было одно из моих предложений.

— Не забывай, Ян. Я не начинаю войн. Я их только заканчиваю.

Махони мог лишь развести руками. Он уже не в первый раз выслушивал мнение Императора о том, что в войне не бывает победителей и что чем больше нация воюет, тем слабее она становится.

— Но как насчет этой войны, сир? Как насчет...

— Вы уже пробовали этот довод, генерал. Я все равно не разрешу разместить Первую гвардейскую на Пограничных Мирах. Сейчас мы стоим в каком-то миллиметре от войны с таанцами. И я буквально из кожи вон лезу, лишь бы она не началась. Я пошлю туда твоих громил, и — бах! — все кончено.

Махони тщательно обдумывал свои слова. Император мог считать его доверенным лицом, возможно, даже другом, но он все равно оставался Вечным Императором. Один неверный шаг, и можно отправиться сторожить айсберги вместе с Дурманом.

— Не обижайтесь, сир, но что, если нам не удастся остановить таанцев?

Император нахмурился, хотел что-то резко ответить, потом решил сперва допить виски. Подойдя к окну, он задумчиво оглядел дворцовый сад.

— Все бывает, — наконец произнес властитель. — Возможно, я теряю гибкость мышления.

— Значит, я могу...

— Нет, генерал. Никакой Гвардии. — Император еще немного подумал. — Когда, скажите мне, Гвардия в последний раз проходила курс тренировок в джунглях?

— Шесть месяцев назад, сир.

— Слишком давно. Мне стыдно за вас, Махони. Вы позволили им обленииться и заплыть жиром.

Махони даже и не протестовал. Он видел, что Император что-то придумал.

— Мне кажется, я владею милым кусочком бездонного болота в интересующей вас части Вселенной. Там во время Муэллеровских войн располагалась база нашего флота.

Подойдя к терминалу одного из императорских компьютеров, Махони запустил программу на поиск.

— Так точно, сир. Ишби-13. Необитаемая планета, если не считать некоторых весьма вредных тварей и обслуживающего персонала главной базы. Так, во всяком случае, записано в фише. Вы правы. Эта система лежит совсем рядом с Пограничными Мирами. Лететь туда... около недели.

— Может, хватит беспокоиться о Пограничных Мирах? Мы разберемся с милыми таанцами методами дипломатии. Я и посылаю-то вас на Ишби только затем, чтобы узнать, любят ли тамошние москиты ирландскую кровь. — Император внезапно стал серьезным. — Махони, это все, что я могу сделать. Сейчас мне просто не остается ничего другого.

И генерал-майор Ян Махони подумал, что стоит, пожалуй, проверить, все ли в порядке с его собственной страховкой.

ГЛАВА 35

Тридцать семь членов Таанского Совета молча слушали леди Этего, докладывающую о состоянии дел в системе Эрибуса. Жесткая деловая хватка высокородной дамы чувствовалась, несмотря на многие световые года, отделявшие ее от Хиза. Если леди Этего и склоняла перед кем-то голову, то лишь перед своим учителем, лордом Ферле, самым влиятельным членом Совета.

— ...таким образом, — говорила она, — подводя итог, можно заключить, что общая готовность Флота составляет шестьдесят процентов, горючего и других припасов — сорок три процента, оружия и амуниции — семьдесят один процент.

Ферле поднял палец, показывая, что берет слово.

— Один вопрос, леди. Некоторые члены нашего Совета высказывали опасения по поводу экипажей. Не могли бы вы объяснить нам, в чем здесь загвоздка?

— Мне это крайне неприятно, — призналась леди Этего, — но я могу дать только самые приблизительные оценки. По правде говоря, экипажи еще не достигли принятого у нас уровня.

— Приблизительная оценка нас вполне устроит, — кивнул Ферле.

— В этом случае я бы сказала, что у нас достаточно людей, чтобы сформировать минимальные экипажи на всех имеющихся судах. Некоторые, даже ключевые позиции, будут пустовать, но я надеюсь, что со временем мы решим и эту проблему.

— У меня тоже есть вопрос, леди, — подал голос новый член Совета полковник Пэстор.

С трудом сдерживая нетерпение, Ферле покосился на лорда Вичмана, но тот, едва заметно, покачал головой.

— Да, мой лорд?

— Сколько нам потребуется времени, чтобы довести Флот до полной готовности?

— Минимум два года, — не задумываясь, сказала леди Этего.

— В этом случае, — продолжал Пэстор, — члены Совета были бы рады выслушать ваше мнение. Как вам кажется, должны ли мы одобрить действия, обсуждаемые на текущем заседании?

— Этот вопрос выходит за пределы моей компетенции.

— И все-таки, как вы полагаете?

Леди Этего так и сверлила полковника взглядом.

«Отлично, — подумал Ферле. — Невинный, на первый взгляд, вопрос Пэстора не застал ее врасплох».

— Мой долг, глубокоуважаемый лорд, выполнять приказы Совета, а не пытаться угадать его решения.

Однако Пэстор так просто не сдавался.

— Совершенно справедливо, леди. Тем не менее, как командир нашего Флота, вы, несомненно, можете оценить наши шансы на успех в случае, если мы атакуем без промедления.

— Удовлетворительные, мой лорд.

— Всего лишь удовлетворительные?

— Разве таанцам этого мало, мой лорд?

Пэстор покраснел, а по залу заседаний Совета прокатился одобрительный шепот. Теперь Ферле решил вмешаться. Хотя старый полковник и надоел ему своими сомнениями, нарушать единство Совета не следовало.

— Спасибо, леди Этего. Пока с вами все. Через час мы сообщим вам наше решение.

— Благодарю, мой лорд.

Ферле нажал на кнопку, и изображение леди Этего исчезло с большого экрана.

— Должен сказать, — поднялся Вичман, — и думаю, ко мне присоединятся все члены Совета, что лорд Ферле сделал исключительно удачный выбор, назначив леди Этего командовать Флотом.

Члены Совета опять одобрительно закивали головами. Все, кроме полковника Пэстора.

— На вашем месте, лорд Ферле, — произнес он с какой-то странной улыбкой, — я бы как следует приглядывал за этой женщиной. Она слишком хороша для нашего спокойствия.

Пэстора порой понять было просто невозможно. Вот, например, сейчас. Ферле даже засомневался в правильности своего решения ввести Пэстора в Совет. Ладно, чего сейчас жалеть. Дело сделано. Кроме того, Пэстор был одним из крупнейших промышленников Таанского Союза и обладал невероятной способностью набирать крупные воинские отряды там, где и людей-то, на первый взгляд, уже не оставалось.

К тому же крайняя воинственность лорда Вичмана прекрасно компенсировала слабости Пэстора. Да, Ферле считал Вичмана одним из своих успехов. Пройдя весь путь от рядового до генерала, тот мог похвастаться практически всеми наградами, какими Таанский Союз только удостаивал своих героев. И что еще важнее, Вичман умел находить общий язык с массами. Ему каким-то чудом удавалось подвигнуть на жертвы даже вечно недовольных рабочих. Впрочем, никого особенно и не интересовало, как это у него получается. Главное был бы результат.

В прежние времена Таанский Верховный Совет наверняка бы сравнили с русским политбюро. Каждый его член представлял определенную сферу деятельности таанского общества. Все решения принимались единогласно и не подлежали дальнейшему обсуждению. По сути, голосования и не проводились.

Никогда за всю историю Совета разногласия в нем не становились достоянием общественности. Любой вопрос, прежде чем попасть в повестку дня, тщательнейшим образом обсуждался в кулуарах. В случае необходимости кто-то шел на компромисс, кто-то терял голову, но итоговый план уже не встречал возражений. Само заседание Совета являлось пустой формальностью.

— Значит, — подвел итог Ферле, — мы все согласны начать атаку на Империю.

Члены Совета закивали. Только Пэстор не пошевелился.

— Я все-таки не до конца уверен в правильности такой спешки, — сказал он. — Может, стоит обождать? Через пару лет Империя даже гавкнуть на нас не посмеет.

В зале воцарилась гробовая тишина. Все смотрели на Ферле, ждали, что он ответит.

Председатель Совета ничем не выдал своего раздражения.

— Мы уже это обсуждали. Чем дольше мы ждем, тем больше вероятность, что Вечный Император что-нибудь пронюхает. Тем больше кораблей они успеют построить. Нам не выиграть производственной войны с Империей. Ты-то, — Ферле в упор посмотрел на Пэстора, — лучше всех должен это понимать.

— Да, конечно. Но что, если операция не увенчается успехом? Мы рискуем всем нашим флотом! А если мы его потеряем? Что тогда? Снова под пятой Вечного Императора!

— Я не останусь в одной комнате с трусом! — взревел Вичман, вскакивая из-за стола. Лицо у него даже покраснело от ярости. Цокая каблуками, он пошел к выходу. Совет загудел, как растревоженный улей.

И тут Ферле громко стукнул кулаком по столу. В зале мигом воцарилась тишина. Вичман замер, словно каменная статуя.

— Господа! Вы что, забыли, где находитесь?

Он холодно осмотрел сидящих за столом членов Совета, и под его взглядом они как-то съеживались и начинали неловко ерзать в креслах. Потом Ферле поднял взор на Вичмана.

— Я уверен, что полковник просто неудачно выразился. Мы все знаем, что он не трус. — Ферле одарил генерала ледяной улыбкой. — Вы согласны со мной, мой лорд?

Понуро опустив плечи, Вичман вернулся на свое место.

— Я прошу прощения за грубость, — сказал он Пэстору.

— Я тоже прошу прощения. Мне еще так много предстоит узнать о работе Совета.

Напряжение в комнате спало, и Ферле решил, что пора заканчивать.

— Значит, решено. Атакуем немедленно!

Все собравшиеся поторопились высказать свое одобрение. И голос Пэстора звучал громче всех.

ГЛАВА 36

— Мистер Килгур, — произнес Фосс, мечтательно глядя на экран, — можно мне задать вам один вопрос?

— Валяй, парень, — Килгур посмотрел на часы. До конца вахты оставалось еще около часа. Что ж, разговор всегда считался прекрасным средством от скуки.

— Посмотрите на этих толстых торговцев под нами. Когда вы были молодым, вам никогда не хотелось стать пиратом?

— Знаешь, приятель, — хмыкнул Килгур, — у меня есть для тебя новость. Я *был* пиратом. Мой род — род потомственных бандитов. Вот так, дружище.

Фосс с сомнением покосился на Килгура. Он никогда не мог понять, когда тот говорит правду, а когда просто заливает баки.

Отряду Стэна было поручено сопровождать транспорты. Растущая напряженность на границе с Таанским Союзом резко сократила торговлю с Пограничными Мирами. Однако некоторые грузы все-таки приходилось везти через эти, ставшие смертельно опасными, сектора. Теперь корабли собирали в конвои и сопровождали вооруженным эскортом. Возле самой границы их усиливали кораблями Имперского Флота.

Сейчас под такшипами Стэна находились пять похожих на огромные бочки транспортов из флота Сулламоры, цепочка контейнеров с четырьмя тягачами, два наскоро вооруженных резервных крейсера и один древний эсминец, «Ниошо», из флота Ван Дурмана.

Для Стэна упорно оставалось загадкой, о чем думает Ван Дурман — если, конечно, тот вообще способен думать. Доблестный адмирал, похоже, предпочитал держать свои корабли на земле, а не в космосе. Возможно, он боялся забыть о них, потеряв из виду.

Впрочем, к маленькому отряду Стэна это не относилось. Ван Дурман оказался верен своему слову. Ему явно не терпелось как следует прищучить Стэна, и потому он без продыха гонял его на задания. Чем только не занимались «Клаггет», «Гэмбл», «Келли» и «Ричардс». Они и возили почту, и уточняли карты, и, как в этот раз, сопровождали конвои транспортов.

Хитрый замысел адмирала не больно-то пугал Стэна. Даже наоборот. Если бы Стэн сам хотел погубить чью-то карьеру, он бы уж постарался все время держать свою жертву в поле зрения и вовсе не давал бы подниматься с земли. А бесконечные полеты только позволяли Стэну лучше обкатать свои разношерстные экипажи.

Единственной проблемой был износ нежных двигателей такшипов. Если бы не гений Саттона, добывавшего куда больше запасных частей, чем полагалось по инструкциям, корабли Стэна уже давно исчерпали бы свой ресурс.

Как бы там ни было, сейчас четыре такшипа мирно дремали в позиции верхнего эскорта. Капитан «Ниошо» с легкостью согласился на предложение Стэна держать такшипы «над» конвоем, электронным зонтиком совершенных сенсоров прикрывая всю флотилию. «Ниошо» занял гордое место головного судна, и, насколько Стэн мог судить по межкорабельным переговорам, капитан и старшие офицеры эсминца тут же отправились кутить на идущий первым транспорт.

Стэн даже немного им завидовал. По слухам, корабли Сулламоры были весьма и весьма роскошны — их экипажи не больно-то жаловали спартанский быт.

Электронные глаза и уши такшипов работали на полную катушку. Слишком уж часто в этих секторах исчезали суда. Объяснений могло быть множество, торговцы никогда не отличались аккуратностью в сообщении своих координат; нельзя сбрасывать со счетов и несчастные случаи, и нападение пиратов. Но все равно оставался еще Большой Знак Вопроса.

Предположение о существовании пиратов мало кто принимал всерьез. Несмотря на многочисленные популярные

иллюзоленты, никто не мог бы разбойничать в космосе. Имперский контроль за АМ-2 быстренько положил бы конец любому рейдеру.

Но Вопросительный Знак оставался.

Через четыре дня после присоединения такшипов к конвою, Стэн получил ответ на свой вопрос.

Проревела сирена тревоги, и Стэн, бросив недописанным очередной отчет Ван Дурману, выскочил из каюты в командную рубку.

Конвой растянулся впереди и ниже такшипов. Один транспорт, как всегда, немного отстал и теперь тащился в самом хвосте колонны. А «снизу» и «сзади» к нему подбирались три неизвестных корабля. Стэн сверился с экраном оценки курсов. Через несколько минут транспорт окажется в пределах досягаемости потенциального противника.

Стэн привел все системы «Гэмбла» в боевую готовность. Одновременно он передал сигнал тревоги на остальные три своих корабля. Переключившись на, якобы, всегда открытый канал связи с конвоем и не получив ответа на свой вызов, Стэн тем не менее передал предупреждение об опасности.

«Внизу» воцарился настоящий хаос. «Ниошо» и первый транспорт летели, как летели, словно ничего и не услышали; развлекались там, похоже, весьма круто. Два других транспорта тут же начали маневрировать и в результате едва не столкнулись друг с другом. Третий транспорт вообще устремился куда-то в сторону. Цепочка контейнеров изогнулась, как громадный червяк, а капитаны буксиров разом принялись тянуть каждый в свою сторону. Отставший транспорт внезапно, и совершенно бесполезно, дал полный ход, и резервные крейсера разразились градом идиотских вопросов.

Но сейчас Стэну было не до них.

— Всем такшипам. Говорит «Гэмбл». Перейти на независимое командование. Разобрать цели. Прошу следить за моими попытками связаться с неизвестными кораблями. Разрешаю открывать огонь по усмотрению капитанов.

Стэн перешел на аварийную частоту, которую, по правилам, должны были прослушивать все без исключения суда.

— Неизвестные корабли... это имперский такшип «Гэмбл»... Кто вы такие? Измените траекторию, или будете атакованы.

Экран коммуникатора оставался темным. Килгур указал на фиолетовое свечение, сопровождавшее горящие на экране точки трех догоняющих конвой рейдеров.

— Сперва «Бака»... теперь эти клоуны. Мне кажется, таанцы что-то больно разыгрались.

На другом экране высветился компьютерный анализ трех вражеских кораблей.

— Дилетанты, — пробормотал Килгур. — Я думаю, это переоборудованные патрульные суда. Вооружения у них — только-только справиться с транспортом. Ну и отряд для штурма и захвата.

Фосс завороженно глядел на Килгура — может, этот тип с Эдинбурга и в самом деле раньше был пиратом.

— Такшипам можно атаковать, — приказал Стэн. — Огонь вести на поражение.

Килгур перевел «Гэмбл» на боевую орбиту, а рейдеры явно ничего не замечали. Все их внимание, похоже, было обращено на плетущийся в хвосте каравана транспорт.

— Выбор оружия, сэр?

— Мы не станем тратить на них «Кали». Дайте мне отсчет по дальности для «Гоблина».

Килгур поглубже надвинул контрольный шлем.

— И шесть... и пять... и четыре... и три... и два... и один. «Гоблин» пошел.

Первый рейдер даже не узнал, что с ним приключилось. Он просто-напросто исчез. Второй и третий бросились врассыпную. Один, сделав крутой разворот, решил спасаться бегством. Стэн поглядел на индикатор — любой из такшипов был по меньшей мере на треть быстрее, чем этот рейдер. Третий корабль, похоже, с более умным капитаном, выпустив пару ракет, кинулся к транспорту, рассчитывая, вероятно, спрятаться в его тени.

— «Клаггет», «Келли», «Ричардс», — приказал Стэн. — Хотите снять для меня беглеца? Я возьму на себя того, что похитрее.

— Вас понял, «Гэмбл», — раздался в динамиках спокойный голос Стикки. — Вы всегда выбираете то, что поинтереснее.

— Между прочим, «Келли», постарайтесь раздобыть парочку пленных. И может, вы подсчитаете мне, откуда взялись эти парни?

— Попробуем. Конец связи.

Пока Стэн разговаривал с капитанами, Алекс запустил три антиракеты типа «Фокс» и через несколько секунд уже наблюдал два весьма впечатляющих взрыва.

— Приближаемся... приближаемся... — монотонно бубнил Фосс.

— Неизвестный корабль, говорит имперский такшип «Гэмбл». Немедленно выключите двигатели!

Никакого эффекта.

— Глупышка, — покачал головой Алекс. — Ему бы следовало пальнуть по транспорту в надежде, что мы мягкосердечны и, бросив его, кинемся спасать команду торговца... «Гоблин» пошел. Что толку говорить с идиотами... Попадание... Готов.

Второй рейдер превратился в облачко быстро расплывающегося радиоактивного газа.

— «Гэмбл», говорит «Клаггет». Рейдер уничтожен. Уцелевших нет.

— Всем такшипам. Говорит «Гэмбл». Вернуться на прежнюю орбиту.

— «Гэмбл», это «Ниошо». Что происходит?

Вопрос прозвучал, надо сказать, довольно жалко.

Фосс совершенно разумно не стал отвечать на радиограмму с эсминца. Пусть подождут, пока Стэн и Алекс придумают ответ, за который Ван Дурман потом не отдаст их под трибунал.

ГЛАВА 37

Стэн очистил поверхность рабочего стола, включил усилители и подсел поближе. Он решил, что не позволит испортить себе этот вечер. Выдалось редкое время, когда можно спокойно заняться своим хобби.

Стэн выписал экипажам такшипов увольнительные на двадцать четыре часа. Теперь он был свободен. Плеснув в бокал немного стрегга, капитан поболтал кристально чистый напиток и сделал маленький глоток. Жидкое пламя потекло по его жилам.

Вздохнув в предвкушении удовольствия, Стэн достал из-под стола маленький черный чемоданчик, щелкнул застежками. Внутри лежала дюжина с небольшим крошечных карт,

исписанных невидимыми глазом компьютерными уравнениями. Стэн давно уже увлекался построением голографических моделей древних фабрик и заводов. Одна карта, например, содержала в своих микросхемах целую лесопилку начала двадцатого века. Крутились колеса, вгрызались в бревна пилы, крошечные рабочие занимались каждый своим делом — все точно так, как это и было сотни лет тому назад. Стэн смастерил лесопилку за время службы на Прайм-Уорлде.

В летной школе он начал свою последнюю работу. На сей раз Стэн решил создать голографическую модель староанглийской плантации хмеля. Он вставил карту в щель и включил компьютер. На столе возникли маленькие фигурки крестьян, обрабатывающих поле. Порывшись в архивных фишах, Стэн узнал, что хмель, используемый в те времена для приготовления пива, выращивали на высоких трехногих опорах. С наступлением осени крестьяне убирали урожай и в помощь себе приглашали мужчин и женщин со всей страны. Хмель вырастал таким высоким, что собирать его приходилось на ходулях.

Пока что создание Стэна состояло из поля зрелого хмеля, части работников и запряженных ослами повозок для вывоза собранного урожая. До завершения оставались еще месяцы и месяцы кропотливого труда.

Нажав несколько клавиш, Стэн вызвал незаконченное изображение повозки и, взяв световое перо, приготовился рисовать. К чертежу следовало кое-что добавить.

И тут в дверь негромко постучали. Стэн даже рассердился. Какого черта! Он же, кажется, ясно просил его не беспокоить.

— Войдите!

На пороге стоял весьма перепуганный солдат.

— Прошу прощения, сэр, но... — он даже заикался от волнения, — но... там... сэр, к вам пришла леди.

— Пусть это даже сама королева... Ладно. Кто такая?

— Думаю, это дочь адмирала Ван Дурмана.

Черт возьми! Именно то, чего ему не хватало. Уж без этой пьянчужки он мог бы и обойтись.

— Скажи ей, что меня нет.

Солдат повернулся, заколебался, а потом снова обернулся к Стэну. Он протянул капитану розу и перевязанный цветной лентой пакетик.

— Она велела, сэр, передать вам это, — словно прыгая в холодную воду, выпалил солдат. — И передать, что она просит прощения... Я... Я думаю, сэр, она сразу поймет, что я вру. Это... когда я скажу ей то, что вы велели мне ей сказать.

Сжалившись над несчастным часовым, Стэн принял подарки.

— Я сейчас выйду.

Отложив розу в сторону и глотнув для храбрости стрегга, он раскрыл пакет. Внутри лежала маленькая компьютерная карта — точь-в-точь, как те, что он использовал. Это еще что за новости?.. Стэн вставил карту в свой компьютер, и на поверхности стола появилась крошечная трехмерная модель старой башни. Точная копия амбаров, использовавшихся на древних плантациях хмеля! Откуда она только узнала?

Как на это ни посмотри, лучшего извинения, наверно, и не придумать.

Они отобедали в одном из самых фешенебельных ресторанов Кавите. Бриджит Ван Дурман настояла, что платить будет она.

В первый момент Стэн даже не узнал ждущую его женщину. В последний раз, когда он видел Бриджит, она была пьяной, с капризной гримасой на губах. На сей раз капризное выражение исчезло без следа, оставив только широко раскрытые глаза и беспокойную улыбку.

— Отчасти я даже надеялась, что тебя нет, — тихо сказала Бриджит. — Я не больно-то умею извиняться. Особенно лично.

— По-моему, у тебя получается просто великолепно.

— Ты имеешь в виду мой амбар? Это было совсем не трудно. — Девушка небрежно махнула рукой. — Я просто посоветовалась с твоим другом.

Так вот почему Алекс ушел в город этим вечером, вот почему он так многозначительно ухмылялся, и хмыкал, и толкался локтем в бок!..

— Наверно, он и сказал тебе, что я собираюсь остаться на борту? — спросил Стэн.

Бриджит рассмеялась.

— А что, это такая страшная военная тайна?

Стэн посмотрел на длинные струящиеся волосы, на гибкое стройное тело девушки.

— Нет, — ответил он. — Наверно, нет...

Капитан проводил ее до гравитолета, и эта короткая прогулка каким-то непонятным образом переросла в долгий разговор, который им обоим очень не хотелось заканчивать. Где-то на полпути они решили вместе пообедать. А потом отправились в ресторан, кухне которого, по мнению Стэна, могли бы позавидовать даже Марр и Сенн.

Это было экзотическое кафе на открытом воздухе, обосновавшееся на краю частного летного поля. В центре располагался садик, где посетители могли посидеть в тишине и покое, немного выпить и побеседовать, пока официанты собирали заказанные корзинки для пикника. Вокруг садика бесконечным хороводом кружилось множество небольших, непрозрачных снаружи шарообразных кабинок. В каждой с комфортом могли разместиться два гостя и корзинка с деликатесами.

Стэна не удивило, что Бриджит заранее заказала места. Они около часа прождали в садике — разговаривая, потягивая пиво и следя за тем, как похожие на разноцветных светлячков кружатся вокруг кабинки. Стэн в меру способностей рассказал Бриджит о себе. С внезапным смущением он обошел годы, проведенные в отряде Богомолов. Он так привык тут врать, что и сам уже начинал верить в свою «легенду». Странно, что теперь, ни с того ни с сего, она вызвала у него какой-то дискомфорт. Может, дело в теплой тихой ночи и охлажденном вине?

А Бриджит в красках описывала свое детство, в котором она, пока ее отец рос в чинах, вдоволь налеталась по звездным системам. Напрямую девушка этого не говорила, но у Стэна сложилось впечатление, что ее смущает та пышность, с которой Ван Дурман обставил свое «правление» 23-м Флотом. И от этого, похоже, она чувствовала себя виноватой.

В конце концов гостей пригласили в их собственный шар. Крыло входа мягко закрылось, и они взлетели, вливаясь в карусель других пирующих. В корзинке оказалось более сотни королевских яств — все нарезанные на удобные кусочки «на один укус». И все-все разные.

Бриджит поведала Стэну оставшуюся часть своей истории. Разумеется, у нее был любовник.

— Мне кажется, — сказала она, — это был самый красивый мужчина, какого я только встречала... Пойми меня пра-

вильно. Он не щеголял накачанными мускулами, вовсе нет. Стройный, жилистый и смуглый... — Она помедлила. — Он был таанцем.

И тут Стэн все понял. Дочь адмирала и ее любовник таанец. Стэн прекрасно представлял, что сделал Ван Дурман в этой ситуации. Тут наверняка не поздоровилось обеим сторонам. А еще Ван Дурман из кожи вон вылезет, чтобы его дочь не скоро забыла о своей ошибке.

— У меня только один вопрос, — сказал Стэн.

— О Рее?

— Ну да, Рей. Насколько я понимаю, вы обручены.

— Рей думает, что мы обручены. Отец знает, что мы обручены. Но что до меня... — Она пожала плечами, задумчиво глядя на горящие вдали огни Кавите.

— Да?

Бриджит рассмеялась.

— Я считаю, что Рей полное дерьмо.

— И что же ты намереваешься делать?

Бриджит откинулась на мягкую спинку дивана, протянувшегося вдоль одной из стенок шара.

— Пока не знаю. Буду играть, как смогу. Пока не подвернется что-нибудь получше.

Это Стэн уже слышал. И не раз.

— Мне казалось, что прекрасные принцы несколько вышли из моды, — заметил он.

Бриджит прильнула к его боку. В притворной умильности моргая длиннющими ресницами, она снизу вверх посмотрела на Стэна.

— Ах, сэр, — проворковала девушка, подставляя губы для поцелуя, — я вовсе не верю ни в каких принцев.

Мгновение спустя они уже целовались, и Бриджит опустилась на диван. Ее платье соскользнуло на пол, открыв нежную кожу цвета слоновой кости. На ней остался лишь крохотный клочок шелка между ног, удерживаемый на месте обвившейся вокруг талии тонкой золотой цепочкой.

Стэн нежно коснулся губами восхитительной мягкости ее живота. А потом осторожно расстегнул цепочку.

ГЛАВА 38

— Говорит имперский такшип «Гэмбл». Прошу разрешения на посадку.

Видеосигнала с планетоида не поступало, но и без него Стэн представлял, как вылупился оператор там, внизу, услышав подобный запрос.

— Говорит Ромни. Вас не понял.

— Говорит «Гэмбл», — терпеливо повторил Стэн. — Я хочу приземлиться на вашей преступной куче дерьма.

— Ждите.

Долгое-долгое молчание.

— Я думаю, Стэн, ты слишком любезничаешь с этими ублюдками.

— Может, и так.

Наконец динамик снова ожил:

— Имперский корабль, это Ен Вайлд. Насколько я понял, вы просите разрешения на посадку.

— Совершенно верно.

— С каких это пор Империя стучит в двери вроде нашей?

Килгур облегченно вздохнул.

— Ты был прав, парень. Теперь дело пойдет.

— Говорит «Гэмбл». С тех пор, как мы захотели с вами торговать.

— Торговать? Я вижу только один корабль.

— Справедливо, сэр Вайлд.

— Посадку разрешаю. Следуйте по навигационному лучу. Хотел бы я чем-то вам пригрозить, если вы врете... Однако наш с вами разговор записывается, и я имею право на адвоката, юридическую консультацию и все такое прочее...

Под конец голос звучал уже совсем неуверенно.

— Интересно будет, если вы все-таки сказали правду, — чуть оправившись, продолжил Вайлд. — Я вышлю к вам транспорт. Он доставит вас в мой отсек. Конец связи.

Ен Вайлд был та еще штучка. Как, впрочем, и его планетоид. Ромни находился в глубоком космосе, там, куда еще не дотянулись длинные руки сильных мира сего. Много поколений тому назад здесь воздвигли ретрансляционную станцию. С тех пор технология шагнула далеко вперед, ретрансляционные

станции безнадежно устарели, и планетоид оказался заброшенным — пока у него не появились новые хозяева.

Стэну пришлось порядком потрудиться, прежде чем он нашел Ромни. Если уж на то пошло, исходная идея принадлежала Килгуру.

— Знаешь, приятель, о чем я думаю? — как-то раз спросил он. — В любом тоталитарном государстве, например, в таком, как у таанцев, всегда найдутся свои нарушители. Такова уж человеческая природа. Я прав?

— Мы достаточно повидали всякой мрази, когда были на Хизе, — кивнул Стэн.

— Рад, что ты со мной согласен. Но если у таанцев есть сутенеры и разбойники, то почему бы не быть и контрабандистам?

Стэн мигом понял, на что намекает его друг.

Выбравшись за пределы Пограничных секторов, такшипы зависли в пространстве, молча следя за полетами одиноких кораблей. Собранные данные не пересылались в развед-отдел 23-го Флота — Стэн знал, что сразу же получит приказ разобраться с нарушителями. Со временем данных накопилось столько, что стало возможным даже строить некоторые прогнозы. Контрабандисты действительно существовали. И действительно, летали в контролируемые таанцами сектора. И, наконец, они действительно имели базу — по сути, скорее даже и не базу, а перевалочный пункт, где хранились предназначаемые таанцам товары.

Но бывают контрабандисты — и контрабандисты. Захватив несколько судов, направлявшихся к Ромни, Стэн проверил груз и допросил экипажи. Получив необходимые ответы, он высадил пленных со всеми припасами, но, разумеется, без средств связи, на далекую от торных путей планету. Теперь он во всеоружии мог поговорить с тем, кто руководил подпольными операциями. Судя по всему, таким человеком был Ен Вайлд.

Стэн по-разному представлял себе самого главного контрабандиста — от чертовски толстого, укутанного в роскошные одеяния сибарита до тощего неврастеника. Чего он никак не ожидал, так это что Ен Вайлд будет выглядеть, как самый заурядный клерк из давным-давно расформированного Имперского Статистического Бюро.

А еще Стэн не ожидал, что штаб Вайлда больше всего будет напоминать биржевой зал. По первому впечатлению, Ен мог бы вполне успешно занять место главного распорядителя громадной торговой империи Сулламоры.

Вайлд предложил Стэну и Алексу выпить, но, похоже, не удивился, когда они отказались. Сам он то и дело прихлебывал из большого стакана какой-то совершенно прозрачный напиток. Стэн сильно подозревал, что это простая вода.

— Вы хотите торговать, — наконец произнес Вайлд. — Чем?

— Ты видел мой корабль.

— Видел. Он выглядит весьма внушительно.

— Но он не слишком комфортабелен.

— Разве адмирал Ван Дурман не снабжает вас всем необходимым? — с деланным удивлением спросил Вайлд.

Стэн предпочел не отвечать на этот вопрос.

— С чего вы решили, что я могу вам чем-то помочь? — продолжал Вайлд.

Стэну уже надоело ходить вокруг да около, и он протянул Вайлду список грузов с захваченных им кораблей. Ен надолго замолчал, погрузившись в изучение объемистых документов.

— Допустим, что я и в самом деле имею какое-то отношение к этим грузам, — после долгого молчания сказал он. — И допустим, что в некотором смысле я мог бы оказывать эквивалентные услуги и вашим судам. Короче, какую долю прибыли вы хотите получить?

Килгур вскинулся так, будто его ударили. Стэн успокаивающе положил ему руку на плечо.

— Не угадал, Вайлд. Плевать я хотел на ваши прибыли.

— Ого-го...

— Теперь моя очередь. Я захватил ваши суда лишь для того, чтобы убедиться: не переправляете ли вы таанцам оружие, двигатели или горючее. Теперь я знаю, что тут вы чисты.

Предположение Стэна, казалось, по-настоящему шокировало Вайлда.

— Чем я горжусь, капитан, — с подкупающей искренностью сказал он, — так это что никогда не связываюсь ни с

какой военной контрабандой. Но если я могу доставить людям, имеющим средства, какие-то мелкие вещи, делающие жизнь более приятной, причем не заставляя моих клиентов связываться с дурацкими таможнями и запретами... Тут, на мой взгляд, нет ничего плохого.

— Спасибо, сэр Вайлд. Мы будем с вами не менее откровенны.

План Стэна и Алекса отличался исключительной простотой. Наблюдая за контрабандистами, они заметили, что одни и те же корабли многократно приникают и покидают контролируемые таанцами районы. А значит, они нашли орбиты, не пересекающиеся с многочисленными таанскими патрулями. Раз они не торговали ни оружием, ни горючим, сам факт контрабанды Стэна интересовал как прошлогодний снег. Таанцы платят контрабандистам наличными — значит, часть денег не будет потрачена на их собственных планетах. Может быть, это, пусть и совсем чуть-чуть, но повредит и так не больно-то стабильной таанской экономике.

Предложение Стэна было простым. Он хотел получать всю военную информацию, какой только могли обладать люди Вайлда. Взамен, до тех пор пока те не касались оружия, он готов был оставить контрабандистов в покое.

— Мне это не нравится, — хмуро покачал головой Вайлд.

— Но почему?

— Слишком уж вы честные.

— Я же сказал, — усмехнулся Стэн, — что, кроме информации, нас еще интересует и торговля. Вот тут-то мы вас и надуем.

Вайлд облегченно вздохнул.

— Это уже лучше, — кивнул он. — Но мне надо будет поговорить с моими капитанами.

— Только говори поосторожнее, — посоветовал Килгур. — Если эти новости дойдут до таанцев и нам подстроят ловушку...

— В моей осторожности можете не сомневаться, — усмехнулся Вайлд. — Я занимаюсь контрабандой вот уже полвека, и пока еще никто не подбирался ко мне так близко, как вы. — Он встал. — Я не думаю, что возникнут какие-то сложности. А теперь давайте посмотрим схемы траекторий и выберем наиболее удобное место встреч.

ГЛАВА 39

— Мне почему-то кажется, что мы заблудились.

— Это просто глупо! Мы с тобой с блеском закончили школу навигации. Так как же мы можем заблудиться в какой-то паре кликов от ворот базы? Дай-ка мне еще разок взглянуть на карту.

Стэн и Алекс вновь склонились над картой города Кавите. Остальные члены экипажа стояли рядом и изо всех сил старались не смеяться слишком громко над своими озадаченными командирами.

— Ладно, еще одна попытка, — решил Стэн. — На юг по Имперскому бульвару...

— Так мы и шли.

— Налево у Дислера...

— Есть.

— Потом направо у Гаррета...

— Согласен.

— Теперь мы должны увидеть перед собой небольшую аллею, идущую прямиком к авеню Бурнс. Так, во всяком случае, получается по карте.

— Значит, эта чертова карта врет. Тут нет такой улицы!

Проблема заключалась в том, что улицы Кавите представляли собой настоящий лабиринт, совсем как в древнем Токио. К тому же таблички с названиями улиц давным-давно посбивали местные хулиганы.

А начиналось это путешествие вполне невинно. Стэн решил наградить своих людей за отличный и тяжелый труд хорошим обедом. Он предложил им выбрать любое заведение — и плевать на расходы! Узнав решение экипажей, капитан был несколько удивлен. Практически единогласно они решили провести время в таанском ресторане. Большинство при этом предпочитало заведение под романтическим названием «Лес Дождей». Ресторанчик находился далеко на окраине и славился самой острой таанской пищей в городе.

Стэн ничего не имел против подобного решения, но ему было крайне любопытно.

— Почему именно таанская кухня? Что плохого в местных блюдах?

Его вопрос был встречен таким оханьем, что сразу стало понятно: лучшие местные деликатесы колеблются между «пресно» и «жирно». Итак, решено: все идут в «Лес Дождей». В последний момент у Стэна и экипажа «Гэмбла» возникло одно неотложное дельце на борту, и им пришлось чуть-чуть задержаться. Договорились, что они присоединятся к своим товарищам уже в ресторане.

Стэн был откровенно шокирован, когда увидел центр города. Имперский бульвар начинался как широкая чистая улица, тянущаяся мимо первоклассных магазинов, отелей и сверкающих рекламой контор. Но потом он превратился в... как бы это назвать... в поле боя, что ли. В мостовой зияли огромные дыры. Половина магазинов были или наглухо заколочены, или сожжены. Вдоль тротуаров тянулись выгоревшие остовы машин. Люди на улицах, за исключением отрядов полицейских в полном боевом облачении, едва завидев экипаж «Гэмбла», поспешно прятались по темным углам.

— Какого черта тут творится? — поинтересовался Стэн.

Фосс, бывавший на улицах города значительно чаще всех остальных, без труда объяснил, в чем, собственно, дело. Когда забили военные барабаны таанцев, местные жители начали нервничать. Причем, чем дальше, тем больше. Сперва понемногу, потом все больше и больше, бросая свои дома и бизнес, они начали уезжать. Вскоре безработица стала почти поголовной. Одновременно резко возросло количество уличных банд. Таанский район города превратился в охваченное непрерывными боями гетто.

— Ты хочешь сказать, что наш ресторан стоит посреди зоны боев?

— Что-то в этом роде, сэр.

— Чертовски интересно. В следующий раз мы будем есть все пресное и жирное.

Но делать нечего, надо было идти дальше. Оставалось только полагаться на проклятую карту, которая, по выражению охранника у ворот базы, «точна, как система наведения ракеты». Сейчас Стэн с наслаждением думал о том, каким образом он добьется перевода того часового в вечные уборщики гарнизонных сортиров.

— Наверно, мы где-то не туда повернули. — Стэн со вздохом передал Алексу карту. — Вернемся к Дислеру и попытаемся снова.

Экипаж «Гэмбла» дружно застонал.

— Да к тому времени, как мы заявимся, они там все сожрут, — печально сказал Фосс. Тут только он вспомнил к кому обращается. — Прошу прощения, сэр.

— А если не возвращаться, то что же делать? Какие будут предложения?

— Я готов рассказать очень интересную историю о пятнистых змеях, — с надеждой в голосе предложил Алекс. — Просто так, сэр, чтобы поднять настроение.

Прежде, чем Стэн успел вцепиться Алексу в горло, из-за угла вышла девушка. Никогда еще Стэну не приходилось видеть на человеческом существе столь грязного и одновременно столь откровенного костюма. В отличие от всех остальных прохожих, девушка не кралась в тени и не пряталась при каждом подозрительном шорохе. Нет, эта труженица улиц шла открыто, смело и спокойно. У нее на поясе болтался громадных размеров пистолет.

— Гм-м... Простите, мисс?..

Девица окинула Стэна оценивающим взглядом. Затем посмотрела на столпившихся у него за спиной матросов.

— Ты, парень, спятил! — возмутилась она. — Я не возьму вас всех сразу, ни под каким соусом! Да я же неделю потом не смогу работать!

— Нет, нет, — запротестовал Стэн. — Вы меня неправильно поняли. Мне просто нужна помощь.

— Я в этом и не сомневалась.

В конце концов Стэну удалось заставить ее слушать, хотя для этого ему пришлось помахать у нее перед носом пачкой кредиток. Он изложил свою проблему. Девица, качая головой и поражаясь непроходимой тупости военных, указала на полуобвалившуюся арку за обугленным остовом гравитолета:

— Вам туда. Потом налево, опять налево, а там не ошибетесь.

Десять минут спустя они уже поднимали пенящиеся кружки в «Лесу Дождей», изо всех сил стараясь догнать своих товарищей.

«Лесом Дождей» ресторан назвали неспроста. Под его небольшим куполом и в самом деле находился настоящий лес. Столики стояли между деревьями, возле ласково шумящих водопадов. Откуда-то дул теплый мягкий ветерок, вокруг порхали мелкие птички и большие пестрые бабочки. Владельца

заведения звали Тайге. Этот добрый пожилой таанец, похоже, искренне наслаждался удовольствием, какое его еда доставляла многочисленным посетителям.

Меню было не менее экзотичным, чем сам ресторан. Блюда варьировались от слегка острых до обжигающих. Их полагалось запивать большим количеством мягкого таанского пива.

Похлопав себя по надутому, как барабан, животу, Стэн тяжело откинулся на спинку стула.

— Еще удин кусочек, — простонал он, — и я лопну.

— Что с вами, капитан? Потеряли форму? — Весело ухмыляясь, Лиз навалила полную тарелку всякой съедобной всячины.

— И куда в тебя только лезет? — поразился Стэн.

Он не шутил. С трудом верилось, что в такую стройную женщину может влезть такое неимоверное количество еды.

— Вы поверите, сэр, если я скажу — в деревянную ногу?

Сегодня Лиз была в гражданском: надела пару снежно белых шорт, самых коротких в этом секторе Вселенной, и нечто этакое сверху, едва прикрывающее ее маленькую крепкую грудь. Ноги у нее были длинные, стройные и загорелые. Стэн не мог не восторгаться ими.

— Нет, — он покачал головой, — в деревянную ногу я поверить не смогу.

Поймав себя на вовсе не подобающих командиру мыслях, Стэн густо покраснел. Лиз заметила его румянец и улыбнулась. Она знала, о чем думает ее капитан. Легонько потрепав его по руке, девушка вежливо отвернулась к Стикке. Стэн понял, что каким-то образом его только что спасли, и за это еще больше полюбил Лиз.

Вдруг снаружи раздались крики и какой-то грохот. Подняв глаза, Стэн увидел, как в ресторан вбежала насмерть перепуганная молодая пара. Лицо мужчины было залито кровью, одежда на женщине разорвана. В мужчине Стэн сразу признал таанца.

В дверь ударили чем-то тяжелым, и пластик затрещал.

— Давай их сюда! — орали на улице. — Чертовы таанцы, путаются с нашими бабами!..

Тайге показал паре на запасной выход, и те опрометью бросилась туда. Но в этот миг входная дверь рухнула, и в зал ворвались четверо дюжих молодцов. Один из них держал в руках увесистую дубинку. Заметив свои жертвы, они радост-

но взвыли и устремились вдогонку. Тайге, хотевший их остановить, рухнул на пол, сбитый тяжелым ударом кулака. Молодого таанца и его спутницу оттеснили в угол.

— Сперва мы разделаемся с тобой, ты, кусок дерьма, — сказал один их хулиганов. — А потом примемся за твою шлюху.

— Ребята, вы мешаете нам обедать, — раздался у них за спиной спокойной голос.

Повернувшись, четверка увидела перед собой Алекса и Стэна.

— Вы можете уйти, — продолжал Стэн, — только сперва заплатите за причиненный ущерб.

— Еще нашлись любители таанцев! — громко расхохотался мужчина с дубинкой.

Краем глаза Стэн увидел, как его экипаж начал подниматься из-за стола. Небрежным движением руки он велел им сесть обратно.

— По-моему, нас пытаются оскорбить, — сказал Стэн, обращаясь к Алексу.

— По-моему тоже. Этот парень такой чертов грубиян...

Мужчина без предупреждения что есть силы взмахнул своей дубиной. Он целился в Алекса, и тот даже не попытался увернуться. Поймав дубинку на полпути, он, словно игрушку у ребенка, вырвал ее из рук хулигана. Молодчик зашатался, а Алекс, схватив его за локоть, ногой под зад вышвырнул за дверь.

Килгур не зря вырос на планете, где сила тяжести намного превосходила стандартную. От его удара мужчина пролетел по воздуху несколько метров. Он не попал в дверь и, врезавшись головой в стену, без сознания плюхнулся на пол.

Его товарищи, взбешенные таким обращением, бросились в атаку. Поднырнув под вытянутый вперед нож, Стэн коротко рубанул ладонью, и его противник с безумным воем рухнул под стол, обхватив переломанное запястье. Тремя сжатыми пальцами Стэн ударил другого нападавшего в горло. В последний момент он придержал удар, решив не убивать, а лишь обезвредить противника. Развернувшись на пятке, Стэн приготовился сразиться с третьим бандитом, но нужды в этом уже не было. Держа последнего из молодчиков за пояс, Алекс поднял его высоко в воздух.

— Послушай, — мягко и рассудительно говорил Алекс. — Мы понимаем, вы здорово выпили. С кем не бывает. Плати

по счету, и можешь идти. Подобру-поздорову. Как честный человек.

Но тот от страха не мог даже и рта открыть.

Потеряв терпение, Алекс перевернул свою жертву вниз головой и немного потряс. Кредитки так и посыпались на пол. Удовлетворившись результатом, Алекс небрежно вышвырнул мужчину на улицу. Затем они со Стэном быстро обыскали остальных, забрали деньги и вышвырнули тела из ресторана.

Стэн подошел к Тайге, утешавшему плачущую пару, и протянул собранные деньги.

— Если этого мало, — сказал он, — мы готовы скинуться...

— Большое, большое спасибо, молодой человек, — ответил таанец. — Но вам надо уходить. И побыстрее. Прежде, чем они вернутся с подкреплением.

Стэн пожал плечами.

— Мне кажется, у нас достаточно сил, чтобы справиться с парой-тройкой хулиганов.

Тайге только покачал головой:

— Нет, нет. Вы даже не представляете, с кем связались...

Снаружи раздались громкие сердитые крики. Стэн подскочил к двери. Теперь он понял, о чем говорил старый таанец. За какую-то пару минут перед рестораном собралось, наверное, больше сотни имперских колонистов. И все они жаждали крови. А из боковых улиц к ним на подмогу валили все новые и новые. Самое смешное, что совсем рядом в своем черном гравитолете находился полицейский патруль. Полдюжины полицейских с хищными ухмылками не только не сдерживали, а, наоборот, только подзуживали толпу.

— Я знаю, что делать, — сказал Тайге.

Он нажал на кнопку возле двери, и тяжелые стальные прутья крепко-накрепко загородили вход. Прочные решетки со звоном закрыли окна ресторана.

— Уходите, — повторил хозяин. — Уходите, пожалуйста. Без вас нам тут ничего не угрожает. Но если вы останетесь...

Несколько секунд спустя Стэн обнаружил, что он, вместе со своими людьми, выбирается из ресторана через черный ход.

— Знаешь, парень, — тихо произнес Алекс, — я не уверен, что мы сражались на той стороне.

На это Стэну было нечего ответить.

ГЛАВА 40

Ситуация, с точки зрения Стэна, сложилась совершенно парадоксальная. Он точно знал, что война начнется с минуты на минуту. Об этом говорило каждое сообщение контрабандистов Вайлда. Таанцы вооружали корабли и собирали их в эскадры. Гражданское население на Хизе уже успело привыкнуть к комендантскому часу и карточкам.

А на Кавите все было наоборот. Стэну казалось, что Ван Дурман и его офицеры, окончательно порвав с реальностью, решили навсегда поселиться в мире фантазий и воздушных замков. Приемы адмирала раз от раза становились все пышнее. Остатки воинской дисциплины среди экипажей таяли, словно дым.

Но это время, даже задним числом, было поистине золотым. Для Стэна, возможно, здесь сыграл роль его роман с Бриджит. Другой составляющей, вероятно, стал контакт с Вайлдом. Контрабандисты скрупулезно выполняли свои обещания. Стэну казалось, что даже при дворе Вечного Императора он не питался так хорошо.

Постепенно собранные с бору по сосенке команды практически без проблем стали настоящими боевыми экипажами. Лейтенант Эстил и тот вполне приемлемо вписался в общий коллектив. Те немногочисленные сложности, которые все-таки возникали, без труда разрешались быстрым кулаком мистера Килгура, взявшего на себя поддержание порядка в отряде. Но самое главное было в том, что четыре такшипа, и те, кто вызвался на них служить, выполняли свою задачу так, как считали нужным. Так, как полагалось. И никто не лез им в душу.

Стэн старался пореже бывать на Кавите. Даже для капремонта он набивал механиков в корабль и отправлялся на какую-нибудь заброшенную планетку. В доках Кавите потом никто не понимал, почему специалисты по двигателям или, скажем, по корпусам возвращаются после многодневной работы такими загорелыми и веселыми.

Летать для Стэна стало так же естественно, как дышать. Больше всего ему нравились атмосферные полеты на малой высоте. Здесь скорость чувствовалась, как нигде. Теперь в долгом одиночном патрулировании он нашел новое развлечение. Такшипы много времени проводили, просто вися в

пространстве над плоскостями эклиптики разных планетных систем. Они оценивали возможность использовании таанцами этих систем в качестве военных баз, проверяли, не перемещаются ли там таанские корабли. Стэну следовало бы скучать.

Но он не скучал. О какой скуке могла идти речь, когда Алекс модифицировал одного «Гоблина», удалив боеголовку и вставив на ее место дополнительные баки горючего? Стэн обожал — разумеется, в свободные от вахты часы — опустить на голову запасной контрольный шлем и вывести «свою» ракету в космос. Он понимал, что ощущение «верха» и «низа» — чистой воды условность, сформированная компьютером. Знал он, и что чувство «жара» от близкой звезды и «холода» от замерзших планет тоже не более, чем игра воображения. И тем не менее, для Стэна управление громадной ракетой стало истинным воплощением извечной мечты человечества о полете. Неплохо было и то, что если с «Гоблином» что-то случится, сам Стэн находился в безопасности на борту «Гэмбла».

Вахта сменялась вахтой, день шел за днем. Если бы не нужда в дозаправке, Стэн, наверное, вообще не возвращался бы на базу.

Как-то раз, вдали от торных путей, Стэн в первый раз повстречал «Форез». И одновременно вторично встретил адмирала Деску.

«Келли» и «Гэмбл» пытались проследить истоки одного из метеорных потоков. Лейтенант Стикка утверждал, что тот произошел от какой-то разрушенной планеты; Стэну это казалось маловероятным. Большой размер каменных глыб сам по себе еще ни о чем не свидетельствовал. Но, развлечения ради, он дал разрешение на разведку.

Вой сирен боевой тревоги мигом положил конец развлечениям.

— Это самый большой линкор, какой мне только доводилось видеть, — пробормотал Килгур. — И наш бортовой компьютер не знает такого типа корабля.

— Все по местам, — приказал Стэн, сверяясь с картой.

Они находились в нейтральном секторе, однако Стэн прекрасно понимал, что, если таанцам захочется порезвиться, это ему не поможет.

— Неизвестный корабль, — прогудел коммуникатор. — Назовите себя или будете уничтожены.

— Наглые твари, — пробормотал Килгур.

Стэн переключился на защищенную связь со Стиккой.

— «Келли», говорит «Гэмбл». Если начнется стрельба, вы немедленно летите на базу.

— Но...

— Это приказ.

Он переключил каналы.

— Имперский такшип «Гэмбл» слушает.

Экран прояснился, и Стэн увидел рубку таанского линкора. Он даже не сразу узнал офицера, стоявшего за спиной специалиста по связи.

— Капитан Деска! Поздравляю. Похоже, вы получили повышение.

Деска тоже недоумевал, где он слышал этот голос. Потом вспомнил. Воспоминание было не из приятных.

— Имперский корабль... Вас не слышим. — Ну не благодарить же, в самом деле, за поздравление. — Это линкор «Форез». Вы нарушили границу Таанского Союза и с этого момента находитесь под арестом. Приготовьтесь к приему десантного отряда.

— Жаль, — повернувшись к Алексу, сказал Стэн, — что с нами нет Иды.

Алекс ухмыльнулся. Когда-то, еще во время службы в отряде Богомолов, одна цыганка-пилот в ответ на подобное предложение только задрала выше головы юбки — под которыми, между прочим, ничего не было.

Стэн не мог придумать столь же достойного ответа и потому просто отключил связь.

— «Келли». На полной скорости возвращайтесь на Кавите. С докладом подождите сорок восемь стандартных часов или до моего возвращения — что произойдет раньше.

— Я принял корабль не для того, чтобы... Так точно, сэр.

Одной причиной для беспокойства меньше. «Келли» отставал от «Гэмбла» на несколько световых минут, и Стэн не сомневался, что таанцам Стикку не поймать.

— Мистер Килгур, — немного подумав, сказал он.

— Сэр.

— Проложите курс точно на «Форез».

— Есть, сэр.

— Три четверти мощности.

Кто-то на «Форезе» явно рассчитал траекторию «Гэмбла». Призывно запищал приемник аварийного канала, но Стэн сделал вид, будто ничего не слышит.

— Новый курс в световой минуте от этого ублюдка... по счету... три... два... один... сейчас!

Сторонний наблюдатель увидел бы, как «Гэмбл» резко вильнул в сторону.

— Похоже, что линкор взял нас на сопровождение, — сообщил Фосс.

— Слишком далеко. Фосс, мне нужна эта твоя случайная траектория. На счет... два... один... сейчас!

Фосс разработал специальную, случайным образом генерируемую траекторию для атаки. Он утверждал, что ни одна машина во Вселенной не сможет отследить ракету, запущенную по такой орбите. Сейчас по такой траектории летел сам «Гэмбл». Было только два «но». Во-первых, хотя и очень маневренный, такшип все-таки не мог сравниться с маленькой ракетой. А во-вторых, даже генераторы Мак-Лина не способны полностью компенсировать подобные скачкообразные изменения курса.

Стэн держался до предела. А потом его озарило:

— Новый курс... Приготовиться... Мне нужна траектория для абордажа.

— Сэр?

— Черт возьми, вы что, оглохли?

— Траектория для абордажа. Так точно, сэр.

Два корабля стремительно сближались.

— Мистер Килгур, как полагается приветствовать корабль таанцев?

— Будь я проклят, если знаю, капитан. Наверное, надо всадить ему ракету в спину, да и дело с концом.

Стэн выругался. Это было бы действительно смешно. Честно говоря, сам он не нервничал из-за «Фореза». Во всяком случае, нервничал не слишком сильно. Если бы таанцы объявили Империи войну или если бы боевые действия начались без объявления, адмирал Деска уж не упустил бы случая ткнуть Стэна носом в этот факт. Далее, ракеты «Фореза» по размеру наверняка были больше, чем весь «Гэмбл». Ну и, наконец, такшипы просто не атакуют, тем более дважды, вражеские линкоры.

«Форез» и «Гэмбл» миновали друг друга в какой-то паре световых микросекунд — недостаточно близко — несмотря на возражения утверждавшего обратное Килгура, — чтобы стереть о борт линкора антирадарное покрытие такшипа.

Корабль с включенными генераторами Мак-Лина не имеет ни настоящего «верха», ни настоящего «низа». Поэтому о реакции «Фореза» на маневр «Гэмбла» знали только офицеры в рубке линкора, да матросы в его навигационном центре. Но Стэн, следивший в кормовой экран за таанцами, с огромным удовольствием увидел, как громадный корабль несколько раз повернулся вокруг своей оси — стандартный маневр против абордажа.

— Аварийная мощность, мистер Килгур, — приказал капитан, не стыдясь самодовольных ноток, звучащих в его голосе. — Самый полный вперед!

ГЛАВА 41

Стэн, сдвинув каблуки и вытянув руки по швам, стоял перед адмиралом Ван Дурманом. Он стоял и думал, какой из его многочисленных грехов привел его в этот кабинет. Но адмирал выглядел странно довольным. Стэн догадывался, что причина хорошего настроения Ван Дурмана крылась в толпе маляров и плотников, запрудивших все подходы к адмиральскому номеру отеля «Карлтон».

— Капитан, я понимаю, что торжественные церемонии для вас ничего не значат. Но вы хотя бы знаете, что до Дня Империи осталось всего семьдесят два часа?

Стэн это знал. Празднование Дня Империи установил лично Вечный Император. Каждый стандартный год все имперские вооруженные силы, не принимающие участия в боевых действиях, устраивали нечто вроде дня открытых дверей, и общественность могла наглядно убедиться в остроте имперского штыка, обычно скрытого в ножнах.

— Так точно, сэр.

— Даже удивительно, что вы об этом не забыли. Так вот, капитан, я хотел отдать вам указания о размещении ваших судов и экипажей для осмотра.

— Для осмотра, сэр?

— Ну, разумеется, — с легким раздражением сказал Ван Дурман. — Как и всегда, в День Империи весь 23-й Флот будет открыт для посетителей.

— Мне очень жаль, сэр, но этого мы сделать не можем.

Ван Дурман нахмурился. Потом улыбнулся. Наконец-то! Вот он предлог, чтобы взять нахального капитана за жабры.

— Это не просьба, капитан. Это приказ.

— Сэр, я не могу его выполнить. — Хотя Стэну и хотелось посмотреть, насколько багровым может стать адмирал, он решил не тянуть и объяснил: — Сэр, согласно распоряжению R-278-XN, мои корабли считаются совершенно секретными. Это приказ Императора, сэр. В ваших файлах наверняка есть копия.

Номер Стэн придумал, но сам приказ действительно существовал.

Судорожно глотая ртом воздух, Ван Дурман откинулся на спинку кресла. Он несколько раз открывал рот, намереваясь что-то сказать, и столько же раз его закрывал.

— Значит, вы и ваши бандиты в День Империи будете прохлаждаться? Весьма патриотично, нечего сказать.

И тут Стэну в голову пришла совершенно шикарная идея. Он подумал о Дне Империи, вспомнил Вечного Императора и как тот любил обходные маневры...

— Никак нет, сэр! Мы бы этого не хотели, разве что вы так прикажете.

И прежде чем Ван Дурман успел отреагировать, Стэн уже начал излагать свое предложение:

— Честно говоря, сэр, я как раз хотел записаться на прием у вашего секретаря.

Ван Дурман ждал, что последует дальше.

— Сэр, мы не имеем права никого пустить на борт наших кораблей, но это еще не означает, что никто не должен их видеть.

— Допустим, — поднял брови Ван Дурман. — Каковы ваши соображения?

— Почему бы нам не совершить торжественного парадного полета, сэр? Например, после того, как вы произнесете речь.

— Гм-м-м... — Адмирал глубоко задумался. — Я видел вас в полете. Весьма впечатляюще... хотя, как я вам уже го-

ворил, на мой взгляд, в бою от ваших корабликов толку не будет. Впрочем, смотрятся они весьма и весьма неплохо.

— Так точно, сэр. И мои офицеры весьма искусны в атмосферной акробатике.

Ван Дурман даже улыбнулся.

— Возможно, капитан, я относился к вам слишком сурово. Мне казалось, вас не слишком заботит репутация нашего флота. Наверное, я все-таки ошибался.

— Спасибо, сэр. У меня есть и еще одна идея.

— Продолжайте.

— Если бы вы выписали нам разрешение, мы бы могли устроить в полете небольшой салют.

— Насколько мне известно, пиротехника не состоит на вооружении такшипов.

— Так точно, сэр. Однако мы могли бы разрядить некоторые из устаревших ракет, хранящихся на складе.

— Отлично, капитан! Это будет очень интересно. К тому же мы одним ударом избавимся от этих старых монстров, и никакая инспекция к нам не придерется.

Стэн догадался, что адмирал так шутит. Он послушно засмеялся.

— Очень хорошо. Просто замечательно. Я сегодня же подпишу разрешение. Знаете, капитан, мне кажется, мы начинаем думать в одном направлении.

«Боже упаси», — промелькнуло в голове Стэна.

— И еще одно, сэр.

— Еще идея?

— Никак нет, сэр. Вопрос. Вы сказали, что весь флот будет открыт для посетителей?

— Да. Не считая двух патрульных шлюпок. Таков у меня обычай.

Стэн отдал честь, четко повернулся и вышел.

Военный совет состоял из Стэна, Алекса, Ш'аарл'т, Эстила, Стикки, Тапии и Саттона. Проходил он в одной из выделенных отряду мастерских.

— Прошу рассматривать эту информацию как закрытую, — начал Стэн.

Он пересказал все, что произошло в кабинете адмирала. Его офицерам потребовалась добрая минута, чтобы переварить услышанное.

— Может, я излишне подозрителен, — между тем продолжал Стэн, — но, будь я на месте таанцев и желай я захватить Империю врасплох, мне трудно было бы выбрать для начала войны более удачный момент, чем День Империи. Каждый чертов корабль нашего мудрого адмирала будет сидеть в строю на потеху публике. Охрана сводится к двум шлюпкам и нескольким пешим патрулям.

— Неплохо придумано, — сказал Алекс. — Таанцы никогда не заботились о таких мелочах, как объявление войны.

— И если они ударят по Кавите, — заметила Ш'аарл't, — я предпочла бы в это время находиться где угодно, только не на этом проклятом параде.

— Может, я чего-то не понимаю, капитан, — подал голос Эстил. — Но, допустим, вы правы, и мы находимся в воздухе, когда... если... на нас нападут. Что нам толку от чертового фейерверка?

Алекс с восхищением посмотрел на лейтенанта. С тех пор как Эстил поступил на военную службу, он выругался, наверное, в первый раз. Такшипы явно пошли ему на пользу.

— Тонко подмечено, лейтенант, — кивнул Стэн. — У нас будет расчудесный фейерверк — из «Гоблинов», «Фоксов» и «Кали». Ван Дурман разрешил нам ограбить арсенал. И мы воспользуемся его любезностью.

— А что, если вы ошибаетесь, — рассмеялась Тапия. — Что вы будете делать, когда Ван Дурман потребует свой салют?

— Это будет всем салютам салют, и всем нам придется менять специальность. Голосуем?

Узнай Ван Дурман о разведенной Стэном демократии, он разжаловал бы его на месте.

Килгур, естественно, был «за» руками и ногами. Как и Тапия. Стикка и Ш'аарл't, немного подумав, тоже высказались в поддержку плана Стэна. Эстил улыбнулся.

— Паранойя, похоже, заразна, — сказал он, поднимая руку.

— Отлично. Мистер Саттон, собирайте рабочую бригаду и прихватите с собой побольше гравитолетов.

— Есть, сэр. Между прочим, вы не будете возражать, если мои ребятишки, кстати, совсем ничего не смыслящие в арифметике, прихватят кое-какую лишнюю амуницию?

— Мистер Саттон. Я и сам не смог бы сосчитать до одиннадцати, не снимая ботинок. А теперь за работу.

ГЛАВА 42

Сэр Эку завис над самым песком, совершенно белым и кристально чистым. Чуть качнув крыльями, он приземлился возле ведущей в этот мертвый сад двери. Ему было противно.

Лорд Ферле заставил Эку ждать вот уже больше двух часов. Но нетерпение уважаемого сэра не имело ничего общего с длительностью ожидания. Сэр Эку принадлежал к расе, которая высоко ценила умение тянуть время. Только не сейчас. И не в этих условиях.

Эку полагал, что лорд Ферле бросил его в песчаном саду, чтобы продемонстрировать свое тонкое понимание искусства. Кроме терпения, манаби славились еще и своей чувствительностью к зрительным образам.

Песчаный сад представлял собой идеально круглую чашу радиусом порядка полукилометра. В нем находились десять камней, от тридцати сантиметров до пяти метров в поперечнике. Все они были разного цвета — от густо черного до оранжеватого. Камни располагались через правильные, математически точные интервалы.

Это было самое унылое произведение искусства, с каким сэру Эку довелось столкнуться за свои сто с хвостиком лет. За два часа ожидания он так и не пришел к окончательному выводу, о чем думал лорд Ферле, создавая сей шедевр.

Размышления эти почему-то не успокаивали. Будь хоть один из камней хоть ненамного сдвинут или песок где-то не так идеально чист, сэр Эку чувствовал бы себя гораздо лучше. Сейчас же ему не оставалось ничего другого, как пытаться изменить безукоризненное совершенство сада своим собственным присутствием.

Тело сэра Эку было черным, с проблесками красного под кончиками крыльев. Его протянувшийся на три метра хвост сужался на конце, в незапамятные времена у предков сэра Эку там находилось смертоносное жало.

Эку поминутно перелетал с место на места, но почему-то неизменно оказывался в одном и том же углу сада. Если уж на то пошло, его присутствие делало это идеальное место психологически еще уродливее.

Даже для таанца лорд Ферле, как дипломат, не поднимался выше нуля — по десятибалльной шкале. Подобную

оценку Эку мог сделать со всей ответственностью. Его раса славилась дипломатическими способностями — потому-то Ферле и вызвал Эку к себе.

При любых других обстоятельствах сэр Эку после первого же получаса ожидания покинул бы негостеприимный сад. Гнев незаслуженно обиженного мог стать незаменимым оружием в межпланетных переговорах. Но только не в этих условиях. Сейчас сэр Эку искренне сомневался, что его расе удастся сохранить свой традиционный нейтралитет. Впрочем, если таанцы и Вечный Император столкнутся лоб в лоб, то под вопросом может оказаться не только нейтралитет, но и само существование манаби. И поэтому он будет упорно ждать Ферле в этой гнусной пародии на нормальный сад. Пародии, прекрасно иллюстрирующей таанскую логику.

Лорд Ферле появился еще через полчаса. Он был вежлив, однако нетерпелив и вел себя так, будто это не он заставил себя ждать, а совсем наоборот. Ферле описал отношения, сложившиеся в последнее время между таанцами и Империей. Все это, за исключением отдельных несущественных деталей, сэр Эку уже знал.

— Прекрасное обобщение, мой лорд, — решился он прервать Ферле. — Точно и четко. Даже элегантно в своей краткости. Но я-то тут при чем?

— Честно говоря, — сказал Ферле, — в ближайшее время мы планируем начать широкомасштабное наступление на Империю.

Все три желудка сэра Эку судорожно сжались. Им доставалось и в прошлом; тогда сэр Эку даже полагал, что никогда больше не сможет насладиться своими излюбленными микробами. Но происходящее сейчас... Просто катастрофа.

— Умоляю, мой лорд, продумайте все еще раз. Неужели ваши разногласия действительно непреодолимы? Неужели возможности переговоров исчерпаны? Мой опыт...

— Потому-то я вас и пригласил, — кивнул Ферле. — Выход, конечно, есть. Войну еще можно предотвратить.

Сэр Эку знал, что стоящий перед ним человек лжет.

— Рад это слышать. Наверно, у вас есть какие-то условия? Может, мы сумеем найти компромисс?

Ферле презрительно фыркнул.

— Вовсе нет. Мы согласны только на полную и безоговорочную капитуляцию.

— Не обижайтесь, сэр, но это не самая лучшая позиция для начала переговоров.

— И тем не менее я хочу начать именно с этого, — нахмурился Ферле. — Я подготовил фиши с нашими предложениями и передам их вам, как только вы будете готовы вылететь на Прайм-Уорлд.

— Сколько времени вы даете Императору для ответа?

— Семьдесят два стандартных часа, — сухо объявил лорд Ферле.

— Мой лорд! Это же невозможно. Будет чудом, если за это время я вообще успею добраться до Прайма. На переговоры просто ничего не остается.

— И все-таки семьдесят два часа, и ни секундой больше.

— Это безумие, сэр!

— Значит, вы отказываетесь?

Теперь сэр Эку наконец-то все понял. Ферле требовался именно отказ. Потом он скажет, что сделал все возможное, дабы предотвратить войну, и что манаби отказались вести для него переговоры. Эку мог только восхищаться этим планом — так же, как он восхищался неподражаемым уродством песчаного сада. Кодекс чести его расы не позволял ему взяться за подобное, совершенно безнадежное поручение.

— Да, мой лорд. Боюсь, мне придется отказаться.

— Как вам угодно.

И с этими словами лорд Ферле покинул сад.

Мгновение спустя сэр Эку расправил крылья и устремился прочь, оставив на белом песке осколки разбитого нейтралитета манаби.

ГЛАВА 43

Прогноз погоды на День Империи был самый что ни на есть неблагоприятный. Густая облачность и дождь, временами даже сильный. Поганая погода для праздника, но она спасла жизни нескольких тысяч жителей Кавите и, вполне возможно, помогла уцелеть такшипам Стэна.

* * *

За двадцать четыре часа до праздника Стэн перевел свой отряд на казарменное положение. Команды, естественно, встретили этот приказ без энтузиазма. Еще бы, ведь многие планировали как следует повеселиться. Впрочем, энергии на возмущение не оставалось: все силы и время отнимала аварийная погрузка на такшипы припасов и амуниции. Видя, что снаряды и ракеты не просто загружаются на корабли, но и приводятся в боевую готовность, экипажи начали понимать — происходит нечто из ряда вон выходящее.

К 19.00 корабли были готовы к взлету. Стэн не удержался от улыбки, увидев, что в самом конце на борт подняли настоящую пиротехнику, невесть каким образом закупленную Саттоном на черном рынке. Когда погрузка закончилась, Стэн приказал всем спать. Кто не сумеет уснуть так, может воспользоваться гипносном. Он и сам отправился немного отдохнуть — впрочем, безуспешно.

Накинув дождевик, Стэн полночи бродил вокруг своих суденышек и думал, почему это ему всегда приходится все решать самому.

В 01.00 Стэн разбудил экипажи.

В 02.30 «Келли», «Клаггет», «Гэмбл» и «Ричардс» бесшумно поднялись на Юкавах. Рассветало сейчас в 04.45. Открывающий праздник адмирал Ван Дурман выступал с речью в 08.00.

А у таанцев был свой график. Он базировался на графике 23-го Флота.

Месяц тому назад разведчик-таанец, работающий в штабе 23-го Флота передал своему настоящему начальству полный план-график празднования Дня Империи на Кавите. Сейчас эта информация светилась на одном из боковых экранов в командной рубке «Фореза». Леди Этего и адмирал Деска туда даже и не глядели. Они знали составленное Ван Дурманом расписание буквально наизусть.

Рядом с «Форезом» в черной пустоте космоса висел второй линкор, «Кисо». Вокруг них, сплошным облаком, застыли бесчисленные крейсеры, эсминцы, штурмовые корабли и десантные транспорты. Таанские силы ждали на границе системы Кавите. Уничтожение военной базы 23-го Флота леди Этего взяла на себя. Другие, не менее внушительные, флоты готовились к атаке на остальные Пограничные Миры.

Точно в назначенный срок леди Этего отдала приказ начинать штурм.

Дистанционные сенсоры, разбросанные вдали от Кавите, были частично уничтожены, частично заблокированы. В 05.00 пять отрядов таанских десантников атаковали разведцентр 23-го Флота. Места убитых солдат за пультами заняли переодетые таанцы.

В 07.30 главные ударные силы флота леди Этего замерли на орбите Кавите. Две патрульные шлюпки были уничтожены эсминцами. Их экипажи, следившие в телескоп за начинающимися внизу торжествами команды, даже и не заметили приближения врага.

А на взлетно-посадочном поле базы адмирал Ван Дурман сверился со своим хронометром — еще десять минут — и начал подниматься на трибуну.

Зависнув в ионосфере, штурмовые корабли таанцев открыли грузовые люки, и маленькие юркие бомбардировщики устремились в атаку.

Больше всего Стэна беспокоил вопрос «Куда спрятаться?». Если он не ошибался и таанцы действительно нападут на Кавите, то скрыться от них будет очень даже не просто. Стэн не сомневался в своих такшипах, однако принимать бой на орбите с линкором или даже несколькими линкорами таанцев в сопровождении мощного флота было равносильно самоубийству.

Тучи, даже самые густые, не могли скрыть корабли от обнаружения. Если уж на то пошло, то на большинстве радарных экранов облака и вовсе не видны.

После долгих раздумий Стэн решил увести свой отряд к лежащему километрах в двадцати от Кавите океану. Там, под тридцатью метрами воды, враг вряд ли сумеет засечь его такшипы.

Первым заметил врага Фосс.

— Всем кораблям, — передал Стэн. — Атаковать независимо. Берегите боеприпасы и не давайте зайти себе в хвост. Это война!

Вынырнув из-под воды, «Гэмбл» на полной скорости устремился обратно в Кавите.

* * *

Первая волна таанцев, спикировав до высоты одного километра, выпустила настроенные на поиск металла ракеты типа «воздух-земля». Сделав залп, они на миг выровнялись и усыпали летное поле шрап-бомбами.

Земля превратилось в клокочущий ад.

Не верящий своим глазам Ван Дурман успел увидеть ракеты и упасть, своим телом прикрывая жену и дочь. В следующее мгновение мысли покинули его, и оставалось только зубами цепляться за содрогающуюся от ударов почву.

Корабли таанцев развернулись и на бреющем полете прошли над полем, поливая его огнем своих орудий. Офицеры, матросы и собравшиеся на праздник гражданские, не убитые первыми взрывами, бросились врассыпную.

Ван Дурман заметил возвращающиеся бомбардировщики, и это было все, что он запомнил.

Он уже не видел появившихся на фланге «Ричардса» и «Клаггет». Не видел, как их «Чейны» в клочья разносили слабо бронированные корабли таанцев. Не видел, как на замерший на параде 23-й Флот посыпались обломки, причинившие вреда, наверно, не меньше, чем иной ракетный залп.

После того как «Ричардс» и «Клаггет» ввязались в бой с бомбардировщиками, Стэн решил изменить свой план. Приказав «Келли» занять место ведомого, он устремился вверх.

Штурмовой корабль таанцев не ожидал нападения и потому оказался легкой добычей «Гэмбла». Не желая тратить «Кали», Килгур задействовал «Гоблина». Дистанция, наводка... и ракета пошла. Мгновение спустя в борту вражеского судна раскрылась громадная дыра, из которой выплеснулось алое, как кровь, пламя.

А на «Келли» контрольный шлем спеца по оружию надел сам Стикка. Ведь это он воин и сын воинов во многих поколениях. Боевой клич, котэрый шептали его губы, насчитывал более двух тысяч лет, а перекрестие прицела легло на громаду «Фореза». Не дожидаясь приказа, Стикка выпустил «Кали».

Даже идя на драйве АМ-2, такшип вздрогнул, когда огромная ракета вырвалась из центральной пусковой трубы и включила свой собственный сверхсветовой двигатель.

Для Стикки в мире не осталось ничего, кроме растущего в прицеле таанского линкора. Он и «Кали» стали одним целым.

Кто-то придумал этой ракете весьма удачное название, решил Стикка, когда его «Кали» угодила точно в оружейную палубу «Фореза». Двести пятьдесят таанцев погибло в первом разрыве. Еще по меньшей мере столько же — в серии вторичных взрывов.

Сняв шлем, Стикка позволил себе слегка улыбнуться. На экране он видел несущиеся к нему четыре таанских эсминца. Что ж, если даже они его и убьют, что значит смерть одного воина?

Два таанских крейсера, наверно, никак не ожидали нападения со стороны такого крохотного кораблика, как «Гэмбл». Во всяком случае, они даже не попытались уклониться и встретили атаку такшипа лишь несколькими зенитными ракетами. Стэн знал, что «Гоблины» могут весьма серьезно повредить крейсер, но он совсем не рассчитывал лицезреть два практически одновременных взрыва. Не думал после первого же залпа увидеть, как характеристики целей сменятся на экране надписью «ЦЕЛИ УНИЧТОЖЕНЫ».

— Слушай парень, — проворчал Алекс, снимая шлем, — что там у них такое с этими чертовыми крейсерами?

Он не дождался ответа. Стая опоздавших к драке эсминцев устремилась к «Гэмблу», и Стэн уворачивался от них, как только мог.

Линкор содрогнулся от новой серии взрывов, и леди Этего в командной рубке «Фореза» едва устояла на ногах. Отчасти она была даже довольна — несмотря ни на что, обученные ее люди действовали быстро, четко и без паники.

— Какие будут приказы?

Леди Этего перебрала имеющиеся в ее распоряжении варианты. Выбора, по сути, не оставалось.

— Адмирал Деска, прекратите высадку на Кавите. Мы не можем продолжать штурм только с одним линкором. На остальных планетах системы высадка должна продолжаться. Мы с вами переходим на «Кисо». «Форез» пусть возвращается в передовой ремонтный док.

— Слушаюсь, миледи.

Флот таанцев начал отступление, и такшипы Стэна вернулись на базу.

Назвать это победой — язык не поворачивался. Таанцы отступили, но 23-й Флот, единственная воинская часть Империи на Пограничных Мирах, был уничтожен практически полностью.

А война еще только-только началась.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ДЕРЖАТЬ КУРС ПО ВЕТРУ

ГЛАВА 44

Война между Империей и таанцами началась не со штурма системы Калтора и Кавите. Этот исторический момент произошел стандартным часом раньше — в атаке, нацеленной на самого Вечного Императора.

Тысячи таанских кораблей практически одновременно обрушились на ничего не подозревавшую Империю. Где-то это были небольшие рейды, где-то — штурм военных баз, где-то — грандиозные битвы целых флотов. По завершении начальной стадии таанцы оценивали ее успешность в восемьдесят пять процентов. Этот день стал одним из самых черных дней во многовековой истории Империи.

Скоординировать атаку было исключительно сложно. Таанцам хотелось на полную катушку использовать преимущества, которые подарил им День Империи. С формальной точки зрения, минута начала возмездия, в военной среде именовавшаяся «Временем Ч», одновременно пробила на всех аммониевых мазерных часах, стоящих в рубках всех без исключения командиров флотов.

Однако на самом деле каждый командир выбирал момент атаки, исходя из местных условий. Впрочем, стараясь не слишком уходить от установленного свыше момента — Империя не должна успеть объявить тревогу.

А еще таанцев очень заботил «моральный фактор». Им казалось вполне правомерным начать войну без предупреж-

дения и дипломатических угроз. И они даже считали нечестным не ударить по, как они говорили, мозгу тигра.

Прайм-Уорлд. Вечный Император.

Для начала войны выбрали День Империи — по вполне весомым причинам. Таанцы справедливо полагали, что в этот день воинские части Империи будут заняты парадами, а значит, не так бдительны, как в другое время. Кроме того, если атаки увенчаются успехом, поражение в праздник сильно скажется на моральном духе войск. И наконец только в этот день, из всех дней в году, совершенно точно известно, где будет находиться Вечный Император — у себя дома, в ожидании гостей.

Домом Императору служил громадный средневековый замок, стоящий посреди пятидесятипятикилометровой парковой зоны. Перед замком простирался гигантский двор размерами два на шесть километров, в толстых стенах которого располагались важнейшие имперские службы. Сам замок приютил не только Императора, его охрану, помощников и слуг, но и контрольный центр всей Империи. Большая часть техники находилась глубоко под землей, в убежище. Запасы воздуха, воды и продовольствия в нем не кончились бы и после вековой осады.

В День Империи властитель ждал в гости своих подданных. Раз в году неприступные ворота замка распахивались настежь, открывая ни с чем не сравнимое шоу оркестров, военных смотров и разнообразных игр. Получить приглашение или еще каким-то иным способом достать билет во дворец считалось весьма многообещающим знаком.

На подготовку атаки таанцам потребовалось целых четыре года. Молниеносный точечный удар — вот единственный вариант. Нечего рассчитывать протащить военный флот или даже эскадрон эсминцев мимо системы космической безопасности.

За исключением Дня Империи, воздушное пространство над замком было наглухо закрыто для полетов. Если уж на то пошло, то контролировались воздушные сообщения по всему Прайм-Уорлду. Любое отклонение от заявленного полетного плана приводило зенитные системы дворца в боевую готовность. Нарушителя сбивали после первого же предупреждения. По земле подобраться к дворцу также не представлялось возможным. Единственной не воздушной связью

замка с внешним миром служила подземная пневмодорога, соединяющая резиденцию с ближайшим городом Фоулером.

Но в День Империи...

В День Империи между дворцом и Фоулером курсировали специальные гравилайнеры. Меры безопасности были сведены до минимума. Все пассажиры проверялись и, естественно, досматривались. Сами лайнеры следовали по строго определенному маршруту, отвечая на запросы кодового устройства «свой — чужой».

Обойти подобные предосторожности было проще простого.

За два года до начала войны таанская разведка подобрала и вывела на важные позиции трех до мозга костей верных иммигрантов. Все они были ветеранами движения Пограничных Миров Годфри Алэна. Одному поручили найти работу в порту Фоулера, Соуарде. Второй устроился барменом. Третий поступил на службу садовником в одной из роскошных вилл, расположенных неподалеку от дворца. Садовником, между прочим, он оказался великолепным. Торговец, хозяин виллы, клялся и божился, что никогда не встречал такого трудолюбивого, такого скромного и честного работника.

Атаку решили провести ракетой. Но не простой, а специально изготовленной. Таанцы не без оснований полагали, что императорский замок имеет ядерный щит, и потому взрыв даже в непосредственной близости от дворца может не дать желаемого результата. Сама ракета выглядела довольно необычно. Длиной около десяти метров, она была сконструирована так, чтобы на экранах сенсоров и радаров походить на большой гравилайнер.

Внутри ракеты располагались два ядерных заряда. Таанцы научились применять кумулятивный эффект к ядерным взрывам. Для фокусировки энергии взрыва они использовали империум, материал, обычно применяемый при работе с АМ-2. За первым зарядом располагался механизм наведения, а за ним — второй ядерный заряд. Помимо системы наведения, в ракету было вмонтировано устройство, передававшее код «свой — чужой», используемый гравилайнерами в День Империи.

Эту ракету по частям, контрабандой, доставили на Прайм-Уорлд за несколько месяцев до «Времени Ч». Здесь в специ-

ально арендованном складе целая бригада специалистов, разумеется, таанцев, подготовила ракету к старту.

Трое таанцев с Пограничных Миров, конечно, и понятия не имели о местонахождении ракеты. Они знали только одно — в назначенное время им следует быть в указанной точке с указанным оборудованием.

За двое суток до Дня Империи таанец, подававший трап в порту Соуард, установил на генераторах Мак-Лина переданное ему накануне устройство. За сутки до Дня Империи контролер таанских диверсантов с чистой совестью покинул Прайм-Уорлд.

В 11.00 в День Империи все три таанца заняли исходные позиции.

Садовник сидел за контрольным пультом одного из гравитолетов своего хозяина. Его странное поведение осталось незамеченным обитателями роскошной виллы — об этом позаботились две канистры бинарного нервно-паралитического газа. Два других диверсанта находились на крыше высотного здания в Соуарде. Один следил за таймером, другой отсчитывал поднимающиеся лайнеры.

Седьмой корабль был «тем самым».

Пилот включил двигатели, лайнер начал подниматься — и вдруг, плюясь дымом, рухнул обратно. Диспетчер порта, ругаясь на чем свет стоит, приказал немедленно подать новый корабль для пересадки пассажиров.

Стрелка таймера достигла нуля, и следящий за ним таанец нажал на кнопку. Замаскированные взрывные устройства в ключья разнесли крышу склада, и оттуда на маклиновских движках поднялась ракета. Набрав высоту, она отбросила маклины, врубила Югаву и, быстро набирая скорость, устремилась к замку Императора.

Тем временем садовник тоже начал действовать. В заранее назначенную минуту он поднял в воздух свой гравитолет. Таанец искренне надеялся, что системы защиты дворца не станут вот так сразу его сбивать.

Коротко пропищал коммуникатор, сообщая, что ракета уже достигла зоны приема. Прицелившись из похожего на большое ружье устройства в ворота дворца, агент нажал на спуск. Низкоинтенсивный лазерный луч четко подсветил цель. Второй сигнал коммуникатора возвестил, что ракета цель взяла.

Три таанца выполнили задание. Теперь им предстояло, избегая ареста, пробраться в заранее назначенное место неподалеку от Соуарда.

Таанская разведка, разумеется, не собиралась эвакуировать своих агентов. И свидетелей она тоже оставлять не хотела. Поэтому все предоставленное оборудование содержало в себе свои собственные маломощные взрывные устройства. Они сработали через пару секунд после того, как ракета легла на боевой курс.

Никто не заметил взрыва, разорвавшего на части двух спускающихся по лестнице таанцев. Однако дежурный офицер дворца заметил, как возникший на экране гравитолет превратился в облако пламени. Он потянулся к красной кнопке, но его опередила автоматика. Внешние сенсоры засекли, что приближающийся к дворцу гравилайнер движется куда быстрее, чем следовало бы, и подняли тревогу.

Вечный Император в это время находился в своих покоях. Проклиная необходимость полной парадной формы, он прикалывал к кителю свои многочисленные награды. Вместе с ним в комнате находился капитан Читтаханг Лимбу, командир личных телохранителей Императора. Это был самый высокий пост, какой когда-либо занимал гурка.

Не особо прислушиваясь к ругани Императора, капитан с удовольствием вспоминал, как торжественно его принимали в родной деревне, куда Лимбу ездил в отпуск. И тут раздался надрывной вой тревоги.

Уколовшись от неожиданности булавкой очередной медали, Император так и подскочил на месте. Он еще не понял, что произошло, а Лимбу, нажав кнопку на висящем у него на поясе пульте, уже заталкивал властителя в мгновенно открывшийся в стене люк.

Ракета попала точно в цель. Тонкий заостренный ее нос, как и планировалось, сплющился. Сработал первый ядерный заряд, и направленный взрыв разорвал защиту замка. Ракета продолжала сплющиваться, и вот уже пришел черед второго заряда.

Императорский дворец, сердце Империи, исчез в горниле новорожденного солнца.

ГЛАВА 45

Стэн медленно пробирался на своем боевом гравитолете над руинами главной улицы Кавите. Вчера еще тут кипела жизнь. Стэн достаточно повидал и городов, и планет, где на смену словам приходил рев орудийных батарей. Но он впервые оказался в центре войны поистине всеимперского значения.

А еще он очень беспокоился о Бриджит.

На закате чудом не пострадавшие такшипы вернулись на базу. Иногда обман окупается — Стэн спрятал хитростью добытые Саттоном припасы и амуницию в заброшенном складе где-то в районе испытательных полигонов. В итоге при атаке таанцев они ничуть не пострадали.

Стэн приказал такшипам после дозаправки вернуться на орбиту. Сам он решил отправится в штаб, выяснить, как обстоят дела.

База горела. Тут царил полный хаос. И никто ничего не знал. Тогда, позаимствовав боевой гравитолет, Стэн отправился в отель «Карлтон». Если отель не рухнул, то остатки штаба Ван Дурмана наверняка собрались там.

Город Кавите, в общем-то, пострадал не сильно. Несколько бомб и ракет угодило на центральную улицу, Имперский бульвар, но большинство зданий уцелело. На ночных улицах Стэн увидел только спасательные команды и пожарных. Местные жители явно предпочитали сидеть по домам. Впрочем, во время катастрофы всегда так, что бы там ни рассказывали о мифических толпах горожан, беснующихся на улицах.

Стэн уступил дорогу гравитолету с наспех нарисованными на бортах красными крестами. Откуда-то доносились звуки боя — шел штурм разведцентра. Таанцы отказались от высадки, и потому захватившие Центр десантники полегли до последнего человека.

Стэн не знал, что это за стрельба. Да, по правде говоря, его это сейчас и не заботило. И без того ситуация была плачевной. Приземлившись перед отелем, он вошел внутрь.

«Охрана, во всяком случае, стала строже», — кисло улыбнувшись, подумал он. На подходе к отелю у Стэна трижды проверили документы. Но кое-что не менялось: у входа в штаб два одетых в парадную форму часовых взяли виллига-

ны на караул. Стэн мог только гадать, знают ли они, что их мундиры забрызганы грязью и кровью.

Если на базе царил хаос, то адмиральское крыло отеля было форменным сумасшедшим домом.

Стэну требовалась информация о понесенных флотом потерях, хотелось получить и приказ о дальнейших действиях своего отряда. Поэтому первым делом он направился в контрольный зал. Тут было пусть и темно, только деловито перемигивались неутомимые компьютерные терминалы. Пробегавший мимо техник сказал, что, по слухам, весь персонал погиб.

Ладно. Тогда стоит заглянуть в отдел разведки.

Увидев настежь распахнутые двери, Стэну сразу надо было заподозрить неладное. Склонившись над монитором, капитан Ладислав вводил в компьютер программу за программой. Он весело приветствовал Стэна и показал ему планы завтрашних боевых порядков. Отбросить таанцев, заверил он, не составит большого труда.

Стэн знал, что большая часть кораблей, которыми так уверено оперировал капитан, сейчас догорали на взлетном поле базы. Но спорить не стал. Улыбаясь, он зашел Ладиславу за спину и вытащил из медпакета инжектор со снотворным, затем быстро сделал безумцу укол в основание позвоночника. Ладислав тяжело уронил голову на свои нереальные распечатки, а Стэн направился в кабинет адмирала.

Адмирал Ван Дурман был спокоен и собран. Его командный центр казался настоящим островком мира в сошедшей с ума Кавите. Стэн заметил выглядывающую из-за полуоткрытой двери личных покоев адмирала Бриджит и возблагодарил небо, что девушка осталась в живых.

Ван Дурман мрачно изучал висящий у него над столом экран готовности кораблей. Стэн тоже взглянул на экран — и содрогнулся. Ситуация была даже хуже, чем он предполагал. 23-й Флот практически перестал существовать.

На заре он состоял из одного тяжелого крейсера, двух легких крейсеров, тринадцати эсминцев, пятидесяти разнообразных и большей частью устаревших патрульных лодок и тральщиков, отряда такшипов под командованием Стэна, одного госпитального корабля и обычной кучи транспортов и кораблей технического обслуживания. Если верить висящему перед адмиралом экрану, то один легкий крейсер таанцы

уничтожили, а другой тяжело повредили. Из строя выбыло шесть эсминцев и добрая половина легких боевых судов и кораблей поддержки.

Как ни парадоксально, «Свампскот» не пострадал. Причина крылась в успешной атаке Стикки на «Форез». Леди Этего хотела самолично прикончить флагманский корабль 23-го Флота.

Полученный Стэном приказ был прост — держать такшипы в космосе. Ему давали полную свободу действий. И он мог рассчитывать на любую возможную помощь со стороны штаба.

«Просто расчудесно, — думал Стэн. — Куча мертвецов и один сумасшедший».

В коридоре ему в объятия бросилась Бриджит. Ее мать погибла. Все погибло. Все.

Наверно, Стэну следовало остаться с ней той ночью. Но холодность всегда служила Стэну защитой — холодность, родившаяся после смерти его собственных родителей на Вулкане. Холодность, помогавшая ему выдержать гибель друзей. Он не остался. Только крепко обнял плачущую девушку и помчался в Центр связи. Он хотел, чтобы оттуда его забрал «Гэмбл».

Дожидаясь, пока такшип опустится перед отелем, Стэн не уставал поражаться выдержке адмирала. Тут крылась какая-то загадка, а значит, следовало держать ухо востро.

Но вот корабль сел, люк открылся, и Стэн напрочь забыл и о Ван Дурмане, и о Бриджит, и о том, что весь его отряд, скорее всего, погибнет в системе Калтора.

Все его мысли были заняты только одним: «действовать по усмотрению...»

ГЛАВА 46

Вечный Император заметил впереди что-то интересное и пошел туда в своей неуклюжем антирадиационном костюме. Под ногами его простирались руины, бывшие некогда одним из розовых садов. За Императором, с виллиганами на изго-

товку, шли два также облаченных в защитные костюмы гуркских стража. Над их головами, ощетинившись стволами орудий, парил боевой гравикар.

Лимбу удалось вовремя впихнуть Императора в контролируемую маклинами спусковую трубу. Она вела в безопасный бункер в двух тысячах метрах под замком. Кинув властителя вниз, телохранитель нырнул следом. Они падали вместе, и за ними захлопывались воздушные шлюзы радиационной защиты.

Наверху мало кто уцелел. Несколько гуркских бойцов, один взвод недавно сформированной преторианской стражи да дюжина слуг. Ядерные взрывы сровняли замок с землей.

Однако защита до некоторой степени все-таки сработала. Стены многокилометрового двора потрескалиеь, но устояли, уцелели расположенные в них службы. Не пострадало и здание Парламента, стоявшее примерно километрах в десяти от эпицентра. Как ни смешно, уцелело оно только потому, что Императору было противно каждый день видеть его из окна, и он воздвиг между дворцом и Парламентом километровой высоты гору, отразившую основную энергию взрыва.

Гражданское население Прайм-Уорлда практически не пострадало. Все разрушения ограничились пятидесятипятикилометровой территорией императорского дворца.

Наклонившись, Император поднял с земли маленький серый предмет. Осмотрев находку со всех сторон, он показал ее гуркам — каким-то чудом одна роза, сгорев в ядерном огне, не рассыпалась в прах, а осталась целой.

Гурки бесстрастно рассматривали розу, и тут сверху послышался гул работающего генератора Мак-Лина. Подняв виллиганы, охранники дружно повернулись на шум.

— Не стрелять, — приказал Император, и стража опустила оружие.

К Императору спускалась небольшая капелька. За ее прозрачным колпаком виднелось черно-золотое тело манаби. То мог быть только сэр Эку.

Капля дипломатично зависла в трех метрах от властителя.

— Вы живы, — спокойно отметил Эку.

— Я жив, — согласился Император.

— Примите мои соболезнования, замок был прекрасен.

— Дворец восстановить не трудно.

Капля слегка покачивалась на ветру.

— Вы говорите от имени таанцев? — спросил Император.

— Они меня просили, я отказался. Они хотели, чтобы я передал вам ультиматум. При этом они даже не давали мне времени добраться до Прайма.

— Очень на них похоже.

— Теперь я говорю от имени манаби. И от себя лично.

«Весьма любопытно, — подумал Император. — Манаби практически никогда не выступали единым фронтом».

— Разрешите сперва задать вам один вопрос?

— Пожалуйста. Но я могу не ответить.

— Разумеется.

Эку развернул каплю так, что теперь она, казалось, смотрела на гуркских телохранителей.

— Их можете не стесняться, — заверил Император. — Они умеют молчать, не хуже вас.

Это была чистая правда. Ни гурки, ни манаби не раскрывали чужих тайн. И ни пытки, ни наркотики, ни психологические приемы не могли заставить их говорить.

— Я только что прибыл на Прайм. Как вы оцениваете ситуацию?

— Как весьма плачевную, — честно сказал Император. — Я потерял минимум дюжину флотов. По меньшей мере сорок систем либо уже захвачены таанцами, либо будут захвачены в ближайшее время.

Эку задумался.

— А ваши союзники?

— Они все еще не решили, как им поступить, — сухо ответил Император. — Я полагаю, что лишь половина из них объявит таанцам войну. Остальные поддержат победителя.

— И как, по вашему мнению, закончится эта война?

Император долго разглядывал сгоревшую розу.

— На этот вопрос я отвечать не стану.

— Понимаю... А теперь я хотел бы говорить от имени моих предков, моих сородичей и всех поколений, которым еще только предстоит вылупиться. Мы не воинственная раса. Однако в этой войне мы хотели бы принять сторону Империи. Мы будем и дальше поддерживать видимость нейтралитета, но вы можете свободно располагать всей информацией, которую нам удалось собрать и которую мы еще соберем в будущем.

Император едва не улыбнулся. Заявление сэра Эку было единственной хорошей вестью в кошмаре ежедневных сводок.

— Почему? Похоже, таанцы побеждают.

— Это невозможно, — ответил Эку. — Мы могли бы поговорить наедине?

— Я уже...

— Я повторяю мою просьбу.

Император кивнул. Из капли Эку выскользнул длинный стержень, и стража снова подняла виллиганы. И опять Император знаком велел им опустить оружие.

Стержень коснулся шлема властителя.

— Я думаю, — послышался голос Эку, — что даже ваши самые верные слуги не должны стать свидетелями этого разговора. Вы полагаете, таанцы верят, что Антиматерию-Два можно открыть заново и/или что, победив, они смогут найти ее источник?

Наступило долгое молчание. Где и как возникала АМ-2, было самой большой тайной Империи. Еще бы, ведь только АМ-2 могла сохранить Империю, как единое целое.

— Возможно, они действительно рассуждают именно так, — наконец согласился властитель.

— Значит, они ошибаются. Можете мне ничего не отвечать. Мы уверены, что единственным, я повторяю, единственным, источником АМ-2 являетесь вы сами. Мы не знаем, как это произошло, но не сомневаемся в правоте нашего вывода. И потому эта война может закончиться двояко. Если победите вы, все хорошо. Но победа таанцев приведет к полной и окончательной гибели и без того невысокого уровня цивилизации, какую мы сейчас наблюдаем во Вселенной.

Стержень втянулся обратно в каплю. По пути он задел розу, и сухой серый пепел осыпал перчатку Императора.

ГЛАВА 47

— Капитан, до какой степени вы готовы воспользоваться свободой, предоставленной адмиралом?

Стэн ждал, пока Саттон пояснит свою мысль. Четверо командиров такшипов, вместе с Саттоном и Килгуром, об-

суждали план дальнейших действий. Они собрались в уголке старого склада, приспособленного Саттоном для хранения припасов отряда.

— Я... гм-м... успел как-то привязаться к нашим кораблям, — продолжал спиндарец. — Они напоминают мне потомство нашей расы. Даже покинув родительскую сумку, крошки не могут уходить далеко — иначе смерть.

Стэн сразу понял эту аналогию. Его такшипы из-за малого запаса воздуха, продуктов и амуниции тоже не могли далеко улетать от базы.

— Таан снова ударит по Кавите, — сказала Ш'аарл'т. — Может, ковровой бомбардировкой, а может, высадят десант. Мне бы не хотелось держать здесь все наше барахло.

— Красиво будет, — добавил Стикка, обводя взглядом боеприпасы, ящики с рационами и запасными частями, — если сюда залетит таанская бомба.

— Именно это я и собирался сказать, — кивнул спиндарец. — Кавите сейчас не больно-то надежное убежище.

— Прежде всего, — произнес Стэн, — надо решить, как быть с адмиралом. Ван Дурман никогда не одобрит перенос базы операций, с припасами и техниками, в другое место.

— А кто ему об этом расскажет?

— Думаю, он ничего и не заметит, — вставил Эстил.

— Согласен. Теперь второе. Как мы перевезем все это барахло? На такшипах места кот наплакал.

— Я предвидел эту проблему, — вмешался Саттон. — Должен вам сообщить, что у меня есть один знакомый, которому я, в свое время, оказал некую услугу. Весьма, кстати, крупную услугу.

— И, разумеется, у него есть корабль.

— Разумеется.

— Как это ему удалось его сохранить? — с сомнением в голосе спросил Стэн. — Почему его корабль не реквизировали для нужд флота?

— Дело в том, что корабль моего знакомого использовался для транспортировки отходов.

— Мусорщик, что ли?

— Хуже, сэр. Он перевозил отходы жизнедеятельности человеческого организма.

Стэн даже присвистнул.

— Экипажам, ясное дело, понравится путешествовать в сральнике.

— Ну что вы, капитан, — возразил Килгур. — Никто и не вякнет. Они же уверены, что и так сидят по уши в дерьме.

— Очень смешно, мистер Килгур. Вот вам и карты в руки. Сами объявите о передислокации.

— Никаких проблем. Только один вопрос: вы уже знаете, куда мы передислоцируемся?

— Бедняга, — заметила Ш'аарл't, сочувственно потрепав Алекса лапой по плечу. Тот уже успел привыкнуть в виду капитана «Клаггета» и даже не вздрогнул. — Где еще нам сидеть, как не среди воров?

— Будь я проклят! Ты права!

— Ромни! — воскликнул Стэн.

— Совершенно верно, — сказала Ш'аарл't. — Если кто и сумеет избежать внимания таанцев, так только контрабандисты.

— На этот раз, похоже, Вайлда перехитрили, — мрачно заметил Алекс.

Стэн осторожно подводил «Гэмбл» к пробитому куполу Ромни. Остальные три такшипа и транспорт ждали на расстоянии планетарного диаметра.

— Сигналов нет, сэр, — доложил Фосс.

Если бы таанцы готовили западню, чуткие сенсоры «Гэмбла» наверняка что-нибудь да учуяли. Стэн снизил мощность Югавы, и такшип аккуратно нырнул в дыру купола.

Ромни был мертв.

Стэн насчитал шесть, нет, семь разбитых кораблей на летном поле. Там, где располагалась резиденция Вайлда, зиял огромный кратер. Башня связистов, жилые помещения, ангары — все было взорвано.

— Зовите остальные корабли, — приказал Стэн. — Пусть садятся. Экипажам в скафандрах через час собраться у первого ангара.

— Похоже, — доложил Фосс, — что Вайлда и его контрабандистов застигли врасплох.

— И напали на них именно таанцы, — добавил Алекс. — Я тут нашел пару неразорвавшихся ракет.

— Тела?

— Ни одного, и это самое странное. Склады тоже пусты.

— А не могли таанцы приземлиться и забрать весь товар?

— Оставив на месте оружие? — Килгур показал на брошенную ракетную батарею. На первый взгляд она выглядела вполне исправной.

Стэн кивнул. Ему и самому это не нравилось.

— Отлично. Значит, так, — объявил он, обращаясь к собравшимся экипажам. — Здесь будет наш дом вдали от дома. Мистер Саттон, проследите за разгрузкой транспорта. Затем на нем возвращаетесь в Кавите. Вас сопровождает «Ричардс». Мистер Фосс, поищите неповрежденные жилые купола, разберитесь, чем из электроники Вайлда мы сможем воспользоваться. Потом сообщите мистеру Саттону, что вам требуется для создания надежной связи с Кавите. План таков. Здесь будет наша передовая база. Мы спрячем жилые купола внутри ангаров и складов. Немного подвинем эти обломки, — капитан указал на взорванные суда контрабандистов, — и используем их для маскировки такшипов. Даже если таанцы вновь посетят Ромни, они должны увидеть одни лишь руины.

«Если только, — мысленно добавил Стэн, — они ограничатся визуальным осмотром. Если же они залезут под купол и пустят в дело нюхачи и термодатчики...»

ГЛАВА 48

Больше всего матросов 23-го Флота занимал вопрос о том, почему таанцы больше не атакуют Кавите.

Вряд ли их остановил урон, понесенный ими от такшипов Стэна. Что значила для врага потеря двух крейсеров да десятка атмосферных бомбардировщиков? Ну, еще, конечно, повреждение «Фореза», но все равно, таанцы не должны были отказываться от высадки. Только полное уничтожение всего флота леди Этего могло заставить их изменить планы. А уж 23-й Флот явно не представлял для врага никакой опасности. За исключением крохотного отряда Стэна, раздробленные силы Ван Дурмана были совершенно не готовы к бою.

Этот же вопрос задавали себе и бойцы флота леди Этего. Высадки на других планетах системы прошли весьма успешно. Адмирал Деска как раз пересматривал план штурма Кавите,

когда получил новый приказ из Хиза: леди Этего следовало немедленно прибыть в Таанский Совет за указаниями. Ее флоту предписывалось закрепиться на достигнутых рубежах и, по возможности, не ввязываться в бой с имперцами.

Дожидаясь возвращения леди Этего, адмирал Деска непрерывно подгонял ремонтников, восстанавливавших «Форез». А еще он мог часами разглядывать экран на стене, показывающий текущее распределение сил — по крайней мере так, как об этом сообщали таанские и имперские информационные агентства. Оранжевым Деска обозначил территории, изначально принадлежавшие таанцам. Голубым — Империи. И красным — то, что таанцам удалось захватить в последнее время. При просмотре во временной перспективе зрелище получалось весьма эффектное. Красные щупальца неумолимо сжимали голубого гиганта, проникая в самое сердце Империи.

Деска до глубины души стыдился голубого огонька системы Калтор. Тут он потерпел поражение. А таанцы не принимали поражений.

Подтверждением тому мог служить даже таанский язык. Вот прекрасный пример сложностей, с которыми придется столкнуться любой, не ориентированной на войну, культуре при общении с таанцами. Все таанское «общество» состояло из различных военизированных групп и формирований. А раз так, то и их язык включал в себя непомерное количество солдатского жаргона. Но что еще хуже, первый Таанский Совет решил, что народу требуется по-настоящему военный язык. И потому искусные лингвисты создали новые многозначные слова. Теперь эмоциональная окраска описываемого словом поступка становилась совершенно очевидной.

Три простых примера: глагол «акомита» означает одновременно «сдаться» и «перестать существовать». Глагол «мелтах» — «уничтожить» и «добиться успеха». Глагол «верлаач» — «победить» и «покрыть позором».

Адмирал Деска знал, что, несмотря на покровительство лорда Ферле, от леди Этего вполне могут потребовать искупить свою вину ритуальным самоубийством. Учитывая ее ранг, вряд ли наказание будет более суровым. Но если леди Этего покончит с собой, то ее судьбу придется разделить и самому Деске.

Наконец крейсер, несущий на своем борту или леди Этего, или ее заместителя, подошел к «Кисо». Дожидаясь сты-

ковки, Деска усилием воли достиг четвертого уровня состояния дхиана — состояния безмыслия, бесстрашия и отсутствия сомнений. Он ждал.

Люк раскрылся, и леди Этего вновь вступила на «Кисо». Адмирал Деска почувствовал, как к нему возвращается надежда. Добавив увеличение монитора, он пристально вглядывался в лицо своего командира. Но черты леди Этего, как всегда, оставались совершенно бесстрастными. Деска выключил монитор. Ничего, в свое время Этего все ему расскажет.

И это время настало.

Таанский Совет действительно был недоволен провалом операции по захвату Кавите. Другие адмиралы, не сумевшие полностью выполнить поставленные перед ними задачи, уже поплатились за это званиями и постами. Этего, по мнению Дески, тоже собирались снять. Но упорство императорских войск в системе Калтор подсказало другой ход. Не без удивления Деска узнал, что предложил ход не покровитель леди Этего лорд Ферле, а лорд Пэстор.

— Мы не ожидали такого поворота события, — сказал тот, — однако ситуацию в системе Калтора вполне можно обернуть в нашу пользу.

— Возможно, — кивнул Ферле.

— Мы все согласны, что главным фактором, обуславливающим нашу победу, является склонность Императора принимать решения под влиянием эмоций. Как будто одной логики тут не достаточно.

— Это общеизвестно.

— Прошу прощения у членов Совета. Я не слишком искусен в выступлениях, тем более по столь важным вопросам, и потому мне бы хотелось порассуждать вслух.

Значит, с одним мы все согласны. Теперь второй факт. Императору, несомненно, нужен хоть какой-то успех, чтобы поддержать моральный дух своих войск и убедить колеблющихся взять его сторону.

— С этим тоже можно согласиться, — кивнул лорд Вичман.

— В таком случае я предлагаю немного ему помочь. Пусть из трех, нет из четырех независимых источников ему станет известно, что провал нашей операции на Кавите был следствием неумелого руководства и использования второсортных войск.

— Ага... — понимающе протянул Вичман.

— Император пошлет туда подкрепление, и мы захватим в ловушку нечто большее, чем обломки уже уничтоженного нами флота.

— Мне это нравится, — объявил лорд Ферле. — Надо только позаботиться, чтобы имперцы ни о чем не пронюхали. В остальном план великолепен. Преклоняюсь перед хитроумием лорда Пэстора.

Он окинул взглядом остальных двадцать семь членов Совета. Можно и не голосовать.

— Я хотел бы сделать одно маленькое добавление, — поднялся лорд Вичман. — Почему бы нам не подкрепить войска леди Этего одним из наших резервных флотов? Тогда имперские части будут не просто разгромлены, а буквально стерты в порошок.

— Верно, — кивнул Ферле. — Значит, решено. — Он повернулся к экрану, на котором застыло изображение леди Этего. — Это все, леди. По возвращении во флот вы получите полный заверенный приказ.

Экран погас.

«И на сей раз, — подумал лорд Ферле, — ты уж лучше победи. Потому что если ты снова потерпишь поражение, я не смогу тебя спасти».

Приказ был готов еще до того, как тяжелый крейсер леди Этего покинул Хиз. В систему Калтора направлялись три свежие десантные части с боевыми машинами и соединениями поддержки.

Взялась за дело и контрразведка. Впрочем, она могла и не стараться. Вечный Император уже отдал распоряжение генерал-майору Яну Махони и его людям передислоцироваться на Кавите.

ГЛАВА 49

Стэн и такшипы могли уцелеть в одном единственном случае — если они всегда находятся не там, где их ждут. Любому таанскому корвету за глаза хватило бы сил один на один

справиться с кораблем класса «бакилей». И поэтому Стэн постоянно призывал своих капитанов думать — наподобие карася среди акул.

После обустройства на новой базе пришла пора выбирать цели для атаки. Причем такие, чтобы, поразив врага, уцелеть самому.

Три ближайшие к Калтору системы кишмя кишели таанцами, так и рвущимися в бой. Туда соваться не стоило. Стэн хотел найти такое направление удара, где бы его атака оказалась неожиданной. Причем желательно, чтобы враг понес максимальные потери. Значит, следовало охотиться на транспорты.

Таанцы, разумеется, охраняли пути своих грузовых кораблей. Но не на всем же их протяжении? Возле системы Калтора — конечно. Дальше, в открытый космос или возле своих систем — маловероятно. Поблизости ни одного имперского корабля, не считая остатков 23-го Флота. Так зачем же зря тратить горючее и силы? Зачем отвлекать боевые корабли? Да и не могут такшипы далеко улетать от Кавите.

Что правда, то правда. Такшипы действительно далеко улетать не могли. Но только из-за недостатка припасов и амуниции. Не из-за двигателей или горючего. Каждый корабль класса «бакилей» нес на борту столько АМ-2, что хватило бы на полгода.

Стэн надеялся, что таанцы поверят своей логике.

И вот техники Стэна переделали один из вспомогательных кораблей, двигатели которого были уничтожены при бомбардировке, в летающий склад. Такшипы подняли его в космос, дотащили до Ромни и под завязку нагрузили припасами. Затем, впятером, они отправились в путь.

Первый этап увел их далеко в сторону от торных дорог. Затем где-то у черта на рогах они повернули в сторону Таанских миров. Они продвигались медленно и осторожно. Они знали, верили, отчаянно надеялись, что сумеют засечь таанцев раньше, чем те засекут их. Они искали траекторию, по которой корабли с Хиза летели в ближайшие к Калтору системы. В том, что такая должна быть, Стэн не сомневался.

Две недели спустя они в последний раз дозаправились от транспорта. Бросив судно на орбите вокруг необитаемой планеты, такшипы продолжали поиски. К тому времени слабенькие рециклеры воздуха уже не справлялись с нагрузкой. И корабли, и экипаж пахли как хорошо вызревшие носки.

Стэн недоумевал, почему ни в одной из иллюзолент про войну он не сталкивался с такой прозой жизни, как солдатская вонь. Вонь от страха. Вонь от усталости. Вонь от грязи.

И тут взревели сирены тревоги. Мигом приготовившись к бою, четыре корабля ждали приказа атаковать.

На экране перед Стэном медленно плыли четыре транспорта. Пурпурные огоньки двигателей однозначно выдавали в них таанцев. Но куда интереснее было странное мерцание, появившееся на соседнем экране.

— Можно атаковать? — поинтересовалась Ш'аарл'т.

— Нет. Ждите приказа.

Стэн, Килгур и Фосс пристально разглядывали мерцающие точки.

— Это не корабли, — наконец сказал Алекс. — Сигналы слишком слабые.

— Может, маяки? — предположил Фосс.

— Какие маяки в открытом космосе? — пожал плечами Стэн. — Кстати, они что-нибудь передают?

Фосс проверил показания сенсоров.

— Нет, сэр. Мы принимаем только слабый шум. Может, это рации, работающие на прием? Или какая-то выносная суперантенна?

— Чертовски маловероятно, — покачал головой Килгур.

Стэн решил поглядеть поближе. Сев за оружейный пульт Килгура, он опустил на голову контрольный шлем.

— Запустите «Фокс». Боеголовку оставьте на предохранителе.

Килгур через плечо своего командира нажал нужные клавиши. Теперь Стэн видел мир через радар своей ракеты. Он летел не спеша, практически на минимально возможной скорости. Мерцающие огоньки росли, и вот они уже появились не только как источники радиопомех, но и как вполне конкретные тела.

— Они не связаны друг с другом, — сообщил Фосс. — Ни механически, ни электронно. По крайней мере, сейчас не связаны, — подумав, добавил он.

— Больше всего это похоже на минное поле, — произнес Стэн.

— Ты, наверное, чокнулся, парень, — возмутился Килгур. — Даже таанцы не так глупы, чтобы ставить на пути своих транспортов мины!

— Разве мины обязаны быть пассивными?

— М-да... В этом что-то есть...

Стэн снял шлем и повернулся к своим офицерам.

— Возможно, мы регистрируем шум их приемников, — задумчиво постукивая карандашом по зубам, говорил Фосс. — Знаете, схема совсем простая. Вы помещаете там свою ракету с приемопередатчиком. Все ваши корабли имеют опознавательные коды типа «свой — чужой». При правильном ответе на запрос мина будет игнорировать проходящий мимо корабль. Но если ответа нет или он не правильный, ракета активизируется и атакует чужака. Если хотите сбить врагов с толка, вы можете так запрограммировать мины, что они будут перемещаться с места на место. Блок-схема такого устройства выглядит...

Фосс очистил экран и взялся за световое перо.

— Со схемами потом, парень, — остановил его Килгур. — Сперва вопрос: что нам делать?

— Может, они не среагируют на такой маленький кораблик, как наш такшип? — предположил Стэн.

— Ты готов рискнуть?

— У нас в роду, кажется, не было идиотов.

— Получается, мы не можем напасть на этот конвой?

— Поживем — увидим. Мистер Килгур, прикажите подготовить три скафандра.

— Так можно и погибнуть, — проворчал Килгур.

Они втроем висели всего в нескольких дюймах от таанской мины. Оставив «Гэмбл» на попечение инженера Хокинса, Стэн, Килгур и Фосс на разоруженном «Гоблине» подлетели к минному полю. Стэн считал, что мины не должны обратить внимание на крохотную ракету. Хотя, напоминал он сам себе, это могло быть и не так.

В полукилометре от мины Стэн остановил ракету. Дальше они полетят на ранцевых двигателях.

Мина представляла собой пятиметровый цилиндр с раструбами дюз на одном конце. Она висела внутри торообразного кольца диаметром в шесть метров. В нем, судя по всему, располагались пусковые и контрольные устройства.

Они кружили вокруг, пока не убедились в отсутствии очевидных ловушек. Затем подлетели поближе — туда, где, как

им казалось, находится контрольная панель. Фосс отцепил от пояса электроотвертку для работы в невесомости.

— Можно попробовать, сэр?

— Почему бы и нет?

По прямому лучу Стэн передавал на «Гэмбл» детальное описание всех их действий. Если Фосс ошибется и мина взорвется, следующая группа, если, конечно, такая будет, вторично той же ошибки не совершит.

Фосс вставил отвертку в шлиц и включил мотор.

— Мы вывинчиваем первый винт, нижний левый... выглядит он вполне обычно. Тяжело идет, мистер Фосс? Первый винт пошел... вынут. Второй винт, верхний правый. Готово. Третий... нижний левый. Тоже вынут... Все винты вынуты. Панель свободна. Выдвигаем ее на два сантиметра. С миной она, похоже, больше никак не связана.

Фосс посветил внутрь фонарем.

— И что мы там имеем?

— Грубая работа, сэр.

— Фосс, вы не зачет у студентов принимаете!

— Извините, сэр. Если мы правы... так, они соединили эти платы... да. Все просто, сэр.

— Говорит Стэн. Перерыв в связи. — Стэн отключил луч на «Гэмбл» и жестом велел своим спутникам подплыть к нему. — Фосс, мы можем разрядить эту мину?

— Проще пареной репы. Отсоединить любую из трех ключевых плат — и этой штукой можно будет забивать гвозди.

— Значит, нам остается только выяснить радиус действия мин. Тогда, разряжая их, мы создадим себе простор для маневра. И дело в шляпе.

Килгур легонько потрепал Стэна по шлему. От его дружеского похлопывания они закрутились, как два волчка.

— Бедняга, — посочувствовал Алекс. — Тяжело, наверное, все время командовать. Сказывается, видать, на мозгах. Такой молодой, а уже кретин.

— Ты придумал что-то получше?

— А то как же. Крутой план. Что самое приятное, нам даже не надо торчать тут, чтобы устроить таанцам чертову пропасть неприятностей.

— Давай выкладывай.

— Если он тебе понравится, ты разрешишь мне рассказать парням историю о пятнистых змеях?

— Ни за что на свете! Даже если из-за этого мы проиграем чертову войну!.. Не тяни, Килгур. Выкладывай, чего ты там надумал.

Конвой таанцев состоял из одиннадцати транспортов. Восемь из них везли по батальону десантников каждый. Этим отборным частям предстояло усилить части леди Этего во время грядущего штурма Кавите. Три других транспорта были под завязку нагружены боеприпасами и прочей амуницией. Их сопровождал маленький патрульный бот, служивший скорее проводником, чем защитником.

Курс кораблей пролегал в нескольких световых секундах от одного из минных полей. Командир конвоя, недавно призванный на службу резервист, чувствовал себя не в своей тарелке. Еще много лет тому назад, работая в торговом флоте, он уверовал, что машины жаждут его смерти. И чем больше машина, тем более злобные у нее замыслы. Несчастный капитан старался даже и не вспоминать о машинах, способных взрываться. А тут, совсем рядом, несметная туча таких устройств!

В некоторой степени он даже не удивился, когда дежурный офицер заметил какую-то странную активность на минном поле. А затем сообщения посыпались, как из рога изобилия — мины активизировались и устремлялись в погоню.

Уверенный, что вышел из строя определитель «свой — чужой», командир конвоя приказал подвести корабль вплотную к другому. Но это не помогло. На кораблях поднялась паника, матросы влезали в скафандры, захлопывали воздухонепроницаемые перегородки между отсеками.

Пятнадцать ракет атаковали одиннадцать транспортов. Каждая мина была способна вывести из строя крупный боевой корабль. Лишенные брони транспорты с первого взрыва обращались в облако радиоактивного газа.

Дело в том, что техники Стэна вовсе не стали разряжать мины. Вместо этого Фосс проанализировал память взрывного устройства и настроил схемы управления так, что таанский сигнал «свой» служил одновременно и командой пуска ракеты, и указателем цели.

Транспорты просто-напросто исчезли, остался только патрульный бот. Стэн мог бы не волноваться. Мины действительно были запрограммированы игнорировать мелкие суда.

Шесть стартовавших мин опоздали на праздник. Пока они летели, все цели уже были уничтожены. Теперь они кружили, «не зная», что им делать дальше. Капитану бота следовало бы на полной скорости нестись на базу — докладывать о случившемся. Вместо этого он открыл огонь по одной из мин, активизировав тем самым вторичную программу: в случае враждебных действий со стороны корабля любого размера переходить в атаку.

Последний взрыв стал началом новой тайны. Как мог бесследно исчезнуть конвой в совершенно безопасном и тщательно охраняемом секторе? Моряки не любят подобных тайн, зато обожают о них рассказывать. Очень скоро все без исключения знали: с Пограничными Мирами дело неладно. Туда, мой друг, лучше не соваться.

Исчезновение конвоя вынудило таанцев отозвать с фронта часть военных кораблей. Им предстояло теперь сопровождать транспорты и искать загадочного имперского рейдера, по мнению некоторых офицеров, маскирующегося под таанское судно.

Прежде чем вернуться на Ромни, Стэн перепрограммировал еще четыре минных поля.

Они начали борьбу.

ГЛАВА 50

— Капитан Стэн, — сказал адмирал Ван Дурман, досмотрев рапорт Стэна о последнем походе. — Я должен вас поздравить.

— Спасибо, сэр.

— Знаете, — продолжал Дурман, вставая из-за стола, — во флоте, оказывается, так просто отстать от жизни. Накапливаются привычки, и ты уже не хочешь видеть ничего нового. Ты полагаешь, что есть только одна шкала ценностей — та, к которой привык ты сам. Ты уверен, что чем меньше корабль, тем он слабее. Ты полагаешь, что одной демонстрации силы достаточно, чтобы обезопасить Империю от врагов. Ты думаешь... черт побери, ты много всякого думаешь.

А потом в один прекрасный день выясняется, что ты ошибался.

Это, решил Стэн, весьма честный и точный приговор адмиралу Ван Дурману. Может, стоило бы еще упомянуть о любви к роскоши, помпезности и показухе. Ну и припомнить склонность к упрямой тупости... Вопрос теперь только в том, что Ван Дурман сделает дальше. Подаст в отставку? Или примет яд, как таанский военачальник, проигравший сражение? Ха. Ха. Ха. Очень смешно.

— Я решил представить вас к медали «За доблестную службу». А еще доверить вам вручение четырех медалей тем членам вашего отряда, кто это в наибольшей степени заслужил.

— Спасибо, сэр.

С гораздо большим удовольствием Стэн получил бы сейчас пару запасных двигателей и запас ракет для своих такшипов.

— Я хотел бы видеть вас и выбранных вами людей здесь, в штабе, в четырнадцать ноль ноль. В парадной форме.

— Так точно, сэр. Могу я спросить зачем?

— Для торжественной церемонии вручения наград. Я организую присутствие журналистов. После церемонии мы проведем пресс-конференцию.

— Сэр... мне кажется, это не очень хорошая идея.

— Не надо скромничать, капитан! Вы одержали замечательную победу. А сейчас вся Кавите, да что там Кавите, вся Империя с нетерпением ждет хороших новостей.

— Я не скромничаю, сэр. Просто... сэр... мы оставили таанцам в подарок еще четыре переделанных минных поля. Если они пронюхают... сэр, это сорвет всю операцию!

Ван Дурман, надо отдать ему должное, и в самом деле обдумал слова Стэна.

— А возможно ли, — спросил он, возвращаясь в свое кресло, — дать другое объяснение вашего успеха?

Перевод: можем ли мы солгать?

— Вероятно, сэр. Однако журналисты наверняка захотят поговорить с моими людьми. А они, боюсь, не сумеют дать достаточно убедительного ответа. Мои матросы не обучены искусству дезинформации.

Если бы Килгур узнал о таком заявлении Стэна, он бы, наверное, придушил его на месте. Алекс был одним из лучших, профессиональных лжецов, каких Стэн только знал.

— Это и в самом деле рискованно, — согласился Ван Дурман. — Вы правы. Я отложу пресс-конференцию. И, капитан, еще один вопрос. Я не стану менять ваших полномочий — вы прекрасно действуете самостоятельно. Мне бы только хотелось, чтобы впредь ваши операции проводились немного ближе к Калтору.

— Например, сэр?

— Я просил бы вас атаковать соседние с нами системы.

— У них весьма серьезная защита, сэр.

— Это очень важно.

— Разрешите вопрос, сэр: почему надо атаковать именно ближайшие системы?

— Я планирую провести вскоре операцию, которая потребует поддержки всех оставшихся в нашем распоряжении сил флота. К сожалению, пока я не могу выразиться определеннее — операция готовится в условиях строжайшей секретности.

Прости-прощай краткий миг просветления адмирала Ван Дурмана! У Стэна был самый высокий допуск из всех офицеров 23-го Флота, включая и самого адмирала. Он мог бы заметить, что трудно поддерживать атаку (или отступление?), не зная, что происходит. Он искренне считал, что «строжайшая секретность» для кретинов дурмановского штаба скорее всего означала, что о планируемой операции знает весь офицерский клуб. Вместо этого он встал по стойке «смирно».

— Так точно, сэр. Я и мой штаб подготовим планы возможных рейдов.

— Отлично, капитан. Еще раз — мои поздравления.

Выходя из адмиральского кабинета, Стэн думал о том, не заразен ли Ван Дурман. Планы рейдов? Штаб? Это значит, что четыре офицера, унтер и снабженец сядут обсудить перспективы за бутылкой джина.

Стэн надеялся найти Бриджит в какой-нибудь романтической обстановке. Например, на цветочной лужайке, где не видно и не слышно войны. А еще он надеялся, что девушка достаточно оправилась от смерти матери и что страсть сможет найти дорожку в ее сердце.

Стэн нашел ее в девяноста футах под землей, в забрызганном кровью комбинезоне, толкающей каталку мимо какого-то грызущего скалу агрегата.

У кого-то в штабе Ван Дурмана все-таки хватило и хитрости, и сообразительности. После Дня Империи госпитали Кавите были переполнены, срочно требовались новые места. Неизвестный администратор явно достаточно знал о практикуемых таанцами методах ведения войны. Он понимал, что древний красный крест на госпитальной крыше станет прекрасной, хорошо обозначенной целью при следующем налете. Поэтому базовый госпиталь располагался теперь глубоко под землей. Между прочим, прямо под зданием, где много лет тому назад находился таанский консультант на Пограничных Мирах.

Стэн помог Бриджит поместить раненого в медмашину, а потом спросил, когда кончается ее смена. Устало улыбнувшись, девушка ответила, что завтра утром. К тому времени Стэн уже будет на борту «Гэмбла». Вот и конец романтике.

Бриджит сумела изобразить еще одну улыбку, на этот раз сочувственную, прекрасно понимая, чего хотелось Стэну. Взяв его за локоть, она отвела своего друга в переполненную столовую для персонала, где угостила чашкой совершенно ужасного кофе. Оказывается, уже на следующий день после похорон матери Бриджит добровольцем пошла в госпиталь. Довоенный мир белых платьев, скуки и вечеринок сгорел без следа.

Стэн был приятно удивлен и уже хотел что-то сказать на эту тему, когда наконец понял, о чем на самом деле рассказывает ему Бриджит. О чем бы она ни говорила, у нее непрерывно, по делу и без дела, всплывал некий доктор Моррисон. Доктор Моррисон то, и доктор Моррисон это, и как самоотверженно работает доктор Моррисон, и сколько жизней спас доктор Моррисон... Бриджит, насколько Стэну удалось понять, работала у этого самого доктора Моррисона старшей медицинской сестрой. А еще он понял, что даже если бы он и встретил Бриджит на романтичной цветочной полянке, то его, скорее всего, попросили бы помочь собрать цветы для доктора Моррисона.

Что поделаешь. Стэн никогда не считал себя неотразимым, пусть даже дни командира такшипа и кратки, как у бабочки.

Вдруг лицо Бриджит смягчилось, на ее губах появилась теплая улыбка.

— Вот она! Доктор Моррисон! Вон там!

Капитан Имперской Медицинской Службы Элен Моррисон, на взгляд Стэна, была не менее красива, чем Бриджит, однако от ее приветствия веяло холодом. Казалось, она видит в Стэне очередного пациента, не больше. Элен села, и Бриджит почти машинально взяла ее за руку.

Поговорив еще пару минут о ничего не значащих пустяках, Стэн допил свой кофе и распрощался.

Война все меняет. Иногда даже к лучшему.

Несколько дней спустя адмирал Ван Дурман получил-таки свою победу. Благодаря имперскому такшипу «Ричардс», лейтенанту Эстилу и младшему лейтенанту Тапии. Так, во всяком случае, полагали все, кроме самой Тапии.

Они добрую неделю болтались в космосе, прежде чем нашли подходящую цель — громадный штурмовой корабль таанцев, летающая база атмосферных бомбардировщиков. По данным бортового компьютера «Ричардса», такие корабли не отличались особой толщиной брони, и если в них попадали до того, как команда успевала закрыть переборки, взрыв получался очень даже впечатляющий.

Сложность была только в том, что этот корабль сопровождали крейсер и полдюжины эсминцев, а на «Ричардсе» никому не хотелось кончать жизнь самоубийством.

Тапия дала своему командиру время проиграть на компьютере и отбросить десяток вариантов атаки, а потом высказала предложение. Такому не учили ни в одной школе, но Эстил набрался кое-какого опыта в отряде Стэна и потому решил рискнуть. Передав командование Тапии, лейтенант заявил, что, если план сработает, он сам «полетит» на «Кали».

Оставаясь невидимым, «Ричардс» обогнал таанцев и на полной скорости ушел вперед. Тапия скорректировала координаты и заглушила двигатели. Такшип повис точно на вычисленной траектории движения врага. Затем Тапия отключила все оборудование, включая генераторы искусственной гравитации, и выбросила в люк все, без чего можно было хоть как-то обойтись: кресла, рационы, металлизированную фольгу, идеально отражающую радарные лучи, даже пару запасных скафандров.

Началось ожидание. Вскоре пассивные детекторы засекли сенсорные лучи таанцев. Ожидание продолжалось.

Одинокий эсминец вырвался из конвоя и по восьмерке облетел такшип. Он явно пытался понять, что же такое он нашел, а конвой между тем все приближался.

— Это будет интересно, — прошептала Тапия.

Можно было, конечно, выразиться и так. Ведь если враг не поверит, что такшип мертв, если камуфляж не сработает, то эсминец просто-напросто пойдет в атаку. Тогда и молниеносные рефлексы экипажа, и скорость такшипа вряд ли спасут его от уничтожения.

Пассивные экраны показали отсутствие сигналов, и Тапия облегченно вздохнула. Если бы эсминец собирался атаковать, они бы уловили сигналы наводящего компьютера.

— Приготовьтесь, лейтенант.

Эстил кивнул. Тапия подала напряжение на свою панель. Узкий луч дальномера, направленный на штурмовой корабль таанцев, считывал дистанцию. Близко... Ближе... В пределах досягаемости.

Тапия включила управление, инженер запустил генераторы, и «Ричардс» ожил. Две секунды спустя Эстил запустил «Кали».

На таанских кораблях забили тревогу. Ринулись в атаку эсминцы. Кинулся вперед крейсер. Штурмовой корабль, пытаясь спастись, начал отчаянно маневрировать.

У Тапии не было времени глазеть по сторонам. Она на предельной скорости гнала «Ричардс» прочь. Пора думать о собственной шкуре.

Лететь «Кали» оставалось всего несколько секунд, и тут открыла огонь носовая зенитная батарея штурмового корабля. Она не могла остановить «Кали». Во всяком случае, в теории.

Обычно офицер, ведущий ракету к цели, остается с ней вплоть до самого взрыва. Но Эстилу это слишком напоминало смерть. И потому в самый последний момент, уже нажимая на кнопку взрыва, он сдернул с головы контрольный шлем.

Взрыв залил белизной кормовые экраны «Ричардса».

— Готов! — закричал Эстил и, снова натянув шлем, выпустил против таанских эсминцев серию «Гоблинов».

Тапия сверилась с индикаторами. Поблизости находились вражеские ракеты. Сближение... нет, цифры отрицательные. «Ричардс» уходил. Она бросила взгляд на главный экран и увидела, что количество точек на нем не изменилось. Таанцев осталось столько же, сколько десять минут тому назад. «Кали» и в самом деле подорвалась на зенитной ракете. Взрыв

погнул шпангоуты штурмового корабля, но в ремонтном доке его за пару дней вернут в строй.

Тапия пыталась сказать правду. Никто ее не слушал. Лейтенант Над Эстил стал героем. Ван Дурман наградил его Крестом Галактики, хотя формально такой орден мог вручать только сам Император. Журналисты как с ума посходили — Эстил не мог бы стать большим героем, даже если бы они его выдумали. Буквально за несколько часов его облик и доблестные деяния стали известны по всей Империи.

Тапия в частном порядке рассказала Стэну, что произошло на самом деле. Стэн хорошенько поразмыслил и посоветовал ей обо всем забыть. Он плевать хотел на ордена, а новый герой Империи совсем не помешает. К тому же Эстил искренне верил, что подбил штурмовой корабль.

Однако отряд такшипов получил приказ своего капитана лишний раз потренироваться на стимуляторе. Одна ошибка могла сойти с рук. Если Эстил ошибется вторично, это может стоить ему жизни.

Стэн очень не хотел потерять «Ричардс».

Лейтенант Стикка никак не мог успокоиться. Его разговор со Стэном плохо начался и еще хуже закончился. Но самое противное было в том, что исходная идея принадлежала самому Стикке.

Стэн честно пытался следовать туманному указанию Ван Дурмана побольше атаковать ближние к Калтору системы. Но любую атаку надо сперва подготовить. В частности, требовалось знать, на каких планетах таанцы разместили свои войска, какие именно и в каком состоянии. В итоге, прежде чем выбирать цели, такшипы занялись разведкой.

Стикке повезло. Он нашел цель — пальчики оближешь. Характерной чертой обнаруженной им планеты была огромная, длиной в несколько тысяч километров, река. На равнине в ее устье таанцы и разместили две десантные дивизии. Временно, разумеется. Только до начала штурма Кавите.

Стикке даже удалось узнать где, скорее всего, располагаются штабы.

Стэн от души поздравил его с успехом.

— Давай, лейтенант, — сказал он. — Прикончи их.

— Сэр?

Стэн очень устал, и ему было не до любезностей.

— Я сказал: возьми корабль, вооружи его, как надо, уничтожь противника.

— Я не маленький ребенок, сэр!

Стэн глубоко вздохнул.

— Извини, коли что не так. Но в чем тут проблема? Ты нашел врага. Вот и позаботься о нем.

— Возможно, я не до конца понимаю... что, собственно говоря, мне делать?

— Давай думать вместе. — Стэн мысленно перебрал имеющееся в его распоряжении оружие. — Вот что я бы тебе посоветовал. Первым делом, выкидываем пусковые установки «Гоблинов». На их место ставим еще восемь «Чейнов». Затем избавляемся от «Фоксов» — тебе потребуется место для дополнительной амуниции. Дальше: убираем «Кали». На корабельном кладбище был, если не ошибаюсь, старый корабль ближней поддержки. На нем должен стоять ленточный бомбомет. Демонтируй его и установи в пусковой трубе «Кали». Лучше всего подойдут ядерные боеголовки малой мощности, две-три килотонны от силы. Я рекомендовал бы, выйдя на цель, кидать их с интервалом не больше пяти секунд.

— Что-нибудь еще, капитан? — Голос Стикки дрожал.

— Эх, найти бы немного хорошего отравляющего газа... Увы. Чего нет, того нет.

Стэн нарочито не замечал реакции лейтенанта, надеясь, что тот сумет взять себя в руки. Стэн ошибался.

— Капитан! — вскакивая, воскликнул Стикка. — Я не убийца!..

— Лейтенант Стикка! — Стэн тоже вскочил из-за стола. — Смирно! Я хочу, чтобы вы разули уши и заткнули пасть!.. Да, лейтенант, вы именно убийца. Это ваша работа — убивать вражеских солдат. Убивать всеми доступными вам способами. А это значит, что если кто-нибудь изобретет машину времени, вы будете душить врага в колыбели! Кто, по-вашему, сидит в сбиваемых вами кораблях? Роботы?

— Там все иначе.

— Лейтенант, я, кажется, приказал вам молчать! Какого черта?! Мы что, должны ждать, пока все эти войска погрузятся в свои транспорты, и только тогда размазать их по космосу? Так вам кажется благороднее? Или, может, будем тянуть, пока они не высадятся здесь, на Кавите? Ваш род,

лейтенант, похоже, слишком долго не снимал розовых очков. Вам давно стоило бы понять: если бы не война, солдат расстреливали бы за умышленное убийство. Это все. Выполняйте приказ. Я хочу, чтобы через сорок стандартных часов вы уже были в космосе.

— Разрешите сказать пару слов, сэр?

— Нет! Свободны, лейтенант!

Отдав честь, Стикка четко повернулся через плечо и вышел из каюты. Стэн устало опустился в кресло.

Из кают-компании «Гэмбла» вышел Алекс. Посмеиваясь, он сел напротив капитана.

— Не боевой отряд, — простонал Стэн, — а какая-то чертова семинария!

— Усраться можно, — посочувствовал Алекс. — Еще немного, и он заявит, что войну надо вести по правилам. Позволь, я расскажу ему о пятнистых змеях?

— Только пикни, и я заставлю тебя пройти по доске над пропастью, — усмехнулся Стэн. — Вот только доски у меня нет...

Стикка выполнил приказ. Его план атаки сработал просто превосходно, и этот успех на вкус был горше поражения.

Он ввел «Келли» в атмосферу над морем — ночью, под покровом сильного шторма. Пользуясь тем, что таанцы не патрулировали реку, Стикка нырнул под воду, вошел в устье и опустил такшип на дно возле самого плато.

Лейтенант считал, что приказ ему отдали неправильный, но все равно готовился выполнить его как можно лучше. Вспоминая дни учебы, он решил, что любая армия наиболее уязвима ранним утром, через час после подъема. В это время все заняты умыванием, завтраком и тому подобными делами, стараясь при этом не угодить в наряд.

Ровно в семь часов утра Стикка поднял «Келли» из-под воды и на Югаве широким зигзагом устремился к штабам. Пересекая границы лагеря, он приказал экипажу открыть огонь из «Чейнов» и лично запустил бомбомет. На носовых экранах было видно, как маленькие ядерные бомбочки поднимались на тысячу футов в воздух, прежде чем устремиться к земле. К тому времени, как они взорвутся, «Келли» будет уже далеко.

Стикка отключил кормовые экраны. Он стал убийцей. Возможно, капитан Стэн прав, и все солдаты убийцы. Пусть так, но все равно Стикке не хотелось видеть дело своих рук.

Атака длилась двадцать минут. Когда «Келли» вышел на орбиту и включил АМ-2, один дивизионный штаб был полностью уничтожен, а потери второго составили сорок процентов. Из двадцати пяти тысяч таанских солдат почти одиннадцать тысяч погибло. Как боевые подразделения, две дивизии практически перестали существовать.

Лейтенант Стикка отказался от медали, затребовал трехдневную увольнительную и трое суток провалялся пьяным у себя в каюте.

Потом, справившись с похмельем, он побрился, принял душ и вернулся к своим обязанностям.

Ш'аарл't нашла себе не цель, а конфетку. Сложность заключалась только в том, что никто не знал, как до цели добраться — чтобы тебя не размазали в процессе по всему небу.

Ш'аарл't обнаружила главный склад боеприпасов. Таанцы устроили его в широкой, со всех сторон окруженной крутыми скалами долине. На гребнях они установили зенитные ракеты и лазеры. Воздушное пространство над долиной непрерывно патрулировалось военными гравикарами, а за пределами атмосферы, на синхронной орбите, повесили вооруженный до зубов спутник. Не упрощало дела и то, что вся планета, Орагинт, была постоянно укутана густыми облаками.

Ш'аарл't следила за транспортами таанцев, вычисляя их место назначения. Конвой следовал за конвоем, и становилось ясно, что где-то здесь враг расположил очень крупный склад. Для определенности Ш'аарл't поймала один следовавший без сопровождения корабль. Она рассчитывала развалить транспорт на части точными пусками «Фоксов» — интересно ведь узнать, что там у него внутри. Однако первая же ракета, которой следовало лишить транспорт мобильности, превратила его в огненный шар.

— Можно предположить, — сказала Ш'аарл't своему помощнику, — что этот корабль вез не продукты.

— Кто его знает, мадам. Таанцы любят острую пищу.

— Неважная шутка, приятель. Но раз ты у нас такой умный, скажи, как мы доберемся до этого чертового склада?

Вопрос оказался весьма непростой. Прежде всего, следовало выяснить, что же находится под облаками. Посадив «Клаттет» на одной из лун Орагинта, Ш'аарл't обдумала сложившуюся ситуацию.

Первым делом она подготовила камеру с длиннофокусными телеобъективами. Пошла в ход и инфракрасная оптика с компьютерным усилением. Запустив своего летающего разведчика, Ш'аарл't увидела большую круглую долину, где, судя по всему, и располагался склад. Рискнув, она включила лазерный дальномер. Полученные с его помощью данные подтвердили это предположение. Инфракрасные фотографии показали тепловое свечение на дне долины, — вероятно, посадочная площадка — и периодические вспышки на гребнях, скорее всего, от зенитных лазеров.

Собрав всю эту информацию, Ш'аарл't вернулась на Ромни посоветоваться со Стэном.

Проще всего было решить, чего делать *не* следует. Ясно, что посылать туда ракету просто-напросто бессмысленно. Даже «Кали» не прорвется мимо спутника. А там, внизу, ждет еще и толпа зенитных батарей.

Возможно, специальный корабль класса «хорек» мог бы подавить системы наведения и успеть дать залп по складу. Увы! С недавних пор «хорьки», как и многие другие типы кораблей, уже не числились в составе 23-го Флота.

— Беда в том, — подвел итог Стэн, — что туда никак не добраться.

— Маленькая поправочка, приятель, — вмешался Килгур. — Туда не добраться ни одним высокотехнологичным способом.

Стэн сразу понял, что Алекс хочет предложить.

— Может, ты и прав, — покачал головой он. — Но, во-первых, Ван Дурман вряд ли одолжит нам своих десантников, а во вторых, с чего ты решил, что они будут лучше всех его остальных раздолбаев?

— Да кому нужно это дерьмо, когда есть мы с тобой?

— Мы с тобой? — повторила Ш'аарл't. — Кто это «мы с тобой»?

— Как «кто»? Разумеется, я и бесстрашный капитан Стэн.

— Это, наверное, одна из твоих глупых шуточек?

— Вовсе нет. Я серьезен, как никогда.

— Брось заливать, мистер Килгур, — взорвалась Ш'аарл'т. — Вы двое — не какие-то там суперкоммандос. Я не знаю, чем раньше занимался ты, но наш мужественный командир служил простым офицером императорской Гвардии.

Именно так в личных делах Стэна и Килгура значились годы, проведенные ими в отряде Богомолов.

— Сомневаешься, приятель? Боишься отстать от такой старой перечницы, как я? Или ты не в форме? Животик у тебя стал ничего себе...

Ш'аарл'т даже опешила от подобной фамильярности. Она ждала грома и молний, но вместо этого Стэн обижено скривился:

— Я вовсе не растолстел, Алекс.

— Да я шучу, шучу. Это просто форма на тебе так висит.

— Вы что, серьезно? — не выдержала Ш'аарл'т.

— Возможно, мистер Килгур и прав, — кивнул Стэн. — Наверное, другого пути действительно нет.

— Вы знаете, что в Уставе Имперских Вооруженных Сил есть пункт, гласящий, что офицер имеет право заменить своего командира в случае, я цитирую: «*...тяжелого ранения, умышленного невыполнения приказов вышестоящего командования, и,* — слушайте внимательно, — *если командир сошел с ума*». Конец цитаты.

— В этом флоте, лейтенант, — усмехнулся Килгур, — где все кругом психи и безумцы, кто может сказать, в здравом уме твой командир или нет?

— Хорошо. Попробую еще раз. Два простых пилота никак не могут уничтожить строго охраняемый склад боеприпасов. Такое бывает только в кино.

Стэн и Алекс переглянулись. Строго охраняемый склад? Да они могли с ходу назвать несколько правительств звездных систем, внезапно оказавшихся не у дел благодаря усилиям пары агентов из отряда Богомолов.

— Полагаю, у тебя есть план? — спросил Стэн. — Не собираешься же ты лично минировать весь склад?

— Пока я еще ничего не придумал, — признался Алекс. — Но что-нибудь обязательно придет в голову.

— Думай быстрее. Потому что у меня как раз родилась одна идейка.

— Ну тогда дело сделано. Можно считать, что таанцы уже по уши в дерьме.

— По дороге, Килгур, велите Фоссу оторвать зад от стула и явиться ко мне.

Ш'аарл'т никогда не отличалась глупостью.

— Очень любопытно, — заметила она. — Или вы оба разом свихнулись, или... кто-то мне нагло врал.

— Да как можно, лейтенант!

— Мне помнится, я где-то слышала, что тем, кто служил в имперских спецслужбах, их контора стряпает липовые личные дела. Знаете что-нибудь об этом?

— Очень интересная история, Ш'аарл'т. Мы обязательно как-нибудь ее обсудим. Только не сейчас... А вы чего ждете, мистер Килгур?

При всей внешней простоте придуманного Стэном плана для его воплощения требовалась кое-какая весьма и весьма непростая аппаратура.

Путь к решению проблемы крылся в совершенстве современных зенитных систем. Давно миновали времена остроглазых канониров, высматривающих в прицелы парящие в небесах самолеты. Ракетные установки или лазерные орудия теперь направлялись с центрального пульта управления огнем. Туда стекалась вся информация, собранная спутником на орбите, радарами и многими другими сенсорными системами, находящимися как в воздухе, так и на земле.

Если в контролируемом секторе появлялись нарушители, центр управления оценивал угрозу, поднимал тревогу, распределял цели и открывал огонь. Сами орудия и батареи могли иметь, впрочем, резервное управление на случай выхода главного центра из строя. Их, скорее всего, обслуживало несколько техников. Ну и еще там могли находиться часовые — так, от греха подальше.

У каждого орудия наверняка были запрещенные для стрельбы области, чтобы вне зависимости от движения цели оно не могло стрелять, например, через долину, в сторону другого орудия. А еще, так как под орудиями располагался склад боеприпасов, в зенитные батареи, без сомнения, ввели запрет на стрельбу вниз, в долину.

Стэн предложил внести в эти программы кое-какие изменения. Подумав, Фосс объявил, что подменить команды управления огнем так же просто, как уснуть под одну из беско-

нечных историй Килгура. Важно только правильно все скоммутировать.

К счастью, на сбитых во время Дня Империи кораблях кое-что все-таки уцелело. Стэн и Килгур обшарили обломки, собирая все типы контактов. Фосс взялся за работу. Он был уверен, что между системами управления огнем, используемыми Империей, и таанскими найдется много общего.

Итоговое устройство состояло из контрольного блока и независимого источника питания. Эти два ящика помещались в два рюкзака и весили каждый по двадцать пять килограммов. Саттон тем временем отыскал где-то два комплекта камуфляжной формы Богомолов. Для операции также подготовили специальный гравикар — нанесли на корпус антирадарное покрытие и установили специальный, отражающий сенсорные лучи экран. Ни то, ни другое не обеспечивало стопроцентной защиты, но Стэн не тревожился. Он был согласен с Алексом — с этой стороны таанцы ничего не ждут.

По настоянию Ш'аарл't, высадку провел «Клаггет». В конце концов, она нашла эту цель, и, хоть в атаку идут другие, это все равно ее паутина. Стэн не знал, что означала ее взъерошенная шерсть — то ли Ш'аарл't злилась, считая, что капитан сошел с ума, то ли просто волновалась.

Она ввела «Клаггет» в атмосферу на другой стороне планеты, а затем над самой землей устремилась к складу. Когда сенсоры такшипа учуяли долину, Ш'аарл't остановила корабль, не без оснований полагая, что ее датчики чувствительнее таанских.

Из грузовой капсулы под брюхом «Клаггета» Стэн и Алекс выгрузили свой гравикар. Ш'аарл't будет ждать их через два дня на этом самом месте. Шипя, закрылся люк, и «Клаггет» исчез в предзакатном полумраке.

Стэн и Алекс медленно и осторожно, всего в каком-то метре над землей, вели гравикар по направлению к складу — не напрямик, а широким зигзагом. Если таанцы и засекут машину, ее курс, возможно, собьет их с толку.

Друзья, конечно, взяли с собой оружие: виллиганы и по четыре гранаты. А еще Стэн и Алекс прихватили кукри — кривые боевые ножи, которые так полюбились им за время службы с гурками. Ну и у Стэна, разумеется, был еще спрятанный в руке кристаллический клинок.

В десяти километрах от вражеских позиций Стэн посадил гравикар. Впереди уже различалось кольцо гор, окружающее долину. Похоже, это был потухший вулкан, во всяком случае, склоны выглядели очень крутыми. Что ж, оно и к лучшему. С этой стороны таанцы наверняка гостей не ждут.

Когда совсем стемнело, Стэн вновь поднял гравикар. Вскоре они уже замерли у подножия склона. Натянув на головы капюшоны маскировочных костюмов, друзья поправили светочувствительные очки, вскинули за плечи рюкзаки и двинулись в путь.

Карабкаться вверх было нелегко. Самой большой проблемой стали камни под ногами. На них ничего не стоило поскользнуться, да и от стука падающих камней запросто могла сработать сигнализация. Впрочем, в остальном идея Килгура оказалась вполне здравой — похоже, таанцы и в самом деле не ожидали никаких дурацких солдат, на своих двоих пробирающихся в долину.

Первый периметр охранной системы был примитивен до неприличия — заурядный инфракрасный луч, пущенный в метре от земли. Мелкие животные без проблем пробегали под лучом, не отрывая от сна скучающих часовых. Стэн и Алекс опустились на карачки и последовали примеру своих меньший собратьев.

Следующая линия обороны могла бы оказаться орешком покрепче. Она состояла из цепочки маленьких полукруглых сенсоров, способных — по крайней мере в теории — реагировать на чужаков любого заданного типа. Выбор при этом осуществлялся по размеру, температуре тела или даже по характерным колебаниям почвы.

Килгур планировал обмануть систему с помощью стандартного, используемого в отряде Богомолов устройства, так называемого передатчика «Невидимый Громила». Впрочем, «Громила» оказался без надобности — система датчиков даже не была включена. На случай, если вдруг таанцам придет на ум включить ее через час, Стэн ножом поддел крышку одного из сенсоров и слегка попортил его электронную начинку.

До сих пор операция шла на удивление гладко. Любой зеленый новичок, едва нюхнувший начальной боевой подготовки, мог бы проникнуть сквозь подобную защиту. Далее, по правилам, должны были стоять сети контактных прово-

дов. Так оно и оказалось. Стэн уже со счета сбился, сколько раз в отряде Богомолов он преодолевал такое препятствие.

Перебравшись на другую сторону, они с Алексом включили приборы ночного видения и начали высматривать часовых. Впереди, на гребне, уже вырисовывались силуэты лазерной пушки и двух передвижных фургончиков — убежище техников и охраны.

Переведя очки в пассивный режим, Стэн внимательно огляделся. Если таанцы пользуются активными инфракрасными системами, он это увидит. Ничего, все чисто... Ага, вот и часовой. Повесив голову, солдат сидел на ступеньке одного из вагончиков, прислонив свое оружие к стене. Похоже, он спал.

Стэн прямо-таки слышал, как Алекс мурлычет:

— Никаких проблем с этим мур-р-лом.

Подобравшись к орудию, Килгур нащупал провода, идущие от центра управления огнем и, проверив, нет ли здесь сигнализации, отсоединил контакты. Перебрав осьминожьи щупальца подготовленных Фоссом проводов, Стэн нашел нужный кабель. Сегодня удача решила улыбнуться имперцам: один из разъемов оказался именно таким, как нужно.

Провода Килгур засунул под орудие, а два ящика с электроникой и с автономным блоком питания привинтил к наружному кожуху лазера. Все, сюрприз готов.

Стэн и Алекс снова растворились в ночи. Быстро сползая вниз по склону, Стэн знал, что из всей этой затеи ничего не выйдет. Не может такой хитрый план сработать именно так, как задумано. Такого просто не бывает.

В любом случае следующий этап, после того как их подберет «Клаггет», обещал быть интересным.

Командная рубка такшипа была забита до отказа. Еще бы, ведь и Стэну и Алексу до смерти хотелось увидеть результаты своих трудов. Если, конечно, эти результаты будут.

Ш'аарл'т ввела корабль в атмосферу. По расчетам, точка входа находилась как раз на пределе чувствительности радарных систем спутника. Затем она бросила «Клаггет» к земле. Если все идет гладко, зенитная система в долине сейчас пришла в боевую готовность.

Ш'аарл'т и ее спец по оружию надели контрольные шлемы. Шлем Ш'аарл'т больше походил на восьмерку, повисшую над самыми глазами огромного паука.

«Клаггет» выпустил два управляемых снаряда, модифицированные таким образом, что на экранах они выглядели, как самые настоящие такшипы. Повинуясь командам, УСы понеслись в сторону долины.

— Четыре километра, — пробормотала Ш'аарл't. — Они взяли нас на прицел... Три километра...

Среди орудий, приведенных в боевую готовность, был, разумеется, и лазер, перенастроенный Стэном и Алексом. Выполняя программу подсоединенного к нему блока, он повернулся — но не в сторону рвущихся к складу УСов, а в обратном направлении. Его излучатель нацелился на дно долины. И никто этого не заметил.

Система управления приказала всем орудиям открыть огонь. УСы были в двух километрах от цели, когда вся долина, из конца в конец, полыхнула оранжевым заревом — лазерный заряд угодил в двухсоткилометровый квадрат контейнеров с ракетами типа «корабль-корабль». Огненный шар покатился по равнине, подорвав по пути еще два громадных штабеля снарядов.

Центр управления ничуть не интересовало то, что делается в долине. Он продолжал стрелять. Два лазерных луча и три зенитные ракеты разом угодили в один из УСов, и тот буквально испарился в воздухе. С проклятием Ш'аарл't сорвала с головы контрольный шлем.

Анализирующий компьютер, резервная часть системы управления огнем, заметил, что с одним из лазеров творится что-то неладное. Он подал команду отключить орудие. Но Фосс предвидел такой оборот. Приняв сигнал прекратить огонь, собранное им устройство перешло на автономный источник питания и запустило вторую программу. Включив режим повышенной скорострельности, лазер начал поливать огнем дно и стены гигантского кратера.

В передвижных вагончиках заревели и замигали сигналы тревоги. Выбежавшие наружу техники с ужасом увидели, как их орудие систематично уничтожает то, что ему полагалось охранять. Они кинулись к пульту ручного управления, но в этот миг второй УС, добравшийся почти до самой долины, окутался пламенем и врезался в скалы. И весь склад взлетел на воздух.

«Клаггет» с воем рвался в космос. Одной парой глаз Ш'аарл't высматривала таанские перехватчики, но все осталь-

ные, как привязанные, следили за бортовым экраном. Там, на горизонте, вздуваясь почти до границы атмосферы, бурлило облако огня и дыма.

Стэн посмотрел на Алекса.

— Получилось, — с удивлением в голосе сказал он.

— Разумеется. Когда это мой план не срабатывал?

— Твой план?

— Ладно, не будем мелочиться. Наш план.

— Ну, и на том спасибо, — обреченно кивнул Стэн. — Мне, наверное, надо радоваться, что ты вообще обо мне вспомнил.

ГЛАВА 51

Адмирал Ксавьер Ван Дурман назвал свою операцию «Ответный выпад». Стэн скорее назвал бы ее «Последний вздох», но, не желая лишать иллюзий адмиральских героев перед входом в царство мертвых, не стал делиться своим предложением.

Впрочем, сам Ван Дурман тоже не слишком оптимистично смотрел в будущее.

В комнате они собрались ввосьмером: Ван Дурман, капитан Рей Халдор, с которым Стэн уже имел удовольствие познакомиться, еще четверо капитанов, два лейтенанта и сам Стэн. Капитаны командовали эсминцами, а лейтенанты — тральщиками.

Ван Дурман представил офицеров, а потом сказал, что просит ни при каких обстоятельствах не разглашать услышанного в этой комнате. Вскоре Стэн понял почему. То, о чем поведал адмирал, звучало, мягко говоря, неутешительно.

Через несколько дней, начал Дурман, таанцы начнут новый штурм Кавите. Штурм, который 23-й Флот, и адмирал это честно признавал, отразить не сможет.

Но сидеть и ждать было невыносимо.

Стратегия Ван Дурмана не сильно отличалась от той, которую проповедовал Стэн, — ударить врага посильнее, поймав его врасплох. Адмирал надеялся, что остаткам флота удастся оттянуть штурм до тех пор, пока подоспеет помощь.

А уж там можно будет думать и об освобождении других Пограничных Миров.

По личному опыту Стэн знал, что помощи от Империи придется ждать очень и очень долго.

Во всяком случае, Ван Дурман разработал план. И, как Стэн с некоторым удивлением признал, не такой уж плохой — на первый взгляд.

— Я предлагаю, — начал Дурман, — создать из четырех эсминцев ударный отряд, который я назвал «Эскадра Халдора», — он кивнул на сидящего рядом с ним капитана. — Капитан Халдор будет лично руководить всеми боевыми маневрами. Капитану Стэну стало известно, что враг группирует силы для штурма в следующих системах... — На звездной карте Кавите, горящей на настенном экране, замерцали четыре планетные системы. — Таанцы не хотят рисковать. Они перемещают войска и штурмовые корабли внутри систем, в плоскости эклиптики, стараясь не удаляться далеко от планет. При этом транспортные конвои всегда следуют с сильным воинским эскортом. Однако, по данным капитана Стэна, само пространство между планетами практически не охраняется. Отсюда и родился мой план.

Адмирал предлагал ударному отряду занять позицию на границе атмосферы одной из лежащей на пути конвоев планет. В такой ситуации засечь имперские корабли будет не легко.

— Мы используем, — продолжал адмирал, — следующую схему атаки.

Вспыхнул еще один экран.

Перед идущими веером эсминцами адмирал предполагал пустить тральщики. Он и сам признавал, что такой порядок далеко не лучший. Но имея всего шесть боеспособных эсминцев и выделив четыре из них в ударный отряд, адмиралу не хотелось потерять их на минах.

Такшипам Стэна предстояло обеспечивать безопасность флангов. Впрочем, Дурман надеялся, что эсминцам удастся ворваться внутрь конвоя до того, как их обнаружат.

— Если нам повезет, — говорил адмирал, — так оно и будет. В этом случае, капитан Стэн, вам дополнительно поручается дать сигнал тревоги, когда корабли неприятеля пойдут-таки в атаку.

«По крайней мере, — отметил Стэн, — он не требует остановить таанцев». Таанский эсминец может, не поморщив-

шись, стереть такшип в порошок — причем одним только вспомогательным вооружением. Более тяжелые корабли... Стэн решил, что думать об этом не стоит.

Эсминцам следовало атаковать транспорты и избегать боя с военными кораблями противника.

— Ворвитесь к ним, — потребовал Ван Дурман, — как ксипак в курятник.

Эсминцы должны были дважды пройтись вдоль конвоя, а потом отступить. Такшипы могли выбирать цели по своему усмотрению. Стэну предписывалось записывать курсы отступающих эсминцев и, отступая самому, держаться других траекторий. Тральщики будут кидать мины, прикрывая отход главных сил.

— И наконец, — сказал Дурман, — я на «Свампскоте» буду ждать вас в одной астрономической единице от места боя. Наше огневое прикрытие может вам пригодиться. Я предпочел бы пойти в атаку вместе с вами, но «Свампскот»...

Он замолчал.

«Свампскот» споткнется о собственный хвост, — мысленно закончил за него Стэн. — Ни разу не был в бою, его пусковые установки заросли паутиной. Корабль, скорее всего, взорвется на полном ходу». Во всяком случае, Ван Дурман был не трус.

Закончив выступление, адмирал раздал фиши с приказами, затем торжественно отдал честь своим офицерам.

— Удачной охоты, — со слезами на глазах напутствовал он. — И дай вам Бог вернуться с победой.

В коридоре Стэн остановил Халдора.

— Какую схему стрельбы вы планируете использовать во время атаки? — дипломатично спросил он.

— Я сообщу все, что вам полагается знать, — холодно ответил Халдор.

«Чудесно, — мрачно подумал Стэн. — Бриджит ушла к доктору Моррисон, мы оба в дерьме, а он все еще дуется».

— Я имел в виду не совсем это, — не сдавался Стэн. — Полагаю, вы будете стрелять во всех направлениях, а моим кораблям предстоит болтаться на флангах. В общем, мне бы хотелось быть уверенным, что ни один из такшипов не окажется на пути ваших ракет.

Халдор задумался.

— Во время боя вы можете включить аппараты «свой — чужой». Нужный сигнал будет запрограммирован во всех наших ракетах.

— Ничего не выйдет, капитан. Когда идет большая игра, нам не стоит путаться под ногами. От лишнего сигнала мы станем только заметнее. Не могли бы вы встроить в ракеты ограничитель размеров? Чтобы они не играли в салки с малышами?

Халдор смерил Стэна презрительным взглядом.

— Вы очень осторожны, капитан, не так ли?

Стэн мило улыбнулся:

— Вовсе нет, капитан Халдор. Я просто-напросто труслив.

Отдав Халдору честь, он отправился наставлять на путь истинный свои экипажи.

Сражение у планеты Бэдунг могло бы войти в имперскую историю и в учебные фиши военного флота как классическая атака из засады.

Могла бы, но не вошла.

Говорят, что, выслушав долгий послужной список одного из своих генералов, желающего получить жезл маршала, Наполеон воскликнул:

— К черту его опыт! Скажите лучше, он удачлив?

Какими бы другими способностями ни обладал Ван Дурман, удачливостью он явно не отличался.

Операция началась как по маслу. Ударному отряду удалось незаметно занять позицию на орбите Бэдунга. Вскоре появился и таанский конвой — пять больших неуклюжих транспортов в сопровождении шести эсминцев, крейсера и мелких патрульных ботов.

Халдор приказал атаковать.

Тут-то все и пошло наперекосяк.

Прежде всего, эсминец Халдора незамедлительно на что-то налетел. На что именно, так и осталось тайной — может, то была шальная мина, а может, кусок космического мусора. Во всяком случае, заработав пробоину в оружейном отсеке, корабль вышел из боя и заковылял под защиту «Свампскота». Остальные три эсминца продолжали атаку.

Глядя на главный экран «Гэмбла», Стэн не мог сдержать болезненной гримасы. Он и без помощи боевого компьюте-

ра знал, что сейчас произойдет... или, точнее, чего не произойдет.

Три эсминца выпустили свои ракеты на предельной дистанции. Причин тому было много, и главная, наверное, в том, что, за исключением моряков Стэна, оружейники 23-го Флота даже и не нюхали настоящего боя. В мирное время им дозволялось выпустить по одной ракете в год.

Вероятно, сыграли свою роль и слухи о совершенстве антикорабельных ракет врага — они якобы были быстрее и маневреннее, чем большинство имперских судов. Стэн знал, что это не так. Таанские корабли хорошо сражались лишь потому, что их экипажи много и усердно занимались тренировками.

Это была вторая причина, а третья крылась в слухах о неполадках в имперских ракетах — они якобы летели не туда, куда нужно, и не взрывались, когда следовало. Это, к сожалению, было чистой правдой.

В итоге три имперских эсминца прошли конвой лишь до половины и повернули назад. Мгновение спустя один из них взорвался. В рапорте о сражении потом указывалось, что он был уничтожен антикорабельной ракетой таанского крейсера. Однако Стэн, который все прекрасно видел, заметил вспышку с борта одного из транспортов. Похоже, экипаж эсминца либо не обращал на транспорты внимания, либо не успел вовремя взять цель.

Эсминцев осталось всего два, и они удирали полным ходом. Мчась под крылышко «Свампскота», каждый выпустил по три ракеты — безадресные, по мнению компьютеров «Гэмбла». Позже капитаны эсминцев утверждали, что они не промахнулись. По их данным, в ходе сражения один таанский эсминец был уничтожен, а другой поврежден, были взорваны два транспорта, а крейсер выведен из строя. Пять попаданий из шести ракет.

К сожалению, все это не соответствовало действительности. Никто из сообщивших о попаданиях офицеров не лгал. Они видели на экране взрывы и искренне верили в лучшее. Так часто бывает в бою — люди видят то, что хотят увидеть.

Попадание было только одно.

Возможно, Халдор не передал приказа установить на ракеты ограничители размеров — сам он утверждал обратное. А может, ракета просто «сбросила» заложенную программу.

Такое тоже случается. Как бы там ни было, одна из ракет угодила точнехонько в середину «Келли».

Лейтенант Ламин Стикка, воин в двухсотом поколении, погиб, едва успев обагрить вражеской кровью свое копье. А вместе с ним ушли в мир иной два офицера и девять матросов.

Четверть отряда Стэна растаяла в одной ослепительной вспышке.

ГЛАВА 52

Отряд имперцев уныло тащился к Кавите. Что касается экипажей Стэна, то они были совершенно ошеломлены случившимся. Служба на такшипах во многом напоминала службу в группах Богомолов. Обычно они выполняли задания почти без потерь — кому, как не им, уметь сматываться, когда в ход идет тяжелая артиллерия. Но рано или поздно удача поворачивается задом, и тогда мало кому из друзей удается прийти на поминки.

Ударный отряд тащился потому, что как раз в тот момент, когда уцелевшие корабли добрались до «Свампскота», у старины «Свампа» взорвалась одна из его древних дюз. В итоге такшипам и эсминцам пришлось сопровождать ковыляющий крейсер домой.

К их неописуемому удивлению, Кавите кишмя кишел кораблями. Кого тут только не было — и громадные транспорты, и штурмовые суда, и боевые корабли. Они заполонили орбиты и битком забили посадочные площадки. На границе атмосферы висели даже два линкора.

На мгновение Стэн решил, что таанцы всех перехитрили и высадились на Кавите в то время, когда остатки имперских сил охотились за конвоем. Но тут компьютер такшипа начал бойко идентифицировать корабли. В небесах Кавите находился полный Имперский Флот с кораблями поддержки на дивизию пехоты.

Стэн и Алекс переглянулись. Они не произнесли ни слова — рядом был Фосс и его длинные уши. Но подумали они об одном: возможно, еще не все потеряно. Возможно, война

идет не так плохо, как они полагали. С таким подкреплением они, скорее всего, остановят таанцев.

А на сладкое Стэн и Алекс узнали, что на Кавите прибыли не кто-нибудь, а Первая дивизия, лучшие войска Империи под командованием Яна Махони, командира Стэна по отряду Богомолов.

Приземлившись, Стэн приказал обслуживающим бригадам дозаправить такшипы, загрузить продовольствие и амуницию. Словом, подготовить к немедленному взлету. С разрешения капитана Килгур внес в приказ одно маленькое дополнение. Обслуга всегда привязывалась к своему кораблю ничуть не меньше, чем его экипаж. И теперь техники, работавшие с «Келли», будут не просто скорбеть о своих погибших друзьях, но и думать, вспоминать, размышлять, все ли правильно они сделали, нет ли и их вины в гибели такшипа. Группа обслуживания «Келли» получила шестичасовые увольнительные.

В разрушенном городе Кавите заняться сейчас было особо и нечем. Во многие районы, где жили таанцы, соваться вообще не стоило, разве что на бронированном гравикаре. Половина магазинов сгорела, другая закрылась, а их владельцы сбежали, прихватив свое добро.

Стэн закончил рапорт, отчитавшись за полет, помылся, надел самый свежий комплект формы и вместе с Килгуром отправился на поиски штаба Гвардии.

Тот расположился в нескольких бронированных транспортах в полукилометре от летного поля. «Интересно, — подумал Стэн, — почему Ян не устроился в своем собственном штурмовом корабле?»

Ян Махони стоял перед штабным транспортом и что-то растолковывал толпе озабоченных офицеров. Заметив друзей, генерал быстро повел рукой. Четыре знака на языке жестов: «Ждите. Десять минут. Я в дерьме».

Прошло, наверное, минут двадцать, прежде чем последний офицер, получив задание, оставил Махони в покое. После этого генерал мигом ввел Стэна и Алекса в курс событий. Сладкое, может, и прилетело, но вот с самим обедом дела обстояли неважно.

— Просто чудо, а не флот, — заметил Махони, указывая на экран монитора. — Советую вам, господа, поторопиться с изъявлениями восторга. Иначе вы можете опоздать. Этот расчудесный флот пробудет тут еще четырнадцать часов или око-

ло того. Не знаю, как бюрократы в Штабной Академии называют подобные операции, но я бы окрестил ее «вываливай и сваливай».

— На то, наверное, есть причины? — спросил Алекс. — Или эти морячки боятся крови?

— Черт возьми! Как же без причины, — кивнул Махони. — И если бы я не спешил на военный совет, который начинается через... двадцать минут, я бы достал бутылочку и посвятил вас во все гнусные детали. Но вкратце ситуация такова. Империя вляпалась по самые уши. Я полагаю, что вы не преминули ознакомиться с полученными Ван Дурманом сообщениями с Прайма? Теми, что шли под грифом «сов. сов. секретно».

Стэн и Алекс дружно кивнули. Стэн ознакомился с засекреченной информацией с помощью компьютерного «жучка», а Алекс — подружившись с симпатичной шифровальщицей «Свампскота».

— Реальное положение еще хуже, — продолжал Махони. — Видите этот чертов флот вокруг нас? Как бы вы отреагировали, скажи я, что это единственная не пострадавшая имперская часть в этой галактике?

Стэн растеряно заморгал.

— Таанцы, — мрачно усмехнулся Махони, — и все их новые союзники практически ничего не упустили. До сих пор нам не удалось провести ни одной наступательной операции. Мы не то что таанские системы тронуть не можем — мы даже не в состоянии отбить захваченное. Флот прикрывал мои транспорты; как только мы высадимся, он начнет грузить гражданских, всех, у кого хватит мозгов эвакуироваться. А потом, оставив нам в подарок несколько десантных судов и патрульных ботов, он, поджав хвост, удерет в безопасное место.

Стэн скривился.

— Конечно, это не мое дело, но зачем тогда вы вообще сюда прилетели? Если все так, как вы говорите, то Первую гвардейскую забьют по уши в дерьмо вместе с нами.

— Веселый малый твой командир! — сказал Махони Алексу.

— Так точно, сэр. Большой оптимист. Он думает, что останется дерьмо, куда можно будет залезть.

— Ладно-ладно... Все, что я вам сообщил, совершенно секретно. Предполагается, что мы удержим Кавите. Рано или поздно все переменится. И тогда Империи понадобится трамплин для атаки.

— Что за идиот выдумал эту муть? — не сдержался Стэн.

— Твой бывший босс.

Стэн поспешно дал задний ход. Пусть и не напрямую, все равно оскорблять Вечного Императора не слишком умно.

— Извините, сэр, я все равно думаю, что из этого ничего не выйдет.

— Я тоже, капитан. — Хотя рядом никого не было, Махони понизил голос: — Мне кажется, Император полагает, что у него еще есть время.

— Разрешите личный вопрос, сэр? Как вы сами считаете: что будет?

— Я думаю, что мы с вами, и Гвардия, и флот Ван Дурмана станем первоклассными мучениками для имперской компании по набору добровольцев. Во всяком случае, — закончил он, — хуже уже, вероятно, не будет.

В этом Ян Махони ошибался.

Три часа спустя, еще до того, как флот закончил разгрузку привезенных Махони припасов, два таанских эсминца атаковали базу Кавите. Один был подбит, а второй удрал, нос к носу столкнувшись с линкором.

Но адмирал флота имел четкий и ясный приказ: если таанцы только попробуют атаковать, все равно какими силами, он должен немедленно отступить, что бы там ни творилось на Кавите.

Захлопнулись люки, и имперские корабли, с воем пронзая атмосферу, вырвались в космос. Небеса Кавите стали столь же чисты, как и раньше. А на земле остались семь тысяч брошенных на произвол судьбы поселенцев.

Два дня спустя на Кавите снова посыпались бомбы. Таанцы начали предштурмовой обстрел.

ГЛАВА 53

Первая атака оказалась успешной. Даже слишком успешной.

Таанские корабли, ворвавшись в верхние слои атмосферы, выпустили сорок неядерных бомб. Сделав свое дело, они тут же бросились наутек.

Все бомбы имели сходные цели — имперские узлы связи и компьютерные центры. Тридцать одна бомба попала в цель или достаточно близко к цели, чтобы практически вывести ее из строя. Шесть других бомб причинили лишь легкие повреждения, и эти узлы связи уже через час заработали снова. Две бомбы были сбиты ракетами типа «земля-воздух», и одну на лету подорвал патрульный бот.

Бомбы, разумеется, падали не вслепую. Их, естественно, направляли. Вопрос только — как? На анализ у Махони и его специалистов из Гвардии было меньше трех часов.

Может, бомбы управлялись операторами с таанских кораблей? Крайне маловероятно. Ведь пострадали не только стационарные центры 23-го Флота, но и три передвижных узла связи, организованные Гвардией. Ни один оператор на свете не смог бы, заметив антенны, достаточно быстро навести бомбу на цель. Кроме того, эксперты Махони не зафиксировали управляющих команд ни в одном диапазоне электромагнитных волн.

Ван Дурман, чьих познаний в электронике не хватало даже чтобы понять, как электричество с переменным напряжением пролезает в тонюсенький кабель, выдвинул свою собственную гипотезу:

— Таанцы разработали новое, секретное оружие.

Как ни странно, эксперты склонялись к такому же мнению. Они-то прекрасно знали, на что способна их электроника, а на что нет.

Махони внимательно выслушал адмирала, вежливо покивал, и распрощался. У него были свои мысли по этому поводу. И здесь он не мешкал.

Военные в массе своей весьма консервативны. Они очень не любят отказываться от схемы, которая раз или два сработала весьма успешно. Если уж на то пошло, то они держатся за нее до тех пор, пока враг не поймет, что к чему. Зачастую урок не идет им впрок, даже когда за него приходится платить сотнями тысяч жизней.

Например, во время сражений на древней Земле в 1914 году после Рождества Христова по земному летосчислению военная стратегия пришла к позиционной, окопной войне. Это значило, что обе стороны бились на фиксированных, укрепленных позициях, глубоко врытых в землю. И вот командир одной из воюющих сторон, некто Хейг, приказал

своим частям атаковать противника в лоб, парадным строем. Только за первый день его войска потеряли убитыми и ранеными шестьдесят тысяч человек.

После подобного провала любое нормальное существо либо ушло бы в отставку по непроходимой тупости, либо изменило бы тактику. Но увы! За редким исключением, тот же план атаки использовался до самого конца войны, пока военная машина не забуксовала из-за нехватки пушечного мяса. И каждый раз последствия были столь же ужасными, как и в атаке Хейга.

Воинственные таанцы тоже оказались склонны к лености мышления. Они придумали неплохой способ наведения ракет — с помощью агента, подсвечивающего цель лазерным лучом. Они применяли этот метод на сотнях миров и везде достигали успеха. А раз так, то и в штурме Кавите нечего выдумывать что-то новое. Тем более что там есть достаточно готовых к работе агентов и рвущихся в бой революционеров.

Привычка, несомненно, сыграла свою роль в решении леди Этего и адмирала Дески воспользоваться наводимыми с земли бомбами. Вторым фактором, вероятно, стало — вполне оправданное — пренебрежение к имперским вооруженным силам. Одного только таанцы не учли. Между бездельниками и необстрелянными новичками 23-го Флота и видавшими виды ветеранами Первой гвардейской была очень большая разница. Империя уже много лет не вела крупных войн, верно. Но при этом Первая дивизия Гвардии всегда выступала в роли военной пожарной команды. Большинство солдат в ней были профессионалами, и половина из них имела за плечами двадцать с лишним лет боевого опыта, приобретенного в самых разных условиях.

В том числе они прекрасно умели сражаться в городах и проводить облавы.

В районе города Кавите таанцы располагали пятью десятками операторов-наводчиков. Они прятались на чердаках заброшенных зданий, в пустых конторах и квартирах.

Махони задействовал для облавы сразу два батальона. Гвардейцы работали группами по пять человек. Первый, прижавшись к стене, осторожно стучал в дверь. Двое, встав на колено, готовились поддержать его огнем. Двое по сторонам следили, чтобы в дело не вмешался кто-нибудь еще — например, снай-

пер из окна напротив. Любое сопротивление или молчание — и дверь выбивалась. Если вы думаете, что генерал Махони при необходимости склонен был пренебрегать правами граждан, то вы совершенно правы. Впрочем, любое разбирательство можно будет начать, только если удастся удержать Кавите и только после окончательной победы Империи.

Прежде чем следующая волна таанских такшипов ворвалась в атмосферу Кавите, гвардейцы обнаружили сорок семь точек наведения — операторы либо погибли, либо бежали, бросив свое оборудование. Оставшихся уничтожили, как только они попытались подсветить цели.

В итоге бомбы беспорядочно рухнули на город. С военной точки зрения, они не причинили особого вреда — только три из них повредили важные военные объекты. Но Кавите окончательно превратился в руины. Погибло шесть тысяч гражданских. Армия, призванная защищать население, как и всегда, вела себя в высшей степени эгоистично.

На сей раз, однако, таанцам не удалось уйти без потерь. Три такшипа Стэна и отряд патрульных ботов поджидали их на заранее рассчитанной орбите. Они уничтожили двенадцать вражеских кораблей. Не ожидавшие сопротивления таанцы послали в атаку не самые лучшие свои суда.

Еще три раза, все с тем же трехчасовым интервалом, враг штурмовал Кавите. Все три бомбардировки провалились. Три раза подряд таанцы несли невероятные потери.

После этого леди Этего решила изменить тактику.

Стэн тоже.

Под каждым из трех такшипов теперь висела большая обтекаемая капсула. В ней находилась предназначенная для эсминцев аппаратура постановки электромагнитных помех, ЭМП. Вообще-то, она делала куда больше, чем просто создавала помехи, но так уж она называлась. По километровому кабелю сигналы из капсул и от бортовой электроники такшипов поступали на хитро расположенные отражатели.

— Думаешь, сработает? — с сомнением в голосе спросил Алекс.

— Почему бы и нет? — отозвался Стэн.

— Ладно. Изменим вопрос. Допустим, все сработает даже лучше, чем надо. Что тогда?

— Тогда от нас останется пшик на постном масле.

* * *

Стен решил, что с провалом наведения с земли таанцы вернутся к традиционным способам управления ракетами. И он не ошибся.

Четыре таанских эсминца ворвались в атмосферу в четырехстах километрах от города Кавите. С километровой высоты они выпустили множество дистанционно управляемых ракет.

— Вижу запуск... Пошли ракеты... — внезапно объявил Фосс, не отрываясь от экрана.

Аналогичные сообщения поступили и с «Клаггета» и «Ричардса».

— Всем кораблям... готовность номер один, — приказал Стэн. — По моему приказу активировать... Пошел!

Фосс щелкнул клавишей, и ЭМП начал работу.

Операторы таанцев наводили ракеты как визуально, так и по радару. Заглушить оптический сигнал было проще простого. Таанцы, ничего другого и не ожидавшие, спокойно перешли на радары.

Их сенсоры обшарили Кавите в поисках подходящих целей — больших металлических объектов. Этим ударом леди Этего намеревалась раз и навсегда прикончить те немногие корабли, которые привел с собой Махони и которые уцелели из всего 23-го Флота.

Опытные операторы нашли цели... их компьютеры распределили цели между ракетами... наводка... заход на боевой курс...

— Поднимаемся, — приказал Стэн. — Ты их видишь?

— Так точно. Все ракеты идут, как и планировалось. Выходят на боевой курс.

— Полная мощность!

Такшипы рванулись в космос.

Ракеты были совсем близко от имперских кораблей. Так, во всяком случае, полагали таанцы. На самом деле они атаковали не сидящие на летном поле эсминцы и такшипы, а хитроумные отражатели, «исправляющие» радарные лучи по указаниям ЭМП.

Но вот такшипы ушли, и отражатели «смолкли». Ракеты внезапно потеряли цель. Операторы ничего не понимали. Не могли же боевые корабли раствориться в воздухе! Если кто и догадался, как их обманули, то все равно сделать уже ничего было нельзя.

В нескольких астрономических единицах от Кавите Стэн остановил свой отряд, посчитал по головам и понял, что им повезло. Второй раз такой трюк уже не удастся.

ГЛАВА 54

Для Стэна и его людей время потеряло всякий смысл. Когда у них хватало сил на воспоминания, они меряли дни полузабытыми событиями: «Это было в день, когда мы летали в разведку. Нет, тогда мы сопровождали тральщики... Помнишь, когда был взрыв на «Свампскоте»? Тоже нет, тогда мы сидели в засаде».

Никто не знал наверняка. Каждый с радостью променял бы всю загробную жизнь на две вахты спокойного сна; на еду, которую не надо в спешке, холодной выскребать из банки; на — лучше и не напоминайте — горячую ванну.

Корабли воняли почти так же, как и их экипажи. Удушливый запах страха, топлива, озона, пота, перегретой изоляции. К тому же, такшипы понемногу начинали выходить из строя. Накрылась пусковая установка «Кали» на «Ричардсе». Впрочем, это уже было неважно. В отряде все равно осталось лишь три таких ракеты. Оба «Чейна» на «Клаггете» могли стрелять только короткими очередями, а его бортовой компьютер потерял добрую половину мозгов. На «Гэмбле» осталось всего шесть способных навестись на цель пусковых установок для «Гоблинов».

Всем Юкавам требовался капитальный ремонт — срок их службы истек уже давным-давно. Приводы АМ-2 работали исправно, что, впрочем, было неудивительно — двигающихся частей в них примерно столько же, как в кирпиче. Зато навигационные компьютеры барахлили все без исключения. Прокладывая курс, расчеты приходилось выполнять несколько раз подряд, потом усредняя результаты. А таанцы день ото дня становились все сильнее и все наглее.

Тем временем такшипы летали на задания. Провести X кораблей... Патрулировать Y сектор... Сопровождать отряд

Гвардии Z и обеспечить ему огневую поддержку, пока он не закрепится на новых позициях.

Самые заурядные миссии.

Во время такой «заурядной» миссии они и обнаружили корабль-призрак.

Один из сенсоров зарегистрировал транспорт, летящий по весьма странной траектории. Этот корабль не отвечал на запросы и его «С — Ч» сигналы не соответствовали принятым — устарели минимум на несколько недель. Однако радарный и визуальный контроль показали, что это стандартный вспомогательный грузовик имперского военного флота. Бортовой компьютер «Гэмбла» определил его, как транспорт класса «Атрек» — «Галкин».

Стэн предположил, что это подстроенная таанцами ловушка. Он думал, что за транспортом прячется пара эсминцев, готовая вцепиться в каждого, кто вздумает обследовать мертвый грузовик. Но сенсоры не обнаружили ничего подозрительного. «Гэмбл» и «Клаггет» легли на параллельный курс; «Ричардс» сейчас в полуразобранном состоянии находился на Ромни. Саттон и его ребята полагали, что им удалось найти неисправность в Юкаве и обещали вскоре привести двигатель в чувство.

Стэн рискнул вызвать транспорт, однако ответа не получил. Тогда он запустил своего модифицированного «Гоблина». Может, это вовсе и не транспорт, а только искусный муляж? Осмотр с близкого расстояния показал, что это не так.

Люки, и грузовые и пассажирские, наглухо задраены. Корабельные шлюпки на месте.

Стэн осторожно подвел «Гоблин» к главному люку и чиркнул одним из плавников по крышке. Если транспорт заминирован, от этого он должен взорваться.

Все тихо, и детекторы все еще не видят никаких других кораблей. Стэн связался с «Клаггетом». Ш'аарл't тоже полагала, что это ловушка. Однако следовало узнать наверняка. А значит, кто-то должен подняться на борт «Галкина».

— Пойдем мы с Килгуром, — решил Стэн. — Ш'аарл't, отведешь «Клаггет» в сторону на пару световых секунд...

— По-моему, это не разумно, — возразила Ш'аарл't. — Мы почти безоружны, и если вдруг появятся таанцы, нам вас не защитить.

Стэну пришлось согласиться. Решено — Ш'аарл't и ее помощник проверят «Галкина», а «Гэмбл» будет их охранять.

Килгур вывел корабль на позицию. Еще минута, и «Клаггет» на АМ-2 подплыл вплотную к транспорту. Вскоре в динамиках раздался голос Ш'аарл't:

— Мы готовимся подняться на борт.

Стэн лишь невероятным усилием воли удержался от глупого «Будьте осторожны».

Помощник Ш'аарл't, Деджин, осторожно коснулся внешнего контроля главного люка. Казалось, он ждал, что сейчас его поразит молния. Но ничего не произошло, и Деджин, уже увереннее, перевел рукоять в положение «открыть». Сегменты люка послушно разошлись. Чуть помедлив, Ш'аарл't и Деджин вошли внутрь.

Изображение на экране монитора повернулось — маклиновские генераторы «Галкина» придали разведчикам новые «низ» и «верх». Их сапоги коснулись пола шлюзовой камеры, и опять взрыва не последовало.

— Мой скафандр регистрирует снаружи нормальную атмосферу, — сообщила Ш'аарл't. — Но снимать его мне все равно не хочется.

Ш'аарл't коснулась кнопки контроля внутреннего люка. Он тоже послушно открылся. Увеличив мощность передатчиков, чтобы их слышали на «Гэмбле», разведчики двинулись внутрв мертвого корабля.

Они не нашли ровным счетом ничего. Транспорт от машинного зала до капитанского мостика был пуст. Спасательные шлюпки стояли на месте. Скафандры от тяжелых спасательных до легких двухместных рабочих капсул висели в своих гнездах.

Проверили каюты экипажа — никого. Пустыми оказались и шкафчики, предназначенные для личных вещей.

Деджин проверил кладовые. Пусто и здесь, словно «Галкина» никогда и не снаряжали в путь.

Стараясь не поддаваться навязчивому страху, Ш'аарл't прошла в рубку и нашла бортовой журнал.

Транспорт Имперского Военного Флота «Галкин», капитан Али Римо, поднялся с планеты Михр шесть циклов тому назад. Экипаж — сорок два офицера и четыреста пятьдесят три матроса. Капитан Римо аккуратно отметил, что до пол-

ного штата не хватает шести офицеров и тридцати четырех матросов.

«Галкин» шел в распоряжение 23-го Флота на Кавите.

Ш'аарл't перешла к последней записи.

ИМПЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ... КОРАБЕЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ, ТРЕТЬЯ ВАХТА. ВАХТЕННЫЙ ОФИЦЕР: ЛЕЙТЕНАНТ МУРИЛ ЭРНДС, ВТОРОЙ ОФИЦЕР: МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОРША, МАШИННЫЙ ЗАЛ — ГЛАВНЫЙ МЕХАНИК МИЛЛИКЕН. КУРС БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ. ПОСТОРОННИХ ОБЪЕКТОВ НЕ ЗАМЕЧЕНО. КОРАБЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ 22.40. УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА ПО ПРИКАЗУ КАПИТАНА. ВРЕМЯ ДО ПОЛНОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ 7 МИНУТ 23 СЕКУНДЫ. ОТБОЙ ТРЕВОГИ. КОРАБЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ 22.56. ВАХТЕННАЯ ЗАПИСЬ ПРОИЗВЕДЕНА В 23.00.

...И журнал автоматически зафиксировал текущие координаты «Галкина».

Стэн нервно ходил по рубке. Чем дальше, тем меньше ему нравилось эта история.

— Все в полном порядке, — сообщила Ш'аарл't. — За тем исключением, что где-то после 23.00 с борта «Галкина» бесследно исчезли все живые существа.

Стэн покосился на Алекса.

— Не верю я в призраков, — пробурчал тот, — но...

— Подождите минуточку! По-моему, мы что-то нашли! — В голосе Ш'аарл't слышалось волнение.

Стэн терпеливо ждал продолжения. Минуту спустя, он не выдержал:

— Ш'аарл't, доложите обстановку! Что вы нашли?

— Если верить бортовому журна...

Ее голос прервался на полуслове. Словно система связи «Гэмбла» в единый миг целиком вышла из строя.

— Капитан! — воскликнул Фосс прежде, чем Стэн успел что-либо сказать. — Я этого не понимаю! Они исчезли!

Бросившись к нему, Стэн, не веря своим глазам, уставился на экран. Две жирных точки, обозначавших «Галкина» и «Клаггет», куда-то пропали.

— Наверно, неисправность в системе радаров, — предположил Стэн, заранее зная, что радары тут ни при чем.

Фосс даже спорить не стал. Он только покачал головой.

Без всяких приказов команда заняла боевые места. Фосс прокрутил все тесты электронной разведки, какие только имелись в инструкциях, а потом еще и парочку придуманных им самим.

И снова — ничего.

Ничего на радаре. Ничего на сенсорах ближнего, среднего, дальнего радиуса действия. Ничего на прямом луче, на рабочих, вспомогательных, аварийных частотах. В одной световой секунде корабли можно увидеть в обычную оптику. Но пространство было пусто.

— Четверть мощности, — приказал Стэн. — Идем туда. Медленно. Очень медленно.

Все еще ничего.

— Половинная мощность. Поисковый маневр, мистер Килгур.

— Слушаюсь, сэр.

Они искали, все больше расширяя круги поиска. Они искали три стандартных дня. Но «Клаггет», Ш'аарл'т, два ее офицера и девять человек команды исчезли без следа. Вместе с «Галкиным».

Объяснения этому не было. И никогда не будет.

ГЛАВА 55

До Ромни оставалось три часа полета, когда коммуникатор вывел на экран «Гэмбла» сообщение с Кавите:

«ВСЕМ КОРАБЛЯМ... ВСЕМ КОРАБЛЯМ... КАВИТЕ АТАКОВАН. ТААНЦЫ НАЧАЛИ ШТУРМ. ВСЕМ КОРАБЛЯМ ВЕРНУТЬСЯ НА БАЗУ. АТАКУЙТЕ, ПОВТОРЯЮ, АТАКУЙТЕ».

Фосс уже завел координаты в навигационный компьютер.

— Тоже мне приказ, — фыркнул Алекс. — «Атакуйте»! Прямо приглашение в рай, да и только.

Алекс был прав. Нет больше ни «Келли», ни «Клаггета». «Ричардс», скорее всего, еще чинится на Ромни. Стэну вовсе не улыбалось подставлять свой весьма хрупкий кораблик... и

если уж на то пошло, свое еще более хрупкое тело под орудия целого вражеского флота.

Включив интерком, он прочитал сообщение с Кавите экипажу.

— Если у кого-то есть идея, что нам делать, когда мы доберемся до Кавите, прошу сообщить мне.

Килгур придержал палец Стэна на кнопке интеркома.

— Маленькое добавление к словам командира. Нужны идеи, осуществив которые нам не придется получать медали за храбрость посмертно.

Таких идей не оказалось.

— Чудесненько, — пробормотал Стэн. — В области тактики мы, пожалуй, не уступим самому Ван Дурману.

— Да не дергайся. Как-нибудь прорвемся...

Леди Этего и адмирал Деска как могли позаботились, чтобы второй раз штурм не провалился. Более пятисот таанских кораблей наводнило систему Калтор. Останки 23-го Флота были не столько побеждены, сколько похоронены под лавиной атакующих судов.

Махони разместил отряды Гвардии на каждой луне, на каждом астероиде системы. И каждый отряд он снабдил насколько возможно совершенными сенсорами. Итог получился не слишком впечатляющим, хотя в дело пошли датчики и с разбитых имперских кораблей, и со списанных торговцев, и еще черт знает откуда. Вооружение гвардейцев было не менее разномастным.

Использовалось все — от частных яхт до орбитальных спутников и давным-давно устаревших калош. Все было выведено в космос и подключено к импровизированной системе наведения. Даже старый тягач Тапии и тот роботизировали, заполнив кабину управления форменной паутиной проводов.

Большинсво этих самопальных орудийных платформ, брандеров и ракет было уничтожено задолго до того, как им удалось добраться до своих целей. Некоторые просто не сработали.

Но часть все-таки дотянулась до таанских кораблей.

— Бейте транспорты, — говорил Махони своим бойцам, и они так и делали.

Штурмовые корабли разваливались на части, высыпая солдат в открытый космос, выбрасывая их в атмосферу, где они сгорали сотнями, тысячами огненных болидов.

Но таанцы были слишком сильны.

Из своего на сотню метров зарытого в землю штаба Махони следил, как понемногу пропадала связь с расположенными вне планеты отрядами. Они замолкали один за другим. Махони оставался совершенно спокойным.

«Этому говнюку все равно, — в ярости думала одна из техников, склоняясь над своим пультом. — Сплошной империум, с головы до пят. Его и АМ-2 не возьмет».

На самом деле Махони тщательно анализировал свои чувства. Он даже был доволен — ни одного сообщения, что его люди не выполнили свой долг.

«А как насчет тебя самого, Ян? Твои потери... сейчас прикинем... около двадцати пяти процентов. Как ты это ощущаешь? Не так уж и плохо. Не хуже, чем, скажем, когда тебе отрезают правую руку без анастезии. Не жалей себя, генерал. Если ты сейчас сделаешь глупость, заплачешь или, например, начнешь ругаться, твои солдаты могут не выдержать.

Какое высокомерие, — сам себе поражался Махони. — Ну и что с того, если твои люди побегут? Это же в последний раз. Все равно через пару дней от Первой гвардейской не останется и мокрого места. Некому будет даже написать записку с просьбой никого не винить. Как ты и говорил Стэну: создаем мучеников для имперской пропаганды... Хватит об этом, Ян. Берись-ка лучше за работу».

Махони подал знак оператору, и тот немедленно соединил его со всеми уцелевшими подразделениями.

— Они все еще лезут, ребята. Доставайте-ка резервы из рукавов и готовьтесь задать им перцу.

Земля содрогнулась, и лампы под потолком дважды мигнули, прежде чем компьютеры нашли неповрежденную резервную цепь питания.

Враг начал новый обстрел Кавите.

Первой волной таанцы пустили беспилотные боты. Повинуясь приказу, зенитные орудия имперцев огонь не открывали. Запасы амуниции и ракет были смехотворно малы. «Ждите, — раз за разом повторялось канонирам и операторам. — Ждите настоящие цели — пилотируемые суда, а лучше всего вражеские транспорты. Они пойдут во второй волне».

Но Этего применила несколько иную тактику.

Вторая волна состояла из двадцати малых штурмовых кораблей. Каждый из них, войдя в атмосферу, выпустил шесть десантных капсул. В каждой из них находился отряд десантников.

В отличие от больших имперских капсул, таанцы не использовали ни крыльев для планирования, ни парашютов для торможения. Их капсулы были снабжены только тормозными ракетами, срабатывавшими, когда до земли оставалось уже всего ничего.

Многие капсулы не смогли стабилизировать падение, и тормозные двигатели завертели их волчком, практически не снижая скорости. Даже те, что сработали, затормозились всего до пятидесяти километров в час. Удар при посадке должны были погасить внутренние амортизаторы — во всяком случае, в теории. В итоге лишь тридцать процентов десантников сумело покинуть разбитые капсулы и атаковать свои цели.

Леди Этего это вполне устраивало. Она закладывала в расчеты восьмидесятипроцентные потери при десантировании. Впрочем, цинизм операции на этом не кончался. Леди Этего вовсе не ожидала, что десантникам удастся овладеть указанными объектами. Самим десантникам, разумеется, это не говорилось. Главная задача второй волны заключалась в том, чтобы отвлечь внимание имперцев и облегчить высадку основных сил.

А основные силы шли в третьей волне. Четыре линкора, включая отремонтированный флагман, «Форез», двадцать крейсеров и целая стая эсминцев начали обстрел планеты. Они огнем прикрывали семьдесят пять брюхатых штурмовых транспортов.

Из земли, им навстречу, поднялись скрытые прежде ракетные установки имперцев. Они выныривали из зданий и из сараев, и даже, в одном случае, из разбитого двухъярусного гравитолета. Промахнуться было почти невозможно.

Но и сбить всех тоже. Шестьдесят три транспорта приземлились в четырехстах километрах от столицы. Люки открылись, и полки таанцев хлынули на Кавите.

Леди Этего позволила себе довольную улыбку. Она считала, что дело сделано. Осталось только очистить территорию.

ГЛАВА 56

«Гэмбл» висел в космосе спрятанный, как надеялся Стэн, от таанцев одной из лун Кавите. Весь экипаж такшипа, за исключением прилипшего к сенсорам Фосса, сгрудился в крошечной кают-компании. Решали, что делать дальше.

Ни Стэн, ни Килгур не могли придумать плана атаки, при котором «Гэмбл» имел бы хоть небольшие шансы уцелеть. Как метко подметил Алекс:

— Насколько я понимаю, мы все-таки не камикадзе или как там это называется.

С точки зрения Стэна, было глупо губить корабль и людей не имея большой, значимой цели. Если бы атака «Гэмбла» могла остановить врага, тогда и умереть не страшно. А так... Обсчет на боевом компьютере показывал, что во всех случаях с вероятностью девяносто девять и девять десятых процента такшип даже не пробьется через внешний заслон эсминцев. Где уж там дотянуться до таанских крейсеров и линкоров.

— Может, нам разогнаться посильнее, — предложила Контриас — в прошлом полицейский, а теперь помощник боцмана. — На полной скорости вокруг луны, потом вокруг Кавите и ударим их на обратном пути...

— Не выйдет, — покачал головой Стэн. — Нас засекут, как только мы выйдем из тени. Пока мы доберемся до Кавите, они уже успеют подготовить тепленькую встречу.

Подергав себя за ухо, Контриас вновь углубилась в раздумья.

— Но не можем же мы тут так и сидеть, сэр! — воскликнул Мак-Кой.

Бывший заключенный, он стал теперь помощником главного механика.

— Мы хоть знаем, осталось что-нибудь от нашего флота или нет?

— Принято сообщение, которое, по мнению Фосса, передал «Свампскот». Пара эсминцев еще сражается над городом.

— По-моему, стоит подождать, — сказал Алекс. — Рано или поздно, кто-нибудь на Кавите попытается прорваться. Тогда-то мы и ударим с другой стороны.

Стэн угрюмо грыз ногти.

— Дерьмовый план, — наконец произнес он. — У кого-нибудь есть лучший?

Лучшего ни у кого не нашлось.

— Ладно, попробуем. А пока всем кроме вахты спать.

Гипновнушение позволяло засыпать в любых, самых сложных условиях и по команде просыпаться бодрым и свежим. Но на сей раз экипаж еще не добрел до своих коек, когда раздался вой тревоги. Сенсоры кого-то засекли.

Стэн ринулся к командному пульту.

— Это «Ричардс», сэр, — Фосс указал на маленький огонек на одном их экранов. — Его «С — Ч» сигнал. А это...

Объяснений Стэну не требовалось. Второй экран показывал более мощный сигнал. Крупный корабль. Разумеется, таанский. Скорее всего тяжелый эсминец.

Фосс нажал несколько кнопок и перевел изображения на большой центральный экран.

— Он сближается с «Ричардсом».

Стэн поднял микрофон и, нарушая радиомолчание, включил передатчик на полную мощность:

— «Ричардс»... «Ричардс»... Говорит «Гэмбл». — Таанцы наверняка услышат передачу, но, возможно, «Ричардсу» еще удастся спастись. — Дух на орбите перехвата. Сближается. Координаты духа...

— «Гэмбл», — зазвучал в динамиках ответ «Ричардса». — Мы его видим. Скован... Х-луч дельта два. Конец связи.

Лейтенант Эстил — Стэн заметил, что голос его звучал совершенно спокойно, — воспользовался простым кодом. Х-луч — главный двигатель. Дельта — поврежден. Два — потеря мощности пятьдесят процентов.

— Говорит «Гэмбл». Иду на сближение. Конец связи.

— Мистер Фосс, — сказал Стэн, одновременно объявляя боевую тревогу. — Мне нужен курс на перехват. Двигатели?

— Готовы, сэр.

— Главный двигатель, экстренная мощность. Вторичный двигатель полная готовность.

— Есть, сэр.

— Все орудийные системы, доложите готовность к пускам.

— Все целые станции готовы, сэр.

— Мистер Фосс, как наши дела?

Теперь на экране появилась третья точка. От нее к первым двум протянулась тонкая красная линия. И вдруг «Ричардс» замигал — он выходил из АМ-2.

— «Гэмбл»... Говорит «Ричардс». Х-луч дельта четыре. Повторяю, дельта четыре. Конец.

Главный двигатель окончательно вышел из строя.

— АМ-2 не может сломаться! — воскликнул Фосс.

— Какого черта не может! — буркнул Алекс. — Один только что это сделал. А теперь заткнись и смотри за своими экранами.

— Говорит «Гэмбл». Янки альфа один. Пробел. Майк танго эхо конец.

Янки — двигатель Юкава. Альфа — используйте. Один — полная мощность. Майк — маневр. Танго — в сторону. Эхо — врага.

— Говорит «Ричардс». Связан. Янки тоже дельта. Три.

Саттону не удалось починить Юкаву. Или же ремонт оказался недолговечным.

Фосс наложил на экран две временные шкалы. Левая указывала через сколько секунд «Ричардс» окажется в пределах досягаемости ракет таанского эсминеца. Правая — время, через которое Стэн сможет сам атаковать эсминец. Разница времен составляла около семи секунд. И эти семь секунд могли оказаться для «Ричардса» роковыми.

— Приготовить «Кали».

— Готово.

— Фосс, к запуску аварийных маяков...

— Аварийные маяки... есть, сэр. Готовы.

— Маяки... запуск! «Кали»... запуск!

Огромная ракета выскользнула из пускового колодца «Гэмбла» в тот самый миг, когда перед такшипом вспыхнули два аварийных маяка. Они ослепительно сверкали не только в видимом свете и радиодиапазоне, но и в сверхсветовой радарной области.

Секунду спустя эсминец выпустил по «Ричардсу» две ракеты.

— Алекс... что бы я ни делал... прикончи мне этого таанца.

— Не боись, приятель. Я уж его не упущу.

— Аварийные маяки... Еще раз... Запуск!

Стэн надеялся отвлечь операторов эсминца. Быть может, они даже перенесут огонь с «Ричардса» на «Гэмбл».

Но этого не произошло. Беспомощный «Ричардс» был слишком заманчивой целью.

Однако усилия Стэна не пропали даром. Возможно, его ревущие на всех диапазонах маяки на долю секунды отвлекли-таки таанских операторов. Одна ракета вообще прошла мимо «Ричардса» — немудрено, ведь по размеру она была немногим меньше такшипа. Вторая взорвалась так близко, что на экране «Гэмбла» ее отметка даже слилась с точкой «Ричардса».

Экран очистился, и «Ричардс» не пропал!

— А теперь пришел наш черед, — пробормотал Алекс, давая команду на подрыв «Кали».

Шестьдесят мегатонн развалили эсминец пополам. Центральная его часть вообще перестала существовать, превратившись в облако радиоактивного пара. Корма, сыпя искрами из дюз, полетела куда-то в сторону. Остаток носа по тангенциальной орбите пронесся мимо «Гэмбла».

— «Ричардс»... «Ричардс»... Говорит «Гэмбл»... Прием.

В ответ — тишина.

— Говорит «Гэмбл». Вы меня слышите?

Фосс заметил, как заморгал сигнал резервного приемника.

— Сэр... На «Ричардсе» работает скафандровый передатчик.

Он изменил частоту приема.

— ...ворит «Ричардс». Повторяю, говорит «Ричардс».

Это был голос Тапии.

— Говорит «Гэмбл». Эсминец уничтожен. Сообщите ваше состояние. Прием.

— Говорит «Ричардс». Семеро убиты. Трое ранены. Командование у первого помощника.

— Говорит «Гэмбл». Идем на стыковку. Готовьтесь к переходу.

— Категорически возражаем, — быстро сказала Тапия. — Главный люк разрушен. Запасной не доступен. Юкава может взорваться с минуты на минуту. Держитесь от нас подальше, «Гэмбл».

— «Ричардс»... Это «Гэмбл». У вас все выжившие в скафандрах?

— Ответ утвердительный.

— Вы сумеете добраться до смотрового люка «Кали»?

С неисправной пусковой установкой громадная труба в центре такшипа, естественно, пустовала.

— Возможно. Вы сумеете открыть внешний люк? У нас нет инструментов.

— Открывалка уже в пути, — сказал Стэн и отключил микрофон. — Давай, Алекс.

Переведя управление на «Фокс», Килгур нажал кнопку запуска. Крошечная зенитная ракета рванулась вперед, и Алексу пришлось, сбрасывая скорость, по крутой дуге возвращать ее обратно.

— Ну, сейчас попробуем, — сказал он, посылая ракету в нос «Ричардса». Даже с заблокированной боеголовкой «Фокс» вырвал добрый метр корабельной обшивки.

— Из меня вышел бы неплохой нейрохирург, — с гордостью оглянулся на друга Алекс.

— Выходите, — сказал Стэн в микрофон.

Пять закованных в скафандры фигур выплыли через пробоину. Стэну потребовалось всего несколько секунд, чтобы «Гэмбл» завис рядом. Мак-Кой уже надел скафандр и выбрался на обшивку. Он взмахнул магнитным лассо, и первый из спасшихся оказался в шлюзе «Гэмбла».

Минуту спустя Стэн уже вел свой такшип прочь.

То, насколько далеко им удалось улететь прежде, чем взорвались Юкавы «Ричардса», зависело потом от того, насколько доверчивые попадались слушатели и сколько рассказчик успел пропустить стаканчиков.

Пятерых спасенных приняли на борт. Стэн лично снял скафандр с Типии и отнес ее в свою собственную кабину. Он старался помочь ей, сам себя убеждал Стэн, потому что Тапия очень способный офицер и отличный друг. При этом сам себе он не верил ни на грош. Впрочем, что это меняло?

«Гэмблу» следовало возвращаться на Кавите. Без своего главного оружия такшипу в космосе делать было нечего.

Короче, оставалось только прорваться сквозь блокаду таанцев, найти укромное местечко, приземлиться и спрятать корабль так, чтобы его никто не нашел.

«Не будет никаких проблем», — отчаянно надеялся Стэн.

«Гэмблу» всегда сопутствовала удача.

Удача оставила такшип на высоте восьми миль над поверхностью Кавите. Звено из шести таанских перехватчиков

взяло «Гэмбла» в оборот. Стэн пытался уйти обратно в космос, но бортовой компьютер показал сразу три эсминца, готовых отрезать имперскому кораблю путь к спасению.

А в атмосфере скорость и маневренность были на стороне перехватчиков. Уже не надеясь удрать, Стэн бросил такшип в крутое пике.

Пока перехватчики не подошли на дистанцию прицельного запуска, Килгур успел выпустить по ним трех «Фоксов». Он сбил двух таанцев, но потом остальные дружно открыли огонь. На кормовом экране Стэн прекрасно видел крошечные серебряные вспышки под главными крыльями перехватчиков.

— Вижу семь... нет, восемь запусков... — голос Фосса дрожал. — Время до контакта...

Три ракеты попали в такшип. Стэн услышал громовые удары, увидел пламя, полыхнувшее из-под контрольного пульта, заметил внизу укутанные туманом белые горы. В следующий миг экран ослеп. А потом отказало ручное управление.

Командир звена вывел свой перехватчик из пике. Он проследил, как объятый пламенем имперский такшип исчез в тумане, и отдал приказ о возвращении на материнский корабль.

Сегодня у него выдался хороший день. Его звено сожгло пять... нет, теперь уже шесть имперцев. По такому случаю он решил выдать экипажам двойную норму алкоголя.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

БЕГЛЫМ... ОГОНЬ!

ГЛАВА 57

Вечный Император размышлял над тем, как бы поточнее описать свое настроение. Злость? Нет — недостаточно сильно. Ярость? Нет — внешне его эмоции никак не проявлялись. Во всяком случае, он на это надеялся. Стандартный галактический тут помочь не мог. Император мысленно перебрал более экзотические языки, выученные у самых разных существ. Да, вот оно. Матанское слово «к'лур». В вольном переводе оно означает чувство, в равной части состоящее из беспокойства, горя, ненависти и злости. Причем только такое, при котором в полной мере сохраняется ясность мысли и способность мгновенно принимать решения, а также готовность эти решения выполнять.

Император подобрал удачное слово для своего настроения, но легче ему от этого не стало. Большей частью он злился на самого себя. Он здорово просчитался в том, когда таанцы будут готовы к войне, ошибся в оценке своих собственных сил и в том, насколько «верными» окажутся его союзники.

А еще это дурацкое ожидание перед Дворцом спорта, у входа в который стоят суровые престарелые часовые с палицами в руках. В их возрасте и поднять-то дубины тяжело, не то что ими размахивать. Ходишь тут взад-вперед, ждешь и ничего не поделаешь.

И снова в этом ожидании виноват только он сам.

Вечный Император заготовил для себя много путей отступления. Если даже будет разрушен командный центр под

замком, на дюжине миров существовали резервные центры: запасное оборудование, банки данных, персонал. Только одно Император не учел. Или цинично не захотел учитывать.

Он не построил запасного здания Парламента.

Возможно, Император втайне надеялся, что, если основное здание будет разрушено, вместе с ним погибнет и основная масса законодателей. Тех самых, кого он ненавидел лютой ненавистью. Но здание, спасенное рукотворной горой, практически не пострадало. Оно стояло, как и прежде, целое, хотя и слегка радиоактивное. В момент взрыва в нем находилась жалкая горстка депутатов.

Пока здание Парламента не дезактивируют, сей почтенный орган перебрался в один из Дворцов спорта.

Это еще не объясняло, почему Вечный Император был вынужден ждать под дверью.

Властитель, если уж на то пошло, сам накликал на себя эту беду. Он полагал, что народ имеет право на зрелища. И пример здесь должно подавать правительство. Вот поэтому он и позаимствовал древний обычай одного из старых, еще с Терры, государств.

По теории, Вечный Император мог войти в Парламент только с разрешения большинства. Это означало, что церемониальная стража загородит ему дорогу. Он, как Император, потребует освободить проход. И получит отказ. Он потребует пропустить его по праву сильного. И снова получит отказ. Только после третьего, вежливого прошения, ему дозволят войти внутрь. И вся эта дерьмовая процедура совершалась с бесконечными цветистыми речами и дурацкими приплясываниями.

Император, разумеется, всячески избегал появляться в Парламенте. Лишь пару раз в году ему приходилось совершать ритуал на глазах иллюзокамер. Это было красиво!.. Настоящая работа, конечно, велась во дворце.

Но сейчас, когда пришла необходимость выступить перед Парламентом, Императора до смерти раздражал им же самим придуманный обычай.

Он покосился на стоящих у него за спиной двух гуркских телохранителей. Пусть они только посмеют улыбнуться!

Император прекрасно знал, что непальцам все на свете казалось смешным, особенно если при этом их начальник попадал в глупое положение. Однако сейчас на их лицах застыли недовольные гримасы. «Возможно, — решил Импера-

тор за миг до того, как двери распахнулись и часовые, едва не выронив свои палицы, отдали ему салют, — возможно, гурки сердятся из-за того, что им пришлось разоружиться».

Тут он ошибался. Просто гурки отлично владели своими лицами. А потеря привычных виллиганов, гранат и кукри их не очень беспокоила. У обоих под туниками находились крошечные минивиллиганы — оружие, по мнению Имперской Секретной Службы, способное пройти через любой контроль, за исключением полного личного досмотра.

Император покорно ждал за креслами, пока премьер-министр торжественно приветствовал его от имени депутатов, заверил его в полной поддержке со стороны подданных и попросил пролить свет императорской мудрости на сложности сегодняшнего дня.

«Полная поддержка...» — мрачно думал Император, идя по проходу.

В зале присутствовало меньше половины депутатов. Целые галактики, до войны громогласно объявлявшие себя вечными друзьями, теперь вдруг заявляли о своем нейтралитете, выходили из правительства, а то и вообще начинали открыто поддерживать таанцев.

Для выступления Император надел простую белую форму с пятью звездами и венком на погонах — символы главнокомандующего Военного Флота. Он мог бы надеть тысячи разных форм, разных частей имперских войск, главнокомандующим которых он являлся. Но сейчас Император предпочел простоту. На его левой груди сверкал один-единственный значок — эмблема корабельного инженера. Из всех своих наград этой властитель гордился больше всех. Как он однажды сказал Махони, знак корабельного инженера — единственный, которой он действительно заслужил. Все остальные ему вручали как взятку.

Император говорил, глядя прямо в зал. Он смотрел не на сидящих перед ним делегатов, а на красный огонек работающей камеры — там были его основные слушатели. Через несколько минут его речь, переведенная на миллион разных языков, разлетится по всей Империи.

— Один цикл назад, — без преамбулы начал властитель, — те, с кем мы пытались жить в мире и согласии, нанесли нам коварный удар в спину. Таанцы напали без причины, без предупреждения и без жалости. Во славу своих богов, богов разру-

шения и хаоса, они снова, в который уже раз, обагрили руки кровью.

Я не стану лгать вам, граждане Империи. Таанцы хорошо обдумали свой удар. Они атаковали жизненно важные цели, и не без успеха. Что ж, они должны радоваться этому мигу, ибо успех их, воистину, будет недолговечен.

Война есть зло. Но порой другого выхода не остается и приходится воевать. И даже когда ведут войну из самых низменных, самых корыстных побуждений, ей пытаются приписать чистые и светлые цели. Жесточайший тиран, найдя в себе хоть крупицу порядочности, попытается оправдать вызванное им кровопролитие.

Но не таанцы. Некоторые из вас, вероятно, видели их пропагандистские ролики. Чего же они хотят?

Они хотят уничтожить Империю.

Они хотят уничтожить меня.

А что они предлагают взамен? Что они обещают?

Если верить таанцам, их победа подарит всем существам равную долю вечной славы. О какой такой славе идет речь? Это не комфорт и не еда. Это не новые гарантии безопасности. Это не знание того, что еще не родившиеся поколения смогут жить, не подвергаясь тяготам и опасностям нашего времени. Нет. Об этом речь не идет.

Просто — доля в славе. И все. Порой таанцы называют это судьбой цивилизации. Естественно, имея в виду свою цивилизацию. Те миры, и те народы, которые уже попали под власть таанцев и влачат теперь безнадежное, убогое существование под бичом своих тюремщиков, могли бы засвидетельствовать, что такое «слава» по-таански.

Отчаяние. Деградация. И, наконец, смерть. Смерть — единственная награда, которую таанцы способны дать, ибо только смерть дает спасение от их кошмарной тирании.

Я говорю все это потому, что враг действительно добился кое-каких успехов. А еще я говорю это потому, что таанцам стоит поторопиться, смакуя свои победы. Скоро все изменится.

Теперь я обращаюсь к тем, кто стонет сейчас под таанским игом. Не теряйте надежды. Вас не забыли. Мы прогоним агрессора. Мир скоро восстановится.

И еще я хотел бы сказать несколько слов тем, на кого заверения таанцев действуют, как на шакалов — запах тухло-

го мяса. Подумайте еще раз. Вспомните, кто такие таанцы. Вспомните их историю. До этой войны они неизменно предавали всех своих союзников. Нет такого соглашения, которое они не нарушили бы, если это становилось им выгодно. Единственный вид союза, который таанцы способны понять, это союз между хозяином-таанцем и его рабом.

Подумайте как следует и не забудьте древнее изречение: «Тот, кто хочет отобедать с дьяволом, должен запастись очень длинной ложкой».

И, наконец, я хочу обратиться к нашим врагам.

Вы громогласно хвалитесь своей силой. Вы уверяете в близости окончательной победы. Хвастайтесь, сколько хотите. Вы обнаружите, что победа будет неизменно ускользать у вас из рук. Ваши солдаты и матросы не найдут ничего, кроме смерти. Им придется столкнуться не просто с противником, вооруженным и страшным в своих боевых порядках, а со смертоносным гневом всех тех, кто более не желает терпеть таанскую «славу». Вашему гражданскому населению придется туго. Они никогда не дождутся вашего возвращения. А со временем их собственные небеса озарятся огнем.

Империя вернется. Вернется с мечом в руке.

Слушайте меня. Слушайте, хотя уши ваши в презрении и не внемлют, наверное, голосу разума. Вы посеяли ветер. Готовьтесь теперь пожать бурю.

Те, кто знакомы со мной, знают, что я никогда не обещаю того, что не могу выполнить. Сегодня я готов сделать только одно обещание. Через поколение лишь историки в сумраке своих кабинетов будут знать, кто такие были «таанцы». Вы начали эту войну — я ее закончу. Таанцы, со всей их силой и могуществом, будут лежать в пыли, всеми позабытые.

Круто повернувшись, Вечный Император сошел с трибуны. Еще только написав эту речь, он знал, что она удалась. Выступая, властитель на ходу улучшил ее — весь зал стоя ему аплодировал. А потом он заметил, что к овации присоединились и операторы камер, самые невозмутимые люди на свете.

Теперь Вечному Императору оставалось только одно — найти способ сдержать свое обещание.

ГЛАВА 58

Компьютер контроля повреждений «Гэмбла» нашел одну относительно неповрежденную цепь, и пульт управления снова ожил.

До скрытой густым туманом земли оставалось полторы тысячи метров. Стэн отчаянно боролся с падающим кораблем. Носовые дюзы — самая полная мощность. Юкава — самая полная мощность.

Звон аварийных сигналов и тревожно мигающие индикаторы предсказывали восстановленному управлению весьма недолгую жизнь. Прежде чем пульт окончательно сдох, Стэн успел еще до отказа врубить генераторы Мак-Лина. Теперь оставалось только ждать и смотреть, что получится. Если двигатели остановят падение «Гэмбла», то корабль снова начнет подниматься. А там, наверху, его, скорее всего, поджидают таанские перехватчики. Впрочем, если моторы не затормозят такшип, то последствия будут еще более неприятными.

Защелкнув ремни безопасности на своем кресле, Стэн приготовился к удару.

«Гэмбл» врезался в землю практически вертикально. В последний момент, перед ударом, он перевернулся и застыл сейчас носом вверх.

На миг к такшипу вернулась его былая удача. Он мог бы угодить в горное ущелье, или в ледник, или в каменистую осыпь. Вместо этого такшип врезался в толстую снежную подушку. Снег, тая, амортизировал падение.

Перед глазами Стэна вспыхнул красным еще один контрольный сигнал: «ДЮЗЫ ЗАБЛОКИРОВАНЫ». Стэн потянулся к аварийному выключателю питания, но тут бортовой компьютер решил, что для него все кончено, и, предпочитая не столь вагнеровский финал, сам отрубил питание.

«Гэмбл» замер.

Наступила гробовая тишина, прерываемая только тихим потрескиванием быстро остывающей обшивки.

Покопавшись в темноте, Стэн достал из бардачка фонарь. Жемчужный свет озарил разбитый пульт управления.

— Все отсеки... как дела?

Еще одно достоинство такого маленького корабля, как «Гэмбл». Крик был слышен практически по всему такшипу.

Отсутствие интеркома не могло помешать капитану связаться со своим экипажем.

Расстегнув ремни, Стэн вылез из кресла. Внезапно за бортом что-то загремело, корабль задрожал и начал крениться набок.

Минуту спустя все затихло. Стэн выжидал, но больше ничего не происходило. Похоже, «Гэмбл» нашел свою самую последнюю стоянку.

Дела обстояли, прямо сказать, неважно. Один из раненых, снятый с «Ричардса» матрос, погиб. Когда закоротило пульт управления двигателями, был убит током Мак-Кой, помощник главного механика из экипажа Стэна. Еще двух матросов раздавило, а двое были тяжело ранены. Все остальные щеголяли в синяках, порезах и ссадинах.

Такшип был мертв. Единственные работоспособные передатчики находились в скафандрах. Были еще рации в индивидуальных спасательных капсулах, но ими Стэну пользоваться не хотелось. Он считал, что имперские силы — вернее, то, что он них осталось, — все равно сейчас заняты. Им наверняка будет не до спасательных операций. С другой стороны, Стэн предпочел бы не привлекать к себе излишнего внимания таанцев.

А раз так, то спасение утопающих — дело их собственных рук.

Стэн приказал Килгуру подготовить аварийные комплекты. Сам он вместе с Тапией пошел выяснять, насколько им будет трудно спастись.

Главный люк расплющило. Стэн отчаянным усилием сумел-таки приоткрыть запасной люк, но оттуда в корабль хлынула ледяная вода.

Во всяком случае, они не в западне и всегда могут надеть скафандры или влезть в спасательные капсулы и выбраться из «Гэмбла». Они окажутся в холодной воде — в скафандрах это не проблема — но вода наверняка скоро замерзнет...

— Значит, надо плыть, — решил Стэн.

— Похоже, что так, сэр, — кивнула Тапия.

— И по-моему, нам стоит поторопиться. Боюсь, никто из нас, за исключением, быть может, мистера Килгура, не сможет пробиться сквозь лед.

Алекса они нашли в самом что ни на есть «боевом» настроении. Он только что закончил инвентаризацию припасов и теперь готов был взорваться в любую секунду. Моряки почему-то никогда не верят, что им вдруг придется покидать свой корабль. И потому состояние аварийных запасов обычно оставляет желать лучшего. Не стал исключением и «Гэмбл».

— Об этом мы будем думать, когда выберемся на поверхность, — решил Стэн. — Пошли.

Все облачились в скафандры, пострадавших засунули в спасательные капсулы, и Килгур полностью открыл аварийный люк. Вода, бурля, начала быстро заполнять корабль. Вскоре она поднялась уже выше голов.

Первым из такшипа выбрался Килгур. В руках он держал один из двух плазменных резаков, найденных в крохотной мастерской «Гэмбла». Включив резак, Алекс врубил двигатели скафандра и начал медленно пробиваться наверх сквозь быстро смерзающуюся массу воды пополам со льдом. За ним к остальным членам экипажа тянулся длинный и прочный трос.

Последним шел Стэн. Он вылез из люка и на миг завис в черной воде. Вот и конец его первому кораблю... «По крайней мере, — утешил он сам себя, — мы пошли на дно сражаясь. Не так ли, леди смерть?»

Трос натянулся, и Стэн поплыл наверх. Стало плохо видно — похоже, барахлил скафандр. Другого объяснения и быть не могло. Ведь ни одно разумное существо не станет проливать слезы по груде неодушевленного металла. Явно что-то не в порядке с контролем влажности.

Мощности ранцевого двигателя, рассчитанного на работу в открытом космосе, едва хватило, чтобы вытолкать Килгура на поверхность.

— Один момент, — внезапно прогремел в шлеме Стэна его голос. — Тут все чертовски странно. Мы выбрались на воздух, но... Капитан, хотел бы с вами посоветоваться.

Отцепившись от троса, Стэн добавил мощности двигателям и, пробив корочку льда, вынырнул рядом с Алексом.

Его глазам предстало и в самом деле весьма непонятное зрелище. Экипаж плавал в маленьком, быстро замерзающем озерце растопленного такшипом снега. Из озерца, примерно на метр, торчал покореженный нос «Гэмбла».

Но странным морякам показалось даже не это. Над их головами в какой-то паре метров находился низкий ледяной потолок.

— Это невозможно, — вслух сказал Стэн.

— Очень даже возможно, — возразила Тапия. — Сэр, вы хорошо знакомы со снегом?

В снеге Стэн разбирался, прямо скажем, неважно. Он и сталкивался-то с ним всего ничего — в основном в вечно белых горах, выписанных на фреске, на которую его мать положила шесть месяцев своей жизни. Пару раз ему доводилось выполнять боевые задания на холодных мирах, но тогда погода была только помехой, и анализировать ее не стоило.

— В снеге я не разбираюсь, — признался Стэн. — По мне, так это замерзшая вода, и ничего больше.

— Вы слышали грохот? Наверно, это была лавина.

— Значит, нас засыпало?

— Похоже, что так.

Тапия была совершенно права. Рухнувший с небес «Гэмбл» зарылся по самый нос в глубокий, не тающий даже летом снежник. Удар его падения сорвал лавину. Тысячи кубических метров снега и камней обрушились на долину, в которой разбился такшип.

Обломки «Гэмбла» были похоронены под сорока с лишним метрами плотной снежной массы. Открыв аварийный люк, люди впустили воду в корабль, понизив тем самым уровень мини-озера внутри застывшей лавины. Лед, образовавшийся на его поверхности, и служил тем куполом, который предстал взорам Стэна и его друзей.

Теперь им не оставалось ничего другого, как добраться до берега озера и рыть туннели на поверхность. К счастью, будучи в скафандрах, задохнуться в снегу они не могли.

Килгур с резаком в руках быстро пробивал уходящий кверху ход.

— Можно подумать, я был когда-то горняком, — бурчал он, понемногу поднимаясь все выше и выше.

Стэн полз молча. Ему то и дело приходилось соскребать иней, быстро оседающий на скафандре и грозящий намертво заморозить суставы. А потом он заметил свет. Не отблески фонарей, а рассеянное, ровное свечение, пронизывающее всю снежную толщу.

Через несколько секунд они пробились на поверхность.

Стэн разгерметизировал щиток шлема. Воздух имел какой-то странных привкус. Стэн вдохнул полной грудью. Мгновение спустя он понял, что просто-напросто отвык от свежего, не регенерированного, не фильтрованного бесчисленное количество раз воздуха. «Чертовски приятный способ вести войну», — подумал он.

Теперь требовалось спуститься с гор. И вопрос в том, хватит ли у скафандров энергии. Дотянут ли батареи до теплых равнин? От скафандра, в котором кончилось питание, пользы не больше, чем от разбитого и вмороженного в лед такшипа.

«Ладно, — оборвал он сам себя. — Не будем забегать вперед».

Может, его матросов, понятия не имеющих, что такое сражаться на земле, найдет и прикончит какой-нибудь таанский патруль.

«Во всяком случае, — решил Стэн, — тогда никто не будет жаловаться на холод». И он занялся подготовкой своего отряда к долгому маршу.

ГЛАВА 59

На третий день высадки на Кавите леди Этего перешла с «Фореза» в передвижной командный центр на поверхности планеты. Ее штаб располагался теперь в гигантской бронированной машине, окрещенной Имперской разведкой транспортером типа «Чило». Огромная, пятидесяти метров в ширину и ста пятидесяти в длину, разбитая на несколько сегментов, машина передвигалась на сорока роллигонах — трехметровых, глубоко рифленных, широких, поставленных треугольником колесах, придававших этому монстру в придачу к феноменальной проходимости еще и свойства амфибии. Если на пути попадалось препятствие, через которое роллигоны не могли переехать, тройка колес поворачивалась, и верхнее колесо плавно опускалось на верх препятствия. Дополнительно каждый сегмент мог самостоятельно перемещаться вверх, вниз и вбок.

В окружении целого эскадрона танков и бронированных зенитных ракетных установок «Чило» двигался всего в нескольких километрах за передовыми частями.

Те немногие имперские суда, которые еще держались в воздухе, никогда бы не сумели пробить оборону вокруг «Чило». И тем не менее леди Этего не желала рисковать. Место, выбранное ею для своего КП, обладало рядом весьма существенных достоинств. Оно располагалось недалеко от весьма перспективного выступа-клина, вбитого таанцами в оборону имперцев. Кроме того, КП находился поблизости от открытого поля, пригодного для посадки боевых кораблей, и для его маскировки не требовалось прилагать особых усилий.

Если уж на то пошло, то маскировка была просто идеальной. Ее обеспечивал один из небоскребов, в котором раньше находилась университетская библиотека. Таанцы не видели необходимости ни в хранилищах имперской пропаганды, ни в учебных заведениях для нетаанцев.

По указанию леди Этего шесть гравитолетов с включенными маклиновскими генераторами заняли позиции под карнизами, и «Чило» задним ходом медленно въехал в небоскреб. Четыре этажа рухнуло на грибообразный купол громадного транспорта, однако само здание устояло.

Теперь с воздуха засечь КП было просто невозможно. Что же касается электронных средств разведки, то леди Этего не сомневалась, что приданные ей отряды ЭМП сумеют без труда обмануть любые имперские сенсоры.

К тому же эскадрилья такшипов, доставившая таанцам столько неприятностей, наконец-то перестала существовать. Жаль только, что не удалось поймать ее командира, некоего капитана Стэна. Леди Этего с удовольствием организовала бы для него публичную и весьма мучительную казнь. После передачи записи казни по каналам имперского вещания некоторые из активно сражающихся с таанцами офицеров, возможно, и умерили бы свою прыть.

И все же леди Этего была не слишком довольна ходом штурма. Таанцам удалось окружить имперские войска в городе Кавите, на площади всего в каких-то жалких двести квадратных километров. Кое-где на планете еще оставались другие имперские части, но они уже ничего не решали.

Таанские патрули уже добрались до окраины города, до военной базы и до холмов за ней. Морские силы таанцев перерезали все возможные пути отступления по воде.

Но это была поистине пиррова победа.

От трех штурмовых таанских флотилий, что приблизительно соответствовало четырем имперским дивизиям, остались одни воспоминания. После четырех штурмов город все еще держался. Потери таанцев достигли астрономических размеров.

В подобной ситуации Империя отзывала части с фронта и, только пополнив поредевшие полки свежими резервами, вновь отправляла в бой.

Таанцы предпочитали более прагматичный подход. Их войска, раз начав бой, уже не могли из него выйти. Вплоть до победы — или до полного уничтожения. Отряды сражались, пока потери в них не достигали семидесяти процентов. Дальше уцелевших распихивали по другим частям, а их подразделение официально расформировывали.

С первой штурмовой армией так и произошло.

Второй армии приказали атаковать сквозь ряды первой. Имперцы уничтожили и ее.

Таанцы слишком долго воевали с неподготовленными и необученными. Первая дивизия Гвардии не относилась ни к тем, ни к другим. Бойцы укрепляли все без исключения позиции. Если враг атаковал, они держались до самого последнего момента, а потом отступали — на заранее подготовленные рубежи. Таанцы, полагая, что победили, начинали обустраиваться на новом месте, и вот тут-то гвардейцы и контратаковали.

В худшем случае, они просто наносили врагу ощутимые потери, но куда чаще им удавалось вернуть ранее отданные рубежи. Подобная тактика обходилась гвардейцам довольно дорого, но таанцы платили за нее куда дороже.

Сражения в городах шли еще менее удачно для нападающих. Гвардия защищала каждый дом. При этом солдаты не цеплялись за какую-то конкретную позицию. Они могли и отступить, но тогда враг неизбежно попадал под перекрестный огонь двух других, поддерживающих фланги, позиций.

Таанцы никогда не могли расслабиться. Им приходилось непрерывно ждать атаки.

А тяжелее всего им приходилось ночью.

Наперекор принятым нормам, Гвардия не держала сплошной линии обороны, предпочитая сражаться на отдельных укрепленных пунктах. Таанская разведка сообщала, что там-то и там-то линию фронта можно легко прорвать, и части

устремлялись в прорыв. А потом выяснялось, что это была ошибка, и таанцев били со всех сторон с заранее укрепленных позиций специально выделенные для этого резервы.

В то же время имперские отряды, врываясь в таанский тыл, громили там все, что только попадалось им под руку.

Гвардия воевала мужественно и умело, но силы были не равны, и таанцы все равно побеждали.

Леди Этего ничуть не сомневалась в успехе. Сидя в своих апартаментах, она прикидывала, как бы ей получше организовать капитуляцию врага. Вызванная ею бригада иллюзодокументалистов уже прилетела с Хиза. Готова были и парадная форма для самой леди Этего и ее торжественного эскорта.

«Нет, — решила она. — Адмирал Ван Дурман, если он еще жив, не достоин подписать акт капитуляции. Пусть лучше это сделает Махони».

Да, правильно. Это будет очень живописная церемония, прекрасная пропаганда военной мощи таанцев. А проводить ее надо на разрушенной военной базе 23-го Флота. Пусть все видят обломки и обгорелые остовы имперских боевых кораблей.

Генерал Махони по команде построит оборванные остатки своих войск. Интересно, есть у него шпага? Впрочем, это не важно. Какое-то личное оружие у него быть должно. Леди Этего примет это оружие и пообещает всем сдающимся солдатам хорошее обращение и регулярное питание.

Выполнять слово леди Этего, разумеется, не собиралась. Тех, кто не погибнет в бою, ждала смерть. Единственное, что леди Этего могла для них сделать, это позволить умереть с честью. То есть заколоться самим. Впрочем, она полагала, что имперцы все равно не оценят этой милости.

Будущее было спланировано леди Этего до мелочей.

После окончательного захвата Кавите она ударит Империю в самое сердце — Прайм-Уорлд.

Ее наставник, лорд Ферле, будет доволен.

«А может, и нет», — подумала она и улыбнулась.

В последнее время Ферле начал действовать ей на нервы. Возможно, он не тот лидер, который должен вести таанцев к окончательной победе. Возможно, есть более подходящая кандидатура — среди тех, кто лично руководит сражениями.

Леди Этего еще раз позволила себе улыбнуться. Будущее сейчас рисовалось ей весьма светлым — и очень-очень кровавым.

ГЛАВА 60

У моряков и летчиков есть одна общая черта: они искренне уверены, что по вселенским законам гарантированы от марш-бросков. Экипаж Стэна ругался и стонал, обнаружив, что ему придется пешком тащиться черт знает в какую даль.

Впрочем, ругань продолжалась всего километров семь или около того. Потом ни у кого уже не оставалось сил на пустые разговоры. Надо ведь вытащить из снега ногу, перенести ее на шаг вперед, опустить, вытащить другую ногу... А каждые полчаса еще и сменять кого-то, тянущего спасательные капсулы с ранеными.

Как Стэн и думал, пользы от скафандров оказалось не много. Они не были рассчитаны на использование в поле тяжести, и встроенная псевдомускулатура едва компенсировала половину их веса. В итоге и так нелегкий путь требовал поистине Геркулесовой силы.

Как Стэну хотелось иметь обогреваемые меховые комбинезоны! Или хотя бы элементарные парки. Или, чего уж мелочиться, новый такшип.

Будь скафандры не так тяжелы или имей они генераторы Мак-Лина помощнее, моряки могли бы парить над сугробами. Или, на худой случай, идти на снегоступах — Стэн брался сплести их из веток. Вместо этого они, проваливаясь в снег по пояс, уныло брели вперед.

С наступлением ночи Стэн начал высматривать местечко для привала. У края долины, вдоль которой они шли, он заметил большое дерево, засыпанное снегом до нижних ветвей. Как Стэн и ожидал, возле ствола оказалась небольшая свободная от снега полость. Немного расширив ее и утрамбовав «пол», моряки сделали себе вполне приемлемое убежище от ночного мороза.

Килгур занялся ранеными. Стэн добрым словом помянул разносторонние тренировки в отряде Богомолов. Хотя его собственные занятия не включали в себя медицину, Алекс разбирался в ней весьма и весьма прилично. Если уж на то пошло, то после окончания курсов экстренной помощи он без труда мог бы стать гражданским хирургом. Сейчас, впрочем, он мало чем мог помочь раненым — возможности имев-

шейся у них аптечки были не велики. Килгур поменял повязки, сделал обезболивающие уколы. Один из раненых, он это знал, к утру умрет.

Устраиваясь на ночевку, моряки не поверили Стэну, утверждавшему, что в снежной норе будет тепло. Вскоре, однако, температура поднялась, и они выключили нагреватели скафандров. Теперь тут стало очень даже уютно.

Со временем ночь сменилась рассветом. Смертельно раненный матрос умер. Завернув труп в сдутую спаскапсулу, они похоронили его в скальной трещине, завалив могилу камнями, и двинулись дальше.

Весь этот день приходилось непрерывно решать одну очень сложную проблему: как идти? Если идти с открытым лицевым щитком, то нагреватели включались на полную мощность, быстро истощая запасы энергии скафандра. И все равно было холодно. Стоило только закрыть щиток, как сразу становилось тепло, но зато тратились и так не большие запасы кислорода.

К полудню небо очистилось, и выглянуло солнце. Один из матросов тут же заработал куриную слепоту, и ему пришлось полностью поляризовать щиток своего шлема. К тому же снег размок, стало еще труднее двигаться.

Стэн, кроме того, начинал беспокоиться о возможных таанских патрулях. Что им тут делать — непонятно, но чем черт не шутит? Могут и появиться.

Следующая ночь стала повторением предыдущей, вот только нора получилась не такая уютная. Алекс с помощью плазменного резака выжег в снегу траншею, куда они все и зарылись. Здесь, во всяком случае, не дуло.

С рассветом, позавтракав остатками жидкой пищи из скафандров, отряд вновь двинулся в путь.

Стэн начинал сам себя презирать — он чувствовал усталость. Усталость уже на третий день? Да во время службы в отряде Богомолов за такое его бы мигом отправили на переподготовку! Он стал понимать, почему моряки так часто бывают толстозадыми. Когда же Стэн глядел на Килгура, ему становилось совсем грустно.

На родине Алекса, планете Эдинбург, сила тяжести была тройной, а на Кавите — стандартной. В итоге, несмотря на внешность пивной бочки с руками и ногами, Килгур умуд-

рялся всегда оставаться в форме. Он продирался сквозь снег так, словно того и не было; словно он не шагал в тяжеленном скафандре; словно он не тащил за собой спаскапсулу и не нес за плечами аптечку, резак и два виллигана.

А еще Алекс все время шутил или, точнее, пытался шутить. Лишь угрозой гауптвахты Стэну удалось удержать Килгура от рассказа о пятнистых змеях — кошмарной, идиотской истории, гулявшей среди курсантов отряда Богомолов. Стэн слышал ее лишь однажды, и то, по его мнению, это было в три раза больше, чем ему бы хотелось. Впрочем, и остальные анекдоты Алекса оказались ненамного лучше.

— Рассказывал ли я вам о том, как мы путешествовали по моим землям? — весело спросил он у Тапии.

— По каким таким землям? — прохрипела та и чуть не зарылась носом в сугроб.

— Неужели Стэн, простите, капитан Стэн, не говорил вам, что я — урожденный лорд Килгур, владыка Килгура?

— О чем ты болтаешь?

— Я хочу рассказать вам об одной удивительной свинье.

— Свинье?

— Ну, конечно, свинье. Целая куча сала — таких теперь уж и не бывает. Как бы там ни было, впервые я увидел ее, объезжая мои земли. Увидел я эту гору первоклассной свинины — и был потрясен. Почему, спросите вы? Потому, что у нее было всего три ноги. А четвертая — деревянная.

— Трехногая свинья? — недоверчиво переспросил Фосс.

— Ну, конечно, трехногая. Настоящее чудо. А рядом, возле ограды, стоял один фермер, и я, конечно, подошел к нему.

«Эй, мистер, — говорю. — Это что за свинья такая?»

«Это не свинья, а чудо, — отвечает мне он. — Три года назад мой сынишка упал в пруд и непременно утонул бы, ведь рядом никого не было. Короче, остался бы я без наследника, кабы не эта вот свинья. Она его и вытащила».

«Послушайте, — говорю я ему. — Это и вправду удивительно, но...»

И тут опять он меня прервал:

«В прошлом году была очень холодная зима. Ну, вы же помните, лорд Килгур».

И я ответил: «Да, да, конечно, помню».

«Так вот, в ту зиму мой дом загорелся, а мы все спали внутри. И наверняка погибли бы. Но эта свинья, она ворвалась в дом и перебудила нас всех. И мы спаслись».

Тут я почувствовал, что с меня хватит.

«Все это прекрасно, — проревел я. — Я согласен, это чудо, а не свинья. Но сейчас я хочу знать: ПОЧЕМУ У НЕЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ДЕРЕВЯННАЯ НОГА?»

А фермер поглядел на меня, как на идиота, и говорит:

«Вы что, сэр, разве можно вот так сразу съесть такую чудесную свинью целиком?!»

И Алекс шел дальше, оставляя Тапию и Фосса вынашивать планы кровавой мести.

Таков был Килгур на марше.

Но еще больше Стэну действовал на нервы постоянный оптимизм Алекса. Его возгласы «Еще пять километров, капитан, и все!» со временем надоели хуже горькой редьки. Особенно издевательски они звучали теперь, когда снег окончательно раскис, превратившись в настоящую кашу.

Кашу? Стэн огляделся и увидел, что горных пиков впереди нет. Кое-где из под снега проступали каменистые осыпи.

Дошли.

Теперь Стэну осталось только протащить своих моряков через боевые порядки таанской армии в осажденную Кавите.

Плевое дело.

ГЛАВА 61

Когда температура воздуха поднялась выше пятнадцати градусов по Цельсию, а дорога осталась ровной на протяжении целых семидесяти пяти метров, они скинули скафандры. Килгур вежливо зажал нос.

— Эта Вселенная вся провоняла потом, — заметил он. — Таанцы, небось, найдут нас по запаху.

Он не преувеличивал. Все вместе они пахли, как невесть что. Но продолжалось это только до тех пор, пока они не наткнулись на первую поилку для скота. Отогнав в сторону пару тощих бычков, Килгур, на ходу срывая одежду, полез в воду. Остальные последовали за ним.

На мытье и отдых Стэн дал целый час. Потом они отправились дальше. Теперь им требовались продукты и какое-

нибудь безопасное место, где можно посидеть, подумать и решить, что делать дальше.

По крайней мере вопроса «Куда идти?» не возникало. Столбы дыма на горизонте лучше любого компаса указывали путь к Кавите.

Земля вокруг была сухой и бесплодной — чахлые пастбища с редкими, по большей части заброшенными фермами. Те немногие, на которых еще теплилась жизнь, Стэн предпочитал обходить кругом. Они, судя по внешнему виду, едва могли прокормить сами себя. Где уж им помогать его отряду.

А потом моряки вступили в царство изобилия — зеленые поля и большие крепкие здания фермы. Но понемногу изобилие оборачивалось трагедией. Поля лежали в запустении, дома стояли настежь. В пятистах метрах от фермы Стэн уложил своих матросов в оросительный канал, а сам вместе с Алексом отправился на разведку.

Посреди двора они обнаружили артезианскую скважину. Возле нее кучей лежало полтора десятка мертвых тел. Стэн и Алекс притаились за сараем.

В главном здании громко хлопнула дверь, и Стэн осторожно снял виллиган с предохранителя. Дверь хлопнула еще раз, и еще, и еще. Ветер.

Они подползли к ближайшему телу. Килгур принюхался.

— Три. Максимум четыре дня тому назад, — сказал он. — Боюсь, до суда тут дело не дошло.

Все эти люди не погибли в бою. Их руки были крепконакрепко связаны за спиной стальной проволокой.

Стэн перевернул одно из тел. На раздувшейся шее трупа блеснуло золото.

— Таанцы, — сказал Стэн, поддевая дулом виллигана золотой нашейный знак. — Судя по одежде, поселенцы.

— Интересно, кто их прикончил?

— Имперские черносотенцы, — пожал плечами Стэн. — Или таанские же солдаты. Кто его знает. Да и какая, к черту, разница?

— Болезненное любопытство, капитан. Ладно, давай, прочешем дом.

Они привели остальных на двор фермы. Пара матросов, увидев тела, тут же отправилась блевать под стеночку. «При-

выкайте, ребята, привыкайте, — думал Стэн. — Теперь мы воюем не на дальней дистанции, а лицом к лицу».

Вместе с Тапией и Килгуром Стэн обшарил жилое здание. Выглядело оно так, словно его подняли в воздух, перевернули, немного потрясли и снова поставили на фундамент. Все, что могло разбиться, — разбилось. Все, что могло сломаться, — сломалось. Все, что можно было испортить, было приведено в негодность.

— У меня есть теория, — сказал Килгур. — Здесь поработали не имперцы. Четыре дня назад им было не до подобных развлечений. А у таанских солдат не хватило бы времени на столь методичное разрушение. Я думаю, — продолжал он, — что те, кто тут жил до войны, пытались держаться золотой середины. Так сказать, шли умеренным курсом. А это не больно-то нравилось их соседям. Тоже, кстати, таанцам. Когда началась вся эта заваруха, окрестные фермеры пришли сводить счеты. Они-то и расправились...

Внезапно остановившись, Килгур подобрал с пола маленькую пустую бутылочку. Удивленно покачав головой, он кинул ее Стэну.

«Яблочный сидр и удобрения Махони. 130 лет торговли», — прочитал Стэн на этикетке.

— Мы идем по стопам великого мастера, — с нарочитой серьезностью сказал Алекс.

Тапия никак не могла понять, почему посреди смерти и разрушения ее командиры вдруг разразились веселым смехом.

Дальше они двигались только по ночам. И очень-очень медленно. Причем не столько из осторожности, сколько из-за неопытности моряков. У Стэна уже язык болел, так часто он прикусывал его, сдерживая ругань и язвительные комментарии.

«Это же не отряд Богомолов. И не Гвардия. Черт побери, это даже не пехотинцы-новобранцы. Заткнись, капитан, и не воображай, что командуешь отрядом коммандос. Но если и дальше двигаться с такой скоростью, война закончится прежде, чем они доберутся до Кавите!.. Ну и что? Ты так уж торопишься попасть в осажденный город и погибнуть в какой-нибудь дыре? Короче, заткнись, капитан, и ползи дальше».

* * *

Четвертой ночью они натолкнулись на ферму Фреды. Натолкнулись в самом прямом смысле — один из моряков в темноте налетел на проволочное заграждение. К счастью, толстый рабочий комбинезон спас его от порезов.

И снова Стэн и Алекс ушли вперед, оставив своих людей дожидаться в густых кустах. Они незамеченными пробрались через проволоку и мимо сигнальных сенсоров. С вершины небольшого холма перед ними открылись длинные ряды бараков, выстроившихся вдоль «главной улицы». Глядя на этот поселок, Стэн и Алекс молча обсуждали увиденное, пользуясь языком жестов, специально разработанным для подобных ситуаций. Разведенные в сторону руки в данном случае означали «Что это такое?». Немое «Т» — таанцы. Два пальца на воротнике — военные? Качание головой. Ну это в переводе не нуждается. Таанские солдаты, без сомнения, позаботились бы о более серьезной охране. Да, наверное, и огни в поселке тогда не горели бы.

Указав в сторону бараков, Стэн жестами передал Алексу вопрос: «Тогда что это за гаврики с оружием и гравитолетами?»

Впрочем, он и сам знал ответ. Перед ними лежало поселение таанских революционеров. Кое-какие войска там наверняка имелись. Но не много.

Таанцы обычно использовали этих революционеров для всякого рода вспомогательных работ — патрулирование тыла, полицейские задачи, ну и так далее. Это «и так далее», вероятно, включало и выяснение отношений со всеми поселенцами, не достаточно восторженно принявшими войну.

Теперь, как казалось Стэну, он знал, кто прикончил тех таанцев на ферме. А еще он знал, как можно без особого труда добраться до линии фронта.

Килгуру явно пришла в голову та же самая идея. Сложив ладони у щеки, он наклонил голову, будто спит.

Точно. Осталось только найти часового.

Это оказалось совсем не сложно. Подходящий часовой нашелся в нескольких десятках метров — ходил взад-вперед вдоль проволочного ограждения, держась в стороне от освещенного фонарем круга и пристально вглядываясь в тьму.

Стэн и Алекс соответственно изменили свой план.

Килгур подкрался к часовому с фронта. Стэн зашел с тыла, со стороны бараков. Его рука крепко сжимала нож.

Дыхание... Дыхание... Не поднимаем глаз... Три быстрых бесшумных шага, и он уже схватил часового из-за спины за подбородок. Рывок назад и в сторону, удар ножом в сонную артерию. Три с половиной секунды. Не так уж плохо.

Теперь все готово для ловушки «Спящий часовой». Она основывалась на предположении, что во всех армиях во все времена сон на посту считался преступлением не менее тяжким, чем насилие в извращенной форме над своим командиром.

Прислонив тело к фонарному столбу, Стэн придал ему правдоподобную позу крепко спящего человека. Затем они с Алексом залегли по бокам, вне освещенной зоны.

Рано или поздно кто-то придет проверить посты.

Это и в самом деле произошло. Боевой гравикар медленно полз вдоль охраняемого периметра. Вот начальник караула увидел своего «спящего» часового. Он явно решил, что нарушителя стоит как следует проучить. Во всяком случае, машина остановилась метров за десять до поста.

Стэн начал осторожно пробираться к гравикару.

Тем временем таанский офицер — кстати, один из «советников» Фреды — подкрался к сидящему на земле часовому. Сейчас он что есть силы заорет ему в ухо, и если тот не помрет на месте от страха, вкатает ему нарядов по самые уши. Офицер уже предвкушал этот сладостный миг. Армия побеждает, и чертовы фермеры совсем разболтались. Надо их немного приструнить.

Он наклонился... и ладонь Алекса из темноты врезала ему в лоб классическим ударом тейшо-зуки. Такой удар, нанесенный нормальным человеком, может оглушить. Выполненный привыкшими к трехкратной тяжести мышцами Килгура, он раздавил череп таанца, как куриное яйцо.

Сняв с мертвых врагов оружие, Килгур побежал к гравикару.

А в кабине Стэн уже вытирал свой нож об одежду заколотого водителя. Надвинув на глаза инфракрасные очки, он поднял машину на три метра от земли, развернул ее и на полной скорости погнал туда, где ждали моряки.

Поехали!

ГЛАВА 62

Таанский боевой гравикар подарил Стэну и его людям не только способность быстро передвигаться, но и отличную маскировку. Стэн рассчитывал на элементарную логику — и не ошибся. Действительно, все гражданские машины давным-давно были реквизированы; имперские же гравикары находились внутри осажденного города. А раз так, то любая открыто летящая машина могла быть только «своей», то есть таанской.

Стэн дополнительно подстраховался. Погрузив на борт своих матросов, он несколько раз в каких-то сантиметрах над землей пролетел по пыльной проселочной дороге. А потом уже совершенно спокойно повернул к городу Кавите — еще один замученный разъездами гравикар, везущий войска на передовую.

Единственно чего приходилось опасаться, так это военной полиции. Вблизи фронта наверняка будут проверять документы. Впрочем, основное внимание полиция, естественно, обратит на машины, идущие от фронта, а не на те, что летят на гром орудий.

Здесь Стэну чертовки повезло. На полпути к городу его обогнал большой конвой. Воем сирен машина полицейского сопровождения заставила Стэна прижаться к обочине. Внутри конвоя, однако, таанцы держали интервал весьма небрежно. В итоге Стэну не составило большого труда вклиниться между двумя грузовиками, а потом, добравшись до окраин города, отвалить в сторону.

За эти несколько дней периметр имперской обороны стал значительно меньше. Пользуясь своим численным перевесом, таанские силы упорно теснили Гвардию. Успешно избежав встречи с тремя патрулями, Стэн решил больше не рисковать.

В десяти километрах от линии фронта он загнал гравикар на третий этаж разрушенного здания и начал думать. Двигаться дальше было слишком опасно. На передовой таанцы наверняка будут начеку.

К тому же Стэн понятия не имел, какой сейчас у имперцев пароль. Свои запросто могли принять его отряд за таанцев и открыть огонь. А это было бы очень даже грустно.

Ответом на все мучавшие Стэна вопросы послужил одетый в белую форму таанский патрульный.

Белая форма? В районе боевых действий?

— У них тут сплошная показуха, — заметил Килгур, опуская бинокль. — Мы можем это использовать?

И снова Стэн и Алекс отправились на разведку. Они перебирались с крыши на крышу, пока не заметили второго патрульного — тоже в белой форме. Он стоял на другой стороне некогда улицы, а теперь просто более пологой кучи битого камня и бетона.

За спинами часовых Стэн и Алекс увидели позиции сдвоенных орудий. Чуть дальше вокруг группы транспортеров стояла целая армада танков и ракетных установок. В самих транспортерах явно располагался какой-то штаб — торчащие во все стороны антенны сделали бы честь любому морскому ежу.

Это был штаб танковой бригады, и располагался он как раз между отрядом Стэна и передовой.

Менее опытные солдаты могли бы обойти штаб стороной. Но Стэн и Алекс увидели удобную возможность обосноваться во вражеском тылу.

Штаб всегда охраняется. Вначале охрану отбирают по принципу максимальной эффективности, но с течением времени приоритеты меняются. Вскоре внешнему виду часовых уделяют внимания больше, чем их боевой подготовке. Командуют штабной охраной, как правило, молодые, делающие карьеру или обладающие большими связями офицеры, что не повышает боеспособности караульных рот. Этому учили в отряде Богомолов, это Стэн и Алекс видели своими собственными глазами.

Солдаты в таких частях получают очередные звания и поощрения за блеск сапог и сверкание пуговиц. После пары парадных построений часовой не больно-то рвется лезть в грязь только потому, что ему послышался какой-то странный шорох.

Ну и наконец самомнение. Кто посмеет напасть на сильного?

Стэн и Алекс планировали в полной мере воспользоваться этими слабостями.

Туристы любят наблюдать за сменой караула. Пышная церемония перед входом в какой-нибудь дворец в заранее

известное время, с чеканными шагами и звоном оружия, желательно хромированного и весьма древнего. Красиво и совершенно не практично. Когда рядом могут оказаться плохие люди, так вести себя не стоит. Но традиция есть традиция, даже если ей всего лишь неделя от роду.

Смена часовых у таанцев выглядела так: большой отряд маршировал вдоль цепочки постов. Подойдя к очередному часовому, отряд останавливался, начальник караула инспектировал пост и снимал часовых. Он пару раз стучал прикладом длинного виллигана по земле и отходил в сторону. Новые часовые занимали свои места, потом весь отряд топал дальше.

Смена караулов, естественно, проходила по часам, днем и ночью.

Стэн на своем опыте знал, что человеку тяжелее всего приходится в четыре часа утра.

В это время он и решил начинать.

Стук сапог... Звяканье оружия... перестроения... и тринадцать моряков Стэна, не таясь, прошли мимо только что выставленных и еще зевающих часовых. Прошли прямо на территорию штаба.

Они шли строем, у всех на виду — Стэн мог только надеяться, что его морячки хоть как-то, но держат шаг — и никто не обращал на них внимания.

Первый этап успешно завершен. Второй этап — найти укромное место.

Килгур избрал для этого бронированный гравитолет, сидящий на земле метрах в ста пятидесяти от командных транспортеров. Держа кукри наготове, он проскользнул в открытый люк. Стэн страховал его снаружи.

Мгновение спустя Стэн услышал тихий предсмертный хрип, а еще через миг Килгур уже вынырнул из люка. Кукри в его руке даже не обагрился кровью. «Совсем неплохо, — подумал Стэн. — Алекс не забыл, чему его учили».

Знаком он велел своим одиннадцати матросам подниматься на борт. Надо было ждать рассвета.

Стэн, Алекс и Тапия несли вахту возле экранов внешнего обзора. Они не имели конкретного плана. Стэн надеялся, что расположившиеся вокруг штаба части скоро пойдут к

фронту. Хаос. Неразбериха. Вместе со всеми полетел бы и гравитолет Стэна. Это не должно вызвать подозрений.

Поедут они в таанской форме. Сперва Стэн надеялся переодеть всех своих людей — кузов гравитолета был полон запечатанных пакетов с надписью «ФОРМА. 113 КОМПЛ.». К сожалению, чуть ниже обнаружилась приписка: «Полный комплект для умеренного климата (БЕЛАЯ)».

Стэн решил, что если он оденет своих матросов в эту форму, то из расположения штаба их выпустят без труда, но вот встреча с боевыми отрядами таанцев вряд ли закончится благополучно.

Должен был существовать другой путь. Оставалось только его найти.

Ранним вечером Стэну показалось, что он таки его нашел. Один за другим гравитолеты и гравикары подлетали к транспортерам, выплевывая перед ними таанских офицеров.

Здесь будет военный совет, понял Стэн. Когда он закончится, части наверняка пойдут к фронту.

Внезапно к транспортерам подлетел большой, тяжело бронированный гравитолет. В небе над ним парили два таанских крейсера.

— Черт меня раздери! — удивленно воскликнул Стэн, наблюдавший за экраном из-за спины Алекса. — Похоже, к нам пожаловало самое главное таанское дерьмо.

Гравитолет приземлился и спустил на землю широкий трап. Вдоль него в две шеренги выстроились солдаты в белой парадной форме.

— Вот уж не думал, что у таанцев есть такие Голиафы! — изумился Килгур.

Солдаты и в самом деле были очень высокие. И очень широкие в плечах.

Стэн уже знал, что сейчас произойдет.

Он посмотрел на товарища. Тот был бледен, как полотно.

— Выбора у нас нет, так ведь? — прошептал Алекс.

«Нет, — подумал Стэн. — Выбора у нас действительно нет».

Он взял прислоненный к пульту виллиган. Проверил прицел и заряд. Затем, подойдя к наружному люку, осторожно приоткрыл створку.

Стэн хотел жить. Но при этом он был офицером Империи.

Конкретная ситуация: на виду толпа телохранителей в парадной форме, явно кого-то ждущие офицеры.

Вывод: должна появиться какая-то весьма важная шишка.

Вопрос: кто это может быть?

Ответ: леди Этего. Или адмирал Деска.

Вопрос: желательна ли смерть адмирала Дески... Будут ли оправданы жертвы?

Ответ: вероятно.

Вопрос: желательна ли смерть леди Этего?

Ответ: безусловно.

Вопрос: независимо от цены, которую придется за нее заплатить? Как вам кажется, капитан Стэн?

Вне зависимости от цены.

Перекинув ремень через руку, Стэн положил ствол виллигана на порожек и прицелился. Он позаботился, чтобы дуло не высовывалось из открытого люка.

Если Этего спустится по этому трапу, она умрет.

А вскоре после этого погибнут Стэн и все его матросы.

Килгур быстро будил людей. Отряд готовился к бою.

В ста пятидесяти метрах от Стэна таанские офицеры и телохранители замерли по стойке смирно.

Леди Этего вышла на трап.

«Целься получше», — думал Стэн.

Глупо умирать — но еще глупее погибнуть после промаха.

Перекрестие прицела, миновав красный плащ леди Этего, легло на ее зеленую тунику. Пуля с АМ-2 наполнителем делает в человеческом теле дыру, в которую пролезает кулак. Стэн задержал дыхание и выбрал слабину курка.

И тут телохранители леди Этего сместились, быстро и ловко, словно танцоры императорского балета. Они сомкнулись вокруг своей подопечной, наглухо закрыв от Стэна его цель. Вместо зелени туники леди Этего в прицеле застыла стена белых спин.

Выругавшись, Стэн оторвался от виллигана.

В окружении своих гигантских телохранителей леди Этего прошествовала к штабу. Офицеры повалили за ней.

Возможности выстрелить больше не представилось. Стэн медленно опустил оружие.

Он дышал так, словно только что пробежал пять километров. Та часть его сознания, которая была и всегда будет уличным разбойником, крыла Стэна на все лады. «Ты!.. Чего

ты расстроен? Разочарован тем, что остался в живых? Какого черта тебе надо?» А потом включился отдел, ведающий выживанием. «Извини, приятель. Я и не понял, что ты не стал стрелять, боясь смерти. Прости... не хотел тебя обидеть».

От этой мысли Стэну стало совсем плохо.

Может быть, он не выстрелил именно поэтому. Может быть, и так.

Остаток дня Стэн был тихим и задумчивым.

Килгур взял все дела на себя. Он снял форму с убитого им таанского экипажа гравитолета и приказал пятерым матросам переодеться.

На закате совещание закончилось. Леди Этего, окруженная кольцом телохранителей, вернулась на свой гравитолет и отправилась восвояси. Стэн следил за ней через прицел виллигана, но саму Этего даже и не увидел.

В суете разлетающихся по частям офицеров было совсем не трудно выскользнуть из таанского лагеря и прямиком направиться к передовой.

Неподалеку от линии фронта Килгур нашел небольшой кратер, где они и остановились дожидаться темноты.

— Не дергайся, парень, — тихо сказал Алекс Стэну. — У нас еще будет шанс.

Стэн только хмыкнул.

— И еще, капитан. Я не знаю, как выразиться помягче, но у меня тут были проблемы с желудком.

— Ну и?..

— Все эти пакеты с белой формой... В общем, форма там уже не белая.

Стэн нашел в себе силы улыбнуться.

Теперь оставалась только одна, самая последняя проблема — не погибнуть от рук своих.

Стэн знал, что если бы под его командой было подразделение Богомолов, имперские части впервые узнали бы о нем, когда отряд заявился бы на кухню за завтраком.

Впрочем, о Богомолах следовало забыть. Матросам подобное не под силу.

Найдя в каких-то развалинах безопасное место для своих людей, Стэн в одиночку отправился на разведку. Килгур воп-

росительно приподнял бровь, но Стэн решительно покачал головой. Он пробирался от тени к тени, невидимый и неслышимый. Его пальцы нашли натянутую над землей проволоку. Стэн аккуратно через нее перелез. Коварно замаскированная мина — обойдена.

Вон там... двое часовых. Бдительны и настороже.

Стэн прополз мимо.

Впереди дот. Может, туда? Нет. Там тоже сперва будут стрелять и только потом задавать вопросы.

Патруль Гвардии. Возвращается из разведки. Стэн последовал за солдатами. Метров через сто патруль спустился в блиндаж. Похоже, тут у них командный пункт.

Стэн начал считать.

Десять секунд на приветствие. Десять секунд, чтобы отложить оружие. Еще десять — разлить по чашкам кофе.

Бесшумно спустившись по ступенькам, Стэн откинул занавесь — рваное одеяло — и проскользнул внутрь. Солдаты не успели даже среагировать на его появление, а он уже представился, стараясь при этом говорить как бы небрежно:

— Я капитан Стэн. Имперский Военный Флот. На той стороне у меня остались люди, которых надо привести сюда.

Все. Они дома.

ГЛАВА 63

Когда Стэн пришел доложиться о прибытии, генерал Махони и адмирал Ван Дурман мрачно глядели на голографическую карту позиций.

— Почему так долго? — только и сказал Махони, выслушав сжатый рапорт Стэна.

Ну да ладно. Стэн и не ожидал торжественной встречи. Величайшим комплиментом Махони во времена работы в отряде Богомолов было «задание выполнено удовлетворительно». Тут Стэн заметил, что генерал прячет улыбку, и почувствовал себя лучше. Потом он посмотрел на карту и сразу же почувствовал себя хуже. Имперские войска попали между молотом и наковальней.

Махони нажал на кнопку, и общий вид Кавите сменился планом одного из участков обороны.

— Остатки твоего отряда, — сказал он Стэну, — удерживают позиции... — его палец указал на полуразрушенные здания бульвара, — ...вот здесь.

Местность эта почему-то показалась Стэну знакомой.

— У нас тут погибло много кораблей, и в итоге образовался излишек аэродромной обслуги. Вот мы и перевели твоих людей в пехоту. Во главе я поставил старшего унтера, как там, бишь, его... мистера Саттона. Я отдал ему под начало все, что осталось от твоего эскадрона, плюс еще семьдесят пять человек — всяких там клерков, церковных служек и разный прочий сброд.

«Просто шикарно, — подумал Стэн. — Сперва погибли мои экипажи, а теперь Махони отправил на убой бригады наземного обслуживания».

— Как это ни странно, — между тем продолжал генерал, — они великолепно держатся. Таанцы почему-то атаковали их позицию всего пару раз.

— Флот знает, как сражаться, — вставил Ван Дурман.

Махони с удовольствием ответил бы адмиралу, но в присутствии младшего офицера предпочел воздержаться.

— Раз ты решил вернуться в ряды живых, — продолжил он. — Я отзову подразделение Саттона. Примешь командование и займешь оборону вот здесь.

Перед Стэном возникло изображение другого района города Кавите — голый холм на окраине военной базы, окруженный разрушенными жилыми кварталами.

— Мы думали, это парк. Но один из моих адъютантов выяснил, что это старый форт. Сто пятьдесят лет тому назад тогдашний командир 23-го Флота решил, что охрана базы недостаточно надежна. Наверное, военный бюджет в тот год был особенно велик. Так или иначе, развернули строительство. Где-то лет через десять деньги кончились, командира сменили, и о форте понемногу забыли. Но мы думаем, что он еще боеспособен.

Махони повернулся к боковому монитору и нажал несколько клавиш. На экране вспыхнул вертикальных разрез поросшего травой холма. Отвесные туннели вели к замаскированным орудийным башням. Под ними находились четыре уровня подземной крепости.

— Типичная пассивная защита, — заметил Махони и вывел на экран схему форта. — Четыре зенитных «Чейна» — здесь, здесь, здесь и здесь. Башни поднимаются из земли и могут вести огонь до пятнадцати градусов ниже линии горизонта. Каждая из них дополнительно снабжена антипехотными орудиями. Еще есть двенадцать ракетных шахт, но я бы советовал вам держаться от них подальше. Под вот этими двумя холмиками спрятаны счетверенные пулеметные установки. Есть вопросы?

— Так точно, сэр. Прежде всего... вы сказали, что *думаете,* будто форт боеспособен?

— Точнее было бы сказать, надеемся. Судя по документам, форт числился на балансе, как резервный опорный пункт. А раз так, то в нем должны были остаться вода, рационы, энергия и, самое важное, боеприпасы. Если там нет снарядов, то вам не повезло и вы по уши в дерьме. Калибрами орудий форта уже давно никто не пользуется. Они устарели, как... «Свампскот».

Ван Дурман скривился, но промолчал.

— Что-нибудь еще?

— Почему вы решили задействовать этот форт только сейчас? Вы могли бы давным-давно перевести туда моих людей.

— Видишь ли, — пояснил Махони, — все это не так просто. Дело в том, что форт находится сейчас в трех километрах за линией фронта. На стороне таанцев. Боюсь, твой мистер Саттон — не большой мастак в операциях во вражеском тылу. Когда выйдете на позицию, сообщите об этом мне. Я скажу, когда вам начинать. Думаю, в целях у вас недостатка не будет.

— Спасибо, сэр.

Стэн отдал честь. Значит, остаткам его отряда суждено стать пожарной командой.

— И последнее, капитан. Я разрешаю вам самому выбрать себе позывной.

Стэн на секунду задумался.

— Форт «Ш'аарл'т», — решил он.

— Тогда у меня все.

Прежде всего, решил Стэн, надо выяснить, как сильно таанцы потрепали его зеленых техников и снабженцев.

Он ждал самого худшего.

* * *

Таанская ракета с воем осыпала улицу разделяющимися боеголовками, и Стэн с Алексом поспешно залегли. Задрожала земля, ударная волна попыталась расплющить моряков. Потом все на время вернулось на свои места.

Кавите лежал в руинах. Тянулись к небу почерневшие, словно гнилые зубы, остовы домов. Улицы были завалены битым камнем, перегорожены рухнувшими зданиями. В городе пахло смертью. Только под землей еще теплилась жизнь. Глубокие траншеи прорезали мостовые. Гражданского населения как такового не осталось. Имперские поселенцы и те немногие таанцы, которые остались верны Империи, стали неотличимы от имперских солдат. Они служили врачами и поварами и даже сражались в тех же окопах и дотах, что и Гвардия. И вместе умирали — таанцев не слишком заботило, в кого попадают их пули и снаряды.

У обитателей Кавите появилось новое хобби — рыть землю. Осада затягивалась, и убежища становились все глубже и глубже.

Стэну показалось, что он видел Бриджит, нырнувшую в одну из щелей. Если та вела к госпиталю, то почему бы и нет?

Чем ближе к передовой, тем страшнее становилось вокруг. Стэну даже думать не хотелось о том, что он увидит.

Но, как оказалось, его ожидал приятный сюрприз. Черт, это была первая приятная новость с тех пор, как... как... Бриджит легла с ним в постель.

Если на то пошло, Стэна ожидало сразу несколько приятных сюрпризов.

Он понял, почему этот район показался ему смутно знакомым. Трудно было не понять, когда Саттон устроил свой командный пункт в чудом избежавшем разрушения ресторанчике «Лес Дождей». Два сына сэра Тэйге остались дома — с семейным бизнесом. Сам Тэйге куда-то исчез на третий день осады. Братья предпочитали не думать о том, куда он мог деваться.

Хотя купол и пострадал, птицы и насекомые погибли или разлетелись, а водопады превратились в озерца затхлой воды, в ресторане еще оставались продукты. Сыновья Тэйге умудрялись даже из солдатских рационов готовить нечто вполне съедобное.

Мистер Саттон фыркнул три раза подряд, увидев тринадцать человек, которых считал погибшими. Он даже разок по-

трепал Алекса по плечу — у спиндарцев признак безумной, истеричной радости.

Потом он взял себя в руки и доложил обстановку.

Стэн ожидал услышать о катастрофических потерях среди своих необстрелянных техников, не знавших, с какого конца надо браться за виллиган, и не ценивших такой прозы пехотной жизни, как умение пригибаться к земле.

Вместо этого: шестеро убитых, четырнадцать раненых.

— На второй день, — докладывал Саттон, — таанцы начали весьма серьезную атаку на наши позиции. Вели себя они, однако, крайне глупо. Трижды ходили штурмом, причем такой плотной толпой, что мы стреляли практически не целясь. Их потери были просто ужасными, капитан, просто ужасными.

День спустя они вновь проверили прочность нашей обороны. Но уже не слишком настойчиво. С тех пор тут у нас царит относительное затишье. Похоже, враг нас боится.

Стэн удивленно приподнял бровь. Таанцы никогда ничего не боятся. Но должно же быть какое-то объяснение.

Объяснение действительно существовало, и нашел его сержант Гвардии, командовавший батареей ракетной поддержки.

— Мы полагали, — рассказывал он, — что таанцы сожрут ваших ребят и даже не поморщатся. Не обижайтесь, сэр. Но они пошли в атаку как последние идиоты, и их покрошили в мелкий винегрет. В следующий раз они прощупывали оборону, не больше. А потом как отрезало. Нам стало любопытно, в чем там дело, и, взяв пару парней, я отправился за языком. Ну, притащили мы одного гаврика. Попасть в плен — это худшее, что только может приключиться с таанцем, ну вы, наверно, знаете... Так вот, он сказал, что ваши люди живы потому, что все на той стороне принимают их за элитную часть. Или за приманку.

— За кого? — удивился Стэн.

— Сами посудите, капитан. Ваши люди идут в патруль. Никто никогда не говорил им, что надо ползти. Никто не говорил, что не стоит по пути зажигать спички и курить травку. Естественно, таанцы решили, что их заманивают в ловушку. Они подумали, что за вашими морячками стоят большие силы. Кроме того, наш язык рассказал, что таанцы просто не могли поверить, будто кто-то может так плохо построить оборону. Выходит, это ловушка. Вот они больше и не атакуют.

Стэн не мог удержаться от смеха. Надо не забыть и предупредить тех, кто сменит их на этом рубеже. Интересно, как новый командир отнесется к следующему совету: пусть солдаты ведут себя по-настоящему глупо, как зеленые новички.

Впрочем, сейчас хватало иных забот. Например, предстояло провести всю эту веселую братву через линию фронта в возможно и не существующий форт.

В любом случае это будет весьма занимательно.

ГЛАВА 64

Если уж речь зашла о форте «Ш'аарл'т», до добраться туда было еще только полдела.

Новому отряду Стэна потребовалось пять ночей, чтобы перебазироваться в давным-давно покинутую подземную крепость. При этом, разумеется, не обошлось без проблем.

Началось все с того, что моряков считали настоящими героями. Именно героями, а не дилетантами, которым невероятно, сказочно повезло. Они теперь даже имели прозвище «Три С» — «Страшные Солдаты Саттона». Прозвище придумал журналист, готовивший очерк о «победоносных парнях с плацдарма». Материал о «Трех С» разлетелся, разумеется, по всей Империи — слишком уж мало хороших новостей было в эти дни.

Алекс и Стэн между собой переиначили эту кличку в «Самоуверенных Салаг Саттона».

Если уж на то пошло, то подошло бы любое название. По счастливому стечению обстоятельств, моряков не стерли в порошок в первый же день в окопах. В итоге они не погибли и со временем набрались кое-какого фронтового опыта. Доказательство — они в основном остались живы.

Стэн надеялся, что в этом больших изменений не произойдет.

Он перевел свой отряд в точку на имперской стороне, максимально приближенную к мифическому форту. Затем они с Алексом, как всегда, вдвоем отправились на разведку.

Стэн до смерти устал первым лезть в опасность, но другого пути он не видел. К счастью, Килгур думал так же и не мучил Стэна жалобами.

Без особых проблем, как пара бесплотных духов, они пробрались через передовые позиции таанцев. Найти холм, под которым скрывался форт, не представляло никакого труда. Махони специально всадил в него ракету, вместо боеголовки снабженную радиомаяком.

По архивным данным входов в форт было несколько. Стэн выбрал наименее заметный — предположительно не разрушенную будку контроля подземных цепей питания.

После нажатия потайной кнопки панель мониторов легко отошла в сторону. У Стэна затеплилась надежда, что все пройдет без хлопот.

Они с Алексом спрыгнули в подземный туннель. Грязи здесь было почти по пояс. Одна из фильтрующих помп явно вышла из строя. Как, впрочем, и система биологической защиты.

Обосновавшиеся здесь крысы искренне считали туннель своей вотчиной и весьма неприязненно отнеслись к появлению в нем двуногих. Их было много. И все они кусались. Как бы Стэну хотелось, чтобы у него в руках оказался самый заурядный бластер, как в любом приключенческом иллюзофильме. Увы, такие игрушки существовали только в воображении сценаристов. Уничтожать мелких грызунов из вилиганов пулями с АМ-2... Да на это потребуется целая вечность! Не говоря уже о том, что от грохота выстрелов в узком туннеле у людей запросто могут лопнуть барабанные перепонки.

В итоге Килгур таки нашел подходящее решение. Он начал кидать перед собой «временные» гранаты — те самые, которые отнимали у своих жертв память о последних секундах, минутах, часах жизни. Вообще-то, это не смертельно, но если дышащее воздухом существо, потеряв сознание, падает в воду, то оно, естественно, тонет.

В конце концов туннель пошел вверх, и грязь закончилась. Стэн нашел контрольный пульт и, следуя архивной технической документации, включил энергию.

Вспыхнул свет. Загудели машины.

Большего Стэну сейчас и не требовалось. В форт можно вести людей.

Вернувшись обратно, на свою сторону, Стэн и Алекс проспали целый день.

Следующую ночь они провели в рекогносцировке. Им требовалось найти наименее опасную дорогу к форту «Ш'аарл't». Весь путь они разбили на трехсотметровые отрезки. И на третью ночь вывели на позиции «проводников». Стэн знал, что его матросы, что бы они там о себе ни думали, не смогут незаметно перейти линию фронта. Он решил взять наиболее опытных и сделать их проводниками. Каждый отвечал за триста метров пути. В конце он по эстафете передавал свою группу следующему проводнику.

Кто угодно может научиться бесшумно и с закрытыми глазами проходить трехсотметровую полосу препятствий. Верно я говорю? «ТАК ТОЧНО, СЭР!»

Стэн придумал и еще один фокус. Две ночи подряд приданная ему артиллерия ровно в полночь обрушивала сокрушительный огненный шквал на тот участок, где планировался проход. Стэн не сомневался, что таанцы, смеясь над педантичностью имперцев, ровно в полночь будут нырять на дно своих убежищ.

На четвертую и пятую ночи он повел своих людей в форт. Артобстрел продолжался, но теперь снаряды ложились по бокам проложенного Стэном коридора.

«Слишком сложно, — сам себе говорил Стэн. — Что-нибудь да сорвется».

«Совершенно верно, — сам себе отвечал он. — У тебя есть другие идеи?»

Других идей не наблюдалось.

И вот на четвертую ночь, передаваемые проводниками из рук в руки, моряки по трое двинулись в путь. Стэн рассчитывал, что прежде чем таанцы очухаются, до форта успеет добраться хотя бы треть его людей.

К четырем часам утра пятой ночи он готов был плясать от восторга.

Весь его отряд, до последнего существа, собрался в крепости «Ш'аарл't». Стэн начинал верить, что дело выгорит.

По молчаливому обоюдному соглашению Стэн и Алекс торжественно похоронили свое прозвище «Трех С». Теперь оставалось только узнать, что за кота в мешке они приобрели и насколько у этого кота длинные когти.

ГЛАВА 65

С когтями у форта были некоторые сложности. Хотя те, кто консервировал этот форт, потрудились на совесть.

Заняв командный центр на втором уровне, Стэн отправил своих людей разбираться с оборудованием и вооружением.

Фосс в ужасе глядел на управляющий огнем компьютер.

— Да сдохнуть мне на месте! — не мог надивиться он. — Они и в самом деле планировали стрелять с помощью этого монстра?! Чертова тварь выглядит так, словно ее надо заводить вручную.

Натянув защитные перчатки, он включил питание. В воздухе запахло горелой изоляцией, однако машина заработала. Фосс достал современный ручной компьютер, выдвинул экран и принялся составлять словарик. Машина работала, но обозначения и комментарии принадлежали совсем другой эпохе.

Систему жизнеобеспечения Стэн пока включать не стал. Не стоит этого делать до начала боя. Черт его знает, какой у нее теперь ресурс. Форт пропах пылью, как давно не использовавшийся платяной шкаф, но запах можно было и пережить.

Работала только половина экранов внешнего обзора. И снова Стэн не стал трогать рукояток управления камерами. Враг мог заметить что-нибудь подозрительное, а этого Стэну очень не хотелось. «Ну ладно, — сам себе сказал он. — Я могу во что-нибудь прицелиться... Наверное, могу. Посмотрим теперь, как у нас дела по части бабахалок».

Стэн поднялся в комнаты подготовки персонала. В архивах отсутствовали данные о том, сколько существ требовалось для обслуживания форта. Сверившись с представленной на стендах информацией, Стэн убедился в справедливости самых худших своих ожиданий. Форт был рассчитан на куда большее количество солдат, чем имелось в распоряжении Стэна.

Он сделал грубый подсчет.

О команде, обслуживающей ракеты, можно не беспокоиться. Это уже немало. Повара, пекари и тому подобное — ерунда, его люди сами разогреют себе рационы. Вместо трех вахт можно сделать одну. Итого...

Итого, имеется в наличии сто двадцать пять существ. Недостает еще четырехсот с небольшим.

Продолжая осмотр, Стэн по лесенкам поднялся в каждую из орудийных башен. Три из четырех «Чейнов» выглядели вполне работоспособными, как, впрочем, и один из счетверенных пулеметов.

Обслуживающие машины сделали свое дело. После полутора веков бездействия на вороненых стволах орудий не было ни пылинки. Тапия как раз разбиралась в диаграммах, пытаясь понять, как же работают пушки. В идеале стрельбой управлял центральный компьютер. Он автоматически наводил орудия, заряжал их и вел огонь. Но если вся эта система выходила из строя, ее функции могли взять на себя люди. В каждой башенке был предусмотрен пульт ручного управления.

Тапия как раз намеревалась проверить работу транспортеров, доставлявших снаряды с четвертого, самого нижнего этажа, к пушкам. Она не сомневалась, что сделает это, не поднимая орудийных башен на поверхность. Стэн остался посмотреть.

Механизмы стонали и шипели. Мониторы тревожно мигали, сообщая, что им не нравится, как работают контролируемые устройства. Но потом по давным-давно пересохшим каналам протекла смазка, подъемники и загрузчики показали боевую готовность, и мониторы успокоились.

Тапия оглянулась. Они со Стэном находились в башне вдвоем.

— Как, черт возьми, мне перевестись куда-нибудь из этой проклятой дыры? — спросила она.

— У тебя какие-то проблемы?

— Мне не нравится сидеть тут и ждать, пока в меня попадут. Мне больше по душе быть целью подвижной. И в моем личном деле черным по белому написано, что я страдаю клаустрофобией. И, — она задумчиво почесала шею, — по-моему, у меня появились вши. Все из-за этого проклятого бункера, где мне пришлось спать.

Спустив пар, Тапия вернулась к работе. Глядя ей вслед, Стэн не мог не восхищаться ее туго обтянутыми тканью комбинезона ягодицами. Провертев в голове пару весьма неуставных мыслей, он продолжил свой обход.

Саттон уже обосновался на кухне. В этом ему помогали еще двое — браться Тэйге. Они сказали, что не желают сиднем

сидеть в своем ресторане и ждать, когда в зал залетит шальной снаряд. К тому же матросы, по их словам, и стандартный-то рацион как следует разогреть не сумеют. Сперва Стэн думал отправить их обратно: все-таки гражданские лица — и на боевой позиции. Но потом решил: какого черта? Здесь не более опасно, чем где-либо еще в Кавите.

Боеприпасы? Саттон лично осмотрел склады боеприпасов на самом нижнем, четвертом уровне. Помпы работали, поддерживая достаточную сухость, а специальные разбрызгиватели через положенные интервалы орошали снаряды смазкой.

Постели? Подняв заднюю ногу, спиндарец почесал спину. О постелях можно забыть. Осушители третьего уровня явно барахлят. Да и в самих бараках жить практически невозможно. Впрочем, это не проблема. Солдаты могут расположиться в кают-компаниях и комнатах отдыха.

Вода? Полный ажур. Дождевые коллекторы в отличном состоянии. И очистители тоже.

Продукты?

Саттон был вне себя.

— Я готовлю подробный рапорт, капитан. Надо же такое придумать! Тот, кто снабжал форт продовольствием, был вором! Настоящий преступник, которому место за решеткой!

Стэн улыбнулся. Надо же, Саттон рассуждает о морали!

— Вы только посмотрите, — спиндарец возмущенно указал на экран монитора. — Имперский устав требует, чтобы каждый военнослужащий получал сбалансированное, разнообразное питание. Так это или нет?

—. Имперские уставы требуют много такого, что имеет обыкновение теряться по дороге, — заметил Стэн.

Если Саттон и понял намек, он не подал виду.

— Сбалансированное, разнообразное питание, с тщательным учетом вкусов и диет негуманоидов. А теперь посмотрите, что сделало это мерзкое существо! Все, что мы имеем на складе, это бобы и замороженное мясо травоядных! Как же мне накормить людей? Как Тэйге сумеют составить разнообразное меню? С тем же успехом можно подключиться к трансмутатору и вообще не мучаться с приемом пищи.

— Ничего, — успокоил его Стэн. — Пару дней проживем и на бобах с мясом. Каждый поработает трансмутатором сам для себя.

— Не смешно, — буркнул Саттон.

— Кроме того, — продолжал Стэн, — таанцы наверняка перебьют нас до того, как нам надоест ваша стряпня.

— Капитан, я в ужасе. Вы явно слишком много разговариваете с этим кошмарным Килгуром.

Согласно покивав головой, Стэн вернулся в командный центр. Настало время связаться с Махони и сообщить, что форт «Ш'аарл'т» готов к бою.

Больше всего генерала Махони волновало, как бы неприятель не пронюхал о форте раньше времени. Поэтому его беседа со Стэном получилась несколько односторонняя. Махони говорил, а Стэн отвечал заранее установленными, однобуквенными кодовыми сигналами. В остальном форт старательно не подавал признаков жизни.

На подготовку операции Махони потребовалось четыре дня.

У сражения могут быть разные цели: захватить территорию, отвлечь внимание, ну и так далее. Махони ставил только одну задачу — убить побольше таанцев.

Когда он объяснил свой план Ван Дурману, тот пришел в совершеннейший восторг. Адмирал не сомневался, что эта операция сломит хребет врагу и вынудит их оставить Кавите. Или, по меньшей мере, самим перейти к обороне. Махони мог только поражаться, как адмирал после стольких лет службы все еще оставался таким неисправимым идеалистом.

Максимум, на что можно было рассчитывать, это временно остановить продвижение таанцев. Махони не видел другого выхода — сражаться до тех пор, пока на выручку не подоспеют подкрепления. Такую возможность сам он считал крайне маловероятной. Но зато леди Этего и ее войскам придется дорогой ценой заплатить за свою победу.

Вот так, ни на что особенно не рассчитывая, Империя перешла в наступление.

Превосходство в воздухе, разумеется, принадлежало таанцам. Их постоянно патрулирующие линию фронта такшипы атаковали все без исключения движущиеся цели. Ближе к базе Кавите, у Махони оставалось еще достаточно зенитных установок, чтобы не давать врагу особо разгуляться. Под покровом ночи он скрытно перебросил большинство зениток в район «Ш'аарл'т».

У Ван Дурмана, не считая тщательно спрятанного «Свампскота», оставалось очень мало боеспособных судов. Одним из них был эсминец «Хуша» под командованием капитана Халдора.

В темноте таанские такшипы обычно не летали. Воздушное пространство контролировалось парой эсминцев. Любая ночная вылазка имперцев без труда подавлялась огнем, а такшипы, на которые легла львиная доля обязанностей по поддержке наземных сил, не тратили зря свой ограниченный ресурс.

На восходе солнца такшипы взлетали и устремлялись к передовой.

На восходе плюс пятнадцать минут из подземного ангара на Юкаве вырвался «Хуша». Его орудия в единый миг искрошили флотилию такшипов, патрулирующих район военной базы. К тому времени как на место прибыли таанские крейсера и эсминцы, «Хуша» уже скрылся в своем хорошо замаскированном убежище.

Леди Этего и адмирал Деска задумались: почему имперцы устроили эту вылазку? Ответ напрашивался сам собой — Ван Дурман собирается перейти в наступление.

Укрепив эскадрильи, они отправили их утюжить прифронтовой район имперцев.

Таанские корабли стали легкой добычей зениток. Враг никак не ожидал, что его атака будет встречена столь значительными силами зенитной ракетной артиллерии. Погибло много такшипов, и даже один крейсер. В таанских пехотных частях была объявлена боевая тревога.

И тогда имперцы атаковали.

Леди Этего была удивлена. Первая волна наступающих имперских частей состояла не из гвардейцев. Вовсе нет. На прорыв пошли плохо обученные батальоны солдат технического обеспечения военно-воздушных сил.

Таанцы без труда отбили атаку и, контратаковав, заставили моряков отступить. Они даже не смогли задержаться на своих первоначальных позициях.

Это была та самая слабина, которую так долго ждала леди Этего. Вот он — долгожданный шанс без особых хлопот прорвать линию обороны имперских войск и, возможно, захватить всю военную базу Кавите.

* * *

Время близилось к полуночи.

Этего приказала своим войскам укрепиться на новых позициях. На рассвете они предпримут новую атаку.

Четыре часа спустя таанская разведка доложила леди Этего, что Махони укрепляет свою оборону бронетанковыми частями — немногие уцелевшие машины двигались к передовой.

«Вот и хорошо», — решила леди Этего.

Бронетехники у нее было раз в десять больше, чем у имперцев. Собрав танки со всего фронта, она направила их на участок прорыва.

План выглядел примерно так. На рассвете она атакует. Генерал Махони контратакует своими танками, и тут, на не ожидающих такого сокрушительного отпора имперцев, обрушится бронированный таанский кулак. Гвардия отступит, и танковые дивизии леди Этего победоносно завершат штурм.

Три часа до рассвета.

Леди Этего спала и видела себя победительницей.

Генерал Махони всю ночь мрачно пил горячий кофе.

С его стороны все выглядело несколько иначе. Атака «Хуши» выполнила свою задачу и привлекла внимание неприятеля к нужному участку фронта. Батальоны моряков действительно ходили на приступ вражеских позиций, но командовали ими отборные офицеры Гвардии. Все было рассчитано до мелочей. Атака с минимальными потерями — и быстрое отступление, как бы под напором превосходящих сил противника.

Таанская контратака достигла заранее намеченных Махони рубежей. Здесь ее и остановили.

Танки, подтягиваемые к фронту, в основном представляли из себя простые гравитолеты с шумо и радиосимуляторами. Они передавали обычные позывные Гвардии. В передовых частых было всего шестнадцать настоящих танков. На рассвете вся эта техника — и настоящая, и липовая — пошла в атаку и была, как того и следовало ожидать, полностью уничтожена.

Настоящий разгром. Вот только если бы таанцы заглянули в кабины сожженных машин, они не увидели бы там человеческих костей. Вся техника была на дистанционном управлении. Ни один гвардеец не погиб во время этой с самого начала обреченной атаки.

Расправившись с танками Махони, леди Этего приказала контратаковать.

Махони передал сигнал, и далеко за периметром имперской обороны включились мощные гидравлические подъемники. Прорвав тонкий слой торфа, из земли вылезли орудийные башни форта. Их орудия автоматически выискивали и без труда находили цели.

Форт «Ш'аарл't» жил.

Жил и убивал врага.

ГЛАВА 66

Никто в форте не мог поручиться, что «Чейны», хотя внешне и вполне боеспособные, не взорвутся от первого же выстрела. Перед тем как открыть огонь, Стэн приказал своим людям покинуть башни и наглухо запереть аварийные двери.

Три орудия взревели, будто, по словам Тапии, страдающие бронхитом драконы. При скорострельности в две тысячи снарядов в минуту гром выстрелов сливался в сплошной непрекращающийся вой.

«Чейны», вообще-то, предназначались для борьбы со скоростными воздушными целями. Поэтому, хотя по меркам Фосса, компьютер форта и безнадежно устарел, он прекрасно справлялся с такими сравнительно медлительными объектами, как танки.

Снарядам полагалось бы быть зажигательными, но срабатывало из них не более трети. Впрочем, это уже было не существенно. Сплошной металлический ливень вскрывал танковую броню, как консервные банки.

Стэн услышал радостный визг «Работает! Работает!» и велел канонирам вернуться к орудиям.

Форт «Ш'аарл't» работал. И очень даже неплохо.

Когда по приказу Махони форт открыл огонь, первая волна вражеских танков уже добралась до старых позиций имперской войск. С ними быстренько разобрались бойцы Гвардии. Повыскакивав из своих замаскированных окопов, они своими

ПТУРСами превратили наступавший отряд в горящую груду металлолома.

Что касается Стэна, то ему хватало целей на участке от периметра имперской обороны до форта.

Большая часть танков находилась в резерве. Леди Этего планировала подкрепить ими прорыв. Таанцы не опасались ударов с воздуха, и потому их бронетехника, выстроившись вдоль дорог в направлении атаки, стояла буквально борт к борту, сплошной стеной закамуфлированной брони.

Стэн, а точнее Фосс, а еще точнее компьютер форта обрушил огонь «Чейнов» на эти забитые техникой дороги. Компьютер насчитал шестьдесят танков «подбитых и уничтоженных», а потом цепочка взрывов от подрывающегося боезапаса пробежала по остаткам колонн. Огненный шар прокатился по улицам, оставляя за собой лишь закопченные останки могучих боевых машин. Компьютер, словно бы обиженно, сообщил, что он сбился со счета.

На пульте перед Стэном загорелся красный огонек — поднялась башенка счетверенного пулемета. Алекс взялся за работу.

Пока работали пулеметы, пока вели огонь малокалиберные антипехотные орудия башен, защитники форта могли ничего не опасаться.

— Все башни, — скомандовал Стэн. — Перейти на ручное управление. Сами ищите себе цели.

Наконец-то у Тапии появилось настоящее дело. Она поудобнее уселась в командной капсуле наводчика — местечко, чем-то напоминающее комфортный велосипед без колес и с колпаком-экраном на руле. Рукоятки руля при помощи башенного компьютера были жестко связаны с положением самого орудия.

Тапия открыла огонь, и в наступающей на холм колонне четыре танка замерли, окутавшись густыми клубами дыма. Остальные поспешно спрятались за чудом уцелевшее высотное здание. Спрятались — но это еще не значило, что они спаслись. Переведя скорость огня на максимум, Тапия дала длинную очередь по первому этажу здания, и оно рухнуло, похоронив таанцев под грудой бетонных блоков и кирпичей.

Тапия снизила скорострельность. Если все время вести огонь на максимуме, склады скоро опустеют. И так уже за-

пас снарядов ее орудия опустился до восьмидесяти процентов. Тапия старалась быть экономной. Работая на минимальной скорострельности (порядка 750 выстрелов в минуту), она короткими очередями снимала танки один за другим. Очередь — танк. Еще одна — еще один танк.

Это становилось интересно. Тапия заметила шесть бронемашин, но прежде чем она успела развернуть орудие, другая башня уже сделала из них решето. Выругавшись, девушка снова оглядела поле боя.

Форт со всех сторон был окружен горящими танками. Дым столбом поднимался в небеса. Тапия переключила прицел из оптического в инфракрасный режим. Здесь она обнаружила кое-что любопытное.

Танк — только почему-то он не стрелял.

На самом деле девушка засекла командную машину бронетанковой бригады. У нее и пушки-то не было — один камуфляж. Просто таанцам очень не хотелось, чтобы их командный пункт выделялся на поле чем-то особенным. Втиснуть же настоящее орудие в начиненную электроникой машину просто не представлялось возможным. Отсюда и липовая пушка.

Тапия навелась по инфракрасному сигналу, прицелилась, нажала на спуск, и...

Форт содрогнулся. У Тапии, несмотря за специальный защитный шлем, даже заложило уши.

В командном центре Стэн нажал на красную кнопку, и все башенки опустились, оставив после себя голый, ничем не примечательный холм. Теперь таанская артиллерия могла стрелять, сколько ей угодно. Система жизнеобеспечения закончила вентиляцию форта и набрала воздух в резервные емкости. Если леди Этего решит использовать химическое или ядерное оружие, можно полностью изолировать крепость от внешнего мира.

Впрочем, ничего такого Стэн не ожидал. Леди Этего требовалась незараженная территория для атаки. Только в военных иллюзофильмах солдаты любят сражаться в неуклюжих, неудобных, опасных защитных костюмах.

— Всем постам. Доложить обстановку.

— Башня «А». Все в порядке.

— Башня «Б». У нас все о'кей. Только шумно очень, капитан.

Это была, разумеется, Тапия.

— Башня «В». Таанцы тут открыли по нам огонь. Пока никаких повреждений.

— У пулемета тоже все путем, босс, — сообщил Килгур.

Стэн начинал проникаться уважением к тем, кто выстроил этот форт — по какой бы идиотской причине ни началось строительство.

На пульте вспыхнул один из экранов. На нем появилось лицо Махони. Теперь, когда необходимость в секретности отпала, генерал перешел на стандартную командную линию связи.

— Докладывайте, — приказал он. Во время военных операций Махони был лаконичен и собран.

— Форт «Ш'аарл't» к бою готов, — по-уставному доложил Стэн. — Боевой статус передается... готово. Раненых нет. Ждем дальнейших указаний.

Махони расщедрился на улыбку.

— Удовлетворительно, капитан. Ждите. Скоро они ударят вас со всей силы.

Отведя уцелевшие танки, леди Этего решила разбить форт с воздуха.

Стэн, не ожидая особых результатов, перевел управление огнем на автоматику. Управляемые компьютером «Чейны» поднялись, с воем развернулись и принялись плеваться огнем.

Таанские такшипы так и посыпались на землю.

«Этого не может быть! — сам себе повторял Стэн. — Давным-давно устаревшая система... Неужели столько лет технология топталась на одном месте?!»

Фосс помог ему прояснить загадку. Устаревшая система, не так ли? Компьютер отслеживает цели, а управление дистанционно взрываемыми снарядами осуществляется на невесть когда использовавшихся частотах. В современной войне что главное? Поставить помехи и подавить управление противника. Что произошло сейчас? Таанские блоки ЭМП просто не работают в этом древнем диапазоне.

Стэн даже нежность почувствовал к своему, как оказалось, весьма когтистому коту.

— Может, нам отказаться от атаки, леди?

Этего просчитала еще один вероятный исход сражения на своем компьютере.

— Ни в коем случае, — ответила она.

Деска с трудом скрыл свое удивление.

— Наши потери просто неприемлемы.

— Это так. Но подумайте о психологическом факторе. Форт весьма эффективен. Имперские силы слабы. Значит, если мы уничтожим форт, мы запросто прорвем их оборону. А большего нам и не требуется. Надо только изменить тактику, и это я уже сделала. Первая стадия атаки начнется через несколько минут.

Таанцам повезло, что леди Этего пыталась предусмотреть любой ход развития событий. И что готовилась она соответственно. Этего ударила по форту мониторами.

Для операции на Кавите таанскому флоту мониторы, конечно же, не требовались. Для них и целей подходящих тут не нашлось бы.

Мониторы представляли из себя большие неповоротливые корабли. Тяжело бронированные, они обладали кое-каким зенитным вооружением. Их главным, и по сути единственным, оружием являлась пусковая установка, расположенная в трубе посреди корабля — примерно, как труба «Кали» в такшипах. Сама ракета, выпускаемая мониторами, по размерам значительно превосходила любой из существующих на свете такшипов.

Передвигались мониторы с помощью АМ-2, а полетом ракеты управлял специальный оператор. Предназначались эти монстры для войны против укрепленных астероидов и планетоидов. В системе Кавите таких космических крепостей не существовало. Значит, не были нужны и мониторы. Но леди Этего — так, на всякий случай — решила присоединить парочку к своему флоту. И вот теперь собралась использовать их против Стэна.

Один из мониторов завис носом вниз где-то на границе атмосферы. Вспышка, и ракета устремилась вниз.

Против близких целей мониторы практически не применяли. Оно и понятно. Самому опытному оператору требуется некоторое время, чтобы навести на цель ракету. А на АМ-2 летит она очень и очень быстро. Даже автоматика оказывалась слишком медленной. Для стрельбы требовались большие, поистине космические расстояния, а каждая ракета стоила примерно как пилотируемый сверхскоростной корабль.

Сейчас, однако, все это ничуть не волновало леди Этего. Если штурм Кавите еще больше затянется, ей уже ни о чем больше никогда не придется беспокоиться.

Ракета промахнулась всего на пятьсот метров — ее оператор был очень опытен. Ударная волна на добрый километр вокруг стерла в порошок развалины возле форта.

В момент взрыва Стэн как раз вылезал из командного кресла. В следующий миг он обнаружил, что лежит у дальней стены в абсолютной темноте. Загудел аварийный генератор, и лампы снова загорелись. В глазах у Стэна двоилось.

На шатающихся ногах он доковылял до пульта.

— Всем позициям. Доложите обстановку.

Как ни странно, они откликнулись.

В башнях, разумеется, удар оказался еще сильнее. У Тапии текла кровь из носа и ушей. Но ее орудие ничуть не пострадало. Как, впрочем, и «Чейны» башен «А» и «В». Видеоканал с позицией Килгура накрылся, хотя звуковая связь сохранилась.

К тому времени, как Стэн выяснил состояние дел, Фосс уже догадался, что произошло.

— Очень мило, — кивнул Стэн, выслушав его сообщение. Как и все в форте, он теперь говорил очень громко. — И что будет, если они в нас попадут?

— Прогноз не строится, — доложил Фосс.

— Еще лучше. Ты хотя бы сможешь дать нам предупреждение?

— Сказать, когда они выстрелят, я не смогу. Но эти два монитора сменяют друг друга на огневой позиции. Потом им придется идти за новыми ракетами. Потребуется время... В общем, как только один из мониторов выйдет на огневой рубеж, я подам вам сигнал. Между прочим, — добавил Фосс, глядя на экран, — как раз сейчас собирается попытать счастья второй говнюк.

До второго взрыва Стэн еще успел собрать все орудийные расчеты в кают-компании форта. Эта ракета промахнулась почти на километр, и удар, как решил Стэн, был не сильнее, чем зуботычина Алекса.

Очухавшись, расчеты полезли обратно в свои башни. Тут их уже ожидали подходящие цели — Этего начала вторую часть своего плана. Увидев, как опустились под землю орудия, она послала в атаку свежие силы — пехоту и танки.

План леди Этего оказался неудачным. Ракеты мониторов действительно загнали матросов Стэна под землю. Но таанские части не успевали за это время подойти достаточно близко. Матросы возвращались на свои посты, и форт вновь начинал огрызаться смертоносным огнем. К тому же ракеты уничтожили вокруг крепости все, что только могло служить укрытием. А перезаряжались мониторы слишком долго.

Ситуация казалась безвыходной. Жить в форте было нельзя, но сражаться можно. И тут случились две вещи.

Седьмой залп мониторов разорвался в ста семидесяти пяти метрах от форта. Ударной волной сломало запор второго, не работающего, счетверенного пулемета. Его башенка выскочила из земли да так и застыла в поднятом положении. А на пульте Стэна не загорелось предупреждающего огонька.

Это первое; а второе заключалось в том, что таанский высшего класса рядовой Хибнир потерялся на поле боя.

ГЛАВА 67

Рядовой Хибнир никогда не попал бы на плакат, призывающий вступать в армию. Он был низеньким, кривоногим и уже начинал полнеть. И это еще не все. Его поведение на войне никто не назвал бы особо героическим.

Хибнир весьма неохотно покинул сады своего отца. У него не было другого выхода. Не такой он был дурак, чтобы спорить с вербовщиком. Таанские законы жесточайшим образом карали уклоняющихся от призыва. При этом термин «уклонение» рассматривался судом весьма вольно.

Еще грустнее Хибниру стало, когда он узнал, что в армии нет эквивалента его прежней специальности садовника. Клерк на регистрации мигом записал Хибнира в будущие пехотинцы.

Держась в задних рядах, Хибнир тихонечко пережил физические и моральные тяготы обучения. Он не ждал ничего хорошего и потому не был разочарован, как некоторые из его сослуживцев, когда в боевом батальоне жить оказалось ничуть не приятнее, чем в тренировочном лагере. Хибнир старался делать минимум того, что от него требовалось. Ров-

но столько, чтобы сержант отделения не приставал. Ему хотелось только выжить и поскорее вернуться домой.

Рядовой Хибнир отчасти гордился тем, что до сих пор не погиб. Ему помогало умение вовремя прятаться, хорошо развитая трусость, чутье на опасность и хроническое нежелание вызываться добровольцем.

Точнее было бы сказать, что он не вызывался в одних ситуациях и вызывался в других. Еще во время обучения Хибнир сделал совершенно замечательное открытие. Он установил, что добровольцев приглашают только в двух случаях — когда задание особо опасное или когда оно особо грязное. Грязное задание зачастую означало безопасное.

У Хибнира открылся настоящий талант попадать на задания второго рода. Он рыл всевозможные ямы, таскал по болотам рационы, грузил и разгружал гравитолеты — в конце концов, почему бы и нет? Ведь все это крайне редко делалось под вражеским огнем.

Его вечная готовность заняться самой грязной, самой говняной работой даже принесла Хибниру повышение. Теперь ему следовало соблюдать особую осторожность — если так и дальше пойдет, он может стать младшим офицером, которых уже не комиссуют. Это было бы прискорбно. Хибнир даже подумывал, не совершить ли ему какой-нибудь мелкий проступок — достаточный, чтобы его разжаловали обратно в рядовые, но все-таки не такой, чтобы угодить под тяжелые кулаки своего сержанта.

Этим утром его отделение вместе с другими атаковало проклятый имперский форт. Таанская пехота знала, что штурмовать его — верный способ обеспечить доставку своих кремированных останков домой ближайшим же кораблем. Это если твой труп еще вытащат. В грязи вокруг форта валялось много мертвых тел, засыпаемых и вновь откапываемых разрывами снарядов.

Рядовой Хибнир тащился позади своего наступающего отделения, когда Тапия открыла огонь по двум танкам поддержки поблизости. Хибнир бросился на землю, услышал крик сержанта, приказывавшего идти вперед, поднялся... И тут ракета монитора ударила совсем рядом с холмом.

Хибнир потерял сознание. Он валялся без памяти и потому не видел, как его отделение полегло до последнего человека под убийственным огнем пулеметов Алекса.

Пришел в себя Хибнир не скоро. За его спиной дымили подбитые танки. От отряда нападавших не осталось и следа. Подумав, он решил, что в одиночку продолжать атаку бессмысленно. Надо возвращаться обратно.

Стараясь не упасть, Хибнир побрел сквозь расквашенную взрывами глину. Вскоре неподалеку снова тяжело заухали разрывы, и он инстинктивно бросился ничком.

Очухавшись, Хибнир, к своему неописуемому ужасу, обнаружил, что лежит нос к носу со счетверенным имперским пулеметом. Каким-то образом несчастный рядовой сбился с пути и вместо того, чтобы повернуть назад, продолжал идти к форту.

Хибнир уже попрощался с жизнью... Но в него никто не стрелял. Сам того не зная, он натолкнулся на пустую башенку неисправного пулемета, вырванную из земли седьмым залпом мониторов.

Хибнир облегченно вздохнул. Можно просидеть здесь до ночи, а потом спокойно доползти до своих. И вдруг он вспомнил о громадных орудиях из космоса, обстреливавших форт. Если такой снаряд разорвется где-то неподалеку, от него, Хибнира, останется просто мокрое место.

Тут-то его и осенило.

Хибнир заметил узкую щель между вытянутыми вперед дулами и защитной броней самой башни. Взрыв погнул броневые листы, подарив таанцу возможность проникнуть в форт.

Вне себя от страха, Хибнир пролез в щель и тяжело упал на бетонный пол башни. Здесь, в сравнительной безопасности от страшного монитора, к нему вновь вернулась способность думать.

Итак, он находится внутри форта. И где же имперцы с клыками размером с локоть?

Тут очередная ракета монитора ударил в склон холма, и Хибнир почти на час потерял сознание.

Он понемногу пришел в себя, понял, что жив, и что, как ни странно, еще не попал в суповой котел имперской Гвардии. Хибнир, как и многие необразованные таанские солдаты, верил, что имперцы торжественно варят и съедают всех захваченных ими пленных.

Но он был жив. И даже не ранен.

А еще ему очень хотелось пить.

Хибнир отхлебнул воды из своей фляжки. Теперь ему захотелось есть.

Хибнир огляделся. Он увидел несколько закрытых шкафчиков. Внутри нашлись костюмы химзащиты, костюмы радиационной защиты и аварийные рационы. Хибнир разорвал один из пакетов, понюхал и улыбнулся — мясо. Таанцу его класса мясо полагалось раз, от силы два раза в год. В следующем пакете тоже оказалось мясо. В третьем бобы. Понюхав их, Хибнир отложил бобы в сторону. Остальные пакеты он засунул в свой ранец.

Что дальше?

Возможно, благодаря съеденному мясу, мысли Хибнира прояснились. «Нам сказали, — размышлял он, — что форт полон солдат. Но где же они? Почему на этой позиции никого нет?» Ответа он не знал.

Выбор у Хибнира был не богатый: или оставаться на месте, или бежать обратно.

Если он останется здесь, гигантское орудие рано или поздно его прикончит. Вместе со всеми защитниками этой подземной крепости.

Если он вернется, ему придется отвечать на разные вопросы. Почему из всего отделения уцелел только он один? Может, он прятался? Или вообще не ходил в атаку? Наказание за трусость во время боя было однозначным. Расстрел на месте.

Минуточку... А что, если он вернется с какой-нибудь важной информацией? Тогда, возможно, его и не накажут. Вот только с какой информацией?

Ну конечно! Этой щелью могут воспользоваться и другие солдаты! Так можно захватить форт изнутри!.. Стоп. Не надо торопиться. Если он вернется и скажет, что знает, как проникнуть в форт, его наверняка пошлют показывать дорогу.

Хибнир скривился. Они влезут в форт, будет драка, и его запросто могут убить. Потом он просиял. Все очень просто! Если он вернется с действительно важной информацией, его отправят в штаб, а на штурм пойдут другие.

Но что он может узнать такого, что заинтересовало бы высокое начальство?

Хибнир покосился на люк, ведущий в глубину форта. Похоже, придется лезть туда.

* * *

Крутая лестница привела его в пустую комнату с нарами вдоль стен. Хибнир с тоской посмотрел на нары и отвернулся. Жаль, что нельзя на них поспать. Хотя тут и воняло, по сравнению с тем, как он ночевал с момента высадки на Кавите, это был рай на земле.

Большое помещение с нарами... большое, пустующее помещение. Сколько же на самом деле здесь имперцев?

Из комнаты орудийного расчета Хибнир вышел в центральный коридор. Несколько секунд спустя земля дрогнула от взрыва очередной ракеты. На сей раз оператор на мониторе здорово промахнулся.

Услышав топот ног, Хибнир осторожно выглянул из-за угла. Группа имперцев быстро поднималась по лестнице в одну из главных орудийных башен. Всего десять человек? Неужели какая-то горстка имперских солдат столько времени сдерживает напор всей таанской военной машины? Впечатление складывалось именно такое.

Большего Хибниру и не требовалось. Вот она — очень важная информация! Теперь его уже не пошлют на передовую. Хибнир надеялся, что добытые им сведения окажутся достаточно интересными и что докладывать он будет не своему командиру взвода, а хотя бы в штабе полка. Лучшего способа увильнуть от участия в штурме Хибнир не видел.

Рядовой высшего класса Хибнир успешно выбрался из форта, с неимоверным трудом вернулся к своим позициям и доложил об увиденном.

Вскоре, перепуганный больше, чем в форте, он уже стоял перед самой леди Этего. Ему не пришлось принимать участие в последнем штурме крепости «Ш'аарл'т». Вместо этого его назначили начальником пожарной команды, дали медаль и отправили в тыл.

Хибнир был в безопасности. Этого ему хватило. Его ничуть не заботило, что в фильмах, на всю Вселенную раструбивших о падении имперского форта, его имя даже и не упоминалось.

Вся слава досталась капитану десантников Сэнтолу, куда больше похожему на героя, чем Хибнир. И если тут уместно говорить о славе, то он ее вполне заслужил.

ГЛАВА 68

Стэн как раз думал, что враг предпримет дальше, когда обстрел из мониторов внезапно прекратился. Может, кончились ракеты? Или, мелькнула у него совершенно безумная мысль, оба монитора разом взорвались?

«Ладно, что будет — то будет», — решил он и приказал своим людям обедать. Или завтракать? Или ужинать? Короче, треть личного состава расчетов могла спуститься из своих башенок и спокойно поесть. После того, как все поедят, если ничего не произойдет, Стэн думал перевести форт на пятидесятипроцентную готовность и позволить хоть части матросов немного поспать.

Но все вышло не так, как он предполагал.

Бывший боцман «Гэмбла» Контриас вышла из кают-компании и удовлетворенно вздохнула. На полный желудок можно помечтать и о других приятных вещах. Сон... душ... чистая форма...

«Черт возьми, — подумала она. — Почему бы не помечтать обо всем сразу?» Например, об увольнении в запас и о том, как приятно можно потратить накопившуюся зарплату на одном их туристических миров, где самой сложной машиной является велосипед, и о том, как она влюбится в красивого офицера... «Офицера? — отозвался внутренний голос. — Ты слишком долго служишь в армии, подруга. К чертям собачьим военных! Лучше полюбить богатого гражданского».

Мечтательная улыбка заиграла на губах женщины, и тут таанская пуля разорвала ее грудь.

Штурмовому отряду таанцев удалось незаметно подобраться к форту. Анализ сообщения Хибнира показал, что с вероятностью восемьдесят пять процентов сектор за поврежденной башней является слепой зоной имперской обороны.

Капитан Сэнтол провел своих людей точно по курсу — узкой колонной в два человека шириной. Добравшись до щели в башенке, он пустил вперед двух опытных сержантов, а за ними гренадеров с установленным на треноге тяжелым пулеметом.

Контриас погибла не первой. Два застигнутые врасплох матроса были задушены еще раньше. Но застрелили первой именно ее.

Гром выстрела эхом отозвался в подземных коридорах форта. Уронив тарелку с бобами и мясом, Стэн вскочил на ноги. Случайный выстрел? Черта с два! Один из экранов внутреннего обзора показывал группу таанских солдат.

Нажав кнопку общей тревоги, Стэн потянулся за микрофоном.

— Всем бойцам! — Голос его оставался спокойным. — В форт проникли таанские солдаты. Приказываю удерживать входы в свои помещения... Алекс?

— Сэр?

— Ты не знаешь, как это дерьмо могло сюда попасть?

Долгая пауза.

— На экранах все чисто, сэр. Разве что через неисправную башню.

Значит, имелось две возможности: или башенка сломанного счетверенного пулемета, или башня «Б». Но если верить компьютеру, и там, и там все было спокойно.

— Башня «В», — приказал Стэн. — Индивидуальное командование. Цель... таанская пехота, приближающаяся к форту. Стрелять по готовности.

Он переключился на другой канал.

— Башни «А» и «Г». Пошлите по пять человек прикрыть ваши комнаты отдыха. Килгур, если у тебя есть свободные люди, пусть идут к командному центру.

— Вас понял.

Алексу, вообще-то, следовало находиться в башне. Но стрелять из пулемета можно было и в одиночку. Поэтому, оставив на посту одного матроса, Алекс с шестью другими отправился за скальпами.

Шестнадцать матросов, обслуживавших орудия башни «А», вышли навстречу таанцам. Они столкнулись в коридоре, и сперва преимущество было на стороне имперцев. Схватка была быстрой и кровавой.

Начиненные АМ-2 пули виллиганов в основном летели мимо цели, но, взрываясь при попадании в стены, осыпали врага смертоносной шрапнелью раздробленного бетона. Капитан Сэнтол потерял два полных отделения прежде, чем его гренадерам удалось подтащить тяжелый пулемет. И тогда шестнадцать моряков полегли, как один, под дождем пуль, со свистом рикошетирующих от стен, пола и потолка.

Сэнтол жестом послал третье отделение в атаку вверх по лестнице, в саму орудийную башню. Оставшиеся матросы расчета «А» там все и погибли.

Второй отряд таанцев напал на моряков башни «Г». Те мужественно защищались, однако устоять против отборных десантников не смогли.

Стэн ругался и чуть не плакал, глядя на экраны.

Теперь таанцы находились между командным центром и все еще сражающейся башней «В».

Стэн, Фосс и три оператора в роли ударного отряда? Это было безумие, но другого выхода Стэн не видел.

А таанцы тем временем пробирались длинными коридорами подземной крепости. Они вели себя осторожно и весьма профессионально. Через поврежденную башенку к ним шли все новые и новые подкрепления.

И тут имперцы начали контратаку.

Ее провел не жалкий отряд Килгура из семи человек, который все еще двигался по вентиляционным колодцам к центру форта.

И не группа Стэна.

Нет, контратаку начали пятеро людей во главе со спиндарцем, мистером Вилли Саттоном. Перед собой они толкали гравитележку, полную больших газовых баллонов — аварийных кислородных баков.

Они атаковали врага по боковому проходу, соединяющемуся с главным коридором. В дальнем его конце находился сам капитан Сэнтол.

С безумным воем Саттон вытолкал тележку в коридор.

— Огонь! — закричал Сэнтол, и вдоль по коридору засвистели пули. — Огонь!

Пять имперских солдат погибли практически мгновенно. Гравитележка, пролетев по инерции метров десять, остановилась.

Сэнтол бросился к проходу. Сейчас оттуда повалят еще имперцы! Надо их остановить...

Он обогнул тележку и лицом к лицу столкнулся с мистером Саттоном. Сорванная местами чешуя, кровь, текущая из многочисленных ран и изо рта... Спиндарец поднялся во весь свой громадный рост и навис над таанским офицером...

Сэнтол схватился за пистолет, но было поздно. Длинные когти спиндарца в клочья разорвали лицо врага. С отчаянным криком Сэнтол рухнул на пол.

А Саттон непонятно откуда вытащил маленький виллиган. Подняв его, он выстрелил — но не в таанских солдат, палящих в него со всех сторон, а в лежащие на тележке баллоны. Зашипел выходящий из пробитой емкости кислород. В следующий миг, воспламененный случайной искрой, он взорвался.

Огненный шар прокатился по коридору. Половина отряда Сэнтола погибла вместе со своим командиром. Те, кто уцелел, в беспорядке отступили.

Однако на перекрестке туннелей их уже поджидал Килгур. Не ожидавшие засады таанцы снова понесли тяжелые потери. И начали отступать еще быстрее.

Другого такого момента могло и не быть. Стэн схватил ближайший стенной комуникатор.

— Всем постам. Всем постам. Говорит Стэн. Эвакуируйтесь к выходу. Повторяю. Эвакуируйтесь к выходу.

Он сам и те четверо, что были с ним, соединились с группой Килгура и, прихватив матроса, оставшегося в пулеметной башне, прикрывали отход.

Как оказалось, они могли и не беспокоиться.

Командир второго штурмового отряда решил не торопиться. Сперва надо перегруппировать силы и только потом — атаковать.

К тому времени, как таанцы снова пошли в атаку, все уцелевшие имперцы уже покинули форт.

Они пробрались по затопленному подземному туннелю к теперь уже разрушенной будке. Замаскированный выходной люк еще работал. Выбравшись наружу, Стэн по головам посчитал своих людей. Осталось тридцать два человека.

Построившись, они через сожженные пустоши двинулись к имперской линии обороны. Отойдя от форта на полкилометра, Стэн вытащил из-за пояса передатчик. Щелкнув двумя предохранителями, он нажал красную кнопку.

Три минуты спустя, сработали взрывные устройства, и крепость «Ш'аарл'т»... или «Саттон», или «Тэйге»... превратилась в дымящийся кратер.

Пусть таанцы сами ищут для нее подходящее название.

ГЛАВА 69

За два часа до рассвета экранированный гравитолет Сулламоры получил разрешение на посадку в руинах императорского замка.

Здесь, на поверхности, находились всего два рукотворных сооружения: купол и флагшток. Передвижной экранированный купол, весьма типичный для горнодобывающих баз на радиоактивных планетах, на Прайм-Уорлде выглядел странно и нелепо. Что касается флагштока, то на нем развевалось сразу два флага: сверкающий штандарт Империи и — под ним — знамя императорского рода, золотое полотнище с буквами «АМ-2» на фоне структуры отрицательного атомного элемента.

Все имперские передачи, в начале и в конце, показывали руины дворца и этот флагшток. Намек был достаточно прозрачным, что, впрочем, нисколько не умаляло его значения. Империя пострадала, тяжело пострадала, но она жива и продолжает борьбу.

Одетые в защитные костюмы охранники провели Сулламору, тоже облачившегося в радиационный скафандр, через дезактивирующий душ, в кабину скоростного лифта.

Спустившись вниз, торговец разделся, еще раз прошел дезактивацию и вскоре очутился в подземном командном центре. Два гуркских стража провели его по роскошно отделанным коридорам, полным куда-то торопящихся офицеров и суетливых клерков. За открывающимися порталами Сулламора заметил огромные компьютерные экраны, голографические звездные карты, подмигивающие табло и много всякого другого, не менее любопытного.

Он не знал, что его вели по специально разработанному маршруту — маршрут «Зоопарк», как называл это Император. В кабинетах шла обычная работа, люди занимались своими делами — просто посетителя вели так, чтобы он как следует «прочувствовал» сложность и важность управления огромной Империей. При этом все, что он видел, относилось исключительно к не секретным сферам — образование, набор рекрутов, статус тренировок, кое-какие финансовые вопросы ну и так далее.

Апартаменты Вечного Императора тоже были декорированы так, чтобы создавать у посетителей вполне определенное впечатление. Множество приемных позволяло принимать одновременно любое количество делегаций — причем так, что они ни в один момент не сталкивались друг с другом. Серые, строгие стены и почти спартанская мебель. Настенные экраны, показывающие таинственные карты и планы, время от времени сменявшиеся другими, не менее загадочными графиками и схемами. Любопытная обстановка.

Личные покои Императора состояли из большой спальни, кухни, напоминающей камбуз боевого корабля, конференц-зала, личной библиотеки и громадного компьютерного центра. Все эти комнаты были обставлены весьма безыскусно. И не в угоду царившему в командном центре стилю, а просто потому, что Императора вообще не привлекали ни помпезность, ни пышность церемоний.

Настенные экраны здесь обычно рисовали виды из окон домов, где властитель любил бывать в редкие дни отдыха. Но сейчас на них чередовались всего три изображения: руины дворца, вид из космоса на главный мир таанцев Хиз и статическая голография двадцати семи членов Таанского Верховного Совета. Эти три изображения, как объяснял Император, помогают ему сосредоточиться на главном.

Сулламора провел в приемной всего несколько минут. Потом его пригласили пройти в библиотеку.

Император очень устал и не скрывал этого. Приветливо кивнув Сулламоре, он указал на столик с напитками и закусками. Торговец вежливо отказался.

— Танз, — с места в карьер начал Император. — Я только что реквизировал десять твоих самых быстроходных лайнеров.

Сулламора округлил глаза, но сумел-таки сдержать напрашивающийся протест. В конце концов, Император только что назвал его по имени.

— Сир, вы можете располагать всем, чем я владею. Скажите только слово.

Император кивнул. Потом без всякой видимой связи с предыдущим спросил:

— И как давно ты начал вооружать свои торговые суда?

— Прошу прощения, Ваше Величество. Практически все мои корабли вооружены.

— Да ладно тебе, Сулламора. Это была долгая ночь, и до рассвета мне бы хотелось еще немного поспать. У тебя есть транспорты, вооруженные получше моих фрегатов.

— Это так, — склонил голову Сулламора. — Я взял на себя смелость установить на некоторых судах дополнительное вооружение. А конкретно на тех, что летали вблизи контролируемых таанцами галактик.

— И правильно сделал, — снова кивнул Император. Сулламора облегченно вздохнул. — Потому-то я и забрал у тебя эти десять лайнеров. Но об этом потом. Другая причина, зачем я тебя вызвал, в том, что я реквизирую тебя самого.

Ответ Сулламоры вряд ли можно назвать очень умным.

— Да? — только и смог выдавить он.

— Вот уже двадцать минут, как ты стал министром судостроения Империи. Ты теперь — член моего Малого Кабинета.

Сулламора удивленно заморгал. До сего момента он даже и не подозревал о существовании Малого Кабинета.

— Я хочу, — продолжал Император, — чтобы ты построил мне корабли. Мне плевать, кто их будет строить, где и как. Твои приказы будут иметь гриф «А-плюс». Ты получишь Первый приоритет на сырье, материалы и персонал. Мне нужны боевые корабли. Нужны не завтра, нужны вчера. У меня просто нет времени на все это дурацкое лоббирование, акционирование, интриги и дележ заказов. Налей себе чего-нибудь. А я выпью чаю.

Сулламора взял бокал.

— Нам здорово досталось, — сказал Император. — Таанцы громят мои флоты быстрее, чем я успеваю их строить. Ты должен все изменить.

— Спасибо за доверие, Ваше Величество. Скажите, какой у меня будет штат?

— Возьми, если хочешь, всех пройдох и мошенников из своих компаний. Мне все равно.

— А мой бюджет?

— Когда у тебя кончатся кредиты, скажешь мне, и я найду для тебя еще.

— А как насчет перерасхода средств?

— Его не будет. Но если я замечу, что ты воруешь слишком много или покупаешь мне дерьмо, я тебя убью. Лично.

Император не улыбался. Похоже, он не шутил.

— Сир, — Сулламора решил сменить тему. — Можно мне у вас кое-что спросить?

— Валяй.

— Вы обещали объяснить, зачем вам понадобились десять моих лайнеров.

— Сейчас объясню. Но это секретно, Танз. Никто не должен ничего знать. — Император помедлил. — В начале войны я допустил целую кучу ошибок. Одна из них в том, что я считал мои войска на Пограничных Мирах лучше, чем они есть на самом деле.

— Но, сир... Вы же послали туда Первую гвардейскую!

— Послал. И они действительно лучшие.

— Они побеждают?

— Черта с два. Им сейчас надирают задницу. Первая гвардейская, вернее, то, что от нее осталось, зубами держится за крошечный кусочек одной планеты. Где-то через неделю их перебьют всех до единого.

Сулламора судорожно сглотнул. В новостях говорили совсем иначе.

— Я отправил Гвардию в надежде удержать систему Калтор. Я думал, что рано или поздно ситуация изменится и нам понадобится плацдарм для вторжения в таанские сектора. Я дал маху. Я рассчитывал на большую поддержку от моих союзников. А еще я не знал, что таанцы штамповали боевые корабли, словно дешевые пластиковые игрушки. Теперь я должен спасать, что возможно.

В столице системы Калтор, в городе Кавите планеты Кавите, осталось много гражданских лиц. В основном эвакуировавшихся туда имперских поселенцев. Я хочу, чтобы твои лайнеры вытащили их оттуда. Их и еще кое-каких нужных мне людей.

Видя выражение лица Сулламоры, Император мрачно усмехнулся.

— Изнутри все выглядит по-другому, так, Танз? В следующие несколько дней тебе придется столкнуться с большими разрушениями и катастрофами, чем ты можешь себе вообразить.

Сулламора понемногу приходил в себя. И он задал самый главный вопрос:

— Сир, мы выиграем эту войну?

Император вздохнул. От этого вопроса он уже начал уставать.

— Да. В конце концов выиграем.

«В конце концов», — подумал Сулламора. Император, видимо, не слишком-то уверен в успехе.

— И когда мы победим...

— Когда мы победим, я позабочусь, чтобы в системах таанцев установилась новая власть. Я не хочу, чтобы они меня больше беспокоили.

Сулламора улыбнулся.

— Хороший таанец — мертвый таанец, так я понимаю.

— Я имел в виду нечто иное. Я хочу поменять их государственную систему. С простыми людьми я не ссорился. Я собираюсь выиграть эту войну, не разрушая никаких планет, без тотальных бомбардировок и всего такого прочего. Не люди начинают войны. Это дело рук правительств.

Сулламора молча глядел на Императора. Он считал себя историком. Он собирал героическую живопись. Он восхищался героическими подвигами предков. Он даже смутно помнил высказывание одного прославленного земного адмирала: «Умеренность в войне — это полная чепуха».

С этим Сулламора был согласен целиком и полностью. Разумеется, он не знал, что его адмирал никогда не командовал флотом ни в одном крупном сражении и что к тому времени, когда разразилась война, и он сам и его суперкорабли давным-давно устарели и вышли в отставку.

— Мне кажется, я вас понимаю, Ваше Величество, — холодно сказал Сулламора.

Император не мог понять внезапной перемены настроения своего союзника.

— Когда война кончится, — продолжал он, — ты получишь все подобающие награды. Я полагаю, что речь может идти о губернаторстве, скажем, всех областей, в настоящее время принадлежащих таанцам.

Сулламора вдруг почувствовал, что они с Императором говорят на разных языках. Он поднялся, оставив свой едва тронутый бокал на столе.

— Большое спасибо, Ваше Величество, — низко поклонился он. — Я буду готов приступить к своим обязанностям через неделю.

Повернувшись, он покинул библиотеку.

Император молча глядел ему вслед. Затем он встал, подошел к столику, взял недопитый Сулламорой бокал, задумчиво сделал несколько глотков.

«Возможно, — думал он, — мы с мистером Сулламорой настроены на разные частоты».

И что дальше?

Император поставил бокал, вернулся к своему столу и включил комуникатор. Пора выслушать последние рапорты об очередных катастрофах. Он здорово волновался за свою Империю. Если он не даст ей погибнуть — а в последнее время, несмотря на показную уверенность, властитель и сам начинал сомневаться в успехе, — вот тогда он и будет нервничать из-за отдельных людей.

Переведя комуникатор в режим паузы, Император включил весьма специализированное устройство. Был один человек, с которым ему очень хотелось поговорить. Пусть даже их беседа будет односторонней.

ГЛАВА 70

Генерал Махони задумчиво глядел на свое отражение в расколотом зеркале.

Несмотря на утверждения любимых комиков-рифмоплетов Императора, давным-давно почивших в Бозе... как там, бишь, их звали... Махони смутно припоминал их имена: Силберг и Гуливан, кажется... существовало все-таки два типа современного генерала.

Первый тип — генерал в безукоризненной парадной форме, позирующий в три четверти перед построенными на плацу войсками, с ног до головы усыпанный орденами и медалями.

Вторым типом являлся тот же самый генерал, но уже в полевой форме с дымящимся виллиганом в руках (дымятся виллиганы только в иллюзофильмах), весь обвешанный гранатами, личным примером поднимающий своих людей в атаку или там на штурм чего-нибудь, прямо на превосходящие силы всевозможных Злых Сил.

Генерал Махони не принадлежал ни к одному из этих типов. Он действительно носил полевую форму, и на плече у него действительно висел виллиган. Но зад его комбинезона был потерт от долгого сидения, его виллиган, благодаря службе безопасности, еще не видел боя — пока, а сам он с головы до пят был украшен коричневой грязью и розовыми и лиловыми потеками.

Таанцы наконец-то сумели триангулировать положение командного центра Махони и нанесли по нему воздушный удар.

Вражеские такшипы подавили огнем немногие остававшиеся зенитные установки, и штаб остался без прикрытия. За несколько секунд до того, как одна из таанских ракет ударила в командный транспортер, телохранители вышвырнули генерала Махони из кабины на улицу. Взрыв — и он полетел носом прямо в грязь.

Когда еще через полминуты, продолжая налет, подошла вторая волна такшипов, Махони уже искал убежище. Любое убежище. Генерал нашел его, головой вперед нырнув в частично разрушенный женский салон красоты. А точнее, в развалины отдела косметики. Вот оно, объяснение розовому и лиловому.

У салона красоты был большой подвал, который показался Махони весьма подходящим для нового командного центра. Связисты подтащили резервные линии связи, и Махони вернулся к управлению своими войсками, одновременно уныло разглядывая свое отражение в валяющемся на полу расколотом зеркале.

В комнату вошел один из техников.

— Сообщение, сэр. Из Имп-Цена. А еще вам просили передать вот это.

Имп-Цен — Имперский Центральный Штаб, Прайм-Уорлд. А чемоданчик, доставленный Махони, содержал самое ненавистное генералу средство передачи секретной информации.

Махони просмотрел сообщения. Первое — обычный фиш. Единственная странность — в доставленном вместе с ним чемоданчике. Внутри, за срабатывающим по отпечатку пальца замком, находились одноразовые кодовые таблицы. Отправитель зашифровывал сообщение, пользуясь одной таблицей, а получатель расшифровывал его с помощью второй. После использования обе таблицы уничтожались. Старая, испытанная и до сих пор нераскалываемая система.

Махони ненавидел кодировать почти так же, как торжественные парады.

Второе сообщение прибыло на несколько ином носителе. В подчиненном Махони отделении связи была всего дюжина таких устройств — принимающий фиш, запечатанный в маленькой пластиковой коробочке.

То, что попадало на этот фиш, мог увидеть один только генерал Махони. Маленькая впадинка на стенке коробочки идентифицировала отпечаток пальца генерала и сразу же запускала воспроизведение. Как только палец отпускался или через тридцать секунд после окончания сообщения, фиш самоуничтожался.

Махони знал, что полученные им сообщения крайне важны. И почти наверняка содержат плохие новости. Первое, зашифрованное на одноразовых пластинах, скорее всего содержало императорские приказы. Отложив чемоданчик в сторону, генерал коснулся пальцем впадинки на коробочке.

Внезапно в комнате, на куче обгорелых платьев, возник Вечный Император — разумеется, его голографическое изображение.

— Ян, — начал он. — Мы живем в мире страданий. Я уверен, что ты запустил этот ролик раньше, чем прочитал приказы, и потому я вкратце скажу, что тебя ждет.

Я не могу тебе помочь.

У меня нет кораблей. У меня нет и войск, которые я мог бы послать тебе на выручку.

Полагаю, ты уже и сам догадываешься об этом. Во всяком случае, рассматриваешь такую возможность. Чего там возможность!.. Ты знаешь это наверняка! Иначе Хорошие Парни уже давно парили бы в вашем небе.

Сперва вкратце о твоих приказах. Я хочу, чтобы Гвардия держалась на Кавите до последнего патрона. Только исчерпав все пути сопротивления, она может сдаться врагу. Те гвардейцы, кому удастся ускользнуть и продолжить борьбу, получают на то мое благословение. Однако в случае их поимки мне вряд ли удастся заставить таанцев обращаться с ними как с военнопленными, а не с партизанами. Я, конечно, постараюсь, но... Впрочем, ты этого, наверное, ожидал.

Теперь главное. Я послал к вам десять быстроходных лайнеров. Отправьте на них гражданское население. Все, какое еще осталось в Кавите. И я хочу, чтобы ты тоже вернулся.

Тебе, Ян, это будет не легко. Я приношу в жертву твои части. Но я не собираюсь губить то, чем на самом деле является Гвардия.

До прибытия лайнеров у тебя есть шесть дней, считая с момента получения тобой этого письма. Я хочу, чтобы ты собрал мне отряд. Твои лучшие офицеры, специалисты, самый опытный обслуживающий персонал — все они должны эвакуироваться на лайнерах. Дивизия Гвардии погибнет на Кавите. Но мы возродим ее на Прайм-Уорлде, и она снова отправится в бой.

Я сказал «мы», и я действительно имею в виду «мы». Ты станешь командиром новой Гвардии. А это значит, ты тоже должен быть на борту одного из лайнеров.

Это приказ, генерал Махони. Я не жду, что он вам понравится. Я не жду, что вы скажите мне спасибо. Но вы должны его исполнить. Приказы для того и отдаются, чтобы их исполняли.

Голограмма замерцала и исчезла. А генерал Махони тупо глядел туда, где еще минуту назад стоял Император.

Затем он открыл чемоданчик, достал одноразовую кодовую таблицу.

«Мне очень жаль, Ваше Величество, — думал он. — Я исполню ваши приказы — все, кроме последнего. Если вы обрекаете моих гвардейцев на смерть, то, черт возьми, как я могу их оставить».

ГЛАВА 71

Стэн и остатки его отряда без приключений добрались до сомнительной безопасности имперских позиций.

Будущее выглядело достаточно мрачным. Стэн знал, что его измученный отряд довооружат, снабдят едой и боеприпасами и снова запустят в мясорубку. Оставалось только гадать, кто погибнет последним. Перспектива — быть убитым, или раненым, или захваченным в плен.

Стэн, как и Империя, не привык к поражениям. Но других вариантов не оставалось.

Он даже не очень удивился, когда дежурный офицер передал ему неожиданный приказ: подразделению предписывалось сдать все оружие, кроме личного, и ждать специального задания.

Самому Стэну следовало прибыть к генералу Махони в ЦТО — Центр Тактических Операций. Прежде чем отправиться к начальству, Стэн ухитрился, выпросив несколько литров воды, побриться и частично умыться. А еще он нашел сравнительно чистый и почти подошедший по размеру полевой комбинезон.

ЦТО все еще находился в подвале салона красоты. Закончив разговор с группой офицеров, которые выглядели не менее потрепанными, чем их генерал, Махони провел Стэна в маленький кабинет, где когда-то располагалась курьерская. Там их уже ждал адмирал Ван Дурман.

Махони кратко ввел Стэна в курс дела. К Кавите приближались десять лайнеров. Им предстояло взять на борт гражданское население и «отборные кадры» Гвардии. Лайнеры сопровождались четырьмя эсминцами — все, что Император мог выделить для этой операции. Таанцы пока не засекли конвой. Прибытие кораблей ожидалось через четыре дня. И теперь внезапно 23-му Флоту вновь понадобились его специалисты. Лишь четыре корабля еще могли выйти в космос: два эсминца, включая «Хушу», один устаревший патрульный бот и «Свампскот». Их следовало как можно скорее привести в боевую готовность. Уцелевшие люди Стэна, собаку съевшие на нестандартном ремонте, направлялись на «Свампскот».

«Интересно получается, — подумал Стэн. — Вот так сразу — и на крейсер». А еще его интересовало, скажут ему, в чем тут дело или нет.

Махони как раз собрался начать объяснения, но тут, впервые за все время, подал голос Ван Дурман.

— Генерал, этот офицер все еще подчинен мне, и я бы предпочел...

Махони поглядел на осунувшегося адмирала, кивнул и вышел из комнаты.

Прислонившись спиной к краю стола, Ван Дурман глядел в пустоту. Голос его звучал сухо и монотонно:

— Нам всем, капитан, рано или поздно приходится столкнуться с проблемой возраста. Чем старше мы становимся, тем меньше нам нравятся любые перемены.

Стэн считал, что его уже ничем не удивить, но, как выяснилось, он ошибался.

— Я очень гордился моим флотом. Я знал, что у нас нет самого современного оборудования и что из-за нашей удаленности от центра Империи нам достаются, порой, не самые лучшие матросы. Но я не сомневался, что мы сила. Да, — кивнул Ван Дурман. — Похоже, я много чего разного думал. Короче, когда вдруг заявляется молодой нахал и говорит, что у меня есть только марионетки для парадов, что моя система командования безнадежно устарела, негибка, бюрократична и глупа, я, естественно, отнесся к нему не слишком доброжелательно.

— Сэр, я никогда...

— Хватало одного вашего присутствия, капитан, — остановил его Ван Дурман, и в голосе его прозвучала едва заметная нотка злости. — Я взял себе за правило никогда не просить прощения. И не собираюсь это правило менять. Я хочу перевести вас и ваших людей на «Свампскот» по одной, весьма простой, причине. Я уверен, что, когда мы попробуем увести отсюда лайнеры, таанцы атакуют нас всеми своими силами. Полагаю, мы понесем тяжелые потери. Весьма вероятно, погибну и я.

«Очень даже возможно», — подумал Стэн.

— Я назначаю вас начальником оружейной части «Свампскота». Согласно установленной подчиненности, вы были бы четвертым офицером по старшинству — после моего первого помощника, главного навигатора и старшего механика. Но сейчас не время для слепого следования традициям, — продолжал Ван Дурман, и голос его снова звучал холодно и безжизненно. — Я довел до сведения всех офицеров, что в случае, если я выйду из строя, командование «Свампскотом» переходит к вам.

Отлично, капитан. Было любопытно, удастся ли мне вас удивить.

Причина моего решения в том, что я больше не доверяю тем офицерам, кого я повысил до их теперешних должностей. Мне кажется, я отбирал их больше по умению держать себя в обществе, по светским манерам и таланту в подхалимаже, чем по умению командовать во время боя. И я сильно сомневаюсь в их способности грамотно действовать в критической ситуации. Вы меня понимаете?

— Так точно, сэр.

— Я также сообщил капитану Халдору, что, хотя формально он и имеет перед вами преимущество по сроку получения звания, в случае моей гибели командовать флотом будете именно вы... Флотом, — с некоторым удивлением повторил Ван Дурман. — Два эсминца, один музейный экспонат и старая калоша... Таковы ваши приказы, капитан. Полагаю, что, если я переживу отступление, меня ждет военный трибунал. Это, наверное, справедливо. Но я не хотел бы закончить мою карьеру полным поражением. Постарайтесь, чтобы «Свампскот» сражался как настоящий боевой корабль, а не как никчемная игрушка глупого старика.

Голос Ван Дурмана дрогнул, и он поспешно повернулся к Стэну спиной.

Беседа явно подошла к концу.

— Да, капитан, еще одно. Личное. Моя дочь передает вам привет.

— Спасибо, сэр. Как у нее дела?

— Бриджит здорова. Она все еще работает со своей новой... подругой. — Дальнейшее Стэн едва расслышал. — Еще вещи, которые я, наверное, не пойму никогда.

Стэн ничего не мог сказать адмиралу. Отдав честь сгорбленной спине Ван Дурмана, он вышел из комнаты.

ГЛАВА 72

Четыре корабля, составлявших теперь весь 23-й Флот, вместе с войсками и гражданским населением, зарылись под землю. Два эсминца устроились в расширенных туннелях метро. Патрульный бот спрятался в разрушенном ангаре. Но скрыть от таанских сенсоров громадный «Свампскот» было не так-то просто.

Стэн не знал, жив ли еще тот инженер, которому пришла в голову мысль об оригинальной маскировке имперского флагмана. Стэн с удовольствием поставил бы ему пива — если, конечно, в Кавите еще оставался этот волшебный напиток.

Два громадных кратера, оставшихся на летном поле после таанской бомбардировки в День Империи, были соедине-

ны между собой, расширены и углублены. В них уложили бетонные настилы. Под покровом ночи, с использованием всех доступных электронных средств, под прикрытием патрулей Гвардии, «Свампскот» встал на свою новую стоянку. Затем над ним установили легкое перекрытие, сверху залитое пластбетоном, из которого техники вылепили точное подобие кратеров. Ни таанские спутники, ни разведывательные корабли не заметили подмены.

Стэн полагал, что на «Свампскоте» его полномочия будут неограниченными. И оказался прав.

Его непосредственные начальники, бывшие протеже Ван Дурмана, решив, что Стэн — новый адмиральский любимчик, из кожи вон лезли, выполняя все его пожелания. Каждое предложение капитана исполнялось словно генеральский приказ.

Своих людей Стэн распределил между всеми отделами «Свампскота». Если ситуация станет совсем паршивой, у него будет хотя бы по одному надежному существу в каждом подразделении.

Он убрал корабельный информационный центр, который одновременно являлся и резервным командным постом, из кормовой «пагоды». Не без удовольствия, он занял под него офицерскую столовую, спрятанную глубоко внутри «Свампскота».

Громче всех возражали, разумеется, не сами офицеры, а их многочисленные прихлебатели. С мстительной радостью Стэн переводил официантов, барменов и денщиков с их уютных должностей в орудийные расчеты, где, как всегда, не хватало людей.

Это было очень весело — вплоть до того момента, когда Стэн вспомнил, что рано или поздно этот летающий гроб с этим экипажем пойдет в бой. По его оценке, против таанского крейсера «Свампскот» продержится порядка четырех секунд. И половину этого времени, если он столкнется с «Кисо» или «Форезом».

По требованию Махони Стэн временно отпустил Килгура на «гражданскую» службу.

Алексу приказали переодеться в цивильное и дали официальный пост заместителя мэра города Кавите. Тот, кто занимал это место до него, или исчез или погиб. Как, впрочем, и сам мэр.

Когда — и если — прилетят лайнеры, у них будет очень мало времени на погрузку беженцев. Подумав, Махони и Ван

Дурман согласились, что в подобной ситуации нет места личным амбициям. И потому выбрали для работы с населением лучшего человека, какого только смогли найти. Невзирая на ранги и звания. Им стал Алекс Килгур.

Под его начало отдали довольно много офицеров и обслуживающего персонала Первой гвардейской. Килгур даже удивился такой массированной поддержке. Он ведь не знал, как не знали этого и все остальные, что Махони постепенно выводил из боя лучшие кадры — готовил их к отправке на Прайм-Уорлд.

Но если предстоящая эвакуация части войск не была тайной для начальника штаба Махони и его заместителей, то о намерении генерала нарушить личный приказ Императора знал только один человек — сам Махони. Он твердо решил остаться на Кавите и разделить судьбу своих людей.

Что же касается Килгура, бедняга сбился с ног, организуя отправку. Гражданских следовало вытащить из их убежищ, разбить на группы, определить место и очередь посадки на лайнер.

Сейчас Килгур находился на одном из сборных пунктов.

Два насмерть перепуганных ребенка цеплялись за его ноги, еще одного малыша он держал в руках. Одновременно Алекс пытался слушать и разбираться сразу в нескольких монологах.

— ...моя Дейдре не пришла, и я очень...

— ...Мистер Килгур, нам надо обсудить, какие городские архивы следует вывозить в первую очередь, а какие...

— ...Хочу к маме!

— ...ваше поведение просто необъяснимо, и я хочу знать, кто ваш начальник, и немедленно...

— ...вы здесь главный, вот и скажите мне, чем мы с парнями можем помочь...

— ...как представителю власти, я заявляю вам категорический протест против подобного обращения со стороны ваших солдат...

— ...когда мы будем в безопасности, моих адвокатов наверняка очень заинтересует тот факт, что...

— ГДЕ МОЯ МАМА?!!

Килгуру очень хотелось оказаться сейчас в каком-нибудь тихом и спокойном месте. Ну, скажем, в передовой траншее во время очередной таанской атаки.

* * *

В штаб поступило кодированное сообщение — до Кавите лайнерам оставалось двенадцать часов полета.

В машинном зале «Свампскота» Стэн тщетно пытался понять, почему второй третий двигатель крейсера упорно не желает выходить на полную мощность.

Забравшись под одну из дюз, он слушал монотонную ругань второго инженера (не из любимчиков Ван Дурмана и вполне компетентного в своих вопросах). Одновременно Стэн пытался замерить, похоже, никогда не измерявшиеся напряжения питания и тут вспомнил, что еще пять минут тому назад ему следовало быть на совещании в командном центре.

Пулей вылетев из машзала, Стэн бросился к выходному люку. Времени переодеться не оставалось.

Снаружи, на летном поле, он нашел выделенный ему гравитолет. Водитель решил немного перекусить, и на его поиски Стэну потребовалось еще минут десять.

К тому времени, когда гравитолет подлетел к траншее, ведущей в штаб Махони, он уже очень сильно опаздывал. Опаздывал, зато был жив.

Это был слепой запуск.

Таанцы, разумеется, понимали, что имперцы в Кавите зарылись под землю. Но точного местонахождения жизненно важных центров и позиций они не знали. Имея практически неограниченный запас ракет и снарядов, они могли позволить себе стрелять наобум. Удерживаемый имперцами пятачок был так мал, что, куда не попади, все причинишь какой-то вред.

Тем временем к разрушенному салону слетались старшие офицеры имперских сил. Махони прекрасно понимал опасность. Собирать весь командный состав под одной крышей было весьма рискованно, однако обойтись без этого совещания Махони никак не мог.

Прижимаясь к земле, таанская ракета пересекла линию фронта и незамеченной проскользнула мимо зенитных батарей. В двух километрах от городской черты она, следуя заложенной программе, набрала высоту и начала поиски подходящей цели.

Особого выбора у нее не было. Скорее всего, ракета вернулась бы к исходным установкам и нанесла удар в случайно

выбранную точку в центре города. Но тут ее приемники засекли обрывок радиосообщения.

Передавал один из командиров генерала Махони. Перед тем как войти в штаб, он с поясного передатчика послал «Вас понял» в свою бригаду.

Ракете большего и не требовалось.

Махони успел сказать:

— Через шесть часов большинство из вас уже будет в космосе. Вот что должно произойти...

И тут, пробив верхние этажи салона и все защитные настилы, ракета взорвалась в сантиметрах над самим подвалом.

К моменту прилета Стэна, салон красоты больше всего напоминал бойню.

Из подвала навстречу Стэну выбрался один из телохранителей Махони. С ног до головы залитый кровью, он стонал и что-то невнятно бормотал. Не останавливаясь, Стэн кинулся вниз.

Там были одни трупы. И умирающие. Генерал-майор Ян Махони лежал на боку. Его челюсть была раздроблена, лицо залито кровью. Он задыхался.

Стэн повел кистью, и ему на ладонь выскользнул кристаллический нож. Он осторожно перевернул генерала на спину, затем аккуратно сделал трехсантиметровый надрез на горле Махони. Потом второй, соединив его с первым. Отогнув ткани, он очистил дыхательное горло.

Хрипя и булькая кровью, Махони снова начал дышать.

Стэн схватил толстый электрический кабель, отрезал небольшой кусок и вытащил жилы из внешней изоляции. Получившуюся полую трубку он через разрез засунул в горло Махони. Вытащив индивидуальную аптечку, зафиксировал трубку и наложил повязку.

Махони выживет... если позволят его остальные раны.

Махони суждено было остаться в живых. Даже смешно, что все так обернулось, ведь генерал планировал остаться на Кавите и погибнуть вместе со своими людьми. Вместо этого его, как сравнительно легко раненого, эвакуируют в первую очередь.

В подвал вбежали санитары, и Стэн поднялся на ноги.

Он огляделся.

Рядом весело улыбался командир 23-го Флота адмирал Ван Дурман.

Стэн подумал, что особых причин для веселья он не видит. Что смешного в том, что у адмирала не хватало верхней

половины черепа, и серые мозги, по цвету почти совпадая с его седыми волосами, вытекали наружу. Кроме того, Ван Дурман лишился некоторых частей тела, таких, как правая рука, левая кисть, и, что, вероятно, более существенно, туловища от ребер до самого низу.

«Похоже, у меня снова появился корабль, — подумал Стэн. — Посмотрим теперь, как выполнят адмиральские холуи последние приказы Ван Дурмана».

Стэн зря волновался. Первый помощник «Свампскота», главный навигатор и старший механик тоже мертвыми лежали в руинах салона красоты.

Капитан Стэн только что получил под свое начало весь 23-й Флот.

ГЛАВА 73

Вот уже три дня воздух над городом Кавите напоминал вермишелевый суп. Это было частью плана эвакуации. Лайнерам не только придется незамеченными проскользнуть мимо таанских патрулей на Пограничных Мирах (это они уже сделали), но и, приземлившись, остаться невидимыми достаточно долго, чтобы успеть загрузить на борт беженцев.

Подавляющее превосходство в воздухе настроило таанцев на благодушный лад. Они были не так бдительны, как им следовало бы, использовали не все возможности своих сканеров и не так часто, как полагалось, проверяли собранную автоматикой информацию.

Клубы дыма, окутывая город, препятствовали визуальному наблюдению, а «вермишелевый суп» блокировал сигналы всех остальных сенсорных систем.

Эту «вермишель» придумали давным-давно, еще до рождения Вечного Императора. Первоначально она представляла из себя мелко нарезанные полоски алюминия, забивавшего помехами отражений экраны примитивных радаров. Современная «лапша» была куда сложнее. Она наглухо блокировала не только все виды радаров, но и лазерные и инфракрасные детекторы. А еще она была практически невидима — тысячи и тысячи полосок могли бы запросто пролезть в игольное

ушко. Взорвав в верхних слоях атмосферы несколько баков с этой «лапшой», Гвардия сделала пространство над городом недоступным для вражеских сенсоров. Дышать в этом супе, однако, было не слишком приятно.

Когда их сенсоры разом ослепли, таанцы встревожились. Но шло время, ничего не менялось, и они решили, что имперцы всего лишь пытаются отсрочить неизбежное. Да и зачем им сенсоры? Таанцы и без того отлично знали, где находится противник. В общем, облака «лапши» стали привычным атрибутом Кавите, на который никто не обращал большого внимания.

А потом появился новый повод для беспокойства.

Расположенные в глубоком космосе патрули засекли внезапное появление крупных имперских сил. Сенсоры, как это не невероятно, показывали, что к Кавите приближаются два полных имперских флота. Два флота, которые по всем разведанным не могли существовать.

Таанские корабли по тревоге ушли в космос.

Разведка не ошибалась. Единственный имперский отряд в этой части пространства оставался в резерве. Таанцев «атаковали» четыре эсминца — те самые, что сопровождали лайнеры к Пограничным Мирам. Четыре эсминца и тысяча с лишним маленьких беспилотных дронов.

Дроны представляли из себя ракеты типа «Спуф», по уши напичканные электроникой и по всем параметрам, кроме визуального наблюдения, дававшие отклик, как настоящий боевой корабль.

И на этот раз Империи повезло.

Построив свои суда в боевой строй, леди Этего ринулась в атаку.

А лайнеры беспрепятственно опустились на Кавите.

Их, разумеется, засекли наземные силы таанцев. Но к тому времени, когда эта информация достигла леди Этего, она была уже в шести часах от планеты. К тому же, как она полагала, у нее были проблемы почище транспортов с подкреплением имперским войскам.

Лишь еще через час она узнала, что на самом деле представляли из себя имперские флоты.

Семь часов на эвакуацию планеты...

Тупорылые торпеды лайнеров Сулламоры опустились на поле базы Кавите, в пыль дробя своим весом камни и кирпичи.

Пришло время в деле испытать разработанный Килгуром план эвакуации.

Всех эваков, как называл их Алекс, разбили на группы по пятьдесят человек в каждой, в основном гражданские, и немного мужчин и женщин, которым предстояло стать костяком новой Гвардии. Эвакам позволялось взять с собой только то, что они могли унести в маленьких заплечных рюкзачках.

И вот погрузка началась.

Стэн нервно ходил по капитанскому мостику «Свампскота». На экранах перед ним грузились транспорты и серело небо, куда им предстояло в скором времени подняться.

Стэн чувствовал себя голым. Дело в том, что располагалась рубка в одной из двух «пагод», выступавших за пределы корабельной брони. Стэну казалось, что он находится на сцене, а не своем боевом посту. Да и не привык он как-то к таким просторам. Рубка была двухэтажной, с огромными экранами на стенах. Фосс, которого капитан поставил во главе электронщиков «Свампскота», находился от него в двадцати метрах.

Стэн следил за толпами беженцев и молился всем известным и неизвестным ему богам, чтобы погрузка успела завершиться до возвращения таанцев. А еще он нашел в своей молитве местечко для друга: попросил, чтобы Алекс тоже оказался на борту.

Погрузка продолжалась, а хронометр неумолимо отсчитывал минуты до того назначенного момента, когда «Свампскот» и лайнеры должны будут покинуть Кавите.

В своей молитве Стэн заодно решил упомянуть и Бриджит. Пусть и она улетит отсюда. Что же касается Махони, то Стэн своими глазами видел, как упакованного в спаскапсулу генерала погрузили на один из транспортов.

Шли последние секунды.

Экраны показывали летное поле, пустое и серое, под затянувшими все вокруг облаками черного дыма.

Рядом со Стэном возник унтер-офицер Алекс Килгур.

— Все готово, парень, — сказал он. — Погрузка закончена.

Стэн коснулся висящего у него на груди коммуникатора.

— Всем судам. Это «Свампскот». Старт!

Тучи пыли поднялись над бетоном, когда лайнеры, включив Юкавы, взмыли в небо.

— По команде... главный двигатель... три... два... один... ноль!

Лайнеры и четыре корабля сопровождения — все, что осталось от 23-го Флота, — исчезли.

А внизу таанцы начали последний штурм.

Менее двух тысяч солдат Первой гвардейской защищало Кавите. Лучшие бойцы, повинуясь приказу, эвакуировались вместе с гражданским населением. Теми, что остались, командовал начальник штаба, нарушивший тот же самый приказ, которого собирался ослушаться Махони.

Таанцы атаковали волнами.

Они гибли тысячами.

Первая гвардейская полегла на Кавите до последнего человека.

Сбылось пророчество сержанта, под началом которого Стэн тренировался в Гвардии много-много лет тому назад.

— Я сражался за Империю на сотнях разных миров, — сказал тот. — И буду сражаться еще на многих, прежде чем какой-нибудь ублюдок выпустит мне кишки. Меня прикончат, но это будет самое дорогое мясо, которое доведется отведать врагу.

Три штурмовых армии таанцев атаковали Кавите. Одна из них была уже уничтожена. Две другие захватили-таки город. Они победили.

Но при этом перестали существовать как боевые подразделения.

Бриджит Ван Дурман осталась на Кавите.

Из-за нехватки места на лайнерах часть раненых пришлось оставить. Так, не были эвакуированы раненные смертельно и те, кто из-за увечий уже никогда не смог бы вернуться в строй. Кому-то из врачей надо было остаться с ними. Доктор Моррисон стала одним из добровольцев.

И Бриджит.

Первая вражеская граната в куски разорвала двух санитаров, стоявших у входа в подземный госпиталь. Вторая выбила дверь, и взвод таанцев ворвался в ставший больничной палатой подвал.

Доктор Моррисон, безоружная, встала у них на пути.

— Здесь только раненые, — медленно и спокойно сказала она. — Им требуется лечение. Они не солдаты.

— Отойди в сторону, — приказал капитан, командовавший взводом. Он угрожающе поднял виллиган.

— Те, кто здесь находятся, никогда уже не смогут носить оружие...

Очередь виллигана перерезала доктора Моррисон почти пополам.

С диким криком Бриджит бросилась на капитана.

Три выстрела, и все было кончено.

Офицер опустил оружие и повернулся к своим солдатам.

— Имперская шлюха сказала, что здесь никто не сможет оказать сопротивления. Не стоит тратить на них патроны.

Сержант козырнул и поднял свой огнемет.

ГЛАВА 74

Хотя леди Этего и не придавала большого значения церемониям, она сделала все как нельзя лучше. Ей не удалось, как планировалось, принять капитуляцию от генерала Махони, но это не имело большого значения. Подготовленная ею трансляция была достаточно впечатляющей.

Этего стояла перед «Форезом», приземлившимся посреди летного поля базы Кавите. Напротив застыл бесконечный ряд измученных и оборванных пленных.

Леди Этего рассчитывала, что ее ролик попадет прямо в Верховный Совет. Вместо этого ей пришлось иметь дело с одним лордом Ферле.

Скрыв свое удивление, леди Этего доложила о победе.

— Поздравляю, — сказал Ферле. — К сожалению, этого не достаточно.

— Прошу прощения? — подняла брови Этего. — Чего же не хватает?

— Вы одержали победу, леди. Но из своих солдат на Кавите Империя сделала настоящих героев. Их выставили мучениками и предвестниками грядущего поражения таанцев.

— Я знакома с имперской пропагандой.

— Тогда мне даже немного странно, что вы до сих пор не приняли надлежащих мер, — нахмурился Ферле. — В поражении Гвардии не должно быть ни капли победы. Войска на Кавите следует уничтожить окончательно и бесповоротно.

— Так оно и есть, мой лорд.

— А вот и нет, — поправил ее Ферле. — Если хотя бы один имперский солдат вернется с Кавите в Империю, они сумеют поставить все с ног на голову. Их спецы по информации представят наш успех как наш же разгром.

— Ну и пусть. Пограничные Миры все равно принадлежат Таану.

— Не указывайте мне, что делать, леди Этего. Вот ваш приказ. Догоните имперские суда, покинувшие Кавите. Догоните и уничтожьте. Только если не вернется никто... я повторяю, никто... только тогда Император по-настоящему потерпит поражение.

Этего хотела что-то сказать, но потом передумала.

— Хорошо, — наконец кивнула она. — Я выполню этот приказ.

Экран портативного монитора погас, и леди Этего направилась обратно на свой флагман. Она выполнит приказ, но скоро, теперь она это поняла, очень скоро, придет час расплаты для тех таанских правителей, кто ставит бумажные достижения выше реальных побед.

ГЛАВА 75

Два имперских эсминца, уцелевших в фальшивой атаке, соединились с удирающими во все лопатки лайнерами.

Конвой мчался на скорости, во много раз превышающей скорость света, но Стэну казалось, что он тащится словно в кошмарном сне. Ему чудилось, будто он, по пояс увязая в жидкой глине, бежит от какого-то неведомого чудовища. У таанцев не было никаких резонов пускаться в погоню, и тем не менее Стэн не сомневался, что погоня все-таки будет.

Первой жертвой пал старенький патрульный бот. Всего два часа от Кавите — а он уже безнадежно отстал от конвоя.

Будь у него время и место для милосердия, Стэн велел бы эсминцам снять с бота экипаж. Но и того, и другого сейчас явно недоставало.

Когда не хватает милосердия, в голову лезут мысли, полные холодного расчета. Отстающий бот мог еще послужить конвою.

Если таанцы и в самом деле пустились в погоню, гибель этой ржавой калоши станет первым предупреждением.

Холодная и жестокая мысль, но за последние несколько месяцев Стэн повидал слишком много трупов. Все, что Стэн мог сделать, это, по мере своих сил, сберечь жизни живым.

Два современных имперских эсминца Стэн пустил впереди трех колонн лайнеров. В космосе летали не только те таанцы, что остались на Кавите.

«Хуша» капитана Халдора и второй эсминец 23-го Флота шли замыкающими. «Свампскот» летел над лайнерами, на две трети к хвосту колонны. Стэн благодарил судьбу, что экипажи Сулламоры знали свое дело. Во всяком случае, ему можно было не бояться, что транспорты вдруг расползутся в разные стороны. У Стэна сейчас хватало других проблем.

Космические корабли на АМ-2 не скрипят. Чего им скрепеть-то? Никакого напряжения они ведь не испытывают.

А «Свампскот» скрипел.

Идущие со сверхсветовой скоростью корабли не ведут себя так, словно собираются вот-вот рассыпаться на части. Каждый шпангоут древнего крейсера гудел, как будто по нему снаружи бил гигантский молот.

— А мы идем всего лишь на полной скорости, — проворчала Тапия.

Она коснулась большого красного рычага, контролирующего выходную мощность главного двигателя. На рычаге значилось: «ЧЕТВЕРТЬ», «ПОЛОВИНА» и «ПОЛНЫЙ». Затем стоял ручной замок безопасности. Если его поднять, двигатель «Свампскота» мог, во всяком случае в теории, развить «ЭКСТРЕННУЮ» мощность — с гарантией за несколько минут сжигая двигатель.

Стэн, Килгур и Тапия находились в главном машинном зале крейсера. Повысив второго инженера, Стэн отдал Тапию ему в подчинение. Он доверял инженеру, но не до конца. «В случае чего, — сказал он девушке, — сменишь его».

— А если он станет возражать?

Стэн многозначительно поглядел на минивиллиган, висящий у Тапии на поясе.

Унтер-офицер Килгур взял на себя главный орудийный центр, расположенный во второй «пагоде» «Свампскота». Стэн сказал ему, что звание званием, но в случае его гибели командование крейсером Алекс должен взять на себя. Стэн не

знал, имеет ли он право на такое решение. Наверное, все-таки имеет. А если нет, то с этим можно разобраться, когда корабль будет в безопасности.

Сейчас Стэну делать особо было нечего. Команде он разрешил по сменам есть и спать. Прошли времена парадных обедов. Сейчас на «Свампскоте» кормили бутербродами и кофе из термосов, принесенных прямо на боевые посты. Те, кто спал, делал это тут же, не покидая своих мест.

Сдав рубку Фоссу, недавно повышенному до младшего лейтенанта, Стэн отправился в машинный зал.

Там было жарко и грязно. В воздухе противно пахло горелым маслом и жженой проводкой. Ван Дурман, наверное, упал бы в обморок при виде заляпанного металла кожухов и поцарапанных, в пятнах стен, некогда сверкавших ослепительной белизной. Но безукоризненная чистота тоже осталась в прошлом. Просто поддерживать двигатели «Свампскота» в рабочем состоянии и то оказалось почти непосильной задачей.

Стэн еще раз огляделся. Пока все работало гладко — насколько это было вообще возможно. Он двинулся в сторону выхода.

— Капитан, — как-то неуверенно остановила его Тапия. — Можно мне вас кое о чем спросить?

— Валяй.

— Ну, как бы это сказать...

Поняв намек, Килгур заторопился вперед, в одиночестве поднявшись на верхнюю площадку. Тапия терпеливо ждала.

— Капитан, вы помните... там, в форте... когда я сказала, что хотела бы перевестись в другой отряд? Тогда я шутила. Теперь же я говорю это совершенно серьезно. Когда мы дотащим этот чертов драндулет до порта, я подам рапорт о переводе.

Стэн ничего не понимал. Что это вдруг на Тапию нашло?

— Лейтенант, — сказал он. — Если мы дотащим этот гроб до дому, нас всех куда-нибудь переведут. Трудно командовать отрядом такшипов, не имея ни одного корабля... Теперь моя очередь задавать вопросы. Почему ты вдруг заговорила о переводе?

— Я просто почитала имперский военно-морской устав.

— Ну и?

— И там говорится, что тебе круто надерут зад, если ты ляжешь в постель со своим командиром.

— М-да... — только и смог выдавить Стэн.

Тапия ухмыльнулась, поцеловала его в щеку и исчезла за громадами двигателей. Что касается Стэна, то он в глубокой задумчивости поднялся вслед за Алексом.

— Так-так... — протянул тот. — Стой, не двигайся. — И вытер щеку Стэну рукавом своего комбинезона. — Парням, пожалуй, не стоит знать, что их командир заигрывает с подчиненными ему дамами.

— Мистер Килгур, вы забываетесь!

— Тихо, парень. Или я разболтаю эту историю по всему кораблю.

Внезапно у них над головой, проснулся динамик внутренней связи.

— Капитана вызывают на мостик. Капитана вызывают на мостик. Есть контакт.

Слово «контакт» не совсем точно описывало сложившуюся ситуацию.

Капитан патрульного бота успел только, округлив в изумлении глаза, посмотреть на экран, а таанцы уже взяли его в оборот.

Даже не меняя курса, два эсминца дали по боту залп.

— «Свампскот»... «Свампскот»... — схватился за комуникатор капитан бота. — Говорит «Дин». Два таан...

Вражеские ракеты превратили бот в облако радиоактивного газа.

Таанцы знали, что лайнерам не уйти. Рассыпавшись в боевой порядок, они продолжали погоню.

Может, капитан Рэй Халдор и был болваном, но он знал, как и, что еще важнее, когда умереть. Не дожидаясь приказа, он послал «Хушу» вместе со вторым эсминцем навстречу приближающемуся врагу.

Неприятель шел полумесяцем. Эсминцы прикрытия впереди и по бокам. За ними семь тяжелых крейсеров и два линкора, «Кисо» и «Форез».

Второй имперский эсминец погиб практически сразу же.

Но «Хуша», как это ни невероятно, прорвался сквозь заслон эсминцев.

Халдор приказал открыть огонь из всех орудий, выпустить по врагу все ракеты, какие только возможно. Пусковые установки были переведены в режим автоматического огня. Ракеты устанавливались на самонаведение. Нет времени и сил вести их дистанционно.

«Хуша» бешено вертелся, плюясь ракетами во все стороны, и тут первый таанский снаряд угодил ему в корму. Мгновением позже антикорабельная ракета, попав «Хуше» в брюхо, разломила эсминец пополам. Скорее всего Халдор и его люди погибли еще до того, как увидели плоды своих усилий.

Два таанских эсминца, получив серьезные повреждения, поспешно повернули назад. А потом сразу три ракеты дотянулись до тяжелого крейсера.

Со стороны казалось, будто таанский корабль на миг стал прозрачным, затем огненно-красным, бугрящимся вспучивающими обшивку разрывами. А затем там, где он был, не осталось абсолютно ничего.

В самом конце 23-й Флот все-таки сумел показать свои зубы.

Стэну чудилось, что он еще видит на экране радара точки своих только что погибших эсминцев. «Наверно, это послесвечение», — мелькнула мысль.

Стэн думал о том, что дает людям смелость отдать самоубийственный приказ и пойти на смерть, а не спасать свою жизнь поспешным бегством. А еще он гадал, как он сам поступит в такой ситуации. Хватит ли у него мужества пожертвовать не только собой, но и своими друзьями.

Однако формально подобного решения ему принимать так и не пришлось. Время не ждало, надо было командовать.

— Навигация. Орбиту перехвата.

— Есть, сэр... Вычислена.

— Пошел! Двигатели.

— Машинный зал, сэр.

— Экстренную мощность. Сейчас! Мистер Фосс, всем надеть скафандры.

— Есть, сэр.

— Оружие... К черту. Дайте мне общую связь.

Фосс переключил комуникатор на общекорабельную трансляцию.

— Говорит капитан. Мы идем в бой. Все орудийные расчеты — действовать самостоятельно.

Фосс уже держал перед капитаном скафандр. Вставив ноги в штанины, Стэн натянул плечи и сунул руки в рукава.

— Идем в атаку, — тщательно подбирая слова, продолжал он. — Идем в атаку на таанский флот. Нам противостоят по крайней мере два линкора. Мы должны их прикончить.

Под конец ему следовало бы сказать что-нибудь возвышенное, благородное, что-то вроде «Родина нас не забудет», но Стэну упорно ничего не приходило в голову. Отключив комуникатор, он повернулся к Фоссу:

— Дай-ка мне командира наших передовых эсминцев.

Экран монитора прояснился, показав капитанский мостик одного из имперских кораблей.

— Капитан, — начал Стэн. — Конвой ваш. Мы постараемся задержать плохих парней.

— Сэр, я прошу...

— Нет. У вас есть приказ. Оставайтесь с лайнерами. «Свампскот» передачу закончил... Фосс. Ремонтный отсек.

— Ремонтный отсек слушает, — раздался в динамиках чей-то неторопливый и протяжный голос. — Что требуется?

Стэн даже пожалел, что не знаком с этим офицером. Ему хотелось бы подружиться с тем, кто так хорошо держится перед лицом неминуемой смерти.

— Выпустите атмосферу.

— Сделано, сэр.

В скафандрах люди станут менее ловкими, зато вакуум уменьшит повреждения от вражеских ракет.

— Оружие. Как дистанция? Дотянем?

— Еще немного, капитан.

И «Свампскот» пошел в свой первый и последний бой.

Возможно, таанцы стали слишком самоуверенными. Или, что вероятнее, они просто не приняли всерьез атакующую их древнюю калошу.

«Свампскот» действительно олицетворял уродство корабельной архитектуры. Ему и в самом деле было место на корабельном кладбище. Но вооружен он был до зубов. В передней части — Беловская лазерная система, на носу и на корме — пусковые установки «Гоблинов». Тут и там разбросаны вспомогательные лазерные орудия, а крупнокалиберные «Чейны» опоясывали кошмарного вида бугры на корпусе. Главным оружием крейсера считались давным-давно устаревшие антикорабельные ракеты типа «Видал». Их на «Свампскоте» было две, и располагались они посередине корабля, как раз между «пагодами».

Заметив на экране радара три заходящие на боевой курс таанских эсминца, Килгур нажал кнопку и активировал Бе-

ловский лазер. Эта система так же устарела, как и корабль, на котором она стояла. Лазер тут не только управлялся роботом, но и рассказывал о своих действиях только устно.

— Вражеский корабль в пределах досягаемости, — сообщил монотонный синтезированный голос.

Килгур нажал кнопку «ОГОНЬ».

Лазерный луч прорезал борт таанского эсминца, и система решила, что цель уничтожена. Не спрашивая у Килгура согласия, она переключилась на второй эсминец.

— Первая цель уничтожена... атакую вторую цель, — с некоторым опозданием сообщил робот.

Точным попаданием он превратил машинный зал эсминца в груду оплавленного металла.

— Вторая цель повреждена... Корректирую прицел.

Килгур быстро нажал кнопки «ОТМЕНА» и «НОВАЯ ЦЕЛЬ». Эсминец вышел из боя. Этого достаточно.

Вероятно, обидевшись на то, что люди вмешиваются в его дела, лазер, переключившись на импульсный режим, быстрым стокатто отперфорировал борт третьего эсминца. И сообщил об этом далеко не сразу.

«Трое готовы, — подумал Килгур. — Остался всего миллион».

Прорвавшись сквозь заслон эсминцев, «Свампскот» шел в самое сердце таанской эскадры.

Было на крейсере оружие, не подвластное Килгуру, — громадные «Кали», разработанные для такшипов Стэна. Их и осталось-то всего три штуки. Решив ими воспользоваться, Фосс и Килгур смастерили для них на «Свампскоте» импровизированную пусковую установку. Фосс клялся и божился, что не сможет провести контрольные цепи в оружейный центр. Куда проще, говорил он, установить центр контроля прямо на капитанском мостике.

Стэн почти не сомневался, что Фосс врет. Ему наверняка хотелось самому стрелять по врагу, а не просто сидеть за экранами. Стэн это мог понять. К тому же, у Алекса и так будет хлопот полон рот с уже установленными, древними и зачастую барахлящими оружейными системами.

Фосс подключил контрольный шлем к своему скафандру. На центральном экране, заполняя его от края до края, блестела громада «Кисо». Фосс включил экран на максимальное увеличение.

— Сэр, «Кали» готова. Цель... цель... поймана.

— Пуск, — приказал Стэн, не ожидая никаких особенных результатов.

В линкор так просто не попадешь.

«Кали», виляя из стороны в сторону, отвалила от «Свампскота» — сказывалось отсутствие направляющей трубы, как в такшипе. Затем, набрав скорость, ракета устремилась к «Кисо».

И тут «Свампскот» получил первое ранение.

Таанская ракета прорвала тонкую обшивку капитанского мостика, вышла из-под контроля, вернулась в космос и взорвалась в каких-то пятидесяти метрах от корабля. Взрыв превратил изящную «пагоду» в лепешку.

Но Стэн этого не знал. Он почувствовал страшный удар, его отшвырнуло в сторону, ударило о пульт, и прямо перед собой сквозь большую дыру он без всякой электроники увидел нос таанского эсминца и вспышку новой, выпущенной по «Свампскоту» ракеты.

В шлемофонах затрещало.

— Приготовиться, — раздался голос Килгура. — Приближающаяся цель... цель взята... ну, давай... Готово.

«Фокс» сбил таанскую ракету, а следовавший за ним «Гоблин» превратил вражеский корабль в кучу летящих во все стороны обломков.

С трудом поднявшись на ноги, Стэн оглядел разрушенную рубку. Все мертвы, без сознания или выброшены в открытый космос.

Чуть оправившись, он включил микрофон.

— Говорит капитан. Перевожу командование на резервный командный центр. Ремонтный отсек. Изолируйте капитанский мостик.

Проковыляв к люку, Стэн вручную открыл его и пошел дальше.

А снаружи бесцельно кружила «Кали». Ей дали цель, но структура команды была не закрыта, и ракета не знала, что ей теперь делать. Она ждала дальнейших указаний.

Капитанский мостик являл собой прекрасный образчик монументальной скульптуры под названием, скажем, «Технократия и трупы». Потом одна из фигур пошевелилась.

Это был Фосс.

Он посмотрел на гладкий металл там, где следовало бы находиться его ногам. Умный скафандр автоматически загерметизировался, отсекая остатки связок и мышц.

Боли Фосс не чувствовал.

Подтягиваясь на руках, он добрался до контрольного пульта. Тот еще дышал. Переключившись на неповрежденную резервную цепь, Фосс вновь слился со своей ракетой.

И «Кали» опять повернула к «Кисо».

Таанский офицер-зенитчик видел взрыв на «Свампскоте», видел, как «Кали» начала свое бесцельное кружение. Связав эти два факта воедино, он приказал системе управления огнем «Кисо» игнорировать более не представляющую опасности ракету.

И тут «Кали» ожила! Рука офицера еще тянулась к пульту, когда она ударила линкор в дюзы.

Мощный взрыв разворотил хранилище АМ-2, и антиматерия волной покатилась по кораблю.

«Кисо» исчез в одной адской, беззвучной вспышке.

Фосс еще успел заметить вспышку света, озарившего внутренность рубки. Он увидел, как все кругом стало красным, и понял, что это его собственная кровь, заливающая лицевой щиток шлема. Больше его глаза уже ничего не видели, и он замертво рухнул на пульт.

Прежде чем Стэн добрался до резервного центра управления, «Свампскот» получил еще три ранения.

Стэн упорно двигался вперед. Он молил богов, чтобы к тому времени, как он доберется до центра, ему еще было бы чем командовать.

«Весьма необычно, — думал он, когда коридор перед ним начал гнуться и закручиваться спиралью. — Наверное, это галлюцинация... Но я вроде бы не ранен».

Стэну ничего не почудилось. Одна из ракет угодила рядом со шпангоутом, и «Свампскот» действительно погнуло.

Стэн с трудом пробирался сквозь закрученный винтом коридор. Взрыв за взрывом сотрясали корпус крейсера.

Вот станция первой помощи. Один из медиков Стэна все еще стоит с руками в отверстиях хирургической спаскапсулы. Рядом с ним — санитар с инструментами в руках и сам пострадавший в капсуле. Все мертвы.

Вот отсек, залитый огнетушительной пеной. Сенсоры явно взбесились и принялись вовсю тушить огонь, которого тут не было да и быть не могло. Стэн заметил три облаченные в скафандры фигуры, упорно пробивающиеся к выходу.

Вот временная станция аварийного ремонта и офицер, узнаваемый по черным анодизированным рукам, спокойно отдает указания своим группам. «Интересно, — подумал Стэн, — это тот самый невозмутимый тип, с которым я разговаривал перед боем, или кто-то другой?»

А затем он нашел коридор, ведущий в РКЦ, прошел два шлюза и вновь взял на себя командование «Свампскотом».

Трещали приемники связи. Техники изо всех сил пытались сдержать хаос и установить на корабле некое подобие порядка.

— Носовые «Гоблины» на запрос не отвечают. Расчеты молчат.

— Резервный машинный зал сообщает, что повреждения под контролем.

— Управление носовой лазерной системой потеряно.

От «Свампскота» осталось немного. Но впереди, заполняя экраны, и теперь уже безо всякого увеличения, маячил «Форез». Флагман леди Этего. Линкор извергал огонь, стреляя из всего, что только могло стрелять. Чем угодно, как угодно, но остановить «Свампскот».

В шлемофонах раздался совершенно неуставной вопль:

— Вот тебе конфеточка, падла!

Это Килгур выпустил по линкору два «Видала», один дистанционно управляемый, а второй спаренный с первым. И обо они нашли свою цель.

Для горения нужен кислород — и пламя прокатилось по полным воздуха коридорам «Фореза». Взрыв сорвал со стены карту в тяжелой деревянной раме и, словно детской игрушкой, запустил ею в адмирала Деску. Его труп, с надвое раскроенной головой, припечатал леди Этего к контрольному пульту. Ударившись шлемом о стену, Этего потеряла сознание. Пришла в себя она только много позже, уже после окончания сражения. Командование «Форезом» перешло к капитану корабля. Бой продолжался.

Теперь пришел черед «Свампскота» принимать удары.

Тяжелые удары, почти смертельные. Одна из ракет, пробив броню, попала в машинный зал. Тут-то ее оператор и нажал на кнопку «ВЗРЫВ». Машинный зал исчез в море солнечного огня.

Находившаяся в соседнем отсеке Тапия на чем свет стоит кляла датчики температуры двигателей. Она молила всех

богов на свете, чтобы датчики врали, и при этом знала, что их показания абсолютно правдивы. В момент взрыва крохотный кусочек шрапнели повредил в ее отсеке гидравлический шланг сверхвысокого давления. Струя гидравлической жидкости, вырвавшись наружу со скоростью больше десяти тысяч футов в секунду, перерезала Тапию пополам не хуже хирургической пилы.

Сохраняя прежние скорость и курс, «Свампскот» прекратил ускорение. Двигатели больше не работали.

Два корабля, «Форез» и «Свампскот», приближались друг к другу. Остальные таанские суда ничего не могли сделать. Слишком велик был риск попасть в другой корабль.

Линкор уже навис над «Свампскотом», когда «Чейны» наконец нашли себе цель.

«Чейны», опоясывающие бугры на корпусе крейсера, могли пригодиться только против наземных войск или малоудаленных атмосферных целей; в космосе корабли просто не сближаются на расстояние их дальности боя. Но сейчас до «Фореза» было рукой подать. И имперские канониры нажали на спусковые крючки.

Снаряды обрушились на линкор, словно консервным ножом вскрывая его броню.

Стэн молча стоял у командного пульта. Приказывать ему было нечего.

Еще один взрыв потряс «Свампскот», и Стэн едва не упал. Хлопнул, открываясь люк, и в командный центр ввалился Килгур.

— В оружейной я не нужен, — пояснил он. — Ничего не работает. Мы что, берем это дерьмо на абордаж?

Его голос по-прежнему звучал небрежно.

Луч лазерной пушки вспорол стену центра, и Стэн на секунду потерял сознание. Очнувшись, он непонимающе осмотрелся.

Где дежурный офицер?

А, вот он — лежит с обломком стального прута в лицевой пластине шлема.

На пульте еще светились два экрана. Один показывал исчезающие вдали корабли конвоя, другой — все еще плюющуюся огнем раскуроченную громаду «Фореза».

А где Алекс? Он, наверно, знает, что теперь делать.

Стэн споткнулся о скафандр. Килгур лежал ничком у его ног. Наклонившись, Стэн проверил личные датчики. Все нули.

Качаясь, Стэн подошел к все еще работающей панели комуникатора. Его закованные в перчатки руки нашли выключатель, и он начал передачу.

— Y... Y... Y...

Общепринятый сигнал капитуляции.

Неужели они никогда не перестанут стрелять? Неужели они не получили сигнал?

И «Форез» прекратил огонь.

Привалившись к пульту, Стэн ждал появления абордажного отряда таанцев. Хотя, возможно, они и не станут подниматься на «Свампскот». Быть может, они просто отойдут на удобное расстояние и расстреляют умирающий корабль.

Стэну было уже все равно.

Он очень устал убивать.

СОДЕРЖАНИЕ

При дворе Вечного Императора
5

Флот обреченных
295

Поклонники Орсона Скотта Карда, это для Вас!

Новые встречи с любимыми героями, новые приключения в бесконечных просторах космоса ждут Вас в серии «Новые координаты чудес».

Читайте роман ***«Дети разума»*** — продолжение саги о легендарном полководце Эндрю Виггине!

Читайте роман ***«Тень Эндера»*** — и вы сможете по-новому взглянуть на первую книгу знаменитой эпопеи!

Читайте ***«Сагу о Вортинге»*** — и вы встретите нового героя, бросающего вызов глубинам космоса во имя спасения человечества!

Все это — в серии

«НОВЫЕ КООРДИНАТЫ ЧУДЕС»!

И еще одна встреча с Орсоном Скоттом Кардом и его героем — Эндрю Виггином: читайте ***«Советника по инвестициям»*** в антологии ***«Далекие горизонты»***, составленной знаменитым писателем Робертом Силвербергом — в серии

«ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ»!

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва а/я 140
АСТ — «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru **http://www.ast.ru**

Литературно-художественное издание

Коул Алан
Банч Крис

При дворе Вечного императора
Флот обреченных

Фантастические романы

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина
Младший редактор А. С. Рычкова

Подписано в печать 20.02.01.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 3670.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Это — один из самых знаменитых сериалов за всю историю «боевой фантастики».

Это — сага о войнах и воинах.

Точнее — о войне одной, разбившейся на войны многие, выхлестнувшейся на десятки разных планет.

Точнее — о воине одном. О Стэне. О смелом парне, чья профессия — сражаться. Сражаться снова и снова. И каждый новый бой будет чуть более жестоким, более безнадежным, более ненужным, чем предыдущий!

Это — ОЧЕНЬ ЖЕСТКАЯ ФАНТАСТИКА. Фантастика резкая, «мужская», лишенная сантиментов. Фантастика — по-хорошему резкая и масштабная.

Вы уже читали «Стэна» и «Волчьи Миры»?
Тогда прочитайте «Флот обреченных» и «При дворе Вечного императора»!
Не пропустите!

ISBN 5-17-004955-2

9 785170 049554